This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

UC-NRLF
B 4 570 844

Digitized by Google

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY OF CALIFORNIA.
GIFT OF
Dr. Litman
Class 833 P729 K

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

РУССКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ.

СОСТАВИЛЪ

ЛЕВЪ ПОЛИВАНОВЪ.

Polivanov

ЧАСТЬ II,

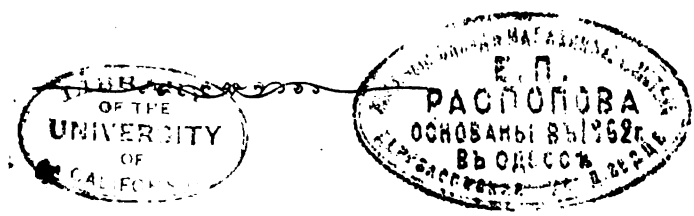
ДЛЯ III и IV КЛАССОВЪ СРЕДНЕУЧЕВНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Одобрена въ 6-мъ изданіи Ученымъ Комитетомъ М. Н. П., какъ пособіе при обученіи русскому яз., для 3-го и 4-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, т. е. *гимназій* (*мужскихъ* и *женскихъ*) и *реальныхъ училищъ*; для *учительскихъ семинарій* и *учительскихъ институтовъ*.

Рекомендована Учебнымъ Комитетомъ при IV Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи.

Изданіе седьмое, дополненное.

(Тексты вновь провѣрены по изданіямъ авторовъ.—Правописаніе согласно съ руководствомъ Академіи Наукъ).



МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова (бывшая М. Н. Лаврова и К°.),

Леонтьевскій переулокъ, домъ Лаврова.

1886.

Digitized by Google

Digitized by Google

PG2117
R272
1885
v.2
MAIN

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый отдѣлъ подраздѣленъ на статьи:

1) для синтактическихъ упражненій, въ связи съ объяснительнымъ чтеніемъ, и для заучиванія наизусть. Само собою разумѣется, что для синктактическихъ упражненій назначаются здѣсь только статьи прозаическія; стихотворенія помѣщены здѣсь для сближенія съ ними при объяснительномъ чтеніи. Заучивать наизусть полезно и тѣ и другія. Для письменныхъ работъ прозаическія статьи этой группы могутъ быть употребляемы такъ: учениками составляются (на темы, для того удобныя) по образцу ихъ статейки, аналогичныя имъ по логическому составу. Такія упражненія пріучаютъ учениковъ наблюдать за логической послѣдовательностію составляемыхъ предложеній и разстановкой знаковъ препинанія, ею обусловленныхъ (.;:). [1])

2) Для письменнаго изложенія и подражаній. Здѣсь сгруппированы и размѣщены по степени трудности описанія, расположеніе коихъ отличается простотою и безыскусственностію. Форма такихъ описаній—разсказъ видѣннаго, единственно желательный въ первыхъ опытахъ сочиненій, до знакомства съ логическими понятіями въ V-мъ классѣ. Въ число этихъ образцовъ съ намѣреніемъ допущены лишь статьи слога, близкаго по своей простотѣ къ разговорному. Такимъ слогомъ должны писаться первые опыты въ *сочиненіяхъ*. Лишая руководства въ свободномъ изложеніи мыслей и исключительно заставляя писать слогомъ періодическимъ, мы лишили бы учениковъ на первыхъ порахъ необходимой въ сочиненіяхъ непосредственности.

Излагать всѣ статьи 2-й группы нѣтъ необходимости: я смотрю на такую работу, какъ на приготовительную къ *подра-*

---

[1]) См. правила употребленія этихъ знаковъ препинанія въ моемъ «Русскомъ Синтаксисѣ, для II, III, IV и V классовъ» 1885 г., §§ 89—93 и 183—185.

Digitized by Google

жаніямъ статьямъ ея; достаточно написать два-три такихъ изложенія, чтобы перейти къ подражаніямъ.

3) Для объяснительнаго чтенія, устнаго и письменнаго изложенія и извлеченія.

Статьи 3-й группы, болѣе сложныя, представятъ значительныя трудности даже для *изложенія* ихъ или *извлеченія* изъ нихъ. Для этого онѣ должны предварительно прочитываться и объясняться въ классѣ. Онѣ также размѣщены по степени трудности.

4) Стихотворенія читаются, объясняются и произносятся наизусть—упражненіе для выработки выразительнаго произношенія. Кромѣ этихъ стихотвореній, могутъ для того же служить нѣкоторыя басни (см. отд. II-й) и баллады и выбранныя мѣста изъ поэмъ (см. отд. III). Части поэмъ, не заучиваемыя наизусть, равно и отрывки изъ отдѣла IV (романы и повѣсти), и въ особенности статьи отдѣловъ V-го и VI-го полезно пересказывать устно. Цѣль такого пересказа—развитіе устной рѣчи, пересказъ нуженъ и какъ средство удостовѣриться, что дѣйствительно статьи прочитаны и поняты вѣрно. Считаю возможнымъ достигнуть того, чтобы ученики въ теченіе двухъ лѣтъ прочитали подъ такимъ контролемъ всѣ статьи этихъ отдѣловъ: это послужитъ хорошимъ подспорьемъ для изученія теоріи поэзіи въ слѣдующемъ классѣ и для знакомства съ русскими поэтами, доступными возрасту учениковъ III и IV классовъ.

Письменныя изложенія прозы Пушкина и Карамзина должны болѣе всего содѣйствовать усвоенію литератрнаго языка. Такія изложенія еще до изученія теоріи слога сообщаютъ учащимся хорошія привычки въ выборѣ словъ и построеніи предложеній.

Л. П.

Digitized by Google

О хрестоматіи, какъ руководствѣ при ученіи отечественному языку въ среднихъ классахъ учебныхъ заведеній.

Вмѣсто предисловія къ 1-му изданію.

„Авторы помогаютъ согражданамъ лучше мыслить и говорить".

Карамзинъ.

Цѣль изданія сей хрестоматіи двоякая: 1) доставить матеріалъ, нужный для изученія языка на второй его ступени въ послѣдовательномъ порядкѣ гимназическаго курса, насколько это есть дѣло хрестоматіи, и 2) дать избранный матеріалъ для чтенія.

Начну съ первой цѣли.

Въ 3-мъ и 4-мъ классахъ выдвигается на первый планъ синтактическій строй отечественной рѣчи. Обучаясь грамматикѣ, ученикъ узнаетъ синтактическіе законы языка: изучая статьи хрестоматіи, онъ долженъ видѣть, какъ у образцовыхъ писателей примѣнены эти законы къ логическимъ и художественнымъ цѣлямъ. Краткія прозаическія статейки I-го отдѣла [1]) назначены для этой классной работы. Познавая синтактическіе законы изъ нарочно для того приспособленныхъ грамматическимъ руководствомъ примѣровъ, ученикъ еще исполняетъ половину дѣла; онъ долженъ подъ руководствомъ учителя примѣнить свои синтактическія знанія къ объясненію читаемыхъ статей; вникая въ мысли ихъ, наблюдать технику ихъ синтактическаго строя *неразрывно съ полнымъ объясненіемъ содержанія статей*. Такой работы не могутъ замѣнить «разборы» по случайно раскрываемымъ страницамъ прозы; для нея нужны статьи, изъ коихъ каждая составляетъ одно опредѣленное цѣлое. Потому мною выбраны отрывки, составляющіе *цѣлое* не только по реальному содержанію ихъ, но и *по логической обработкѣ авторами этого содержанія:* въ каждой изъ нихъ одна ясно выраженная мысль и ее исчерпывающее развитіе. Прослѣдить, какъ для того употреблены авторомъ синтактическія средства (начиная отъ расположенія мыслей по предложеніямъ простымъ и сложнымъ, главнымъ и придаточнымъ, и кончая употребленіемъ красной строки и другихъ знаковъ препинанія) — значитъ сдѣлать тотъ синтактическій разборъ, который уже возможенъ и, по моему, обязателенъ на этой ступени языкоученія.

Указанный мною синтактическій анализъ подобныхъ статеекъ, изъ коихъ большая часть, вслѣдствіе своего логическаго построенія, имѣетъ незамѣнимый характеръ разсужденій, есть важное подспорье для первыхъ опытовъ собственныхъ *сочиненій* учениковъ. Если разбирать и заучивать наизусть ученикъ будетъ прозаическія статейки лишь столь совершенныя въ архитектоническомъ отношеніи, то успѣхъ его въ изложеніи собственныхъ мыслей значительно обезпеченъ. Шагъ за шагомъ, сначала воспроизводя ихъ письменно слово въ слово, потомъ сознательно отступая отъ текста въ нѣкоторыхъ частностяхъ, онъ перейдетъ къ подражаніямъ ихъ формѣ въ изложеніи близкихъ, но иныхъ мыслей, и такимъ образомъ при первыхъ же собственныхъ опытахъ, избѣгнетъ той распущенности слога, которая остается навсегда у многихъ учениковъ, не обладающихъ врожденнымъ дарованіемъ.

---

[1]) А именно статьи 1-й группы этого отдѣла.

Digitized by Google

Вторая изъ упомянутыхъ мною цѣлей—возвратить хрестоматіи значеніе, какое европейская дидактика неприкосновенно сохраняетъ за нею, начиная отъ XVI в. (когда она носила имена Electa, Eclogae, Flores, Florilegium) вплоть до нашего времени, т. е. значеніе антологіи, сборника лучшихъ произведеній авторовъ. Къ сожалѣнію, наша учебная литература, въ погонѣ за различными цѣлями (не такъ давно—стремясь дать подъ этимъ именемъ энциклопедіи различныхъ знаній, позднѣе—научить грамматикѣ или стилистикѣ), обратила хрестоматію въ рядъ статей, выбранныхъ не во имя ихъ литературныхъ достоинствъ, но по самымъ разнообразнымъ постороннимъ соображеніямъ.

Не такъ понимаетъ хрестоматію европейская школа. Тамъ эта книга есть сборникъ лучшихъ произведеній отечественныхъ прозаиковъ и поэтовъ, съ 1-го класса до старшаго изучаемыхъ въ классѣ отеч. языка. Доставляя каждому возрасту изъ этихъ произведеній то, что ему доступно, школа считаетъ дѣломъ національной чести, одною изъ важнѣйшихъ задачъ учебно-воспитательныхъ обогащать умъ воспитанниковъ сокровищами отечественной литературы. Удивительно ли, что, дойдя до класса, гдѣ проходится теорія прозы и поэзіи, каждый ученикъ уже настолько знакомъ съ литературными произведеніями, изъ коихъ множество невольно сохранены его памятью, что познаніе самыхъ этихъ формъ становится для него дѣломъ легкимъ, которое не отнимаетъ времени отъ другихъ, болѣе важныхъ задачъ класса отечественнаго языка? Въ старшихъ классахъ ему вручаются памятники національной старины и новѣйшей литературы не въ жалкихъ отрывкахъ, но въ цѣльныхъ изданіяхъ. Комментированіе и бѣглое чтеніе ихъ—тамъ считается достойнымъ дѣломъ школы, *воспитывающей* своихъ учениковъ.

Въ возрастѣ учениковъ 3-го, а въ особенности 4-го класса, направленіе вкуса при чтеніи опредѣляется съ замѣтною силою, нерѣдко съ исключительностію, которая заставляетъ задуматься и преподавателя русскаго языка, и воспитателя. Въ возрастѣ, предшествующемъ этому, такая рѣзкость въ опредѣленіи вкусовъ замѣчается рѣже, развѣ у немногихъ дѣтей, предупредившихъ развитіемъ свой возрастъ. Въ лѣтахъ же переходныхъ къ юношескому возрасту это явленіе общее. Здѣсь-то время выдвинуть передъ воспитанникомъ, ищущимъ удовлетворенія эстетическимъ инстинктамъ своимъ, лучшія произведенія нашей изящной словесности, сдѣлавъ строгій, сообразный съ возрастомъ выборъ ихъ нихъ. Если школа не заботится объ этомъ, воспитанникъ указаннаго возраста самъ пускается на поиски. Не различая при чтеніи образцовыхъ писателей доступнаго отъ недоступнаго, перелистовавъ или перечитавъ бѣгло полное собраніе изъ сочиненій, въ концѣ концовъ разочаровывается въ этихъ писателяхъ; не испытавъ никакого удовлетворенія при ихъ чтеніи, получаетъ ложное убѣжденіе въ маломъ ихъ интересѣ и—что всего хуже—сохраняетъ это убѣжденія до возраста позднѣйшаго, когда наступаетъ время для болѣе полнаго пониманія этихъ писателей. Первое ложное впечатлѣніе, полученное имъ, мѣшаетъ ему снова приняться за прочитанное и убѣдиться въ своей ошибкѣ.

Полныя изданія русскихъ писателей недоступны этому возрасту; неопытный читатель легко теряется среди массы летучихъ замѣтокъ писателя, драгоцѣнныхъ для его біографа и вводящихъ читателя въ будничную, далеко не поэтическую сторону жизни поэта. Произведеніе, которое и произвело бы на юнаго читателя сильное впечатлѣніе, и запало бы ему въ душу, если бы было предложено своевременно и было бы имъ прочтено подъ руководствомъ учителя, здѣсь теряетъ всю свою силу среди массы произведеній посредственныхъ или не оконченныхъ, или недоступныхъ.

Не много выигрываетъ воспитанникъ этого возраста, знакомясь съ лучшими произведеніями поэтовъ и изъ хрестоматіи, расположенной по системѣ *исторической* или *теоретической*. Точка зрѣнія, какую имѣетъ составитель такой хрестоматіи, сильно вліяетъ на выборъ статей ея и побуждаетъ его дать значительное мѣсто произведеніямъ устарѣвшимъ и такимъ, которыя, имѣя интересъ историческій, не представляютъ никакихъ достоинствъ эстетическихъ,

Google

а очень часто и весьма посредственнымъ переводамъ иностранныхъ писателей... Полезная въ рукахъ юноши, подъ руководствомъ учителя изучающаго исторію или теорію словесности, такая хрестоматія теряетъ всякое значеніе въ рукахъ мальчика, приступающаго къ чтенію съ полною непосредственностію. Много ли найдетъ онъ здѣсь произведеній, которыя придутся ему и по плечу, и по вкусу? Полагаю, что каждый учитель, преподававшій въ тѣхъ классахъ, о которыхъ я говорю, испытывалъ затрудненіе при выборѣ піесъ для чтенія съ учениками, если въ рукахъ ихъ находится одна изъ тѣхъ полныхъ историческихъ и теоретическихъ хрестоматій, какія нерѣдко даютъ въ руки ученикамъ чуть ли не всѣхъ классовъ, начиная съ 3-го. Съ другой стороны ошибочно было бы пользоваться здѣсь хрестоматіями для низшихъ классовъ. Что годно для 1-го класса, плохо вяжется съ тѣмъ, что нужно 3-му, а тѣмъ болѣе 4-му классу. Желая удовлетворить требованіямъ нѣсколькихъ классовъ, такія хрестоматіи обыкновенно не удовлетворяютъ ни одному изъ нихъ, напрасно увеличивая только размѣръ книгъ.

Для указаннаго возраста нужна своя книга. Ограниченность умственнаго кругозора учениковъ и техническія затрудненія при чтеніи, которыя связываютъ составителя хрестоматіи 1-го и 2-го классовъ, здѣсь не имѣютъ уже мѣста. Предполагаю ученика 3-го класса вполнѣ побѣдившимъ затрудненія въ механизмѣ чтенія; предполагаю въ немъ и достаточную устойчивость воображенія, и пытливость ума. Русская хрестоматія должна дать направленіе обѣимъ этимъ способностямъ, начавъ съ этого нѣжнаго возраста быть руководительницей его вкуса при чтеніи.

Русскій классъ, уже въ этомъ возрастѣ, долженъ быть *преддверіемъ въ сокровищницу отечественной словесности*. Здѣсь, подъ руководствомъ учителя, ученикъ пріобрѣтаетъ умѣніе остановиться на мысли читаемаго произведенія и дать отчетъ въ тѣхъ образахъ, которые предлагаетъ оно, запечатлѣваетъ ихъ въ своемъ воображеніи, и этимъ самымъ собираетъ достойный матеріалъ для собственной мысли.

Насколько далеко отъ такой цѣли преподаваніе, ограничивающееся уроками грамматики и требованіемъ заучить нѣсколько стихотвореній «ради упражненія памяти»—можетъ видѣть каждый. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, подобное выполненіе программы по русскому языку въ среднихъ классахъ гимназій явленіе весьма нерѣдкое въ нашей практикѣ [1]). Ложное отношеніе къ произведеніямъ словесности не ограничивается средними классами гимназій. Не научившись читать доступныя произведенія въ лѣта, столь важныя по пробуждающейся потребности къ чтенію, не получивъ къ нимъ вкуса, нашъ гимназистъ не читаетъ ихъ и въ лѣта юношескія, когда по требованію курса словесности старшихъ классовъ сразу приступаетъ къ оцѣнкѣ этихъ произведеній. *Ни разу не отнесшись къ нимъ, какъ внимательный читатель, прямо становится ихъ критикомъ.*

Справедливость требуетъ сказать, что въ послѣднее время было заявляемо не разъ о необходимости сдѣлать въ старшихъ классахъ предметомъ изученія самыя литературныя произведенія отечественныхъ писателей. Одновременно съ уничтоженіемъ исключительно теоретическаго метода обученія языку и замѣной его методомъ практическимъ, было введено у насъ и изученіе литературныхъ произведеній; но изученіе ихъ было предложено *вмѣсто* теоріи слога, прозы и систематическаго ознакомленія съ исторіей литературы; то, что было измѣненіемъ метода въ преподаваніи грамматики, должно бы было быть далеко не измѣненіемъ одного метода въ области словесности.

---

[1]) „Ученье наизусть стихотвореній признается почти всѣми составителями программъ однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ къ обогащенію ученика языкомъ запасомъ. Къ сожалѣнію это прекрасное теоретическое убѣжденіе не вездѣ находитъ усердное примѣненіе на практикѣ. Въ большей части случаевъ надобно было удивляться, какъ мало ученики помнили изъ русскихъ классиковъ".

(Къ рѣчи о преподаваніи русск. языка и словесности въ гимназіи, С. Шафранова).

Digitized by Google

Между тѣмъ это понималось и къ сожалѣнію до сихъ поръ въ большинствѣ случаевъ понимается, какъ измѣненіе метода. Потому это нововведеніе встрѣтило порицаніе въ учебной практикѣ, и исказившіе въ классѣ словесности одной изъ преподававшихся прежде систематически наукъ, и не находя ихъ въ новомъ учебномъ предметѣ, указываютъ снова на теоретическій методъ обученія.

Педагогическая литература вступалась за чтеніе авторовъ, не чаще только ради практическаго метода, который неизбѣженъ при ихъ изученіи. На практикѣ литературныя произведенія безпощадно обращались въ грамматическій примѣръ или «образецъ» словесности; при этомъ забывалось, что какъ теорія, такъ и исторія словесности имѣютъ собственный центръ внѣ изучаемаго автора, и невольно влекутъ *къ своему* центру вниманіе учащагося, пріучая смотрѣть на литературное произведеніе, только какъ на *примѣръ* или *источникъ*.

Поэтому непосредственное изученіе литературныхъ произведеній, котораго тщетно добивались программы, получитъ примѣненіе въ учебной практикѣ только тогда, когда будетъ понято, что оно должно составлять *самостоятельное дѣло* русскаго класса и не можетъ быть замѣнено изученіемъ грамматики, стилистики, теоріи прозы и поэзіи или исторіи литературы помощію этихъ примѣровъ.

Не касаюсь здѣсь вопроса: нужно ли изученіе грамматики, стилистики, теоріи прозы и поэзіи или исторіи литературы (думаю, что изучать ихъ нужно, и должно изучать методомъ практическимъ), но отдѣляю этотъ вопросъ отъ другого: нужно ли руководить ученика въ пониманіи читаемаго? и полагаю, что положительное рѣшеніе этого вопроса потребуетъ со стороны учителя извѣстнаго дѣйствія—*чтенія и изученія съ учениками литературныхъ произведеній*.

Только при исполненіи этого требованія литературное произведеніе по праву становится важнымъ образовательнымъ средствомъ и приготовитъ въ ученикѣ человѣка грамотнаго въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Литературное произведеніе есть предметъ сложный; оно есть воплощеніе грамматическихъ, стилистическихъ и логическихъ законовъ, подъ условіями историческими и біографическими, и потому, какъ скоро изученіе его будетъ ограничиваться наблюденіемъ какой-либо одной изъ этихъ сторонъ, *оно* не будетъ предметомъ изученія въ строгомъ смыслѣ этого слова, хотя бы и служило пособіемъ при практическомъ преподаваніи какой-либо науки. Оно даже мѣшало бы усвоенію этой науки. Практическій характеръ метода нисколько не убавился бы, если бы данное произведеніе разнять на части, и каждую изъ этихъ частей помѣстить въ сборникъ, приспособивъ его порядокъ для наблюденія одной изъ сторонъ, указанныхъ выше. Практическій характеръ метода даже выигралъ бы, если бы части многихъ произведеній, подобныя по уясняемому ими закону, были сведены вмѣстѣ; изучаемый законъ науки былъ бы воспринятъ не менѣе сознательно и въ то же время отчетливо, своевременно, и помогалъ бы, въ свою очередь, уясненію другого. Для чего тутъ литературное произведеніе? Почему нужна басня *Василекъ* для изученія наклоненій глагола и обстоятельственныхъ словъ въ предложеніи? Почему нужна Лаврентьевская лѣтопись для знакомства съ древнерусскимъ идеаломъ князя, дружины, духовенства и народа, и не могутъ ли съ успѣхомъ замѣнить ее разсказы по лѣтописи Соловьева и Водовозова? Почему нужно чтеніе Корнелія Непота, Цезаря, Ливія, Цицерона и Тацита, и сверхъ того еще Овидія, Виргилія и Горація, и недостаточно примѣровъ изъ этихъ авторовъ, размѣщенныхъ по §§ грамматики, стилистики, піитики или миѳологіи и исторической хрестоматіи?

Очевидно, литературное произведеніе избрано предметомъ изученія *съ силу своихъ особенностей*, какъ отдѣльнаго предмета. Оно имѣетъ сложное содержаніе и потому непремѣнно послужитъ каждой наукѣ, которая можетъ обратиться за содержаніемъ къ этому произведенію: но образовательная сила его не въ этомъ.

Потому дидактика должна прежде всего оправдать законность какого-либо

Digitized by Google

произведенія въ ряду изучаемыхъ въ школѣ и, какъ скоро законность его оправдана, позаботиться о его сохраненіи отъ натиска практическаго метода, и если она внесла басню Крылова, лѣтопись Нестора или оду Горація въ свою программу наряду съ русской и латинской грамматикой, то пусть даже поставитъ свои требованія при изученіи этихъ произведеній и дастъ хрестоматію, по которой возможно такое изученіе, начиная съ низшей ступени обученія до высшей, гдѣ хрестоматія смѣняется изданіемъ авторовъ.

Нигдѣ такъ не виденъ недостатокъ въ уясненіи читаемаго произведенія, какъ при чтеніи на иностранныхъ языкахъ. Если разсудокъ и воображеніе ученика будутъ упражняемы лишь въ предѣлахъ синтактической связи читаемаго на нихъ, или—выражаясь языкомъ прежнихъ училищъ—«переводимаго» съ нихъ, то занятія этими предметами курса низведутся на изученіе одной грамматики помощію практическаго метода.

Но и при чтеніи отечественныхъ произведеній было бы ошибочно предполагать въ ученикахъ врожденную способность пониманія ихъ безъ помощи руководителя. Эта помощь необходима для сознательнаго чтенія на всякомъ языкѣ: классическомъ, новомъ иностранномъ и отечественномъ. Степень же помощи при чтеніи на отечественномъ языкѣ зависитъ отъ свойства самаго произведенія и отъ возраста учащихся: при чтеніи произведенія искусственнаго, отличающагося архитектоническими достоинствами, она нужнѣе, нежели при чтеніи произведенія безискусственнаго; въ низшихъ классахъ школы нужнѣе, нежели въ высшихъ...

Угадать степень помощи въ уясненіи произведенія дѣло такта учителя, и потому съ точностію она опредѣлена быть не можетъ: свойство самихъ произведеній указываютъ степень необходимости въ разъясненіи ихъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи стоятъ произведенія, имѣющія опредѣленную тему: большая часть прозаическихъ, параболы, басни, стихотворенія дидактическаго содержанія и другія произведенія, мало поэтическія, въ которыхъ образъ служитъ украшеніемъ заранѣе опредѣленной мысли.

Научая понимать читаемое, школа не можетъ быть равнодушною и къ выбору матеріала, на которомъ учитъ чтенію. Литературныя произведенія суть *живыя явленія*, непосредственно дѣйствующія на душу учащагося.

Образовательна и незамѣнима та школа, девизъ которой «результаты добытаго чужими силами, память и правила»: но «если школа не противопоставитъ имъ другой области, гдѣ и учатъ, и вдохновляютъ природа и *живой нравственный міръ*—она не воспитаетъ учащихся и запретъ ихъ въ душную лабораторію, убьетъ дѣятельность душевныхъ способностей».

«Она приготовитъ изъ нихъ, сверхъ того, людей, которыхъ знаніе, пожалуй, даже техническая ловкость и умѣніе находятся въ обратномъ отношеніи съ ихъ производительностію».

Сила литературныхъ произведеній имѣетъ то неоцѣненное свойство *возбуждать мысль* учащихся, которое такъ цѣнитъ дидактика для соразмѣрнаго развитія не только *воспріимчивости* ума, но и *производительной* его способности.

При чтеніи произведеній отечественныхъ, это развитіе *воспріимчивости* существенно отличается отъ развитія ея при чтеніи на языкахъ мертвыхъ: потому и классическая школа не можетъ обойтись безъ указываемаго мною фактора. Новый «Учебный планъ М. Н. Пр.» при перечисленіи занятій русскаго учителя подъ рубрикою «Практическихъ занятій», указываетъ объяснительное чтеніе, ученіе наизусть стихотвореній и выразительное ихъ произношеніе *во всѣхъ классахъ* классической гимназіи. Желательно тщательное исполненіе этого на практикѣ. Изученіе древнихъ авторовъ не замѣнитъ изученія отечественныхъ—такъ же, какъ изученіе послѣднихъ не можетъ замѣнить первыхъ. Оба взаимно дополняютъ другъ друга: продолжительность времени и необходимость остановиться на каждомъ словѣ при чтеніи древняго классика и дать отчетъ въ немъ—возбуждаетъ рефлективную сторону мышленія; самые поэтическіе образы здѣсь уясняются черезъ разсудокъ и потомъ уже переходятъ въ об-

Digitized by Google

лась воображенія; при чтеніи родного поэта наоборотъ: ассоціація представленій, находя начало въ воображеніи, уже послѣ подвергается анализу; тамъ—рефлексія, здѣсь—резонансъ; тамъ—умозаключеніе, здѣсь—ощущеніе; тамъ—спасительная медленность и осторожность воспріятія, здѣсь—его быстрота и смѣлость.

Не менѣе различія въ дѣйствіи обоихъ предметовъ на *производительную* способность учащихся: переводя или излагая древняго классика, ученикъ ищетъ въ родномъ языкѣ выраженія для чужихъ и чуждыхъ представленій; излагая и подражая отечественному писателю, онъ дѣлаетъ опытъ облечь въ форму слова собственныя представленія.

Лучшимъ же средствомъ къ пробужденію *воспріимчивости* и *производительной дѣятельности*, той и другой неразрывно, совмѣстно и одновременно—служитъ *изящное чтеніе* отечественныхъ произведеній. Такимъ чтеніемъ ученикъ воспроизводитъ и то, что выражено, и то, что не выражено въ письменныхъ знакахъ. «Одно и то же предложеніе, смотря по тому, какимъ тономъ оно произносится, на какихъ словахъ помѣщаются въ немъ главныя ударенія, какой видъ мелодіи приняло оно и т. д., вызываетъ изъ глубины души, по законамъ содружества, мысли, которыя образуютъ съ ближайшимъ смысломъ предложенія или контрастъ, или родство, или простое различіе. Эти отношенія, въ свою очередь, даютъ опредѣленное направленіе воображенію и сердечнымъ ощущеніямъ; такимъ образомъ всѣ силы духа приводятся къ дѣятельности»... «Слово, выраженіе безразличнаго представленія о вещахъ, есть старая монета: какъ художественное дѣло духа, оно есть драгоцѣнный металлъ, заново отчеканиваемый въ глубинахъ говорящаго духа. Первая сторона дана въ письменности: вторая можетъ быть дана единственно изящнымъ чтеніемъ. Этотъ методъ удовлетворяетъ вмѣстѣ требованію, чтобы школа развязала языкъ ученика или чтобы по крайней мѣрѣ не связывала его языка, какъ это часто бываетъ, когда школа предрасполагаетъ ученика къ отрывочнымъ воспоминаніямъ словесныхъ формъ, а не къ ихъ живому, непосредственному воспроизведенію. Древніе хотѣли образовать оратора, а мы приготовляемъ нѣмого читателя» [1]).

Предлагаемый томъ хрестоматіи имѣетъ цѣлію дать матеріалъ для класснаго объяснительнаго чтенія, для заучиванія наизусть и выразительнаго произношенія, для бѣглаго чтенія и устнаго изложенія. О томъ, насколько хрестоматія можетъ служить для руководства письменными работами учениковъ, сказано выше. Такъ я старался удовлетворить требованіямъ «Учебнаго плана М. Н. Пр.» и разъясненнымъ мною въ предисловіи къ 1-му тому моей хрестоматіи (для двухъ первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній) задачамъ русскаго класса.

Дабы для читателя не осталось неяснымъ, какого рода употребленіе предлагаемыхъ хрестоматіею произведеній предполагаю я цѣлесообразнымъ для достиженія второй изъ выясненныхъ мною цѣлей, приведу образчикъ тѣхъ объясненій, какія должны сопровождать чтеніе произведеній съ учениками того возраста, для котораго хрестоматія предназначается.

ПТИЧКА (Пушкина).

При чтеніи стихотворенія Пушкина «*Птичка*» (см. № 3 на стр. 83 хрестоматіи) ученики должны бесѣдою быть доведены до пониманія мысли этого стихотворенія:

Въ изгнаніи (на чужбинѣ) поэтъ ищетъ утѣшенія и находитъ его только въ томъ (я сталъ доступенъ утѣшенью), что возвращаетъ птичкѣ свободу (на волю птичку выпускаю). Почему?

Одарить другого и тѣмъ осчастливить его—всегда доставляетъ отраду; чѣмъ болѣе даръ, приносимый нами другому—тѣмъ болѣе чувствуемъ отрады. Лишен-

---

[1]) Юркевичъ („Чтенія о воспитаніи").

Digitized by Google

ний свободы, поэтъ особенно цѣнитъ *ее* (за что на Бога мнѣ роптать, когда....): вотъ почему, недоступный другому утѣшенію, поэтъ находитъ его только въ дарованіи свободы (хоть одному творенію).

УСТАВЪ ВИКИНГА (Грота).

При чтеніи стихотворенія «*Уставъ Викинга*» (см. стр. 27) должно быть объяснено, что это отрывокъ произведенія, въ которомъ изображается героическая жизнь древняго Сѣвера (время ея можетъ быть отнесено къ VIII вѣку). Ученики должны частію сами, частію съ помощію учителя найти именованіе каждому качеству достойнаго скандинава, въ этомъ уставѣ предписываемому, и согласно съ этимъ раздѣлить все стихотвореніе:

1-я строфа—вступленіе.

2-я	»	викингъ предписываетъ	суровый образъ жизни.
3-я	»	»	отвагу передъ врагомъ.
4-я	»	»	неустрашимость передъ природою.
5-я	»	»	умѣренность.
6-я	»	»	сознаніе своего владычества на морѣ.
7-я	»	»	безкорыстіе.
8-я	»	»	храбрость.
9-я	»	»	великодушіе къ побѣжденному.
10-я	»	»	мужественность.

Въ школахъ, гдѣ развитіе учениковъ сдѣлаетъ то возможнымъ, къ чтенію могутъ быть привязываемы и *задачи* для сочиненій даже отвлеченнаго содержанія, но это должно дѣлать методически. Такъ раздѣленіе стих. «Уставъ викинга» можетъ служить къ характеристикѣ древнихъ скандинавовъ, а по сравненіи ихъ съ горцами (см. IV-й отрывокъ изъ «Кавказскаго плѣнника» на стр. 194 и въ поэмѣ «Галубъ» на стр. 184) и съ славянами (стр. 303),—и къ характеристикѣ первобытныхъ народовъ вообще: форму и размѣръ подобнаго маленькаго сочиненія укажетъ напр. ст. 57-я I-го отдѣла (стр. 27).

Послѣ чтенія статеекъ Грановскаго 55 и 59 (на стр. 26 и 28), можетъ быть написано нѣсколько мыслей на тему: «Темныя стороны первобытныхъ народовъ».

Подобное употребленіе статей съ одной стороны даетъ умѣніе обращаться по требованію темы съ матеріаломъ, самымъ опредѣленнымъ, ясно понятымъ (выведеннымъ учениками индуктивно изъ обильныхъ представленій художественныхъ картинъ), и слѣдовательно служитъ формальнымъ цѣлямъ русскаго класса; съ другой стороны—обогащаетъ, чрезъ внимательно и осторожно сдѣланное подъ руководствомъ учителя обобщеніе, умъ учащагося новыми идеями (каковы въ данномъ примѣрѣ: преимущества народовъ образованныхъ; доблести, возможныя для первобытнаго народа), идеями, кои, будучи результатами русскихъ уроковъ, въ свою очередь проясняютъ курсъ исторіи, проходимый тѣми же учениками въ томъ же классѣ. Ассоціація представленій, доставленныхъ уму учащагося въ классахъ нѣсколькихъ родственныхъ предметовъ, есть то необходимое условіе *развитія*, понимаемаго правильно, безъ котораго ученіе не можетъ содѣйствовать образованію. Если преподающій русскій языкъ есть въ то же время и классный наставникъ того класса, гдѣ напр. читались указанныя сейчасъ произведенія, слѣдовательно слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлаютъ его воспитанники одновременно во всѣхъ урокахъ, то его средства содѣйствовать *такому* развитію учениковъ еще богаче: для вывода двухъ-трехъ мыслей, кои составляютъ содержаніе нѣсколькихъ строкъ ученическаго опыта, можетъ привлечь онъ нѣкоторыя черты изъ знакомыхъ ученикамъ главъ Цезаря (читаемаго въ III и IV классахъ). Такое обобщеніе, подъ руками опытнаго учителя, пріучаетъ учениковъ *мыслить*; такое пользованіе читаемыми образцами пріучаетъ ихъ *читать* все съ большимъ интересомъ: такова сила руководства правильной ассоціаціей представленій.

Итакъ произведеніе *читалось* и, слѣдовательно, доставило эстетическое наслажденіе ученику; потомъ оно вмѣстѣ съ другими произведеніями, воспринятыми какъ въ русскомъ, такъ и въ другихъ классахъ, послужило къ обогащенію ума, доказанному на собственномъ *сочиненіи* учениковъ.

КАВКАЗЪ (Пушкина).

При чтеніи стихотворенія Пушкина «*Кавказъ*» (стр. 8) предлагаю такое руководство.

Часть I. Положеніе поэта (1 и 2 строки): онъ въ одиночествѣ (одинъ стою); онъ высоко надъ природою и людьми (на эти оба понятія наводятъ слѣдующія строфы стихотворенія).

Отъ этого *положенія* зависитъ *настроеніе* поэта. Самъ поэтъ не опредѣляетъ этого настроенія. Нужно научить учениковъ извлекать настроеніе поэтовъ въ стихотвореніяхъ, гдѣ самыя чувства не именуются. Такъ здѣсь оно легко опредѣляется, потому что руководитъ выборомъ *изображаемыхъ предметовъ*. Итакъ съ этимъ интересомъ должно приступить къ наблюденію: а) за выборомъ представленій и б) за способомъ ихъ изображенія. И то и другое, какъ увидимъ ниже, въ тѣсной связи съ *положеніемъ* поэта.

Вся картина состоитъ изъ 5 ступеней, изображенныхъ въ ихъ *пространственной послѣдовательности*.

Часть II. Картина Кавказа:

1-я ступень, высшая ступень. Она характеризуется предметами грозными (*потоки*, *обвалы*, *тучи*, *водопады*). Эти предметы теперь ближе всего къ поэту, но все же ниже его. Между ними нѣтъ человѣка. Единственное живое существо, имѣющее доступъ сюда—*величавый орелъ* (который *паритъ* наравнѣ съ нимъ). Поэту открыта здѣсь *тайна рожденія потоковъ и обваловъ* (а люди тамъ, внизу привыкли считать ихъ столь грозными невѣдомыми силами). *Тучи* (не менѣе грозныя для нихъ) поэту здѣсь кажутся *смиренными*.

Рѣдко достается человѣку возможность видѣть такія явленія; это такія новыя впечатлѣнія, они такъ не похожи на обыденную обстановку, встрѣчаемую въ жизни: не удивительно, что это рѣдкое чувство отразится на изображеніи и всѣхъ предметовъ, открытыхъ ему съ той высоты, на которой онъ находится.

2-я и 3-я ступени. Голые утесы («утесовъ нагія громады») и полоса низшей растительности (мохъ тощій, кустарникъ сухой).

Постепенно опуская взоры, поэтъ долго не находитъ той страны, гдѣ привыкъ себя видѣть окруженнымъ красотами. Онъ ищетъ ее и замѣчаетъ, какъ далеко, далеко оставилъ ее подъ собою; ихъ раздѣляетъ эта полоса запустѣнія.

4-я ступень. Картина природы, уже полная жизни. Она изображена привлекательными красками, доставляющею радость животнымъ («птицы щебечутъ», «скачутъ олени»).

5-я ступень. Наконецъ онъ видитъ человѣка. Человѣкъ представленъ въ картинѣ, не менѣе привлекательной («веселыя долины», «злачныя стремнины», «тѣнистые берега»), но человѣкъ здѣсь изображенъ далеко не въ такомъ полномъ наслажденіи природою, какъ птицы и олени на предыдущей ступени. Въ его жизни наслажденіе смѣшано съ заботою («пастырь»); человѣкъ же грозитъ ему опасностію («нищій наѣздникъ таится въ ущельи»).

Часть III. Стихотвореніе заключается изображеніемъ Терека. Поэтъ олицетворяетъ его. И въ этомъ олицетвореніи сказалось болѣе всего личное настроеніе поэта. По закону противоположности сопоставляетъ онъ безсильную борьбу заключеннаго въ желѣзную клѣтку, хотя и сильнаго звѣря («какъ звѣрь молодой, завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной, онъ бьется о берегъ въ враждѣ безполезной») съ собою, поставленнымъ внѣ всякой зависимости отъ какихъ-либо земныхъ силъ: такова связь начала съ концомъ стихотворенія.

Разъясненіе ассоціаціи представленій даетъ ключъ къ опредѣленію настроенія поэта: это—*сознаніе чувства высшей независимости* и *свободы*, ощутивъ

которую, не сожалѣетъ онъ о жизни, оставленной тамъ, внизу, далеко подъ собою; не тяготитъ его и одиночество.

Если было прежде прочитано стихотвореніе Пушкина *Монастырь на Казбекѣ* на стр. 82 (оканчивается стихомъ: «Туда бъ въ заоблачную келью, въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ»!) и III-й отрывокъ изъ «Кавказскаго плѣнника» (стр. 193), который кончается стихомъ: «А плѣнникъ, съ горной вышины, одинъ, за тучей громовою, возврата солнечнаго ждалъ, недосягаемый грозою, и бури немощному вою съ какой-то радостью внималъ»), то возможно указанное выше обобщеніе на сей разъ мыслей о *чувствахъ человѣка, ищущаго уединенія*.

Это чувство можетъ быть сопоставлено съ мыслями Карамзина, при описаніи «Картезіанскаго монастыря» (стр. 23), о необходимости общества для человѣка, и съ статьею Митр. Платона (стр. 38) о томъ же предметѣ и послужить матеріаломъ для небольшого сочиненія, хотя бы въ размѣрѣ одного періода (напр. противительнаго или уступительнаго), на тему: *общество необходимо человѣку* или: *уединеніе необходимо человѣку*.

Съ другой стороны, самая картина Кавказа, сопоставленная съ подобною же картиною въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» и картинами изъ «Героя нашего времени», можетъ послужить матеріаломъ для краткаго, но характернаго *описанія* отрывистымъ слогомъ *природы Кавказа*, гдѣ каждая черта этой страны добывается ученикомъ не изъ памяти, по учебнику географіи, но изъ сокровищницы воображенія, обогащеннаго картинами поэтовъ.

Если затѣмъ сопоставить эти картины Кавказа съ картинами Жуковскаго «Въ Саксонской Швейцаріи» (стр. 10), «Финляндія» Баратынскаго (стр. 12) и Швеціи («При выходѣ изъ рудника» Лермонтова стр. 89), то осязательное обобщеніе найдетъ себѣ примѣненіе, если учитель задастъ написать нѣсколько строкъ на тему: *Горная страна*. Такъ учатся логикѣ прежде логики, приготовляясь къ плодотворному ученію ей впослѣдствіи. Съ другой стороны: какой учитель географіи не поблагодаритъ за такой запасъ представленій и выработанныхъ изъ нихъ понятій—для цѣлей своего предмета?

Я не окончилъ бы, если бы сталъ перечислять всю массу «задачъ», которыя сами просятся каждому: описанія вечера, зимы, осени, лѣта, бури и множества другихъ предметовъ, простыхъ и сложныхъ, какія доставляютъ стихотворенія и проза хрестоматіи. Я не останавливаюсь на нихъ, такъ какъ описаніе не представляетъ затрудненій въ изобрѣтеніи задачъ учителемъ. Хочу показать, что не одни внѣшнія черты предметовъ могутъ и должны давать толчокъ мышленію учениковъ хотя бы и этого возраста.

НОЧЬ (Жуковскаго).

При чтеніи стихотворенія Жуковскаго «*Ночь*» (стр. 96) должно, какъ и при каждомъ стихотвореніи, прійти на помощь неумѣлаго читателя и разъяснить произведеніе приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Стихотвореніе состоитъ изъ 2 частей: 1-я *описательная*; 2-й поэтъ далъ форму *молитвы*.

1-я часть начинается изображеніемъ *наступленія* ночи въ явленіяхъ природы: потухающей зари, темнѣющихъ неба и земли. Эта часть картины отличается простотою, представляя только черты природы *дѣйствительной*.

Тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе образа, который вводится фантазіею поэта среди этой реальной картины: по небу проходитъ богиня (5—8 строк.).

Олицетвореніе ночи заимствовано здѣсь изъ классической миѳологіи, но во внѣшнемъ образѣ только покрывало согласно съ древними изображеніями этой богини: она изображается тамъ въ черной одеждѣ и покрывалѣ, усыпанныхъ звѣздами. Греческая миѳологія понимаетъ Ночь двояко: какъ мать многихъ золъ—несчастной смерти, хулы, горя, обмана,—и какъ богиню милостивую—мать сна и сновъ. На послѣднемъ значеніи основываетъ Жуковскій связь своего олицетворенія съ главною мыслію стихотворенія.

Google

Поэтъ ищетъ успокоенія. Онъ ждетъ его отъ цѣлебной силы сна. Символъ сна у Жуковскаго—сосудъ (фіалъ—φιάλη, сосудъ для возліяній), съ усыпительной влагой, окропленіе которой, согласно обычному значенію въ картинахъ аллегорическаго стиля, посылаетъ забвеніе (ср. «роса забвенія»).

Появленіе ночи торжественно: она идетъ предшествуемая Гесперомъ (здѣсь олицетвореніе вечера съ звѣздой Венерой [1]), которая и украшаетъ его).

Но поэтъ въ послѣднихъ стихахъ оставляетъ холодную аллегорію. Олицетвореніе здѣсь проникнуто неподдѣльнымъ чувствомъ: въ богинѣ поэтъ видитъ—мать: его «молитва» переходитъ въ задушевный «привывъ» томимаго тоской—успокоить его пѣніемъ, какъ нѣкогда мать усыпляла его своей колыбельной пѣсней («Томимую душу тоской, какъ матерь дитя, успокой!») [2]).

Согласно съ разъясненнымъ контрастомъ двухъ частей стихотворенія, должно направить и интонацію при его выразительномъ произношеніи: впрочемъ, понявъ стихотвореніе, дѣти сами прочтутъ его съ нужной интонаціей.

КОГДА ВОЛНУЕТСЯ ЖЕЛТѢЮЩАЯ НИВА... (Лермонтова).

Другое успокоеніе поэта видимъ въ стихотвореніи Лермонтова: *Когда волнуется желтѣющая нива»* (стр. 97).

Форма этого стихотворенія, составляющаго одинъ періодъ, даетъ возможность тѣсно связать синтактическій разборъ съ разъясненіемъ содержанія.

Все стихотвореніе синтактически и логически дѣлится на двѣ части—protasis и apodosis.

I. Protasis. Здѣсь три картины природы.

Карт. 1-я. На 1-мъ планѣ фруктовой садъ, въ которомъ находится и самъ поэтъ, различающій среди листьевъ *сливу*; далѣе лѣсъ, шумъ котораго доносится до его слуха; еще далѣе—спѣющая нива.

Карт. 2-я. Въ рощѣ, весной: вечеромъ передъ закатомъ солнца или же утромъ, уже по его восходѣ.

Предметъ, обращающій здѣсь исключительное вниманіе поэта—*ландышъ*. Онъ олицетворенъ такъ же, какъ и слива въ 1-й картинѣ, но сближеніе поэта съ нимъ тѣснѣе: ландышъ не остается равнодушнымъ предметомъ наблюденія: онъ даетъ знакъ поэту, привѣтствуя его киваніемъ своей головки.

Карт. 3-я—въ оврагѣ.

Предметъ, овладѣвшій всею душою поэта здѣсь—*ключъ*. Фантазія поэта, олицетворяя его, рисуетъ сильнѣйшую степень сближенія съ нимъ; ключъ не ограничивается привѣтствіемъ, какъ ландышъ въ предыдущей картинѣ: онъ говоритъ съ поэтомъ, заставляетъ своей рѣчью забыть все окружающее и, овладѣвъ всѣми мыслями поэта, переноситъ ихъ въ иной край.

Въ этихъ трехъ картинахъ, въ расположеніи которыхъ видимъ градацію *по*

---

[1]) Образъ этотъ заимствованъ Жуковскимъ изъ Матиссона, что объясняется переведенной имъ ранѣе пѣсней этого автора: „Элизіумъ“, гдѣ читаемъ... „въ источникѣ сверкаетъ факелъ Геспера златой“.

[2]) „Ночь“ можетъ быть названа оригинальнымъ стих. Жуковскаго, хотя написана не безъ вліянія „Вечера“ Шиллера (*Der Abend*).

Здѣсь въ 1-й строфѣ — обращеніе поэта къ богу солнца съ мольбою скорѣе опуститься и успокоить томящуюся природу и человѣка:

. . . . . .

Senke, strahlender Gott—die Fluren dürsten
Nach erquickendem Thau, der Mensh verschmachtet...

Въ послѣдней строфѣ Жуковскій успокоивающими объятіями матери замѣняетъ объятія Ѳетиды. Олицетвореніе же ночи тождественно съ Шиллеровымъ:

An dem Himmel mit herauf leisen Schritten
Kommt die duftende Nacht; (ihr folgt die süsse
Liebe. Ruhet und liebet!
Phöbus, der liebende, ruht).

Digitized by Google

степени сближенія поэта съ природою—изображено это сближеніе: вотъ содержаніе ptotasis'a.

II. Apodosis.

Душевное состояніе поэта въ минуты этого сближенія. Оно изображено отрицательно (13 и 14) и положительно (15 и 16 ст.). Отрицательное изображеніе даетъ намъ возможность заключить о *преобладающемъ* настроеніи этого поэта: въ душѣ—тревога, на челѣ морщины (господствующее чувство Лермонтовской поэзіи); положительное изображеніе рисуетъ намъ душу этого мрачнаго поэта въ *эти минуты сближенія съ природой*: онъ и теперь не ощущаетъ счастія, но счастіе другихъ ему становится понятно («и счастье я могу постигнуть»); онъ вѣритъ въ Бога («и въ небесахъ я вижу Бога»).

Мысль стихотворенія легко выражается въ сужденіи: *сближеніе съ природой доставляетъ отраду.*

При произношеніи должно соблюдать повышеніе при чтеніи protasis'a и пониженіе при чтеніи apodosis'a.

БѢСЫ (Пушкина).

При разборѣ стихотворенія Пушкина *Бѣсы*, раздѣленіе стихотворенія на части послужитъ точкой отправленія при разъясненіи его содержанія.

I. *Путникъ самъ съ собою.* Картина метели. Чувство путника—*страхъ* („страшно, страшно по-неволѣ").

Дабы разсѣять страхъ, путникъ обращается къ единственному спутнику—ямщику.

II. *Путникъ и ямщикъ.* Чувство ямщика—то же. Онъ сообщаетъ путнику, что они сбились съ дороги; какъ простолюдинъ, всѣ явленія природы объясняетъ онъ дѣломъ бѣса, дуетъ ли вѣтеръ, ударитъ ли снѣгъ въ лицо („дуетъ, плюетъ на меня"), оступится ли лошадь у края скрытаго подъ снѣгомъ оврага («въ оврагъ толкаетъ одичалаго коня»), увидитъ ли верстовой столбъ въ томъ мѣстѣ, куда невзначай заѣхалъ («верстою небывалой торчалъ»), или же блеснувшіе глаза волка («сверкнулъ искрой...»).

III. *Путникъ и бѣсы.* Картина метели—та же, что и въ 1-й части (поэтъ повторяетъ четверостишіе), но подъ вліяніемъ фантастической рѣчи ямщика путникъ и самъ предается игрѣ фантазіи. Она обращаетъ хлопья снѣга въ коноводъ бѣсовъ; вой вѣтра, смѣшивающійся съ звономъ колокольчика,—въ вой этихъ бѣсовъ. Эти образы занимаютъ теперь его мысли. Картина метели все та же (поэтъ снова повторяетъ 1-е четверостишіе), но чувства путника иныя; прежній *страхъ* (см. 1-ю часть) переродился въ *тоску* («надрывая сердце мнѣ»).

Въ минуту, когда особенно сильно почувствовалъ путникъ свое одиночество среди чистаго поля, онъ обратился съ рѣчью къ ямщику, и это дитя природы своей наивною рѣчью вызвало въ самомъ путникѣ суевѣрные образы, но дѣйствіе ихъ на путника-поэта иное, нежели на ямщика.

Руководясь этой идеей стихотворенія, должно разъяснять отдѣльныя выраженія, даже употребленіе нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ и оборотовъ: такова намѣренная неопредѣленность въ употребленіи мѣстоименія *онъ* (волкъ или бѣсъ?) въ 5-й строфѣ, изображающей переходное состояніе въ чувствахъ путника послѣ бесѣды съ ямщикомъ; таковъ оттѣнокъ насмѣшки, съ какою обращается путникъ къ бѣсамъ, въ противоположность съ благоговѣйнымъ ужасомъ, какой ощущаетъ передъ ними ямщикъ.... Должно усвоить согласное съ этимъ произношеніе стихотворенія.

Укажу на письменную *задачу*, для которой можно воспользоваться чтеніемъ этого стихотворенія. Черты природы, кратко указанныя въ этомъ стихотвореніи, будучи сопоставлены съ картиною метели въ отрывкѣ изъ «Капитанской дочки» и стих. «Зимній вечеръ» того же автора (стр. 239, 241 и 16) дадутъ матеріалъ для задачи: *Описаніе метели.* Сличеніе самыхъ выраженій («снѣгъ летучій» и «ночь мутна»—«мутное теченіе метели», «мглою небо кро-

етъ, вихри снѣжные крутя»; «визгомъ жалобнымъ и воемъ надрывая сердце»— «а вѣтеръ былъ съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ: «то какъ звѣрь она завоетъ, то заплачетъ какъ дитя», «или бури завываньемъ тѣшь, мой другъ, утомлена»; «что тамъ въ полѣ?» и «что тамъ такое чернѣется?»; «кто ихъ знаетъ: пень или волкъ»—«А Богъ знаетъ баринъ; возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится: должно быть, или волкъ или человѣкъ») даетъ возможность только осмыслить синонимическій и даже грамматическій разборъ, который долженъ быть при чтеніи произведеній допускаемъ *только* въ тѣсной связи съ объясненіемъ содержанія, а отнюдь не какъ случайная болтовня, разучивающая учениковъ мыслить.

Въ свою очередь, разъ изученное произведеніе должно послужить непремѣнно къ объясненію другого, если представляетъ къ тому удобное средство: такъ стих. «Бѣсы» много помогаетъ при объясненіи слѣдующаго предложенія въ «Капитанской дочкѣ» (стр. 241): «я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ нимъ въ неясныхъ видѣніяхъ первосонья.»

Насколько отрывки изъ «Исторіи пугачевскаго бунта» и «Капитанской дочки» взаимно объясняютъ другъ друга, я говорить не буду.

ДОРОГА (Полонскаго).

Послѣ стихотворенія «Бѣсы» много выигрываетъ въ пониманіи стих. Полонскаго «*Дорога*», особенно если учитель сохранитъ тотъ же способъ объясненія.

Часть I. *Путникъ самъ съ собою.* Картина степи днемъ. Чувство путника—*тоска* («и тайная меня беретъ *тоска*»).

Дабы разсѣять тоску, путникъ обращается къ единственному спутнику—ямщику.

Часть II. *Путникъ и ямщикъ.* Противоположность простолюдина, которому такъ легко удовлетворить своимъ потребностямъ (хата, колодецъ, крытый дворъ, ужинъ) живо оттѣняетъ настроеніе путника. Здѣсь подготовляется раскрытіе причины его тоски («Давно покой мнѣ нуженъ, но нѣтъ его»). Съ завистью сравниваетъ онъ свое положеніе съ незатѣйливымъ счастіемъ ямщика и тѣмъ сильнѣе чувствуетъ недостатокъ въ покоѣ, въ близкихъ людяхъ («ямщикъ найдетъ себѣ въ хатѣ привѣтъ»), въ домашнемъ углѣ (ямщикъ подъѣзжаетъ къ *своей* хатѣ). Ямщикъ отказывается пѣть, говоря, что «пѣсню бережетъ про черный день,» слѣд. теперь онъ доволенъ.

Часть III. *Путникъ и другой ямщикъ.* Картина ночи въ той же степи. Унылая обстановка („сырая ночь; ни хаты, ни огня)" возбуждаетъ тоску и въ этомъ ямщикѣ. Новая противоположность: ямщикъ—дитя природы—умѣетъ разсѣять свою тоску пѣсней—путникъ лишенъ и этого блага («нѣтъ пѣсенъ у меня»).

Сознаніе далекаго разстоянія, отдѣляющаго путника отъ изображенныхъ имъ людей, усиливающее чувство одиночества—вотъ источникъ тоски путника.

Въ заключеніе приведу образецъ объясненій произведенія *повѣствовательной формы*, одну изъ балладъ Уланда.

РОЛАНДЪ ОРУЖЕНОСЕЦЪ (Жуковскаго).

Память народная сохранила много сказаній о Карлѣ Великомъ (см. Хрестом. стр. 54). Согласно свойству *устнаго преданія* (обстоятельное объясненіе этого понятія см. во введеніи къ «преданіямъ о Карлѣ Великомъ», написанномъ Грановскимъ для дѣтей, стр. 54), они перенесли на эту личность многое изъ быта позднѣйшаго. Въ эпоху рыцарства, о которомъ во время Карла Великаго не было и мысли, поэзія не могла иначе представить себѣ эту героическую личность, какъ въ образѣ рыцаря, окруженнаго дружиною рыцарей же.

Къ преданіямъ о Карлѣ Великомъ примыкаютъ сказанія о Роландѣ, его племянникѣ.

Digitized by Google

Главное лицо нашей баллады—это Роландъ въ пору его нѣжной молодости. Народныя сказанія всѣхъ націй любятъ прославлять подвигъ младшаго изъ героевъ. Мы встрѣчаемъ такое прославленіе въ Библейскомъ сказаніи о Давидѣ и Голіафѣ и въ русской сказкѣ [1]). Они часто изображаютъ его запѣчаннымъ, не имѣющимъ повидимому ничего героическаго ни по лѣтамъ, ни по наружности; самое совершеніе подвига, какъ бы неожиданное для него самого, не цѣнится наивнымъ юношей. Тѣмъ съ большей силой выступаетъ его подвигъ передъ глазами окружающихъ. Мальчикъ Роландъ принадлежитъ къ числу такихъ безсознательныхъ героевъ. Тайный подвигъ его въ разбираемой балладѣ покрываетъ славою его отца Милона, который вслѣдъ за другими богатырями печально возвращался къ Карлу, негодуя на самого себя за свою оплошность: довольствуясь скромною ролью оруженосца. Роландъ водружаетъ на щитѣ своего отца добытый имъ талисманъ, и остается въ полномъ невѣдѣніи своей заслуги.

Вся баллада дѣлится на пять частей.

I. Карлъ побуждаетъ рыцарей овладѣть драгоцѣннымъ талисманомъ, который украшаетъ щитъ великана, живущаго въ Арденскомъ лѣсу.

Строфа 1. Пиръ въ чертогахъ Карла Великаго.
Стр. 2. Рѣчь Карла къ рыцарямъ.
Стр. 3. Сборы 6 рыцарей на подвигъ.
Стр. 4. Просьба Роланда, чтобъ отецъ позволилъ ему быть его оруженосцемъ.

Эта строфа, заключающая скромную рѣчь Роланда, составляетъ живой контрастъ съ предыдущею строфою, начинающеюся рядомъ знатныхъ именъ и оканчивающеюся изображеніемъ рыцарскаго оружія и боевыхъ коней.

II. Поиски великана.

Стр. 5. Рыцари разлучаются.
Стр. 6. Рыцари утомились въ безплодныхъ поискахъ. Милонъ засыпаетъ.

III. Подвигъ Роланда.

А. *Появленіе великана* (стр. 7).

Подъ новыми впечатлѣніями жаждавшая приключеній душа юноши не можетъ успокоиться. Онъ не спитъ. Въ это время появляется великанъ. Появленіе это представлено въ изображеніи необычайнаго дѣйствія свѣта, который распространяется блестящимъ талисманомъ. Обстановкой избрана густая тѣнь лѣса, усиливающая это дѣйствіе.

Б) *Дума Роланда при видѣ великана* (стр. 8).

Въ ней видно безстрашное рѣшеніе юноши. Оно не противорѣчитъ вполнѣ искреннимъ словамъ его въ строфѣ 4-й: «Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ.» Не признавая и теперь въ себѣ силъ совершить подвигъ, онъ наивно полагается на силу оружія и коня отца своего.

В) *Роландъ вооружается* (стр. 9).

Здѣсь впервые оказывается физическая ловкость молодого богатыря такъ же, какъ въ предыдущей строфѣ сила его духа. Но поэтъ не называетъ его сильнымъ; эпитетъ руки, «взявшей длинное копье Милона и закинувшей за плечо его крѣпкій щитъ» — только „смѣлая“; этимъ эпитетомъ Жуковскій обозначаетъ ту легкость, съ которою Роландъ распоряжается оружіемъ своего отца. У Уланда нѣтъ и этого эпитета.

Г) *Презрительная рѣчь великана* (стр. 10).

---

[1]) Одно нѣмецкое сказаніе о Зигфридѣ, не вошедшее въ пѣснь о Нибелунгахъ (Lüben u. Nacke Lesebuch, IV Th.); испанское сказаніе о Сидѣ (см. о немъ въ примѣчаніяхъ къ „Сиду“ Жуковскаго): „Роландъ-дитя“, баллада Уланда, основаніемъ которой послужили испанскія новеллы Д. Маріанн де-Карабаяль и Сааведра (Einführung in die deutsche Literatur v. Lüben u. Nacke. III, 363).

Digitized by Google

Въ его словахъ рисуется дѣтская фигура Роланда, такъ противорѣчащая съ огромнымъ оружіемъ и ковемъ его отца.

Д) *Вызовъ Роланда* (стр. 11).

Въ немъ слышна дѣтская вѣра въ это оружіе. Въ его рѣчи нѣтъ и тѣни хвастовства: онъ сознается въ своемъ ничтожествѣ, прямо выражая эту вѣру спесивому великану. Если Жуковскій и заставляетъ мальчика сказать, что онъ стоитъ «смѣло» за тяжелымъ щитомъ, то у Уланда эта строка еще въ большемъ согласіи съ прочими словами мальчика: «У меня щитъ длиненъ и широкъ — тѣмъ лучше онъ укроетъ меня». («Hab'ich die Tartsche lang und breit, kann besser sie mich decken»). Въ вызывающихъ словахъ ребенокъ даже не отдѣляетъ себя отъ этихъ доспѣховъ: «Отвѣдай насъ». Онъ говоритъ о нихъ, какъ о живыхъ существахъ: «ужъ мы другъ другу окажемъ въ честь тебя услугу.»

Е) *Бой* (стр 12—15).

Стр. 12: 1-й ударъ. Въ изображеніи боя Жуковскій значительно отступилъ отъ оригинала. У него конь спасаетъ Роланда отъ перваго удара великана («но конь Роландовъ отпрыгнулъ»). У Уланда съ первыхъ шаговъ Роландъ самъ проявляетъ свое искусство: «Молодой Роландъ успѣлъ таки повернуть своего коня въ сторону» («Jung Roland schwenkte schnell genug sein Ross noch auf die Seite»). Менѣе значенія имѣетъ слѣдующее отступленіе: По Уланду брошенное рукою Роланда копье «отскакиваетъ къ нему назадъ отъ чудеснаго щита» («Von dem Wunderschilde sprang auf Roland sie zurücke»); у Жуковскаго оно осталось съ остріемъ, погнутымъ силой талисмана, въ щитѣ пронзенномъ великана.»

Первые удары не рѣшаютъ боя.

Стр. 13. Роландъ отбиваетъ щитъ. Какъ въ предыдущей строфѣ Роландъ спасъ себя отъ гибели не силою, но проворствомъ, такъ здѣсь онъ отбиваетъ мечъ помощью той же ловкости, хотя долженъ былъ обѣими руками взять тяжелый мечъ отца; онъ предупреждаетъ ударъ мѣшковатаго (unbehend) противника. Жуковскій опускаетъ эту черту великана, приписывая его неудачу постороннему обстоятельству: тому, что мечъ его крѣпко стиснутъ былъ ножнами.

Стр. 14. Роландъ низвергаетъ великана. Жуковскій измѣнилъ въ этой строфѣ взаимное положеніе бойцовъ. У Уланда бросившійся за щитомъ великанъ получаетъ ударъ въ колѣно; у Жуковскаго Роландъ даетъ ему ударъ *по ногамъ въ догонку.* Вообще пораженіе великана у Жуковскаго изображено сильнѣе и живѣе: по Уланду только «потерявшій присутствіе духа», у Жуковскаго великанъ «завылъ отъ боли»; его стремленіе за щитомъ, «отлетѣвшимъ прочь» («Hand und Schild entrollten»), уже само по себѣ есть бѣгство: лишившись волшебнаго щита, великанъ не нападаетъ на удальца и бѣжитъ за щитомъ, схвативъ который своей единственной рукою, не могъ уже онъ продолжать боя. Потому ударъ «по ногамъ въ догонку» согласнѣе съ правдою, нежели ударъ въ колѣно (in das Knie ihn stach). Жуковскій живѣе рисуетъ и образъ этого чудовища при его паденіи. Лишенная опоры и того блеска, какой сообщалъ ей свѣтящійся талисманъ, эта масса живо рисуется воображенію «черной глыбой». (У Уланда просто: «падаетъ на землю»).

Ст. 15. Роландъ овладѣваетъ талисманомъ. Здѣсь Жуковскій опускаетъ дѣтскую черту въ характерѣ Роланда («Roland das lichte Kleinod brach und freute sich am Glanze»), который у автора «любуется блескомъ камня».

Стр. 16. Онъ возвращается къ спящему отцу.

IV. Роландъ скрываетъ отъ отца свой подвигъ.

По окончаніи боя, не увлекаясь своимъ подвигомъ, Роландъ снова довольствуется ролью оруженосца: онъ моетъ оружіе, ему порученное, и засыпаетъ спокойно.

Стр. 17, 18, 19, 20. Онъ молчитъ о подвигѣ при новыхъ поискахъ великана.

Роландъ не говоритъ отцу ни слова о своемъ подвигѣ даже тогда, когда они подъѣзжаютъ къ мѣсту боя. Ни удивленіе при видѣ расхище-

нія членовъ и оружія убитаго великана, ни горькія слова отца: «я прославлъ честь мою и славу» не могутъ заставить его прервать молчанія: любимая черта героевъ Уланда (ср. «Плаваніе Карла Великаго»), заимствованная имъ изъ народныхъ нѣмецкихъ героическихъ сказаній. Они этимъ рѣзко отличаются отъ героевъ Шиллеровскихъ (ср. «Сраженіе съ змѣемъ» стр. 72), гдѣ поэтъ заставляетъ самого рыцаря повѣствовать о своемъ подвигѣ).

V. Подвигъ Роланда открывается.

Поэтъ обставляетъ этотъ важнѣйшій моментъ изображаемаго дѣйствія сложной сценой. Для этого выводится снова Карлъ Великій и всѣ рыцари, на сборы которыхъ не могъ смотрѣть равнодушно молодой Роландъ въ первой сценѣ, и съ которыми не позволилъ себѣ и сравнить себя, воскликнувъ тогда: «Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ».

А) *Нетерпѣніе и радость Карла.*

Стр. 21. При видѣ перваго изъ нихъ—Гемона—Карлъ съ радостію замѣчаетъ, что на копьѣ везетъ онъ отрубленную голову.

Б) *Сознаніе рыцарей.*

22—26. Но радость его скоро разрушается. Одинъ за другимъ пріѣзжаютъ рыцари съ легко добытыми у убитаго великана трофеями: но они и не скрываютъ этого, горько сознаваясь въ томъ, что кто-то другой предупредилъ ихъ.

Это сознаніе выражается у нихъ съ оттѣнкомъ ироніи [1]):

22. *Гемонъ* съ головою на копьѣ объявляетъ, что ему «врагъ *безъ головы* попался».
23. *Тюрпинъ*, показывая уже разлагающуюся руку, которую пришлось ему завернуть въ тряпицу, говоритъ: «вотъ вамъ дорогія *мощи*».
24. *Нашъ* объявляетъ себя *наслѣдникомъ* великановой дубины, которую завѣщалъ ему тотъ въ часъ кончины.
25. *Оливье* до того нагрузилъ своего коня оружіемъ великана, что тотъ тащится, едва подымая копыта, а самъ рыцарь идетъ уже пѣшкомъ и объявляетъ, что все это снялъ онъ съ мертвеца, но отъ побѣды ему досталось «мало чести».
26. Карлъ еще разъ долженъ обмануться въ своихъ ожиданіяхъ, и на этотъ разъ заодно со всѣми этими рыцарями: вдали показывается *Гваринъ* съ щитомъ великана. Все собраніе встрѣчаетъ его кликами радостной надежды, но они должны обмануться въ ней, какъ и Гваринъ, объявляющій имъ, что не ему удалось «украсть талисманъ».

В) *Торжество отца черезъ подвигъ сына.*

27) Тогда показывается Милонъ, печальный, во враждѣ съ собою. Но за нимъ смиренно ѣдетъ невѣдомый хранитель его чести. Жуковскій самостоятельно воспроизводитъ внутреннія чувства юноши въ этотъ моментъ:

«И свѣтятся, какъ звѣзды ночи,
Подъ шлемомъ удалыя очи».

28. Милону не придется сыграть смѣшную роль подобно другимъ рыцарямъ. Тяжело было ему сознаніе его безчестія, но до униженія повѣствовать объ этомъ безчестіи сынъ его не допускаетъ.
29. На этотъ разъ надежда Карла не обманута. Какъ солнце изъ-за тучи, блеснулъ талисманъ на щитѣ Милона. Все собраніе привѣтствуетъ побѣдителя.
30. Но тотъ, къ кому обращенъ этотъ привѣтственный кличъ и «благоволеніе» Карла, узнаетъ *послѣдній* о причинѣ всеобщаго восторга; желая узнать ее, онъ оборачивается и тогда только видитъ, что талисманъ добытъ. Но если не онъ самъ завладѣлъ сокровищемъ, то съ тѣмъ большею силою онъ долженъ почувствовать восторгъ, что виновникъ подвига—его сынъ.

---

[1]) Форма этой ироніи у Жуковскаго почти совершенно самостоятельна.

Digitized by Google

Подвигъ сына покрываетъ славою и отца. Такое убѣжденіе нисколько не унизитъ его въ глазахъ окружающихъ и тогда, когда всѣ узнаютъ истину.

Съ перваго разу отцу и въ голову не приходитъ, что сынъ совершилъ такой трудный подвигъ. «Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?» спрашиваетъ онъ его. Наоборотъ, сынъ не считаетъ свой подвигъ чѣмъ-нибудь особенно важнымъ. Послѣ вопроса отца, наивнаго отрока болѣе всего заботитъ то, что онъ позволилъ себѣ битву безъ его дозволенія. Въ первый разъ послѣ побѣды прерываетъ онъ свое молчаніе, и то затѣмъ, чтобы извиниться въ своемъ поступкѣ: а поступокъ этотъ—избавленіе отца отъ смерти (когда тотъ спалъ при приближеніи великана) и отъ безчестія [1]).

При объясненіи этой баллады, я прибѣгалъ къ сличенію перевода съ подлинникомъ, дабы показать, для чего я приложилъ къ нѣкоторымъ переводнымъ произведеніямъ русской литературы оригиналы ихъ. Таковы басни Лафонтена (а въ одномъ случаѣ и басня Эзопа и Федра, служившая образцомъ Лафонтену) и баллады Шиллера и Гёте. Такое сличеніе,—если ученикамъ или ученицамъ доступно пониманіе оригиналовъ,—можетъ служить къ еще большему проникновенію въ духъ стихотворенія и, слѣдовательно, къ его полнѣйшему пониманію, и приводитъ къ указанному выше единенію познаній, почерпаемыхъ еще въ двухъ классахъ школы: а такое единеніе наиболѣе содѣйствуетъ образованію учащихся; довершается оно въ классѣ русскаго языка, гдѣ учатъ правильно выражать всѣ мысли (а слѣд. отдавать отчетъ въ нихъ), ставшія достояніемъ учащихся.

Разобранная баллада, сближенная съ романсами о Сидѣ (стр. 187), гдѣ младшій изъ сыновей Донъ-Діэга такъ же, какъ здѣсь Роландъ, содѣйствуетъ охраненію чести стараго отца, даетъ новый матеріалъ для *задачи* (хотя бы въ рамкахъ одного періода—напр. сравнительнаго), дѣйствительно вытекающей изъ идеи произведеній, и безъ нихъ невозможной. *Такимъ* только задачамъ здравый смыслъ указываетъ мѣсто въ хрестоматіи.

Я остановился долѣе на чтеніи лирическихъ стихотвореній, назначаемыхъ также и для заучиванія наизусть, потому что оно многими упускается изъ виду, между тѣмъ какъ, содѣйствуя эстетическому образованію, оно сообщаетъ душѣ его тѣ чувствованія, которыя составляютъ безусловную принадлежность каждаго правильно образованнаго человѣка. Ему не придется, вмѣстѣ съ жалкимъ героемъ «Дороги» Полонскаго, сказать: «про черный день нѣтъ пѣсни у меня!»

—

Изъ матеріала, предназначеннаго для *упражненія въ устной рѣчи*, въ этомъ томѣ хрестоматіи, такъ же, какъ и въ I-мъ, предназначаю статьи, легче другихъ воспринимаемыя при бѣгломъ чтеніи и не имѣющія художественной формы, по причинамъ, указаннымъ въ предисловіи къ I-му тому. На этотъ разъ—это разсказы, посвященные двумъ замѣчательнѣйшимъ русскимъ личностямъ: Крылову и Суворову. Вношу также матеріалъ для обязательнаго *приватнаго чтенія* (отд. IV).

Текстъ статей и здѣсь печатанъ мною съ лучшихъ изданій. Изъ нихъ тексты басенъ Крылова провѣрены по варіантамъ труда г. Кеневича, такъ же какъ и въ I-мъ томѣ, а также указаны въ выноскахъ варіанты, принятые общеупотребительными ихъ изданіями. Порядокъ басенъ сгруппированъ по содержанію, чтобы пониманіе одной помогало пониманію другой; таковы здѣсь: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10; 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и 20; 21, 22, 23, 24, 25 и 26; 27, 28 и 29; 30; 31 и 32; 33; 34, 35 и 36.

—

[1]) Всѣ предложенные здѣсь разборы привожу, какъ примѣры изученія произведеній учителемъ; потому вношу въ нихъ многое, чѣмъ учитель буквально и не подѣлится съ учениками: учитель долженъ знать о произведеніи болѣе, нежели то могутъ ученики.

Digitized by Google

Выборъ статей и размѣщеніе ихъ и здѣсь основано на цѣляхъ обученія языку: потому что и этотъ томъ, какъ и первый, не имѣетъ цѣли служить энциклопедіей различныхъ свѣдѣній. Выборъ дѣлался изъ всѣхъ лучшихъ писателей, при чемъ давалось предпочтеніе всему, хорошо изложенному какъ въ логическомъ, такъ и въ художественномъ отношеніяхъ. Само собою разумѣется, что и со стороны свѣдѣній, предлагаемыхъ этими статьями, выборъ оказался весьма богатъ и разнообразенъ: исторія, бытъ, природа, преимущественно русскіе, рисуются впечатлительными чертами въ этихъ статьяхъ. Но особенную цѣну придаю тѣмъ *идеямъ*, въ освѣщеніи которыми наши прозаики и поэты предложили эти картины природы, быта и исторіи. Выбиралось только то, что не представляетъ ни одной фальшивой ноты въ этомъ отношеніи, и тщательно избѣгалась всякая тенденціозность въ подборѣ произведеній: мѣрило художественнаго достоинства статей совпало въ этомъ случаѣ съ нравственной цензурой произведеній—и «мораль» книги, если нужно указать такую, есть та нравственность, которою проникнуто бываетъ произведеніе, выношенное въ глубинѣ духа писателя, признаннаго первоклассными. Если дѣйствительно книга достигла этой цѣли, то она исполнитъ свое назначеніе—доставить русскому юношеству возможность учиться говорить, учиться и мыслить, и чувствовать у лучшихъ умовъ русской интеллигенціи, т. е. у первоклассныхъ авторовъ.

Іюня 12, 1875. *Левъ Поливановъ.*

Во *второмъ* изданіи сдѣланы небольшія измѣненія въ первомъ отдѣлѣ; выпущены оказавшіеся недоступными для учениковъ III и IV классовъ отрывки изъ романа: «Басурманъ», и исключено начало отрывка «Чума въ Москвѣ» (изъ романа «Кузьма Рощинъ»), ужъ входящаго въ составъ I отд. хрестоматіи.

Іюня 4, 1876.

Изданіе *четвертое* печатано съ третьяго безъ перемѣнъ.

1880.

Въ *пятомъ* изданіи прибавлена одна статья во 2-й группѣ I-го отдѣла (№ 10) и нѣкоторыя примѣчанія.

Ноябрь, 1881.

Изданіе *шестое* печатано съ пятаго безъ перемѣнъ.

Октябрь, 1883.

Въ *седьмомъ* изданіи прибавлены въ IV от. отрывки изъ «Семейной хроники» С. Аксакова и изъ «Войны и міра» и «Отрочества» гр. Л. Толстаго.

Тексты вновь провѣрены по изданіямъ авторовъ, и правописаніе согласно съ руководствомъ II отд. Императорской Академіи Наукъ.

Декабрь, 1885.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

МЕЛКІЯ СТАТЬИ И СТИХОТВОРЕНІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

1. Для синтактическихъ упражненій, въ связи съ объяснительнымъ чтеніемъ, и для заучиванія наизусть.

1. Весна въ Россіи.

Нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ перемѣны, и звонкій голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ океана, радостно восклицаетъ: „земля!“ Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самый маленькій ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи.

Карамзинъ.

---

2. Появленіе весны.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

Пушкинъ.

Digitized by Google

3. Утро въ Пятигорскѣ.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли.

Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ палисадникѣ. Вѣтви цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно, и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западѣ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ „послѣдняя туча разсѣянной бури“; на сѣверѣ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона. На востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа,—а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ.

Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине—чего-бы, кажется, больше? зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?...

Лермонтовъ.

---

4. Утро.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается;
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.

Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь-безлюдье вокругъ;
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.

Потянулъ вѣтерокъ, воду морщитъ-рябитъ,
Пронеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,

Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ-разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.

Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;

Digitized by Google

На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.

Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое....
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

Никитинъ.

---

5. Вечеръ.

Вечеръ былъ тихъ и ясенъ. Роща, одушевленная возвратившеюся весною, была наполнена запахомъ черемухи, благовоннымъ дыханіемъ ландышей, маткиной душки и травъ ароматныхъ; вѣтерокъ порхалъ по деревьямъ; соловьи свистали вдалекѣ; въ воздухѣ слышалось жужжаніе насѣкомыхъ; легкія струйки источника, озлащаемыя заходящимъ солнцемъ, которое проникло сквозь рѣдкія деревья, сливали нѣжное плесканіе съ шорохомъ тростника и трепетаніемъ цвѣтущаго шиповника, осѣнявшаго низкіе берега источника: всѣ сіи звуки производили вмѣстѣ очаровательную гармонію, которая трогала душу и погружала ее въ задумчивое мечтаніе.

Жуковскій.

---

6. Вечеръ въ іюнѣ.

Томительный палящій день
Сгорѣлъ; полупрозрачна тѣнь
Нѣмого сумрака пріосѣнила дали;
Зарницы бѣгали за синею горой,
И окропленные росой
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту,
Таинственнымъ лучемъ мечтанія питая,
И, преклонясь къ лавровому листу,
Дышала роза молодая.

Д. Давыдовъ.

---

7. Ночь въ Пятигорскѣ.

Поздно вечеромъ, то есть часовъ въ одиннадцать, я пошелъ гулять по липовой аллеѣ бульвара. Городъ спалъ; только въ нѣкоторыхъ окнахъ мелькали огни. Съ трехъ сторонъ чернѣли гребни утесовъ, отрасли Машука, на вершинѣ котораго лежало зловѣщее облачко; мѣсяцъ подымался на востокѣ; вдали серебряной бахромой сверкали снѣговыя горы. Оклики часовыхъ перемежались съ шумомъ горячихъ ключей, спущенныхъ на ночь. Порою звучный топотъ коня раздавался по улицѣ, сопровождаемый скрипомъ ногайской арбы и заунывнымъ татарскимъ припѣвомъ. Я сѣлъ на скамью и задумался.

Digitized by Google

Лермонтовъ.

---

8. Вечеръ.

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозитъ лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка;
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ. Какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана,—
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догорающей пламя.

Полонскій.

9. Цюрихское озеро.

Обширное Цюрихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стремленіе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище. И все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ.

Карамзинъ.

10. Чудское озеро утромъ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда надъ нимъ свѣтило дня
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,
Встаетъ въ торжественномъ покоѣ:
Его красой озарена,
Цвѣтами радуги играя,
Лежитъ равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя вѣетъ;
Едва колышутся лѣса;
Какъ блестки золота, свѣтлѣетъ
Ихъ переливная роса;
У пробудившагося брега
Стоятъ, готовые для бѣга,
И тихо плещутъ паруса;
На лодки мрежи собирая,
Рыбакъ взываетъ и поетъ,
И пѣсня русская, живая
Разносится по глади водъ.

Digitized by Google

Языковъ.

11. Констанцское озеро.

Прелестнѣйшую картину представляло Констанцское озеро. Нельзя изобразить словами тѣхъ безчисленныхъ оттѣнковъ, въ которыхъ является его поверхность, измѣняющаяся при всякомъ колыханіи, при всякомъ вѣтеркѣ, при всякомъ налетающемъ на солнце облакѣ. Когда озеро спокойно, видишь жидкую, тихо трепещущую бирюзу, кое-гдѣ фіолетовыя полосы, а на самомъ отдаленіи яркій, свѣтлозеленый отливъ; когда воды наморщатся, то глубина этихъ морщинъ кажется изумрудно-зеленою, а по ребрамъ ихъ голубая пѣна, съ яркими искрами и звѣздами; когда же облако закроетъ солнце, то воды, смотря по цвѣту облака, или блѣднѣютъ, или синѣютъ, или же кажутся дымными.

Жуковскій.

---

12. Чудское озеро вечеромъ.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательнымъ столбомъ
Свѣтило искрится ночное
Въ его кристаллѣ голубомъ:
Какъ тѣнь отброшенная тучей
Вдоль искривленныхъ береговъ,
Чернѣютъ образы лѣсовъ,
И кое-гдѣ огонь плавучій
Горитъ на челнахъ рыбаковъ.
Безмолвна синяя пучина;
Въ дубравахъ мракъ и тишина;
Небесъ далекая равнина
Сіянья мирнаго полна;
Лишь изрѣдка, съ богатымъ ловомъ
Подъемля сѣти изъ воды,
Рыбакъ живитъ веселымъ словомъ
Своихъ товарищей труды;
Или путемъ дугообразнымъ
Съ небесныхъ падая высотъ,
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,
Огнемъ разсыплется алмазнымъ
И въ отдаленьи пропадетъ.

Языковъ.

---

13. Видъ съ горъ.

Такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другаго, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы, похожія одна на другую,—и всѣ эти

снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить на вѣки; солнце чуть показалось изъ за темно-синей горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса...

Лермонтовъ.

14. Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Пушкинъ.

15. Штауббахъ.

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемый Штауббахъ, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ девятьсотъ футовъ вышиною. Въ семъ отдаленіи кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приблизился я къ этому феномену [1]) и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо летитъ внизъ, почти не дотрогиваясь до утеса горы и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ, падаетъ на землю въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ разносятся влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое платье.

Карамзинъ.

[1]) *Феноменъ*—необыкновенное явленіе.

Digitized by Google

16. Фонтанъ.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.

Лучемъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной—
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспасть на землю осужденъ...

Тютчевъ.

---

17. Триммербахъ.

Потомъ ходилъ я къ другому водопаду, называемому Триммербахъ, до котораго будетъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внутренности ея съ шумомъ падаетъ и стремится въ долину, гдѣ, мало по малу утишая свою ярость, образуетъ чистую рѣчку. Видъ разсѣвшейся горы и шумное паденіе Триммербаха составляютъ *дикую* красоту, плѣняющую любителей природы [1]). Около часа пробылъ я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ.

Карамзинъ.

---

18. Водопадъ.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

Я слышу: свищетъ Аквилонъ [2]),
Качаетъ елію скрипучей,
И съ непогодою ревучей
Твой ревъ мятежный соглашенъ.

Зачѣмъ съ безумнымъ ожиданьемъ
Къ тебѣ прислушиваюсь я?
Зачѣмъ трепещетъ грудь моя
Какимъ-то вѣщимъ трепетаньемъ?

Какъ очарованный стою
Надъ дымной бездною твоею,
И, мнится, сердцемъ разумѣю
Рѣчь безглагольную твою.

Шуми, шуми съ крутой вершины,
Не умолкай, потокъ сѣдой!
Соединяй протяжный вой
Съ протяжнымъ отзывомъ долины.

Баратынскій.

---

[1]) *Въ подл.:* натуры.
[2]) *Аквилонъ*— сѣверо-восточный вѣтеръ.

Digitized by Google

19. Наводненіе.

Рейнъ и Неккаръ, наполнившись отъ дождей, яростно разлили воды свои и потопили сады, поля и самыя деревни. Здѣсь неслась часть домика, гдѣ обитали передъ тѣмъ покой и довольство [1]); тутъ бурная волна мчала запасъ осторожнаго, но тщетно осторожнаго, поселянина; тамъ плыла бѣдная блеющая овца. Мы должны были ѣхать по водѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ вливалась къ намъ въ карету. Но самое сіе наводненіе возвышало великолѣпіе вида, открывшагося намъ при въѣздѣ въ длинную аллею, версты за три до Мангейма—аллею, которая, будучи облита водою, казалась мостомъ.

Карамзинъ.

---

20. Землетрясеніе.

Всевышній граду Константина
Землетрясенье посылалъ.
И Геллеспонтская пучина,
И берегъ съ грудой горъ и скалъ
Дрожали, и царей палаты,
И храмъ, и циркъ, и гипподромъ,
И стѣнъ градскихъ верхи зубчаты,
И все поморіе кругомъ.
По всей пространной Византіи,
Въ отверстыхъ храмахъ, Богу силъ
Обильно пѣлися литіи,
И дымъ молитвенныхъ кадилъ
Клубился; люди, страхомъ полны,
Текли передъ Христовъ алтарь;
Сенатъ, синклитъ, народа волны
И самъ благочестивый царь [2]).

Изъ. стих. Языкова.

---

21. Въ Саксонской Швейцаріи.

Внезапная противоположность той глубины, въ которой мы очутились, съ тою веселою равниною, которую мы покинули, была весьма разительна: вкругъ все дико, мрачно и сурово. Идешь узкою тропинкою, между огромныхъ камней, покрытыхъ старымъ мохомъ и въ ужасномъ безпорядкѣ набросанныхъ на дно долины; по обѣимъ сторонамъ стѣны утесовъ, покрытыя елями и соснами; надъ головою узкая полоса голубого неба; кое-гдѣ на вершинахъ свѣтъ солнца; внизу же свѣжесть и сумракъ, и нельзя описать того разнообразія, въ какомъ представляются здѣсь утесы: то вдругъ огромная отдѣ-

---

[1]) *Въ подл.:* довольствіе.

[2]) Юстиніанъ (527—565). Землетрясенія въ Константинополѣ были въ 542,545,553,554,555 и 557 годахъ.

лившаяся колонна, на которой, вмѣсто капители [1]), мохъ и сосны; то вдругъ цѣлая стѣна, треснувши, наклонилась и грозится тебя задавить; то вдругъ странныя фигуры камней поражаютъ глаза и воображеніе.

Жуковскій.

---

22. Въ Финляндіи.

Суровый край! Громады скалъ
На берегу стоятъ угрюмомъ;
Объ нихъ мятежно бьется валъ,
И пѣна плещетъ; сосны съ шумомъ
Качаютъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины;
Кругомъ ни цвѣта, ни травы,—
Песокъ да мохъ; скалы, стремнины
Вездѣ хранятъ клеймо громовъ
И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
И тлѣютъ кости—пиръ волковъ—
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.

Пушкинъ.

---

23. Финляндскіе лѣса.

Лѣса Финляндскіе непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предпріимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ вертепахъ [2]), путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы; завыванія волка, ищущаго добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрушающаго времени, или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, который стрѣлою протекаетъ по каменному дну между скалъ гранитныхъ, быстро превозмогаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его—пустыня и безмолвіе!... Посмотри далѣе: огнь небесный или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ [3]). Опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями, обожженныя скалы, дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огнища: все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуетъ сочную и густую траву, орошенную водами источника.

Батюшковъ.

---

[1]) *Капитель*—оглавіе, верхняя часть колонны.
[2]) *Вертепъ*—пещера и вообще всякій недоступный притонъ.
[3]) *Боръ*—хвойный лѣсъ, растущій на возвышенности.

Digitized by Google

— 24. Финляндія.

Суровый край! Его красамъ,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы;
Синѣя, восходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады;
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ;
Съ нихъ бурно льются водопады.
Тамъ долъ очей не веселитъ:
Гранитной лавой онъ облитъ;
Главу одѣвши въ мохъ печальный,
Огромнымъ сторожемъ стоитъ
На немъ гранитъ пирамидальный.
По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ;
Пришлецъ исполненъ смутной думой:
Не міра ль давняго лежатъ
Предъ нимъ развалины угрюмы?

Баратынскій.

---

25. Весна въ Финляндіи.

Въ концѣ апрѣля начинается весна. Снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга.

Когда снѣга растаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтра и яркихъ лучей солнца; когда воды съ шумомъ утекли въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ: тогда природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами; ходъ растительной силы примѣтенъ: сегодня все мертво, завтра все цвѣтетъ, все благоухаетъ. Народныя сказанія [1]) всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ [2]), сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Конечно, быстрое, почти невѣроятное ихъ возрастаніе подало поводъ къ сему вымыслу.

Батюшковъ.

---

26. Весенніе воды.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ.

---

[1]) *Въ подл.:*—басни.
[2]) *Оденъ,* или *Одинъ*—богъ въ скандинавской миѳологіи.

Digitized by Google

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ!
«Мы молодой весны гонцы;
«Она насъ выслала впередъ».

Весна идетъ, весна идетъ,
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Тютчевъ.

27. Лѣто въ Финляндіи.

Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ великолѣпіи [1]) на концѣ озера, позлащеннаго внезапно [2]) румяными лучами. Пустынныя птицы радостно сотрясаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу; рѣзвыя бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, растущихъ на отлогомъ берегѣ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера златыми чешуями, между тѣмъ какъ мелкіе жители влажной стихіи играютъ стадами у подошвы скалъ или близъ песчанаго берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умираютъ на гранитныхъ скалахъ, которыхъ цвѣтъ измѣняется безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жители сихъ предестныхъ пустынь) то плаваютъ на поверхности озера, то кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Стада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей летятъ въ сосѣднее болото, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣтствуютъ вечернее солнце. Оно погружается въ безднѣ Ботническаго залива, и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, воцарился въ пустынѣ...

Батюшковъ.

28. Зарница.

Не остывшая отъ зною
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все трепетало.
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою,
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорялись надъ землею...

Тютчевъ.

---

[1]) *Въ подл.:* велелѣпіи.
[2]) *Въ подл.:* внезапу.

Digitized by Google

29. Осенній вѣтеръ.

Уныло дуетъ вѣтеръ въ дождливую, холодную осень. Прислушайтесь: слышите, съ какимъ суетливымъ безпокойствомъ шаритъ онъ вокругъ каждаго кусточка и стебля, какъ будто отыскивая тамъ что-то забытое или утраченное. Онъ заглядываетъ въ каждое дупло, въ каждую травку и, какъ путникъ, вернувшійся на родину, который вмѣсто уютнаго крова находитъ всюду одну глухую пустыню, мчится далѣе къ темному лѣсу, неся на плечахъ своихъ гряды сизыхъ тучъ—нажитое богатство! Но помертвѣлый лѣсъ, окутанный туманнымъ своимъ саваномъ, не встрѣчаетъ уже его ласковой рѣчью, не киваетъ ему привѣтливо кудрявой головой. Отчаянный ревъ вѣтра смѣняется тогда тоскливымъ плачемъ и ропотомъ. Сѣрыя тучи нависли и нахмурились. Поля, лощины и лѣса окропились прощальною слезою. И вотъ снова, какъ бы негодуя на свою слабость, вѣтеръ однимъ махомъ подобралъ сизыя тучи, бросился къ опушкѣ и взметнувшись вихремъ, помчался далѣе, увлекая на пути мокрые, желтые листья.

Григоровичъ.

---

30. Осень.

Есть въ осени первоначальной
Короткая, но дивная пора:
Весь день стоитъ какъ бы хрустальный,
И лучезарны вечера...
Гдѣ бодрый серпъ гулялъ и падалъ колосъ,
Теперь ужъ пусто все; просторъ вездѣ;
Лишь паутины тонкій волосъ
Блеститъ на праздной бороздѣ.
Пустѣетъ воздухъ; птицъ не слышно болѣ,
Но далеко еще до первыхъ зимнихъ бурь,
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле.

Тютчевъ.

---

31. Осенній день.

По небу бѣжали остатки вылившейся ночью тучи, сквозь которую не ярко просвѣчивало обозначившееся свѣтлымъ кругомъ солнце, стоявшее уже довольно высоко. Было вѣтрено, сыро и сиверко. Дверь въ садъ была открыта; на почернѣвшемъ отъ мокроты полу террасы высыхали лужи ночного дождя. Открытая дверь подергивалась отъ вѣтра на желѣзномъ крючкѣ; дорожки были сыры и грязны; старыя березы съ оголенными бѣдными вѣтвями, кусты и трава, — крапива, смородина, бузина съ вывернутыми блѣдною

Digitized by Google

стороною листьями,—бились на одномъ мѣстѣ и, казалось, хотѣли оторваться отъ стеблей, изъ липовой аллеи, вертясь и обгоняя другъ друга, летѣли желтые круглые листья и, промокая, ложились на мокрую дорогу и на мокрую темнозеленую отаву луга.

Гр. Л. Толстой.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

32. Осень и зима.

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу; приближалась
Довольно скучная пора—
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ.
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.
И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей...
Опрятней модныя наркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта;
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ:
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ: веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

Пушкинъ.

33. Зима.

Стояла бѣлая зима съ жестокой тишиной безоблачныхъ морозовъ, плотнымъ скрипучимъ снѣгомъ, розовымъ инеемъ на деревьяхъ, блѣдно-изумрудными небомъ, шапками дыма надъ трубами,

Digitized by Google

клубами пара изъ мгновенно раскрытыхъ дверей, свѣжими—словно укушенными—лицами людей и хлопотливымъ бѣгомъ продрогшихъ лошадокъ.

Тургеневъ.

---

34. Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя;
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То какъ путникъ запоздалый
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна,—
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя,—гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.
Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей,
Выпьемъ съ горя,—гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

Пушкинъ.

---

35. Лебедь.

Лебедь, по своей величинѣ, силѣ, красотѣ и величавой осанкѣ, давно и справедливо названъ царемъ всей водяной, или водоплавающей птицы. Бѣлый, какъ снѣгъ, съ блестящими, прозрачными небольшими глазами, съ чернымъ носомъ и черными лапами, съ длинною, гибкою и красивою шеей, онъ невыразимо прекрасенъ, когда спокойно плыветъ между зеленыхъ камышей по темносиней гладкой поверхности воды. Но и всѣ его движенія исполнены прелести: начнетъ ли онъ пить и, зачерпнувъ носомъ воды, поднимаетъ голову вверхъ и вытянетъ шею; начнетъ ли купаться, нырять и

Digitized by Google

плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся съ его пушистаго тѣла; начнетъ ли потомъ охорашиваться, легко и свободно закинувъ дугою назадъ свою бѣлоснѣжную шею, поправляя и чистя носомъ на спинѣ, бокахъ и въ хвостѣ смятыя или замаранныя перья; распуститъ ли крыло по воздуху, какъ будто длинный косой парусъ, и начнетъ также носомъ перебирать въ немъ каждое перо, провѣтривая и суша его на солнцѣ,—все живописно и великолѣпно въ немъ!

С. Аксаковъ.

26. Лебеди.

На водахъ широкихъ,
На виду царевыхъ теремовъ [1]) высокихъ,
Предъ Чесменской гордо блещущей колонной,
Лебеди младые голубое лоно
Озера тревожатъ плаваньемъ, плесканьемъ,
Боемъ крылъ могучихъ, бѣлыхъ шей купаньемъ.
День они встрѣчаютъ, звонко окликаясь;
Въ зеркалѣ прозрачной влаги отражаясь,
Длинной вереницей, бѣлымъ флотомъ стройно
Плаваютъ въ сіяньи солнца по спокойной
Озера лазури... Ночью жъ межъ звѣздами,
Влагу расшибая сильными крылами,
Въ блескѣ волнъ, зажженныхъ мѣсячнымъ сіяньемъ,
Окруженный брызговъ огненныхъ сверканьемъ,
Кажутся волшебнымъ призраковъ явленьемъ—
Племя молодое, полное кипѣньемъ
Жизни своевольной.

Изъ стих. Жуковскаго.

27. При въѣздѣ въ Парижъ.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его. Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. „Вотъ онъ“, думалъ я, „вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцомъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ; котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ; котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ!... Вотъ онъ!... я его вижу и буду въ немъ!“ Ахъ, друзья мои, сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія!

[1]) Въ Царскомъ Селѣ.

Digitized by Google

Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ.... Мы выѣхали на берегъ Сены.... Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ привели меня въ изумленіе. Мнѣ казалось, что я, какъ маленькая песчинка, попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ одномъ вихрѣ. Карамзинъ.

---

38. Москва.

Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва.... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
Вотъ окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ [1]). Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою.
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.
Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій замокъ..., Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столпы [2]) заставы
Вѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы;
Мелькаютъ мимо будки, бабы
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

Пушкинъ.

---

[1]) Дворецъ въ Петровскомъ паркѣ, за Тверской заставой.—[2]) *Столпы*,— церк.-слав. слово.

Digitized by Google

39. Село Коломенское.

Хотя это историческое село, которое долго почиталось колыбелью Петра Великаго, не далѣе пяти верстъ отъ заставы,—но мнѣ еще не удалось побывать въ немъ ни разу. Сначала древняя церковь Вознесенія и разбросанные кое-гдѣ остатки знаменитыхъ коломенскихъ чертоговъ, которымъ нѣкогда дивились послы и гости иноземные, обратили на себя все мое вниманіе; но когда мы обошли временныя палаты, построенныя Екатериною Второй на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ встарину возвышались шести-ярусные терема и красивыя вышки любимаго и потѣшнаго дворца Алексѣя Михайловича, то очаровательный видъ окрестностей села Коломенскаго заставилъ меня забыть все. Внизу, у самой подошвы горы, на которой мы стояли, изгибалась Москва-рѣка; за нею, среди роскошныхъ поемныхъ луговъ, поднимались стѣны и высокая колокольня Перервинской обители; далѣе—обширныя поля, покрытыя нивой, усѣянныя селами, рощами и небольшими деревушками.

Верстъ на десять кругомъ взоръ не встрѣчалъ никакой преграды: онъ обѣгалъ свободно этотъ обширный, ничѣмъ не заслоняемый горизонтъ, который, казалось, не имѣлъ никакихъ предѣловъ.

Загоскинъ.

40. Дорога изъ Дувра [1]) въ Лондонъ.

Какія мѣста! какая земля! Вездѣ богатые, темнозеленые и тучные луга, гдѣ пасутся многочисленныя стада, блестящія своею перловою и серебряною волною; вездѣ прекрасныя деревеньки съ кирпичными домиками, покрытыми свѣтлою черепицею; вездѣ видите вы маленькихъ красавицъ, которыя держатъ въ рукахъ корзинки и продаютъ цвѣты; вездѣ замки богатыхъ лордовъ [2]), окруженные рощами и зеркальными прудами; вездѣ встрѣчается вамъ множество каретъ, колясокъ, верховыхъ; множество хорошо одѣтыхъ людей, которые ѣдутъ изъ Лондона и въ Лондонъ, или изъ деревень и сельскихъ домиковъ выѣзжаютъ прогуливаться на большую дорогу; вездѣ трактиры, и у всякаго трактира стоятъ осѣдланныя лошади и кабріолеты—однимъ словомъ, дорога отъ Дувра до Лондона подобна большой улицѣ многолюднаго города.

Карамзинъ.

41. Лондонъ.

Кто скажетъ вамъ: „шумный Лондонъ“—тотъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. Многолюденъ, правда, но тихъ удивитель-

[1]) *Дувръ*—приморскій городъ на югѣ Англіи.—[2]) *Лорды*—лица высшихъ сословій въ Англіи.

Digitized by Google

нымъ образомъ. не только въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмѣрно устали отъ дѣятельности и спѣшатъ отдыхать. Если бы отъ времени до времени стукъ каретъ не потрясалъ нервовъ вашего слуха, то вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразить, что у васъ залегли уши. Я входилъ въ разные кофейные домы: двадцать, тридцать человѣкъ сидятъ въ глубокомъ молчаніи, читаютъ газеты, пьютъ красное португальское вино, и хорошо, если въ десять минутъ услышите два слова... какія же? „ваше здоровье!“ Мудрено ли, что англичане славятся глубокомысліемъ въ философіи? Они имѣютъ время думать. Мудрено ли, что ораторы ихъ въ парламентѣ [1]), заговоривъ, не умѣютъ кончить? имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ. Карамзинъ.

42. Неаполитанскій край.

Здѣсь бываютъ землетрясенія, наводненія, изверженіе Везувія съ горящей лавой и съ пепломъ; здѣсь бываютъ притомъ пожары, повальныя болѣзни, горячка; цѣлыя горы скрываются, и горы выходятъ изъ моря; другія вдругъ превращаются въ огнедышущія; здѣсь отъ болотъ или испареній земли волканическій воздухъ заражается и рождаетъ заразу: люди умираютъ, какъ мухи. Но за то здѣсь солнце вѣчное, пламенное; луна тихая и кроткая, и самый воздухъ, въ которомъ таится смерть, благовоненъ и сладокъ! Все имѣетъ свою выгодную сторону: Плиній [2]) погибаетъ подъ пепломъ; племянникъ [3]) описываетъ смерть дядюшки; на пеплѣ вырастаетъ славный виноградъ и сочные овощи... Карамзинъ.

43. Страсбургскій соборъ.

Страсбургская каѳедральная церковь есть величественное готическое зданіе, и башня ея почитается за самую высочайшую пирамиду въ Европѣ. Вошедши во внутренность сего огромнаго храма, въ которомъ никогда яснаго свѣта не бываетъ, нельзя не почувствовать благоговѣнія, но кто хочетъ питать въ себѣ это священное чувство, тотъ не смотри на барельефъ карнизовъ и колоннъ, гдѣ вы увидите престрашныя и смѣшныя аллегорическія фигуры. Напримѣръ, ослы, обезьяны и другіе звѣри изображены въ мона-

[1]) *Парламентъ*—собраніе выборныхъ гражданъ для обсужденія правительственныхъ дѣлъ. — [2]) *Плиній старшій* (Plinius major)—ученый римскій, естествоиспытатель I-го вѣка по Р. Х., погибшій при изверженіи Везувія. — [3]) Его племянникъ *Плиній младшій*—римскій писатель.

шеской одеждѣ разныхъ орденовъ; иные съ важностію идутъ въ процессіи, другіе прыгаютъ... Карамзинъ.

44. Казаки.

Болѣе и болѣе размножаясь числомъ, питая духъ независимости и братства, казаки образовали воинскую христіанскую республику въ южныхъ странахъ Днѣпра, начали строить селенія, крѣпости въ сихъ опустошенныхъ татарами мѣстахъ, взялись быть защитниками литовскихъ владѣній со стороны крымцевъ, турокъ и снискали особенное покровительство Сигизмунда [1]), давшаго имъ многія гражданскія вольности вмѣстѣ съ землями Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ городъ *Черкасы* названъ ихъ именемъ. Сіи-то природные воины, усердные къ свободѣ и къ вѣрѣ греческой, долженствовали въ половинѣ XVII вѣка избавить Малороссію отъ власти иноплеменниковъ и возвратить нашему отечеству древнее достояніе его. Карамзинъ.

45. Передъ остатками древностей.

Я люблю остатки древностей, люблю знаки минувшихъ столѣтій. Вышедши изъ города, удивлялся я нынѣ памятникамъ гордыхъ римлянъ, развалинамъ славныхъ ихъ водоводовъ. Толстая стѣна съ аркадами, въ нѣсколько аршинъ вышиною, складена изъ маленькихъ камушковъ, вдавленныхъ, такъ сказать, въ густую известь, удивительно твердую, такъ что ее ничѣмъ разрубить нельзя,— и въ сей стѣнѣ проведены были трубы. Римляне хотѣли жить въ памяти потомства и сооружали такія зданія, которыхъ не могли разрушить цѣлые вѣки. Въ нынѣшнія философскія времена не такъ думаютъ; мы исчисляемъ дни свои, и предѣлъ ихъ есть предѣлъ всѣхъ нашихъ желаній и намѣреній; далѣе не простираемъ взора, и никто не хочетъ садить дуба безъ надежды отдыхать въ тѣни его. Древніе покачали бы головою, если бы они теперь воскресли и услышали мудрыя наши разсужденія, а мы, мы смѣемся надъ мечтами древнихъ и надъ страннымъ ихъ славолюбіемъ. Карамзинъ.

46. Лондонъ и Парижъ XVIII вѣка.

Если великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палатъ,

[1]) *Сигизмундъ I*—король польскій (род. 1467 г.).

Digitized by Google

ни одного огромнаго дома. Но длинныя, широкія, гладко вымощенныя улицы; большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, натертыя воскомъ и блестящія, какъ зеркало; безпрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади, гдѣ представляются вамъ или статуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ сквозь стеклянныя двери съ улицы видите множество всякаго рода товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ—образуютъ картину неописанной прелести, и вы сто разъ повторяете: „Лондонъ прекрасенъ!“ Какая разница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь—простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь—единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ блѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ здоровье и довольство [1]), съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ—лордъ [2]) и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ разсудренный, разряженный человѣкъ тащится въ скверномъ фіакрѣ [3]): здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь—все сухо, и гладко—вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на многолюдство. Карамзинъ.

---

18. Французскій языкъ въ Англіи и Россіи.

Всѣ хорошо воспитанные англичане знаютъ французскій языкъ, но не хотятъ говорить имъ, и я теперь крайне жалѣю, что такъ худо знаю англійскій. Какая разница [4]) съ нами! У насъ всякій, кто умѣетъ только сказать: „comment vous portez-vous“? безъ всякой нужды коверкаетъ французскій языкъ, чтобы съ Русскимъ не говорить по-русски, и въ нашемъ такъ называемомъ „хорошемъ обществѣ“ безъ французскаго языка будешь глухъ и нѣмъ. Не стыдно ли? Какъ не имѣть народнаго самолюбія? Зачѣмъ быть попугаями и обезьянами вмѣстѣ? Нашъ языкъ и для разговоровъ, право, не хуже другихъ; надобно только, чтобы наши умные свѣтскіе люди, особливо же красавицы, [illegible] выраженій для своихъ мыслей. Всего смѣшнѣе для меня наши остроумцы, которые хотятъ быть французскими авторами. Бѣдные! они счастливы тѣмъ, что французъ скажетъ о нихъ: „pour un étranger, Monsieur n'écrit pas mal“.

Карамзинъ.

---

[1]) *Въ подл.:* довольствіе.—[2]) *Лордъ*—см. стр. 20.—[3]) *Фіакръ*—извощичій экипажъ.—[4]) *Въ подл.:* розница.

Digitized by Google

48. Картезіанскій монастырь.

Я былъ въ огромной картезіанской церкви... Этотъ монастырь былъ первый картезіанскій. Съ великимъ любопытствомъ распрашивалъ я проводника моего о всѣхъ подробностяхъ жизни сихъ затворниковъ. Законы ордена [1]) обязываютъ ихъ не выходить изъ монастыря, удалиться отъ сообщенія съ людьми и наблюдать вѣчное мертвое молчаніе. Дни проводятъ они въ чтеніи, или работаютъ въ саду, или сидятъ поджавъ руки, съ нетерпѣніемъ дожидаясь обѣда, который составляетъ главное удовольствіе ихъ печальнаго братства. Въ пять часовъ послѣ обѣда они ложатся спать, въ девять встаютъ, часа черезъ два опять ложатся спать, и такъ далѣе. Странная жизнь! Учредители сего ордена худо знали нравственность человѣка, *образованную*, такъ сказать, для дѣятельности, безъ которой не найдемъ мы ни спокойствія, ни наслажденія, ни счастія. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдыхъ, но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству. Сначала душа наша бунтуетъ противъ сего заключенія, противнаго ея натурѣ; чувство *недостатка* (ибо человѣкъ съ подобными ему существами и съ природою составляетъ цѣлое), чувство недостатка мучитъ ее; наконецъ всѣ благородныя побужденія въ сердцѣ нашемъ усыпаютъ, и человѣкъ съ первой ступени земного творенія ниспадаетъ во сферу бездушныхъ тварей.

Карамзинъ.

---

49. Общество.

Мы рождены для общества, но въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждаютея обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства; всякій долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ сторону, чтобъ пустить другого на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ хорошемъ тонѣ. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія, называемая принужденіемъ, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса.

Но пріятностію общества наслаждаемся мы въ короткомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первый взоръ отворяетъ душу, которые приходятъ къ намъ мѣняться мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи, грустить въ печальномъ.

Карамзинъ.

---

50. Путешествіе.

1.

Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ путешествовать. Всѣ идеи, ко-

---

[1]) *Орденъ*—братство, подчиненное одному уставу.

Digitized by Google

торыя мы получаемъ изъ книгъ, можно назвать мертвыми въ сравненіи съ идеями очевидца. Кто хочетъ видѣть просвѣщенный народъ, который посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей степени утонченія въ жизни, тому надобно ѣхать въ Англію; кто хочетъ имѣть надлежащее понятіе о древникъ, тотъ долженъ видѣть Италію.

2.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земного творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ, не могутъ выйти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ природою [1]), и умираютъ, гдѣ родятся; но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ, ищетъ вездѣ наслажденій и находитъ ихъ, вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія, вездѣ радуется бытіемъ своимъ и благословляетъ свое человѣчество. А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобства [2]) жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ! Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, ипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей ипохондріи! Путешествуй, мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество! Путешествуй, кто только можетъ! Карамзинъ.

---

51. Благодарность.

Меня никто не увѣритъ, чтобы чувство благодарности было слѣдствіемъ нашего эгоизма [3]), и я не могу постигнуть добродѣтели, основанной на исключительной любви къ самому себѣ. Напротивъ того, добродѣтель есть пожертвованіе добровольное какой-нибудь выгоды; она есть отреченіе отъ самого себя. Есть добродѣтели, уму принадлежащія, другія—сердцу: благодарность, лучшая изъ нашихъ добродѣтелей, или вѣрнѣе, отголосокъ многихъ душевныхъ качествъ, принадлежитъ сердцу. „Ты мнѣ сдѣлалъ добро: слѣдовательно я тебя люблю“,—такъ говоритъ благородное сердце. Эгоистъ иначе: „ты мнѣ сдѣлалъ добро; но будешь ли мнѣ дѣлать добро и впредь? добро, тобою сдѣланное, не требуетъ ли пожертвованій съ моей

---

[1]) *Въ подл.*: натурою.—[2]) *Въ подл.*: удобности —[3]) *Эгоизмъ, эгоистъ*—себялюбіе, себялюбецъ (отъ *ego*—я).

Digitized by Google

стороны?“ — вотъ слова эгоиста; они совершенно противны благодарности, которая тѣмъ прелестнѣе, тѣмъ святѣе, чѣмъ менѣе разсуждаетъ, чѣмъ менѣе торгуется съ пользою личною и болѣе предается одному сердечному движенію. Батюшковъ.

52. Справедливость.

Боги обладаютъ тремя отличительными свойствами, — безсмертіемъ, могуществомъ и нравственнымъ совершенствомъ. Послѣднее свойство, т. е. нравственное совершенство, есть самое высокое и самое божественное изъ всѣхъ свойствъ. И въ самомъ дѣлѣ: вѣчность есть принадлежность пространства и стихій. Землетрясеніе, молнія, стремительный ураганъ и бурный потокъ также имѣютъ страшную силу. Но справедливость и святость суть свойства боговъ потому, что они обладаютъ разумомъ и мыслію. Отсюда и троякое чувство, которое люди питаютъ обыкновенно къ богамъ, а именно: удивленіе, страхъ и благоговѣніе. Удивляются богамъ и превозносятъ ихъ потому, что они не преходящи и вѣчны; страхъ и боязнь внушаютъ боги своей силою и своимъ всемогуществомъ; но любовь, благоговѣніе и почитаніе воздаются имъ за ихъ справедливость. Не смотря однако на то, люди болѣе всего добиваются безсмертія, къ которому природа ихъ неспособна и ищутъ могущества, которое большею частію зависитъ отъ случая; нравственное же совершенство, единственное изъ божественныхъ благъ, намъ предоставленное, отстраняютъ на послѣднее мѣсто, не понимая, что тотъ, кто обладаетъ могуществомъ и счастіемъ, можетъ уподобить жизнь свою божественной только посредствомъ справедливости.

Плутархъ.

53. На Симплонской дорогѣ.

Отъ Domo d'Ossola начинается горная Симплонская дорога, дивный памятникъ Наполеона; но на этой дорогѣ я видѣлъ нѣчто, еще болѣе разительное, нежели сама она. Я видѣлъ лежащую на ней мраморную колонну, вытесанную изъ одного камня: эта колонна была приготовлена для тріумфальныхъ воротъ Наполеоновыхъ, полувоздвигнутыхъ въ Миланѣ, къ которымъ должна была примыкать дорога Симплонская. Но эта колонна лежитъ неподвижно на чудесной дорогѣ Наполеоновой, а чудесная дорога Наполеонова примыкаетъ къ развалинамъ: весь жребій Наполеона въ одномъ мраморномъ обломкѣ. Жуковскій.

54. Св. Елена.

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокій,
Гдѣ часто, въ думу погруженъ,

Digitized by Google

На берегу о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила!—
Вотъ мщеніе за муки стольких дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.
Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ—безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный—но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря, мимо насъ;
Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной—
День возвышенья и паденья часъ!

Лермонтовъ.

---

55. Могущество монголовъ.

Въ Азіи было распространено мнѣніе о непобѣдимости монголовъ. Виновникомъ ихъ могущества былъ, какъ извѣстно, Чингисъ-ханъ, въ началѣ XIII столѣтія. Онъ самъ высказалъ цѣль своихъ войнъ. Овладѣвъ значительною частью Азіи, въ лѣтахъ преклонной старости, онъ собралъ однажды совѣтъ свой и предложилъ вождямъ слѣдующій вопросъ: „Какое благо выше всѣхъ на землѣ“? Каждый изъ вождей отвѣчалъ по своему. Старый ханъ покачалъ головою и сказалъ имъ: „Нѣтъ, счастливѣе всѣхъ на землѣ тотъ, кто гонитъ разбитыхъ имъ непріятелей, тратитъ ихъ добро, скачетъ на коняхъ ихъ, любуется слезами людей имъ близкихъ“. Государство, основанное на такихъ началахъ, не могло быть прочно. По смерти Чингиса оно распалось на нѣсколько ордъ, которыя вскорѣ стали враждовать между собою.

Грановскій.

---

56. Анчаръ. [1])

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зноя,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

---

[1]) *Анчаръ*—дерево, имѣющее ядовитый сокъ. Существуетъ вѣрованіе, что оно заражаетъ воздухъ окрестностей на далекое разстояніе.

Digitized by Google

Къ нему и птица не летитъ,
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь, уже тлетворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей, ужъ ядовитъ,
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ—
И тотъ послушно въ путь потекъ,
И къ утру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу,
Да вѣтвь съ увядшими листами—
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями.

Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки—
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

Пушкинъ.

---

57. Первобытное общество.

Въ общинѣ звѣролововъ или пастуховъ всякій человѣкъ легко и необходимо дѣлается воиномъ. Обычныя его занятія вполнѣ совпадаютъ со всѣми обязанностями военной службы. Какъ бы далека ни была экспедиція, въ которой ему приходится участвовать, онъ легко забираетъ съ собою то, что составляетъ источникъ его существованія. Весь народъ—войско; весь годъ—походъ. Таково было состояніе общества, облегчившее исполинскія завоеванія Аттилы [1]) и Тамерлана [2]).

Маколей.

---

58. Уставъ викинга [3]).

Онъ скитался вокругъ по пустыннымъ морямъ;
Онъ носился, какъ соколъ ловца,
И дружинѣ своей начерталъ онъ уставъ:
Разсказать ли законы пловца?

---

[1]) *Аттила*, царь гунновъ въ V вѣкѣ.—[2]) *Тамерланъ*, иначе *Тимуръ*—азіатскій завоеватель 2-й половины XIV в.—[3]) *Викинги*—младшіе сыновья *конунговъ* (вождей древнихъ скандинавовъ), которые должны были оружіемъ снискивать себѣ счастіе.

Digitized by Google

«Ни шатровъ на судахъ, ни ночлега въ домахъ:
Сушестатъ за дверьми сторожитъ;
Спать на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукѣ,
И шатромъ— голубой небосводъ.

Какъ у Фрея [1]) лишь въ локоть будь мечъ у тебя;
Малъ у Тора [2]) громящаго млатъ;
Есть отвага въ груди—ко врагу подойди,
И не будетъ коротокъ булатъ.

Какъ взыграетъ гроза, подыми паруса:
Подъ грозою душѣ веселѣй!
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусъ—кто парусъ совьетъ;
Чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй.

Самъ Одинъ пьетъ вино, и похмелье не зло;
Лишь храни надъ собою ты власть.
Надъ землею упавъ, ты поднимешься здравъ,
Здѣсь же къ Ранѣ [3]) страшися упасть.

Ты, купца на пути повстрѣчавъ, защити,
Но возьми съ него должную дань;
Ты—владыка морей, онъ же—прибыли рабъ:
Благороднѣйшій промыселъ—брань.

Ты по жребью добро на помостѣ дѣли
И на жребій на жалуйся свой;
Самъ же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ:
Онъ доволенъ и честью одной.

Но вотъ викингъ плыветъ: нападай и рубись;
Подъ щитами—потѣши бойцовъ!
Кто отстанетъ на шагъ, тотъ не нашъ: вотъ законъ;
Поступай, какъ ты вѣдаешь самъ.

Побѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ,
Тотъ не врагъ уже болѣ тебѣ.
Дочь Валгаллы [4])—мольба, ты дрожащей внимай:
Тотъ презрѣнъ, кто откажетъ мольбѣ.

Рана—прибыль твоя: на груди, на челѣ—
То прямая украса мужамъ;
Ты чрезъ сутки, не прежде, ее повяжи,
Если хочешь собратомъ быть намъ».

А. Фетъ (изъ „Фритіофа" Тегнера).

59. Слѣды Монголовъ.

Не прошло ста лѣтъ по кончинѣ Тимура [5]), а государство его уже рушилось. Когда Тимуръ предпринималъ новый походъ, онъ

---

[1]) *Фрей* } скандинавскія божества. Объ *Одинѣ* см. вын. на стр. 13.—
[2]) *Торъ* }
[3]) *Рана*—божество морское.—[4]) *Валгалла*—чертогъ Одина.—[5]) См. стр. 27, вын. 2.

Digitized by Google

говорилъ о врагахъ своихъ: „Я повѣю на нихъ вѣтромъ разрушенія". Вѣтеръ разрушенія повѣялъ на его собственное дѣло и народъ его. Единственнымъ слѣдомъ завоеваній, наполнившихъ громомъ своимъ послѣднія десятилѣтія XIV вѣка, остались пирамиды изъ череповъ человѣческихъ. Къ этимъ памятникамъ можно еще прибавить безлюдныя пустыни, которыя образовались въ странахъ, нѣкогда цвѣтущихъ и населенныхъ. Вспомните о степяхъ нынѣшняго Туркестана. Огромныя развалины городовъ, остатки водопроводовъ свидѣтельствуютъ, что не природа положила на эти земли страшный и дикій характеръ, какимъ онѣ теперь отличаются. Здѣсь прошли монголы. Человѣкъ легко привыкаетъ къ опасностямъ, которыми грозитъ ему природа. Онъ строитъ новое жилище у подножія волкана, на лавѣ, поглотившей его отца; онъ не уступаетъ морю подверженнаго безпрестаннымъ наводненіямъ, но выгоднаго для торговли берега, и смѣло ставитъ свой домъ на развалинахъ другого, смытаго волнами. Корысть и другія побужденія удерживаютъ его даже тамъ, гдѣ вѣчно царствуетъ зараза. Взгляните на Новый Орлеанъ [1]) и на Батавію [2]). Не монголы и татары дѣйствовали съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ волканы, море и моръ. Есть земли, въ которыхъ повидимому навсегда осталося слѣдъ ихъ опустошеній. Онѣ утратили даже природное плодородіе, какимъ славились прежде.

Грановскій.

---

60. Курганъ.

Въ степи, на равнинѣ открытой,
Курганъ одинокій стоитъ.
Подъ нимъ богатырь знаменитый
Въ минувшіе вѣки зарытъ.

Въ честь витязя тризну свершали;
Дружина дралася три дня;
Жрецы ему разомъ заклали
Всѣхъ женъ и любимца коня.

Когда же его схоронили,
И шумъ на могилѣ затихъ,
Пѣвцы ему славу сулили,
На гуслихъ гремя золотыхъ:

„О, витязь, дѣлами твоими
„Гордится великій народъ!
„Твое громоносное имя
„Столѣтія всѣ перейдетъ!

---

[1]) *Нов. Орлеанъ*—городъ въ Америкѣ на р. Миссисипи, окруженный болотами, имѣющій около 200,000 жителей. — [2]) *Батавія* — городъ на сѣв. берегу острова Явы, отличающійся нездоровымъ климатомъ, но имѣющій 70,000 жителей.

Digitized by Google

«И если курганъ твой высокій
«Сравнялся бы съ полемъ пустымъ,
«То слава, разлившись далеко,
«Была бы курганомъ твоимъ!»

И вотъ миновалися годы,
Столѣтія вслѣдъ протекли,
Народы смѣнили народы,
Лицо измѣнилось земли:

Курганъ же съ высокой главою,
Гдѣ витязь могучій зарытъ,
Еще не сравнялся съ землею,
Попрежнему гордо стоитъ!

А витязя славное имя
До нашихъ временъ не дошло.
Кто былъ онъ? Вѣнцами какими
Свое онъ украсилъ чело?

Чью кровь проливалъ онъ рѣкою?
Какіе онъ жегъ города?
И смертью погибъ онъ какою?
И въ землю опущенъ когда?

Безмолвенъ курганъ одинокій,
Наѣздникъ державный забытъ,
И тризны въ пустынѣ широкой
Никто ужъ ему не свершитъ.

Лишь мимо кургана мелькаетъ
Сайгакъ [1]), черезъ поле скача,
Иль вдругъ на него налетаетъ,
Крылами треща, саранча;

Порой журавлиная стая,
Окончивъ подоблачный путь,
Къ кургану шумитъ подлетая,
Садится на немъ отдохнуть;

А слезы прольютъ развѣ тучи,
Надъ степью плывя въ небесахъ,
Да вѣтеръ лишь свѣетъ летучій
Съ кургана забытаго прахъ.

Гр. А. Толстой.

---

61. Англичане.

I.

Холодный характеръ англичанъ мнѣ совсѣмъ не нравится. „Это волканъ, покрытый льдомъ“, сказалъ мнѣ, разсмѣявшись, одинъ фран-

---

1) *Сайгакъ*, или *сайга*—двукопытное животное одного вида съ козломъ.
2) *Эмигрантъ*—выходецъ на чужбину.

Digitized by Google

пузскій эмигрантъ [1]). Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тѣмъ зябну. Русское мое сердце любитъ изливаться въ искреннихъ, живыхъ разговорахъ, любитъ игру глазъ, скорыя перемѣны лица, выразительное движеніе руки. Англичанинъ молчаливъ, равнодушенъ, говоритъ какъ читаетъ, не обнаруживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремленій, которыя потрясаютъ электрически нашу физическую систему. Говорятъ, что онъ глубокомысленнѣе другихъ. Не потому ли [1]), что кажется глубокомысленнымъ? не потому ли, что густая кровь движется въ немъ медленнѣе, и даетъ ему видъ задумчиваго, часто безъ всякихъ мыслей? Но что англичане просвѣщены и разсудительны, соглашаюсь: здѣсь ремесленники читаютъ Юмову исторію, служанка Іорковы проповѣди и Клариссу [2]); здѣсь лавочникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего отечества, и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шериданомъ [3]) краснорѣчіи; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ.

II.

Лица англичанъ можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. Я увѣрился, что Гогартъ [4]) писалъ съ натуры. Правда, что такія гнусныя физіономіи встрѣчаются только въ низкой черни лондонскаго народа, но столь многообразны, живы и разительны, что десяти Лафатеровъ [5]) не достало бы для описанія всѣхъ дурныхъ качествъ, ими изображаемыхъ. Франтовъ видѣлъ я здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Парижѣ. Шляпа сахарною головою, густо насаленные волосы и виски до самыхъ плечъ, толстый галстухъ, въ которомъ погребена вся нижняя часть лица, разинутый ротъ, обѣ руки въ карманахъ, и самая непристойная походка: вотъ ихъ общія приметы!

Карамзинъ.

---

69. Парижане.

Замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отпра-

---

[1]) *Въ подл.:* для того ли.—[2]) *Клариса*—извѣстный англійскій романъ.—[3]) *Шериданъ*—извѣстный англійскій ораторъ и поэтъ.—[4]) *Гогартъ*—извѣстный англійскій живописецъ-карикатуристъ.—[5]) *Лафатеръ*—извѣстный физіономистъ.

вить. Какая страшная противоположность, напримѣръ, съ важными Швейцарцами [1]), которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А парижскій житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ.

Карамзинъ.

---

63. Петръ I и Людовикъ XIV [2]).

Среди большой площади, украшаемой густыми аллеями и со всѣхъ сторонъ окруженной великолѣпными домами, стоитъ на мраморномъ подножіи бронзовая статуя Людовика XIV, такой же величины, какъ монументъ нашего россійскаго Петра, хотя сіи два героя были весьма неравны въ великости духа и дѣлъ своихъ. Подданные прославили Людовика: Петръ прославилъ своихъ подданныхъ; первый *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: второй, какъ лучезарный богъ свѣта, явился на горизонтѣ человѣчества и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя; въ правленіе перваго тысяча трудолюбивыхъ французовъ принуждены были оставить отечество: второй привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцевъ; перваго уважаю, какъ сильнаго царя: второго почитаю, какъ великаго мужа, какъ героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля.

Карамзинъ.

---

64. Іоаннъ III и Петръ Великій.

Новѣйшіе историки замѣчаютъ въ Іоаннѣ III разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба безъ сомнѣнія велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ, не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками: призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы, и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху, къ чести, не къ уни-

---

[1]) *Въ подл.:* Швейцарами.—[2]) Людовикъ XIV — знаменитый французскій король (правилъ 1661—1715).

Digitized by Google

женію собственнаго народа. Не здѣсь, — въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества. Петръ думалъ возвысить себя чужеземнымъ названіемъ императора: Іоаннъ гордился древнимъ именемъ великаго князя и не хотѣлъ новаго; однакожъ въ сношеніяхъ съ иностранцами принималъ имя *Царя*, какъ почетное титло великокняжескаго сана, издавна употребляемое въ Россіи.

Карамзинъ.

65. Іоаннъ III.

Іоаннъ родился не воиномъ, но монархомъ; сидѣлъ на тронѣ лучше, нежели на ратномъ конѣ, и владѣлъ скипетромъ искуснѣе, нежели мечемъ. Имѣя высокій умъ для государственной науки, онъ имѣлъ слугъ для побѣды. Воинъ на престолѣ опасенъ: легко можетъ обмануть себя и начать кровопролитіе только для своего личнаго славолюбія; легко можетъ одною несчастною битвою утратить плоды десяти счастливыхъ. Ему трудно быть миролюбивымъ: а народы желаютъ сего качества въ вѣнценосцахъ. Одна необходимая для государственной цѣлости и независимости война есть законная: такъ Іоаннъ воевалъ съ Ахматомъ [1]) и Литвою, среди успѣховъ не отвергая мира, согласнаго съ нашимъ благомъ.

Карамзинъ.

66. Завоеваніе Сибири.

Въ то время, когда Іоаннъ, имѣя триста тысячъ добрыхъ воиновъ, терялъ наши западныя владѣнія, уступая ихъ двадцати-шести тысячамъ полумертвыхъ ляховъ и нѣмцевъ: въ то самое время малочисленная шайка бродягъ, движимыхъ и грубою алчностію къ корысти, и благородною любовію ко славѣ, пріобрѣла новое царство для Россіи, открыла второй новый міръ для Европы, безплодный и хладный, но привольный для жизни человѣческой, ознаменованный разнообразіемъ, величіемъ, богатствомъ естества; гдѣ въ нѣдрахъ земли лежатъ металлы и камни драгоцѣнные, въ глуши дремучихъ лѣсовъ витаютъ [2]) пушистые звѣри, и сама природа усѣваетъ обширныя степи дикимъ хлѣбомъ; гдѣ судоходныя рѣки, большія рыбныя озера и плодоносныя цвѣтущія долины, осѣненныя высокими тополями, въ безмолвіи пустынь ждутъ трудолюбивыхъ обитателей, чтобы въ теченіе вѣковъ представить новые успѣхи гражданской дѣятельности, дать просторъ стѣсненнымъ въ Европѣ народамъ и гостепріимно облагодѣтельствовать излишекъ ихъ многолюдства. Три

[1]) *Ахматъ*—татарскій ханъ.—[2]) *Витать*—жить, откуда: *об(в)итать*.

Digitized by Google

купца [1]) и бѣглый атаманъ волжскихъ разбойниковъ [2]) дерзнули, безъ царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь.

Карамзинъ.

67. Борисъ Годуновъ при жизни царевича Димитрія [3]).

Если бы Годуновъ [4]) и не хотѣлъ ничего болѣе, имѣя все, кромѣ Ѳеодоровой короны, то и въ семъ предположеніи могъ ли бы онъ спокойно наслаждаться величіемъ, помышляя о близкой кончинѣ царя, слабаго не только духомъ, но и тѣломъ, о законномъ его наслѣдникѣ, воспитываемомъ матерію и родными въ явной, хотя и въ честной ссылкѣ, въ ненависти къ правителю, въ чувствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? монастырь; Годунова? темница или плаха... того, кто мановеніемъ двигалъ царство, ласкаемый царями Востока и Запада!.. Уже дѣла обнаружили душу Борисову: въ умахъ, на лобномъ мѣстѣ погибли несчастные, коихъ опасался правитель: кто же былъ для него опаснѣе Димитрія?

Карамзинъ.

68. Царь Ѳеодоръ [5]) и Борисъ Годуновъ [6]).

Когда Ѳеодоръ, утомленный мірскимъ великолѣпіемъ, искалъ отдохновенія въ набожности; когда, прервавъ блестящія забавы и пиры, въ видѣ смиреннаго богомольца, ходилъ пѣшкомъ изъ монастыря въ монастырь, въ лавру Сергіеву и въ иныя святыя обители, вмѣстѣ съ супругою [7]), провождаемою знатнѣйшими боярынями и цѣлымъ полкомъ особенныхъ царицыныхъ тѣлохранителей (пышность новая, изобрѣтенная Годуновымъ, чтобы вселить въ народъ болѣе уваженія къ Иринѣ и ея роду) — въ то время правительство уже неусыпно занималось важными дѣлами государственными, исправляло злоупотребленія власти, утверждало безопасность внутреннюю и внѣшнюю.

Во всей Россіи, какъ въ счастливыя времена князя Ивана Бѣльскаго и Адашева [8]), смѣнили худыхъ намѣстниковъ, воеводъ и судей, избравъ лучшихъ; грозя казнію за неправду, удвоили жалованье чиновникамъ, чтобы они могли пристойно жить безъ лихоимства; вновь устроили войско и двинули туда, гдѣ надлежало возстановить честь оружія или спокойствіе отечества.

Карамзинъ.

---

[1]) *Яковъ, Григорій и Семенъ Строгановы.*—[2]) *Ермакъ.*—[3]) *Царевичъ Димитрій* — младшій сынъ Іоанна Грознаго.—[4]) *Борисъ Годуновъ* — бояринъ, правившій государственными дѣлами при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, сынѣ Іоанна Грознаго, впослѣдствіи царь русскій.—[5]) и [6]) см. выше, прим. 4.—[7]) *Ирина*— жена ц. Ѳеодора и сестра Бориса Годунова.—[8]) *Бѣльскій и Адашевъ*—бояре, имѣвшіе благотворное вліяніе на Іоанна Грознаго въ началѣ его царствованія.

Digitized by Google

69. Въѣздъ самозванца въ Москву.

20 іюня [1]), въ прекрасный лѣтній день, самозванецъ вступилъ въ Москву торжественно и пышно. Впереди поляки, литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ съ копьями, пищальники [2]), колесницы, заложенныя шестернями, и верховыя лошади царскія, богато украшенныя; далѣе барабанщики и полки россіянъ, духовенство съ крестами и Лжедимитрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ великолѣпной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ сто пятьдесятъ тысячъ червонныхъ; вокругъ его шестьдесятъ бояръ и князей; за ними дружина литовская, нѣмцы, казаки и стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола московскіе. Улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также были усыпаны зрителями. Видя Лжедимитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: „Здравствуй, отецъ нашъ, государь и великій князь Димитрій Іоанновичъ, спасенный Богомъ для нашего благоденствія! Сіяй и красуйся, о солнце Россіи!“ Лжедимитрій всѣхъ ласково привѣтствовалъ и называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и молиться за него Богу.

Карамзинъ.

70. Московская чума.

Тысяча семьсотъ семьдесятъ первый годъ памятенъ для московскихъ жителей: онъ былъ изъ самыхъ тяжкихъ годовъ для нашей древней столицы; и теперь еще старики, разсказывая про былое, говорятъ: „это случилось года два до московской чумы; это было въ самый чумный годъ.“ Выражаясь такимъ образомъ, они увѣрены, что опредѣляютъ съ большей точностію время происшествія. До сихъ поръ московскіе старожилы вспоминаютъ съ ужасомъ объ этой „годинѣ бѣдствій“, съ которой, по словамъ ихъ, едва ли можетъ сравниться французскій „погромъ“ 1812 года. Я почти согласенъ съ этимъ: въ 1812 году, смотря на необъятное пепелище Москвы, на тысячи разрушенныхъ и сгорѣвшихъ домовъ, вы могли думать, что тѣ, которые въ нихъ жили, зажгли ихъ собственной своей рукою; что они утратили часть своего достоянія, но спаслись сами и, можетъ быть, спасли симъ пожертвованіемъ славу, могущество и самобытность своей родины. Эта утѣшительная мысль, эта мысль, возвышающая душу, накидывала какой-то очаровательный покровъ на развалины Москвы; вы смотрѣли не съ горемъ, но съ благоговѣніемъ и гордостію на эти священныя груды камней, на эту обширную могилу враговъ Россіи. Пусть скажетъ тотъ, кто

[1]) 1605 г. — [2]) *Пищаль* — въ старину: лодка, потомъ: ружье и пушка.

Digitized by Google

вскорѣ по изгнаніи французовъ былъ въ Москвѣ, не была ли эта мысль для него ангеломъ-утѣшителемъ даже и тогда, когда онъ сидѣлъ на развалинахъ собственнаго своего дома?

Въ 1771 году Москва не горѣла, по улицамъ не дымились остовы домовъ, дома стояли по-прежнему на своихъ мѣстахъ: но эти закопоченныя двери, забитыя досками окна, эти вывѣски смерти — красные кресты на воротахъ зачумленныхъ домовъ, которые, какъ два ряда огромныхъ гробовъ, тянулись по обѣимъ сторонамъ улицы, — не во сто ли разъ ужаснѣе всякаго пожара? Прибавьте къ тому почти совершенное безначаліе, безмолвіе могильное въ предмѣстіяхъ, неистовые крики бунтующей черни въ серединѣ города, — этой безумной толпы, которая, упившись кровію тѣхъ, кои заботились о ея же спасеніи, грабила, разбивала кабаки и устилала своими зараженными трупами опустѣлыя улицы Москвы; представьте себѣ все это, — и вы вѣрно согласитесь, что бѣдствіе 1771 года было гораздо тяжелѣе для московскихъ жителей, чѣмъ то, которое въ 1812 году сдѣлалось началомъ, а можетъ быть, и главною причиною спасенія всей Европы. Загоскинъ.

31. Уничтоженіе опричнины [1]).

Безпримѣрными ужасами тиранства испытавъ неизмѣнную вѣрность народа; не видя ни тѣни сопротивленія, ни тѣни опасностей для мучительства; истребивъ „гордыхъ“, „самовластныхъ“ друзей Адашева [2]), главныхъ сподвижниковъ своего добраго царствованія; передавъ ихъ знатность и богатство сановникамъ новымъ, безмолвнымъ, ему угоднымъ, — Іоаннъ, къ незапной радости подданныхъ, вдругъ уничтожилъ ненавистную опричнину, которая, служа рукою для губителя, семь лѣтъ терзала внутренность государства. По крайней мѣрѣ исчезло сіе страшное имя съ его гнуснымъ символомъ, сіе безумное раздѣленіе областей, городовъ, двора, приказовъ, воинства. Опальная *земщина* назвалась опять Россіею [3]). Карамзинъ.

[1]) Въ 1565 г. Іоаннъ IV сказалъ, что онъ для своей и государственной безопасности учредитъ особыхъ тѣлохранителей; онъ объявилъ своею собственностію 19 городовъ, московскія волости и другія съ ихъ доходами, выбралъ 1000 тѣлохранителей изъ князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и далъ имъ помѣстья, въ самой Москвѣ улицы Чертольскую (Пречистенку), Арбатскую съ Сивцевымъ Вражкомъ, половину Никитской съ разными слободами, и выслалъ отсюда всѣхъ дворянъ, не записанныхъ въ царскую тысячу; назначилъ особыхъ сановниковъ для услугъ своихъ и, не желая жить въ кремлевскомъ дворцѣ Іоанна III, указалъ строить новый, за Неглинной, межъ Арбатомъ и Никитской, и подобно врѣпости отградить высокою стѣною; самъ же переѣхалъ въ Александровскую слободу. Указанная часть Россіи и Москвы, тысячная дружина тѣлохранителей, отдѣльный дворецъ, находясь подъ его непосредственнымъ вѣдомствомъ, были названы *опричниною*, а все остальное, т. е. все государство — *земщиною*. — [2]) *Адашевъ* — см. стр. 34, вып. 8. — [3]) Опричнина уничтожена въ 1572 году.

33. Сужденіе объ уничтоженіи самостоятельности Новгорода.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, мало опытный; хотя новгородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими нѣмцами, безъ сомнѣнія, отличались благородными качествами отъ другихъ россіянъ, униженныхъ тиранствомъ монголовъ: однакожъ исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть, чтобы не погибла отъ ударовъ новаго Батыя или Витовта; тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, государь московскій поставилъ одну грань своего царства на берегу Наровы, въ угрозу нѣмцамъ и шведамъ, а другую—за Каменнымъ поясомъ, или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная древность воображала источники богатства, и гдѣ они дѣйствительно находились въ глубинѣ земли, обильной металлами, и во тьмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями.

Карамзинъ.

---

34. Участіе русскаго духовенства въ правленіи.

Хотя духовенство россійское никогда сильно не изъявляло мірскаго властолюбія, всегда болѣе угождая, нежели противясь волѣ государевой въ самыхъ дѣлахъ церковныхъ; хотя, со временъ Іоанна III, митрополиты наши въ разныхъ случаяхъ отзывались торжественно, что занимаются единственно устройствомъ богослуженія, христіанскимъ ученіемъ, совѣстію людей, спасеніемъ душъ: однакожъ, присутствуя въ думахъ земскихъ, созываемыхъ для важныхъ государственныхъ постановленій, не законодательствуя, но одобряя и утверждая законы гражданскіе, имѣя право совѣтовать царю и боярамъ, толковать имъ уставы Царя небеснаго для земнаго блага людей,—сіи іерархи участвовали въ дѣлахъ правленія соотвѣтственно ихъ личнымъ способностямъ и характеру государей: мало при Іоаннѣ III и Василіи, болѣе во время дѣтства и юности Іоанна IV, менѣе въ годы его тиранства.

Карамзинъ.

---

35. Два рода читателей.

Два рода читателей: одни, закрывая прочтенную ими книгу, остаются съ темнымъ и весьма безпорядочнымъ о ней понятіемъ:

Digitized by Google

это происходитъ или отъ непривычки мыслить въ связи, или отъ нѣкоторой безпечности, которая препятствуетъ имъ слѣдовать своимъ вниманіемъ за мыслями автора и разбирать впечатлѣнія, въ нихъ производимыя красотами или недостатками его творенія; другіе читаютъ, мыслятъ, чувствуютъ, замѣчаютъ прекрасное, видятъ погрѣшности,—и въ головѣ ихъ остается порядочное полное понятіе о томъ, что они читали.

Жуковскій.

---

35. Слѣдствія правосудія.

Нѣтъ славнѣе зрѣлища, какъ видѣть или слышать, что малый оправданъ предъ великимъ, и бѣдный предъ богатымъ; когда малость малому и бѣдность бѣдному у добраго судьи не воспрепятствовали быть добрымъ человѣкомъ, и великость великаго не защитила быть въ самомъ дѣлѣ малымъ. Таковое общество прямо было-бы блаженнымъ. Пусть будетъ кто великъ: тѣмъ больше онъ имѣетъ случаевъ защищать и покровительствовать. Пусть кто будетъ богатъ: тѣмъ только преимуществуетъ предъ бѣднымъ, что больше можетъ благодѣтельствовать. Пусть будетъ кто и малъ, но онъ безопасенъ и спокоенъ, и потому на великость смотритъ съ почтеніемъ, но безъ удивленія. Пусть кто будетъ и бѣденъ: но съ бѣдностью живетъ безъ заботъ и безъ боязни и потому на богатство смотритъ безъ зависти. О, блаженно общество, въ коемъ въ такое равновѣсіе всѣ приведены состоянія!

Но кто сію мѣру въ своемъ удержитъ равновѣсіи? Безпристрастное правосудіе хранителей и исполнителей закона.

Митр. Платонъ.

---

36. Зависимость нравственности отъ общественности.

Представьте себѣ человѣка, который бы жилъ одинъ на землѣ или удалился отъ всякаго сообщества съ людьми: какія его будутъ обязательства? Долженъ онъ будетъ Всемогущаго признавать и призывать его имя на сохраненіе бытія своего и на помощь въ нуждахъ своихъ; притомъ будетъ обязанъ самимъ естествомъ пещись о пропитаніи тѣла своего и о сохраненіи духа своего въ чистотѣ, дабы онъ ни въ чемъ его не взгрилъ и не безпокоилъ. Вотъ его какія бы были обязательства. Но никакого бъ онъ обязательства не имѣлъ въ разсужденіи ближняго и относительно до другихъ. Ибо мы полагаемъ, чтобъ никого на землѣ, кромѣ его, не было. Многихъ не могъ бы онъ имѣть пороковъ, но притомъ многихъ не могъ бы творить и добродѣтелей. Завидовать ему было бы некому и не въ чемъ; гнѣваться также не на кого; похищать и обижать некого; лукавить

Digitized by Google

и хитрить не предъ кѣмъ, и нужды нѣтъ; лгать и клеветать также. Ибо всѣ сіи и подобные пороки могутъ быть тогда, когда мы съ другими соединены обществомъ. Также и многія творить добродѣтели не имѣлъ бы онъ случая. Миловать было бы некого; благодѣтельство какое либо оказать некому; въ правосудіи защитить и утѣсненнаго покровительствовать было бы невозможно; открыть искренность своего сердца и оказать доброжелательство было бы некому; священными видимыми обрядами свидѣтельствовать свою вѣру было бъ не предъ кѣмъ. Ибо всѣ сіи и подобныя добродѣтели имѣютъ мѣсто тогда, когда мы съ другими соединены обществомъ. Въ такомъ состояніи если бъ былъ человѣкъ, не былъ бы онъ прямо ни добродѣтеленъ, ни пороченъ: не заслуживалъ бы, можетъ быть, ни наказанія, ни награжденія.

Но иное есть совсѣмъ положеніе человѣка, когда онъ соединенъ съ другими подобными себѣ людьми и состоитъ въ обществѣ. Сей союзъ возлагаетъ на него премного обязательствъ, коими онъ одолженъ ближнему своему. Митр. Платонъ.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

Digitized by Google

1. Конный дворъ.

Мы отправились на конный дворъ. У входа въ конюшни ожидалъ насъ, вмѣстѣ съ другими конюхами, главный конюхъ.

Мы вошли широкими воротами въ какое-то длинное строеніе. На обѣ стороны тянулись коридоры, гдѣ, направо и налѣво, въ особыхъ отгородкахъ, стояли старыя большія и толстыя лошади, а въ нѣкоторыхъ—и молодыя, еще тоненькія. Тутъ я узналъ, что ихъ комнатки назывались стойлами. Противъ самыхъ воротъ, на стѣнѣ, висѣлъ образъ Николая Чудотворца.

Осмотрѣвъ обѣ стороны конюшни и похваливъ въ нихъ чистоту, отецъ вышелъ опять на дворъ и приказалъ вывести нѣкоторыхъ лошадей. Главный конюхъ самъ выводилъ ихъ съ помощью другого конюха. Гордыя животныя, раскормленныя и застоявшіяся, ржали, подымались на дыбы и поднимали на воздухъ обоихъ конюховъ, такъ что они висѣли у нихъ на шеяхъ, крѣпко держась правою рукою за узду. Когда пускали нѣкоторыхъ изъ этихъ славныхъ коней бѣгать и прыгать на длинной веревкѣ вокругъ державшихъ ее конюховъ, которые, упершись ногами и пригнувшись къ землѣ, едва могли съ ними ладить,—я очень ими любовался.

С. Аксаковъ.

---

2. Водяная мельница.

Отецъ привелъ меня на мельницу, о которой я не имѣлъ никакого понятія.

Прудъ наполнялся родниками и былъ довольно глубокъ; оврагъ перегораживала, запружая воду, широкая навозная плотина. Посрединѣ ея стояла мельничная амбарушка. Въ ней находился одинъ мукомольный поставъ, который мололъ хорошо только въ полую воду, впрочемъ, не отъ того, чтобы мало было воды въ прудѣ, какъ объяснилъ мнѣ отецъ, а отъ того, что вода шла вездѣ сквозь плотину.

Прежде всего я увидѣлъ падающую изъ каузной трубы струю воды прямо на водяное колесо, позеленѣвшее отъ мокроты, воро-

Digitized by Google

чавшееся довольно медленно, все въ брызгахъ и пѣнѣ; шумъ воды сливался съ какимъ-то другимъ гудѣньемъ и шипѣньемъ. Отецъ показалъ мнѣ деревянный ларь, т. е. ящикъ, широкій вверху и узенькій внизу, какъ я увидалъ послѣ, въ который всыпаютъ хлѣбныя зерна. Потомъ мы сошли внизъ, и я увидѣлъ вертящійся жерновъ и надъ нимъ дрожащій ковшикъ, изъ котораго сыпались зерна, попадавшія подъ камень; вертясь и раздавливая зерна, жерновъ, окруженный лубочной обечайкой, превращалъ ихъ въ муку, которая сыпалась внизъ по деревянной лопаточкѣ.

Заглянувъ съ боку, я увидѣлъ другое, такъ называемое сухое колесо, которое вертѣлось гораздо скорѣе водянаго и, задѣвая кулаками за шестерню — вертѣло утвержденный на ней камень. Амбарушка была наполнена хлѣбной пылью и вся дрожала, даже припрыгивала.

Долго простояли мы въ мельничномъ амбарѣ, гдѣ какой-то старикъ, дряхлый и сгорбленный, сѣдой и хворый, мололъ всякое хлѣбное ухвостье для посыпки господскимъ лошадямъ. Онъ былъ весь бѣлый отъ мучной пыли. Когда мы вышли изъ мельницы, то я увидѣлъ, что хлѣбная пыль и насъ выбѣлила.

С. Аксаковъ.

---

3. Паромъ.

По обѣимъ сторонамъ рѣки было врыто по толстому столбу; къ нимъ крѣпко былъ привязанъ мокрый канатъ, толщиною въ руку; по канату ходилъ плотъ, похожій устройствомъ на деревянный полъ въ комнатѣ, утвержденный на двухъ выдолбленныхъ огромныхъ деревянныхъ колодахъ. Скоро я увидѣлъ, что одинъ человѣкъ могъ легко перегонять этотъ плотъ съ одного берега на другой. Перевозчикъ очень охотно, отвязавъ плотъ отъ причала, засучивъ свои жилистыя руки, ставъ лицомъ къ противоположному берегу, упершись ногами, началъ тянуть къ себѣ канатъ обѣими руками, и плотъ, отдѣляясь отъ берега, поплылъ поперекъ рѣки. Черезъ нѣсколько минутъ мы были на другомъ берегу.

С. Аксаковъ.

---

4. Родники.

Мы отправились на родники. Великолѣпные родники эти, которыхъ было болѣе двадцати, привели меня въ восторгъ.

Нѣкоторые изъ нихъ были очень сильны и вырывались изъ середины горы; другіе били и кипѣли у ея подошвы; нѣкоторые находились на косогорахъ и были обдѣланы деревянными срубами съ крышей; въ срубы были вдолблены широкія липовыя колоды, наполненныя такой прозрачной водою, что казались пустыми: вода

по всей колодѣ переливалась черезъ край, падая по бокамъ стеклянною бахромой. Я видѣлъ, какъ приходили крестьяне съ ведрами; оттыкали деревянный гвоздь, находившійся въ концѣ колоды, подставляли ведро подъ струю воды, которая била дугой, потому что нижній конецъ колоды лежалъ высоко отъ земли на большихъ каменныхъ плитахъ (бока оврага состояли всѣ изъ дикаго плитняка). Въ одну минуту наполнялось одно ведро, потомъ другое. Всѣ родники стекали въ прудъ. Многіе необдѣланные ключи текли туда же ручейками по мелкимъ камушкамъ.

С. Аксаковъ.

5. Монастырская келлія.

Комнатка, въ которой я находился, была очень невелика и чрезвычайно опрятно убрана. Все убранство составляли: покрытый клеенкой столикъ съ книгами между двумя маленькими створчатыми окнами, на которыхъ стояли два горшка герани, стоечка съ образами и лампадка, висѣвшая передъ ними, одно кресло и два стула. Въ углу висѣли стѣнные часы съ разрисованнымъ циферблатомъ и поднятыми на цѣпочкахъ мѣдными гирями; на перегородкѣ, соединявшейся съ потолкомъ деревянными выкрашенными известкой палочками, (за которой, вѣрно, стояла кровать) висѣла на гвоздикѣ ряса.

Окна выходили на какую-то бѣлую стѣну, виднѣвшуюся въ двухъ аршинахъ отъ нихъ. Между ними и стѣной былъ маленькій кустъ сирени. Никакой звукъ снаружи не заходилъ въ комнату, такъ что въ этой тишинѣ равномѣрное пріятное постукиваніе маятника казалось сильнымъ звукомъ. Эта нанковая пожелтѣвшая ряса съ протертой подкладкой, эти истертые кожаные черные переплеты книгъ съ мѣдными застежками, эти мутно-зеленые цвѣты съ тщательно политою землей и обмытыми листьями, а особенно этотъ однообразный прерывистый звукъ маятника говорили мнѣ внятно про какую-то новую, доселѣ мнѣ неизвѣстную жизнь, про жизнь уединенія, молитвы, тихаго спокойнаго счастія.

Гр. Л. Толстой.

6. Комната священника.

Его обитель
Была убога и скромна
И, какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна.
Въ углу въ серебряномъ окладѣ
Икона Спасова блеститъ,
И передъ ней огонь горитъ
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ;
Бумага, перья подлѣ нихъ;

Digitized by Google

У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенце съ бахромой
Виситъ на вербѣ восковой.

Козловъ.

---

5. Дѣтскія воспоминанія.

Я начинаю помнить себя уже дитятей, не крѣпкимъ и рѣзвымъ, какимъ я сдѣлался впослѣдствіи, но тихимъ, кроткимъ, необыкновенно жалостливымъ, большимъ трусомъ и въ то же время безпрестанно, хотя медленно, уже читающимъ дѣтскую книжку съ картинками, подъ названіемъ „Зеркало добродѣтели". Какъ и когда я выучился читать, кто меня училъ и по какой методѣ—рѣшительно не знаю; но писать учился гораздо позднѣе и какъ-то очень медленно и долго.

Мы жили тогда въ губернскомъ городѣ Уфѣ и занимали огромный деревянный домъ, купленный моимъ отцомъ, какъ я послѣ узналъ, съ аукціона за 300 р. асс. Домъ былъ обитъ тесомъ, но не выкрашенъ; онъ потемнѣлъ отъ дождей, и вся эта громада имѣла очень печальный видъ. Домъ стоялъ на косогорѣ, такъ что окна въ садъ были очень низки отъ земли, а окна изъ столовой на улицу, на противоположной сторонѣ дома, возвышались аршина три надъ землей; парадное крыльцо имѣло болѣе 25 ступенекъ, и съ него была видна рѣка Бѣлая почти во всю свою ширину.

Двѣ дѣтскія комнаты, въ которыхъ я жилъ вмѣстѣ съ сестрой, выкрашенныя по штукатуркѣ голубымъ цвѣтомъ, находившіяся возлѣ спальни, выходили окошками въ садъ, и посаженная подъ ними малина росла такъ высоко, что на цѣлую четверть заглядывала къ намъ въ окна, что очень веселило меня и неразлучнаго моего товарища—маленькую сестрицу.

Садъ впрочемъ былъ, хотя довольно великъ, но не красивъ: кое-гдѣ ягодные кусты смородины, крыжовника и барбариса, десятка два-три тощихъ яблонь, круглые цвѣтники съ ноготками, шафранами и астрами, и ни одного большого дерева, никакой тѣни; но и этотъ садъ доставлялъ намъ удовольствіе, особенно моей сестрѣ, которая не знала ни горъ, ни долей, ни лѣсовъ; я же изъѣздилъ, какъ говорили, болѣе пятисотъ верстъ. Не смотря на мое болѣзненное состояніе, величіе красотъ Божьяго міра незамѣтно ложилось на дѣтскую душу и жило безъ моего вѣдома въ моемъ воображеніи; я не могъ удовольствоваться нашимъ бѣднымъ городскимъ садомъ и безпрестанно разсказывалъ моей сестрѣ, какъ человѣкъ бывалый, о разныхъ чудесахъ, мною видѣнныхъ; она слушала съ любопытствомъ, устремивъ на меня полные напряженнаго вниманія свои глазки, въ которыхъ въ то же время ясно выражалось: „братецъ, я

Digitized by Google

ничего не понимаю". Да и что мудренаго? разсказчику только что пошелъ пятый годъ, а слушательницѣ—третій.

С. Аксаковъ.

---

8. Сѣвъ.

Какъ только провяла земля, начались полевыя работы, то есть посѣвъ ярового хлѣба, и отецъ сталъ ѣздить всякій день на пашню. Всякій день я просился съ нимъ, и только одинъ разъ отпустила меня мать.

Видъ весеннихъ полей скоро привлекъ мое вниманіе, и радостное чувство овладѣло моей душой. Поднимаясь отъ гумна на гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки весело зеленѣли сочной травой, а гривы, или *кулиги* дикаго персика, которыя тянулись по скатамъ крутыхъ холмовъ, были осыпаны розовыми цвѣточками, издававшими сильный ароматическій запахъ. На горахъ зацвѣтала вишня и дикая акація, или чилижникъ [1]). Жаворонки такъ и разсыпались пѣснями вверху; иногда проносился крикъ журавлей; вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ [2]); стрепета [3]) поднимались съ дороги и тутъ же садились. Не одинъ разъ отецъ говорилъ: „жалко, что нѣтъ съ нами ружья". Это былъ особый птичій міръ, совсѣмъ не похожій на тотъ, который подъ горою населялъ воды и болота, и онъ показался мнѣ еще прекраснѣе. Тутъ только, на горѣ, почувствовалъ я неизмѣримую разность между атмосферами внизу и вверху! Тамъ пахло стоячею водой, тяжелою сыростью, а здѣсь воздухъ былъ сухъ, ароматенъ и легокъ; тутъ только я почувствовалъ справедливость жалобъ матери на низкое мѣсто въ Багровѣ [4]).

Вскорѣ зачернѣлись полосы вспаханной земли, и, подъѣхавъ, я увидѣлъ, что крестьянинъ, уже не молодой, мѣрно и бодро ходитъ взадъ и впередъ по десятинѣ, разсѣвая вокругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли три крестьянина за сохами; запряженныя въ нихъ лошадки казались мелки и слабы, но онѣ, не останавливаясь и безъ напряженнаго усилія, взрывали сошниками [5]) черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налѣво, разумѣется, не новь, а мякоть, какъ называлась тамъ нѣсколько разъ паханная земля; за ними тащились три бороны съ желѣзными зубьями, запряженныя такими же лошадками; ими управляли мальчики. Не смотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, всѣ люди были въ однихъ рубашкахъ, босикомъ и съ непокрытыми головами. И весь этотъ повидимому тяжелый трудъ производился легко, бодро и ве-

---

[1]) *Чилижникъ*—видъ полыни. —[2]) и [3])—*Кроншнепъ* и *стрепетъ*—степныя птицы. —[4]) *Багрово*—село, принадлежавшее родителямъ автора.—[5]) *Сошникъ*—треугольное желѣзо, которое бороздитъ наискось землю.

село. Глядя на эти правильно и непрерывно движущіяся фигуры людей и лошадей, я забылъ окружающую меня красоту весенняго утра. Важность и святость труда, которыхъ я не могъ тогда вполнѣ ни понять, ни оцѣнить, однако глубоко поразили меня. Отецъ пошелъ на вспаханную десятину, сталъ что-то мѣрить своей палочкой и считать, а я,—оглянувшись вокругъ себя и увидя, что въ разныхъ мѣстахъ много людей и лошадей двигались такъ же мѣрно и въ такомъ же порядкѣ взадъ и впередъ,—я крѣпко задумался, самъ хорошенько не зная, о чемъ.

С. Аксаковъ.

---

9. Сѣнокосъ.

Пришло время сѣнокоса. Его начали за недѣлю до Петрова дня. Эта работа, одна изъ всѣхъ крестьянскихъ полевыхъ работъ, которой я до тѣхъ поръ еще не видывалъ, понравилась мнѣ больше всѣхъ. Въ прекрасный лѣтній день, когда солнечные лучи давно уже поглотили ночную свѣжесть, подъѣзжали мы съ отцомъ къ такъ называемому „Потаенному колку", состоящему по большей части изъ молодыхъ и уже довольно толстыхъ, какъ сосна прямыхъ липъ,—колку [1]), давно заповѣданному и сберегаемому съ особенною строгостью. Лишь только поднялись мы къ лѣсу изъ оврага, сталъ долетать до моего слуха какой-то [illegible] шумъ; то какой-то отрывистый и мѣрный шорохъ, на мгновенье перемежающійся и вновь возникающій, то какое-то звонкое металлическое шарканье. Я сейчасъ спросилъ: „что это такое?"—„А вотъ увидишь!" отвѣчалъ отецъ, улыбаясь. Но за поростью молодого и частаго осинника ничего не было видно; когда же мы обогнули его—чудное зрѣлище поразило мои глаза. Человѣкъ сорокъ крестьянъ косили, выстроясь въ одну линію, какъ по ниткѣ: ярко блестя на солнцѣ, взлетали косы, и стройными рядами ложилась срѣзанная густая трава. Пройдя длинный рядъ, вдругъ косцы остановились и принялись чѣмъ-то точить свои косы, весело перебрасываясь между собою шутливыми рѣчами, какъ можно было догадываться по громкому смѣху: разслышать словъ было еще невозможно. Металлическіе звуки происходили отъ точенья косъ деревянными лопаточками, обмазанными глиною съ пескомъ, о чемъ я узналъ послѣ. Когда мы подъѣхали близко, и отецъ мой сказалъ обыкновенное привѣтствіе: „Богъ помочь!" или „Богъ на помочь!" громкое: „благодарствуйте, батюшка Алексѣй Степанычъ!" огласило поляну, отозвалось въ оврагѣ, и снова крестьяне продолжали широко, ловко, легко и свободно размахивать косами. Въ этой работѣ было что-то доброе, веселое, такъ что я не

---

[1]) *Колки*, или гривы—участки лѣса.

Digitized by Google

вдругъ повѣрилъ, когда мнѣ сказали, что она тоже очень тяжела. Какой легкій воздухъ, какой чудесный запахъ разносился отъ близкаго лѣса и скошенной еще рано утромъ травы, изобиловавшей множествомъ душистыхъ цвѣтовъ, которые отъ знойнаго солнца уже начали вянуть и издавать особенный пріятный ароматическій запахъ! Нетронутая трава стояла стѣной, въ поясъ вышиною, и крестьяне говорили: „что за трава! медвѣдь-медвѣдемъ!“ По зеленымъ высокимъ рядамъ скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетѣвшія изъ лѣса, гдѣ находились ихъ гнѣзда. Мнѣ сказали, что онѣ подбираютъ разныхъ букашекъ, козявокъ и червяковъ, которые прежде скрывались въ густой травѣ, а теперь бѣгали на виду по опрокинутымъ стеблямъ растеній и по обнаженной землѣ. Подойдя поближе, я своими глазами удостовѣрился, что это совершенная правда. Сверхъ того я замѣтилъ, что птица клевала и ягоды. Въ травѣ клубника была еще зелена, за то необыкновенно крупна; на открытыхъ же мѣстахъ она уже поспѣвала. Изъ скошенныхъ рядовъ мы съ отцомъ набрали по большой кисти такихъ ягодъ, изъ которыхъ иныя попадались крупнѣе обыкновеннаго орѣха; многія изъ нихъ, хотя еще не покраснѣли, но были уже мягки и вкусны.

С. Аксаковъ.

---

10. Цвѣтъ ржи.

Я думаю, что немногимъ изъ жителей городовъ приходилось видѣть картину ржанаго расцвѣта, потому что моменты его бываютъ большею частію на зарѣ и продолжаются не болѣе полуминуты, а потому трудно уловимы. Смотришь иногда, какъ небольшой вечерній вѣтерокъ волнуетъ хлѣбную ниву, и тихо шелестя колосьями, ровно переливаются хлѣбныя волны. Но вотъ вѣтерокъ стихъ; хлѣбные колосья неподвижно установились на мѣстѣ, и съ быстротой, которая кажется невѣроятною, изъ многочисленной ости [1]) каждаго колоса моментально вылѣзаютъ полные, сочные пыльнички ржанаго цвѣта. И тотчасъ же, по выходѣ на привольный свѣтъ Божій, пыльники лопаются, испуская изъ себя милліарды пылинокъ бѣлой благоухающей цвѣточной пыльцы. Въ это время все ржаное поле, насколько можно окинуть глазомъ, какъ будто бѣловатою дымкой застилается плотнымъ туманомъ цвѣтной пыли. Свѣжій и своеобразный острый ароматъ этой пыльцы далеко бываетъ слышенъ по вѣтру. Но одна минута—и все измѣняется; одни только мгновенно завядшіе цвѣтовые пагодничики колышатся на колосовой ости. И снова какъ бы въ безконечную даль, одну за одной, погонитъ вѣтерокъ широкія хлѣбныя волны...

---

[1]) *Ость*—усикъ колоса.—

Digitized by Google

11. Жнитво.

На длинныхъ крестьянскихъ роспускахъ отправились мы съ отцомъ въ поле. По колеямъ степной дороги роспуски опускались такъ низко, что растущіе высоко травы и цвѣты хлестали меня по ногамъ и по рукамъ. Я даже успѣвалъ срывать цвѣточки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рожь не наклонялась, „не вылегла," какъ говорится,— она стояла такъ высоко, что насъ съ роспусками и лошадьми не было видно. Долго мы ѣхали межами, и вотъ началъ слышаться издалека какой-то странный шумъ и говоръ людей. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ становился онъ слышнѣе, и наконецъ сквозь не сжатую рожь стали мелькать блестящіе серпы и колосья горстей срѣзанной ржи, которыми кто-то взмахивалъ въ воздухѣ. Вскорѣ показались плечи и спины согнувшихся крестьянъ и крестьянокъ.

Когда мы въѣхали на десятину, которую жали человѣкъ съ десять, говоръ прекратился; но за то шарканье серповъ по соломѣ усилилось и наполняло все поле необыкновенными и не слыханными мною звуками. Мы остановились, сошли съ роспусковъ, подошли близко къ жнецамъ и жницамъ, и отецъ мой сказалъ: „Богъ на помощь!" Вдругъ всѣ оставили работу, обернулись къ намъ лицомъ, низко поклонились, а нѣкоторые крестьяне, постарше, поздоровались съ нами. На загорѣлыхъ лицахъ была написана радость; нѣкоторые тяжело дышали; у иныхъ были обвязаны грязными тряпицами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ, но всѣ были бодры. Отецъ мой спросилъ, сколько людей на десятинѣ, не тяжело ли имъ,—и получивъ въ отвѣтъ, что „тяжеленько, да какъ же быть, рожь сильна, прихватимъ вечера...", сказалъ: „такъ жните съ Богомъ...", и въ одну минуту засверкали серпы, горсти ржи замелькали надъ головами работниковъ, и шумъ отъ рѣзки жесткой соломы еще звучнѣе, сильнѣе разнесся по всему полю.

С. Аксаковъ.

---

12. Хлѣбная уборка.

Хлѣбная уборка была во всемъ разгарѣ. Необозримое, блестяще-желтое поле замыкалось только съ одной стороны высокимъ синѣющимъ лѣсомъ. Все поле было покрыто копнами и народомъ. Въ высокой, густой ржи виднѣлись кое-гдѣ, на выжатой полосѣ, согнутая спина жницы, взмахъ колосьевъ, когда она перекладывала ихъ между пальцевъ, женщина, въ тѣни нагнувшаяся надъ люлькой, и разбросанные снопы по усѣянному васильками жнивью; въ другой сторонѣ мужики въ однихъ рубахахъ, стоя на телѣгахъ, накладывали копны и плыли по сухому, раскаленному полю.

Google

Староста, въ сапогахъ и армякѣ въ накидку, съ бирками [1]) въ рукѣ, снявъ свою поярковую [2]) шляпу, утиралъ рыжую голову и бороду полотенцемъ и покрикивалъ на бабъ. Говоръ народа, топотъ лошадей и телѣгъ, веселый свистъ перепеловъ, жужжанье насѣкомыхъ, которыя неподвижными стаями вились въ воздухѣ, запахъ полыни, соломы и лошадинаго пота, тысячи различныхъ цвѣтовъ и тѣней, которыя разливало палящее солнце по свѣтло-желтому жнивью, синей дали лѣса и бѣло-лиловымъ облакамъ, бѣлыя паутины, которыя носились въ воздухѣ или ложились по жнивью, — все это я видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ.

Гр. Л. Толстой.

---

13. Возка сноповъ.

Я увидѣлъ изъ окна, какъ тянулись телѣги, нагруженныя снопами, къ нашему высокому гумну. Я сталъ проситься съ отцомъ, который собирался ѣхать въ поле, и онъ согласился. Давно я не бывалъ въ хлѣбномъ полѣ и потому съ большою радостью усѣлся возлѣ отца на роспускахъ.

Мы поднялись на изволокъ и выѣхали въ поле. Трава поблекла, потемнѣла и прилегла къ землѣ. Навстрѣчу стали попадаться намъ телѣги съ хлѣбомъ, такъ называемыя *сноповыя* телѣги. Это были короткія дроги съ четырьмя столбиками по угламъ, между которыми очень ловко укладывались снопы въ два ряда, укрѣпленные сверху *метомъ* и крѣпко привязанные веревками спереди и сзади. Все это растолковалъ мнѣ отецъ, говоря, что такой возъ не опрокинется и не разсыплется по нашимъ косогористымъ дорогамъ, что умная лошадь одна безъ провожатаго безопасно привезетъ его въ гумно. Въ самомъ дѣлѣ, при сноповыхъ возахъ были только мальчики или дѣвчонки, которые весело шли, каждый при своей лошадкѣ, низко кланяясь при встрѣчѣ съ нами.

Когда мы пріѣхали на десятины, то увидѣли, что нѣсколько человѣкъ крестьянъ длинными вилами накладываютъ воза и только увязываютъ и отпускаютъ ихъ. Отецъ объяснилъ мнѣ, что большая часть крестьянъ работаетъ теперь на гумнѣ, и что мы скоро увидимъ ихъ работу.

С. Аксаковъ.

---

14. Молотьба.

На одной изъ десятинъ былъ расчищенъ токъ, гладко выметенный: на немъ высокою грядой лежала гречневая солома, по которой

---

[1]) *Бирка*—палочка, на которой безграмотные для памяти нарѣзываютъ мѣтки.—[2]) *По-яр-ок*—шерсть съ ярки (молодой овцы).

Digitized by Google

ходило взадъ и впередъ болѣе тридцати цѣповъ. Стройность и ловкость мѣрныхъ и быстрыхъ ударовъ привели меня въ восхищеніе. Цѣпы мелькали, вставая и падая другъ вослѣ друга, и ни одинъ не зацѣпилъ за другой, между тѣмъ какъ бабы не стояли на одномъ мѣстѣ, а то подвигались впередъ, то отступали назадъ.

На другомъ току двое крестьянъ вѣяли ворохъ обмолоченной гречи. Вѣтеркомъ далеко относило всякую дрянь и тощія, легкія зерна, — а полныя и тяжелыя косымъ дождемъ падали на землю; другой крестьянинъ сметалъ метлою ухвостье и всякій соръ.

Работать было не жарко; въ работающихъ не замѣтно было никакой усталости, и молотьба не произвела на меня тяжелаго впечатлѣнія, какое получилъ я на жнитвѣ.

С. Аксаковъ.

15. Подъ дубомъ.

Около оголившихся корней того дуба, подъ которымъ я сидѣлъ, по сѣрой, сухой землѣ, между сухими дубовыми листьями, желудями, пересохшими, обомшалыми [1]) хворостинками, желто-зелеными мхомъ и изрѣдка пробивавшимися тонкими зелеными травками кишмя кишѣли муравьи. Они, одинъ за другимъ, торопились, по пробитымъ ими торнымъ дорожкамъ: нѣкоторые съ тяжестями, другіе порожнякомъ. Я взялъ въ руки хворостину и загородилъ ею дорогу. Надо было видѣть, какъ одни, презирая опасность, подлѣзали подъ нее, другіе перелѣзали черезъ; а нѣкоторые, особенно тѣ, которые съ тяжестями,—совершенно терялись и не знали, что дѣлать: останавливались, искали обхода, или ворочались назадъ, или по хворостинѣ добирались до моей руки и, кажется, намѣревались забраться подъ рукавъ моей курточки. Отъ этихъ интересныхъ наблюденій я былъ отвлеченъ бабочкой съ желтыми крылышками, которая чрезвычайно заманчиво вилась передо мною. Какъ только я обратилъ на нее вниманіе, она отлетѣла отъ меня шага на два, появилась надъ почти увядшимъ бѣлымъ цвѣткомъ дикаго клевера и сѣла на него. Не знаю, солнышко ли ее пригрѣло, или она брала сокъ изъ этой травки—только видно было, что ей очень хорошо. Она изрѣдка взмахивала крылышками и прижималась къ цвѣтку, наконецъ совсѣмъ замерла. Я положилъ голову на обѣ руки и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нее.

Гр. Л. Толстой.

16. Изба.

Видали ли вы избу небогатой приволжской деревни Костромской губерніи? Вглядитесь въ нее. Не хитра и не богата ея наруж-

[1]) *Обо-мш-алый* — покрытый мох-омъ.

Digitized by Google

ность. Сложенная изъ толстыхъ бревенъ, покрытая соломой, иногда съ черной [1]) печью, она только тремя маленькими окошечками, въ которыя съ трудомъ пролѣзетъ курица, смотритъ на міръ Божій. Съ одной стороны, обыкновенно лѣвой, примыкаетъ къ ней крытый соломою дворъ, съ другой—незатѣйливое, почти совсѣмъ открытое крылечко, которое зимой заносится снѣгомъ. По шаткой лѣстницѣ крылечка вы входите въ сѣни; оттуда налѣво низкая дверь въ избу, а если хозяинъ зажиточенъ, то направо должна быть такая же дверь въ чуланъ или комнату, гдѣ стоятъ *кросна* [2]) и другія хозяйственныя принадлежности: эта комната называется *сыннико*мъ. Вы должны какъ можно ниже наклониться, чтобы пройти въ дверь избы и потомъ еще нѣсколько шаговъ итти, не разгибая спины, потому что иначе ударитесь головой въ полати, которыя находятся на аршинъ или на три четверти отъ потолка и тянутся надъ самымъ входомъ, отъ печи до противоположной стѣны.

Не хитро и внутреннее убранство и устройство крестьянской избы.

По всѣмъ четыремъ стѣнамъ ея тянутся широкія лавки. Параллельно имъ, на одной высотѣ съ полатями, расположены также широкія полки. На этихъ полкахъ помѣщается весь почти домашній скарбъ крестьянина. Направо отъ входа помѣщается печка и занимаетъ болѣе трехъ четвертей избы. Съ наружной стороны печи, рядомъ съ лѣсенкой на нее, прислонена маленькая деревянная пристройка съ дверцами, *голбецъ*, которая служитъ чѣмъ-то въ родѣ подвала или погреба. Недалеко отъ печки, подъ рукой стряпающей хозяйки, маленькій шкафчикъ, гдѣ и хранится вся несложная и немногочисленная кухонная посуда: двѣ деревянныхъ чашки, десятокъ ложекъ и два или три ножа. Противъ печи, направо же, въ уровень съ полками, дѣлаютъ еще однѣ маленькія полочки, на которыхъ помѣщаются остальныя принадлежности деревенскаго хозяйства: горшки, чугуны, плошки, въ которыхъ пекутъ хлѣбы и т. п. Въ лѣвомъ главномъ углу, какъ водится, прибито *тябло*, съ тремя образами безъ кіотовъ и окладовъ; предъ ними, во время грозы, теплится маленькая желтаго воску свѣча, и каждый день, можетъ быть, льется самая горячая молитва.

Потѣхинъ.

---

17. Усадьба.

Усадьба состояла изъ двухъ отдѣльныхъ господскихъ домиковъ, построенныхъ другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ огромна-

---

[1]) *Въ черной* (или *курной*) избѣ, печь которой безъ трубы, дымъ изъ печи идетъ черезъ избу въ *волоковое окно*, устраиваемое надъ печью.—
[2]) *Кросна*—станъ съ основой полотна или рѣдины.

Digitized by Google

го пруда. Длинная плотина, обсаженная серебристыми тополями, замыкала этотъ прудъ; почти въ уровень съ ней виднѣлась красная крыша небольшой мельницы-колотовки. Построенные одинаково, выкрашенные одной лиловой краской, домики, казалось, переглядывались черезъ широкую водную гладь блестящими стеклами своихъ маленькихъ, чистыхъ оконъ. Посредѝнѣ каждаго изъ домиковъ выдавалась круглая терраса, и возвышался острый фронтонъ, подпертый четырьмя тѣсно поставленными бѣлыми колоннами. Вокругъ всего пруда шелъ старинный садъ; липы тянулись по немъ аллеями, стояли сплошными купами; заматерѣлыя сосны, съ блѣдно-желтыми стволами, темные дубы, великолѣпные ясени высоко поднимали тамъ и сямъ свои одинокія верхушки; густая зелень разросшихся сиреней и акацій подступала вплоть до самыхъ боковъ обоихъ домиковъ, оставляя открытыми однѣ ихъ переднія стороны, отъ которыхъ бѣжали внизъ, по скатамъ, убитыя кирпичемъ дорожки. Пестрыя утки, бѣлые и сѣрые гуси плавали отдѣльными станицами по свѣтлой водѣ пруда: онъ никогда не зацвѣталъ, благодаря обильнымъ ключамъ, бившимъ въ его „головѣ“ со дна крутого и каменистаго оврага. Мѣстоположеніе усадьбы было хорошо: привѣтливо, уединенно и привольно.

Тургеневъ.

18. Боярскій домъ XVI вѣка.

Боярскій домъ, на берегу Москвы-рѣки, отличался особенною красотою. Дубовыя бревна были на подборъ круглы и ровны; всѣ углы рублены въ лапу, домъ возвышался въ три жилья, не считая свѣтлицы. Навѣсная кровля, надъ крутымъ крыльцомъ, поддерживалась пузатыми, вычурными столбами и щеголяла мелкою рѣзьбою. Ставни были искусно расписаны цвѣтами и птицами, а окна пропускали свѣтъ Божій не сквозь тусклые бычачьи пузыри, какъ въ большей части домовъ московскихъ, но сквозь чистую, прозрачную слюду. На широкомъ дворѣ стояли службы, кладовыя, сушилы, голубятня и лѣтняя опочивальня боярина. Ко двору примыкали, съ одной стороны, домовая каменная церковь, съ другой — пространный садъ, окруженный дубовымъ частоколомъ, изъ-за котораго подымались красивыя качели также съ узорами и живописью. Словомъ, домъ выстроенъ былъ на славу.

Гр. А. Толстой.

19. Украинскія селенія XVII вѣка.

Въ XVII вѣкѣ, на Украйнѣ [1]) селенія носили видъ крѣпостей. Околица села окаймлялась оградою, иногда ровомъ. Каждая усадьба

[1]) *Украйна*—Малороссія.

Digitized by Google

укрѣплялась то тверже, то слабѣе, смотря по состоянію и разсчету владѣльца: частые набѣги татаръ, еще не установившіяся отношенія съ мордвою и наконецъ нерѣдкіе разбои заставляли жить въ страхѣ нападенія. Тогда не только дозволялось, но приказывалось всѣмъ держать оружіе. Всѣ помѣщичьи усадьбы огорожены были высокими плетнями и заборами, и въ нихъ сдѣланы, какъ въ крѣпостяхъ, узкія отверстія, чтобы стрѣлять или метать камни въ непріятеля. Крестьянскіе дворы огорожены были крѣпко, а нѣкоторые обведены кругомъ рвами; не всѣ избы выходили наружу: большею частью онѣ скрывались въ срединѣ ограды, и потому снаружи трудно было видѣть крестьянскія жилья, кромѣ деревянныхъ крышъ, обыкновенно безъ трубъ. Только низенькія бобыльскія избушки съ маленькими закопченными отверстіями, заслоненными тряпицами, торчали тамъ и сямъ за развалившеюся оградою, и около нихъ въ оградѣ не было ничего, кромѣ сарайчика или навѣса съ соломенною крышею, изрѣзанною вѣтрами. Усадьбы, построенныя вдоль рѣки, составляли непрерывную линію; другія стояли по двѣ и по три вмѣстѣ; въ иныхъ мѣстахъ были за плетнями одни гумна или огороды, безъ избъ, и такимъ образомъ все село представляло нѣсколько разсѣянныхъ группъ, раздѣленныхъ между собою пустырями. Поэтому пространство, занимаемое селомъ, было огромно, а самые дворы тѣсны и какъ-будто жались другъ къ другу.

Костомаровъ.

---

20. Средневѣковыя поселенія въ западной Европѣ.

Перенеситесь мыслію въ любое изъ государствъ тогдашней Европы, бросьте на него хоть бѣглый взглядъ, и вы тотчасъ поймете, что война составляетъ главное занятіе, почти исключительную заботу всего населенія.

Начнемъ съ городовъ, этихъ средоточій дѣятельной жизни и промышленности для народовъ древняго и новаго міра. Средневѣковой городъ обнесенъ зубчатою стѣною и окруженъ рвомъ. На колокольнѣ или башнѣ стоитъ недремлющій сторожъ, озирающій безпокойными глазами окрестности. Отдѣльные домы похожи на крѣпости. Чрезъ улицы на ночь протягиваются цѣпи. Это обиліе предосторожностей обличаетъ вѣчную опасность, постоянную возможность нападенія. Врагъ грозитъ отвсюду. Когда его нѣтъ внѣ города, купившаго деньгами или кровью минутный покой у сосѣднихъ бароновъ, тогда онъ подымается внутри стѣнъ: цехи воюютъ съ патриціями, одна часть общины идетъ на другую.

Переходя отъ городскаго къ сельскому населенію, мы встрѣтимъ тѣ же явленія. Почти каждый холмъ, каждая крутая возвышенность увѣнчана крѣпкимъ замкомъ, при постройкѣ котораго,

Digitized by Google

очевидно, не удобство жизни, не то, что̀ мы теперь называемъ комфортомъ, а безопасность была главной цѣлью. Воинственный характеръ общества рѣзко отразился на этихъ зданіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ желѣзнымъ доспѣхомъ, составляли необходимое условіе феодальнаго существованія. Къ высокимъ башнямъ господскаго замка робко жмутся бѣдныя, ждущія отъ него защиты и покровительства, хижины вилановъ.

Даже обители мира, монастыри, не всегда представляли надежное убѣжище своимъ жителямъ. Подобно городу и замку, монастырь былъ часто окруженъ укрѣпленіями, свидѣтельствовавшими, что святое назначеніе мѣста недостаточно защищало его противъ хищности окрестныхъ владѣльцевъ или наемныхъ дружинъ, которыя въ мирное время обращались въ разбойничьи шайки.

Грановскій.

Digitized by Google

3. Для объяснительнаго чтенія, устнаго и письменнаго изложенія и извлеченія.

1. Преданіе о Карлѣ Великомъ.

a. Введеніе.

Кромѣ записанной исторіи, у каждаго народа есть изустныя преданія о великихъ дѣлахъ и людяхъ стараго времени. Такія преданія занимаютъ средину между исторіею и поэзіей. Содержаніемъ ихъ служитъ всегда дѣйствительная быль, но разсказъ, переходившій отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ вѣка въ вѣкъ, часто носитъ на себѣ печать сказки. Простой народъ не знаетъ книжной исторіи. Прошедшія событія ему не кажутся чѣмъ-то неподвижнымъ, конченнымъ: онъ какъ будто играетъ ими, свободно измѣняя подробности разсказа. Исторія, какъ наука, старается рѣзко обозначить каждое явленіе, опредѣлить его время и мѣсто; преданіе не заботится о такой вѣрности. Въ немъ есть истина другого рода. Въ немъ высказывается любовь и ненависть народа, его нравственныя понятія, его взглядъ на собственную старину. Чѣмъ сильнѣе событіе или человѣкъ коснулись народной жизни, тѣмъ глубже западаютъ ихъ образы въ память, тѣмъ болѣе хранится о нихъ разсказовъ. У германскаго племени много прекрасныхъ историческихъ преданій. Они частію собраны и записаны учеными людьми, между которыми первое мѣсто принадлежитъ двумъ братьямъ: Якову и Вильгельму Гриммамъ. Ихъ благородныя имена должны быть извѣстны нашимъ молодымъ читателямъ.

Дѣла и заслуги Карла Великаго всѣмъ извѣстны. Онъ соединилъ въ одно большое государство почти всю западную Европу, обвелъ это государство твердыми границами и скрѣпилъ общими учрежденіями и законами. Языческіе саксы, жившіе въ сѣверной Германіи, были обращены имъ къ христіанству. Множество школъ возникло по его волѣ. Короче, онъ былъ обновителемъ духовной и гражданской жизни на Западѣ. Многое изъ созданнаго имъ вскорѣ исчезло, еще болѣе—сохранилось. О такихъ людяхъ не забываютъ народы. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ хранятъ они ихъ память. Вотъ нѣсколько преданій о Карлѣ Великомъ.

б. Карлъ Великій и Дезидерій Лонгобардскій.

Когда Карлъ Великій пошелъ войною на лонгобардовъ, при дворѣ ихъ короля Дезидерія жилъ Огеръ, благородный франкъ, бѣжавшій изъ отечества, гонимый гнѣвомъ Карла. Услышавъ о

приближеніи франкскаго войска къ Павіи, Дезидерій и Огеръ взошли на вершину башни, съ которой можно было обозрѣть всю окрестность. Вдали показались обозы франковъ. Они покрывали большое пространство. „Не здѣсь ли самъ Карлъ?“ спросилъ король Дезидерій. „Его здѣсь нѣтъ“, отвѣчалъ Огеръ. Потомъ явилось ополченіе, собранное со всѣхъ концовъ государства. „Карлъ вѣрно самъ идетъ съ этими воинами“, сказалъ опять Дезидерій. „Нѣтъ еще, нѣтъ еще“, отвѣчалъ Огеръ. Тогда смутился лонгобардскій король и молвилъ: „Что же будетъ съ нами, если съ Карломъ ихъ придетъ еще болѣе?“—„Когда и какъ онъ придетъ“, сказалъ Огеръ, „ты увидишь самъ; что съ нами будетъ—не знаю“. Между тѣмъ приблизилась новая толпа. На вопросъ Дезидерія Огеръ отвѣчалъ по прежнему: „Его еще нѣтъ, подожди“. Потомъ они увидѣли съ башни своей длинные ряды епископовъ, аббатовъ, священниковъ и другихъ духовныхъ лицъ, шедшихъ вмѣстѣ съ войсками. Дезидерій не взвидѣлъ свѣта и зарыдалъ. „Сойдемъ скорѣе внизъ“, говорилъ онъ,—„скроемся гдѣ-нибудь подъ землею предъ лицомъ страшнаго врага“. Тогда вспомнилъ Огеръ о прошедшихъ, лучшихъ годахъ своей жизни и о великой силѣ короля Карла. Онъ сказалъ Дезидерію: „Когда поля твои покроются желѣзными колосьями, когда рѣки потекутъ на городъ желѣзными волнами, тогда жди Карла. Онъ явится передъ тобою“. Онъ еще не успѣлъ кончить, какъ съ запада и съ сѣвера поднялись мрачныя тучи и затмили ясный день. Немного спустя наступила настоящая тьма. Тогда явился самъ Карлъ. Онъ былъ въ желѣзѣ. На головѣ у него былъ желѣзный шлемъ, на рукахъ желѣзныя рукавицы, на широкой груди желѣзныя латы. Лѣвой рукою онъ держалъ желѣзное копье. Въ правой рукѣ былъ мечъ; щитъ былъ желѣзный; даже конь его по крѣпости и цвѣту казался желѣзнымъ. Воины, шедшіе съ Карломъ и назади его, и остальная дружина были почти такъ же вооружены. Стѣны Павіи задрожали. „Вотъ тотъ, о которомъ ты спрашивалъ меня“, сказалъ онъ королю лонгобардовъ, и безъ памяти повалился на землю.

в. Карлъ Великій и змѣя.

Въ бытность свою въ Цюрихѣ, императоръ Карлъ приказалъ поставить столбъ и привязать къ нему колоколъ. Отъ колокола къ землѣ была спущена веревка. Когда императоръ сидѣлъ за обѣдомъ, каждый могъ подойти къ столбу, звонить и требовать себѣ суда и расправы. Одинъ разъ случилось, что колоколъ зазвонилъ, но вышедшіе служители не замѣтили никого у веревки. Звонъ раздался снова: Карлъ приказалъ служителямъ выйти опять и узнать о причинѣ звона. Тогда только увидѣли они большую змѣю, которая

Digitized by Google

дергала зубами веревку и такимъ образомъ приводила въ движеніе колоколъ. Испуганные слуги возвратились назадъ и донесли о видѣнномъ своему государю. Ни человѣку, ни животному не хотѣлъ Карлъ отказать въ судѣ и правдѣ. Онъ самъ пошелъ къ странной просительницѣ. Змѣя, завидѣвъ его, почтительно преклонила голову и поползла предъ нимъ къ берегу озера, гдѣ указала ему на гнѣздо свое. Въ немъ сидѣла огромная жаба. Карлъ разсудилъ ихъ: змѣѣ возвратилъ гнѣздо, а жабу приказалъ сжечь. Черезъ нѣсколько дней змѣя снова пришла ко двору, всползла на столъ, за которымъ сидѣли императоръ и его гости, и подняла крышку съ одного изъ кубковъ. Она опустила въ кубокъ драгоцѣнный камень, который держала во рту, преклонилась передъ Карломъ и отправилась назадъ. Впослѣдствіи тамъ, гдѣ онъ нашелъ гнѣздо змѣи, Карлъ Великій выстроилъ церковь, а камень подарилъ супругѣ своей.

г. Возвратъ короля Карла изъ Венгріи.

Король Карлъ отправился въ походъ для обращенія язычниковъ, живших въ нынѣшней Венгріи, къ христіанству. Предъ разлукою онъ обѣщалъ супругѣ своей возвратиться черезъ десять лѣтъ. По прошествіи этого срока, она должна была считать его мертвымъ и молиться за его душу. Девять лѣтъ прошло такимъ образомъ безъ него. Въ государствѣ не было ни порядка, ни мира: вездѣ пожары да разбои. Тогда вельможи собрались у королевы и стали ее просить, чтобъ она выбрала себѣ другого мужа, способнаго охранять государство. Королева долго отказывалась, но наконецъ принуждена была уступить общимъ требованіямъ и жалобамъ на бѣдствія государства. Нашелся женихъ, богатый и сильный король. До свадьбы оставалось только три дня.

Богъ не допустилъ этому исполниться. Ангелъ увѣдомилъ Карла о томъ, что ему угрожало. „Но какъ же мнѣ поспѣть къ сроку?“ сказалъ король: „осталось только три дня, а путь великъ.“— „Не заботься объ этомъ“, отвѣчалъ ему Ангелъ: „Богъ милосердъ и всемогущъ. Поди и купи у твоего писаря его крѣпкаго коня. Черезъ болота и поля донесетъ онъ тебя въ одинъ день къ городу на Раабѣ. Тамъ ты переночуешь и накормишь лошадь. На другой день, рано утромъ отправляйся вверхъ по Дунаю къ Пассау. Тамъ ты еще разъ ночуешь. Въ Пассау оставь своего коня. У хозяина дома, гдѣ ты остановишься, есть жеребенокъ: купи его. Онъ принесетъ тебя на третій день въ родной край твой“.

Карлъ поступилъ, какъ ему приказано: купилъ у своего писаря его коня и въ одинъ день поспѣлъ къ Раабу. На другой день, солнце еще не заходило, а онъ уже прибылъ въ Пассау, гдѣ

Digitized by Google

нашелъ хорошій ночлегъ. Вечеромъ, когда скотъ возвращался съ поля, Карлъ замѣтилъ прекраснаго жеребенка, схватилъ его за гриву и сказалъ: „Хозяинъ, уступи его мнѣ; завтра я на немъ уѣду".—„Нѣтъ", молвилъ хозяинъ, „жеребенокъ еще молодъ, и ты сѣдокъ ему не по силамъ. Онъ не снесетъ тебя". Король сталъ снова просить. Тогда хозяинъ, видя его желаніе, согласился, а Карлъ въ свою очередь продалъ ему коня, на которомъ совершилъ уже такой длинный путь.

На третій день, рано, король пустился въ дорогу. Онъ мчался, не останавливаясь, до самыхъ воротъ столицы своей—Ахена. Тутъ онъ сталъ на ночлегъ. Въ городѣ было большое веселье: пѣсни и пляски. Карлъ спросилъ: „Это что такое?" Хозяинъ дома сказалъ ему: „Сегодня празднуется большая свадьба; королева наша выходитъ за богатаго короля. Пиръ идетъ великій. Молодыхъ и старыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ угощаютъ виномъ и кушаньемъ. Для коней также много приготовлено корму". Король Карлъ сказалъ: „Я останусь у тебя. Свадебнаго угощенія мнѣ не нужно. Вотъ тебѣ золото: поди и купи мнѣ ѣсть; чтобы всего было довольно". Хозяинъ, смотря на золотыя деньги, удивился и про себя подумалъ: „Вотъ настоящій, благородный рыцарь. Я такихъ еще не видывалъ". Кушанье было приготовлено богатое. Когда Карлъ поужиналъ; онъ позвалъ къ себѣ на ночь хозяйскаго сторожа и легъ спать. Передъ сномъ онъ просилъ сторожа разбудить его, какъ только начнутъ благовѣстить въ соборѣ. Въ награду за эту службу онъ обѣщалъ ему золотой перстень. При первомъ ударѣ колокола, сторожъ подошелъ къ спящему королю и сталъ его будить: „Вставайте, господинъ. Въ соборѣ звонятъ. Дайте мнѣ заслуженный перстень". Карлъ поспѣшно поднялся, надѣлъ дорогую одежду и попросилъ хозяина проводить его. Рука объ руку, пошли они къ королевскому замку, но ворота были заперты большими запорами.—„Вамъ придется лѣзть подъ ворота, если вы непремѣнно хотите войти", сказалъ хозяинъ: „только тогда вы замараете платье".—„Я объ этомъ не забочусь", отвѣчалъ король и пролѣзъ вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ въ замокъ. Потомъ Карлъ вошелъ въ соборъ, сѣлъ на стоявшій тамъ престолъ и положилъ себѣ на колѣни обнаженный мечъ. А по древнему франкскому обычаю, всякій, кто сидѣлъ на престолѣ, что̀ стоялъ въ соборѣ, становился королемъ. Вскорѣ пришелъ одинъ изъ церковниковъ. Увидѣвъ сидящаго Карла съ обнаженнымъ мечемъ, онъ испугался и поспѣшилъ увѣдомить священника: „Сѣдой незнакомый человѣкъ сидитъ на престолѣ и держитъ голый мечъ на колѣняхъ". Священникъ и другіе каноники не хотѣли вѣрить ему; одинъ изъ нихъ взялъ свѣтильникъ и смѣло пошелъ въ церковь. Когда передъ его глазами явился Карлъ, онъ бросилъ въ ужасѣ

свѣтильникъ свой на полъ и бѣжалъ къ самому епископу. Епископъ приказалъ двумъ изъ прислужниковъ своихъ взять свѣчи и отправился съ ними къ собору. Подойдя къ Карлу, онъ робко спросилъ у него: „Скажи намъ, кто ты такой? здѣшній или загробный жилецъ? и что побудило тебя сѣсть на этотъ престолъ“? Тогда поднялся сѣдой незнакомецъ и молвилъ: „Ты зналъ меня, когда меня звали королемъ Карломъ, и не было государя сильнѣе меня“. Онъ приблизился къ епископу, чтобы тотъ могъ его разсмотрѣть. Епископъ тотчасъ его узналъ, радостно поздравилъ и обнялъ. Потомъ онъ повелъ его въ богатый домъ свой. Начался большой звонъ, и свадебные гости стали спрашивать о причинѣ этого звона. Когда имъ сказали, что возвратился король Карлъ, они проворно разошлись, и каждый спѣшилъ убраться домой. Но епископъ просилъ Карла перемѣнить гнѣвъ на милость и любить попрежнему королеву, которая противъ воли согрѣшила передъ нимъ. Король послушалъ его просьбы, простилъ вельможамъ и съ королевою сталъ жить попрежнему въ любви и согласіи.

Много другихъ разсказовъ сохранила признательная память западныхъ народовъ объ императорѣ и королѣ Карлѣ. Изъ приведенныхъ выше видно, въ какомъ образѣ являлся онъ народному воображенію.

Грановскій.

---

3. Сказаніе о св. Граалѣ.

У Іосифа Аримаѳейскаго была драгоцѣнная, выдолбленная имъ изъ цѣльнаго камня чаша; изъ нея, говоритъ сказаніе, вкушалъ Спаситель послѣднюю земную пищу свою за тайною вечерею; въ нее же пролилась Божественная кровь со креста. Около этой таинственной чаши совершается не прерывающееся чудо. Человѣкъ, смотрящій на нее, не старѣется, не знаетъ земныхъ немощей и не умираетъ, хотя бы сладостное созерцаніе продолжалось двѣсти лѣтъ, говоритъ легенда. Но доступъ къ чашѣ труденъ: онъ возможенъ только высочайшему цѣломудрію, благочестію, смиренію и мужеству, однимъ словомъ—высшимъ доблестямъ, изъ которыхъ сложился нравственный идеалъ средняго вѣка. Таковы должны быть блюстители „Граля“. Молитва и война составляютъ ихъ призваніе и подвигъ въ жизни, но война священная, за вѣру, а не изъ суетныхъ житейскихъ цѣлей. Въ стремленіи приблизиться къ такому идеалу, западная церковь облагородила феодализмъ до рыцарства и соединила послѣднее съ монашествомъ въ извѣстныхъ орденахъ Тампліеровъ, Страннопріимцевъ и другихъ, возникшихъ въ эпоху крестовыхъ походовъ.

Грановскій.

Digitized by Google

3. Смерть Олега [1]).

Олегъ совершилъ на землѣ дѣло свое—и смерть его казалась потомству чудесною. „Волхвы"—такъ говоритъ лѣтописецъ—„предсказали князю, что ему суждено умереть отъ любимаго коня своего. Съ того времени онъ не хотѣлъ ѣздить на немъ. Прошло четыре года: въ осень пятаго вспомнилъ Олегъ о предсказаніи, и слыша, что конь давно умеръ, посмѣялся надъ волхвами; захотѣлъ видѣть его кости; сталъ ногою на черепъ и сказалъ: „его ли мнѣ бояться"? Но въ черепѣ таилась змѣя; она ужалила князя, и герой скончался"... Уваженіе къ памяти великихъ мужей и любопытство знать все, что до нихъ касается, благопріятствуютъ такимъ вымысламъ и сообщаютъ ихъ отдаленнымъ потомкамъ. Можемъ вѣрить и не вѣрить, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ ужаленъ змѣею на могилѣ любимаго коня его; но мнимое пророчество волхвовъ, или кудесниковъ есть явная народная басня, достойная замѣчанія по своей древности.

Карамзинъ.

4. Ліутпрандъ.

Ліутпрандъ былъ уже провозглашенъ королемъ лонгобардскимъ (712). Еще ни одно имя не возбуждало между лонгобардами столько довѣренности и уваженія. Они цѣнили въ Ліутпрандѣ высокую личную доблесть и, какъ бы любя въ немъ залогъ своего собственнаго величія, еще при жизни отца назвали его своимъ королемъ. Кромѣ мужества, свойственнаго всѣмъ благороднымъ лонгобардамъ, онъ отличался еще рѣдкимъ присутствіемъ духа, неустрашимостью, которую никогда нельзя было застать въ расплохъ, и самымъ непринужденнымъ великодушіемъ. Однажды, узнавъ, что два благородные лонгобарда согласилить убить его, онъ не показалъ имъ вида, что знаетъ объ ихъ намѣреніи; и вмѣстѣ съ ними отправился въ лѣсъ, никѣмъ болѣе не сопровождаемый. Тамъ, зайдя въ самую чащу, онъ вдругъ обнажилъ мечъ и, обратившись къ своимъ спутникамъ, предложилъ имъ *теперь* исполнить ихъ намѣреніе. Этотъ нечаянный и вмѣстѣ благородный вызовъ заставилъ противниковъ Ліутпранда забыть о выгодахъ ихъ положенія—превосходствѣ въ числѣ и отсутствіи всѣхъ свидѣтелей. Пораженные такимъ благороднымъ мщеніемъ, они тутъ же упали къ ногамъ. Ліутпрандъ довольствовался сознаніемъ вины со стороны злоумышленниковъ и не простиралъ своего мщенія далѣе. Подобныя черты обличаютъ много воли и нравственнаго самообладанія въ томъ, кому онѣ приписываются.

Кудрявцевъ.

[1]) Сравни „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ" Пушкина въ отдѣлѣ III.

Digitized by Google

5. Базельское [1]) преданіе.

Если вы въ полдень спросите здѣсь: „который часъ“? то вамъ скажутъ въ отвѣтъ: „по общимъ часамъ двѣнадцать, а по базельскимъ—часъ“, т. е. здѣшніе часы идутъ всегда впереди противъ общихъ. Напрасно вы будете приступать къ базельцамъ и требовать, чтобы они сказали вамъ подлинную причину сей странности. Никто ея не знаетъ, но за старое преданіе разсказываютъ, что будто бы причиною того былъ нѣкогда уничтоженный заговоръ, и такимъ образомъ: нѣкоторые зломыслящіе люди въ Базелѣ уговорились въ двѣнадцать часовъ ночи собраться и перерѣзать въ городѣ всѣхъ судей; одинъ изъ бургомистровъ узналъ о томъ и велѣлъ на колокольнѣ главной церкви ударить часъ вмѣсто двѣнадцати; каждый изъ заговорщиковъ подумалъ, что назначенное время уже прошло, и возвратился домой, послѣ чего всѣ Базельцы, въ память счастливой бургомистровой выдумки, переставили часы свои часомъ впередъ. По другому преданію, сдѣлалось сіе во время базельскаго церковнаго собора, для того, чтобы лѣнивые кардиналы [2]) и епископы вставали и собирались ранѣе. Какъ бы то ни было, только Базельцы уже привыкли обманывать себя во времени дня.

Карамзинъ.

---

6. Желѣзная Маска.

Вольтеръ [3]) въ своемъ „Siècle de Louis XIV“ [4]) (въ 1760 г.) первый сказалъ нѣсколько словъ о Желѣзной Маскѣ:

„Нѣсколько времени послѣ смерти кардинала Мазарини [5])“, пишетъ онъ, „случилось происшествіе безпримѣрное и, что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку.

Нѣкто высокаго роста, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшею тайною посланъ былъ въ заточеніе на островъ св. Маргариты [6]). Дорогою невольникъ носилъ маску, коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ что онъ могъ ѣсть, не снимая ее съ лица. Приказано было, въ случаѣ, если бъ онъ открылся, его убить. Онъ оставался на островѣ до 1690 года, когда Сенъ-Марсъ, губернаторъ Пиньерольской крѣпости, бывъ назначенъ губернаторомъ въ Бастилію [7]), пріѣхалъ за нимъ и препроводилъ

---

[1])—*Базель*—городъ въ Швейцаріи.—[2]) *Кардиналъ*—высшій послѣ папы санъ католическаго духовенства.—[3]) *Вольтеръ*—знаменитый французскій писатель (1694—1778).—[4]) „Вѣкъ Людовика XIV-го“. *Людовикъ XIV*—знаменитый французскій король (правилъ 1661—1715).—[5]) *Мазарини*—французскій государственный человѣкъ (ум. 1661 г.).—[6]) *О-въ св. Маргариты*—близъ южнаго берега Франціи.—[7]) *Бастилія*—укрѣпленный замокъ Парижа, построенный

Digitized by Google

его въ Бастилію, все такъ же маскированнаго. Передъ тѣмъ маркизъ де-Лувуа посѣтилъ его на семъ островѣ и говорилъ съ нимъ стоя, съ видомъ уваженія.

Неизвѣстный посаженъ былъ въ Бастилію, гдѣ всевозможныя удобства были ему доставляемы. Ему ни въ чемъ не отказывали. Онъ любилъ самое тонкое бѣлье и кружева; онъ игралъ на гитарѣ; столъ его былъ самый отличный. Губернаторъ рѣдко садился передъ нимъ. Старый лѣкарь, часто его лѣчившій въ различныхъ болѣзняхъ, сказывалъ, что никогда не видывалъ его лица, хотя и осматривалъ его языкъ и другія части тѣла. По словамъ лѣкаря, онъ прекрасно былъ сложенъ, цвѣтомъ довольно смуглъ. Голосъ его былъ трогателенъ. Онъ никогда не жаловался и не намекалъ на свое состояніе.

Неизвѣстный умеръ въ 1703 году, и былъ похороненъ ночью въ приходѣ св. Павла. Удивительно и то, что въ то время, когда привезенъ онъ былъ на островъ св. Маргариты, никого изъ важныхъ особъ въ Европѣ не исчезало. Невольникъ сей, безъ всякаго сомнѣнія, былъ особа важная. Доказательствомъ тому служитъ происшествіе, случившееся въ первые дни его заточенія на островѣ. Самъ губернаторъ приносилъ ему кушанье на столъ, запиралъ дверь и удалялся. Однажды невольникъ начертилъ что-то ножемъ на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее изъ окошка. Рыбакъ поднялъ тарелку на берегу моря и принесъ ее губернатору. Тотъ изумился. „Читалъ ли ты, что̀ тутъ написано?“ спросилъ онъ у рыбака: „и видѣлъ ли кто у тебя эту тарелку?“ — „Я не умѣю читать“, отвѣчалъ рыбакъ: „я сейчасъ ее нашелъ; никто ее не видалъ.“ Рыбака задержали, пока не удостовѣрились, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ безграмотный, и что тарелки никто не видалъ. Губернаторъ отпустилъ его, сказавъ: „Ступай; счастливъ ты, что не умѣешь читать...“

Г-нъ де-Шамильяръ былъ послѣдній изъ министровъ, знавшихъ эту странную тайну. Зять его маршалъ де-ла-Фельядъ сказывалъ мнѣ, что при смерти своего тестя онъ на колѣнахъ умолялъ его открыть, кто таковъ былъ человѣкъ въ желѣзной маскѣ. Шамильяръ отвѣтствовалъ, что это государственная тайна, и что онъ клялся ее не открывать. Многіе изъ моихъ современниковъ подтвердятъ истину моихъ словъ. Я не знаю ничего ни удивительнѣе, ни достовѣрнѣе“.

Эти строки произвели большое впечатлѣніе. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать.

Вольтеръ выдумалъ, что славный невольникъ былъ старшій братъ Людовика XIV, жертва честолюбія и политики жестокосер-

---

для защиты города противъ англичанъ въ XIV вѣкѣ, позднѣе обращенный въ государственную тюрьму.

Digitized by Google

дой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрѣшенною. Взятіе Бастиліи въ 1789 году и обнародованіе ея архива ничего не могло открыть касательно таинственнаго затворника.

Пушкинъ.

Солонъ [1]) у Креза [2]).

Солонъ отправился въ Сарды [3]) по просьбѣ Креза. Съ нимъ случилось нѣчто подобное тому, что было съ человѣкомъ, живущимъ вдали отъ морского берега и въ первый разъ пошедшимъ къ морю, который, встрѣчая на пути рѣки, каждую принималъ за море. Такъ и Солонъ, проходя по дворцу и видя многихъ царедворцевъ, разукрашенныхъ великолѣпно и важно расхаживающихъ въ толпѣ слугъ и тѣлохранителей, каждаго принималъ за Креза, пока наконецъ его не привели къ самому царю.

Крезъ навѣсилъ на себя все, что изъ его драгоцѣнныхъ камней, цвѣтныхъ одеждъ и искусно сдѣланныхъ золотыхъ вещей ему казалось наиболѣе изящнымъ, великолѣпнымъ и завиднымъ,—чтобы представить изъ себя зрѣлище, какъ можно болѣе поражающее и бросающееся въ глаза. Но Солонъ, ставъ противъ него, не почувствовалъ и не высказалъ при этомъ видѣ ничего такого, чего ожидалъ Крезъ. Всѣмъ здравомыслящимъ людямъ было ясно, что онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на это безвкусіе и малодушіе. Тогда Крезъ приказалъ открыть ему всѣ сокровищницы, провести его вездѣ и показать ему все прочее богатое убранство и великолѣпіе, хотя это было излишне по отношенію къ Солону: для него было достаточно одного вида Креза, чтобы получить о немъ ясное понятіе. Когда онъ обозрѣлъ все, и его опять привели къ Крезу, царь спросилъ, знаетъ ли онъ человѣка, болѣе счастливаго, чѣмъ Крезъ. Солонъ отвѣчалъ, что знаетъ, и что этотъ человѣкъ—его согражданинъ Телъ. Потомъ онъ объяснилъ, что Телъ былъ честный человѣкъ и оставилъ дѣтей, всѣми уважаемыхъ, и что онъ умеръ, не испытавъ нужды въ необходимомъ, умеръ, со славою сражаясь за отечество. Тогда Солонъ показался Крезу человѣкомъ очень страннымъ и невѣждой, потому что онъ не соразмѣрялъ счастіе съ количествомъ золота и серебра, и ставилъ жизнь и смерть человѣка простого и обыкновеннаго выше столь высокаго могущества и власти. Однако онъ его еще разъ спросилъ, знаетъ ли онъ послѣ Тела между людьми другого человѣка, болѣе счастливаго, чѣмъ Крезъ. Солонъ опять отвѣчалъ, что знаетъ, и назвалъ Клеовиса и Битона, двухъ бра-

---

[1]) *Солонъ*—знаменитый аѳинскій законодатель, одинъ изъ 7 мудрецовъ, род. въ 639 г. до Р. Х.—[2]) *Крезъ*—царь Лидійскій.—[3]) *Сарды*—главн. городъ Лидійскаго царства въ Малой Азіи.

Digitized by Google

тьевъ, которые прославились взаимною любовію и преданностію къ своей матери. Когда однажды опоздали волы ихъ матери, они сами надѣли на себя ярмо и повезли ее въ колесницѣ къ храму Геры, что доставило матери большую радость и славу между гражданами. Послѣ столь великой славы оба умерли безъ боли и скорби. Тогда Крезъ воскликнулъ уже въ гнѣвѣ: „Что же? ты меня не причисляешь вовсе къ счастливымъ людямъ?“ Солонъ, не желая польстить ему и не желая его разсердить больше, сказалъ: „Царь Лидійскій! Божество дало Геллеламъ [1]) все въ мѣру: и мудрость наша дана намъ въ мѣру, — мудрость здравая и приличная гражданину, хотя простая и не блестящая. Она видитъ разнообразныя перемѣны, случающіяся въ жизни, и не позволяетъ намъ гордиться настоящими благами и удивляться счастію человѣка, которое еще подвержено перемѣнамъ времени. Ибо будущность, которая предстоитъ каждому, разнообразна и темна. Только того мы считаемъ счастливымъ, кому божество дало счастіе до конца. Но прославлять счастливымъ человѣка, который еще живетъ и подверженъ превратностямъ жизни, значило бы провозгласить побѣдителемъ и увѣнчать борца, еще сражающагося. Такая слава ненадежна и не имѣетъ достаточнаго основанія“. Сказавъ это, Солонъ удалился, опечаливши, но не образумивши Креза.

Плутархъ.

---

8. Драконъ [2]).

По законамъ Дракона, за всѣ почти преступленія было опредѣлено одно только наказаніе—смерть, такъ что даже уличенные въ праздности подвергались смертной казни, и тѣ, которые попадались въ кражѣ овощей или плодовъ, наказывались наравнѣ съ святотатцами и убійцами. Поэтому впослѣдствіи было признано удачнымъ выраженіе Демаха, что Драконъ написалъ свои законы кровью, а не чернилами. Говорятъ, что самъ Драконъ, когда его спросили, зачѣмъ онъ за всѣ почти преступленія опредѣлилъ смертную казнь, отвѣтилъ, что мелкія преступленія, по его мнѣнію, заслуживаютъ этого наказанія, а для крупныхъ онъ не нашелъ бо́льшаго.

Плутархъ.

---

9. Демосѳенъ.

Трудно было пробить себѣ дорогу въ Аѳинахъ, гдѣ народъ былъ такъ взыскателенъ, что каждое неловкое слово, каждое нераціозное движеніе возбуждало смѣхъ въ народѣ и заставляло не-

---

[1]) *Геллены*, или *Эллины* — древніе Греки. — [2]) *Драконъ*—аѳинскій архонтъ, издавшій законы въ 620 г. до Р. Х.

Digitized by Google

рѣдко оратора сходить съ трибуны. Когда Демосѳенъ [1]) заговорилъ въ первый разъ публично, народъ поднялъ такой шумъ, что ораторъ принужденъ былъ замолчать. Смѣялись надъ его слогомъ; кромѣ того, у него былъ чрезвычайно слабый голосъ; онъ немного заикался, пришепетывалъ и отъ слабости груди долженъ былъ часто переводить духъ. Два раза освистали Демосѳена.

Послѣ такого пріема воротился онъ домой грустный, накрывши себѣ голову, и не видѣлъ, какъ слѣдомъ за нимъ шелъ одинъ изъ друзей его, любимый аѳинскій актеръ Сатиръ. „Я берусь поправить дѣло“, сказалъ онъ Демосѳену: „прочти мнѣ на память какіе-нибудь стихи изъ Эврипида или Софокла“. Демосѳенъ прочелъ. Когда онъ кончилъ, Сатиръ началъ самъ читать тѣ же самые стихи, и Демосѳенъ понялъ всю разницу между декламаціей Сатира и своей собственной. Онъ понялъ, сколько декламація придаетъ рѣчи красоты и граціи, что безъ нея тщательная обработка рѣчи ничего не значитъ, и рѣшился исправиться. Нѣсколько мѣсяцевъ провелъ онъ безвыходно, съ бритой головой, въ землянкѣ, и упражнялся въ декламаціи передъ зеркаломъ; онъ укрѣпилъ свой голосъ тѣмъ, что громко декламировалъ на ходу или взбираясь на горы; слушалъ безпрестанно хорошихъ ораторовъ, пользовался ихъ замѣчаніями и достигъ полнаго совершенства въ краснорѣчіи.

---

10. Смерть Сократа [2]).

Враги Сократа обвинили его въ томъ, что онъ отвергаетъ существованіе боговъ, и своимъ ученіемъ развращаетъ юношество. Защищаясь передъ судомъ, Сократъ опровергъ своихъ обвинителей и, доказавъ самымъ очевиднымъ образомъ нелѣпость взведенныхъ на него обвиненій, пристыдилъ и осмѣялъ своихъ враговъ. Обращаясь къ судьямъ, онъ говорилъ такъ смѣло и рѣшительно, что привыкшій къ лести народъ нѣсколько разъ прерывалъ его рѣчь ропотомъ, и за это главнымъ образомъ признали его виновнымъ. Судьи приговорили его выпить чашу съ ядомъ (обыкновенный родъ смертной казни въ Аѳинахъ). Съ спокойствіемъ и твердостію выслушавъ приговоръ, Сократъ отвѣчалъ на него краткою рѣчью, въ которой съ полнымъ благородствомъ доказалъ своимъ судьямъ, какъ легко бы ему было спасти себя, но что онъ скорѣе перенесетъ всевозможныя несправедливости, нежели отступитъ отъ своихъ убѣжденій.

Смертный приговоръ, произнесенный надъ Сократомъ, могъ

---

[1]) *Демосѳенъ*—знаменитый ораторъ въ древней Греціи (род. въ 384 г. до Р. Х.).—[2]) *Сократъ*—знаменитый греческій мудрецъ (род. въ 470 г. до Р. Х.).

быть приведенъ въ исполненіе только черезъ тридцать дней, потому что корабль, ежегодно отправляемый въ Делосъ [1]) съ жертвенными дарами, не задолго передъ тѣмъ отплылъ, и не скоро долженъ былъ вернуться: между тѣмъ, по древнему закону, никакая казнь не могла совершиться въ то время, какъ корабль находился въ пути. Эти дни Сократъ провелъ, какъ всегда, съ своими учениками, ежедневно приходившими къ нему въ темницу. Спокойствіе и твердость не покидали его и тутъ; онъ остался до послѣдней минуты вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. За нѣсколько дней до казни одинъ изъ учениковъ философа предложилъ ему бѣжать, но Сократъ не хотѣлъ воспользоваться представлявшимся случаемъ, потому что думалъ и училъ, что никто не даетъ людямъ права не повиноваться законамъ государства.

По Шлоссеру.

11. Аристидъ [2]) и Ѳемистоклъ [3]).

Аристидъ былъ другомъ Клисѳена, который далъ Аѳинянамъ новое государственное устройство послѣ изгнанія тирановъ. Но образцомъ для него и предметомъ удивленія, изъ всѣхъ государственныхъ людей, былъ Ликургъ Лакедемонскій; потому онъ принялъ сторону аристократіи и нашелъ себѣ такимъ образомъ противника въ Ѳемистоклѣ, сынѣ Неокла, защитникѣ простого народа.

Воспитываясь вмѣстѣ, они, по мнѣнію нѣкоторыхъ, уже съ самаго дѣтства стали чувствовать взаимную непріязнь. Въ часы занятій и отдохновенія, посреди серьезныхъ бесѣдъ и шутокъ, они равно сталкивались и ссорились. Это соперничество вскорѣ ярко очертило характеръ каждаго изъ нихъ. Ѳемистоклъ былъ ловокъ, смѣлъ, хитеръ, готовъ броситься на все съ неудержимымъ пыломъ. Аристидъ былъ одаренъ твердымъ характеромъ, непоколебимъ въ своей преданности правдѣ, и даже въ шутку, не позволялъ себѣ никогда ни лжи, ни лести, ни притворства.

Ѳемистоклъ тотчасъ примкнулъ къ одной гетеріи [1]), и такимъ образомъ пріобрѣлъ себѣ не малую поддержку и значеніе. Когда однажды замѣтили ему, что онъ достигнетъ власти надъ Аѳинами, если только будетъ справедливъ ко всѣмъ и безпристрастенъ, Ѳемистоклъ отвѣчалъ: „Я никогда не рѣшусь занять такое мѣсто, которое мнѣ не дастъ средствъ доставить моимъ друзьямъ болѣе выгодъ, чѣмъ постороннимъ“. Аристидъ, напротивъ, остался одинъ, и

---

[1]). *Делосъ*—одинъ изъ Цикладскихъ острововъ въ Эгейскомъ морѣ, знаменитый въ древности своимъ оракуломъ.—[2]) *Аристидъ*—аѳинскій гражданинъ и полководецъ (ум. въ 467 г. до Р. Х.).—[3]) *Ѳемистоклъ*—аѳинскій гражданинъ и полководецъ (514—461 г.).—[4]) *Гетеріями* назывались въ Аѳинахъ политическіе кружки, или небольшія партіи.

Digitized by Google

шелъ въ своей политической жизни, можно сказать, своимъ собственнымъ путемъ: во-первыхъ, потому что не желалъ ни сдѣлать въ угожденіе друзьямъ какую нибудь несправедливость, ни оскорбить ихъ своимъ отказомъ; во-вторыхъ, онъ сознавъ, что могущество, основанное на поддержкѣ друзей, многихъ увлекаетъ къ несправедливымъ поступкамъ. Потому онъ избѣгалъ такихъ отношеній и полагалъ, что гражданинъ не долженъ имѣть другой поддержки, кромѣ привычки всегда говорить и поступать справедливо и честно.

Плутархъ.

---

12. Обличеніе корысти.

Избранный въ званіе главнаго казначея общественныхъ доходовъ, Аристидъ [1]) изобличалъ въ весьма важныхъ злоупотребленіяхъ не только архонтовъ, состоявшихъ тогда на службѣ, но и архонтовъ прежнихъ лѣтъ, и особенно Ѳемистокла.

Поэтому когда Аристидъ представилъ отчетъ въ своемъ управленіи, Ѳемистоклъ собралъ противъ него сильную партію, обвинилъ его въ утайкѣ общественныхъ денегъ и подвергъ его судебному приговору; но какъ первѣйшіе и лучшіе изъ гражданъ были возмущены такою клеветою, то Аристида не только освободили, но еще настояли на его избраніи въ то же званіе и на слѣдующій годъ. Тогда Аристидъ притворился, что онъ раскаивается въ прежнемъ образѣ дѣйствій; онъ сдѣлался снисходительнѣе и сталъ угождать тѣмъ, которые расхищали общественную казну, не изобличалъ больше ихъ злоупотребленій и не просматривалъ ихъ счетовъ съ прежнею строгостію.

Набивъ свои карманы общественными деньгами, они стали осыпать Аристида похвалами, начали дѣятельно хлопотать, чтобы народъ избралъ его въ ту же должность и на третій годъ. Передъ самымъ избраніемъ Аристидъ обратился къ Аѳинянамъ съ упреками. „Когда я управлялъ казною честно и добросовѣстно“, сказалъ онъ, „то въ меня бросали грязью, а съ тѣхъ поръ, какъ всю общественную казну я отдалъ въ руки грабителей, я сдѣлался достойнымъ уваженія гражданомъ. И потому честь, которую вы хотите сегодня оказать мнѣ, заставляетъ меня краснѣть сильнѣе, чѣмъ обвиненіе, которому я подвергался въ прошломъ году. Сердечно скорблю о васъ: въ вашихъ глазахъ тотъ, кто угождаетъ безчестнымъ людямъ, заслуживаетъ болѣе чести, нежели тотъ, кто сберегаетъ общественную казну“. Эта рѣчь и улики, приведенныя въ ней противъ лихоимцевъ, тотчасъ зажали ротъ тѣмъ изъ гражданъ, кото-

---

[1]) См. стр. 65.

Digitized by Google

рые только что оглашали воздухъ шумными одобреніями и побуждали народъ къ избранію Аристида. Достойнѣйшіе же граждане осыпали его заслуженными и искренними похвалами.

Плутархъ.

12. Остракизмъ.

Остракизму безразлично подвергался всякій, кто возвышался надъ общимъ уровнемъ своей извѣстностію, родовитостію или даромъ слова. Суду остракизма подпалъ даже учитель Перикла Дамонъ за то, что мудростію своею превосходилъ всѣхъ.

Осужденіе посредствомъ остракизма не было наказаніемъ за какое-нибудь безнравственное дѣйствіе. Изъ причинъ называли этотъ судъ ограниченіемъ или обузданіемъ высокомѣрія и подавляющаго могущества. Но въ сущности это названіе служило оправданіемъ той народной зависти, которая не имѣла, правда, вредныхъ и гибельныхъ послѣдствій, но выражала свое неудовольствіе изгнаніемъ на десять лѣтъ лица, ее возбудившаго. Когда же это средство стали принимать и къ людямъ ничтожнымъ и безнравственнымъ, тогда оно вышло изъ употребленія.

Судъ остракизма производился слѣдующимъ образомъ. Всякій бралъ черепокъ, надписывалъ на немъ имя гражданина, котораго онъ хотѣлъ изгнать, и относилъ его на то мѣсто площади, кругомъ котораго обведена была плотная деревянная ограда. Потомъ архонты сводили счетъ всему количеству черепковъ, и если оно не доходило до шести тысячъ, то приговоръ не имѣлъ послѣдствій. Въ противномъ случаѣ откладывали особо каждое имя, и тотъ, чье имя оказывалось на большемъ числѣ черепковъ, провозглашался изгнаннымъ на 10 лѣтъ, не лишаясь однако права пользованія своимъ имуществомъ.

Разсказываютъ, что во время суда надъ Аристидомъ [1]), одинъ изъ простолюдиновъ, не умѣвшій даже писать, обратился къ Аристиду, какъ къ первому попавшемуся ему человѣку; подалъ ему черепокъ и попросилъ его написать на немъ имя Аристида. Послѣдній съ удивленіемъ спросилъ: „Что же тебѣ сдѣлалъ дурного Аристидъ?“—„Ничего“, отвѣчалъ тотъ: „я его и знать не знаю; но мнѣ досадно, что всѣ его величаютъ справедливымъ!“ Услыхавъ это, Аристидъ не сказалъ ему больше ни слова, написалъ свое имя и возвратилъ черепокъ. Оставляя городъ, онъ поднялъ руки къ небу и обратился къ богамъ съ мольбою, которая не походила на мольбу Ахиллеса. Онъ просилъ ихъ, да не пошлютъ они аѳинянамъ такихъ дней, которые бы заставили народъ снова вспомнить объ Аристидѣ.

Плутархъ.

[1]) См. стр. 65.

Digitized by Google

12. Англійскіе судьи.

Я хотѣлъ видѣть лондонское судилище, гдѣ каждыя шесть недѣль сбираются такъ называемые *присяжные* (Jury) и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте пальму англійскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человѣколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей. Разскажу вамъ порядокъ слѣдствій.

Такъ называемый мировой судья [1]) есть въ Англіи первый разбиратель всѣхъ доносовъ: онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возвращаетъ ему свободу, если доносъ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу. Потомъ другой судья, именуемый шерифомъ, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенію), которые снова должны разсмотрѣть обстоятельства доноса, и если 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается, а если признаютъ, то начинается формальное дѣло такимъ образомъ.

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судъ, выслушиваетъ на себя доносъ, и на вопросъ: „какъ хочетъ быть судимъ?“ отвѣчаетъ: „по совѣсти и закону моего отечества“. Шерифъ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12, и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они почему-нибудь могутъ быть пристрастны, и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть [2]) по закону 20 человѣкъ. Когда же присяжные выбраны, тогда, давъ клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Доносчикъ обвиняетъ; судимый оправдывается, самъ или черезъ своего адвоката; представляютъ свидѣтелей — и, наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ ясномъ сокращеніи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить, ни ѣсть, пока они на что-нибудь единодушно не согласятся. Выходя оттуда, говорятъ только одно слово: „виновать“ или „не виновать“, и дѣло рѣшено безъ всякой апелляціи. Если скажутъ: „виновать“, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла, и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человѣка, отъ котораго зависѣла бы жизнь дру-

[1]) *Въ подл.:* мирный судья.—[2]) До начала избранія.

Digitized by Google

того! Не только осудить, но даже судить нельзя никого безъ согласія 12 гражданъ. За то англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ-нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Разсказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. Напримѣръ: недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разныя улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произвести рѣшительное слово: „виновать"; двѣнадцатый не хотѣлъ. Товарищи требовали отъ него причины. „Не знаю", отвѣчалъ онъ: „но видъ этого человѣка говоритъ: моему сердцу въ его пользу, и я скорѣе умру съ голода, нежели обвиню". Прошелъ цѣлый день въ спорѣ, и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшились оправдать сумнительнаго. Черезъ нѣсколько дней нашелся убійца; ремесленникъ былъ невиненъ.

Карамзинъ.

15. Пѣніе у спартанцевъ.

У спартанцевъ на пѣніе обращалось не меньше вниманія, чѣмъ на умѣніе говорить, и на чистоту рѣчи. Было въ ихъ стихахъ нѣчто, возбуждавшее бодрость, внушавшее энтузіазмъ и призывавшее на подвиги. Ихъ стихъ былъ простъ и не изнѣженъ; содержаніе ихъ пѣсенъ всегда было серьезно и способно дѣйствовать на душу; большею частію оно состояло въ похвалѣ и прославленіи тѣхъ, которые умерли за Спарту, или въ осужденіи тѣхъ, которые бѣжали съ поля и потомъ проводили жизнь въ печали и пренебреженіи. Эти пѣсни были, смотря по возрасту поющихъ, или возваніе къ доблести, или гордое сознаніе доблести выказанной.

На общественныхъ празднествахъ бывало три хора, по тремъ возрастамъ. Хоръ старцевъ начиналъ пѣть:

Нѣкогда мы были молоды и храбры.

Хоръ мужей отвѣчалъ:

Мы теперь таковы. Попробуй, если хочешь.

Третій хоръ, дѣтей, пѣлъ:

Современемъ будемъ такими и мы, и даже храбрѣе.

Вообще, изучая лаконскія пѣсни, изъ коихъ нѣкоторыя сохранились до нашего времени, и взявъ во вниманіе тактъ, съ которымъ спартанцы шли на непріятеля подъ звуки флейтъ, нужно согласиться съ Терпандромъ[1]) и съ Пиндаромъ[2]), которые приводятъ спартанскую храбрость въ связь съ ихъ музыкою. Первый говоритъ о Лакедемонѣ:

---

[1]) *Терпандръ* — греческій поэтъ VII в. до Р. Х. — [2]) *Пиндаръ* — греческій поэтъ VI в. до Р. Х.

Digitized by Google

Тамъ процвѣтаетъ молодецкая доблесть и звонкая муза,
И правосудіе на широкихъ площадяхъ.

А второй:

Тамъ совѣтники—старцы;
И юныхъ мужей отличаются конья;
Тамъ хоры, и пѣсни, и радость.

Оба они представляютъ намъ спартанцевъ любящими музыку не менѣе страстно, чѣмъ войну. И въ самомъ дѣлѣ! „стоитъ меча—умѣнье играть на киѳарѣ [1])“, какъ говоритъ лакедемонскій поэтъ.

Передъ битвою царь всегда приносилъ жертву музамъ, вѣроятно, для того, чтобы напомнить воинамъ о судѣ поэтовъ, чтобы мысль о немъ напутствовала ихъ въ опасности и воодушевляла на подвиги, достойные прославленія. Плутархъ.

---

16. Иванъ и Петро.

(Легенда).

При [2]) панѣ Степанѣ, князѣ седмиградскомъ (былъ князь седмиградскій королемъ и у ляховъ) жило два казака—Иванъ да Петро. Жили они такъ, какъ братъ съ братомъ. „Гляди, Иванъ: все, что̀ ни добудешь—все пополамъ; когда кому веселье—веселье и другому; когда кому горе—горе и другому; когда кому добыча—пополамъ добычу; когда кто въ полонъ поподетъ—другой продай все и дай выкупъ; а не то—самъ ступай въ полонъ“. И правда, все, что̀ ни доставали казаки, все дѣлили пополамъ.

Воевалъ король Степанъ съ турчиномъ. Уже три недѣли воюетъ онъ съ турчиномъ, а все не можетъ его выгнать. А у турчина былъ паша такой, что самъ съ десятью янычарами могъ порубить цѣлый полкъ. Вотъ объявилъ король Степанъ, что если сыщется смѣльчакъ и приведетъ къ нему пашу живого или мертваго,—дастъ ему одному столько жалованья, сколько даетъ на все войско. „Пойдемъ братъ, ловить пашу“! сказалъ братъ Иванъ Петру. И поѣхали казаки, одинъ въ одну сторону, другой въ другую.

Поймалъ ли бы еще или не поймалъ пашу Петро, а Иванъ уже ведетъ его арканомъ за шею къ самому королю. „Бравый молодецъ“! сказалъ Степанъ и приказалъ выдать ему одному такое жалованье, какое получаетъ все войско; и приказалъ отвесть ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота, сколько пожелаетъ. Какъ получилъ Иванъ жалованье отъ короля, въ тотъ же день раздѣлилъ все поровну между собою и Петромъ. Взялъ Петро половину королевскаго жалованья, но не могъ вынесть того, что

---

[1]) *Киѳара*—струнный инструментъ древнихъ грековъ (новѣйшая цитра).—
[2]) *Въ подл.:* За пана...

Digitized by Google

Иванъ получивъ такую честь отъ короля, и затаилъ глубоко на душѣ месть.

Ѣхали оба рыцаря на жалованную королемъ землю, за Карпаты. Посадилъ казакъ Иванъ съ собою на коня своего сына, привязавъ его къ себѣ. Уже настали сумерки—они все ѣдутъ. Младенецъ заснулъ; сталъ дремать и самъ Иванъ. Не дремли, казакъ, по горамъ дороги опасныя!... Но у казака такой конь, что самъ вездѣ знаетъ дорогу: не спотыкается и не оступится. Есть между горами провалъ: въ провалѣ дна никто не видалъ: сколько отъ земли до неба, столько до дна того провала. Не надъ самымъ проваломъ дорога—два человѣка еще могутъ проѣхать, но трое ни за что. Сталъ бережно ступать конь съ дремавшимъ казакомъ. Рядомъ ѣхалъ Петро, весь дрожалъ и притаилъ духъ отъ радости. Оглянулся и толкнулъ названаго брата въ провалъ, и конь съ казакомъ и младенцемъ полетѣли въ провалъ.

Ухватился однакожъ казакъ за сукъ, и одинъ только конь полетѣлъ на дно. Сталъ казакъ карабкаться, съ сыномъ за плечами, вверхъ; немного уже не добрался, поднялъ глаза и увидѣлъ, что Петро наставилъ пику, чтобы столкнуть его назадъ. „Боже ты мой праведный! лучше бъ мнѣ не поднимать главъ, чѣмъ видѣть, какъ родной братъ наставляетъ пику столкнуть меня назадъ!... Братъ мой милый! коли меня пикой, когда уже такъ мнѣ написано на роду; но возьми сына: чѣмъ невинный младенецъ виноватъ, чтобы ему пропасть такою лютою смертью?“ Засмѣялся Петро и толкнулъ его пикой,—казакъ съ младенцемъ полетѣли на дно. Забралъ себѣ Петро все добро, и сталъ жить какъ паша. Табуновъ ни у кого такихъ не было, какъ у Петра; овецъ и барановъ нигдѣ столько не было. И умеръ Петро.

Какъ умеръ Петро, призвалъ Богъ души обоихъ братьевъ, Петра и Ивана, на судъ. „Великій есть грѣшникъ сей человѣкъ!“ сказалъ Богъ. „Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты самъ ему казнь!“ Долго думалъ Иванъ, вымышляя казнь, и наконецъ сказалъ: „Великую обиду нанесъ мнѣ сей человѣкъ: предалъ своего брата, какъ Іуда, и лишилъ меня честнаго моего рода и потомства на землѣ. А человѣкъ безъ честнаго рода и потомства, что сѣмя, кинутое въ землю и пропавшее даромъ въ землѣ. Всходу нѣтъ—никто и не узнаетъ, что кинуто было сѣмя.

Сдѣлай, Боже, такъ, чтобы все потомство его не имѣло на землѣ счастья; чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ, и отъ каждаго его злодѣйства чтобы дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ и, терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, поднимались бы изъ могилъ! А Іуда Петро чтобы не въ силахъ былъ подняться, и отъ того терпѣлъ бы муку

Digitized by Google

еще горшую; и влъ бы, какъ бѣшеный, землю и корчился бы подъ землею.

И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человѣку, подыми меня, Боже, изъ того провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть придетъ онъ ко мнѣ, и брошу я его съ той горы въ самый глубокій провалъ, и всѣ мертвецы, его дѣды и прадѣды, гдѣ бы ни жили при жизни, чтобы всѣ потянулись отъ разныхъ сторонъ грызть его за тѣ муки, что онъ наносилъ имъ, и вѣчно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки! А Іуда Петро чтобы не могъ подняться изъ земли, чтобы рвался грызть, но грызъ бы самого себя; а кости его росли бы чѣмъ дальше, больше, чтобы чрезъ то еще сильнѣе становилась его боль. Та мука для него будетъ самая страшная, ибо для человѣка нѣтъ большей муки, какъ хотѣть отмстить, и не мочь отмстить."

„Страшна казнь, тобою выдуманная, человѣче!" сказалъ Богъ: „пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ: но и ты сиди вѣчно тамъ на конѣ своемъ, и не будетъ тебѣ царствія небеснаго, пока-мѣстъ ты будешь тамъ на конѣ своемъ!" И то все такъ сбылось, какъ было сказано: и донынѣ стоитъ на Карпатѣ на конѣ дивный рыцарь и видитъ, какъ въ бездонномъ провалѣ грызутъ мертвецы мертвеца, и чуетъ, какъ лежащій подъ землею мертвецъ растетъ, гложетъ въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясетъ всю землю.

Гоголь.

---

17 Сраженіе съ змѣемъ.

Что за тревога въ Родосѣ? Всѣ улицы полны народомъ;
Мчатся толпами, вопятъ, шумятъ. На конѣ величавомъ
Ѣдетъ по улицѣ рыцарь красивый; за рыцаремъ тащатъ
Мертваго змѣя съ кровавой разинутой пастью; всѣ смотрятъ
Съ радостнымъ чувствомъ на рыцаря, съ страхомъ невольнымъ на змѣя.
„Вотъ", говорятъ, „посмотрите, тотъ врагъ, отъ котораго столько
Времени не было здѣсь ни стадамъ, ни людямъ проходу!
Много рыцарей храбрыхъ пыталось съ чудовищемъ выйти
Въ бой... всѣ погибли. Но Богъ насъ помиловалъ: вотъ нашъ спаситель!
Слава ему!" И вслѣдъ за младымъ побѣдителемъ идутъ
Всѣ въ монастырь Іоанна Крестителя, гдѣ Іоаннитовъ
Былъ знаменитый капитулъ собранъ въ то время. Смиренно
Рыцарь подходитъ къ престолу магистера: шумной толпою
Ломится слѣдомъ за нимъ въ палату народъ. Преклонивши
Голову, юноша такъ говорить начинаетъ: „Владыка,
Рыцарскій долгъ я исполнилъ: змѣй, разоритель Родоса,
Мною убитъ; безопасны дороги для путниковъ; смѣло
Могутъ стада выгонять пастухи; на молитву
Можетъ безъ страха теперь пилигримъ къ чудотворному лику
Дѣвы Пречистой ходить." Но съ суровымъ отвѣтствовалъ взглядомъ
Строгій магистеръ: „Сынъ мой, подвигъ отважный съ успѣхомъ
Ты совершилъ: отважность рыцарю честь. Но отвѣтствуй:

Digitized by Google

Въ чемъ обязанность главная рыцарей, вѣрныхъ Христовыхъ
Слугъ, христіанства защитниковъ, въ знакъ смиренья носящихъ
Крестъ Іисуса Христа на плечахъ?" То зритель внемля,
Всѣ оробѣли. Но рыцарь, краснѣя, отвѣтствовалъ: „Первый
Рыцарскій долгъ есть покорность."—„И рыцарскій долгъ сей
Нынѣ ты, сынъ мой, нарушилъ; ты мной запрещенный
Подвигъ дерзнулъ совершить."—Владыка, снова благосклонно
Выслушай слово мое, потомъ осуди. Не съ слѣпою
Дерзостью я на опасное дѣло рѣшился; но вѣрно
Волю закона исполнить хотѣлъ: одной осторожной
Хитростью мнилъ одержать я побѣду. Пять благородныхъ
Рыцарей нашего Ордена, честь христіанства, погибли
Въ битвѣ съ чудовищемъ. Ты запретилъ намъ сей подвигъ,—
Мы покорились. Но душу мою нестерпимо терзали
Бѣдствія гибнувшихъ братій. Стремленьемъ спасти ихъ томимый,
Днемъ я покоя не зналъ, и сны ужасные ночью
Мучили душу мою, представляя мнѣ призракъ сраженья
Съ змѣемъ; и все какъ будто бы чудилось мнѣ, что небесный
Голосъ меня возбуждалъ и твердилъ мнѣ: дерзай! и—дерзнулъ я.
Вотъ что я мыслилъ: ты рыцарь; однихъ ли враговъ христіанства
Долженъ твой мечъ поражать? Твое назначенье святое—
Быть защитникомъ слабыхъ, спасать отъ гоненья гонимыхъ,
Грозныхъ чудовищъ разить; но дерзкою силой—искусство,
Мужествомъ—мудрость должны управлять. И въ такомъ убѣжденьѣ
Долго себя я готовилъ къ опасному бою; и часто,
Къ мѣсту, гдѣ змѣй обиталъ, я тайкомъ подходилъ, чтобъ заранѣ
Съ сильнымъ врагомъ ознакомиться; долго обдумывалъ средства,
Какъ мнѣ врага побѣдить: наконецъ вдохновеніе свыше
Душу мою просвѣтило. Найдено средство! сказалъ я
Въ радости сердца. Тогда у тебя позволенье, владыка,
Я испросилъ посѣтить отеческій домъ мой; угодно
Было тебѣ мнѣ отпустить. Переплывъ безопасно
Море и на берегъ вышедъ, въ отеческомъ домѣ не медля
Все къ предпринятому подвигу сталъ я готовить. Искусствомъ
Сдѣланъ былъ змѣй, подобный тому, котораго образъ
Врѣзался въ память мою; на коротенькихъ лапахъ громадой
Тяжкое чрево лежало, хребетъ, чешуею покрытый,
Круто вздымался; на длинной, гривастой шеѣ торчала,
Пастью зіяя, зубами грозя, голова; изъ отверстыхъ
Челюстей острымъ копьемъ выставлялся языкъ, и змѣиный
Хвостъ сгибался въ огромныя кольца, какъ будто готовый
Вдругъ обхватить ѣздока и коня, задушить ихъ обоихъ.
Все учредивши, двухъ собакъ, могучихъ и къ бою
Съ дикимъ быкомъ пріученныхъ, я выбралъ, и мнимаго змѣя
Ими травилъ, чтобъ привыкли онѣ по единому клику
Зубы вонзать въ непокрытое броней чешуйчатой чрево.
Самъ же, сидя на конѣ благородной арабской породы,
Я устремлялся на змѣя и руку мою безпрестанно
Въ вѣрномъ метаньи копья упражнялъ. Сначала отъ страха
Конь мой, храпя, на дыбы становился, и выли собаки;
Но, наконецъ, побѣдило мое постоянство ихъ робость.
Такъ совершилось три мѣсяца. Я возвращаюсь. Вотъ третій
День, какъ присталъ я къ Родосу. О новыхъ бѣдствіяхъ вѣсти
Душу мою возмутили. Горя нетерпѣніемъ кончить
Дѣло начатое, слугъ собираю моихъ и, ученыхъ
Взявши собакъ, на вѣрномъ конѣ, никому не сказавшись,

Digitized by Google

Ѣду отыскивать змѣя. Ты знаешь, владыка, часовню,
Гдѣ богомольствовать сходится здѣшній народъ: на утесѣ
Въ дикомъ мѣстѣ она возвышается; образъ Пречистой
Матери Божіей, видимый тамъ, знаменитъ чудесами;
Трудно всходить на утесъ, и доселѣ сей путь былъ опасенъ.
Тамъ, у подошвы утеса, въ норѣ, недоступной сѣчью
Два, гнѣздился чудовищный змѣй, сторожа проходящихъ.
Горе тому, кто дорогу терялъ! изъ темной пещеры
Врагъ исторгался, добычу ловилъ и ее въ свой глубокій
Логъ увлекалъ на пожранье. Въ часовню Пречистой
Дѣвы пошелъ я, тамъ палъ на колѣна, усердной мольбою
Въ помощь призвалъ Богоматерь, въ грѣхахъ принесъ покаянье,
Таинъ Святыхъ причастился; потомъ сошедши съ утеса,
Латы надѣлъ, взялъ мечъ и копье я, раздавъ приказанья
Спутникамъ (имъ же велѣлъ дожидаться меня близъ часовни),
Сѣлъ на коня, поручилъ вездѣсущему Господу Богу
Душу мою—и поѣхалъ. Едва я увидѣлъ на ровномъ
Мѣстѣ себя, какъ собаки мои, почувши змѣя,
Подняли ноздри, а конь захрапѣлъ и пятиться началъ:
Блещущимъ свившися клубомъ, вблизи змѣй грѣлся на солнцѣ.
Дружно и смѣло помчалися въ бой съ нимъ собаки; но съ воемъ
Кинулись обѣ назадъ, когда, развернувшися быстро,
Вдругъ онъ разинулъ огромную пасть и ихъ ядовитымъ
Обдалъ дыханьемъ, и съ страшнымъ шипѣньемъ поднялся на лапы.
Крикъ мой собакъ ободрилъ; онѣ вцѣпилися въ змѣя.
Сильной рукой я бросаю копье; но ударясь въ чешуйный
Крѣпкій хребетъ, оно, какъ тонкая трость, отлетѣло.
Новый ударъ я спѣшу нанести; но испуганный конь мой
Бѣшено всталъ на дыбы: раскаленныя очи, зіянье
Пасти зубастой, и свистъ, и дыханье палящее змѣя
Въ ужасъ его привели—и онъ опрокинулся. Видя
Близкую гибель, проворно спрыгнулъ я съ сѣдла и въ сраженье
Пѣшій вступилъ съ обнаженнымъ мечемъ; но мечъ мой напрасно
Колетъ и рубитъ: какъ сталь чешуя. Вдругъ змѣй, разъярившись,
Сильнымъ ударомъ хвоста меня повалилъ и поднялся
Дыбомъ, какъ столбъ, надо мной и уже растворилъ онъ огромный
Зѣвъ, чтобъ зубами стиснуть меня; но въ это мгновенье
Въ чрево его, чешуей непокрытое, вгрызлись собаки.
Взвылъ онъ отъ боли и бѣшено началъ кидаться. Напрасно!
Стиснувши зубы, собаки повисли на немъ. Я поспѣшно
На ноги сталъ и бросился къ нимъ—и мечъ мой вонзился
Весь во чрево чудовища. Хлынула чернымъ потокомъ
Кровь. Согнувшись въ дугу, онъ грянулся о земь и, тяжкимъ
Тѣломъ меня заваливши, издохъ надо мною. Не помню,
Долго ль безчувственъ подъ нимъ я лежалъ. Глаза открываю:
Слуги мои предо мною, а змѣй въ крови неподвиженъ".
Рыцарь, докончивши повѣсть свою замолчалъ. Раздались
Громкіе клики; дрогнули своды палаты отъ гула
Рукоплесканій, и самые рыцари Ордена вмѣстѣ
Съ шумной толпой возгласили: „хвала!" Но магистеръ,
Строго нахмуривъ чело, повелѣлъ, чтобъ всѣ замолчали.
Всѣ замолчали. Тогда онъ сказалъ побѣдителю: „Змѣя,
Долго Родосъ ужасавшаго, ты поразилъ, благородный
Рыцарь; но Богомъ явися народу, врагомъ ты явился
Нашему Ордену: въ сердцѣ твоемъ поселился отнынѣ
Змѣй, ужаснѣй тобою сраженнаго, змѣй отравитель

Digitized by Google

Воли, сѣятель смутъ и раздоровъ, презритель смиренья,
Недругъ порядка, древній губитель земли. Быть отважнымъ
Можетъ и врагъ ненавистный Христа—мамелюкъ; но покорность
Есть однихъ христіанъ достоянье. Гдѣ Самъ Искупитель,
Богъ всемогущій, смиренно стерпѣлъ поношенье и муку,
Тамъ встарину основали отцы нашъ Орденъ священный;
Тамъ облачася крестомъ, на себя возложили
Долгъ, труднѣйшій изъ всѣхъ: *свою обуздывать волю.*
Суетной славой ты былъ обольщенъ. Удались! ты отнынѣ
Нашему братству чужой: кто Господнее иго отринулъ
Тотъ и Господнимъ крестомъ себя украшать не достоинъ".
Такъ магистеръ сказалъ—и въ толпѣ предстоявшихъ поднялся
Громкій ропотъ, и рыцари Ордена сами владыку
Стали молить о прощеньи; но юноша, молча, потупивъ
Очи, снялъ епанчу, и у магистера строгую руку
Поцѣловалъ и пошелъ. Его проводивши глазами,
Гнѣвный смягчился судья и, назадъ осужденнаго кроткимъ
Голосомъ кликнувъ, сказалъ: „Обними меня, мой достойный
Сынъ! ты побѣду теперь одержалъ, труднѣйшую первой.
Снова сей крестъ возложи: онъ твой—онъ награда смиренью".

Жуковскій. (Изъ Шиллера).

---

18. Османъ.

Караванъ молельщиковъ выступалъ изъ вратъ Діарбека [1]). Впереди его ѣхалъ Османъ и бросалъ въ народъ деньги; имамы [2]) благословляли отходящихъ странниковъ; жители усыпали цвѣтами путь ихъ. Всѣ были увѣрены въ благополучномъ окончаніи путешествія, ибо уже въ шестой разъ отправлялся Османъ съ караваномъ въ Мекку, начальствуя надъ охраннымъ войскомъ, и ни разу не случалось съ Османомъ никакого несчастія: бури не засыпали въ степяхъ Аравіи ни одного человѣка изъ шествовавшихъ съ Османомъ; ни разу аравитяне не нападали на него. Такая благоуспѣшность въ предпріятіяхъ его почиталась плодомъ Османовой набожности, щедрости и мужества.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ отбытія изъ Діарбека, караванъ приблизился къ славному въ древности Евфрату. При пѣніи стиховъ изъ алкарона [3]), переправились черезъ нее молельщики и вступили въ песчаныя равнины Аравіи.

Тутъ присоединился къ каравану бедуинъ на прекрасной вороной лошади. Онъ также ѣхалъ на поклоненіе ко святымъ мѣстамъ, колыбели и гробу Магомета. Османъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, коснувшійся до преимущества ихъ народовъ. Бедуинъ отвѣчалъ коротко, но благоразумно, хвалилъ достойное похвалы въ своемъ народѣ и охуждалъ то, что̀ казалось ему дурнымъ; Османъ съ

---

[1]) *Діарбекъ*, или *Діарбекиръ*, городъ въ Малой Азіи, при р. Тигрѣ.— [2]) *Имамы* — духовныя лица у магометанъ. — [3]) *Алкоранъ* — священныя книги магометанъ.

Digitized by Google

жаромъ началъ выхвалять оттоманомъ. Непримѣтнымъ образомъ они отдалились отъ каравана.

— „Турки," говорилъ Османъ бедуину, „издавна славятся по всему Востоку добродушіемъ, храбростію, милосердіемъ и честностію: издавна рѣдкія сіи качества снискали намъ уваженіе цѣлаго свѣта; вездѣ, ежели хотятъ изобразить непобѣдимость воина, то говорятъ: „онъ храбръ какъ турокъ;" купцы, желая выразить чье-нибудь безкорыстіе въ превосходной степени, говорятъ; „онъ справедливъ, какъ турокъ!" Чѣмъ, напротивъ, отличается твой бѣдный народъ, шатаясь по степямъ каменистой и пустой Аравіи? Какая молва идетъ о васъ? Та, что вы не имѣете ни чести, ни совѣсти! Вы исповѣдуете одну вѣру съ нами, но вамъ платитъ султанъ ежегодно большую сумму, дабы спасти отъ вашего хищничества главный караванъ молельщиковъ; грабительство сдѣлало васъ презрѣнными бродягами въ глазахъ всякаго истиннаго мусульманина. Признайся, товарищъ, въ справедливости моихъ словъ; признайся, что вашъ народъ не что иное, какъ шайка разбойниковъ."

— „Мы послѣ окончимъ нашъ разговоръ," сказалъ ему бедуинъ, указывая на поскользнувшагося верблюда, который упалъ и придавилъ собою своего вожатаго: „послѣ; напередъ пособимъ несчастному."

— „Пойди и пособляй ты!" отвѣчалъ Османъ: „я не хочу оказать никакой услуги этому бездѣльнику: онъ перекупилъ у меня верблюда четыре года тому назадъ; теперь я очень радъ, что этотъ самый верблюдъ отомстилъ ему за меня. Ежели бы негодяй издыхалъ, и одно мое слово могло бы возвратить ему жизнь, то я — да простятъ мое согрѣшеніе Алла и его великій пророкъ—то я зашилъ бы себѣ ротъ!"

Между тѣмъ бедуинъ высвободилъ изъ-подъ верблюда вожатаго и возвращался къ своему спутнику. Онъ уже былъ отъ него недалеко, какъ вдругъ страшный тигръ выскочилъ изъ-за куста, подлѣ котораго ѣхалъ неосторожный Османъ, отдалясь отъ каравана. Османъ пришелъ въ смятеніе, ужаснулся и упалъ безъ чувствъ на землю. Бедуинъ поскакалъ опрометью, но не прочь отъ него, а прямо къ нему, вынулъ пистолетъ и въ ту самую минуту, какъ кровожадный звѣрь прыгнулъ на свою добычу, выстрѣлилъ по немъ. Мертвый тигръ рястянулся подлѣ полумертваго Османа.

Наконецъ Османъ открылъ глаза; спасеніе его казалось ему сверхъестественнымъ; онъ обнялъ бедуина и въ первомъ жару благодарности предлагалъ ему со слезами кошелекъ со ста секинами [1]).

---

[1]) *Секины*—монеты.

Digitized by Google

Бедуинъ, къ немалому удивленію Османа, отказался. Въ это время подошелъ къ нимъ нищій на деревянной ногѣ, покрытый рубищемъ и ранами; онъ обратился къ Осману, державшему еще кошелекъ, и говорилъ: „Милосердіе должно быть тебѣ знакомо, богатый странникъ; утоли голодъ и жажду твоего одноземца! удѣли неимущему одну рупію [1]) изъ толстаго кошелька твоего. Одна рупія избавитъ меня отъ мучительнаго зноя: къ вечеру надѣюсь съ этой помощію добрести до города; безъ нея лишусь силъ и принужденъ буду погибнуть отъ лютости дикихъ животныхъ.“

— „Да поможетъ тебѣ Алла! отвѣчалъ Османъ, пряча въ карманъ толстый кошелекъ съ секинами: „у меня же нѣтъ для тебя ни одной рупіи; я ѣду на богомолье въ Мекку и Медину изъ Діарбека, и не имѣю болѣе того, сколько нужно для пути туда и обратно. Всѣ лишнія роздалъ я народу при выѣздѣ изъ отечества; жалѣю о тебѣ, но пособить не могу.“

Бедуинъ вынулъ мѣшокъ съ сарачинскимъ пшеномъ и мѣхъ съ водою и подалъ убогому. „На! утоли голодъ и жажду“, сказалъ онъ: „подкрѣпи ослабѣвшія силы, и пойдемъ вмѣстѣ. Городъ, куда ты идешь, лежитъ на дорогѣ, по которой идетъ караванъ: я провожу тебя“.

— „Но я иду медленно, часто отдыхаю“, говорилъ нищій.

— „Такъ сядь на мою лошадь!“ отвѣчалъ бедуинъ; соскочивъ съ нея, посадилъ бѣднаго, взялъ за узду и повелъ потихоньку.

— „Брось его“, сказалъ Османъ: „кончимъ нашъ разговоръ, *докажемъ* другъ другу“...

— „Разговоръ нашъ давно уже конченъ“, отвѣчалъ бедуинъ: „было бы излишне спорить намъ теперь о добродушіи, храбрости и милосердіи нашихъ народовъ. Замѣть, Османъ, что среди всякаго народа могутъ быть люди добродѣтельные и злые“.

Османъ выразумѣлъ всю колкость сего отвѣта и поклялся бородою своего прадѣда отомстить бедуину за его дерзость. Скоро случай къ исполненію намѣренія представился. На привалѣ бедуинъ заснулъ крѣпко; караванъ поднялся, и Османъ оставилъ своего благодѣтеля среди пустыни, оставилъ на жертву всѣмъ бѣдствіямъ, а дабы онъ не могъ догнать каравана, укралъ у него прекрасную вороную лошадь—все имущество бедуина.

И судьба не наказала Османа? Нѣтъ, онъ въ полномъ удовольствіи жилъ и умеръ, окруженный радостями.

Діарбекирцы вспоминаютъ о немъ съ сожалѣніемъ; отцы и матери ставятъ его въ примѣръ дѣтямъ своимъ.

Хорошо нужно знать человѣка, дабы не ошибиться въ немъ.

Перед. изъ повѣсти Бенициато.

---

[1]) *Рупіи*—монеты.

Digitized by Google

10. Свистокъ.

(Невымышленная исторія).

Однажды, въ ребячествѣ моемъ, дали мнѣ нѣсколько мѣдныхъ деньгами. Восхищенный такимъ богатствомъ, я тотчасъ побѣжалъ въ лавку, гдѣ продавались игрушки; выбралъ себѣ свистокъ, котораго мнѣ давно хотѣлось, и отдалъ за него свои деньги. Радуясь своею счастливою покупкою, возвратился домой; не выпускалъ ее изъ рукъ, свисталъ непрестанно, и никому въ домѣ не давалъ покоя. Братья и сестры мои, узнавъ, сколько я заплатилъ за свистокъ, сказали, что онъ не стоитъ и половины. Тутъ вообразились мнѣ всѣ прекрасныя вещи, которыя можно было купить на остальныя деньги; а какъ надо мною стали еще смѣяться, то я началъ плакать, и свистокъ, вмѣсто удовольствія, сдѣлалъ мнѣ только горе.

Но это горе имѣло хорошія слѣдствія. Я всегда помнилъ невыгодную свою покупку, и всякій разъ, когда хотѣлось мнѣ купить что нибудь ненужное, говорилъ себѣ: „не давай за свистокъ лишняго!“ послѣ чего деньги оставались въ карманѣ.

Я выросъ, вошелъ въ свѣтъ, началъ узнавать людей, и часто мнѣ казалось, что они *слишкомъ дорого покупаютъ свистокъ*.

Видя, какъ одинъ жертвуетъ придворнымъ почестямъ не только своимъ временемъ, спокойствіемъ, но и самими друзьями, самою добродѣтелью, и говорилъ себѣ: „*этотъ человѣкъ дорого покупаетъ свистокъ!*“

Видя, какъ другой ищетъ народной благосклонности разными проныростваии, не радѣетъ о своихъ экономическихъ обстоятельствахъ и наконецъ совсѣмъ разоряется, думаю: „*онъ дорого платитъ за свистокъ*“.

Видя скупого, который отказываетъ отъ всѣхъ удовольствій въ жизни, отъ счастія дѣлать добро, отъ почтенія согражданъ своихъ, отъ сладостныхъ чувствъ дружбы, единственно для наполненія мѣшковъ своихъ, мыслю: „бѣдный человѣкъ! *какъ дорого платишь ты за свистокъ!*“

Видя сластолюбца, который чувственныя удовольствія предпочитаетъ душевнымъ, разсуждаю: „какъ онъ жалокъ, не думая о слѣдствіяхъ и *платя такъ дорого за свой свистокъ!*“

Когда мотъ разоряется на богатыхъ каретахъ, на домашнихъ приборахъ, на каретахъ, говорю: „онъ не предвидитъ конца, и поздно узнаетъ, *чего стоитъ ему свистокъ*.“

Когда прекрасная, милая дѣвушка выходитъ замужъ за человѣка грубаго, недостойнаго, думаю: „*какъ жаль, что она такъ дорого платитъ за свистокъ!*“

Digitized by Google

Однимъ словомъ, едва ли не всѣ житейскія бѣдствія происходятъ отъ того, что люди не знаютъ цѣны вещей и *слишкомъ дорого покупаютъ свѣсти.* Карамзинъ изъ Фрэнсиса.

20. Польза наукъ.

Чѣмъ отличаются великіе народы отъ народовъ дикихъ? Тѣмъ, что первые занимаются искусствами и науками, а вторые не знаютъ ихъ. Можетъ быть, одному только просвѣщенію многіе народы обязаны своимъ существованіемъ. Если бы мы имѣли нравы дикихъ американцевъ, то двѣ или три націи въ Европѣ скоро истребили бы всѣ другія, и какой-нибудь воинственный народъ нашего свѣта могъ бы, вмѣстѣ съ ирокезцами, славиться тѣмъ, что онъ поглотилъ семьдесятъ народовъ. Если бы Декартъ родился въ Мексикѣ или въ Перу за сто лѣтъ до Кортеца и Пизарро, если бы онъ доказалъ симъ народамъ, что люди по ихъ образованію не могутъ быть безсмертны, что составъ ихъ истлѣваетъ подобно всѣмъ другимъ составамъ, что дѣйствія природы суть не что иное, какъ слѣдствіе непремѣнныхъ законовъ и движенія: то Кортецъ съ горстію людей не разрушилъ бы Мексиканской имперіи, а Пизарро— царства инковъ. Не удивительно ли, что сіе разрушеніе, самое важнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ по исторіи, было слѣдствіемъ незнанія одной физической истины? Все новое для сихъ народовъ—человѣкъ съ бородою, лошадь, огнестрѣльное оружіе— казалось имъ дѣйствіемъ непобѣдимой силы, которой, по ихъ мнѣнію, ничто не могло противиться. Они были мужественны и храбры: чего же имъ недоставало? Надежды побѣдить — и грубое невѣжество обратило въ ничто всѣ силы двухъ великихъ имперій.

Карамзинъ (изъ Монтескьё).

21. Просвѣщеніе.

Визирь Муссаферъ спросилъ однажды у великаго Аарона Рашида, съ какимъ намѣреніемъ заводитъ онъ академіи, школы и распространяетъ науки? „Не думаешь ли ты, калифъ, что просвѣщенный народъ будетъ лучше повиноваться тебѣ?—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Ааронъ Рашидъ: потому что онъ лучше будетъ судить о справедливости моихъ законовъ.—„Но охотнѣе ли станетъ платить подати?“—Конечно: онъ увидитъ, что я не требую ничего излишняго.—„Воины твои лучше ли будутъ сражаться?“—Гораздо лучше, подъ начальствомъ знающихъ предводителей.—„Но твои умники, твои мудрецы не вздумаютъ ли вмѣшиваться въ правленіе? О, царь царей! не дерзнутъ ли они искать ошибокъ въ дѣлахъ твоихъ?“— Пусть ищутъ и находятъ; пусть скажутъ ихъ мнѣ, чтобы я впредь остерегся и поступилъ лучше!“—„Какъ? ты позволишь, свѣтиль-

Digitized by Google

ныхъ міра, философамъ своимъ говорить смѣло обо всемъ, что имъ придетъ на мысль?“—Иначе они не могли бы просвѣщать людей.—„Но развѣ самые мудрецы не могутъ иногда принять вреднаго заблужденія за полезную истину?“—Одинъ ошибется, а другой замѣтитъ и поправитъ ошибку.—„Государь! я долженъ наконецъ открыть тебѣ: съ того времени, какъ народъ твой просвѣщается, нѣкоторые смѣлые люди дерзаютъ во многомъ осуждать любимцевъ твоихъ, и даже меня, государь, меня самого“...—Понимаю, сказалъ царь—и вышелъ изъ комнаты.

Карамзинъ.

---

22. Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой.
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду, съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.
О, Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучатъ проворные цѣпы;
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки [1]),
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бичевой по влагѣ ударая...
О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай—дары святые неба,—
Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также, Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами не сгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно.
О, дай намъ солнышка! пошли Ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, старикамъ
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: „Господи! какая благодать!“

Майковъ.

---

[1]) *Бурлакъ*—крестьянинъ, идущій въ чужбину на заработки, преимущественно на рѣчныя суда.

Digitized by Google

28. Катонъ и Цесарь.

(Изъ Саллюстія).

Размышляя о великихъ дѣлахъ, которыми прославилась Республика на моряхъ и сушѣ, я часто искалъ причины ихъ [1]). Извѣстно, что предки наши, имѣя малочисленное войско, вели долговременную войну съ царями сильными, побѣждали, и въ самыхъ бѣдствіяхъ славились непоколебимою твердостію духа. Греки были краснорѣчивѣе, Галлы смѣлѣе Римлянъ, но свѣтъ завоеванъ нами! Чему же обязаны мы своими блестящими успѣхами? Отмѣнной добродѣтели нѣкоторыхъ римскихъ героевъ: они возвеличили республику—и бѣдность побѣдила богатство, и безчисленныя воинства исчезли предъ малочисленнымъ!

Роскошь и праздность развратили наши нравы. Прежде добродѣтель начальниковъ служила опорою республикъ: теперь величіе республики служитъ опорою слабымъ начальникамъ; прежде Римъ рождалъ героевъ: теперь подобенъ землѣ истощенной, и не производитъ ничего великаго.

Въ молодости своей я видѣлъ еще двухъ мужей, равно великихъ, но съ разными склонностями. Катонъ и Цесарь были оба знатнаго рода и почти сверстники лѣтами; оба краснорѣчивы, мужественны, славны—однимъ словомъ, достойны другъ друга. Но слава ихъ происходила изъ разныхъ источниковъ. Цесарь отличался щедростію, великолѣпіемъ; Катонъ непорочностію жизни своей. Цесаря любили за кротость и милосердіе, Катона почитали за строгость. Цесарь дѣлалъ добро, услуживалъ, снисходилъ: Катона ничто умолить не мо́гло. Бѣдные, несчастные прибѣгали къ Цесарю: злые страшились Катона. Одинъ былъ во всѣхъ случаяхъ благосклоннымъ, другой—непреклоннымъ. Цесарь любилъ дѣятельность, труды; думалъ всегда о пользѣ друзей своихъ, забывая собственную пользу; съ радостію дарилъ, чѣмъ только могъ дарить; хотѣлъ начальствовать и воевать для того, чтобы оказать великій умъ свой и мужество. Скромная добродѣтель была главнымъ свойствомъ души Катоновой. Онъ не старался превзойти богатыхъ богатствомъ, властолюбивыхъ властію: нѣтъ! Катонъ старался единственно быть умѣреннѣе самыхъ мудрыхъ, непорочнѣе самыхъ справедливыхъ, и и къ общему благу усерднѣе самыхъ вѣрныхъ гражданъ. Онъ хотѣлъ лучше *быть*, нежели *слыть* добродѣтельнымъ; и чѣмъ менѣе искалъ славы, тѣмъ болѣе прославлялся.

Карамзинъ.

---

[1]) *Въ подл.:* онымъ.

Digitized by Google

1. Ангелъ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами [1]) райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ—и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой [2]).

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Лермонтовъ.

---

2. Монастырь на Казбекѣ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій [3]) ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.

Далекій, вожделенный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бъ въ заоблачную келью.
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

Пушкинъ.

---

1) *Куща*—шатеръ, сѣнь.—2) *Выпущенная авторомъ строфа:*

Душа поселилась въ твореньи земномъ,
Но чуждъ былъ ей міръ. Объ одномъ
Она все мечтала: о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.

3) *Рѣять*—носиться.

Digitized by Google

3. Птичка.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

Пушкинъ.

---

4. Доля бѣдняка.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмельная
Не разымчива [1])!

Рѣчи вольныя—
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

Изъ души ль порой
Радость вырвется—
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится:
Грустью черною
Міръ одѣнется,

И сидишь, глядишь
Улыбаючись,
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

Кольцовъ.

---

5. Сяду я за столъ.

Сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому.

Нѣтъ у молодца
Молодой жены;
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго,

Золотой казны,
Угля теплаго,
Бороны, сохи,
Коня-пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ—
Силу крѣпкую.

Да и ту какъ разъ
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю размыкала...

Сяду я за столъ
Да подумаю,
Какъ мнѣ вѣкъ дожить
Одинокому.

Кольцовъ.

---

6. Птичка.

„Ахъ, зачѣмъ, пѣвунья птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края!

---

[1]) *Разымчивый*—хмельной.

Digitized by Google

Заслонили солнце тучи,
Небеса заволокли,
И камышъ сухой и желтый
Клонитъ вѣтеръ до земли.

Вотъ и дождикъ, посмотри-ка,
Хлынулъ точно изъ ведра;
Скучно! Холодно! Какъ будто
Не весенняя пора".

—„Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и звонкихъ
Не совью себѣ гнѣзда.

Я совью его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка;
Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ, какъ онъ, вернувшись съ поля,
Въ хату ветхую свою
Ляжетъ грустный на солому,
Пѣсню я ему спою.

Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей.
Никогда ея не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

Въ ней повѣдаю я много
Про иной чудесный свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни тревогъ, ни горя нѣтъ.

Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

Плещеевъ.

---

3. Дубовый листокъ и чинара [1].

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ наконецъ докатился до Чернаго моря.

У Чернаго моря чинара стоитъ молодая;
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы;
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

---

[1]) *Чинара*—дерево «яворъ», «платанъ».

Digitized by Google

И странникъ прижался у корня чинары высокой;
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой,
И такъ говоритъ онъ: „Я—бѣдный листочекъ дубовый;
„До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

„Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я;
„Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя,—
„Прими же пришельца межъ листьевъ своихъ изумрудныхъ—
„Не мало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ".

—На что мнѣ тебя? отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара;
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю;
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю.
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ покорное море.

Лермонтовъ.

---

8. Пѣсня.

Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?
Прошлою весною
Здѣсь поилъ ее потокъ
Свѣжею струею...
Нѣтъ ея: весна прошла,
И фіалка отцвѣла.

Гдѣ фіалку я видалъ,
Тамъ потокъ игривый
Сердце въ думу погружалъ
Струйкой говорливой...
Пламень лѣта былъ жестокъ;
Истощенный смолкъ потокъ.

Розы были тамъ въ сѣни
Рощицы тѣнистой;
Оживляли долъ они
Красотой душистой...
Лѣто быстрое прошло,
Лѣто розы унесло.

Гдѣ видалъ я розы, тамъ
Роща, бывало,
Въ зной пріютъ давала намъ...
Что съ пріютомъ стало?
Вѣтръ осенній бушевалъ,
И пріютный листъ опалъ.

Здѣсь нерѣдко по утрамъ
Мнѣ пѣвецъ встрѣчался,
И живымъ его струнамъ
Отзывъ откликался...
Нѣтъ его. Пѣвецъ увялъ;
Съ нимъ и отзывъ замолчалъ.

Жуковскій.

---

9. Внимая ужасамъ войны...

Внимая ужасамъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,
Мнѣ жаль не друга, не жены,
Мнѣ жаль не самого героя...

Увы! утѣшится жена,
И друга лучшій другъ забудетъ;
Но гдѣ-то есть душа одна—
Она до гроба помнить будетъ!

Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ
И всякой пошлости и прозы
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святыя, искреннія слезы:

То слезы бѣдныхъ матерей!
Имъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ,
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей.

Некрасовъ.

Digitized by Google

10. Дружба.

На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтви плюща обвились
Вокругъ его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій,—
Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!

Изъ стих. Лермонтова.

---

11. Воспоминаніе.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ;
Но съ благодарностію: были.

Жуковскій.

---

12. Сосна.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

Лермонтовъ.

---

13. Пѣсня Миньоны.

Ты знаешь ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ,
Гдѣ въ темныхъ листахъ померанецъ, какъ золото, рдѣетъ,
Гдѣ сладостный вѣтеръ подъ небомъ лазоревымъ вѣетъ,
Гдѣ скромная мирта и лавръ горделивый растутъ?
Ты знаешь ли край тотъ? туда бы съ тобой,
Туда бы ушла я, мой другъ дорогой!

Ты знаешь ли домъ?... Позолотою яркой блестя,
На легкихъ колоннахъ вздымается пышная зала...
Статуи стоятъ и глядятъ на меня съ пьедестала:
«Дитя мое бѣдное! что съ тобой сталось, дитя?»
Ты знаешь ли домъ тотъ? туда бы съ тобой,
Туда бы ушла я, возлюбленный мой!

Ты знаешь ли гору? Тамъ въ тучахъ тропинка видна;
Тамъ мулъ себѣ путь пробиваетъ въ туманахъ нагорныхъ;
Тамъ змѣи гнѣздятся въ пещерахъ и пропастяхъ черныхъ;
Тамъ рушатся скалы, и плещетъ на скалы волна.
Ты знаешь ту гору? Туда мы съ тобой,
Туда мы умчимся, отецъ мой родной!

(Изъ Гёте) М е й.

Digitized by Google

14. Замокъ на берегу моря.

(Изъ Уланда).

Ты видѣлъ ли замокъ на брегѣ морскомъ?
Играютъ, сіяютъ надъ нимъ облака;
Лазурное море прекрасно кругомъ.

„Я замокъ тотъ видѣлъ на брегѣ морскомъ;
„Сіяла надъ нимъ одиноко луна;
„Надъ моремъ клубился холодный туманъ".

Шумѣли ль, плескали ль морскіе валы?
Съ ихъ шумомъ, съ ихъ плескомъ сливался ли гласъ
Веселаго пѣнья торжественныхъ струнъ?

„Былъ вѣтеръ спокоенъ, молчала волна;
„Мнѣ слышалась въ замкѣ печальная пѣснь;
„Я плакалъ отъ жалобныхъ звуковъ ея".

Царя и царицу ты видѣлъ ли тамъ?
Ты видѣлъ ли съ ними ихъ милую дочь,
Младую, какъ утро весенняго дня?

„Царя и царицу я видѣлъ... Вдвоемъ
„Безгласны, печальны сидѣли они;
„Но милой ихъ дочери не было тамъ".

Жуковскій.

---

15. Тетива.

Спущенъ лукъ; далеко блещетъ,
Какъ ясенъ соколъ вольна,
Сталь стрѣлы, едва видна;
А межъ тѣмъ еще трепещетъ
Тетивы златой струна,
И дрожатъ глухіе звуки
Томнымъ ропотомъ разлуки.

---

16. Птичка.

Тѣнь высокаго дуба
Голосистая птичка любила;
На вѣтвяхъ, переломленныхъ бурей,
Она кровъ и покой находила...

И какъ будто бы старому дубу
Было внятно ея щебетанье:
Веселѣй его вѣтви качались,
И слышнѣй было листьевъ шептанье...

Улетѣла ль веселая птичка,
Или слабую бурей умчало,—
Только въ листьяхъ высокаго дуба
Непріютно и холодно стало!

Digitized by Google

И стоитъ онъ, склоняясь вѣтвями,
Весь наполненъ тоской и истомой,
Вспоминая любимую птичку,
Сиротѣя безъ пѣсни знакомой.

Волковъ.

17.

„Сегодня я съ вами пирую друзья,
Веселье намъ пѣсни заводитъ;
А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
Откуда никто не приходитъ."

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно,—но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ
Предвѣстьемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись—и свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая,
„Стыдись", восклицали, „мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнитъ ли жизнь молодая?"

Война запылала: всѣ други мои
Къ знаменамъ войны полетѣли;
Я съ ними,—но узы сыновней любви
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжко я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали—я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ...
Брань стихла—гдѣ жъ други? Лежатъ на поляхъ,
Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сижу на пирахъ,
Гдѣ все мнѣ твердитъ про былое;
Дрожитъ моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжко веселье чужое.

Дельвигъ.

---

18. Волны и люди.

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ:
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.

Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души.. и что же?
Души въ нихъ волнъ холоднѣй!

Лермонтовъ.

Digitized by Google

19. Пѣла, пѣла пташечка.

Пѣла, пѣла пташечка—
И затихла:
Знало сердце радости—
И забыло.

Что, пѣвунья-пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?

Ахъ! убили пташечку
Злые вьюги:
Погубили молодца
Злые толки!

Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю!
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!

На морѣ валы шумятъ,
Да не вьюги:
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

Дельвигъ.

20. Тучи.

Тучки небесныя, вѣчные странники,
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ [1]) преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти, и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Лермонтовъ.

21. Птичка.

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый...
Въ безмятежной тишинѣ
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной
Средь некошеннаго луга
Подъ росистою травой.

Въ небесахъ, но не для неба,
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка весело поетъ.

Внемля ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой!

Полонскій.

22. При выходѣ изъ рудника.

Осенній день тихонько угасалъ
На высотахъ гранитныхъ шведскихъ скалъ.
Туманъ облекъ поверхности озеръ,
Такъ что едва замѣтить могъ бы взоръ
Бѣгущій бѣлый парусъ рыбака.
Я выходилъ тогда изъ рудника,

[1]) Вм. „тяготѣетъ“.

Digitized by Google

Гдѣ золото—земныхъ трудовъ предметъ—
Тамъ люди достаютъ ужъ много лѣтъ.
Здѣсь обратились страсти всѣ въ одну,
И вѣчный стукъ тревожитъ тишину:
Между столбовъ гранитныхъ и аркадъ
Блеститъ огонь трепещущихъ лампадъ,
Какъ мысль въ умѣ, подавленномъ тоской,
Кидая свѣтъ безсильный и пустой!...

Но если очи, въ безпривѣтной мглѣ
Угасшія, морщины на челѣ,
Но если блѣдный, вялый цвѣтъ ланитъ
И равнодушный, молчаливый видъ,
Но если вздохъ, потерянный въ тиши,
Являютъ грусть глубокую души,—
О! не завидуйте судьбѣ такой:
Печальна жизнь въ могилѣ золотой!
Повѣрьте мнѣ: немногіе изъ нихъ
Могли собрать плоды трудовъ своихъ.

Не нахожу достаточно рѣчей,
Чтобъ описать восторгъ души моей,
Когда я вновь взглянулъ на небеса,
И освѣжила голову роса.
Тянулись цѣпью острыя скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носились, крича средь высоты.
Я зрѣлъ вдали кудрявые кусты
У озера спокойныхъ береговъ
И стебли черные сухихъ дубовъ.
Отъ рудника вился желтѣя путь...
Какъ я желалъ скорѣй въ себя вдохнуть
Прохладный воздухъ, вольный, какъ народъ
Тѣхъ горъ, куда сей узкій путь ведетъ.

Лермонтовъ.

---

23. Парусъ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ,
И не отъ счастія бѣжитъ!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой...
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ бурѣхъ есть покой!

Лермонтовъ.

---

24. Туча.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,

Digitized by Google

Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Пушкинъ.

---

25. Узникъ

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ;

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ: „давай улетимъ!

„Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
„Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
„Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
„Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я!“

Пушкинъ.

---

26. Желаніе.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ, въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ
Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечомъ и щитомъ
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну бы задѣлъ —
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы.

Digitized by Google

Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ:
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душою...
О! зачѣмъ я не воронъ степной!...

Лермонтовъ.

---

27. Орелъ и змѣя.

На горахъ, подъ метелями,
Гдѣ лишь ели однѣ вѣчно зелены,
Сѣлъ орелъ на скалу, въ тѣнь подъ елями,
И глядитъ: — изъ разсѣлины
Выползаетъ змѣя, извивается,
И на темномъ гранитѣ змѣиная
Чешуя серебромъ отливается...

У орла гордый взглядъ загорается:
Заиграло, знать, сердце орлиное.
— „Высоко ты, змѣя, забираешься!“
Молвилъ онъ: „будешь плакать, раскаешься!“

Но змѣя ему кротко отвѣтила:
„Изъ-подъ камня горючаго
Я давно тебя въ небѣ замѣтила
И тебя полюбила, могучаго...
Не пугай меня злыми угрозами.
Нѣтъ! бери меня въ когти желѣзные,
Познакомь меня съ темными грозами,
Иль умчи меня въ сферы надзвѣздныя“.

Засвѣтилися глазки змѣиные
Тихимъ пламенемъ — по змѣиному;
Распахнулися крылья орлиныя:
Онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному,

Полетѣлъ съ ней въ пространство холодное;
Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася,
Изгибаясь, змѣя подколодная
Подъ крыло его робко прижалася.

Съ бурей борются крылья орлиныя;
Близко молнія гдѣ-то ударила...
Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя....
Вдругъ—змѣя его въ сердце ужалила.

И въ очахъ у орла помутилося;
Онъ отъ боли упалъ, какъ подстрѣленный,
А змѣя уползла и сокрылася
Въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

Полонскій.

Digitized by Google

28. Умирающій гладіаторъ [1]).

I see before me the gladiator lie...

(Byron).

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена, —
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ;
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что̀ яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!
И кровь его течетъ — послѣднія мгновенья
Мелькаютъ,— близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай [2])...
И родина цвѣтетъ — свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленный для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
„Прости, развратный Римъ,—прости, о, край родной!“

Лермонтовъ.

---

29. Велисарій [3]).

Малютка, шлемъ нося, проситъ
Для Бога пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ, —
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
„Тронитесь жертвою судебъ!“
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
„Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велисарія питаетъ!

Вотъ шлемъ того, который былъ
Для Готѳовъ, Вандаловъ грозою,
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиранъ лишилъ его очей,
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велисарія закрылся!

Несчастный,—за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренный,—
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ;
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!

Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы,

Digitized by Google

И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ твой, Содѣтель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велисарью благодѣтель!..“

Марлинскій.

---

30. Три пальмы.

(Восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей [1]) зеленой;
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!...“

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ [2]) наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса [3]) вились въ безпорядкѣ,
И, съ крикомъ и свистомъ носясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

---

[1]) *Куща*—шатеръ.—[2]) *Лука*—передняя часть сѣдла.—[3]) *Фарисъ*—наѣздникъ.

Digitized by Google

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, наполнися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти;
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ:
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ:
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка [1]) о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

Лермонтовъ.

---

31. Тантал и Сизифъ въ адѣ.

(Изъ Одиссеи. Пѣснь XI, ст. 581).

Увидѣлъ я Тантала [2]); горькую муку онъ терпитъ:
Въ озерѣ старецъ стоитъ, и вода къ подбородку доходитъ;
Но сгорая отъ жажды, напиться страдалецъ не можетъ;
Каждый разъ—лишь наклонится старецъ, напиться пылая,—
Вдругъ пропадаетъ вода поглощенная; онъ подъ ногами
Видитъ лишь землю черную; демонъ ее изсушаетъ.
Вдругъ надъ его головою деревья плоды преклоняли:
Груши, блестящія яблоки, полныя сока гранаты,
Ярко-зеленые маслинъ плоды и сладкія смоквы;
Но, какъ скоро ихъ старецъ рукою схватить устремлялся,
Вѣтеръ отбрасывалъ ихъ, подымая до облаковъ темныхъ.
Тамъ и Сизифа [3]) узрѣлъ я; жестокія муки онъ терпитъ:
Тяжкій, огромный руками обѣими камень катаетъ;
Онъ и руками его и ногами, что силъ, подпирая,
Катитъ скалу на высокую гору; но чуть на вершину
Чаетъ вскатить, какъ назадъ устремляется страшная тягость;
Снова на долъ, закружившися, падаетъ камень коварный.
Снова тотъ камень онъ катитъ и мучится; льется ручьями
Потъ изъ составовъ страдальца, и пыль вкругъ главы его вьется.

Гнѣдичъ.

---

[1]) Пророкъ—Магометъ.—[2]) Въ греческой миѳологіи *Тантал* — сынъ Зевса, довѣренный Зевса, осужденный за выданную тайну боговъ.—[3]) *Сизифъ* — сынъ Эола, осужденный за несправедливость.

Digitized by Google

32. Лаокоонъ и змѣи.

Явилось неслыханно-страшное чудо.
Нашимъ очамъ и вселило въ сердца неописанный трепетъ.
Лаокоонъ, Нептуновъ избранный жрецъ, всенародно
Тучнаго богу вола принесилъ предъ храмомъ на жертву...
Вдругъ, четой отъ страны Тенедоса по тихому морю
(Вспомнивъ о томъ, трепещу!) два змѣя, возлегши на воды,
Рядомъ плывутъ и медленно тянутся къ нашему брегу;
Груди изъ волнъ поднялись; надъ водами кровавые гребни
Дыбомъ; глубокій, излучистый слѣдъ за собой понидая,
Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины.
Пѣняся, влага подъ ними шумитъ; всползаютъ на берегъ;
Ярко налитые кровью глаза и рдѣютъ и блещутъ;
Съ свистомъ проворными жалами лижутъ разинуты пасти.
Мы, поблѣднѣвъ, разбѣжались. Чудовища прянули дружно
Къ Лаокоону и, двухъ сыновъ его малолѣтнихъ
Разомъ настигнувъ, скрутили ихъ тѣло и, жадные втиснувъ
Зубы имъ въ члены, загрызли мгновенно обоихъ. На помощь
Къ дѣтямъ отецъ со стрѣлами бѣжитъ; но змѣи, напавши
Вдругъ на него и спутавшись крѣпкими кольцами, дважды
Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
Тѣломъ чешуйнымъ и грозно надъ нимъ поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягаетъ онъ слабыя руки—
Черный ядъ и пѣна текутъ по священнымъ повязкамъ;
Тщетно, терзаемъ, пронзительный стонъ ко звѣздамъ онъ подъемлетъ:
Такъ, отряхая топоръ, невѣрно въ шею вонзенный,
Бѣсится волъ и реветъ, оторвавшись отъ жертвенной цѣпи.
Быстро вiясь, побѣжали ко храму высокому змѣи;
Тамъ, достигши святилища гнѣвной Тритоны, припали
Мирно къ стопамъ божества и подъ щитъ улеглися огромный.

Жуковскій (изъ „Энеиды").

---

33. Ночь.

Уже утомившійся день
Склонился въ багряныя воды.
Темнѣютъ лазурные своды,
Прохладная стелется тѣнь;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дорогѣ эѳирной,
И Гесперъ [1]) летитъ передъ ней
Съ прекрасной звѣздою своей [2]).

Сойди, о небесная, къ намъ
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ [3]),
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ [4]),
Дай мира усталымъ сердцамъ;

---

[1]) *Гесперъ*—олицетвореніе вечера. — [2]) Звѣзда Венеры, спутница Геспера. — [3]) Олицетвореніе ночи въ образѣ богини согласно съ изображеніями ея древними въ черной одеждѣ и покрывалѣ, усыпанныхъ звѣздами. — [4]) *Фіалъ* (φιάλη) сосудъ для возліяній—здѣсь символъ сна.

Digitized by Google

Своимъ миротворнымъ явленьемъ,
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ
Томимую душу тоской,
Какъ матерь дитя, успокой.

Жуковскій.

34.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу [1])
Про мирный край, откуда мчится онъ:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Лермонтовъ.

---

35. Мечтанія.

Пусть пасмурный октябрь осенней дышетъ стужей,
Пусть сѣетъ мелкій дождь, или порою градъ
Въ окошки звякаетъ, рябитъ и пѣнитъ лужи,
Пусть сосны черныя, качаясь, шумятъ,
И даже безъ борьбы, покорно, незамѣтно,
Сдаетъ угрюмый день, больной и безпривѣтный,
Природу грустную ночной холодной мглѣ,—
Я одиночества не знаю на землѣ.

Забившись на диванъ, сижу; воспоминанья
Встаютъ передо мной; слагаются изъ нихъ
Въ волшебномъ очеркѣ чудесныя созданья,
И люди движутся, и глубже каждый мигъ
Я вижу души ихъ, достоинства ихъ мѣрю,
И такъ ужъ наконецъ въ присутствіе ихъ вѣрю,
Что даже, кажется, ихъ видитъ черный котъ,
Который, помѣстясь на столѣ, подъ образами,
Подыметъ морду вдругъ и желтыми глазами
По темной комнатѣ мурлыча поведетъ.

Майковъ.

---

[1]) *Сага*— сказаніе.

Digitized by Google

36. Бѣсы.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

—„Эй, пошелъ, ямщикъ!..“—„Нѣтъ мочи:
Конямъ баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ.

Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой“.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ:
Кони стали...—„Что тамъ въ полѣ?“
—„Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ;
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

Digitized by Google

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

Пушкинъ.

---

37. Дорога.

Глухая степь. Дорога далека.
Вокругъ меня волнуетъ вѣтеръ поле.
Вдали туманъ. Мнѣ грустно поневолѣ,
И тайная беретъ меня тоска.

Какъ кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется, лѣниво
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и то жъ:
Все степь да степь, за нивой снова нива...
Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?

И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
„Про черный день мы пѣсню бережемъ!“
—„Чему жъ ты радъ?“—„Недалеко до хаты—
Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ.“

Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ и ужинъ
Найдетъ ямщикъ подъ кровлею своей.
А я усталъ—покой давно мнѣ нуженъ;
Но нѣтъ его... Мѣняютъ лошадей.

Ну, ну, живѣй! Долга моя дорога!
Сырая ночь—ни хаты, ни огня...
Ямщикъ поетъ... Въ душѣ опять тревога....
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня!..

Полонскій.

---

38. Буря.

(Изъ Мицкевича).

Корма затрещала, летятъ паруса;
Встревоженной хляби звучатъ голоса,
И солнце затмилось надъ бездной морскою
Съ послѣдней надеждой, кровавой зарею.

Громада, бунтуя, ревetъ и кипитъ,
И волны бушуютъ, и вѣтеръ шумитъ,
И стонъ раздается зловѣщихъ насосовъ,
И вырвались верви изъ рукъ у матросовъ.

Торжественно буря завыла; дымясь,
Изъ бездны кипучей гора поднялась,
И Ангелъ-губитель по ярусамъ пѣны
Въ корабль уже входитъ, какъ ратникъ на стѣны.

Кто, силы утративъ, безъ чувства падетъ,
Кто, руки ломая, свой жребій клянетъ;

Digitized by Google

Иной полумертвый о другѣ тоскуетъ,
Другой молитъ Бога, да гибель минуетъ.

Младой чужеземецъ безмолвно сидитъ,
И мнитъ онъ: „Тотъ счастливъ, кто мертвымъ лежитъ,
И тотъ, кто умѣетъ усердно молиться,
И тотъ, у кого еще есть, съ кѣмъ проститься“.

Козловъ.

39.

Море воетъ, море стонетъ,
И во мракѣ одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.

Но, счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою—
И спокоенъ я душою;
И безпечно я пою.

Молодая, золотая
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна для меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое—
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

Д. Давыдовъ.

40. Пловецъ.

Нелюдимо наше море.
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я;
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй;
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ;
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ за далью непогоды
Есть блаженная страна;
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!...
Смѣло, братья,—бурей полный,
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

Языковъ.

41. Дубъ.

Онъ видѣлъ вкругъ себя во всемъ красу природы;
Онъ думалъ, что она ему не измѣнитъ,
И дерзостно мечталъ, что вѣтеръ непогоды
Къ нему не долетитъ.
Но вдругъ небесный сводъ одѣлся черной тучей,
И ливнемъ хлынулъ дождь, и бурный ураганъ
Клубяся налетѣлъ, взвивая прахъ летучій,
И долъ покрылъ туманъ.
Зеленые кусты съ душистыми цвѣтами
Онъ съ корнемъ вырвалъ; свѣтлый ручеекъ
Закиданъ былъ землей, каменьями и пнями;
Исчезъ отрадный токъ [1]).

[1]) т. е. потокъ.

Digitized by Google

Громъ грянулъ; молвія дубъ крѣпкій опалила;
Дубъ треснулъ, но грозой онъ не былъ сокрушенъ:
Еще осталась въ немъ стѣсненной жизни сила,
Хоть вянуть обреченъ.
Отрадной влаги нѣтъ, и нѣтъ земли родимой,
На коей выросъ онъ, красуясь межъ долинъ;
На голой ужъ горѣ теперь, судьбой гонимый,
Остался онъ одинъ.
Увы! надежды нѣтъ, и стрѣлы роковыя [1])
Бѣдой отравлены, все сушатъ и мертвятъ.
Одни лишь небеса, какъ прежде голубыя,
Надъ гибнущимъ блестятъ.
И началъ сохнуть дубъ, но къ долу не склоненный
Онъ, вѣтви вознося, казалъ ихъ облакамъ,
Какъ будто бы своей вершиной опаленной
Стремился къ небесамъ.

Козловъ.

---

42. Лѣсъ осенью.

Осенніе листья по вѣтру кружатъ,
Осенніе листья въ тревогѣ вопятъ:
„Все гибнетъ, все гибнетъ! ты черенъ и голъ,
„О, лѣсъ нашъ родимый, конецъ твой пришелъ!“

Не слышитъ тревоги ихъ царственный лѣсъ.
Подъ темной лазурью суровыхъ небесъ
Его спеленали могучіе сны,
И зрѣетъ въ немъ сила для новой весны.

Майковъ.

---

43. Друзьямъ.

(Изъ Шиллера).

Други! было время золотое,—
Процвѣтало знаніе благое,
Процвѣталъ счастливѣйшій народъ [2])!
То, о чемъ преданья умолчали,
То нѣмые камни доказали—
Жилъ онъ, жилъ счастливѣйшій народъ!

Но не прошлымъ красенъ день цвѣтущій:
Красенъ цвѣтъ, который днесь цвѣтетъ.
Мы живемъ—и трижды правъ живущій,
Если настоящимъ онъ живетъ.

Други! сѣверъ намъ бываетъ вреденъ,
Солнце скупо, уголокъ нашъ бѣденъ:
Но онъ теплъ теплом высокихъ думъ.
То, чѣмъ насъ природа обдѣлила,
То живое чувство замѣнило—
И свѣтлѣе солнца свѣтитъ умъ.

Громче тамъ въ странѣ иноплеменной,
Гдѣ стеклись со всѣхъ концовъ вселенной

---

[1]) Солнечные лучи.—[2]) Греки.

Digitized by Google

На всесвѣтный рынокъ корабли,
Гдѣ британецъ всѣмъ и все торгуетъ—
Громче тамъ звенитъ и торжествуетъ
Золотая деньга, богъ земли;

Но не Темзѣ, не водѣ нечистой,
Отразить святыя небеса:
Только свѣтлыхъ думъ потокъ сребристый
Отражаетъ Божьи чудеса!

Слаще насъ, дѣтей зимы суровой,
Лазарони спитъ въ тѣни лавровой,
Подъ навѣсомъ Божьяго шатра.
Тамъ когда-то было царство Феба,
Въ небо тамъ ушло второе небо—
Дивный домъ апостола Петра:

Но и Римъ, во всемъ его сіяньи,
Лишь какъ гробъ минувшаго живетъ!
Только то лишь, что полно дыханья,
Изъ ключа живой минуты пьетъ.

Не смущайте жъ, други, сихъ мгновеній
Скорбнымъ звукомъ скорбныхъ пѣснопѣній—
Прошлаго отъ праха не спасти!
Вѣчнаго и солнце не видало:
То лишь вѣчно, что не расцвѣтало,
И чему подъ солнцемъ не цвѣсти.

Други, други! Мало ль что бывало
И чему ужъ болѣ не бывать!—
Вѣчно только вѣчное Начало
И Его святая благодать!

Струговщиковъ.

---

44. Передъ гробницею Кутузова [1].

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаетъ;

---

[1]) Михаилъ Иларіоновичъ *Голенищевъ-Кутузовъ*—знаменитый русскій полководецъ, содѣйствовавшій изгнанію Наполеона изъ Россіи, начавшій свое славное поприще въ царствованіе Императрицы Екатерины.

Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
„Иди, спасай!“ Ты всталъ и спасъ.

Пушкинъ.

---

45. Эпитафія.

Здѣсь, въ долинѣ скорби, въ мирную обитель
Насъ земля пріемлетъ:
Міра бѣдный житель отдохнуть приляжетъ
На груди родимой;
Скоро мохъ покроетъ надпись на гробницѣ,
И сотрется имя:
Но для тѣхъ безсильно времени крушенье,
Чье воспоминанье
Погрузитъ въ раздумье, и изъ сердца слезы
Сладкія исторгнетъ.

Майковъ.

---

46. Смерть дерева.

На всемъ лежалъ холодный матовый [1]) покровъ еще падавшей, не освѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣтви дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ деревъ или шелеста на землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. И снова послышался звукъ, и равномѣрно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушъ необычайно затрепетала; сочныя листья ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше; сочныя, бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, испуганно колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло, но снова погнулось дерево; послышался трескъ въ его стволѣ, и, ломая сучья и спустивъ вѣтви, оно рухнулось макушей на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свистнула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣе красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

---

[1]) *Матовый* (съ нѣм. matt)—лишенный блеска.

Digitized by Google

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и пробѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ; роса, блестя, заиграла по зелени; прозрачныя побѣлѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились [1]) въ чащѣ и, какъ потерянныя, щебетали что-то счастливое; сочныя листья радостно и спокойно шептались въ вершинахъ, и вѣтви живыхъ деревъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ, поникшимъ деревомъ.

Гр. Л. Толстой.

---

43. Рубка лѣса.

Сколько тутъ было кудрявыхъ березъ!

Тамъ изъ-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядѣли;

Тамъ поднимался дубокъ молодой.
Птицы царили въ вершинѣ лѣсной.

По низу всякія звѣри таились.
Вдругъ мужики съ топорами явились—

Лѣсъ зазвенѣлъ, застоналъ, затрещалъ.
Заяцъ послушалъ—и вонъ побѣжалъ;

Въ темную нору забилась лисица;
Машетъ крыломъ осторожнѣе птица.

Въ недоумѣньи тащатъ муравьи,
Что ни попало, въ жилища свои.

Съ пѣснями трудъ человѣка спорился:
Словно подкошенъ, осинникъ валился;

Съ трескомъ ломали сухой березнякъ,
Корчили съ корнемъ упорный дубнякъ;

Старую сосну сперва надрубали,
Послѣ арканомъ ее нагибали

И, повалившь, плясали на ней,
Чтобы къ землѣ прилегла поплотнѣй.

Такъ, побѣдивъ послѣ долгаго боя,
Врагъ уже мертваго топчетъ героя.

Много тутъ было печальныхъ картинъ:
Стономъ стонали верхушки осинъ;

Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лилися прощальныя слезы

---

[1]) *Гомозиться*—возиться, безпокойно шевелиться.

Digitized by Google

И пропадали одна за другой
Данью послѣдней на почвѣ родной.

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо свѣтила ночныя,

И надъ поверженнымъ лѣсомъ луна
Остановилась кругла и ясна.

Трупы деревьевъ недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипѣли, трещали;

Жалобно листья шумѣли кругомъ.
Такъ послѣ битвы, во мракѣ ночномъ,

Раненый стонетъ, зоветъ, проклинаетъ;
Вѣтеръ надъ полемъ кровавымъ летаетъ,

Праздно лежащимъ оружьемъ звенитъ,
Волосы мертвыхъ бойцовъ шевелитъ!

Тѣни ходили по пнямъ бѣловатымъ,
Жидкимъ осинамъ, березамъ косматымъ;

Низко летали, вились колесомъ
Совы, шарахаясь о земь крыломъ;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, какъ безумная, галка кричала.

Некрасовъ.

---

48. Смерть дерева.

Изъ всего растительнаго царства дерево болѣе другихъ представляетъ видимыхъ явленій органической жизни и болѣе возбуждаетъ участія. Его огромный объемъ, его медленное возрастаніе, его долголѣтіе, крѣпость и прочность древеснаго ствола, питательная сила его корней, всегда готовыхъ къ возрожденію погибающихъ сучьевъ и къ молодымъ побѣгамъ отъ погибшаго уже пня, и наконецъ многосторонняя польза и красота его должны бы, кажется, внушать уваженіе и пощаду... но топоръ и пила промышленника не знаютъ ихъ, а временныя выгоды увлекаютъ и самихъ владѣльцевъ. Я никогда не могъ равнодушно видѣть не только вырубленной рощи, но даже паденія одного большого подрубленнаго дерева. Въ этомъ паденіи есть что-то невыразимо грустное: сначала звонкіе удары топора производятъ только легкое сотрясеніе въ древесномъ стволѣ; оно становится сильнѣе съ каждымъ ударомъ и переходитъ въ общее содроганіе каждой вѣтки и каждаго листа; по мѣрѣ того, какъ топоръ прохватываетъ до сердцевины, звуки становятся глубже, больнѣе... еще ударъ, послѣдній: дерево осядетъ, надломится,

Digitized by Google

затрещитъ, зашумитъ вершиною, на нѣсколько мгновеній какъ будто задумается, куда упасть, и наконецъ начнетъ склоняться на одну сторону, сначала медленно, тихо, и потомъ, съ возрастающею быстротой и шумомъ, подобнымъ шуму сильнаго вѣтра, рухнетъ на землю!.. Многіе десятки лѣтъ достигало оно полной силы и красоты, и въ нѣсколько минутъ гибнетъ, нерѣдко отъ пустой прихоти человѣка!

С. Аксаковъ.

Digitized by Google

II.

БАСНИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

1. Гуси.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать—
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиный;
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли:
— „Гдѣ можно насъ, Гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей гоняетъ!
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ;
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены!“
—„А вы хотите быть за что отличены?“
Спросилъ прохожій ихъ.—„Да наши предки...“—„Знаю,
И все читалъ, но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли!“
—„Да наши предки Римъ спасли!“
—„Все такъ, да вы что сдѣлали такое?“
—„ Мы? Ничего!“—„Такъ что жъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое“.

—

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить—
Да чтобъ Гусей не раздразнить.

Крылова.

---

2. Туча.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая туча пронеслась;

Digitized by Google

Ни каплею ея не освѣжа одною,
Она большимъ дождемъ надъ моремъ пролилась
И щедростью своей хвалилась предъ горою.
„Что̀ сдѣлала добра
Ты щедростью такою?“
Сказала ей гора:
„И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты бъ область цѣлую отъ голода спасла:
А въ морѣ безъ тебя и такъ воды довольно [1])“.

Крыловъ.

---

3. Бумажный Змѣй.

Запущенный подъ облака
Бумажный Змѣй, примѣтя свысока
Въ долинѣ мотылька,
„Повѣришь ли?“ кричитъ: чуть-чуть тебя мнѣ видно;
Признайся, что тебѣ завидно
Смотрѣть на мой высокій столь полетъ.“
—„Завидно? Право, нѣтъ!
Напрасно о себѣ ты много такъ мечтаешь.
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свѣтъ,
Отъ счастія весьма далеко;
А я, хотъ правда, невысоко,
За то лечу,
Куда хочу;
Да я же такъ, какъ ты, въ забаву для другого,
Пустого
Вѣкъ цѣлый не трещу“.

Крыловъ.

---

4. Синица.

Синица на море пустилась.
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.
Страхъ обнялъ жителей Нептуновой [2]) столицы;
Летятъ стадами птицы,
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ океанъ, и жарко ли, горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой

---

[1]) А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.—[2]) *Нептунъ* —римское имя бога моря.

Digitized by Google

Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой де откупщикъ, и самый тароватый,
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ:
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
„Вотъ закипитъ, вотъ тотчатъ загорится!“
Не тутъ-то: море не горитъ.
Кипитъ ли хоть?—И не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ свояси уплыла.
Надѣлала Синица славы,
А моря не зажгла.

—

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица,
Что дѣломъ, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

Крылевъ.

---

5. Вороненокъ.

Орелъ
Изъ-подъ небесъ на стадо налетѣлъ
И выхватилъ ягненка;
А Вòронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это Вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: „Ужъ брать, такъ брать,
А то и когти чтò марать!
Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховаты.
Ну, только ль въ стадѣ что ягнята?
Вотъ я, какъ захочу
Да налечу,
Такъ царскій подлинно кусочекъ подхвачу!“
Тутъ Воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жадными взглядомъ:
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ
Высматривалъ, сличалъ и выбралъ наконецъ
Барана, да какого?
Прежирнаго, прематерого,
Который доброму бъ и волку былъ въ подъемъ.
Изладясь, на него спустился
И въ шерсть ему, чтò силы есть, вцѣпился.
Тогда-то онъ узналъ,—добыча не по немъ.
Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ

Digitized by Google

Тулупъ такой былъ прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлатый,
Что изъ него когтей не вытеребилъ вонъ
Затѣйникъ нашъ крылатый,
И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ полонъ.
Съ барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окорнали—
И дѣтямъ отдали играть.

Крыловъ.

LE CORBEAU VOULANT IMITER L'AIGLE.

L'oiseau de Jupiter enlevant un mouton,
Un corbeau témoin de l'affaire,
Et plus faible de reins, mais non pas moins glouton,
En voulut sur l'heure autant faire.
Il tourne à l'entour du troupeau [1]),
Marque entre cent moutons le plus gras, le plus beau;
Un vrai mouton de sacrifice:
On l'avait reservé pour la bouche des dieux.
Gaillard corbeau disait, en le couvant des yeux:
Je ne sais qui fut ta nourrice,
Mais ton corps me parait en merveilleux état:
Tu me serviras de pâture.
Sur l'animal bêlant à ces mots il s'abat.
La moutonnière créature
Pesait plus qu'un fromage; outre que sa toison
Était d'une épaisseur extrême,
Et mêlée à peu près de la même façon
Que la barbe de Polyphème [2]).
Elle empêtra si bien les serres du corbeau,
Que le pauvre animal ne put faire retraite.
Le berger vient, le prend, l'encage bien et beau,
Le donne à ses enfants pour servir d'amusette.
Il faut se mesurer [3]), la conséquence est nette:
Mal prend aux volereaux [4]) de faire les voleurs.
L'exemple est un dangereux leurre,
Tous les mangeurs de gens ne sont pas grands seigneurs.
Où la guêpe a passé le moucheron demeure.

La Fontaine.

---

6. Ворона.

Утыкавши себѣ павлиньимъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спесиво,
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что павамъ всѣмъ она сестра,

---

[1]) Autour du troupeau. — [2]) Le plus grand des cyclopes. — [3]) Consulter ses forces. — [4]) Volereaux—воришки.

Digitized by Google

И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора [1]).
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она было назадъ къ своимъ, но тѣ совсѣмъ
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала [2]).

Крыловъ.

СОЯ И ГОЛУБИ.

(Басня Эзопа).

Соя, увидавши, что въ голубятнѣ хорошо кормятъ голубей, выбѣлила себя и пошла къ нимъ. Пока она молчала, голуби, полагая, что она голубка, оставляли ее въ покоѣ; но однажды, забывшись, она крикнула. Голуби узнали, кто она, и стали бить ее и прогнали отъ себя. Лишившись здѣсь корму, она возвратилась къ соямъ, но тѣ не узнали ея и отказали ей въ пищѣ.

Пер. Мартынова.

GRACULUS SUPERBUS ET PAVO.

Ne gloriari libeat alienis bonis,
Suoque potius habitu vitam degere,
Aesopus nobis hoc exemplum prodidit.
Tumens inani graculus superbia,
Pennas, pavoni quae deciderant, sustulit,
Seque exornavit: deinde contemnens suos
Formoso se pavonum immiscuit gregi.
Illi impudenti pennas eripiunt avi,
Fugantque rostris. Male mulcatus graculus
Redire moerens coepit ad proprium genus,
A quo repulsus tristem sustinuit notam.
Tum quidam ex illis, quos prius despexerat:
Contentus nostris si fuisses sedibus,
Et quod natura dederat, voluisses pati,
Nec illam expertus esses contumeliam,
Nec hanc repulsam tua sentiret calamitas.

Phaedrus.

ВОРОНА, ЧВАНЯЩАЯСЯ ЧУЖИМИ ПЕРЬЯМИ.

Набрала ворона перышекъ отъ прочихъ птицъ;
Убралась та всѣми снизу вверхъ безъ мастерицъ:
Величаться стала сею простотою,
Презирая птичекъ всѣхъ въ томъ передъ собою.
Ласточка всѣхъ прежде перышко на ней свое

[1]) *Юнона* — богиня.—[2]) *Ср. пословицы:* Ни пава, ни ворона. Отъ воронъ отсталъ, а къ павамъ не пристalъ.

Digitized by Google

Усмотрѣвши, тотчасъ вырвала, сказавъ: мое.
То увидѣли когда и другія птички,
Щебетливы по большой части тѣ пѣвички,
Начали ворону сами также всѣ клевать,
И свои природны перышки съ нея срывать:
Такъ что наконецъ ее всю ужъ обнажили,
Чѣмъ всѣхъ обще и себя ею насмѣшили.

Тредьяковскій.

LE GEAI PARÉ DES PLUMES DU PAON.

Un paon muait: un geai prit son plumage,
Puis après ce l'accommoda;
Puis parmi d'autres paons tout fier ce panada,
Croyant être un beau personnage.
Quelqu'un le reconnut: il se vit bafoué,
Berné, sifflé, moqué, joué,
Et par messieurs les paons plumé d'étrange sorte;
Même vers ses pareils s'étant réfugié,
Il fut par eux mis à la porte.

Il est assez de geais à deux pieds comme lui,
Qui se parent souvent des dépouilles d'autrui,
Et que l'on nomme plagiaires.
Je m'en tais, et ne veux leur causer nul ennui [1]):
Ce ne sont pas là mes affaires.

La Fontaine.

3. Цвѣты.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ, расписанныхъ горшкахъ,
Цвѣты поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ стоя,
На проволочныхъ стебелькахъ
Качалися спесиво
И выставляли всѣмъ красу на диво.
Вотъ дождикъ началъ накрапать.
Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ просятъ:
Нельзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругаютъ и поносятъ.
„Юпитеръ!“ молятся, „ты дождикъ прекрати;
Что въ немъ пути,
И что его на свѣтѣ хуже?
Смотри, нельзя по улицѣ пройти;
Вездѣ лишь отъ него и грязь, и лужи“.
Однако же Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой,
И дождь себѣ прошелъ своею полосой.
Прогнавши зной,
Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,
И зелень вся какъ будто обновилась.

[1]) Ennui, chagrin, peine.

Digitized by Google

Тогда и на окнѣ Цвѣты живые всѣ
Раскинулись во всей своей красѣ
И стали отъ дождя душистѣй,
Свѣжѣе и пушистѣй.
А бѣдные Цвѣты поддѣльные съ тѣхъ поръ
Линялись всей краски, и брошены на дворъ,
Какъ соръ.

—

Таланты истинны за критику не злятся;
Ихъ повредить она не можетъ красоты;
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

Крыловъ.

8. Дѣ Собаки.

Дворовый вѣрный песъ
Барбосъ,
Который на дворѣ усердно службу несъ [1]),
Увидѣлъ старую свою знакомку
Жужу, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушкѣ на окнѣ.
Къ ней ластится, какъ будто бы къ роднѣ,
Отъ радости едва не плачетъ [2]),
И подъ окномъ
Визжитъ, вертитъ хвостомъ
И скачетъ.
„Ну, что́ Жужутка, какъ живешь
Съ тѣхъ поръ, какъ господа тебя въ хоромы взяли?
Вѣдь, помнишь, на дворѣ мы часто голодали.
Какую службу ты несешь?“
—„На счастье грѣхъ роптать“, Жужутка отвѣчаетъ:
„Мой господинъ во мнѣ души не чаетъ:
Живу въ довольствѣ и добрѣ
И ѣмъ, и пью на серебрѣ;
Рѣзвлюся съ бариномъ, а ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану.
Ты какъ живешь?“—„Я“, отвѣчалъ Барбосъ,
Хвостъ плетью опустя и свой повѣся носъ:
„Живу попрежнему: терплю и холодъ,
И голодъ,
И сберегаючи хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ;

[1]) Который барскую усердно службу несъ.—[2]) Онъ съ умиленья чуть не плачетъ.

Digitized by Google

А если невпопадъ залаю,
То и побои принимаю.
Да чѣмъ же ты, Жужу, въ случай попалъ,—
Безсиленъ ты и малъ [1]),
Межъ тѣмъ какъ я изъ кожи рвусь напрасно?
Чѣмъ служишь ты?"—„Чѣмъ служишь! вотъ прекрасно!"
Съ насмѣшкой отвѣчалъ Жужу:
„На заднихъ лапкахъ я хожу".

—

Какъ счастье многіе находятъ
Лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ!

Крыловъ.

ДВА КОТА.

Котъ Ванька съ Ваською, родные братья были;
Въ одномъ дому они родилися и жили.
Котъ Ванька тощій былъ такой,
Что страшно и взглянуть,—доска совсѣмъ доской,
А Васька толщиной дворецкому равнялся,
Отъ жира онъ едва-едва передвигался:
Шерсть лоснилась на немъ, какъ будто бы атласъ.
—„Намъ счастье не одно, хоть мать одна у насъ",
Сказалъ ему скелетъ: „вотъ ты заботъ не знаешь,
Безъ мяса никогда и въ будни не бываешь:
Тебѣ все мясоѣдъ, а мнѣ Великій постъ;
Ты только спишь, а я и сна почти не знаю,
Домъ цѣлый отъ мышей и крысъ оберегаю;
При всемъ усердіи я голоденъ..."—„И простъ!"
Прервалъ его жирякъ: „будь, братецъ поумнѣе;
Возьми меня въ примѣръ, коль хочешь быть жирнѣе".
—„Что жъ дѣлать мнѣ? скажи".—Хозяина смѣши,
На заднихъ лапахъ передъ нимъ ходи, пляши;
Подставитъ руки онъ—ты прыгай черезъ руки,
И перейми мои забавныя всѣ штуки.
Повѣрь, что будешь ты любимъ, не только сытъ.
Знай, глупенькій, что тотъ, кто людямъ угождаетъ
Въ бездѣлкахъ, пустякахъ—у нихъ не потеряетъ;
А кто для пользы ихъ трудится и не спитъ,
Тотъ часто голоденъ бываетъ".

Измайловъ.

9. Собака и Лошадь.

У одного крестьянина служа,
Собака съ Лошадью считаться какъ-то стали.
„Вотъ", говоритъ Барбосъ, „большая госпожа!
По мнѣ хоть бы тебя совсѣмъ съ двора согнали.
Велика вещь возить или пахать!
Объ удальствѣ твоемъ другого не слыхать;
И можно ли тебѣ равняться въ чемъ со мною!
Ни днемъ, ни ночью я не вѣдаю покою:

[1]) Безсиленъ бывши такъ и малъ.

Digitized by Google

Днемъ стадо подъ моимъ надзоромъ на лугу,
А ночью домъ я стерегу".
—„Конечно", Лошадь отвѣчала,
„Твоя правдива рѣчь,
Однакоже, когда бъ я не пахала,
То нечего бъ тебѣ здѣсь было и стеречь".

Крыловъ.

---

10. Подагра и Паукъ.

Подагру съ Паукомъ самъ адъ на свѣтъ родилъ;
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту распустилъ.
Не стану я за нимъ вывѣшивать и мѣрить,
Насколько правды тутъ, и какъ, и почему;
Притомъ же, кажется, ему,
Зажмурясь, въ басняхъ можно вѣрить.
И, стало, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что адомъ рождены Подагра съ Паукомъ.
Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣти—бремя,
Пока они не по мѣстамъ),
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: „Подите
Вы, дѣтушки, на свѣтъ и землю раздѣлите!
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же отселѣ напередъ,
Кто что̀ изъ васъ въ удѣлъ себѣ возьметъ:
Вонъ видите ль вы пышные чертоги,
А тамъ—вонъ хижины убоги?
Въ однихъ просторъ, довольство, красота;
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ, и нищета".
— „Мнѣ хижинъ ни за что не надо",
Сказалъ Паукъ.—„А мнѣ не надобно палатъ",
Подагра говоритъ: „пусть въ нихъ живетъ мой братъ.
Въ деревнѣ, отъ аптекъ подалѣ, жить я рада;
А то меня тамъ станутъ доктора
Гонять изъ каждаго богатаго двора".
Такъ смолвясь, братъ съ сестрой пошли, явились въ мірѣ.
Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ:
По шкафамъ пышнымъ, расцвѣченнымъ
И по карнизамъ золоченымъ
Онъ паутину развостялъ;

Digitized by Google

И мухъ бы вдоволь накватался,
Но только что съ работою убрался,
Поутру щеткою все смелъ слуга долой [1]).
Паукъ мой терпѣливъ: онъ къ печкѣ перебрался"—
Оттолѣ Паука метлой.
Туда, сюда Паукъ, бѣдняжка мой!
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка, иль крыло вездѣ его достанетъ
И всю работу изорветъ,
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ въ отчаяньи, и за городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей.
„Чай, въ селахъ", говоритъ, „живетъ она царицей".
Пришелъ—а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ:
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
„Нѣтъ, братецъ", говоритъ она: „не жизнь мнѣ въ полѣ!"
А братъ
Тому и радъ;
Онъ тутъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся:
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разобрался
И, не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткалъ и потолокъ, и стѣны, и углы.
Подагра же—тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ;
Въ столицу прибыла, и въ самый пышный домъ
Къ превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай! Пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужъ болѣ не видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ—
И оба дѣлаютъ умно.

Крыловъ.

LA GOUTTE ET L'ARAIGNÉE.

Quand l'enfer eut produit la goutte et l'araignée,
Mes filles, leur dit-il, vous pouvez vous vanter

---

[1]) Но къ разсвѣту, едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слуга долой.

Digitized by Google

D'être pour l'humaine lignée
Egalement à redouter.
Or avisons aux lieux qu'il vous faut habiter.
Voyez-vous ces cases étroites [1]),
Et ces palais si grands, si beaux, si bien dorés?
Je me suis proposé d'en faire vos retraites.
Tenez donc, voici deux bûchettes:
Accommodez-vous, ou tirez,
Il n'est rien, dit l'aragne [2]), aux cases qui me plaise.
L'autre, tout au rebours, voyant les palais pleins
De ces gens nommés médecins,
Ne crut pas y pouvoir demeurer à son aise.
Elle prend l'autre lot, y plante le piquet [3]),
S'étend à son loisir sur l'orteil d'un pauvre homme,
Disant: Je ne crois pas qu'en ce poste je chôme,
Ni que d'en déloger et faire mon paquet
Jamais Hippocrate [4]) me somme.
L'aragne cependant se campe en un lambris,
Comme si de ces lieux elle eût fait bail à vie,
Travaille à demeurer: voilà sa toile ourdie,
Voilà des moucherons de pris.
Une servante vint balayer tout l'ouvrage.
Autre toile tissue, autre coup de balai.
Le pauvre bestion [5]) tous les jours déménage.
Enfin, après un vain essai,
Il va trouver la goutte. Elle était en campagne,
Plus malheureuse mille fois
Que la plus malheureuse aragne.
Son hôte la menait tantôt fendre du bois,
Tantôt fouir, houer [6]): goutte bien tracassée
Est, dit-on, à demi pansée.
Oh! je ne saurais plus, dit-elle, y résister.
Changeons, ma soeur l'aragne. Et l'autre d'écouter:
Elle la prend au mot, se glisse en la cabane:
Point de coup de balai qui l'oblige à changer.
La goutte, d'autre part, va tout droit se loger
Chez un prélat qu'elle condamne
A jamais du lit ne bouger.
Cataplasmes, Dieu sait! les gens n'ont point de honte
De faire aller le mal toujours de pis en pis.
L'une et l'autre trouva de la sorte son compte,
Et fis très-sagement de changer de logis.

La Fontaine.

---

11. Тришкинъ Кафтанъ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ—
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ;

---

[1]) Произносилось: étrètes. — [2]) Araignée. — [3]) т. е.: le marque comme sien. — [4]) Знаменитый греческій врачъ. — [5]) Уменьшительное отъ bête. — [6]) Remuer la terre avec la houe.

Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однакоже смѣется Тришкѣ всякъ,
А Тришка говоритъ: „Такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю".
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

—

Такимъ же образомъ, видалъ я иногда,
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь—въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

Крыловъ.

---

12. Квартетъ.

Проказница-Мартышка,
Оселъ, Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ:
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки—дерутъ, а толку нѣтъ.
„Стой, братцы, стой!" кричитъ Мартышка: „Погодите!
Какъ музыкѣ итти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта;
Я, прима, сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!"
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
—„Постойте жъ, я сыскалъ секретъ",
Кричитъ Оселъ: „мы, вѣрно, ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ".
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ—
А все-таки квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
—„Пожалуй", говорятъ: „возьми на часъ терпѣнье,

Digitized by Google

Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть?"
—„Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,"
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь".

Крыловъ.

---

13. Оселъ и Соловей.

Оселъ увидѣлъ Соловья
И говоритъ ему: „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище;
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ль подлинно твое умѣнье?" [1])
Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно", говоритъ: „сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно,
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился".
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.

—

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей!

Крыловъ.

---

[1]) Велико ли твое умѣнье?

Digitized by Google

14. Пустынникъ и Медвѣдь.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться;
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться:
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

—

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, одинокій
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій:
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „А лужокъ, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
—Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ-нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно, встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ,
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И, слово-за-слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, или шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ,
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не можетъ похвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркій побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ, и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишенька, усталъ

Digitized by Google

И отставать отъ друга сталъ.
То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
„Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
Да коли хочешь, такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу".
Пустынникъ былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ—да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла—
Онъ друга обмахнулъ;
Взглянулъ—
А муха на щекѣ; согналъ—а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ-отъ-часу.
Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „Молчи жъ, ужъ я тебя, вострухy!"
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался!

Крыловъ.

L'OURS ET L'AMATEUR DES JARDINS.

Certain ours montagnard, ours à demi léché,
Confiné par le Sort en un bois solitaire,
Nouveau Bellérophon [1]), vivait seul et caché.
Il fût devenu fou; la raison d'ordinaire
N'habite pas longtemps chez les gens séquestrés.
Il est bon de parler, et meilleur de se taire [2]);
Mais tous deux sont mauvais alors qu'ils sont outrés.
Nul animal n'avait affaire
Dans les lieux que l'ours habitait;
Si bien que, tout ours qu'il était,
Il vint à s'ennuyer de cette triste vie.
Pendant qu'il se livrait à la mélancolie,
Non loin de là certain vieillard
S'ennuyait aussi de sa part [3]).
Il aimait les jardins, était prêtre de Flore [4]),
Il l'était de Pomone [5]) encore.
Ces deux emplois sont beaux; mais je voudrais parmi
Quelque doux et discret ami.
Les jardins parlent peu, si ce n'est dans mon livre.

---

[1]) По грец. миѳологіи Беллерофонъ, побѣдитель Химеры, по несчастію, убилъ своего брата и, предавшись меланхоліи, удалился въ пустыню.—[2]) Пословица.—[3]) De son côté.—[4]) *Флора*—богиня цвѣтовъ.—[5]) *Помона*—богиня плодовъ.

De façon que, lassé de vivre
Avec des gens muets, notre homme, un beau matin,
Va chercher compagnie, et se met en campagne.
L'ours, porté d'un même dessein,
Venait de quitter sa montagne.
Tous deux, par un cas surprenant,
Se rencontrent en un tournant.
L'homme eut peur: mais comment esquiver? et que faire?
Se tirer en Gascon [1]) d'une semblable affaire
Est le mieux: il sut donc dissimuler sa peur.
L'ours, trés-mauvais complimenteur,
Lui dit: Viens-t'en me voir. L'autre reprit: Seigneur,
Vous voyez mon logis; si vous me vouliez faire
Tant d'honneur que d'y prendre un champêtre repas,
J'ai des fruits, j'ai du lait. Ce n'est peut être pas
De nos seigneurs les ours le manger ordinaire:
Mais j'offre ce que j'ai. L'ours accepte, et d'aller.
Les voilà bons amis avant que d'arriver;
Arrivés, les voila se trouvant bien ensemble:
Et, bien qu'on soit, à ce qu'il semble,
Beaucoup mieux seul qu'avec des sots,
Comme l'ours en un jours ne disait pas deux mots,
L'homme pouvait sans bruit vaquer à son ouvrage.
L'ours allait à la chasse, apportait du gibier,
Faisant son principal métier
D'être bon émoucheur, s'écarter du visage
De son ami dormant ce parasite ailé
Que nous avons mouche appelé.
Un jour que le vieillard dormait d'un profond somme,
Sur le bout de son nez une allant se placer,
Mit l'ours au désespoir; il eut beau la chasser.
Je l'attraperai bien, dit-il; et voici comme.
Aussitôt fait que dit, le fidèle émoucheur
Vous empoigne un pavé, le lance avec roideur,
Casse la tête à l'homme en écrasant la mouche.
Et, non moins bon archer que mauvais raisonneur,
Roide mort étendu sur la place il le couche.

Rien n'est si dangereux qu'un ignorant ami,
Mieux vaudrait un sage [2]) ennemi.

La Fontaine.

---

15. Любопытный.

„Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?“
— „Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ!
Все видѣлъ, высмотрѣлъ: отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!

---

[1]) Показывать храбрость, не имѣя ея.—[2]) Habile, eclairé.

Digitized by Google

Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія прохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!"
— „А видѣлъ ли слона? Каковъ собой навзглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ!"
— „Да развѣ тамъ онъ?"—„Тамъ".—„Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ". Крыловъ.

16. Два мужика.

„Здорово, кумъ Ѳаддей!"—„Здорово, кумъ Егоръ!"
— „Ну, каково, пріятель, поживаешь?"
— „Охъ, кумъ, бѣдѣ моей, что вижу, ты не знаешь!
Господь прогнѣвался [1]): я сжегъ до тла свой дворъ
И по-міру пошелъ съ тѣхъ поръ".
— „Какъ такъ? Плохая, кумъ, игрушка!"
— „Да такъ! О Рождествѣ была у насъ цирушка;
Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ;
Признаться, въ головѣ шумѣло;
Я какъ-то искру заронилъ, насиду спасся самъ,
А дворъ и все добро сгорѣло.
Ну, ты какъ?"—„Охъ, Ѳаддей, худое дѣло!
И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:
Ты видишь—я безъ ногъ;
Какъ самъ остался живъ—считаю, право дивомъ.
Я, тожъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,
И тоже черезчуръ, признаться, я хлебнулъ
Съ друзьями полугару;
А чтобъ въ хмелю не сдѣлать мнѣ пожару,
Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:
Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,
Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не человѣка,
И вотъ я съ той поры калѣка".
— „Пеняйте на себя, друзья!"
Сказалъ имъ сватъ Степанъ: „Коль молвить правду, я
Совсѣмъ не чту за чудо,
Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:
Для пьянаго и со свѣчею худо,
Да врядъ не хуже ль и въ потьмахъ". Крыловъ.

17. Слонъ на воеводствѣ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да не уменъ,

[1]) Богъ посѣтилъ меня.

Digitized by Google

Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

—

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хоть, кажется, слоновъ и умная порода,
Однакоже въ семьѣ не безъ урода.
Нашъ воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ-умыслу онъ мухи не обидитъ.
Вотъ добрый Воевода видитъ:
Вступило отъ овецъ прошеніе въ приказъ,
Что волки де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ".
— „О, плуты!" Слонъ кричитъ: „какое преступленье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье?"
А волки говорятъ: „Помилуй, нашъ отецъ!
Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькій оброкъ собрать съ овецъ?
А что онѣ кричатъ, такъ овцы глупы:
Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкурѣ снять,
Да и того имъ жаль отдать".
„Ну то-то жъ", говоритъ имъ Слонъ, „смотрите!
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите,
А больше ихъ не тронъте волоскомъ".

Крыловъ.

---

18. Демьянова уха.

„Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуйста покушай".
— „Сосѣдушка, я сытъ по горло".—„Нужды нѣтъ!
Еще тарелочку; послушай:
„Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!"
— „Я три тарелки съѣлъ".—„И, полно, что за счеты!
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ѣшь до дна!
Что за уха! да какъ жирна:
Какъ будто янтаремъ подернулась она!
Потѣшь же, миленькій дружочекъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!"
Такъ потчевалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку
И не давалъ ему ни отдыху, ни сроку;
А съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ,
Однакоже еще тарелку онъ беретъ:
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. „Вотъ друга я люблю!"
Вскричалъ Демьянъ: „за то ужъ чванныхъ не терплю.

Digitized by Google

Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!“
Тутъ бѣдный Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охапку
Кучакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой—
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

—

Писатель, счастливъ ты, коль даръ прямой имѣешь:
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

Крыловъ.

---

19. Ворона и курица.

Когда Смоленскій князь [1]),
Противу дерзости искусствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собрались,
И вонъ изъ стѣнъ московскихъ поднялся,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
—„А ты, что жъ, кумушка, въ дорогу?“
Ей съ возу Курица кричитъ:
„Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ“.
—„Мнѣ что до этого за дѣло?“
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: „я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры—какъ хотятъ;
А вѣдь воронъ ни жарятъ, на варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А можетъ-быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, или чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!“
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей—
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Крыловъ.

---

[1]) Кн. Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій—главнокомандующій русской арміей при нашествіи французовъ на Москву въ 1812 г.

Digitized by Google

20. Свинья.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась;
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонъ наслонялась;
Въ сору, въ навозѣ извалялась;
Въ помояхъ по-уши до-сыта накупалась
И изъ гостей домой
Пришла свинья-свиньей.
—„Ну что жъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такого?“
Свинью спросилъ пастухъ:
„Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другого?“
Хавронья хрюкаетъ:—„Ну, право, порютъ вздоръ.
Я не примѣтила богатства никакого:
Все только лишь навозъ, да соръ;
А, кажется, ужъ, не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ“.

—

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть!
Но какъ же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть!

Крыловъ.

---

21. Моръ звѣрей.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ—моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись на-стежь двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ:
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы:
Неумолимая, какъ сѣно, косить ихъ.
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы:
Перевернулъ совсѣмъ ихъ страхъ;
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ,
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ;
Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ:
А безъ любви какое ужъ веселье!
Въ семъ горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ.
Тащатся шагъ-за-шагъ, чуть держатся въ нихъ души.
Сбрелись, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,

Digitized by Google

Уставили глаза и приложили уши.
„О, други!“ началъ Левъ: „по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Отдастъ себя на жертву имъ.
Быть-можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому не вѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
Итакъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій всякъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно или невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь—хоть это мнѣ и больно—
Не правъ я!
Овечекъ бѣдненькихъ за что?—совсѣмъ безвинно
Диралъ безчинно;
А иногда—кто безъ грѣха?—
Случалось, дралъ и пастуха—
И въ жертву предаюсь охотно.
Но лучше бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣ есть,
Того бы въ жертву и принесть,—
И было бы богамъ то болѣе угодно“.
—„О, царь нашъ, добрый царь! отъ лишней доброты,“
Лисица говоритъ, „въ грѣхъ это ставишь ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;
Притомъ же, нашъ отецъ!
Повѣрь, что это честь большая для овецъ,
Когда ты ихъ изволишь кушать.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ:
Ихъ чаще такъ учить—имъ это по-дѣломъ,
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спесью дышитъ
И нашими себя вездѣ царями пишетъ“.
Окончила Лиса; за ней, на тотъ же ладъ,
Льстецы Льву то же говорятъ,
И всякій доказать спѣшитъ на-перехватъ,
Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья.
За Львомъ Медвѣдь, и Тигръ, и Волки, въ свой чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно погрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ.

Digitized by Google

И всѣ, кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, всѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ мычитъ: „И мы
Грѣшны. Тому лѣтъ пять, когда зимой кормы
Намъ были худы,
На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
Ни отъ кого себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ".
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ Медвѣди, Тигры, Волки:
—„Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги?
Его, безчинника съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть, и нравы отъ заразы!
Такъ, по его грѣхамъ у насъ и моръ такой"!
Приговорили—
И на костеръ Вола взвалили.

—

И въ людяхъ также говорятъ:
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

Крыловъ.

LES ANIMAUX MALADES DE LA PESTE.

Un mal qui répand la terreur,
Mal que le Ciel en sa fureur
Inventa pour punir les crimes de la terre,
La peste (puisqu'il faut l'appeler par son nom),
Capable d'enrichir en un jour l'Achéron,
Faisait aux animaux la guerre.
Ils ne mourraient pas tous, mais tous étaient frappés:
On n'en voyait point d'occupés
A chercher le soutien d'une mourante vie,
Nul mets n'excitait leur envie;
Ni loups, ni renards n'épiaient
La douce et l'innocente proie;
Les tourterelles se fuyaient:
Plus d'amour, partant [1]) plus de joie.
Le lion tint conseil et dit: Mes chers amis,
Je crois que le Ciel a permis
Pour nos péchés cette infortune.
Que le plus coupable de nous
Se sacrifie aux traits du céleste courroux;
Peut-être il obtiendra la guérison commune.
L'histoire nous apprend qu'en de tels accidents
On fait de pareils dévouements.
Ne nous flattons donc point; voyons sans indulgence
L'état de notre conscience.

Digitized by Google

1) Par conséquent.

Pour moi, satisfaisant mes appétits gloutons,
J'ai dévoré force moutons.
Que m'avaient-ils fait? Nulle offence;
Même il m'est arrivé quelquefois de manger
Le berger.
Je me dévouerai donc, s'il le faut; mais je pense
Qu'il est bon que chacun s'accuse ainsi que moi:
Car on doit souhaiter, selon toute justice,
Que le plus coupable périsse.—
Sire, dit le renard, vous êtes trop bon roi,
Vos scrupules font voir trop de délicatesse.
Eh bien! manger moutons, canaille, sotte espèce,
Est-ce un péché? Non, non. Vous leur fîtes, seigneur,
En les croquant beaucoup d'honneur;
Et quant au berger, l'on peut dire
Qu'il était digne de tous maux,
Etant de ces gens-là qui sur les animaux
Se font un chimérique empire.
Ainsi dit le renard; et flatteurs d'applaudir,
On n'osa trop approfondir
Du tigre, ni de l'ours, ni des autres puissances,
Les moins pardonnables offenses.
Tous les gens querelleurs, jusqu'aux simples mâtins,
Au dire de chacun, étaient de petits saints.
L'âne vint à son tour, et dit: J'ai souvenance
Qu'en un pré de moine passant,
La faim, l'occasion, l'herbe tendre, et, je pense,
Quelque diable aussi me poussant,
Je tondis de ce pré la largeur de ma langue,
Je n'en avais nul droit, puisqu'il faut parler net.
A ces mots on cria haro [1]) sur le baudet.
Un loup quelque peu clerc [2]) prouva par sa harangue
Qu'il fallait dévouer ce maudit animal,
Ce pelé, ce galeux, d'où venait tout le mal.
Sa peccadille fut jugée un cas pendable.
Manger l'herbe d'autrui! quel crime abominable!
Rien que la mort n'était capable
D'expier son forfait. On le lui fit bien voir.

Selon que vous serez puissant ou misérable,
Les jugements de cour [3]) vous rendront blanc ou noir.

---

22. Крестьянинъ и Разбойникъ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярмаркѣ подойника и корову.
И съ ними сквозь дуброву
Тихонько брелъ домой проселочнымъ путемъ,
Какъ вдругъ разбойнику попался.
Разбойникъ мужика какъ липку ободралъ.

---

[1]) Нормандскій крикъ при преслѣдованіи преступника.—[2]) Cour de justice.

Digitized by Google

„Помилуй“, всплачется Крестьянинъ: „я пропалъ;
Меня совсѣмъ ты доконалъ:
Годъ цѣлый я купить коровушку сбирался;
Насилу этого дождался дня“.
— „Добро, не плачься на меня“,
Сказалъ, разжалобясь, Разбойникъ:
„И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доить;
Ужъ такъ и быть,
Возьми себѣ назадъ подойникъ“.

Крылова.

---

98. Мальчишка и Червякъ.

Не льстись предательствомъ ты счастіе сыскать.
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать,
И первый завсегда въ бѣдѣ предатель низокъ.

—

Крестьянина Червякъ просилъ его пустить
Въ свой садъ на лѣто погостить.
Онъ обѣщалъ вести себя тамъ честно:
Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать,
И то, которые ужъ станутъ увядать.
Крестьянинъ судитъ: „Какъ пріятеля не дать?
Ужли отъ Червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно?
Пускай его себѣ живетъ.
Притомъ же важнаго убытку быть не можетъ,
Коль онъ листочка два-три сгложетъ“.
Позволилъ: и Червякъ на дерево полѣзъ;
Нашелъ подъ вѣточкой пріютъ отъ непогодъ;
Живетъ безъ нужды, хоть не пышно;
И про него совсѣмъ не слышно.
Межъ тѣмъ ужъ золотитъ плоды лучистый царь.
Вотъ въ самомъ томъ саду, гдѣ такъ снѣтъ все стало,
Наливное, сквозное, какъ янтарь,
При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.
Мальчишка былъ давно тѣмъ яблокомъ плѣненъ;
Изъ тысячи другихъ его замѣтилъ онъ,
Да доступъ къ яблоку мудренъ.
На яблоню Мальчишка лѣзть не смѣетъ,
Ее тряхнуть онъ силы не имѣетъ,
И, словомъ, яблоко достать не знаетъ какъ.
Кто жъ въ кражѣ Мальчику помочь взялся?—Червякъ.
„Послушай“, говоритъ: „я знаю это точно,
Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать;
Такъ это яблоко обоимъ намъ не прочно;
Однакожъ я берусь его достать,

Digitized by Google

Лишь поделись со мной. Себе ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро болѣ;
А мнѣ и самой малой доли
На цѣлый станетъ вѣкъ глодать".
Условье сдѣлано. Мальчишка согласился;
Червякъ—на яблоню и работать пустился;
Онъ яблоко въ минуту подточилъ,—
Но что жъ въ награду получилъ?
Лишь только яблоко упало,—
И съ сѣмечками съѣлъ его мальчишка мой;
А какъ за долей сполз Червякъ долой,
То Мальчикъ Червяка раздавилъ подъ пятой,—
И такъ ни Червяка, ни яблока не стало.

Крыловъ.

---

94. Муха и Пчела.

Въ саду, весной, при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась муха сидя,
И, на цвѣтахъ Пчелу увидя,
Спесиво говоритъ: „Ужъ какъ тебѣ не лѣнь
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день?
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла.
Вотъ, напримѣръ, мое
Такъ, право, райское житье!
За мною только лишь и дѣла,
Летать по баламъ, по гостямъ:
И—молвить, не хвалясь—мнѣ въ городѣ знакомы
Вельможъ и богачей всѣ домы.
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!
Гдѣ только свадьба, именины—
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ,
И тамъ съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,
И пью изъ хрусталей блестящихъ сладки вина,
И прежде всѣхъ гостей
Беру, что вздумаю, изъ лакомыхъ сластей;
Притомъ же, милую пожъ нѣжный,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой или шейкѣ бѣлоснѣжной".
— „Все это знаю я", отвѣтствуетъ Пчела:
„Но и о томъ дошли мнѣ слухи,
Что никому ты не мила,
Что на пирахъ лишь морщатся отъ Мухи;
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домъ,
Тебя гоняютъ со стыдомъ".

Digitized by Google

— „Вотъ“, Муха говоритъ: „гоняютъ! Что жъ такое?
Коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое“.

Крыловъ.

FORMICA ET MUSCA.

Formica et Musca contendebant acriter,
Quae pluris esset. Musca sic coepit prior:
Conferre nostris tu potes te laudibus?
Ubi immolatur, exta praegusto Deûm;
Moror inter aras, templa perlustro omnia;
In capite regis sedeo, quum visum est mihi,
Et matronarum casta delibo oscula;
Laboro nihil, atque optimis rebus fruor.
Quid horum simile tibi contingit, rustica?—
Est gloriosus sane convictus Deûm,
Sed illi, qui invitatur, non qui invisus est.
Reges commemoras, et matronarum oscula;
Super etiam jactas, tegere quod debet pudor.
Ego granum in hiemem quum studiose congero,
Te circa murum pasci video stercore.
Aras frequentas: nempe abigeris, quo venis.
Nihil laboras: ideo, quum opus est, nil habes.
Aestate me lacessis; quum bruma est, siles.
Mori contractam quum te cogunt frigora,
Me copiosa recipit incolumem domus.
Satis profecto retudi superbiam.
Fabella talis hominum discernit notas
Eorum, qui se falsis ornant laudibus,
Et quorum virtus exhibet solidum decus.

Phaedrus.

LA MOUCHE ET LA FOURMI.

La Mouche et la Fourmi contestaient de leur prix.
O Jupiter! dit la première,
Faut-il que l'amour-propre aveugle les esprits
D'une si terrible manière,
Qu'un vil et rampant animal
A la fille de l'air ose se dire égal!
Je hante les palais, je m'assieds à ta table:
Si l'on t'immole un boeuf, j'en goûte devant toi;
Pendant que celle-ci, chétive et misérable,
Vit trois jours d'un fétu qu'elle a traîné chez soi:
Mais, ma mignonne, dites-moi,
Vous campez-vous jamais sur la tête d'un roi,
D'un empereur, ou d'une belle?
Je le fais; et je baise un beau sein quand je veux;
Je me joue entre des cheveux;
Je rehausse d'un teint la blancheur naturelle;
Et la dernière main que met à sa beauté
Une femme allant en conquête,
C'est un ajustement des mouches emprunté.
Puis allez-moi rompre la tête
De vos greniers! Avez-vous dit?
Lui répliqua la ménagère.

Digitized by Google

Vous hantez les palais: mais on vous y maudit.
Et quant à goûter la première
De ce qu'on sert devant les dieux,
Croyez-vous qu'il en vaille mieux?
Si vous entrez partout, aussi font les profanes.
Sur la tête des rois et sur celle des ânes
Vous allez vous planter, je n'en disconviens pas;
Et je sais que d'un prompt trépas
Cette importunité bien souvent est punie.
Certain ajustement, dites vous, rend jolie;
J'en conviens: il est noir ainsi vous et moi.
Je veux qu'il ait nom mouche: est ce un sujet pourquoi
Vous fassiez sonner vos mérites?
Nomme-t-on pas aussi mouches les parasites?
Cessez donc de tenir un langage si vain:
N'ayez plus ces hautes pensées.
Les mouches de cour son chassées;
Les mouchards sont pendus: et vous mourrez de faim,
De froid, de langueur, de misère,
Quand Phébus régnera sur un autre hémisphère.
Alors je jouirai du fruit de mes travaux:
Je n'irai, par monts, ni par vaux,
M'exposer au vent, à la pluie:
Je vivrai sans mélancolie:
Le soin que j'aurai pris, de soin m'exemptera.
Je vous enseignerai par là
Ce que c'est qu'une fausse ou véritable gloire;
Adieu; je perds le temps: laissez-moi travailler,
Ni mon grenier, ni mon armoire,
Ne se remplit à babiller.

La Fontaine.

---

25. Левъ и Волкъ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;
А собаченка,
Вертясь вкругъ царскаго стола,
У Льва изъ-подъ когтей кусочекъ урвала,
И царь звѣрей то снесъ, не огорчась ни мало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Левъ, конечно, не силенъ,
Коль такъ смиренъ:
И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ Волкомъ худо:
Онъ самъ ко Льву попалъ на блюдо.
Левъ растерзалъ его, промолвя такъ: „Дружокъ,
Напрасно, смотря на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку:
Она еще глупа, а ты ужъ не щенокъ!“

Крыловъ.

Digitized by Google

26. Лисица и Сурокъ.

— „Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?“
Лисицу спрашивалъ Сурокъ.
— „Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей.
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала:
И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала!
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты,
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы?
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся?
Ну, видывалъ ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько“.
— „Нѣтъ, кумушка, я видывалъ частенько,
Что рыльце у тебя въ пуху“.

Крыловъ.

---

27. Лягушка и Юпитеръ.

Живущая въ болотѣ подъ горой
Лягушка на гору весной
Переселилась:
Нашла тамъ тинистый въ лощинкѣ уголокъ
И завела домокъ
Подъ кустикомъ, въ тѣни, межъ травки, какъ раекъ.
Однакожъ имъ она не долго веселилась.
Настало лѣто, съ нимъ жары,
И дачи Квакушки такъ сдѣлалися сухи,
Что ногъ не замоча, по нимъ бродили мухи.
„О, боги!“ молится Лягушка изъ норы:
„Меня вы бѣдную не погубите,
И землю вровень хоть съ горою затопите:
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода!“
Лягушка вопитъ безъ умолку
И, наконецъ, Юпитера бранитъ,
Что нѣту въ немъ ни жалости, ни толку.
—„Безумная!“ Юпитеръ говоритъ
(Знать, не былъ онъ тогда сердитъ):
„Какъ квакать по-пусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй
Перетопить людей,
Не лучше ль внизъ тебѣ стащиться до болота?“

—

Digitized by Google

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ: „Лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ“ [1]..

Крыловъ.

---

28. Волкъ и Пастухи.

Волкъ, близко обходя пастушій дворъ
И видя сквозь заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно Пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ досадѣ:
„Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда бы это сдѣлалъ я“!

Крыловъ.

LE LOUP ET LES BERGERS.

Un loup rempli d'humanité
(S'il en est de tels dans le monde)
Fit un jour sur sa cruauté,
Quoiqu'il ne l'exerçât que par nécessité,
Une réflexion profonde.
Je suis haï, dit-il; et de qui? de chacun.
Le loup est l'ennemi commun:
Chiens, chasseur, villageois, s'assemblent pour sa perte;
Jupiter est là-haut étourdi de leurs cris:
C'est par là que le loups l'Angleterre [2]) est déserte;
On y mit notre tête à prix.
Il n'est hobereau [3]) qui ne fasse
Contre nous tels bans [4]) publier;
Il n'est marmot osant crier,
Que du loup aussitôt sa mère ne menace.
Le tout pour un âne rogneux,
Pour un mouton pourri, pour quelque chien hargneux,
Dont j'aurai passé mon envie.
Eh bien! ne mangeons plus de chose ayant eu vie;

---

[1]) *Сравни народн. пословицы*: Мнѣ—хоть весь свѣтъ гори, только бы я живъ былъ.—Чортъ возьми сосѣда—жги огнемъ деревню.—Мнѣ что до кого?—было бы намъ хорошо. (*Пословицы Даля*).

[2]) Волки въ Англіи были истреблены, когда была наложена ежегодная подать въ 300 волчьихъ головъ.—[3]) Petit gentilhomme campagnard.—[4]) Указъ.

Digitized by Google

Paissons l'herbe, broutons, mourons de faim plutôt.
Est-ce une chose si cruelle?
Vaut-il mieux s'attirer la haine universelle?
Disant ces mots, il vit des bergers, pour leur rôt,
Mangeant un agneau cuit en broche,
Oh! oh! dit-il, je me reproche
Le sang de cette gent; voilà ses gardiens
S'en repaissant eux et leurs chiens;
Et moi, loup, j'en ferais scrupule!
Non, par tous les dieux! non; je serais ridicule.
Thibault l'agnelet passera,
Sans qu'à la broche je le mette;
Et non-seulement lui, mais la mère qu'il tette,
Et le père qui l'engendra!
Ce loup avait raison. Est-il dit qu'on nous voie
Faire festin de toute proie,
Manger les animaux; et nous les réduirons
Aux mets de l'âge d'or autant que nous pourrons!
Ils n'auront ni croc ni marmite!
Bergers, bergers, le loup n'a tort
Que quand il n'est pas le plus fort:
Voulez-vous qu'il vive en hermite?

La Fontaine.

---

29. Крестьянинъ и Топоръ.

Мужикъ, избу рубя, на свой Топоръ озлился;
Пошелъ Топоръ въ худыхъ; Мужикъ взбѣсился:
Онъ самъ нарубитъ вздоръ,
А виноватъ во всемъ Топоръ:
Бранить его, хоть какъ, Мужикъ найдетъ причину.
„Негодный!“ онъ кричитъ однажды, „съ этихъ поръ
Ты будешь у меня обтесывать тычину,
А я, съ моимъ умѣньемъ и трудомъ,
Притомъ съ досужестью моею,
Знай, безъ тебя пробавиться умѣю
И сдѣлаю простымъ ножемъ,
Чего другой не срубитъ топоромъ“.
—„Рубить, что̀ мнѣ велишь,—моя такая доля“,
Смиренно отвѣчалъ Топоръ на окрикъ злой:
„Итакъ, хозяинъ мой,
Твоя святая воля;
Готовъ тебѣ я всячески служить,
Да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить:
Меня ты попусту иступишь,
А все ножемъ избы не срубишь“.

Крыловъ.

---

30. Мыши.

„Сестрица! знаешь ли? бѣда!“
На кораблѣ Мышь Мыши говорила:

Digitized by Google

„Вѣдь оказалась течь; внизу у насъ вода
Чуть не хватила
До самаго мнѣ рыла".
(А правда,—такъ она лишь лапки замочила).
„И что́ диковинки?—нашъ капитанъ
Или съ похмелья, или пьянъ.
Матросы всѣ одинъ лѣнивѣе другаго.
Ну, словомъ, нѣтъ порядка никакого;
Сейчасъ кричала я во весь народъ,
Что ко дну нашъ корабль идетъ:
Куда! Никто и ухомъ не ведетъ,
Какъ будто бъ ложныя я распускала вѣсти;
А ясно—только въ трюмъ лишь стоитъ заглянуть,
Что кораблю часа не дотянуть.
Сестрица! неужли намъ гибнуть съ ними вмѣстѣ?
Пойдемъ же, кинемся скорѣе съ корабля;
Авось недалеко земля!"
Тутъ въ море кумушки спрыгнули [1])
И утонули;
А нашъ корабль, рукой искусною водимъ,
Достигнулъ пристани, и цѣлъ и невредимъ.

—

Теперь пойдутъ вопросы:
А что же капитанъ, и течь, и что матросы?
—Течь слабая, и та
Въ минуту унята;
А остальное—клевета.

Крыловъ.

---

31. Фортуна и Нищій.

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка-нищенькій подъ окоиьемъ таскался
И, жалуясь на жребій свой,
Нерѣдко удивлялся,
Что люди, живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются нерѣдко своего
Всего.
Вонъ, бывшій, напримѣръ, того хозяинъ дому
Пошелъ счастливо торговать;

---

[1]) Тутъ въ океанъ мои затѣйницы спрыгнули.

Digitized by Google

Расторговался въ-пухъ. Тутъ, чѣмъ бы перестать
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому,—
Онъ въ море корабли отправилъ по веснѣ:
Ждалъ горы золота; но корабли разбило.
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ, какъ во снѣ.
Другой,—тотъ въ откупа пустился,
И нажилъ было милліонъ,
Да мало: захотѣлъ его удвоить онъ:
Забрался по уши и вовсе разорился.
Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И по-дѣломъ: знай честь!
Тутъ Нищему Фортуна [1]) вдругъ предстала
И говоритъ ему:
„Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонцевъ кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что попадетъ,
Но если изъ сумы что на полъ упадетъ,
То сдѣлается соромъ.
Смотри жъ, я напередъ тебя остерегла;
Мнѣ велѣно хранить условье наше строго;
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла".
Едва отъ радости мой Нищій дышитъ
И подъ собой земли не слышитъ!
Расправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.
Сума становится ужъ тяжеленька.
—„Довольно ль?"—„Нѣтъ еще".—„Не треснула бъ".—
„Не бойсь".
—„Смотри, ты Крезомъ сталъ".—„Еще, еще маленько:
Хоть горсточку прибрось".
—„Эй, полно! Посмотри, сума ползетъ ужъ врозь".
—„Еще щепоточку". Но тутъ кошель прорвался,
Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ.
Фортуна скрылася; одна сума въ глазахъ,
И нищій нищенькимъ по-прежнему остался.

Крыловъ.

---

[1]) *Фортуна*—богиня счастія.

Digitized by Google

32. Откупщикъ и Сапожникъ.

Богатый Откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ жилъ,
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
На всякій день давалъ пиры, банкеты;
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ—чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край,
И, словомъ, кажется, въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь Откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго ль боится онъ суда,
Иль просто труситъ разориться,
Да только все ему не крѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ, но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ,
И богачу заснуть никакъ онъ не даетъ.
Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать—такъ власти нѣтъ;
Просить—такъ просьба не берегъ.
Придумалъ, наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
„Пріятель дорогой, здорово!“
—„Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово“.
—„Ну, что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?“
(Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ).
—„Дѣлишки, баринъ? Да не худо!“
—„Такъ отъ того-то ты такъ веселъ, такъ поешь?
Ты, стало, счастливо живешь?“
—„На Бога грѣхъ роптать, и что жъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода,
А съ доброю женой—кто этого не знаетъ?—
Живется какъ-то веселѣй“.
—„И деньги есть?“—„Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ,
За то нѣтъ лишнихъ и затѣй“.
—„Итакъ, мой другъ, ты быть богаче не желаешь?“
—„Я этого не говорю,
Хоть Бога и за то, что̀ есть, благодарю;
Но самъ ты, баринъ, знаешь,

Digitized by Google

Что человѣкъ, пока живетъ,
Все хочетъ болѣе: таковъ ужъ здѣшній свѣтъ.
Я чай, вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало".
—„Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ есть намъ такіе непріятства,
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ:
Но все ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.
Возьми же, вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ;
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди: дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки поажился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И въ нуждѣ ихъ ты береги!
Пятьсотъ рублей тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай!" Сапожникъ той,
Схвативъ мѣшокъ, скорѣй домой,
Не бѣгомъ, лѣтомъ;
Примчалъ гостинецъ подъ полой;
И той же ночи въ подземелье
Зарылъ мѣшокъ—и съ нимъ свое веселье!
Не только песенъ нѣтъ,—куда дѣвался сонъ?
(Узналъ безсонницу и онъ!)
Все подозрительно, и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужъ кажется, что воръ къ нему идетъ:
Похолодѣетъ весь и ухо онъ приложитъ.
Ну, словомъ, жизнь пошла хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ Откупщику
И говоритъ: „Спасибо на пріятствѣ;
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ;
Я до него не зналъ, какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не надобенъ ни милліонъ" [1].

Крыловъ.

---

33. Клеветникъ и Змѣя.

Напрасно про бѣсовъ болтаютъ,
Что справедливости совсѣмъ они не знаютъ;
А правду тожъ они нерѣдко наблюдаютъ:
Я и примѣръ тому здѣсь приведу.
По случаю какому-то, въ аду

---

[1]) *Ср. посл.*: Не въ деньгахъ счастье.

Digitized by Google

Змѣя съ Клеветникомъ въ торжественномъ ходу
Другъ другу первенства оставить не хотѣли
И зашумѣли:
Кому изъ нихъ итти приличнѣй напередъ?
А въ адѣ первенство, извѣстно, тотъ береть,
Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ.
Такъ въ спорѣ семъ, и жаркомъ, и не маломъ,
Передъ Змѣею Клеветникъ
Свой выставлялъ языкъ;
А передъ нимъ Змѣя своимъ хвалилась жаломъ;
Шипѣла, что нельзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вотъ, Клеветникъ было за ней ужъ очутился,
Но Вельзевулъ не потерпѣлъ того:
Онъ самъ, спасибо, за него
Вступился
И осадилъ назадъ Змѣю,
Сказавъ: „Хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правдѣ отдаю:
Ты зла; твое смертельно жало;
Опасна ты, когда близка;
Кусаешь безъ вины (и то не мало!),
Но можешь ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ Клеветника,
Отъ коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями?
Такъ, стало, онъ тебя вреднѣй:
Ползи же ты за нимъ и будь впередъ смирнѣй".
Съ тѣхъ поръ клеветники въ аду почетнѣй змѣй.

Крыловъ.

34. Дубъ и Трость.

Тростинкѣ какъ-то Дубъ изволилъ сдѣлать честь [1])
Съ ней разговоръ завесть.
„По истинѣ, роптать ты въ правѣ на природу",
Сказалъ онъ: „воробей и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть:
Межъ тѣмъ какъ наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваясь и вихрямъ, и грозамъ,

[1]) Такъ въ „Моск. Зр." Позже:
Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.

Digitized by Google

Стою и твердъ, и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей—мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова [1]) владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья".
—„Ты очень жалостливъ", сказала Трость въ отвѣтъ:
„Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица:
Но—подождемъ конца!"
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій Аквилонъ [2]).
Дубъ держится,—къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ; удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто къ небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

Крыловъ.

LE CHÊNE ET LE ROSEAU.

Le chêne un jour dit au roseau:
Vous avez bien sujet d'accuser la nature;
Un roitelet pour vous est un pesant fardeau:
Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau.
Vous oblige à baisser la tête;
Cependant que mon front, au Caucase pareil,
Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête,
Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr.
Encor si vous naissiez à l'abri du feuillage
Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir:
Je vous défendrais de l'orage:
Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.
La nature envers vous me semble bien injuste.

---

[1]) *Эолъ*—греч. богъ вѣтровъ —[2]) *Аквилонъ*—сѣверный вѣтеръ.

Digitized by Google

Votre compassion, lui répondit l'arbuste,
Part d'un bon naturel; mais quittez ce souci:
Les vents me sont moins qu'à vous redoutables;
Je plie, et ne romps pas. Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Résisté [1]) sans courber le dos;
Mais attendons la fin. Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le Nord eût portés jusque-là dans ses flancs.
L'arbre tient bon, le roseau plie.
Le vent redouble ses efforts,
Et fais si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine [2]),
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts [3]).

La Fontaine.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры.
„Жалѣю", Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,
„Жалѣю, Тросточка, объ участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,
И гнетъ тебя къ земли,
Тогда какъ я—высокъ, осанистъ и вдали
Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю:
Стою и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ;
Все для меня Зефиръ тебѣ къ все Аквилонъ.
Блаженна бъ ты была, когда бъ росла со мною:
Подъ тѣнію моей густою
Ты бъ не страшилась бурь, но рокъ тебѣ судилъ
Расти, намѣсто злачна дола,
На топкихъ берегахъ владычества Эола.
По чести, и въ меня твой жребій грусть вселилъ".
—„Ты очень жалостливъ", Трость Дубу отвѣчала:
„Но право о себѣ еще я не вздыхала,
Да не о чемъ и воздыхать;
Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя опасны.
Хотя порывы ихъ ужасны
И не могли тебя досель поколебать—
Но подождемъ конца"... Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ—все рушитъ и валитъ;
Летитъ, кружится листъ; Трость гнется—Дубъ стоитъ.
Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи—
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ—
Упалъ!

И. Дмитріевъ.

---

[1]) „Resister contre leurs coups" сильнѣе, нежели: „resister à..."
[2]) Voisine au ciel—латинизмъ вм.: voisine du ciel.—[3]) Подражаніе Виргилію (Georg. II, 292).

Digitized by Google

35. Орелъ и Змѣя.

Орелъ изъ области громовъ
Спустился отдохнуть на лугъ среди цвѣтовъ,
И встрѣтилъ тамъ Змѣю, ползущую по праху.
Завистливая тварь
Шипитъ и на Орла кидается съ размаху.
Что жъ дѣлаетъ пернатыхъ царь?
Бросаетъ гордый взглядъ, и къ солнцу возлетаетъ.

—

Такъ геній своему хулителю отмщаетъ.

И. Дмитріевъ.

---

36. Хмель.

Хмель выбѣжалъ на огородѣ
И вкругъ сухой тычинки виться сталъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькій стоялъ.
„Что въ этомъ пользы есть уродѣ,
Да и во всей его породѣ?“
Такъ про дубокъ тычинкѣ Хмель жужжалъ.
„Ну, какъ его сравнить съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хоть листьемъ, правда, онъ одѣтъ,
Да что за жесткость, что за цвѣтъ!
За что его земля питаетъ?“
Межъ тѣмъ едва недѣля протекаетъ,
Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается:
Дубокъ и принялся, и отпрыски пустилъ.
Посмотришь, около него мой Хмель ужъ вьется,
И дубу отъ него вся честь и похвала!

Крыловъ.

Digitized by Google

III.

БАЛЛАДЫ И ПОЭМЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

1. Утопленникъ.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
„Тятя! тятя! наши сѣти
Притащили мертвеца.“
—„Врите, врите, бѣсенята,“
Заворчалъ на нихъ отецъ:
„Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо мертвецъ!

Судъ найдетъ, отвѣчай-ка!
Съ нимъ я ввѣкъ не разберусь...
Дѣлать нечего! Хозяйка,
Дай кафтанъ; я поплетусь...
Гдѣ жъ мертвецъ?“—„Вонъ тятя,
э-вотъ!“
Въ самомъ дѣлѣ, при рѣкѣ,
Гдѣ разостланъ мокрый неводъ,
Мертвый виденъ на пескѣ.

Безобразно трупъ ужасный
Посинѣлъ и весь распухъ.
Горемыка ли несчастный
Погубилъ свой грѣшный духъ,
Рыболовъ ли взятъ волнами,
Али хмельный молодецъ,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купецъ,—

Мужику какое дѣло!
Озираясь, онъ спѣшитъ...
Онъ потопленное тѣло
Въ воду за ноги тащитъ;
И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Долго мертвый межъ волнами
Плылъ, качаясь, какъ живой;
Проводивъ его глазами,
Нашъ мужикъ пошелъ домой.
„Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу“.

Въ ночь погода зашумѣла,
Взволновалася рѣка;
Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика;
Дѣти спятъ; хозяйка дремлетъ;
На полатяхъ мужъ лежитъ...
Буря воетъ; вдругъ онъ внемлетъ—
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

„Кто тамъ?“—„Эй, впусти, хозяинъ!“
—„Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каинъ?
Чортъ занесъ тебя сюда;
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.“
И лѣнивою рукою
Подымаетъ онъ окно...

Изъ-за тучъ луна катится—
Что же? Голый передъ нимъ;
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

Digitized by Google

И мужикъ окно захлопнулъ;
Гостя голаго узнавъ,
Такъ и обмеръ. „Чтобъ ты лопнулъ!“
Прошепталъ онъ, задрожавъ.
Страшно мысли въ немъ мѣшались.
Трясся ночь онъ напролетъ,
И до утра все стучались
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гостя ждетъ;
Ужъ съ утра погода злится,
Ночью буря настаетъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

Пушкинъ.

---

2. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
Отмстить неразумнымъ хозарамъ:
Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣсу навстрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
„Что сбудется въ жизни со мною?
„И скоро ль на радость сосѣдей враговъ
„Могильной засыплюсь землею?
„Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
„Въ награду любого возьмешь ты коня“.

—„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
„А княжескій даръ имъ не нуженъ:
„Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
„И съ волей небесною друженъ.
„Грядущіе годы таятся во мглѣ;
„Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни же нынѣ ты слово мое:
„Воителю слава—отрада;
„Побѣдой прославлено имя твое:
„Твой щитъ на вратахъ Царяграда;
„И волны, и суша покорны тебѣ;
„Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

Digitized by Google

„И синяго моря обманчивый валъ
„Въ часы роковой непогоды,
„И плащъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
„Щадятъ побѣдителя годы...
„Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:
„Незримый хранитель могущему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
„Онъ, чуя господскую волю,
„То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
„То мчится по бранному полю;
„И холодъ, и сѣча ему ничего:
„Но примешь ты смерть отъ коня своего."

Олегъ усмѣхнулся, однако чело
И взоръ омрачился думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый,
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
„Разстаться настало намъ время:
„Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
„Въ твое позлащенное стремя.
„Прощай, утѣшайся, да помни меня.
„Вы, отроки други, возьмите коня,

„Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
„Въ мой лугъ подъ-устцы отведите,
„Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
„Водой ключевою поите."
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другого коня подвели.

Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ,
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ"? промолвилъ Олегъ,
„Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
„Здоровъ ли? Все такъ же ль легокъ его бѣгъ?
„Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?"

Digitized by Google

И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужь почилъ непробуднымъ онъ сномъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „Что же гаданье?
„Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
„Презрѣть бы твое предсказанье:
„Мой конь и донынѣ носилъ бы меня."
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „Спи, другъ одинокій!
„Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
„На тризнѣ, уже недалекой,
„Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь
„И жаркою кровью мой прахъ напоишь!

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
„Мнѣ смертію кость угрожала!"
Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась—
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ;
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

Пушкинъ.

---

3. Споръ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ,
У Казбека съ Шатъ-горою
Былъ великій споръ.
„Берегись!" сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
„Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;

Digitized by Google

И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.
Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачокъ—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!"
—„Не боюся я Востока!"
Отвѣчалъ Казбекъ:
„Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь доступно оку,
Спитъ, покой цѣня—
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!"
—„Не хвались еще заранѣ!"
Молвилъ старый Шатъ:
„Вотъ на сѣверѣ, въ туманѣ,
Что-то видно, братъ!"
Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ,
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вьются бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тѣсно въ рядъ идутъ;
Впереди несутъ знамена;
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ;
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.
И томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

Лермонтовъ.

---

4. Лѣсной царь.

(Изъ Гёте).

1. Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.

Digitized by Google

Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

2. „Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?“
—„Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой“.
—„О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой“.

3. „Дитя, оглянися, младенецъ, ко мнѣ;
„Веселаго много въ моей сторонѣ:
„Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
„Изъ золота слиты чертоги мои“.

4. —„Родимый, лѣсной царь со мной говоритъ:
Онъ золото, перлы и радость сулитъ“.
—„О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы“.

5. —„Ко мнѣ, мой младенецъ; въ дубровѣ моей
„Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
„При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
„Играя, летая, тебя усыплять“.

6. —„Родимый, лѣсной царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей“.
—„О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То ветлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ“.

7. „Дитя, я плѣнился твоей красотой:
„Неволей иль волей, а будешь ты мой“.
—„Родимый, лѣсной царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать.“

8. Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковскій.

ERLKÖNIG.

1. Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?
Es ist der Vater mit seinem Kind;
Er hat den Knaben wohl in dem Arm,
Er fasst ihn sicher, er hält ihn warm.

2. —Mein Sohn, was birgst du so bang dein Gesicht?
—Siehst, Vater, du den Erlkönig nicht?
Den Erlkönig mit Krone und Schweif?
—Mein Sohn, es ist ein Nebelstreif.

3. „Du liebes Kind, komm, geh mit mir!
„Gar schöne Spiele spiel' ich mit dir;

Digitized by Google

„Manch' bunte Blumen sind an dem Strand;
„Meine Mutter hat manch' gülden Gewand".

4. —Mein Vater, mein Vater, und hörest du nicht,
Was Erlkönig mir leise verspricht?
—Sey ruhig, bleibe ruhig, mein Kind;
In dürren Blättern säuselt der Wind.

5. „Willst, feiner Knabe, du mit mir gehn?
„Meine Töchter sollen dich warten schön;
„Meine Töchter führen den nächtlichen Reih'n,
„Und wiegen und tanzen und singen dich ein".

6. —Mein Vater, mein Vater, und siehst du nicht dort
Erlkönigs Töchter am düstern Ort?
—Mein Sohn, mein Sohn, ich seh'es genau:
Es scheinen die alten Weiden so grau.

7. „Ich liebe dich, mich reizt deine schöne Gestalt;
„Und bist du nicht willig, so brauch' ich Gewalt".
—Mein Vater, mein Vater, jetzt fasst er mich an!
Erlkönig hat mir ein Leids gethan!

8. Dem Vater grauset's, er reitet geshwind,
Er hält in Armen das ächzende Kind,
Erreicht den Hof mit Mühe und Noth;
In seinen Armen das Kind war todt.

Goethe.

---

5. Ночной смотръ.

(Изъ Зейдлица).

Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ барабанщикъ;
И ходитъ онъ взадъ и впередъ,
И бьетъ онъ проворно тревогу.
И въ темныхъ гробахъ барабанъ
Могучую будитъ пѣхоту;
Встаютъ молодцы егеря,
Встаютъ старики гренадеры,
Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ,
Съ роскошныхъ полей италійскихъ,
Встаютъ съ африканскихъ степей,
Съ горячихъ песковъ Палестины.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Выходитъ трубачъ изъ могилы;
И скачетъ онъ взадъ и впередъ,
И громко трубитъ онъ тревогу.
И въ темныхъ могилахъ труба
Могучую конницу будитъ:
Сѣдые гусары встаютъ,
Встаютъ усачи кирасиры;
И съ сѣвера, съ юга летятъ,
Съ востока и съ запада мчатся
На легкихъ воздушныхъ коняхъ
Одинъ за другимъ эскадроны.
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Изъ гроба встаетъ полководецъ:
На немъ сверхъ мундира сюртукъ;
Онъ съ маленькой шляпой и шпагой;
На старомъ конѣ боевомъ
Онъ медленно ѣдетъ по фронту;
И маршалы ѣдутъ за нимъ,
И ѣдутъ за нимъ адъютанты;
И армія честь отдаетъ.
Становится онъ передъ нею;
И съ музыкой мимо его
Проходятъ полкъ за полками.
И всѣхъ генераловъ своихъ
Потомъ онъ въ кружокъ собираетъ,
И ближнему на ухо самъ
Онъ шепчетъ пароль свой и лозунгъ [1]).

---

[1]) *Пароль* (франц.) и *лозунгъ* (нѣм.)—условное слово, для отличія своихъ отъ непріятеля, ежедневно измѣняемое и объявляемое по всему войску.

Digitized by Google

И арміи всей отдаютъ
Они тотъ пароль и тотъ лозунгъ:
И *Франція*—тотъ ихъ пароль,
Тотъ лозунгъ—*Святая Елена*.

Такъ къ старымъ солдатамъ своимъ
На смотръ генеральный изъ гроба
Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ
Встаетъ Императоръ усопшій.

Жуковскій.

---

6. Воздушный корабль.

(Изъ Зейдлица).

По синимъ волнамъ океана,
Лишь здѣзды блеснутъ въ небесахъ;
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней Императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда Императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ,
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ,
И маршаломъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ;

Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ,
Ему обѣщаетъ полъ-міра,
А Францію только—себѣ.

Digitized by Google

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ...
И долго, его поджидая,
Стоитъ Императоръ одинъ—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Лермонтовъ.

Перчатка.

(Изъ Шиллера).

1. Передъ своимъ звѣринцемъ
Съ баронами, съ наслѣднымъ принцемъ,
Король Францискъ сидѣлъ;
Съ высокаго балкона онъ глядѣлъ
На поприще, сраженья ожидая;
За королемъ, обворожая
Цвѣтущей прелестію взглядъ,
Придворныхъ дамъ являлся пышный рядъ.

2. Король далъ знакъ рукою—
Со стукомъ растворилась дверь;
И грозный звѣрь
Съ огромной головою,
Косматый левъ
Выходитъ:
Кругомъ глаза угрюмо водитъ;
И вотъ, все оглядѣвъ,
Наморщилъ лобъ съ осанкой горделивой,
Пошевелилъ густою гривой,
И потянулся, и зѣвнулъ,

3. И легъ. Король опять рукой махнулъ—
Затворъ желѣзной двери грянулъ,
И смѣлый тигръ изъ-за рѣшетки прянулъ;
Но видитъ льва, робѣетъ и реветъ,
Себя хвостомъ по ребрамъ бьетъ
И крадется, косяся взглядомъ,
И лижетъ морду языкомъ,
И, обошедши льва кругомъ,
Рычитъ и съ нимъ ложится рядомъ.

4. И въ третій разъ король махнулъ рукой—
Два барса дружною четой
Въ одинъ прыжокъ надъ тигромъ очутились;
Но онъ ударъ имъ тяжкой лапой далъ,
А левъ съ рыканьемъ всталъ...
Они смирились.
Оскаливъ зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

5. И гости ждутъ, чтобъ битва началася...
Вдругъ женская съ балкона сорвалася
Перчатка... всѣ глядятъ за ней...
Она упала межъ звѣрей.
Тогда на рыцаря Делоржа съ лицемѣрной
И колкою улыбкою глядитъ
Его кравица и говоритъ:
„Когда меня, мой рыцарь вѣрный,

Digitized by Google

„Ты любишь такъ, какъ говоришь,
„Ты мнѣ перчатку возвратишь“.
Делоржъ, не отвѣчавъ ни слова,
Къ звѣрямъ идетъ,
Перчатку смѣло онъ беретъ,
И возвращается къ собранью снова.

6. У рыцарей и дамъ, при дерзости такой,
Отъ страха сердце помутилось;
А витязь молодой,
Какъ будто ничего съ нимъ не случилось,
Спокойно всходитъ на балконъ;

Рукоплесканьемъ встрѣченъ онъ;
Его привѣтствуютъ красавицы-ны взгляды...
Но, холодно принявъ привѣтъ ея очей,
Въ лицо перчатку ей
Онъ бросилъ, и сказалъ: не требую награды.

Жуковскій.

DER HANDSCHUH.

1. Vor seinem Löwengarten,
Das Kampfspiel zu erwarten
Sass König Franz,
Und um ihn die Grossen de Krone,
Und rings auf hohem Balcone
Die Damen in schönem Kranz.

2. Und wie er winkt mit dem Finger,
Aufthut sich der zweite Zwinger,
Und hinein mit bedächtigem Schritt
Ein Löwe tritt
Und sieht sich stumm
Rings um,
Mit langem Gähnen,
Und schüttelt die Mähnen
Und streckt die Glieder,
Und legt sich nieder.

3. Und der König winkt wieder,
Da öffnet sich behend
Ein zweites Thor,
Daraus rennt
Mit wildem Sprunge
Ein Tiger hervor.
Wie der den Löwen erschaut,
Brüllt er laut,
Schlägt mit dem Schweif
Einen furchtbaren Reif
Und recket die Zunge,
Und im Kreise scheu
Umgeht er den Leu,
Grimmig schnurrend,
Drauf streckt er sich murrend
Zur Seite nieder.

4. Und der König winkt wieder,
Da speit das doppelt geöffnete Haus
Zwei Leoparden auf einmal aus,
Die stürzen mit muthiger Kampfbegier
Auf das Tigerthier;
Das packt sie mit seinen grimmigen Tatzen,
Und der Leu mit Gebrüll
Richtet sich auf, da wird's still;
Und herum im Kreis,
Von Mordsucht heiss,
Lagern sich die gräulichen Katzen.

5. Da fällt von des Altans Rand
Ein Handschuh von schöner Hand
Zwischen den Tiger und den Leun
Mitten hinein.
Und zu Ritter Delorges, spottender Weis',
Wendet sich Fräulein Kunigund:
„Herr Ritter, ist eure Lieb' so heiss,
Wie ihr mir's schwört zu jeder Stund,
Ei, so hebt mir den Handschuh auf!“
Und der Ritter, in schnellem Lauf,
Steigt hinab in den furchtbar'n Zwinger
Mit festem Schritte,
Und aus dnr Ungeheuer Mitte
Nimmt er de Handschuh mit keckem Finger.

6. Und mit Erstaunen und mit Grauen
Sehen's die Ritter und Edelfrauen,
Und gelassen bringt er den Handschuh zurück.
Da schallt ihm sein Lob aus jedem Munde,
Aber mit zärtlichem Liebesblick—
Er verheisst ihm sein nahes Glück—
Empfängt ihn Fräulein Kunigunde.
Und er wirft ihr den Handschuh in's Gesicht:
„Den Dank, Dame, begehr' ich nicht!“
Und verlässt sie zur selben Stunde.

Schiller.

Digitized by Google

8. Кубокъ.

(Шиллера).

„Кто, рыцарь ли знатный иль латникъ простой, 1.
„Въ ту бездну прыгнетъ съ вышины?
„Бросаю мой кубокъ туда золотой:
„Кто сыщетъ во тьмѣ глубины
„Мой кубокъ и съ нимъ возвратится безвредно,
„Тому онъ и будетъ наградой побѣдной".

Такъ царь возгласилъ и съ высокой скалы, 2.
Висѣвшей надъ бездной морской,
Въ пучину бездонной, зіяющей мглы,
Онъ бросилъ свой кубокъ златой.
„Кто, смѣлый, на подвигъ опасный рѣшится?
„Кто сыщетъ мой кубокъ и съ нимъ возвратится?"

Но рыцарь и латникъ недвижно стоятъ; 3.
Молчанье—на вызовъ отвѣтъ;
Въ молчаньи на грозное море глядятъ;
За кубкомъ отважнаго нѣтъ.
И въ третій разъ царь возгласилъ громогласно:
„Отыщется ль смѣлый на подвигъ опасный?"

И всѣ безотвѣтны... вдругъ пажъ молодой 4.
Смиренно и дерзко впередъ;
Онъ снялъ епанчу, и снялъ поясъ онъ свой;
И ихъ молча на землю кладетъ...
И дамы и рыцари мыслятъ, безгласны:
„Ахъ! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?"

И онъ подступаетъ къ наклону скалы,
И взоръ устремилъ въ глубину...
Изъ чрева пучины бѣжали валы,
Шумя и гремя, въ вышину.
А волны спирались, и пѣна кипѣла:
Какъ будто гроза, наступая, ревѣла.

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ, 6.
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ;
Пучина бунтуетъ, пучина клокочетъ...
Не море ль изъ моря извергнуться хочетъ?

И вдругъ, успокоясь, волненье легло; 7.
И грозно изъ пѣны сѣдой
Разинулось черною щелью жерло;

Digitized by Google

И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощеннаго чрева,—
И глубь застонала отъ грома и рева.

8. И онъ, упредя разъяренный приливъ,
Спасителя-Бога призвалъ,
И дрогнули зрители, всѣ возопивъ—
Ужъ юноша въ безднѣ пропалъ.
И бездна таинственно зѣвъ свой закрыла:
Его не спасетъ никакая ужъ сила.

9. Надъ бездной утихло... въ ней глухо шумитъ...
И каждый, очей отвести
Не смѣя изъ бездны, печально твердитъ:
„Красавецъ отважный, прости!“
Все тише и тише на днѣ ея воетъ...
И сердце у всѣхъ ожиданіемъ ноетъ.

10. Хоть брось ты туда свой вѣнецъ золотой,
Сказавъ: „кто вѣнецъ возвратитъ,
Тотъ съ нимъ и престолъ мой раздѣлитъ со мной!“—
Меня твой престолъ не прельститъ.
Того, что скрываетъ та бездна нѣмая,
Ничья здѣсь душа не разскажетъ живая.

11. Не мало судовъ, закруженныхъ волной,
Глотала ея глубина:
Всѣ мелкой назадъ вылетали щепой
Съ ея неприступнаго дна...
Но слышится снова въ пучинѣ глубокой
Какъ будто роптанье грозы недалекой.

12. И воетъ, и свищетъ, и бьетъ, и шипитъ,
Какъ влага, мѣшаясь съ огнемъ,
Волна за волною; и къ небу летитъ
Дымящимся пѣна столбомъ...
И брызнулъ потокъ съ оглушительнымъ ревомъ,
Извергнутый бездны зіяющимъ зѣвомъ.

13. Вдругъ... что-то сквозь пѣну сѣдой глубины
Мелькнуло живой бѣлизной...
Мелькнула рука и плечо изъ волны...
И борется, споритъ съ волной...
И видитъ—весь берегъ потрясся отъ клича—
Онъ лѣвою правитъ, а въ правой добыча.

14. И долго дышалъ онъ, и тяжко дышалъ,
И Божій привѣтствовалъ свѣтъ...
И каждый съ весельемъ: „онъ живъ!“ повторялъ:

Digitized by Google

„Чудеснѣе подвига нѣтъ!
„Изъ темнаго гроба, изъ пропасти влажной
„Спасъ душу живую красавецъ отважный".

Онъ на берегъ вышелъ; онъ встрѣченъ толпой; 15.
Къ царевымъ ногамъ онъ упалъ;
И кубокъ у ногъ положилъ золотой;
И дочери царь приказалъ
Дать юношѣ кубокъ съ струей винограда;
И въ сладость была для него та награда.

„Да здравствуетъ царь! Кто живетъ на землѣ, 16.
Тотъ жизнью земной веселись!
Но страшно въ подземной таинственной мглѣ...
И смертный предъ Богомъ смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, Имъ мудро отъ насъ сокровенной.

„Стрѣлою стремглавъ полетѣлъ я туда... 17.
И вдругъ мнѣ навстрѣчу потокъ;
Изъ трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлекъ
Меня въ глубину съ непонятною силой...
И страшно меня тамъ кружило и било.

„Но Богу молитву тогда я принесъ, 18.
И Онъ мнѣ спасителемъ былъ;
Торчащій изъ мглы я увидѣлъ утесъ
И крѣпко его обхватилъ;
Висѣлъ тамъ и кубокъ на вѣтви коралла:
Въ бездонное влага его не умчала.

„И смутно все было внизу подо мной 19.
Въ пурпуровомъ сумракѣ тамъ;
Все спало для слуха въ той безднѣ глухой;
Но видѣлось страшно очамъ,
Какъ двагались въ ней безобразныя груды,
Морской глубины несказанныя чуды [1]).

„Я видѣлъ, какъ въ черной пучинѣ кипятъ, 20.
Въ громадный свиваясь клубъ,
И млатъ водяной, и уродливый скатъ,
И ужасъ морей однозубъ;
И смертью грозилъ мнѣ, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гіэна морская,

„И былъ я одинъ съ неизбѣжной судьбой, 21.
Отъ взора людей далеко,

[1]) *Чуды*—вм. чудеса.

Digitized by Google

Одинъ межъ чудовищъ, съ любящей душой,
Во чревѣ земли, глубоко
Подъ звукомъ живымъ человѣческаго слова,
Межъ страшныхъ жильцовъ подземелья нѣмого.

22. „И я содрогался... вдругъ слышу: ползетъ
Стоногое грозно изъ мглы,
И хочетъ схватить, и разинулся ротъ...
Я въ ужасѣ прочь отъ скалы!...
То было спасеньемъ: я схваченъ приливомъ
И выброшенъ вверхъ водомета порывомъ".

23. Чудесенъ разсказъ показался царю:
„Мой кубокъ возьми золотой;
„Но съ нимъ я и перстень тебѣ подарю,
„Въ которомъ алмазъ дорогой,
„Когда ты на подвигъ отважишься снова
„И тайны всѣ дна перескажешь морскаго"...

24. То слыша, царевна съ волненьемъ въ груди,
Краснѣя, царю говоритъ:
„Довольно, родитель; его пощади!
Подобное кто совершитъ?
И если ужъ должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младого".

25. Но царь, не внимая, свой кубокъ златой
Въ пучину швырнулъ съ высоты.
„И будешь здѣсь рыцарь любимѣйшій мой,
„Когда съ нимъ воротишься ты;
„И дочь моя, нынѣ твоя предо мною
„Заступница, будетъ твоею женою".

26. Въ немъ жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула въ очахъ;
Онъ видитъ—краснѣетъ, блѣднѣетъ она;
Онъ видитъ—въ ней жалость и страхъ...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель онъ кинулся въ волны...

27. Утихнула бездна... и снова шумитъ...
И пѣною снова полна...
И съ трепетомъ въ бездну царевна глядитъ...
И бьетъ за волною волна...
Приходитъ, уходитъ волна быстротечно:
А юноши нѣтъ, и не будетъ ужъ вѣчно.

Жуковскій.

Digitized by Google

DER TAUCHER.

„Wer wagt es, Rittersmann oder Knapp, 1.
Zu tauchen in diesen Schlund?
Einen goldnen Becher werf' ich hinab,
Verschlungen schon hat ihn der schwarze Mund.
Wer mir den Becher kann wieder zeigen,
Er mag ihn behalten, er ist sein eigen".

Der König spricht es und wirft von der Höh' 2.
Der Klippe, die schroff und steil
Hinaushängt in die unendliche See,
Den Becher in der Charybde Geheul.
„Wer ist der Beherzte, ich frage wieder,
Zu tauchen in diese Tiefe nieder"?

Und die Ritter, die Knappen um ihn her 3.
Vernehmen's und schweigen still,
Sehen hinab in das wilde Meer,
Und keiner den Becher gewinnen will.
Und der König zum drittenmal wieder fraget:
„Ist keiner, der sich hinunter waget?"

Doch alles noch stumm bleibt wie zuvor; 4.
Und ein Edelknecht, sanft und keck,
Tritt aus der Knappen zagendem Chor,
Und den Gürtel wirft er, den Mantel weg,
Und alle die Männer umher und Frauen
Auf den herrlichen Jüngling verwundert schauen.

Und wie er tritt an des Felsen Hang, 5.
Und blickt in den Schlund hinab
Die Wasser, die sie hinunter schlang,
Die Charybde jetzt brüllend wiedergab,
Und wie mit des fernen Donners Getose
Entstürzen sie schäumend dem finstern Schosse.

Und es wallet und siedet und brauset und zischt, 6.
Wie wenn Wasser mit Feuer sich mengt,
Bis zum Himmel spritzet der dampfende Gischt,
Und Fluth auf Fluth sich ohn' Ende drängt,
Und will sich nimmer erschöpfen und leeren,
Als wollte das Meer noch ein Meer gebären.

Doch endlich, da legt sich die wilde Gewalt, 7.
Und schwarz aus dem weissen Schaum
Klafft hinunter ein gähnender Spalt,
Grundlos, als ging's in den Höllenraum.
Und reissend sieht man die brandenden Wogen
Hinab in den strudelnden Trichter gezogen.

Jetzt schnell, eh' die Brandung wiederkehret, 8.
Der Jüngling sich Gott befiehlt,
Und—ein Schrei des Entsetzens wird rings gehört,
Und schon hat ihn der Wirbel hinweggespült,
Und geheimnissvoll über den kühnen Schwimmer
Schliesst sich der Rachen; er zeigt sich nimmer.

Und stille wird's über dem Wasserschlund, 9.
In der Tiefe nur brauset es hohl,
Und bebend hört man von Mund zu Mund:
„Hochherziger Jüngling, fahre wohl!"
Und hohler und hohler hört man's heulen,
Und es harrt hoch mit bangem, mit schrecklichem Weilen.

Und wärfst du die Krone selber hinein 10.
Und sprächst: wer mir bringet die Kron',
Er soll sie tragen und König sein!

Digitized by Google

Mich gelüstete nicht nach dem theuren Lohn.
Was die heulende Tiefe da unten verhehle,
Das erzählt keine lebende, glückliche Seele.

11. Wohl manches Fahrzeug, vom Strudel gefasst,
Schoss gäh in die Tiefe hinab:
Doch zerschmettert nur rangen sich Kiel und Mast
Hervor aus dem alles verschlingenden Grab.—
Und heller und heller, wie Sturmes Sausen,
Hört man's näher und immer näher brausen.

12. Und es wallet und siedet und brauset und zischt,
Wie wenn Wasser mit Feuer sich mengt,
Bis zum Himmel spritzet der dampfende Gischt,
Und Well' auf Well' sich ohn' Ende drängt,
Und wie mit des fernen Donners Getose
Entstürzt es brüllend dem finstern Schoosse.

13. Und sieh'! aus finster fluthenden Schooss
Da hebet sich's schwanenweiss,
Und ein Arm und ein glänzender Nacken wird bloss,
Und es rudert mit Kraft und mit emsigem Fleiss,
Und er ist's, und hoch in seiner Linken
Schwingt er den Becher mit freudigem Winken.

14. Und athmete lang und athmete tief,
Und begrüsste das himmlische Licht.
Mit Frohlocken es einer dem andern rief:
„Er lebt! er ist da! es behielt ihn nicht!
Aus dem Grab, aus der strudelnden Wasserhöhle
Hat der Brave gerettet die lebende Seele!"

15. Und er kommt; es umringt ihn die jubelnde Schaar,
Zu des Königs Füssen er sinkt,
Den Becher reicht er ihm knieend dar,
Und der König der lieblichen Tochter winkt,
Die füllt ihn mit funkelndem Wein bis zum Rande,
Und der Jüngling sich also zum König wandte:

16. „Lang lebe der König! Es freue sich,
Wer da athmet im rosigten Licht!
Da unten aber ist's fürchterlich,
Und der Mensch versuche die Götter nicht,
Und begehre nimmer und nimmer zu schauen,
Was sie gnädig bedecken mit Nacht und Grauen.

17. „Es riss mich hinunter blitzesschnell,
Da stürzt' mir aus felsigtem Schacht
Wildfluthend entgegen ein reissender Quell;
Mich packte des Doppelstroms wüthende Macht,
Und wie einen Kreisel, mit schwindelndem Drehen
Trieb mich's um, ich konnte nicht widerstehen.

18. „Da zeigte mir Gott, zu dem ich rief,
In der höchsten schrecklichen Noth,
Aus der Tiefe ragend, ein Felsenriff
Das erfasst' ich behend und entrann dem Tod.
Und da hing auch der Becher an spitzen Korallen,
Sonst wär' er in's Bodenlose gefallen.

19. „Denn unter mir lag's noch bergetief
In purpurner Finsterniss da,
Und ob's hier dem Ohre gleich ewig schlief,
Das Auge mit Schaudern hinunter sah,
Wie's von Salamandern und Molchen und Drachen
Sich regt' in dem furchtbaren Höllenrachen.

20. „Schwarz wimmelten da, in grausem Gemisch,
Zu scheusslichen Klumpen geballt,
Der stachlichte Roche, der Klippenfisch,

Digitized by Google

Des Hammers greuliche Ungestalt,
Und dräuend wies mir die grimmigen Zähne
Der entsetzliche Hai, des Meeres Hyäne.

„Und da hing ich und war's mir mit Grausen bewusst, 21.
Von der menschlichen Hilfe so weit,
Unter Larven die einzige fühlende Brust,
Allein in der grässlichen Einsamkeit,
Tief unter dem Schall der menschlichen Rede
Bei den Ungeheuern der traurigen Oede.

„Und schaudernd dacht' ich's — da kroch's heran, 22.
Regte hundert Gelenke zugleich,
Will schnappen nach mir; in des Schreckens Wahn
Lass ich los der Koralle umklammerten Zweig;
Gleich fasst mich der Strudel mit rasendem Toben,
Doch es war mir zum Heil, er riss mich nach oben".

Der König darob sich verwundert schier 23.
Und spricht: „Der Becher ist dein,
Und diesen Ring noch bestimm' ich dir,
Geschmückt mit dem köstlichsten Edelgestein,
Versuchst du's noch einmal und bringst mir Kunde,
Was du sahst auf des Meeres tiefunterstem Grunde".

Das hörte die Tochter mit weichem Gefühl, 24.
Und mit schmeichelndem Munde sie fleht:
„Lasst, Vater, genug sein das grausame Spiel!
Er hat euch bestanden, was keiner besteht,
Und könnt ihr des Herzens Gelüsten nicht zähmen,
So mögen die Ritter den Knappen beschämen".

Drauf der König greift nach dem Becher schnell, 25.
In den Strudel ihn schleudert hinein:
„Und schaffst du den Becher mir wieder zur Stell',
So sollst du der trefflichste Ritter mir sein,
Und sollst sie als Ehgemahl heut noch umarmen,
Die jetzt für dich bittet mit zartem Erbarmen".

Da ergeift's ihm die Seele mit Himmelsgewalt, 26.
Und es blitzt aus den Augen ihm kühn,
Und er siehet erröthen die schöne Gestalt
Und sieht sie erbleichen und sinken hin;
Da treibt's ihn, den köstlichen Preis zu erwerben,
Und stürzt hinunter auf Leben und Sterben.

Wohl hört man die Brandung, wohl kehrt sie zurück, 27.
Sie verkündigt der donnernde Schall;
Da bückt sich's hinunter mit liebendem Blick,
Es kommen, es kommen die Wasser all',
Sie rauschen herauf, sie rauschen nieder —
Den Jüngling bringt keines wieder.

Schiller.

---

9. Гаральдъ.

(Уланда).

Передъ дружиной на конѣ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны,
Въѣзжаетъ въ лѣсъ густой.

Отбиты вражьи знамена,
И вѣютъ, и шумятъ,
И гуломъ пѣсней боевыхъ
Кругомъ холмы гудятъ.

Но что порхаетъ по кустамъ?
Что зыблется въ листахъ?
Что налетаетъ съ вышины
И плещется въ волнахъ?

Что такъ ласкаетъ, такъ манитъ?
Что нѣжною рукой
Снимаетъ мечъ, съ коня влечетъ
И тянетъ за собой?

Digitized by Google

То феи ... въ легкій хороводъ
Слетѣлись при лунѣ.
Спасенья нѣтъ; ужъ всѣ бойцы
Въ волшебной сторонѣ.

Лишь онъ, безстрашный вождь
Гаральдъ,
Одинъ не побѣжденъ;
Въ нетлѣнный съ ногъ до головы
Булатъ закованъ онъ.

Пропали спутники его:
Тамъ брошенъ мечъ, тамъ щитъ,
Тамъ ржетъ осиротѣлый конь
И дико въ лѣсъ бѣжитъ.

И ѣдетъ сумрачно-унылъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой,
При свѣтѣ полныя луны
Одинъ сквозь лѣсъ густой.

Но вотъ шумитъ, журчитъ ручей—
Гаральдъ съ коня спрыгнулъ,
И снялъ онъ шлемъ, и влаги имъ
Студеной зачерпнулъ.

Но только жажду утолилъ,
Вдругъ обезсилѣлъ онъ;
На камень сѣлъ, поникъ главой
И погрузился въ сонъ.

И вѣки на утесѣ томъ,
Главу склоня, онъ спитъ:
Сѣдыя кудри, борода;
У ногъ копье и щитъ.

Когда жъ гроза и молній блескъ,
И лѣсъ реветъ густой—
Сквозь сонъ хватается за мечъ
Гаральдъ, боецъ сѣдой.

Жуковскій.

---

10. Рыцарь Роллонъ.

(Уланда).

Былъ удалецъ и отважный наѣздникъ Роллонъ:
Съ шайкой своей по дорогамъ разбойничалъ онъ.
Разъ, запоздавъ, онъ въ лѣсу на усталомъ конѣ
Ѣхалъ и видитъ, часовня стоитъ въ сторонѣ.

Лѣсъ былъ дремучій, и былъ ужъ полуночный часъ;
Было темно, такъ темно, что хоть выколи глазъ;
Только въ часовнѣ лампада горѣла одна;
Блѣдно сквозь узкія окна свѣтила она.

„Рано еще на добычу, подумалъ Роллонъ:
Здѣсь отдохну!“—и въ часовню пустынную онъ
Входитъ; въ часовнѣ, онъ видитъ, гробница стоитъ;
Трепетно, тускло надъ нею лампада горитъ.

Сѣлъ онъ на камень, вздремнулъ съ полчаса, и потомъ
Снова поѣхалъ лѣснымъ одинокимъ путемъ.
Вдругъ своему щитоносцу сказалъ онъ: „Скорѣй
Съѣзди въ часовню: перчатку оставилъ я въ ней.“

Посланный, блѣденъ какъ мертвый, назадъ прискакалъ.
„Этой перчаткой другой завладѣлъ“, онъ сказалъ:
„Кто-то не здѣшній въ часовнѣ на камнѣ сидитъ;
Руку онъ всунулъ въ перчатку и страшно глядитъ.

Digitized by Google

Треплетъ и гладитъ перчатку другой онъ рукой;
Чуть я отъ страху не умеръ отъ встрѣчи такой."
—„Трусъ!" на него запальчиво Роллонъ закричалъ,
Шпорами стиснулъ коня и назадъ поскакалъ.

Сильно на страшнаго гостя ударилъ Роллонъ;
Отнялъ перчатку свою у нечистаго онъ.
„Если не хочешь одной мнѣ совсѣмъ уступить,
„Обѣ ссуди мнѣ перчатки, хоть годъ поносить."

„Молвилъ нечистый, а рыцарь сказалъ ему: „На!
„Радъ испытать я, заплатитъ ли долгъ сатана:
„Вотъ тебѣ обѣ перчатки; отдай черезъ годъ."
—„Слышу; прости, до свиданья," отвѣтствовалъ тотъ.

Выѣхалъ въ поле Роллонъ; вдругъ далекій пѣтухъ
Крикнулъ, и топотъ коней поражаетъ ихъ слухъ.
Робость Роллона взяла; онъ глядитъ въ темноту:
Что-то ночную наполнило вдругъ пустоту;

Что-то въ ней движется, ближе и ближе; и вотъ
Черные рыцари ѣдутъ попарно; ведетъ
Сзади слуга въ поводахъ вороного коня;
Черной попоной покрытъ онъ; глаза изъ огня.

Съ дрожью невольной спросилъ у слуги паладинъ:
„Кто вороного коня твоего господинъ?"
—„Вѣрный слуга моего господина, Роллонъ;
„Нынѣ лишь парой перчатокъ расчелся съ нимъ онъ;

„Скоро отдастъ онъ иной и послѣдній отчетъ;
„Самъ онъ поѣдетъ на этомъ конѣ черезъ годъ."
Такъ отвѣчавъ, за другими послѣдовалъ онъ.
„Горе мнѣ!" въ страхѣ сказалъ щитоносцу Роллонъ:

„Слушай, тебѣ я коня моего отдаю;
„Съ нимъ и всю сбрую возьми боевую мою;
„Ими отнынѣ, мой вѣрный товарищъ, владѣй:
„Только молись о душѣ осужденной моей."

Въ ближній пришедъ монастырь, онъ пріору сказалъ:
„Страшный я грѣшникъ, но Богъ мнѣ покаяться далъ.
„Ангельскій чинъ я еще недостоинъ носить;
„Служкой простымъ я желаю въ обители быть."

—„Вижу, ты въ шпорахъ: конечно, бывалъ ѣздокомъ;
Будь же у насъ на конюшнѣ, ходи за конемъ."
Служитъ Роллонъ на конюшнѣ, а время идетъ.
Вотъ наконецъ совершился ровнехонько годъ.

Digitized by Google

Вотъ наступилъ ужъ и вечеръ послѣдняго дня;
Вдругъ привели въ монастырь молодого коня.
Статенъ, красивъ, но еще не объѣзженъ былъ онъ.
Взять дикаря за уздy подступаетъ Роллонъ.

Взвизгнулъ, вскочилъ на дыбы, разъярившійся конь;
Грива горой, изъ ноздрей какъ изъ печи огонь;
Въ сердце Роллона ударилъ копытами онъ;
Умеръ, и разу вздохнуть не успѣвши, Роллонъ.

Вырвавшись, конь убѣжалъ, и его не нашли.
Къ ночи, какъ должно, Роллона отцы погребли.
Въ полночь къ могилѣ ужасный вздокъ прискакалъ;
Чернаго, злого коня за уздy онъ держалъ;

Пара перчатокъ висѣла на черномъ сѣдлѣ.
Жалобно охнувъ, Роллонъ повернулся въ землѣ;
Вышелъ изъ гроба, со вздохомъ перчатки надѣлъ,
Сѣлъ на коня, и какъ вихорь съ нимъ конь улетѣлъ.

Жуковскій.

---

11. Графъ Габсбургскій.

(Шиллера).

1. Торжественнымъ Ахенъ весельемъ шумѣлъ.
Въ старинныхъ чертогахъ на пирѣ
Рудольфъ, императоръ избранный, сидѣлъ
Въ сіяньи вѣнца и порфирѣ.
Тамъ кушанья рейнскій фальцграфъ разносилъ;
Богемецъ напитки въ бокалы цѣдилъ;
И семь избирателей чиномъ,
Устроенный древле свершая обрядъ,
Блистали, какъ звѣзды предъ солнцемъ блестятъ,
Предъ новымъ своимъ властелиномъ.

2. Кругомъ возвышался богатый балконъ,
Ликующимъ полный народомъ;
И клики со всѣхъ прилетая сторонъ,
Подъ древнимъ сливалися сводомъ.
Былъ конченъ раздоръ; перестала война;
Безцарственны, грозны прошли времена,
Судья надъ землею былъ снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущимъ во власть безъ покрова.

3. И кесарь, наполнивъ бокалъ золотой,
Съ привѣтливымъ взоромъ вѣщаетъ:
„Прекраснъ мой пиръ, все пируетъ со мной;
Все царскій мой духъ восхищаетъ...

Digitized by Google

Но гдѣ жъ утѣшитель, плѣнитель сердецъ?
Придетъ ли мнѣ душу растрогать пѣвецъ
„Игрой и благимъ поученьемъ?
Я пѣсней былъ другомъ, какъ рыцарь простой;
Ставъ Кесаремъ, брошу ль обычай святой
„Пиры услаждать пѣснопѣньемъ?“

И вдругъ изъ среды величавыхъ гостей 4.
Выходитъ, одѣтый таларомъ,
Пѣвецъ въ красотѣ посѣдѣлыхъ кудрей,
Младымъ преисполненный жаромъ.
„Въ струнахъ золотыхъ вдохновенье живетъ:
Пѣвецъ о любви благодатной поетъ,
О всемъ, что святого есть въ мірѣ,
Что́ душу волнуетъ, что́ сердце манитъ...
О чемъ же властитель воспѣть повелитъ
Пѣвцу на торжественномъ пирѣ?“—

—„Не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой 5.
(Пѣвцу отвѣчаетъ властитель)
Онъ высшую силу призналъ надъ собой;
Минута—его повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумитъ;
Кто знаетъ, откуда, куда онъ летитъ?
Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:
Такъ пѣснь зарождаетъ души глубина,
И темное чувство, изъ дивнаго сна
При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.“

И смѣло ударилъ пѣвецъ по струнамъ, 6.
И голосъ пріятный раздался:
„На статномъ конѣ, по горамъ, по полямъ,
За серною рыцарь гонялся;
Онъ съ ловчимъ одинъ выѣзжаетъ самъ-другъ
Изъ чащи лѣсной на сіяющій лугъ,
И ѣдетъ онъ шагомъ кустами;
Вдругъ слышатъ они: колокольчикъ гремитъ;
Идетъ изъ кустовъ пономарь и звонитъ,
И слѣдомъ священникъ съ Дарами.“.

„И набожный графъ, умиленный душой, 7.
Колѣна свои преклоняетъ.
Съ сердечною вѣрой, съ горячей мольбой
Предъ тѣмъ, что живитъ и спасаетъ.
Но лугомъ стремился кипучій ручей;
Свирѣпо надувшись отъ сильныхъ дождей,
Онъ путь заграждалъ пѣшеходу;
И спутнику пастырь Дары отдаетъ;

Digitized by Google

И обувь снимаетъ, и смѣло идетъ
Съ священною ношею—въ воду.

8. „Куда?“ изумившійся графъ вопросилъ.
— „Въ село; умирающій нищій
Ждетъ въ мукахъ, чтобъ пастырь его разрѣшилъ,
И алчетъ небесныя пищи.
Недавно лежалъ черезъ этотъ потокъ
Сплетенный изъ прутьевъ для пѣшихъ мостокъ—
Его разбросало водою;
Чтобъ душу святой благодатью спасти,
Я здѣсь неглубокій потокъ перейти
Спѣшу обнаженной стопою“.

9. И пастырю витязь коня уступилъ,
И подалъ ногѣ его стремя,
Чтобъ онъ облегчить покаяньемъ спѣшилъ
Страдальцу грѣховное бремя.
И къ ловчему самъ на сѣдло пересѣлъ,
И весело въ чащу на ловъ полетѣлъ;
Священникъ же требу святую
Свершивши, при первомъ мерцаніи дня
Является къ графу, смиренно коня
Ведя за узду золотую.

10. „Дерзну ли помыслить я,“ Графъ возгласилъ,
Почтительно взоры склонивши,
„Чтобъ конь мой ничтожной забавѣ служилъ,
Спасителю Богу служивши?
Когда ты, отецъ, не пріемлешь коня,
Пусть будетъ онъ даромъ благимъ отъ меня
Отнынѣ Тому, чье даянье—
Всѣ блага земныя, и сила и честь,
Кому не помедлю на жертву принесть
И силу, и честь и дыханье“.

11. —„Да будетъ же Высшій Господь надъ тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтитъ Онъ въ сей жизни и въ той,
Какъ днесь онъ почтенъ былъ тобою:
Гельвеція славой сіяетъ твоей,
И шесть расцвѣтаютъ тебѣ дочерей,
Богатыхъ дарами природы:
Да будетъ же (молвилъ пророчески онъ)
Удѣломъ ихъ шесть знаменитыхъ коронъ:
Да славятся въ роды и роды“.

12. Задумавшись, голову кесарь склонилъ:
Минувшее въ немъ оживилось;

Digitized by Google

Вдругъ быстрый онъ взоръ на пѣвца устремилъ—
И таинство словъ объяснилось;
Онъ пастыря видитъ въ пѣвцѣ предъ собой,
И слезы свои отъ толпы золотой
Порфирой закрылъ въ умиленьѣ...
Все смолкло, на кесаря очи поднявъ,
И всякъ догадался, кто набожный графъ,
И сердцемъ почтилъ Провидѣнье.

Жуковскій.

DER GRAF VON HABSBURG.

1. Zu Aachen in seiner Kaiserpracht,
Im alterthümlichen Saale,
Sass König Rudolphs heilige Macht
Beim festlichen Krönungsmahle.
Die Speisen trug der Pfalzgraf des Rheins,
Es schenkte der Böhme des perlenden Weins,
Und alle die Wähler, die sieben,
Wie der Sterne Chor um die Sonne sich stellt,
Umstanden geschäftig den Herrscher der Welt,
Die Würde des Amtes zu üben.

2. Und rings erfüllte den hohen Balcon
Das Volk im freud'gem Gedränge;
Laut mischte sich in der Posaunen Ton
Das jauchzende Rufen der Menge;
Denn geendigt nach langem verderblichen Streit
War die kaiserlose, die schreckliche Zeit,
Und ein Richter war wieder auf Erden.
Nicht blind mehr waltet der eiserne Speer,
Nicht fürchtet der Schwache, der Friedliche mehr,
Des Mächtigen Beute zu werden.

3. Und der Kaiser ergreift den goldnen Pokal
Und spricht mit zufriedenen Blicken:
„Wohl glänzet das Fest, wohl pranget das Mahl,
Mein königlich Herz zu entzücken;
Doch den Sänger vermiss' ich, den Bringer der Lust,
Der mit süssem Klang mir bewege die Brust
Und mit göttlich erhabenen Lehren.
So hab ich's gehalten von Jugend an,
Und was ich als Ritter geflegt und gethan,
Nicht will ich's als Kaiser entbehren."

4. Und sieh! in der Fürsten umgebenden Kreis
Trat der Sänger im langen Talare;
Ihm glänzte die Locke silberweiss,
Gebleicht von der Fülle der Jahre.
„Süsser Wohllaut schläft in der Saiten Gold,
Der Sänger singt von der Minne Sold,
Er preiset das Höchste, das Beste,
Was das Herz sich wünscht, was der Sinn begehrt;
Doch sage, was ist des Kaisers werth
An seinem herrlichsten Feste?"

5. „Nicht gebieten werd' ich dem Sänger," spricht
Der Herrscher mit lächelndem Munde,
„Er steht in des grösseren Herren Pflicht,
Er gehorcht der gebietenden Stunde.
Wie in den Lüften der Sturmwind saust,
Man weiss nicht, von wannen er kommt und braust,
Wie der Quell aus verborgenen Tiefen,
So des Sängers Lied aus dem Innern schallt
Und wecket der dunkeln Gefühle Gewalt,
Die im Herzen wunderbar schliefen".

Digitized by Google

6. Und der Sänger rasch in die Saiten fällt
Und beginnt sie mächtig zu schlagen:
„Auf's Waidwerk hinaus ritt ein edler Held,
Den flüchtigen Gemsbock zu jagen.
Ihm folgte der Knapp mit dem Jägergeschoss,
Und als er auf seinem stattlichen Ross
In eine Au kommt geritten,
Ein Glöcklein hört er erklingen fern;
Ein Priester war's mit dem Leib des Herrn,
Voran kam der Messner geschritten.

7. „Und der Graf zur Erde sich neiget hin,
Das Haupt mit Demuth entblösset,
Zu verehren mit gläubigem Christensinn,
Was alle Menschen erlöset.
Ein Bächlein aber rauschte durch's Feld,
Von des Giessbachs reissenden Fluthen geschwellt,
Das hemmte der Wanderer Tritte;
Und beiseit' legt jener das Sacrament,
Von den Füssen zieht er die Schuhe behend,
Damit er das Bächlein durchschritte.

8. „Was schaffst du?" redet der Graf ihn an,
Der ihn verwundert betrachtet.
Herr, ich walle zu einem sterbenden Mann,
Der nach der Himmelskost schmachtet.
Und da ich mich nahe des Baches Steg,
Da hat ihn der strömende Giessbach hinweg
Im Strudel der Wellen gerissen.
Drum dass dem Lechzenden werde sein Heil,
So will ich das Wässerlein jetztzu Eil
Durchwaten mit nackenden Füssen.

9. „Da setzt ihn der Graf auf sein ritterlich Pferd
Und reicht ihm die prächtigen Zäume,
Dass er labe den Kranken, der sein begehrt,
Und die heilige Pflicht nicht versäume.
Und er selber auf seines Knappen Thier
Vergnüget noch weiter des Jagens Begier;
Der andre die Reise vollführet.
Und am nächsten Morgen mit dankendem Blick,
Da bringt er dem Grafen sein Ross zurück,
Bescheiden am Zügel geführet.

10. „Nicht wolle das Gott, rief mit Demuthsinn
Der Graf, dass zum Streiten und Jagen
Das Ross ich beschritte fürderhin,
Das meinen Schöpfer getragen!
Und magst du's nicht haben zu eignem Gewinnst,
So bleib' es gewidmet zum göttlichen Dienst!
Denn ich hab' es *dem* ja gegeben,
Von dem ich Ehre und irdisches Gut
Zu Lehen trage und Leib und Blut.
Und Seele und Athem und Leben".

11. „So mög euch Gott, der allmächtige Hort,
Der das Flehen der Schwachen erhöret,
Zu Ehren euch bringen hier und dort,
So wie ihr jetzt ihn geehret.
Ihr seid ein mächtiger Graf, bekannt
Durch ritterlich Walten im Schweizerland;
Euch blühn sechs liebliche Töchter.
So mögen sie, rief er begeistert aus,
Sechs Kronen euch bringen in euer Haus,
Und glänzen die spätsten Geschlechter!"

12. Und mit sinnendem Haupt sass der Kaiser da
Als dächt' er vergangener Zeiten;
Jetzt, da er dem Sänger in's Auge sah,
Da ergreift ihn der Worte Bedeuten.
Die Züge des Priesters erkennt er schnell

Digitized by Google

Und verbirgt der Thränen stürzenden Quell
In des Mantels purpurnen Falten.
Und alles blickte den Kaiser an
Und erkannte den Grafen, der das gethan,
Und verehrte das göttliche Walten.

Schiller.

---

11. Роландъ оруженосецъ.

(Уланда).

Разъ Карлъ Великій пировалъ.
Чертогъ богато былъ украшенъ;
Кругомъ ходилъ златой бокалъ;
Огромный столъ трещалъ отъ брашенъ;
Гремѣлъ пѣвцовъ избранныхъ хоръ;
Шумѣлъ веселый разговоръ,
И гости вдоволь пили, ѣли,
И лица ихъ отъ винъ горѣли.

Великій Карлъ сказалъ гостямъ:
„Свершить намъ должно подвигъ трудный.
Прилично ль веселиться намъ,
Когда еще Артусовъ чудный
Не завоеванъ талисманъ?
Его укравшій великанъ
Живетъ въ Арденскомъ лѣсѣ темномъ;
Онъ на щитѣ его огромномъ".

Отважный Оливьеръ, Гваринъ,
Силачъ Гемонъ, Наимъ Баварскій,
Агландскій графъ Милонъ, Мерлинъ,
Такой услыша вызовъ царскій,
Изъ-за стола тотчасъ встаютъ,
Мечи тяжелые берутъ;
Сверкаютъ ихъ стальныя брони,
Ихъ боевые пляшутъ кони.

Тутъ сынъ Милоновъ молодой,
Роландъ, сказалъ: „Возьми, родитель,
Меня съ собой; я буду твой
Оруженосецъ и служитель.
Вашъ подвигъ не по лѣтамъ мнѣ;
Но ты позволь, чтобъ на конѣ
Я везъ, простымъ твоимъ слугою,
Копье и щитъ твой за тобою".

Въ Арденскій лѣсъ однимъ путемъ
Шесть бодрыхъ витязей пустились;
Въ средину въѣхали, потомъ
Другъ съ другомъ братски разлучились.
Младой Роландъ съ копьемъ, щитомъ,
Смиренно ѣдетъ за отцомъ;
Едва отъ радости онъ дышитъ;
Бодритъ коня; конь ржетъ и пышетъ.

И рыщутъ по лѣсу они
Три цѣлыхъ дня, три цѣлыхъ ночи;
Устали сами; ихъ кони
Совсѣмъ ужъ выбились изъ мочи:
А великана все имъ нѣтъ.
Вотъ на четвертый день, въ обѣдъ,
Подъ дубомъ сѣнисто-широкимъ
Милонъ забылся сномъ глубокимъ.

Роландъ не спитъ. Вдругъ видитъ онъ:
Въ лѣсной дали, сквозь сумракъ сѣней
Блеснуло: и со всѣхъ сторонъ
Вскочило множество оленей,
Живымъ испуганныхъ лучемъ;
И тамъ, какъ туча, со щитомъ,
Блистающимъ отъ талисмана,
Валитъ громада великана.

Digitized by Google

Роландъ глядитъ на пришлеца
И мыслитъ: что же ты за диво?
Будить мнѣ для тебя отца
Не къ мѣсту было бы учтиво;
Здѣсь за него, пока онъ спитъ,
Его копье и добрый щитъ,
И острый мечъ, и конь задорный,
И сынъ Роландъ, слуга проворный.

И вотъ онъ на бедро свое
Повѣсилъ мечъ отцовъ тяжелый;
Взялъ длинное его копье,
И за плеча рукою смѣлой
Его закинулъ крѣпкій щитъ;
И вотъ онъ на конѣ сидитъ:
И потихоньку удалился—
Дабы отецъ не пробудился.

Его увидя, сморщилъ носъ
Съ презрѣньемъ великанъ спесивый
„Откуда ты, молокососъ?
Не по тебѣ твой конь ретивый;
Смотри, тебя длиннѣй твой мечъ;
Твой щитъ съ твоихъ ребячьихъ плечъ,
Тебя переломивъ, свалится;
Твое копье лишь мнѣ годится.“

— „Дерзка твоя, какъ слышу, рѣчь;
Посмотримъ, таково ли дѣло?
Тяжелъ мой щитъ для дѣтскихъ плечъ—
За то за нимъ стою я смѣло;
Пусть неучъ я—мой конь ученъ;
Пускай я слабъ—мой мечъ силенъ;
Отвѣдай насъ: ужъ мы другъ другу
Окажемъ въ честь тебѣ услугу.“

Дубину великанъ взмахнулъ,
Чтобъ въ дребезги разбить нахала,
Но конь Роландовъ отпрыгнулъ:
Дубина мимо просвистала.
Роландъ пустилъ въ него копьемъ;
Оно осталось съ остріемъ,
Погнутымъ силой талисмана,
Въ щитѣ пронзенномъ великана.

Роландъ отцовскій мечъ большой
Схватилъ обѣими руками;
Спѣшитъ схватить противникъ свой,
Но крѣпко стиснутъ онъ ножнами;
Еще меча онъ не извлекъ,
Какъ руку лѣвую отсѣкъ
Ему нашъ витязь; кровь струею;
Прочь отлетѣлъ и щитъ съ рукою.

Завылъ отъ боли великанъ,
Кипучей кровію облитый;
Утративъ чудный талисманъ,
Онъ вдругъ остался безъ защиты;
Вслѣдъ за щитомъ онъ побѣжалъ,
Но по ногамъ въ догонку далъ
Ему Роландъ ударъ проворный;
Онъ покатился глыбой черной.

Роландъ, поднявъ отцовскій мечъ,
Однимъ ударомъ исполину
Отрушилъ голову отъ плечъ;
Свистя, кровь хлынула въ долину.
Щитъ великановъ взявъ потомъ,
Онъ талисманъ, блиставшій въ немъ
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломалъ рукою,

И въ платье скрылъ онъ взятый кладъ.
Потомъ струей ручья лѣсного
Съ лица и съ рукъ, съ коня и съ латъ
Смылъ кровь и прахъ и, сѣвши снова
На добраго коня, шажкомъ
Отправился своимъ путемъ
Въ то мѣсто, гдѣ отецъ остался.
Отецъ еще не просыпался.

Съ нимъ рядомъ легъ Роландъ и въ сонъ

Digitized by Google

Глубокій скоро погрузился,
И спалъ, покуда самъ Милонъ
Подъ сумерки не пробудился.
„Скорѣй, мой сынъ Роландъ, вставай;
Подай мой шлемъ, мой мечъ подай;
Ужъ вечеръ; всюду мгла тумана.
Опять не встрѣтимъ великана“.

Вотъ ѣздитъ онъ въ лѣсу густомъ,
И великана ищетъ снова;
Роландъ за нимъ съ копьемъ, щитомъ
Но о случившемся ни слова.
И вотъ они въ долинѣ той,
Гдѣ жаркій совершился бой;
Тамъ виденъ былъ потокъ кровавый;
Въ крови валялся трупъ безглавый.

Роландъ глядитъ; своимъ глазамъ
Не вѣритъ онъ; что за причина?
Одно лишь туловище тамъ;
Но гдѣ же голова, дубина?
Гдѣ панцырь, мечъ, рука и щитъ?
Одинъ ободранный лежитъ
Обрубокъ мертвеца нагого;
Слѣдовъ не видно остального.

Трупъ осмотрѣвъ, Милонъ сказалъ:
„Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видалъ
На свѣтѣ я такого чуда:
Чей это трупъ?,.. Вопросъ смѣшной!
Да это великанъ; другой
Успѣлъ дать хищнику управу;
Я проспалъ честь мною и славу!“

Великій Карлъ глядѣлъ въ окно
И думалъ: „Страшно мнѣ, по чести;
Гдѣ рыцари мои? Давно
Пора бъ отъ нихъ имѣть намъ вѣсти.
Но что?... Не герцогъ ли Гемонъ
Тамъ ѣдетъ? Такъ, и держитъ онъ
Свое копье передъ собою
Съ отрубленною головою“.

Гемонъ съ нахмуреннымъ лицомъ,
Приближась, голову нѣмую
Стряхнулъ съ копья передъ крыльцомъ
И Карлу такъ сказалъ: „Плохую
Добычу я завоевалъ;
Я этотъ кладъ въ лѣсу досталъ,
Гдѣ трое сутокъ я скитался:
Мнѣ врагъ безъ головы попался“.

Пріѣхалъ за Гемономъ вслѣдъ
Тюрпинъ, усталый, блѣдный, тощій.
„Со мною талисмана нѣтъ,
Но вотъ вамъ дорогія мощи“.
Добычу снялъ Тюрпинъ съ сѣдла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
Съ его огромной рукавицей.

Сердитъ и сумраченъ, Наимъ
Пріѣхалъ по слѣдамъ Тюрпина,
И великанова за нимъ
Висѣла на сѣдлѣ дубина.
„Кому достался талисманъ,
Не знаю я; но великанъ
Меня оставилъ въ часъ кончины
Наслѣдникомъ своей дубины“.

Шелъ рыцать Оливьеръ пѣшкомъ,
Задумчивый и утомленный;
Конь, великановымъ мечемъ
И панцыремъ обремененный,
Едва копыта подымалъ.
„Все это съ мертвеца я снялъ:
Мнѣ отъ побѣды мало чести.
О талисманѣ жъ нѣтъ и вѣсти“.

Digitized by Google

Вдали является Гваринъ
Съ щитомъ огромнымъ великана,
И всѣ кричатъ: „Вотъ паладинъ,
Завоеватель талисмана!“
Гваринъ, подъѣхавъ, говоритъ:
„Въ лѣсу нашелъ я этотъ щитъ;
Но обманулся я въ надеждѣ:
Былъ талисманъ украденъ прежде“.

Вотъ наконецъ и графъ Милонъ:
Печаленъ, во враждѣ съ собою,
Къ дворцу тихонько ѣдетъ онъ
Съ потупленною головою.
Роландъ смиренно за отцомъ
Съ его копьемъ, съ его щитомъ,—
И свѣтятся, какъ звѣзды ночи,
Подъ шлемомъ удалыя очи.

И вотъ они ужъ у крыльца,
На коемъ Карлъ и паладины
Ихъ ждутъ; тогда на щитъ отца
Роландъ, сорвавъ съ его средины
Златую бляху, утвердилъ
Свой талисманъ и щитъ открылъ...

И лучъ блеснулъ съ него чудесный,
Какъ съ черной тучи день небесный.

И грянуло со всѣхъ сторонъ
Шумящее рукоплесканье.
И Карлъ сказалъ: „Ты, графъ Милонъ,
Исполнилъ наше упованье;
Ты возвратилъ намъ талисманъ;
Тобой наказанъ великанъ;
За славный подвигъ въ награжденье,
Прими отъ насъ благоволенье“.

Милонъ, слова услыша тѣ,
Глаза на сына обращаетъ...
И что же? Передъ нимъ въ щитѣ,
Какъ солнце, талисманъ сіяетъ.
„Гдѣ это взялъ ты, молодецъ?“
Роландъ въ отвѣтъ: „Прости, отецъ;
Тебя будить я побоялся
И съ великаномъ самъ подрался“.

ЖУКОВСКІЙ.

---

12. Поликратовъ перстень. Der Ring des Polykrates.

(Шиллера).

1. На кровлѣ онъ стоялъ высоко,
И на Самосъ богатый око
Съ весельемъ гордымъ преклонялъ:
„Сколь щедро взысканъ я богами!
„Сколь счастливъ я между царями!“
Царю Египта онъ сказалъ.

1. Er stand auf seines Daches Zinnen,
Er schaute mit vergnügten Sinnen
Auf das beherrschte Samos hin.
„Dies Alles ist mir unterthänig“,
Begann er zu Aegyptens König,
„Gestehe, dass ich glücklich bin“.

2. —„Тебѣ благопріятны боги;
Они къ твоимъ врагамъ лишь строги,
И всѣхъ ихъ предали тебѣ;
Но живъ одинъ, опасный мститель;
Пока онъ дышитъ... побѣдитель,
Не довѣряй своей судьбѣ“.

2. —„Du hast der Götter Gunst erfahren!
Die vormals deines Gleichen waren,
Sie zwingt jetzt deines Scepters Macht.
Doch Einer lebt noch, sie zu rächen;
Dich kann mein Mund nicht glücklich sprechen,
So lang' des Feindes Auge wacht“.

3. Еще не кончилъ онъ отвѣта,
Какъ изъ союзнаго Милета
Явился присланный гонецъ:
„Побѣдой ты украшенъ новой!
Да обовьетъ опять лавровый
Главу властителя вѣнецъ!

3. Und eh' der König noch geendet,
Da stellt sich, von Milet gesendet,
Ein Bote dem Tyrannen dar:
„Lass, Herr, des Opfers Düfte steigen,
Und mit des Lorbeers muntern Zweigen
Bekränze dir dein festlich Haar!

4. Твой врагъ постигнутъ строгой местью;
Меня послалъ къ вамъ съ этой вѣстью
Нашъ полководецъ Полидоръ".
Рука гонца сосудъ держала:
Въ сосудѣ голова лежала;
Врага узналъ въ ней царскій взоръ.

4. „Getroffen sank dein Feind vom Speere,
Mich sendet mit der frohen Mähre
Dein treuer Feldherr Polydor—"
Und nimmt aus einem schwarzen Becken,
Noch blutig, zu der Beiden Schrecken,
Ein wohlbekanntes Haupt hervor.

5. И гость воскликнулъ съ содроганьемъ:
„Страшись! Судьба очарованьемъ
Тебя къ погибели влечетъ.
Невѣрныя морскія волны
Обломковъ корабельныхъ полны:
Еще не въ пристани твой флотъ."

5. Der König tritt zurück mit Grauen.
„Doch warn'ich dich, dem Glück zu trauen",
Versetzt er mit besorgtem Blick.
„Bedenk', auf ungetreuen Wellen—
Wie leicht kann sie der Sturm zerschellen—
Schwimmt deiner Flotte zweifelnd Glück".

6. Еще слова его звучали,—
А клики брегъ ужъ оглашали;
Народъ на пристани кипѣлъ;
И въ пристань царь морей крылатый,
Дарами дальнихъ странъ богатый,
Флотъ торжествующій влетѣлъ.

6. Und eh' er noch das Wort gesprochen,
Hat ihn der Jubel unterbrochen,
Der von der Rhede jauchzend schallt.
Mit fremden Schätzen reich beladen,
Kehrt zu den heimischen Gestaden
Der Schiffe mastenreicher Wald.

7. И гость, увидя то, блѣднѣетъ:
„Тебѣ Фортуна благодѣетъ...
Но ты не вѣрь,—здѣсь хитрый ковъ.
Здѣсь тайная погибель скрыта:
Разбойники морскіе Крита
Отъ здѣшнихъ близко береговъ".

7. Der königliche Gast erstaunet.
„Dein Glück ist heute gut gelaunet,
Doch fürchte seinen Unbestand.
Der Kreter waffenkund'ge Schaaren,
Bedräuen dich mit Kriegsgefahren;
Schon nahe sind sie diesem Strand".

8. И только выронилъ онъ слово,
Гонецъ вбѣгаетъ съ вѣстью новой:
„Побѣда, царь! Судьбѣ хвала!
Мы торжествуемъ надъ врагами:
Флотъ критскій истребленъ богами;
Его ихъ буря пожрала."

8. Und eh' ihm noch das Wort entfallen,
Da sieht man's von den Schiffen wallen,
Und tausend Stimmen rufen: „Sieg!
Von Feindesnoth sind wir befreiet,
Die Kreter hat der Sturm zerstreuet;
Vorbei, geendet ist der Krieg"!

9. Испуганъ гость нежданной вѣстью...
„Ты счастливъ; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мнѣ:
Здѣсь вѣчны блага не бывали,
И никогда намъ безъ печали
Не доставалися онѣ.

9. Das hört der Gastfreund mit Entsetzen.
„Fürwahr, ich muss dich glücklich schätzen!
Doch", spricht er, „zittr' ich für dein Heil.
Mir grauet vor der Götter Neide;
Des Lebens ungemischte Freude
Ward keinem Irdischen zu Theil.

10. И мнѣ все въ жизни улыбалось;
Неизмѣняемо, казалось,
Я силой вышней былъ хранимъ;
Всѣ блага прочилъ я для сына...

10. „Auch mir ist Alles wohl gerathen,
Bei allen meinen Herrscherthaten
Begleitet mich des Himmels Huld;
Doch hatt' ich einen theuren Erben,

Digitized by Google

Его, его взяла судьбина;
Я долгъ мой сыномъ заплатилъ.

11. Чтобъ вѣрной избѣжать напасти,
Моли невидимыя власти
Подлить печали въ твой фіалъ [1]).
Судьба и въ милостяхъ мздоимецъ:
Какой, какой ея любимецъ
Свой вѣкъ не бѣдственно кончалъ?

12. Когда жъ въ несчастьи Рокъ откажетъ,
Исполни то, что̀ другъ твой скажетъ:
Ты призови несчастье самъ.
Твои сокровища несмѣтны;
Изъ нихъ скорѣй, какъ даръ завѣтный,
Отдай любимое богамъ."

13. Онъ гостю внемлетъ съ содроганьемъ.
„Моимъ избраннымъ обладаньемъ
Донынѣ этотъ перстень былъ;
Но я готовъ къ властямъ незримымъ
Добромъ пожертвовать любимымъ!..."
И перстень въ море онъ пустилъ.

14. На утро, только лучъ денницы
Озолотилъ верхи столицы,
Къ царю является рыбарь:
„Я рыбу, пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебѣ принесъ въ подарокъ, царь!"

15. Царь изъявилъ благоволенье...
Вдругъ царскій поваръ въ изступленьи
Съ нежданной вѣстію бѣжитъ:
„Найденъ твой перстень драгоцѣнный;
Огромной рыбой поглощенный,
Онъ въ ней ножемъ моимъ открытъ".

16. Тутъ гость, какъ пораженный громомъ,
Сказалъ: „Бѣда надъ этимъ домомъ!

Den nahm mir Gott, ich sah ihn sterben,
Dem Glück bezahlt' ich meine Schuld.

11. „Drum, willst du dich vor Leid bewahren,
So flehe zu den Unsichtbaren,
Dass sie zum Glück den Schmerz verleihn.
Noch Keinen sah ich fröhlich enden,
Auf den mit immer vollen Händen
Die Götter ihre Gaben streun.

12. „Und wenn's die Götter nicht gewähren,
So acht' auf eines Freundes Lehren
Und rufe selbst das Unglück her;
Und was von allen deinen Schätzen
Dein Herz am höchsten mag ergötzen,
Das nimm und wirf's in dieses Meer!"

13. Und Jener spricht, von Furcht beweget:
„Von Allem, was die Insel heget,
Ist dieser Ring mein höchstes Gut.
Ihn will ich den Erinen weihen,
Ob sie mein Glück mir dann verzeihen,"
Und wirft das Kleinod in die Fluth.

14. Und bei des nächsten Morgens Lichte,
Da tritt mit fröhlichem Gesichte
Ein Fischer vor den Fürsten hin:
„Herr, diesen Fisch hab' ich gefangen,
Wie keiner noch in's Netz gegangen,
Dir zum Geschenke bring' ich ihn".

15. Und als der Koch den Fisch zertheilet,
Kommt er bestürzt herbeigeeilet
Und ruft mit hocherstauntem Blick:
„Sieh', Herr, den Ring, den du getragen;
Ihn fand ich in des Fisches Magen;
O, ohne Grenzen ist dein Glück!"

16. Hier wendet sich der Gast mit Grausen:
„So kann ich hier nicht länger hausen,

---

[1]) *Фіалъ*—см. стр. 96, вын. 4.

Digitized by Google

Нельзя мнѣ другомъ быть твоимъ;
На смерть ты обреченъ судьбою;
Бѣгу, чтобъ здѣсь не пасть съ тобою"...
Сказалъ—и разлучился съ нимъ.

Жуковскій.

Mein Freund kannst du nicht weiter sein.
Die Götter wollen dein Verderben;
„Fort eil' ich, nicht mit dir zu sterben,"
Und sprach's und schiffte schnell sich ein.

Schiller.

18. Прощаніе Гектора съ Андромахой.

(изъ „Иліады" Гомера, п. VI, 390—500).

..... Гекторъ стремительно изъ дому вышелъ
Прежней дорогой назадъ, по красиво устроеннымъ стогнамъ.
Онъ приближался уже, протекая обширную Трою,
Къ Скейскимъ воротамъ (чрезъ нихъ былъ выходъ изъ города въ поле);
Тамъ Андромаха супруга, бѣгущая въ встрѣчу, предстала,
Отрасль богатаго дома, прекрасная дочь Гетіона:
Сей Гетіонъ обиталъ при подошвахъ лѣсистаго Плака,
Въ Ѳивахъ Плакійскихъ, мужей киликіянъ властитель державный;
Онаго дочь сочеталася съ Гекторомъ мѣднодоспѣшнымъ.
Тамъ предстала супруга; за нею одна изъ прислужницъ
Сына у персей держала, безсловнаго вовсе младенца,
Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной.
Гекторъ его называлъ Скамандріемъ; граждане Трои
Астіанаксомъ [1]): единый бо Гекторъ защитой былъ Трои.
Тихо отецъ улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
Подлѣ него Андромаха стояла, лiющая слезы;
Руку пожала ему и такія слова говорила:
„Мужъ удивительный, губитъ тебя твоя храбрость! ни сына
„Ты не жалѣешь младенца, ни бѣдной матери; скоро
„Вуду вдовой я несчастная! скоро тебя Аргивяне,
„Вмѣстѣ напавъ, умертвятъ! а тобою покинутой, Гекторъ,
„Лучше мнѣ въ землю сойти: никакой мнѣ не будетъ отрады,
„Если постигнутый рокомъ меня ты оставишь: удѣлъ мой
„Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
„Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногій
„Въ день, какъ и градъ разорилъ киликійскихъ народовъ цвѣтущій,
„Ѳивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ Гетіона,
„Но не смѣлъ обнажить: устрашался нечестія сердцемъ;
„Старца онъ предалъ сожженію вмѣстѣ съ оружіемъ пышнымъ,
„Создалъ надъ прахомъ могилу, и окрестъ могилы той ульмы
„Нимфы холмовъ насадили, Зевеса великаго дщери.
„Братья мои однокровные—семь оставалось ихъ въ домѣ—
„Всѣ, и въ единый день, преселились въ обитель Аида; [2])
„Всѣхъ злополучныхъ избилъ Ахиллесъ, быстроногій ристатель,

---

[1]) *Астіанаксъ*—„защитникъ города."—[2]) *Аидъ* (*Аидесъ*)—подземное царство, мѣстопребываніе умершихъ.

Digitized by Google

„Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
„Матерь мою, при долинахъ дубравнаго Илака царицу,
„Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ съ другими добычами брани,
„Но даровалъ ей свободу, принявъ неисчислимый выкупъ;
„Феба жъ и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ!
„Гекторъ! ты все мнѣ теперь: и отецъ, и любезная матерь,
„Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный!
„Сжалься же [illegible] надо мною, и [illegible] на башнѣ,
„Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою.
„Воинство наше поставь у смоковницы: тамъ наипаче
„Городъ приступенъ врагамъ, и восходъ на твердыню удобенъ;
„Трижды туда приступая, на градъ покушались герои:
„Оба Аякса могучіе, Идоменей знаменитый,
„Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновеннѣйшій воинъ:
„Вѣрно, о томъ имъ сказалъ прорицатель какой-либо мудрый,
„Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце“.
Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
„Все и меня то, супруга, не меньше тревожитъ; но страшный
„Стыдъ мнѣ предъ каждымъ троянцемъ и длиннодежной троянкой,
„Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
„Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
„Храбро всегда, межъ троянами первыми, биться на битвахъ,
„Доброй славы отцу и себѣ самому добывая.
„Твердо я вѣдаю самъ, убѣждаясь и мыслью, и сердцемъ:
„Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя;
„Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
„Но не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
„Трои, Пріама родителя, матери дряхлой Гекубы,
„Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
„Кои полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,—
„Сколько твое! какъ тебя аргивянинъ, мѣдью покрытый,
„Слези ліющую, въ плѣнъ повлечетъ и похититъ свободу!
„И, невольница, въ Аргосѣ будешь ты ткать чужеземкѣ,
„Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гипперея,
„Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ, но заставитъ жестокая нужда!
„Льющую слезы—тебя кто-нибудь тамъ увидитъ и скажетъ:
„Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ
„Всѣхъ конеборцевъ троянъ, какъ сражался вкругъ Иліона!
„Скажетъ—и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
„Вспомнишь ты мужа, который тебя защитилъ бы отъ рабства!
„Но да погибну и буду засыпанъ я перстью земною,
„Прежде чѣмъ плѣнъ твой увижу и жалобный вопль твой услышу!“
Рекъ и сына обнять устремился блистательный Гекторъ;
Но младенецъ назадъ, пышноризой кормилицы къ лону
Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
Яркой мѣдью испуганъ, и гребень увидѣвъ косматый,
Грозно надъ шлемомъ отца всколебавшійся конскою гривой.

Digitized by Google

Сладко любезный родитель и нѣжная мать улыбнулись.
Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
Наземь кладетъ его пышноблестящій, и на руки взявши
Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его и, поднявши,
Такъ говоритъ, умоляя и Зевса и прочихъ безсмертныхъ:
„Зевсъ и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
„Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
„Такъ же и силою крѣпокъ, и въ Троѣ да царствуетъ мощно.
„Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
„Онъ и отца превосходитъ! И пусть онъ съ кровавой корыстью
„Входитъ, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!“
Рекъ—и супругѣ любезной на руки онъ полагаетъ
Милаго сына; его къ благовонному лону прижала
Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
Обнявъ ее и, рукою ласкающій, такъ говорилъ ей:
„Добрая! сердце себѣ не круши неумѣренной скорбью:
„Противъ судьбы меня человѣкъ не пошлетъ къ Аидесу [1]);
„Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ сверстородный
„Мужъ, ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится.
„Шествуй, любезная, въ домъ; озаботься своими дѣлами:
„Тканьемъ, прялкой займися, приказывай женамъ домашнимъ
„Дѣло свое исправлять; а война мужей озаботитъ
„Всѣхъ, наиболѣ жъ меня, въ Иліонѣ священномъ рожденныхъ“.
Рѣчи окончивши, поднялъ съ земли броненблещущій Гекторъ
Гривистый шлемъ, и пошла Андромаха безмолвная къ дому,
Часто назадъ озираясь, слезы ручьемъ проливая.
Скоро достигла она устроеніемъ славнаго дома
Гектора мужегубителя; въ домѣ служительницъ многихъ,
Собранныхъ вмѣстѣ, нашла, и къ плачу ихъ всѣхъ возбудила:
Всѣ о живомъ еще Гекторѣ плакали въ Гектора домѣ.

Гнѣдичъ.

---

16. Изъ поэмы: Руслань и Людмила.

I.

Трепещетъ витязь поневолѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости: по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ сбруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый,
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ остовъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный; копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ,..
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

---

[1]) *Аидесъ*—см. стр. 179.

Digitized by Google

Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами.
„О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,
И струны громкія Бояновъ [1])
Не будутъ говорить о немъ!“

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ,
И даже панцырь, а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.

2.

Обходитъ поле онъ вокругъ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гулъ и степь нѣмая;
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ.
Онъ поднялъ щитъ, не выбирая;
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы:
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ побѣдилъ зарю румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся синіе туманы,
И всходитъ мѣсяцъ золотой:
Померкла степь. Тропою темной
Задумчивъ ѣдетъ нашъ Руславъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромный,
И что-то страшное хранитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Руславъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ,
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озаренъ,
Яснѣетъ: смотритъ храбрый князь—
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяты;
Храпитъ, качая шлемъ пернатый,
И перья въ темной высотѣ,
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной стѣною возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянный,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ неудомѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ
И, ставъ предъ носомъ молчаливо,

[1]) Пѣвцовъ. *Боянъ*—знаменитый древній русскій пѣвецъ.

Digitized by Google

Щекотитъ ноздри копіемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула....
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ.
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рощи молчаливы;
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
„Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ, я не шучу,
Какъ разъ нахала проглочу!“
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Бравдами удержалъ коня
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
„Чего ты хочешь отъ меня?“
Нахмурясь, голова вскричала:
„Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужъ ночь!
Прощай!“ Но витязь знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
„Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду-ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!“

Тогда отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова, какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали,
Напѣнясь губы задрожали,
Изъ устъ, ушей поднялся паръ,
И вдругъ она, что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ—
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: „Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
Не трусь, наѣзникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня“.
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодный
Вонзился въ дерзостный языкъ,
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла,
Въ спокойномъ духѣ горячась...
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжкой рукавицей
Съ размаха голову разитъ.
И степь ударомъ огласилась:
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ

Digitized by Google

Ей носъ и уши обрубить;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ—
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Гланы молящей жалкій стонъ...
И тихо мечъ онъ опускаетъ;
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное надетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной:
Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженный.

Пушкинъ.

---

15. Галубъ.

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака [1]),
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ нежданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убитъ
Вблизи развалинъ Татартуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальный:
Звучитъ уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волы
Стоятъ предъ саклею печальной;
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбный вой
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И, внемля шумъ небоевой,
Мятутся спутанные кони.
Всѣ ждутъ. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу,
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинскій:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ грузинскій
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила [2])
Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смиряя молча пылъ коней.
Ужъ потухалъ закатъ огнистый,
Златя нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихіе волы.
Въ долинѣ той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой—
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...

Ужъ трупъ землею взятъ. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ сѣдой, съ нимъ отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ, важный и спокойный:
„Тому прошло тринадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,

---

[1]) *Кунакъ*—по-татарски: пріятель, знакомый.—[2]) *Азраилъ* — ангелъ смерти у мусульманъ, который умретъ послѣднимъ послѣ трубнаго призыва всѣхъ на судъ Всевышняго.

Digitized by Google

Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ, покоренъ будь судьбѣ!
Другого я привелъ тебѣ—
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь;
Труды мои ты самъ оцѣнишь—
Хвалиться ими не хочу."

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ,
Главу потупя, молчаливо
Ему недвижимъ предстоитъ.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуясь,
Объемлетъ ласково его,
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать,
И послѣ съ честью провожать
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнитъ,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидъ.

—

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранитъ.
Среди родимаго аула [1])
Онъ все чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ [2]) пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольняго куда
Младые сны его уводятъ?...
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вѣтеръ въ небѣ... Но отецъ...
Уже Тазитомъ не доволенъ.
„Гдѣ жъ", мыслитъ онъ, „въ немъ плодъ наукъ—
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?"

—

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ нѣтъ его...
На третій онъ домой приходитъ.

Отецъ.

Гдѣ былъ ты, сынъ?

Сынъ.

Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ,
И путь открытъ на Дарiалъ [3]).

Отецъ.

Что дѣлалъ тамъ?

Сынъ.

Я слушалъ Терекъ.

Отецъ.

А не видалъ ли ты грузинъ
Иль русскихъ?

Сынъ.

Видѣлъ я: съ товаромъ

[1]) *Аулъ*—селеніе.—[2]) *Сакля*—хижина.—[3]) Дарiальское ущелье.

Digitized by Google

Тифлисскій ѣхалъ армянинъ.
Отецъ.
Онъ былъ со стражей?
Сынъ.
Нѣтъ, одинъ.
Отецъ.
Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?
Потупилъ очи сынъ черкеса,
Не отвѣчая ничего.

—

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.
Отецъ.
Гдѣ былъ?
Сынъ.
За Бѣлою горой.
Отецъ.
Кого ты встрѣтилъ?
Сынъ.
На курганѣ
Отъ насъ бѣжавшаго раба.
Отецъ.
О, милосердая судьба!
Гдѣ жъ онъ? ужели на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?
Тазитъ опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
Но скрылъ свое негодованье.
„Нѣтъ“, мыслитъ онъ, „не замѣнитъ
Онъ никогда другого брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злата;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разъѣзды;
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ ногайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать“.

—

Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ;
На третій, блѣденъ, какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя вопрошаетъ:
„Гдѣ былъ ты?“
Сынъ.
Около станицъ
Кубани, близъ гѣсныхъ границъ.
. . . . . .
Отецъ.
Кого ты видѣлъ?
Сынъ.
Супостата.
Отецъ.
Кого, кого?
Сынъ.
Убійцу брата.
Отецъ.
Убійцу сына моего?...
Тазитъ! гдѣ голова его?
Дай нагляжусь!
Сынъ.
Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ...
Отецъ.
Ты долга крови не забылъ?...
Врага ты навзничь опрокинулъ?...
Не правда ли? ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стенаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?
Гдѣ-жъ голова? подай!... Нѣтъ силъ!..
Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталъ Галубъ чернѣе ночи,
И сыну грозно возопилъ:

„Поди ты прочь—ты мнѣ не сынъ!
Ты не чеченецъ, ты старуха,
Ты трусъ, ты рабъ, ты армянинъ:
Будь проклятъ мной! — Поди, чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,

Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ
И къ бездне гналъ тебя нещадно;
Чтобъ ты какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
Чтобъ дѣти русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали
И какъ волченка затерзали—
Чтобъ ты... Бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!"
Сказалъ—и на земь легъ, и очи
Закрылъ, и такъ лежалъ до ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ теменъ синій небосклонъ...

Пушкинъ.

Сидъ [1]).

I.

Пятерыхъ царей невѣрныхъ [2])
Донъ-Родриго побѣдилъ;
И его назвали Сидомъ
Побѣжденные цари.

Ихъ послы къ нему явились
И въ смиреніи подданства
Такъ привѣтствовали Сида:
„Пять царей, твоихъ вассаловъ,
Насъ съ покорностью и данью,
Добрый Сидъ, къ тебѣ прислали".
—„Ошибаетесь, друзья!"
Донъ-Родриго отвѣчалъ имъ:
„Не ко мнѣ посольство ваше;
Неприлично господиномъ
Называть меня въ томъ мѣстѣ,
Гдѣ господствуетъ Великій
Фердинандъ, мой повелитель:
Все его здѣсь, не мое".

И король, такимъ смиреньемъ
Сида храбраго довольный,
Говоритъ посламъ: „Скажите
Вы царямъ своимъ, что если
Господинъ ихъ Донъ-Родриго
Не король, то здѣсь по праву
Съ королемъ сидитъ онъ рядомъ,
И что все, чѣмъ я владѣю,
Завоевано мнѣ Сидомъ".

Съ той поры не называли
Знаменитаго Родрига
Мавры иначе, какъ Сидомъ.

II.

Мраченъ, грустенъ Донъ-Діэго [3])..
Что̀ сравнить съ его печалью?
День и ночь онъ помышляетъ
О безчестіи своемъ [4]).
Посрамленъ на вѣки древній,
Знаменитый домъ Ленесовъ;
Не равнялись ни Иниги [5]),
Ни Аварки [6]) славой съ нимъ.
И болѣзнью и лѣтами
Изнуренный старецъ видитъ
Близкій гробъ передъ собою.
Донъ-Гормасъ же, злой обидчикъ,
Торжествующій, гуляетъ,
Не страшась суда и казни,
По народной площади.

Напослѣдокъ, свергнувъ бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своихъ созвалъ онъ
И, ни слова не сказавши,
Повелѣлъ связать имъ крѣпко
Благородныя ихъ руки.
И, трепещущіе, робко
Вопрошаютъ сыновья:
„Что ты дѣлаешь, родитель?

---

[1]) Донъ-Родриго Діацъ (сынъ Діэга) прозванъ былъ *Сидомъ* (господиномъ). Онъ былъ главнымъ военачальникомъ арміи у короля кастильскаго. Подвиги его сохранились въ народныхъ испанскихъ пѣсняхъ.—[2])Мавританскихъ царей.—[3])Отецъ Сида.—[4]) Онъ былъ обезчещенъ Донъ-Гормасомъ, „оскорбившимъ дерзкою рукою святость старцева лица".—[5]) и [6]) древнія и знаменитыя испанскія фамиліи.

Digitized by Google

Умертвить ли насъ замыслилъ?"
— Нѣтъ души его надежды!
Но когда онъ обратился
Къ сыну младшему Родригу,
Въ немъ опять она воскресла:
Засверкавъ очами тигра,
Возопилъ младой Родриго:
„Развяжи, отецъ, мнѣ руки!
Развяжи!... Когда бъ ты не былъ
Мой отецъ, я не словами
Далъ себѣ тогда бъ управу:
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнулъ;
Мнѣ мечемъ или кинжаломъ
Были пальцы бы мои!"
—„Сынъ души моей, Родриго!
Скорбь твоя—мнѣ исцѣленье,
Грозный гнѣвъ твой—мнѣ отрада;
Будь защитникъ нашей чести:
Ей погибнуть, если нынѣ
Ты не выкупишь ее.

И Родригу разсказалъ онъ
Про свою тогда обиду,
И его благословилъ.

III.

Удаляется Родриго,
Полонъ гнѣва, полонъ думы
О врагѣ своемъ могучемъ,
О младыхъ своихъ лѣтахъ.
Знаетъ онъ, что въ Астуріи
Донъ-Гормасъ богатъ друзьями,
Что въ совѣтѣ королевскомъ
И въ сраженьи—первый онъ.
Но того онъ не страшится:
Сынъ гидьльга [1]) благородный,
Онъ, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И въ душѣ своей онъ молитъ
Отъ небесъ—одной управы,
Отъ земли—простора битвѣ,
А отъ чести—подкрѣпленья
Молодой своей рукѣ.

Со стѣны онъ мечъ снимаетъ,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауромъ печальнымъ
По давнишнемъ господинѣ.
„Знаю, добрый мечъ", сказалъ онъ,
„Что тебѣ еще постыдно
Быть въ рукѣ невнаменитой;
Но когда я поклянуся
Не нанесть тебѣ обиды,
Ни на шагъ въ минуту боя
Не попятиться... пойдемъ!"

IV.

Тамъ, на площади дворцовой
Сидъ увидѣлъ Донъ-Гормаса
Одного, безъ провожатыхъ,
И вступилъ съ нимъ въ разговоръ:
„Донъ-Гормасъ, отвѣтствуй! зналъ ли
Ты о сынѣ Донъ-Діэга,
Оскорбивъ рукою дерзкой
Святость старцева лица?
Зналъ ли ты, что Донъ-Діэго
Есть потомокъ Лайна Кальва:
Что нѣтъ крови благороднѣй,
Нѣтъ щита его честнѣй?
Зналъ ли, что пока дышу я,
Не дерзнетъ никто изъ смертныхъ
—Развѣ Богъ одинъ Всевышній—
Сдѣлать то безъ наказанья,
Что дерзнулъ съ нимъ сдѣлать ты!"
—„Самъ едва ли ты, младенецъ,
(Отвѣчалъ Гормасъ надменно)
Знаешь жизни половину".
—„Знаю твердо! Половина
Жизни—почесть благороднымъ
Воздавать, какъ то прилично;
А другая половина—
Быть грозою горделивыхъ
И послѣдней каплей крови
Омывать обиду чести."
— „Что жъ? чего, младенецъ, хочешь?"
— „Головы твоей хочу я!"

[1]) *Гидальго*—по-исп. дворянинъ.

Digitized by Google

— „Хочешь розогъ, дерзкій мальчикъ?
Погоди, тебя накажутъ,
Какъ проказливаго пажа“.
Боже праведный, какъ вспыхнулъ
При такомъ отвѣтѣ Сидъ!

V.

Слезы льются, тихо льются
По лацитамъ Донъ-Діэга:
За столомъ своимъ семейнымъ
Онъ сидитъ, все позабывъ;
О стыдѣ своемъ онъ мыслитъ,
О младыхъ лѣтахъ Родрига,
Объ ужасномъ поединкѣ,
О могуществѣ врага.
Оживительная радость
Убѣгаетъ посрамленныхъ;
Вслѣдъ за нею убѣгаютъ
И довѣренность съ надеждой:
Но цвѣтущія, младыя
Сестры чести, вмѣстѣ съ нею
Возвращаются онѣ.
И въ унылость погруженный
Донъ-Діэго не примѣтилъ
Подходящаго Родрига.

Онъ съ мечемъ своимъ подъ мышкой,
Приложивъ ко груди руки,
Долго, долго, весь пронзенный
Состраданіемъ глубоко,
На отца глядѣлъ въ молчаньи;
Вдругъ подходитъ и, схвативши
Руку старца: „ѣшь, родитель!“
Говоритъ, придвинувъ пищу,—
Но сильнѣе плачетъ старецъ:
—„Ты ли, сынъ мой Донъ-Родриго,
Мнѣ даешь такой совѣтъ?“
— „Я, родитель! смѣло можешь
Ты поднять свое святое,
Благородное лицо.“
— „Спасена ли наша слава?“
— „Мой родитель, онъ убитъ!“
— „Сядь же, сынъ мой Донъ-Родриго,
Сядь за столъ со мною рядомъ!
Кто съ соперникомъ подобнымъ
Сладить могъ, тотъ быть достоинъ
Дома нашего главой“.

Со слезами Донъ-Родриго,
Преклонивъ свои колѣна,
Лобызаетъ руки старца;
Со слезами Донъ-Діэго,
Умиленный, лобызаетъ
Сына въ очи и уста.

Жуковскій.

---

19. Братья разбойники.

„Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ; нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость:
Уже мы знали нужды гласъ,
Сносили горькое презрѣнье,
И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ да темну ночь:
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда, погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.

Digitized by Google

За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ ли поздно дорогой
Богатый жидъ иль панъ убогій—
Все наше, все себѣ беремъ.
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
Туда! къ воротамъ, и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ.
Вошли — все даромъ: пьемъ, ѣдимъ....

И что жъ? попалися молодцы.
Недолго братья цировали:
Поймали насъ—и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами
И вынесть больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами
Я уцѣлѣлъ—онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно:
„Мнѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ
хочу...
Воды, воды!...“ но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ;
Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ съ него катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга;
Ужъ онъ меня не узнавалъ,
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ: „Гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ мой братъ меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашенъ
Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшенъ,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!...“
То снова загорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья:
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека.
Всѣхъ наше образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами,
Ему на мигомъ приходилъ;
Больной, зажавъ лицо руками,
За старца такъ меня молилъ:
„Братъ, сжалься надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ...
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
Пусти его—онъ не опасенъ;
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его... авось мольбами
Смягчить за насъ онъ Божій
гнѣвъ!...“
Я слушалъ, ужасъ одолѣлъ;
Хотѣлъ унять больного слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ;
То слышалъ ихъ ужасный шопотъ,
То вдругъ погони близкій топотъ,
И дико взглядъ его сверкалъ,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепеталъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей...
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упадалъ ко мнѣ на грудь.

Digitized by Google

Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились;
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ залетной птицы.

По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье:
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣпями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ
И, разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ: „Лови! лови! уйдутъ!“
Два стража издали плывутъ,
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одежды,
Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою;
Но смѣло, полные надежды,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину;
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но къ голосу ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ—мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,—
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ...
И трудъ, и вопль осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили:
Опять недугъ его сломилъ,
И злыя грезы посѣтили.
Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой;
Въ четвертый—грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку;
Потухшій взоръ изобразилъ
Одолѣвающую муку;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ
И на груди моей уснулъ!

Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется ли мертвецъ.
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ; грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ
И тѣло въ землю схоронилъ...
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пиры, веселые ночлеги
И наши буйные набѣги—
Могила брата все взяла.
Влачусь угрюмый, одинокій;
Окаменѣлъ мой духъ жестокій,
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда сѣдину морщины:
Мнѣ страшно рѣзать старика;
На беззащитныя сѣдины

Google

Не поднимается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой,
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ."

Умолкъ, и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горячею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
„Ты плачешь! полно, брось печали!
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы: станемъ пировать.
Ну, потчевай сосѣдъ сосѣда!"
И кружка вновь пошла кругомъ;
На мигъ утихшая бесѣду
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго свои есть повѣсть,
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистень.
Шумъ, крикъ... Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день!

Пушкинъ.

---

20. Изъ поэмы: Кавказскій плѣнникъ.

I [1]).

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Воспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей [2]),
Удары шашекъ ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепелъ разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ:
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ.
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ
Младого плѣнника влачилъ.
„Вотъ русскій!" хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужъ полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невнятный стонъ въ устахъ раздался;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ
Несчастный тихо приподнялся;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И видитъ: неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкесской вольности ограда.
Воспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ: загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги...
Все, все сказалъ ужасный звукъ!

---

[1]) I—IV изъ первой части.—[2]) *Уздень*—начальникъ, князь.

Digitized by Google

Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.
За саклями [1]) лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора.
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынныя равнины
Лежатъ зеленой пеленой;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины:
Межъ нихъ уединенный путь
Вдали теряется угрюмый....
И плѣнника младого грудь
Тяжелой взволновалась думой.

II.

Ужъ меркнетъ солнце за горами;
Вдали раздался шумный гулъ;
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли;въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройный
Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной;
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины...
Но кто въ сіяніи луны
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая?
Очнулся русскій. Передъ нимъ,
Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ
И мыслитъ: это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая...
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной,
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ прохладный
Подноситъ тихою рукой...

III.

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ;
Тоску неволи, жаръ мятежный
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачася межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ,
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ.
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ надъ аломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
У ногъ его дымились тучи,
Въ стени вздымался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень [2]) испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ поднимались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые.
А плѣнникъ, съ горной вышины,
Одинъ, за тучей громовою,
Возврата солнечнаго ждалъ,

[1]) *Сакля*—хижина.—[2]) *Елень*—по ц.-славянски „олень".

Digitized by Google

Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
Съ какой-то радостью внималъ.

IV.

Но европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межъ горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье;
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани.

Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда черкесъ проворный,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукѣ склонясь, на стремена
Ногою стройной опираясь.
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.

Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкесъ оружіемъ обвѣшенъ;
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ:
На немъ броня, пищаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ: пѣшій, конный,—
Все тотъ же онъ, все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.
Гроза безпечныхъ казаковъ,
Его богатство—конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.

Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится:
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшитъ ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ аркана летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги;
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ;
Онъ въ глубь кипящую несется;
И путникъ, брошенный ко дну,
Глотаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зритъ ее передъ собой...
Но мощный конь—его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситъ.

Илъ, ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на волнахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые:
Щитъ, бурку, панцырь и шеломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ;
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копья, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки—
И мимо нихъ, во мглѣ черня,
Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы

И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана;
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ опровалившаго кургана.

Когда не съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ печелищѣ,
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынникъ запоздалый,
Къ нему войдетъ, пришлецъ усталый,
И робко сядетъ у огня:
Тогда хозяинъ благосклонный
Съ привѣтомъ, ласково встаетъ
И гостю въ чашѣ благовонной
Чихирь [1]) отрадный подаетъ.
Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ.
Ночлега кровъ гостепріимный [2]).
Бываютъ, въ свѣтлый байрамъ [3])
Сберутся юноши толпою;
Игра смѣняется игрою:
То полный разобравъ колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Нетерпѣливыми рядами,
При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ міръ однообразный
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нерѣдко шашки гровно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ...

V [4]).

Заря на юношный небосклонъ
За днями новы дни возводитъ;
За ночью ночь вослѣдъ уходитъ;
Вотще свободы жаждетъ онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ:
Онъ, вспрыгнувъ, загремитъ цѣпями,
Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
Ночной ауловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель;
Зоветъ... но все кругомъ молчитъ:
Лишь волны плещутся бушуя,
И человѣка звѣрь почуя,
Въ пустыню темную бѣжитъ.
Однажды слышитъ русскій плѣнный,
Въ горахъ раздался кликъ военный:
„Въ табунъ, въ табунъ“! Бѣгутъ, шумятъ;
Уздечки мѣдныя гремятъ,
Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,

---

[1]) *Чихирь*—красное грузинское вино.

[2]) Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепріимствомъ. Гость становится для нихъ священною особою. Предать или не защищать гостя почитается межъ ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (т. е. пріятель, знакомецъ) отвѣчаетъ жизнію за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ. *Прим. Пушкина.*—[3]) *Баирамъ* или *байрамъ*—праздникъ разговѣнья. Мусульманскій постъ—*рамазанъ*.—[4]) Изъ второй части.

Кипятъ осѣдланные кони;
Къ набѣгу весь аулъ готовъ.
И дикіе питомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственныя дани.

Утихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы сторожевые.
Младенцы смуглые, нагіе
Въ свободной рѣзвости шумятъ;
Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ;
Изъ трубокъ дымъ вiясь синѣетъ.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушаютъ припѣвъ,
И старцевъ сердце молодѣетъ [1])...

Межъ тѣмъ, померкнувъ, степь уснула;
Вершины скалъ омрачены;
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало...
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ—печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась *она*.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.
На плѣнника возведши взоръ,
„Бѣги“, сказала дѣва горъ:
„Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ: твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ“.
Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась:
Визжитъ желѣзо подъ пилой;
Слеза невольная скатилась...
И цѣпь распалась и гремитъ.
„Ты воленъ,“ дѣва говоритъ,
„Бѣги!...“

.... Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
Пустой аулъ съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ впачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ черкесъ суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.
Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокій,
Ложилася день на томный долъ,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шелъ.
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали русскіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

Пушкинъ.

---

21. Изъ поэмы: Полтава.

I [2]).

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый

---

[1]) *Черкесскую пѣсню* см. въ „Русской Хрестоматіи“ для 2-хъ первыхъ классовъ среднеучебныхъ заведеній,“ стр. 30.—[2]) Изъ первой пѣсни.

Digitized by Google

Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользитъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву;
Взметая русскія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ.

Украйна глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя начала,
Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычаю,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молчалъ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.

II [1]).

Горитъ востокъ зарею новой.
Уже на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровый
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули,
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки,
Катятся ядра, свищутъ пули,
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
Уходитъ Розенъ сквозь теснины,
Сдается пылкій Шлиппенбахъ.
Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

. . . . . .

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.

---

[1]) Изъ 3-й пѣсни.

Digitized by Google

Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь, строятся полки.
Молчитъ музыка боевая,
На холмахъ пушки, приумирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земного,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ [1]).

И передъ сими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вождя героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погруженъ.
Смущенный взоръ изображалъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ московскаго Царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ;
Одряхъ, въ изгнаньи сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но что въ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутитъ его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.

[1]) Меньшиковъ.

Digitized by Google

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.
Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ Полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжитъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба—
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ!
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силы королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Пушкинъ.

---

23. Изъ поэмы: Мѣдный Всадникъ.

I.
ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одинокo.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ“.

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво;
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ,—нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова—
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгій, стройный видъ,

Digitized by Google

Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полночная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора:
Объ ней свѣжо воспоминанье...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ.

II [1]).

Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ...
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы—
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.

[1]) Изъ первой части.

Digitized by Google

Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣгу стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища.
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь [1]) еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ
И молвилъ: „Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть.“ Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ:
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы; дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонущій народъ.

Пушкинъ.

---

[1]) Александръ I.

Digitized by Google

Digitized by Google

IV.

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I. ИЗЪ РОМАНА: „ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ“.

Гражданинъ Мининъ.

Темноголубыя небеса становились часъ отъ часу прозрачнѣе и бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ—и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня,—дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ русской первый общій кликъ: „умремъ за вѣру православную и святую Русь“.

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій... все чаще, все сильнѣе... призывный гулъ промчался по всей окрестности и—все ожило въ Нижнемъ-Новѣгородѣ.

Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади. Бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные—всѣ тѣснились вокругъ Лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: „вотъ онъ!... вотъ Козьма Мининъ! Глядите! вотъ онъ!“ и человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на Лобное мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны и, по мановенію руки его, утихло все вокругъ Лобнаго мѣста; мало по малу молчаніе стало распространяться по всей площади; шумъ отдалялся; глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и чрезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— Граждане нижегородскіе! началъ такъ безсмертный Мининъ. Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства Русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и разореніе, а помощи и очищенія ни откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоять землю Русскую

Digitized by Google

кровію нашихъ братьевъ? доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе. Потерпимъ ли мы, чтобъ царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірской Божіей Матери, и честныя, многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ московскихъ чудотворцевъ? покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ и сиротствующую Москву?... Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе!

— Нѣтъ, нѣтъ! загремѣли тысячи голосовъ, Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!...

— Итакъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!... Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашею искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Пурецкой волости, у князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго: едва исцѣлившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіею грозою на супостата. Граждане нижегородскіе! хотите ли его имѣть главою? Любъ ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій?

— Хотимъ! хотимъ! Онъ любъ намъ! воскликнулъ народъ, волнуясь часъ отъ часу болѣе.

— Граждане и братья! продолжалъ Мининъ. Неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земного? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все наше злато и серебро, а если мало и сего, продадимъ все имущество, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ все, что я имѣю! продолжалъ онъ, бросивъ на Лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряной монетой; и пусть выступитъ желающій купить домъ мой—съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду; я и самъ, мы всѣ, вся кровь наша—земскому дѣлу и всей землѣ русской.

— Отдаемъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь! загремѣли безчисленные голоса. Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всей земли человѣкомъ! Храни казну нижегородскую! воскликнулъ весь народъ. Въ сію минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня, и печерскій архимандритъ Ѳеодосій, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на Лобное мѣсто, раздался громкій благовѣстъ, іереи запѣли соборомъ: „Царю небесный, утѣшитель, душе истины!“ и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ граждане, преклонили колѣна. Когда жъ, благословляя оружіе христо-

Digitized by Google

любиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: „Господи Воже нашъ! Боже силъ! Сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ!...“ народъ палъ ницъ, зарыдалъ—и всѣ мольбы слились въ одну общую единственную молитву: „Да спасетъ Господь царство Русское!“ По окончаніи молебствія, Ѳеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святою водою усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: „Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огнь палящій, предыдетъ сила Господня предъ вами, и посрамится врагъ нечестивый, и возрадуются сердца православныхъ! Воины Христовы! Не желайте благъ земныхъ; слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ, и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи! Грядите, во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святыя молитвы страдальца Гермогена. Кто противъ васъ, кто противъ Господа силъ?“

О, какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земного усыпленія! Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небеснаго чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца всѣхъ Русскихъ!

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобъ выносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ Лобнаго мѣста возвышались уже горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи; мѣшокъ мѣдной монеты подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами! Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равною ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго-Новгорода и всей земли Русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно сіи дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, ни мало не уменьшалось.

Загоскинъ.

II. ИЗЪ ПОВѢСТИ „АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО“.

1.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ парижскомъ Военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ испанской войнѣ—и тяжело раненный возвратился въ Парижъ. Императоръ, посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ лю-

Digitized by Google

бимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы на счетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію, но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами: то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ—и Петръ снисходительствовалъ его просьбамъ, просилъ его заботиться о здоровьи, благодарилъ за ревность къ ученью—и, крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія... Появленіе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманіе... Регентъ [1]) приглашалъ его не разъ на свои веселые вечера; онъ не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія и предавался общему вихрю со всею пылкостію своихъ лѣтъ и своей породы.

2.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугѣ. Это было письмо Петра I. Государь писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію или нѣтъ; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію. „Подумайте о томъ, что́ дѣлаете“, сказалъ ему герцогъ. „Россія не есть ваше отечество; не думаю, чтобы вамъ когда нибудь удалось опять увидѣть знойную вашу родину, но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ, воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, останьтесь во Франціи, за которую вы уже проливали свою кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія“. Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи. „Жалѣю“, сказалъ ему регентъ: „но, впрочемъ, вы правы“. Онъ обѣщалъ ему отставку и написалъ обо всемъ русскому царю.

---

[1]) Герцогъ Филиппъ Орлеанскій—регентъ во время малолѣтства Людовика XV.

Digitized by Google

3.

Въ ту же ночь онъ отправился въ Россію.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на русской границѣ. Осень уже наступала, но ямщики, не смотря на дурную дорогу, везли его съ быстротою вѣтра—и въ семнадцать дней своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось двадцать восемь верстъ до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ Гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. „Ба, Ибрагимъ!“ вскричалъ онъ, вставая съ лавки: „здорово, крестникъ!“ Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. „Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ“, сказалъ Петръ, „и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня“. Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности. „Вели же“, продолжалъ государь, „твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною—и поѣдемъ ко мнѣ“. Подали государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ—они поскакали.

4.

Черезъ полтора часа они пріѣхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, т. е. Царицына Сада.

5.

На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ тридцати-пяти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: „Узнала ли ты, Катенька, моего крестника? Прошу любить и жаловать его попрежнему“. Екатерина устремила на него черные проницательные глаза и благосклонно протянула ему руку. Двѣ юныя красавицы,

Digitized by Google

высокія, стройныя, свѣжія какъ розы, стояли за нею и почтительно приблизились къ Петру. „Лиза", сказалъ онъ одной изъ нихъ, „помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя крадъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ; представляю тебѣ его". Великая княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ Ибрагима. Во время обѣда государь съ ними разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ объ испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостью, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ бы подозрѣвать героя Полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда государь, по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ императрицей и великими княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ парижской жизни, тамошніе праздники и своенравные моды. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ особъ, приближенныхъ къ государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутого совѣтника Петра; ученаго Брюса и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями.

6.

Государь вышелъ часа черезъ два. „Посмотримъ", сказалъ онъ Ибрагиму, „не позабылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мною." Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генераломъ-полицеймейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справиться, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму: „Ужь поздно; ты, я чай, усталъ: ночуй здѣсь, какъ бывало въ старину; завтра я тебя разбужу."

Digitized by Google

7.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургѣ; онъ видѣлъ вновь великаго человѣка, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество... Мысль—быть сподвижникомъ великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа—возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія. Въ семъ расположеніи духа онъ легъ въ приготовленную для него походную постель—и тогда привычное сновидѣніе перенесло его въ дальній Парижъ...

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты Преображенскаго полка, въ коей онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякій по своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ освѣдомился о своихъ парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ-что Ибрагимъ получилъ приглашеній, по крайней мѣрѣ, на цѣлый мѣсяцъ.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные,—слѣдственно не зналъ скуки. Онъ день ото дня болѣе привязывался къ государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями великаго человѣка есть наука самая занимательная... Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у собственнаго станка, и старался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ парижской жизни.

8.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живостію оборотился—и молодой К., котораго оставилъ онъ въ Парижѣ въ вихрѣ большого свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями... Онъ уже представлялся государю — и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ. „Entre nous,“ сказалъ онъ Ибрагиму, „Государь престранный человѣкъ: вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ я былъ карабкаться съ моими депешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего отъ роду со мною не случалось.

Digitized by Google

Однакожъ государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ, и вѣроятно былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по крайней мѣрѣ онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ совершенно чужестранецъ; во время шестилѣтняго отсутствія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія; пожалуйста будь моимъ ментором[1]), заѣзжай за мной и представь меня... Я пойду отдохну съ дороги; не забудь же за мною заѣхать".

9.

Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ Ибрагимъ, что время ѣхать... Ассамблея была дѣло должностное, и государь строго требовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за К.

К. сидѣлъ въ шлафрокѣ, читая французскую книгу. „Такъ рано?" сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его. „Помилуй!" отвѣчалъ тотъ: „уже половина шестого, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ". К. засуетился, сталъ звонить изо всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ; его принесли; К. всунулъ въ него стриженую голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы—и они поѣхали въ Зимній дворецъ. К. осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славится первымъ танцовщикомъ? какой танецъ нынче въ модѣ?... Между тѣмъ они подъѣхали ко дворцу.

10.

Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреѣ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ—свита, необходимая по понятіямъ бонръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ними общій шопотъ: „арапъ, арапъ, царскій арапъ!" Онъ поскорѣе пронелъ К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежъ, и они вошли въ залу. К. остолбенѣлъ...

Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми

[1]) Руководителемъ.

Digitized by Google

лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ куртнахъ и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ. Молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяли на ихъ робахъ [1]); изъ пышныхъ фижмъ [2]) возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимою стариною: чепцы обвязались на соболью шапочку царицы Натальи Кириловны [3]), а робронды [4]) и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ, присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ, и съ досадою косились на женъ и дочерей голландскихъ шкиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. К. не могъ опомниться. „Que diable est ce que tout cela?“ спрашивалъ К. въ полголоса у Ибрагима. Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и великія княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга облаками табачнаго дыма. Государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ К., какъ онъ около ихъ ни вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись; дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ по-

---

[1]) платьяхъ.—[2]) См. 217 стр. 1—3-ю строки.—[3]) *Наталья Кириловна*—мать Петра Великаго.—[4]) *Робронда*—особый видъ женскаго платья.

Digitized by Google

воротясь направо, потомъ налѣво, тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далѣе. К., смотря на сіе затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились, и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К. обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ея рѣшенія, но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на средину залы и важно сказалъ: „Государь мой, ты провинился: во-первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса, а во-вторыхъ, взялъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру: сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ,—именно долженъ выпить *кубокъ большого орла*.“ К. часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей [1]). Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону. „Ага!“ сказалъ Петръ, увидя К., „попался, братъ. Изволь же, мосье, пить и не морщиться.“ Дѣлать было нечего: бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его маршалу. „Послушай, К.,“ сказалъ ему Петръ: „штаны-то на тебѣ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство: смотри, чтобъ я съ тобой не побранился.“ Выслушавъ сей выговоръ, К. хотѣлъ выйти изъ кругу, но запутался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблуками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса. К. не могъ участвовать въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего, Гаврилы Аѳанасьевича Р., подошла къ

[1]) *Мальвазія*—вино.

Digitized by Google

Ибрагиму и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто; потомъ, отыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и повезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепеталъ: „проклятая ассамблея!... проклятый кубокъ золотого орла!..“ но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканье, приседанія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большого орла.

11.

Гаврила Аѳанасьевичъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосолъ, любилъ соколиную охоту; дворня его была многочисленна; словомъ, онъ былъ коренной русскій баринъ; по его выраженію, не терпѣлъ нѣмецкаго духу и старался въ домашнемъ быту сохранить обычай любезной ему старины. Дочери его было семнадцать лѣтъ отъ роду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золотомъ и не знала грамоты. Отецъ ея, не смотря на отвращеніе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться пляскамъ нѣмецкимъ у плѣннаго шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Сей заслуженый танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отъ роду; правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвою [1]), и потому была не весьма способна къ менуэтамъ и курантамъ; за то лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостію выдѣлывала самыя трудныя па. Ученица дѣлала честь его стараніямъ. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка К., который на другой день пріѣзжалъ извиняться передъ Гаврилою Аѳанасьевичемъ; но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому барину, который прозвалъ его устроумно — французской обезьяною.

12.

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами государя и собственнымъ его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каж-

[1]) Первая битва Петра со шведами была подъ Нарвою 1700.

Digitized by Google

дому гостю серебряный поднось, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпивъ свою. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ подлѣ хозяина, сѣлъ тесть его, князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесятилѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая старшинство рода и тѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли—мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста—барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, тридцатилѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣшивый танцмейстеръ въ синемъ поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленной челядью, посреди которой отличался дворецкій строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностію. Первыя минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе.

13.

Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: „А гдѣ же Екимовна? позвать ее сюда!“ Нѣсколько слугъ бросились было въ разныя стороны, но въ ту же минуту старая женщина, набѣленная и нарумяненная, убранная цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

„Здравствуй, Екимовна“, сказалъ князь Лыковъ: „каково поживаешь?...“

— По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да пляшучи, женишковъ поджидаючи.

„Гдѣ ты была, дура?“ спросилъ хозяинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маниру.“

При сихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

„А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ“, сказала Татьяна Аѳанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая. „Подлинно нынѣшніе наряды на смѣхъ всему міру. Коли ужъ и вы, батюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, конечно, нечего; а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Вѣдь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ—и смѣхъ и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны французской мукою; животикъ перетя-

Digitized by Google

нуть такъ, что еле не перервется; исподницы напялены на обручи; въ колымагу садятся бочкомъ, въ двери входитъ—нагибаются; ни стать, ни сѣсть, ни духъ перевесть — сущія мученицы, мои голубушки!"

„А что намъ дѣлать, коли не наша воля?" сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воеводой. „Иной бы радъ былъ запереть жену въ теремъ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ, ужъ эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши."

— Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко, сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аѳанасьевичъ. А признаюсь, асеамблеи и мнѣ не по нраву: того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, аль и самого на смѣхъ пьянымъ напоятъ. Нынче такъ молодежь избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича К... на прошедшей недѣлѣ надѣлалъ такого шуму съ Наташей, что привелъ меня въ краску. На другой день, гляжу, катитъ ко мнѣ прямо на дворъ; я и думалъ: кого-то Богъ несетъ—ужъ не князя ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! Небось не хотѣлъ остановиться у воротъ, да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца—куда! влетѣлъ, расшаркался, разболтался, что и Боже упаси!... Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати предстань, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во всѣ стороны, приговаривая: „мусье... мамзель... асеамблея... пардонъ." Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

— Ни дать, ни взять К., сказалъ старый князь Лыковъ, отирая слезы отъ смѣха, когда спокойствіе мало по малу возстановилось. „А что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣметчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать Богъ вѣсть на какомъ нарѣчіи, не почитать старшихъ..: Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!) царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

„Ахти-батюшки, князь," сказала Татьяна Аѳанасьевна: „видѣла, видѣла его близехонько: какая жъ у него страшная морда! перепугалъ онъ меня грѣшную!"

— Конечно, замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ: человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужъ не опять ли обезьяна заморская? Вы

что̀ зѣваете, скоты? продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ, бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь...

— „Старая борода, не бредишь ли?“ прервала дура Екимовна. „Али ты слѣпъ: сани-то государевы; царь пріѣхалъ.“

14.

Гаврила Аѳанасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣли государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего деньщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра: все утихло, и царь вошелъ въ сопровожденіи хозяина, оторопѣлаго отъ радости. „Здорово, господа!“ сказалъ Петръ съ веселымъ лицомъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна прибодрилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. „Ты часъ отъ часу хорошѣешь,“ сказалъ ей государь и, по своему обыкновенію, поцѣловалъ ее въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ: „Что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали; прошу садиться опять, а мнѣ Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки.“ Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него поднос, самъ налилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ цвей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другого прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту предъ симъ шумно оживленный весельемъ и говорливостію, продолжался въ тишинѣ и принужденности. Хозяинъ изъ почтенія и радости ничего не ѣлъ; гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ государь по-нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости. „Гаврила Аѳанасьевичъ!“ сказалъ онъ хозяину: „мнѣ нужно съ тобою поговорить наединѣ“ и, взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и

Digitized by Google

заперъ за собою дверь. Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи и, опасаясь быть непрошенными, вскорѣ разъѣхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль.

15.

Чрезъ полчаса дверь отворилась, и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Татьяны Аѳанасьевны и Наташи и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подалъ ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь. Петръ уѣхалъ.

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аѳанасьевичъ казался очень озабоченъ; сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе сбирать со стола, отослалъ Наташу въ ея свѣтлицу и, объявивъ сестрѣ и тестю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый князь легъ на дубовую кровать. Татьяна Аѳанасьевна сѣла на старинныя штофныя кресла, придвинувъ подъ ноги скамеечку; Гаврила Аѳанасьевичъ заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать въ ногахъ князя Лыкова и началъ въ полголоса слѣдующій разговоръ:

„Не даромъ государь ко мнѣ пожаловалъ: угадайте о чемъ онъ изволилъ со мною бесѣдовать?“

— Какъ намъ знать, батюшка-братецъ! сказала Татьяна Аѳанасьевна.

— Не приказалъ ли тебѣ царь вѣдать какое либо воеводство? сказалъ тесть: давно пора; али предложилъ быть въ отвѣтѣ? Что же? вѣдь не однихъ дьяковъ—и знатныхъ людей посылаютъ къ чужимъ государямъ.

„Нѣтъ,“ отвѣчалъ тесть, нахмурясь. „Я человѣкъ стараго покроя, а нынче служба наша не нужна, хоть, можетъ быть, православный русскій дворянинъ стоитъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ да бусурмановъ. Но это статья особая.“

— Такъ о чемъ же, братецъ, сказала Татьяна Аѳанасьевна, изволилъ онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужъ не бѣда ли какая съ тобою приключилась? Господь упаси и помилуй!

„Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было призадумался.“

— Что же такое, братецъ? о чемъ дѣло?

„Дѣло о Наташѣ: царь пріѣзжалъ ее сватать.“

— Слава Богу! сказала Татьяна Аѳанасьевна, перекрестясь. Дѣвушка на выданьи, а каковъ сватъ, таковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чести много. За кого же царь ее сватаетъ?

Digitized by Google

„Гм!“ крякнулъ Гаврила Аѳанасьевичъ: „за кого? то-то за кого!“

— А за кого же? повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

„Отгадайте, сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ.

— Батюшка-братецъ, отвѣчала старушка: какъ намъ угадать? Мало ли жениховъ при дворѣ? Всякій радъ взять за себя твою Наташу. Долгорукій, что ли?

„Нѣтъ, не Долгорукій.“

— Да и Богъ съ нимъ: больно спесивъ. Шеинъ? Троекуровъ?

„Нѣтъ, ни тотъ, ни другой.“

— Да и мнѣ они не по сердцу: вѣтрогоны, слишкомъ понабрались нѣмецкаго духу. Ну, такъ Милославскій?

„Нѣтъ, не онъ.“

— Богъ съ нимъ: богатъ и глупъ. Что же? Елецкій? Львовъ? Неужто Рагузинскій? Воля твоя, ума не приложу. Да за кого же царь сватаетъ Наташу?

„За арапа Ибрагима.“

16.

Ибрагимъ пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся и увидѣлъ государя, который, отпустя сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ. „Все, братъ, кончено!“ сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку: „я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но смотри, потѣшь его боярскую спесь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности — и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти.“ — „Теперь,“ продолжалъ онъ, потряхивая дубинкою, „заведи меня къ плуту-Данилычу [1]), съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы“.

Пушкинъ.

ИЗЪ РОМАНА „ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ“.

1. Ледяная статуя.

Появилась государыня Анна Іоанновна среди толпы придворныхъ. По лицу ея, смуглому, рябоватому, но величавому, носилось облако унынія, которое, замѣтно было, силилась она прикрыть улыбкой. Она недомогала, и медики присовѣтовали ей какъ можно болѣе разсѣянія и движенія на свѣжемъ воздухѣ. Теперь ѣхала она въ

---

[1]) Кн. Меншиковъ.

Digitized by Google

манежъ Бирона [1]), гдѣ обыкновенно упражнялась съ полчаса въ верховой ѣздѣ. Ей задумалось быть тамъ нынѣ, не предваривъ никого, и только едва успѣли придворные послать къ герцогу нарочнаго, увѣдомить его объ этомъ, и двухъ дежурныхъ пажей въ самый манежъ, приготовить тамъ все къ пріѣзду государыни. За нею шло нѣсколько придворныхъ кавалеровъ и дамъ въ бархатныхъ шубахъ свѣтлыхъ цвѣтовъ.

Манежъ расположенъ на берегу въ длинной мазанкѣ съ нѣсколькими осьми-угольными окнами по стѣнамъ и двумя огромными, изъ шестерыхъ израшцовъ, печами на концахъ. Подлѣ одной печи сдѣлано возвышеніе въ видѣ амфитеатра съ узорными перильцами и балдахиномъ изъ малиноваго сукна съ золотою бахромой. Подъ балдахиномъ стоятъ кресла съ высокою спинкою, обитыя малиновымъ бархатомъ. У ручекъ вытягиваются два пажика въ высокихъ напудренныхъ парикахъ, съ румяными щечками, какъ два розана, уцѣлѣвшіе подъ хлопьями снѣга, въ блестящихъ французскихъ кафтанахъ, которыхъ полы достаютъ почти до земли, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ огромными пряжками. По временамъ кладутъ они на перила свои дѣтскія головы въ стариковской прическѣ, какъ бы высматривая кого-то. Вотъ все, что замѣчательно въ манежѣ. За нимъ, чрезъ обширный дворъ, тянутся каменныя великолѣпныя конюшни, въ которыхъ красавицамъ-лошадямъ, выписаннымъ изъ Голстиніи, Англіи и Персіи, тепло и привольно. Какъ ихъ холятъ и нѣжатъ! Люди, ухаживающіе за ними, завидуютъ ихъ житью-бытью. Отъ конюшенъ идетъ каменная ограда до набережной; за оградой нечистый дворикъ, и посреди его колодезь съ насосомъ, ручкою для качки воды и жолобомъ, проведеннымъ въ конюшню. Подлѣ самаго колодца дерево почти безъ сучьевъ. На главный дворъ два въѣзда, съ Фонтанки и съ Невы.

Вообразимъ, что мы пришли къ манежу за полчаса до пажей, и посмотримъ, что дѣлается на заднемъ дворикѣ.

Къ дереву крѣпко привязанъ подъ мышки мужчина высокій, сутуловатый, желтолицій, съ отчаяніемъ въ дикихъ взорахъ; на немъ одна рубашка; босыя ноги опухлены. Хохолъ на бритой головѣ изобличаетъ родъ его. Это малороссіянинъ, котораго не доставало на смотру Волынскаго. Жестокій морозъ хватаетъ жгучими когтями все живое; людямъ тяжело дышать: летятъ птицы замедляется, и самое солнце, какъ раскаленное ядро, съ трудомъ выдирается изъ морозной мглы. Каково жъ, въ одеждѣ тропическихъ странъ, стоять въ снѣгу подъ вліяніемъ такой атмосферы? Однако къ малорос-

[1]) *Бирона*—Курляндскій герцогъ, сильный временщикъ при Императрицѣ русской Аннѣ Іоанновнѣ.

сіянинъ еще стоитъ—не стоитъ, а только скрежещетъ зубами. Сначала онъ дрожалъ: теперь окаменѣлыя ноги его горѣли, какъ на раскаленномъ желѣзѣ, а теперь онѣмѣли. Противъ него храбрится офицеръ средняго роста пузатый, съ звѣрской наружностью, въ медвѣжьей шубѣ. Это адъютантъ гердога курляндскаго, Гросметъ. По обѣимъ сторонамъ малороссіянина человѣка съ четыре конюховъ.

— Обругать его свѣтлость! писать на него доносы!—кричалъ Гросметъ ломанымъ русскимъ языкомъ и сиплымъ отъ досады голосомъ, сотря кулаки на свою жертву. Знаешь ли, съ кѣмъ тягаешься?... Мы вычешемъ тебѣ хохолъ курляндскою гребенкою; мы собьемъ съ тебя панскую спесь, поганый Мазепа.

Малороссіянинъ глубоко вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— Что? морозъ не уговариваетъ ли тебя? Скажешь ли, гдѣ бумаги?

— Ни!—произнесъ твердо малороссіянинъ.

— Посмотримъ! Гей, ребята, ушатъ съ водою!—закричалъ адъютантъ.

Разомъ накачали конюхи воды въ ушатъ. Лицо малороссіянина исковеркали судороги; потомъ глаза его налились кровью и впились въ своего мучителя.

Гросметъ тряхнулъ головою какъ бы для того, чтобы избавиться отъ неподвижнаго взгляда своего мученика, и далъ приказъ двумъ конюхамъ стать на скамейку, приготовленную у дерева, и поднять туда жъ ушатъ съ водой.

— Скажешь ли, куда дѣвать доносъ?—спросилъ онъ.

— Передалъ Богу—былъ отвѣтъ.

— Окатите жъ его!

И ушатъ воды вылили на голову несчастнаго. Облако пара обхватило его, но скоро исчезло, подрѣзанное морозомъ. Хохолъ его унизался бусами, темя задымилось! рубашка стала на немъ, какъ бумага картонная.

Застоналъ малороссіянинъ въ этомъ жестокомъ мѣшкѣ, собравъ послѣднія силы: Дойдетъ бумага до императрицы, хоть отцу... Скажи своей... бисовой собацѣ... Богъ отплатъ...

Здѣсь онъ захлебнулся.

— Еще ушатъ и еще! удвоить порцію!—заревѣлъ адъютантъ.

Другой ушатъ воды обдалъ мученика съ ногъ до головы. На этотъ разъ рубашка покрылась чешуей, и струи, превратясь будто въ битое стекло, разсыпались съ трескомъ по снѣгу.

Послѣ третьяго ушата хохолъ повисъ назадъ, какъ ледяная сосулька; черепъ покрылся новымъ блестящимъ черепомъ, глаза слились, руки приросли къ туловищу, вся фигура облачилась въ серебряную мантію съ пышными сборами; мало-по-малу ноги пусти-

Digitized by Google

ли отъ себя ледяные корни по землѣ. Еще жизнь вилась легкимъ паромъ изъ устъ несчастнаго; кое-гдѣ сѣтью хлопалась ледяная епанча, особенно тамъ, гдѣ было мѣсто сердца; но вновь ушатъ воды надъ головою, и малороссіянъ сталъ одною неподвижною, мертвою глыбой.

— Государыня будетъ скоро въ манежъ!—закричали на дворѣ—вотъ и пажи пріѣхали.

— Лей, лей проворнѣе! а то мнѣ и вамъ бѣда! командовалъ испуганный адъютантъ.

Еще два-три ушата, и нельзя было признать человѣка подъ ледяною безобразною статуей. Она стала на стражѣ колодца. Солнце, выплывъ изъ морозной мглы, вспыхнуло на мигъ, какъ будто негодуя на совершенное злодѣяніе, и опять скрылось во мглѣ.

— Государыня ѣдетъ! — закричали опять на дворѣ. Гросноть возвратился въ манежъ, будто ни въ чемъ не бывалъ, а исполнители его подвига въ конюшню.

Государыня любила верховую ѣзду и была въ ней очень искусна. Нынѣшній же разъ, чувствуя себя слабою, сдѣлала только два-три вольта, сошла съ лошади, сѣла на кресла подъ балдахиномъ, окруженная своей свитой, и съ высоты любовалась мастерскою ѣздою Бирона, статнаго, довольно краснваго, хотя жестокость его прокрадывалась по временамъ сквозь глаза и вырѣзывалась непріятнымъ сгибомъ на концахъ губъ. Онъ былъ въ свѣтло-голубомъ бархатномъ кафтанѣ. На лошади изабеллова цвѣта [1]) подъ нимъ блисталъ чапракъ, облитый золотомъ и украшенный по мѣстамъ шифромъ государыни изъ бирюзы; крупные же бирюзовые каменья вдѣланы были въ уздечку. Герцогъ подъѣхалъ наконецъ къ возвышенію, гдѣ находилась императрица и, скинувъ передъ ней шляпу, поникнувъ нѣсколько головой, ждалъ себѣ лестной награды. Государыня встала съ своего мѣста, подошла къ перилямъ, привѣтствовала всадника улыбкой, ласкала рукою прекрасное животное, на которомъ сидѣлъ Бирокъ и которое положило свою голову на перила, какъ бы ожидая и себѣ вниманія царицы. Разныя нѣжныя имена были даны любимицѣ Бирона, названной имъ бриллiантомъ его конюшни; красавица, казалось, отъ удовольствія била землю копытомъ. Велѣно было принесть кусокъ хлѣба, который и схватила она осторожно изъ нѣжныхъ рукъ. Придворныя дамы любовались этою сценою; вся душа пажиковъ была въ глазахъ ихъ, сверкающихъ отъ радости.

— Ѣдемъ—сказала наконецъ Анна Іоанновна, кивнувъ благо-

[1]) *Изабеллова цвѣта*—коричневато-желтовато-бѣлый.

Digitized by Google

склонно Бирону, и онъ, соскочивъ съ лошади, оставшейся какъ бы вкопанною на своемъ мѣстѣ, свелъ государыню съ возвышенія.

—

Сѣли въ карету. Велѣно ѣхать на набережную Невы. Экипажъ поравнялся съ оградою дворика: тутъ Анна Іоанновна, по какому-то внутреннему побужденію, обернулась направо, и въ глаза ея блеснула, подъ лучемъ полуденнаго солнца, ледяная статуя. Государыня приказала остановить карету и, подозвавъ къ себѣ герцога, ѣхавшаго за нею въ саняхъ, спросила его, что́ за ледяная фигура видна на маленькомъ дворѣ.

Кликнули Гроснота.

— Что такое? — угрюмо спросилъ герцогъ своего адъютанта, указывая на дворикъ. Въ этомъ вопросѣ подразумѣвалось: дуракъ! что ты сдѣлалъ?

Гросноть, не смутясь, отвѣчалъ: Конюхи вашей свѣтлости вылили для забавы ледяную статую.

Отвѣтъ былъ услышанъ государынею.—Этотъ случай—сказала она ласково Бирону—даетъ мнѣ мысль построить ледяной дворецъ съ разными фигурами.

— Какъ то было при его величествѣ, блаженныя памяти — прервалъ герцогъ.

— Съ большими затѣями, если можно. Да, кстати мнѣ хотѣлось проучить Кульковскаго [1]), чтобы онъ впередъ не цѣловалъ у папы туфель. Сколько ему лѣтъ?

— Съ прошлаго мѣсяца онъ начинаетъ другой полвѣка.

— Мы женимъ его и сыграемъ свадьбу въ ледяномъ дворцѣ. Объявите ему также, что я жалую его въ пажи къ моему двору. Какъ это лучше устроить, мы поговоримъ въ теплѣ.

Съ послѣднимъ словомъ императрицы карета тронулась, облѣпленная по бокамъ дверецъ гайдуками, а сзади двумя турками. Пятидесятилѣтнему Кульковскому велѣно явиться ко двору въ должность пажа и искать себѣ невѣсты: надо было нити его жизни пройти сквозь эту иголку, и онъ выслушалъ свой приговоръ съ героическою твердостью, не смотря на поздравленія насмѣшниковъ пажей, просящихъ его, какъ товарища, не лишить ихъ своей дружбы.

Скоро манежъ и дворъ опустѣли, и подъ вечеръ ледяная статуя отвезена... куда—вы узнаете послѣ.

2. Ледяной домъ.

Назначенъ былъ государынею день для осмотра ледянаго дома. Ей пріятно было видѣть, какъ исполняли ея мысль, и вмѣстѣ

[1]) *Кульковскій*—шутъ Анны Іоанновны.

Digitized by Google

забыться, хотя на нѣсколько минутъ отъ душевной и тѣлесной болѣзней, ее осаждавшихъ. А чтобъ очарованіе зрѣлища было сильнѣе, положено было смотрѣть домъ ночью, при освѣщеніи.

Весь Петербургъ поднялся на ноги, или заставилъ двигаться ноги своихъ лошадей; со всѣхъ концовъ его тянулись нити пѣшеходовъ и ряды экипажей. Старики будто умылись живой водой и, схватившъ свою старость въ охабку, бѣжали къ фокусу общаго любопытства; дѣти, вцѣпившись въ полу отцовскаго кафтана, влеклись за толпою. Остались въ домахъ недвижный больной или мать съ грудянымъ младенцемъ, боявшаяся подвергнуть его опасностямъ народной тѣсноты, или слѣпецъ, которому воображеніе замѣняло и зодчихъ, и живописцевъ, и самыя чудеса природы; но и тѣ съ нетерпѣніемъ ожидали разсказовъ о чудномъ ледяномъ домѣ. Забыты нужды, голодъ, страхъ Бироновскаго имени и казни.

Выступивъ изъ мрака ночи съ своими огнями, ледяной домъ сіялъ металлическимъ блескомъ и далеко бросалъ отъ себя свѣтъ на луговую линію, очертивши имъ пестрый полукругъ лицъ и ногъ; площадь казалась вымощенною верхушками головъ. Нерѣдко усиленный крикъ ледянаго слона, или огненный фонтанъ, бившій изъ хобота его, или новая смѣшная фигура на окнахъ заставляли зрителей вторгаться за черту, занятую слободскими десятскими и сотскими.

— Государыня, государыня!—закричали сотскіе—и все замолкло благоговѣйной тишиной. Заскрипѣлъ снѣгъ, тиснутый сотнями подковъ, заскрипѣлъ онъ отъ множества подрѣзовъ; показался эскадронъ гусаръ и вслѣдъ затѣмъ сани государыни, за коими тянулся рядъ экипажей. Изъ ледянаго дома выступило нѣсколько придворныхъ на крыльцо, и впереди всѣхъ Волынскій. Когда сани поравнялись съ нимъ, онъ былъ подозванъ къ ея величеству. Она соизволила милостиво разспрашивать его объ устройствѣ дома и смѣялась очень карикатурнымъ изображеніямъ, часто перемѣнявшимся на окнахъ. Кабинетъ-министръ давалъ замысловатыя объясненія. Вдругъ при одной перемѣнѣ, кто-то за санями государыни вскричалъ съ сердцемъ: „Глупость, достойная своего творца!... Чрезвычайно глупо!...“

Голосъ, произнесшій эти слова, былъ Биронова; нельзя было въ томъ ошибиться ни императрицѣ, ни окружавшимъ ее. Она вздрогнула отъ неожиданности ихъ, нахмурила брови и съ гнѣвомъ сказала: „Не знаю, на чьей сторонѣ глупость!..“

Это было первое важное, немилостивое обращеніе къ Бирону, которое она позволила себѣ съ тѣхъ поръ, какъ его знала. При этомъ обращеніи она взглянула назадъ: пылающій взоръ ея любимца, стоявшаго у ней на запяткахъ, дерзко встрѣтилъ ея взглядъ.

Задыхаясь отъ досады, государыня продолжала относиться къ кабинетъ-министру: Растолкуйте мнѣ, мой любезный Артемій Петровичъ, что бы такое значили эти картины?

Онѣ не могли быть загадкою для посвященныхъ въ таинства Бироновыхъ продѣлокъ. На картинахъ представлено было: 1) сцена заарканиванія Горденки, снятая какъ бы съ натуры; 2) сцена на Невѣ, гдѣ является привидѣніе, чтобы отнять ледяной трупъ у конюховъ; 3) маскарадные герои на Волковомъ полѣ, и 4) самоубійство Гроснота.

— Ваше величество—отвѣчалъ Волынскій—изволите, конечно, помнить, что выѣзжая изъ манежа герцогскаго, замѣтили ледяную статую на маленькомъ дворѣ у конюшенъ его свѣтлости.

— Помню.

— Именно эта статуя подала вашему величеству мысль сдѣлать ледяной домъ, котораго быть строителемъ я удостоенъ вами. И потому я хотѣлъ сохранить въ картинѣ происшествіе, давшее ему начало. Настоящую ледяную статую я постарался достать и перенесъ въ одну изъ комнатъ, которыя буду имѣть счастіе вамъ показывать. Прочія картины—вымыселъ живописца.

— Очень благодарна за ваше намѣреніе, и если вы сдѣлали глупость, какъ угодно сказать иному, то я первая подала вамъ къ ней поводъ. Раздѣляю вмѣстѣ съ вами силу гнѣва его свѣтлости, хотя впрочемъ не понимаю причины ея.

Ироніи замѣтна была въ самомъ голосѣ государыни.

— Время, конечно, объяснитъ, почему такъ не нравится его свѣтлости эта ледяная игрушка—отвѣчалъ торжествующій Волынскій.

— Да, время!... проговорилъ Биронъ въ замѣшательствѣ, не зная самъ, что говорить. Онъ бормоталъ еще невнятныя слова, когда почувствовалъ, что кто-то сзади дергаетъ его за рукавъ шубы и—остановился, чтобы посмотрѣть, кто осмѣлился быть такъ дерзкимъ. Блѣдное, вытянутое лицо, взоры, бросавшіе отъ себя фосфорическій блескъ и двигающіяся взадъ и впередъ орангутанговы уши поразили его. Это былъ Лиманъ. Осторожный Лиманъ не придетъ безъ важной нужды тормошить его за санями государыни. Это подтверждаетъ и отчаяніе, выражающееся во всей его наружности, судорожно исковерканной. Биронъ соскочилъ съ запятокъ и, на шпоть своего клеврета, исчезъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ будто потонулъ въ камскомъ мхѣ.

Государыня, слыша, что герцогъ соскочилъ съ запятокъ, вздрогнула, испуганная и смущенная этимъ движеніемъ, предвѣщавшимъ что-то необыкновенное, склонила взоры и глубоко задумалась... Наступило мертвое молчаніе. Самый слонъ замолкъ. Сани

Digitized by Google

ея не двигались; у самой—Волынскій, вокругъ—придворные, кавалеры, впереди—эскадронъ гусаръ; сзади—множество экипажей, вдали—толпы народныя стояли на одномъ мѣстѣ. Волшебное зрѣлище представлялъ тогда этотъ ледяной дворецъ, одинъ, посреди ночи, потѣшающійся огнями своими; эта царица, казалось, на вѣки усыпленная въ ледяномъ экипажѣ; эти кони, воины, дворъ, народъ около нея, на снѣжномъ полотнѣ, убранные хорошо—все это будто въ саванахъ, неподвижное, нѣмое, мертвое,—и вдали кругомъ прозрачныя зданія, выглядывающія съ своими снѣжными крышами изъ-за ограды этой сцены! Къ довершенію очарованія, стали носиться по воздуху волосы тумана: какъ бы невидимые духи устраивали надъ царицей дымчатый пологъ.

Но слонъ вскрикнулъ—государыня встрепенулась, и все вновь ожило. Она велѣла тронуть сани, а Артемію Петровичу стать позади себя. Изволили разъ проѣхать мимо слона, возвратились назадъ и пожелали видѣть внутренность дома.

Между тѣмъ Биронъ, разъяренный, рыскалъ въ немъ, предшествуемый однимъ Липманомъ.—„Не можетъ быть!“—говорилъ онъ, пыхтя отъ злобы,—„неужели они эту поганую штуку сыграли?... Правда ли?... Кто тебѣ далъ знать?...“—„Племянникъ!“ отвѣчалъ Липманъ: „племянникъ не солжетъ... вы сами знаете... —„Гдѣ жъ?“..—„Вотъ здѣсь“...

Съ этимъ словомъ вошли они въ комнату, гдѣ стояли часы, и лежали карты на столѣ. Съ одной стороны, въ углу купидонъ съ дубинкою на плечѣ вытянулся какъ бы на караулъ, съ другой стороны другой ледяной купидонъ, прислонясь къ окну, держалъ палецъ правой руки на губахъ, а лѣвой рукою предлагалъ рогъ изобилія, желая, конечно, дать знать, что скромность доставляетъ богатство и прочіе дары фортуны. Тутъ до сихъ поръ не было ничего, что могло бы возбудить гнѣвъ его свѣтлости. Но въ переднемъ углубленіи, сдѣланномъ на подобіе стоячаго гроба, позади стола, выступилъ... человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ мертвеца, въ обледенѣлой рубашкѣ, босой... Онъ держалъ бумагу въ дрожащей рукѣ.—Казалось, только что облили его на морозѣ: струи еще слегка спадали съ ледяныхъ сборовъ его рубашки; по лицу его выступали капли предсмертнаго пота.

— Опять онъ?... И вездѣ онъ!... вскричалъ съ ужасомъ Биронъ.

Какъ не ужасаться было ему? По сотнѣ душъ отправлялъ онъ ежегодно въ Елисейскія поля, и ни одинъ мученикъ не возвращался съ того свѣта, чтобы преслѣдовать его. А тутъ, вездѣ за нимъ неотступно проклятый малороссіянинъ! Да дастъ ли онъ ему, въ

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ, покой? Странно! никого столько не боится Биронъ; на этомъ предметѣ скоро сведутъ его съ ума.

Онъ замахнулся тростью, чтобы ударить ненавистную фигуру, но та погрозила на него... Трость невольно опустилась, и ледяной потъ выступилъ на челѣ самого временщика. Съ минуту стоялъ онъ, дрожа отъ страха и гнѣва; потомъ, одумавшись, захохоталъ, вновь замахнулся въ ярости на мертвеца и... разбилъ ледяную статую въ дребезги. Упали предъ нимъ маска и рука; эта, зацѣпившись за его шубу, казалось, не хотѣла пустить его отъ себя. Липманъ съ трудомъ отодралъ ее: загнувшіеся концы проволоки, которая была въ нее вдѣлана, впились крѣпко въ бархатъ шубы. На мѣстѣ, откуда рука приводилась въ движеніе, осталось небольшое отверстіе съ Невской набережной.

Пока Биронъ сбивалъ съ своей шубы куски льду, ее облѣпившіе, и какъ бы стиралъ брызги крови, наперсникъ его вырвалъ бумагу, подалъ ее и торопливо сталъ рыться въ кускахъ на полу, боясь, не скрывалось ли еще какой въ нихъ штуки. Бѣгло взглянулъ герцогъ на бумагу, на которой и прочелъ: „Государыня! я, малороссійскій дворянинъ Горденко; живой замороженъ за то, что осмѣлился говорить правду; тысячи, подобно мнѣ, за нее измучены, и все по волѣ Бирона. Народъ твой страдаетъ. Допроси объ всемъ кабинетъ-министра Волынскаго, и облегчи тяжкую участь твоей Россіи, удаливъ отъ себя злодѣя и лицемѣра, всѣмъ ненавистнаго“.

Судорожно скомкавъ бумагу—за пазуху ее, потомъ спросилъ торопливо: „куда мы это все?“

Послышался шумъ позади ихъ... оба вздрогнули. Кто-то вошелъ—это былъ Кульковскій. Будто по чутью, онъ угадалъ, что нуженъ первому человѣку въ имперіи, и явился при немъ.—Кстати, любезный! сказалъ Биронъ, обратясь къ пажику: — убери съ Липманомъ все это поскорѣе... куда хочешь... хоть въ свои карманы. По одной милости за каждый кусокъ!

Не дожидаясь окончанія рѣчи своего патрона, Кульковскій—ну убирать куски льду то въ карманы, то за пазуху, то въ ротъ... Послѣднее дѣлалъ онъ единственно, чтобъ показать до какой степени онъ приверженъ къ первому человѣку въ имперіи. Онъ успѣлъ вынести въ два раза кучки льду за уголъ дома, спугнуть стоявшаго тамъ недоброжелателя, приводившаго въ движеніе статую, очистить мѣсто, гдѣ разбросанъ былъ ледъ, и мокрый, прохваченный морозомъ, непримѣтно вмѣшался въ свиту государыни, входившей въ ледяной домъ. Какъ не сказать при этомъ случаѣ: высокое самоотверженіе, достойное римлянина! — выраженіе, которымъ любилъ щеголять самъ Биронъ, когда жертвовалъ выгодами своего отечества личной пользѣ своей.

Digitized by Google

Государыня обошла весь домъ, во всѣхъ отдѣленіяхъ останавливалась и изволила разсматривать каждую вещь съ большимъ вниманіемъ, но не спрашивала уже о ледяной статуѣ, какъ будто боялась чрезъ все новаго оскорбленія...

Лажечниковъ.

IV. ИЗЪ РОМАНА: „КУЗЬМА РОЩИНЪ".

Чума въ Москвѣ.

Восточная чума, которую простой народъ такъ выразительно называетъ *моромъ*, показалась въ Москвѣ еще въ 1770 году; она свирѣпствовала тогда въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ въ то время расположены были наши войска. Частыя сообщенія московскихъ жителей съ дѣйствующей арміею, вѣроятно, были причиною появленія язвы сначала въ Малороссіи, а потомъ и въ самой Москвѣ. Мѣры, принятыя начальствомъ, казалось, прекратили ее совершенно; но въ слѣдующемъ, то есть 1771 году, въ мартѣ мѣсяцѣ она открылась снова и усилилась до того, что въ сентябрѣ число ежедневно умирающихъ доходило до тысячи человѣкъ. Всѣ старанія для прекращенія моровой язвы были безуспѣшны.

Чернь негодовала на учрежденіе карантинныхъ домовъ, запечатаніе банъ, а болѣе всего на запрещеніе погребать умирающихъ при городскихъ церквахъ. Въ смутныя времена обманщики и плуты всегда пользуются легковѣріемъ народнымъ. Одинъ фабричный изъ суконнаго двора началъ разглашать, будто онъ видѣлъ во снѣ, что это бѣдствіе постигло Москву за то, что никто не только не пѣлъ молебна, но даже и свѣчи не хотѣлъ поставить образу Божіей Матери, находящемуся у Варварскихъ воротъ. Не смотря на нелѣпость этой сказки, или, лучше сказать, потому именно, что въ ней все противорѣчило истинной вѣрѣ и здравому смыслу, безумная чернь хлынула толпою къ Варварскимъ воротамъ; начались безпрерывные молебны; здоровые и больные стекались со всѣхъ концовъ Москвы, заражали другъ друга и, разнося смерть по домамъ своимъ, гибли цѣлыми семействами.

Въ это-то бѣдственное время, рано поутру, 15 сентября тащилась шагомъ по большой ярославской дорогѣ телѣга, запряженная тройкою лошадей; въ ней сидѣлъ купецъ въ синемъ кафтанѣ тонкаго сукна, сверхъ котораго наброшена была дорогая лисья шуба. Съ перваго взгляда на его бѣлую, какъ снѣгъ, бороду и высокій лобъ, покрытый морщинами, можно было подумать, что онъ доживаетъ осьмой десятокъ, но жизнь, которая горѣла въ его глазахъ, по временамъ грустныхъ и задумчивыхъ, его прямой и видный станъ, не совсѣмъ поблекшія щеки, все доказывало, что не лѣта, а горе

Digitized by Google

провело эти глубокія морщины на лицѣ и покрыло преждевременной сѣдиною его голову.

— Вотъ ужъ солнышко и пригрѣвать стало, сказалъ проѣзжій, спуская съ плечъ свою шубу.—Эй, другъ сердечный! продолжалъ онъ, обращаясь къ ямщику:—ты ужъ версты четыре ѣдешь шагомъ. Не пора ли рысцой?

— Постой, хозяинъ, отвѣчалъ ямщикъ: выберемся на горку, такъ и рысью поѣдемъ. Да что ты больно торопишься? Теперь всѣ норовятъ изъ Москвы, а въ Москву охотниковъ мало.

— А ты давно ли былъ въ Москвѣ? спросилъ купецъ.

— Да вотъ онемнясь, днéй пятокъ назадъ, возилъ ростовскаго купца.

— Ну что, полегче ли тамъ стало?

— Куда легче! Такой моръ, что и сказать нельзя! Такъ, слышь ты, варомъ и варитъ. Гробовъ не успѣваютъ дѣлать.

— Боже мой! Боже мой! прошепталъ купецъ: не наказуй меня по грѣхамъ моимъ!

— Прогнѣвали мы Господа, продолжалъ ямщикъ. А слышалъ ли ты, хозяинъ: на Варварскихъ воротахъ явился образъ Боголюбской Божіей Матери?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Я въ прошлый разъ ходилъ самъ ему свѣчу поставить. Господи Боже мой, народу-то, народу!... Такъ другъ друга и давятъ! А говорятъ, стали мереть пуще прежняго.

— И не диво, любезный! Вѣдь эта болѣзнь пристаетъ.... Ну, теперь дорога пошла подъ горку, продолжалъ купецъ.—Пріударь-ка, голубчикъ!

— Погоди, хозяинъ. Выберемся изъ этого села, такъ поѣдемъ; вишь, по улицѣ-то грязь какая; вовсе дороги нѣтъ.

Проѣзжіе въѣхали въ село Пушкино. Кой-гдѣ лаяли тощія собаки, и заморенные голодомъ телята бродили по улицѣ; но нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго; ни одна труба не дымилась: все было мертво и тихо, какъ въ глубокую полночь.

— Что это, любезный? спросилъ купецъ. Иль еще по домамъ всѣ спятъ. Кажись, солнышко высоко.

— Какой спятъ! отвѣчалъ ямщикъ, понячивая головою. — Все Пушкино вымерло.

— Возможно ли? Неужели всѣ до одного?

— Всѣ, отъ мала до велика; во всемъ селѣ живой души не осталось.

— Всѣ до одного! повторилъ купецъ въ полголоса. Быть можетъ, въ этой избѣ дня три тому назадъ отецъ любовался своей семьею... мать нянчила дѣтей своихъ...

Digitized by Google

— А теперь, перемялъ ямщикъ, и воротъ-то притворить некому. Тутъ жилъ мой кумъ Ѳадѣй, мужикъ богатый, а семья-то какая была! Шестеро сыновей, молодецъ къ молодцу. Недѣли двѣ тому назадъ всѣ были здоровехоньки; а какъ въ послѣдній разъ я проѣзжалъ, такъ, глянку, горемычный старикъ одинъ какъ перстъ сидитъ на завалинкѣ. Онъ что-то хотѣлъ мнѣ сказать въ догонку, да вдругъ покатился, застоналъ и тутъ же при мнѣ Богу душу отдалъ.

Миновавъ длинный порядокъ крестьянскихъ дворовъ, проѣзжіе стали приближаться къ деревенской околицѣ. Изъ крайней избы, высунувшись до половины въ окно, смотрѣла на улицу крестьянская баба, повязанная бѣлымъ платкомъ.

— Слава тебѣ, Господи! сказалъ проѣзжій: насилу-то увидѣли живого человѣка.

Ямщикъ покачалъ головою.

— Да развѣ ты ослѣпъ? продолжалъ купецъ: вонъ, въ крайней-то избѣ!

— Вижу, хозяинъ; да она ужъ пятыя сутки смотритъ изъ окна. Видно, что голубушка хотѣла передъ смертью взглянуть на свѣтъ Божій. Сердечная!... и прибрать-то ее некому.

Купецъ невольно содрогнулся, когда они поравнялись съ избою, изъ которой выглядывала эта ужасная хозяйка. Онъ закрылъ руками глаза, чтобъ не видѣть ея обезображеннаго и покрытаго черными пятнами лица, на которомъ замерло выраженіе нестерпимой муки и адскаго страданія.

Когда пріѣзжіе выѣхали изъ села, ямщикъ тронулъ лошадей и поѣхалъ небольшой рысцою.

— Да прибавь немного ходу! сказалъ купецъ: этакъ мы цѣлый день протащимся.

— Какъ еще ѣхать-то? пробормоталъ извощикъ, пошевеливая вожжами. И куда спѣшить, хозяинъ? Вѣдь не на радость ѣдешь.

— Почемъ ты это знаешь? спросилъ торопливо купецъ.

— Да что теперь веселаго-то въ Москвѣ?

— У меня тамъ жена и дѣти.

— Вотъ что!—Да постой-ка, продолжалъ ямщикъ, оборачиваясь къ своему сѣдоку, никакъ ты московскій гость, Ѳедотъ Абрамычъ Сибиряковъ.

— Да, это я.

— То-то, я слышу, голосъ знакомъ. Ахъ, ты Господи, Боже мой, на-силу призналъ!

— Да почему ты меня знаешь?

— Какъ не знать! Я прошлую осень возилъ тебя со всею семьею

Digitized by Google

въ Ростовѣ. Вѣдь у тебя свой домъ на Варваркѣ, въ приходѣ Максима Исповѣдника! Такія знатныя каменныя палаты.

— Постой, постой, сказалъ купецъ: а тебя не Андреемъ ли зовутъ?

— Андреемъ, батюшка. Я и сожительницу и дѣтокъ твоихъ знаю. Ну, ужъ хозяюшка у тебя! что за добрый человѣкъ! Дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать! И двѣ дочки, нечего сказать, такія ласковыя, пригожія... Вотъ сынокъ-то у тебя...

— У меня нѣтъ сына.

— А кто жъ это былъ съ вами? Такъ, парнишка рыженькій, неказистый собою, Терешей зовутъ?

— Это мой пріемышъ.

— Да на что жъ тебѣ пріемышъ, коли у тебя свои родныя дочки есть?

— Я взялъ его тогда, когда у меня еще дѣтей не было.

— Вотъ что! Ну, не прогнѣвайся, хозяинъ: навязалъ ты на себя лихую болѣсть! Вѣдь этотъ пострѣлъ Тереша вовсе озорникъ. Да какой зяющій! Помнишь, въ Большихъ Мытищахъ мы остановились дать вздохнуть лошадямъ. Вы пошли чайку напиться, а я забѣжалъ на царское кружало [1]) винца хлебнуть. Что жъ, ты думаешь, этотъ рыжій безъ меня надѣлалъ? Возьми, да и разнуздай потихоньку лошадей! Еще хорошо, что я спохватился, а то бѣда, да и только. Кони у меня лихіе, косточки бы живой не оставили. Вотъ я сталъ на него браниться, такъ онъ же, чертенокъ, лукнулъ въ меня камнемъ, да чуть-чуть глазъ не вышибъ.

— Да! сказалъ со вздохомъ купецъ: видно, по грѣхамъ наказалъ меня Господь.

— И, хозяинъ! Да что онъ, родной что ль тебѣ? На порогъ, да и въ шею!

— Нѣтъ, другъ сердечный; когда Господь Богъ и отъ меня, окаяннаго грѣшника, не вовсе еще отступился, такъ мнѣ ли покинуть безъ призрѣнья этого круглаго сироту? Придется терпѣть отъ него горе; что дѣлать, любезный! Видно на это была воля Божія, и если бы только Господь помиловалъ жену мою и дѣтей...

— Не бойсь, хозяинъ, перервалъ ямщикъ: авось все ладно будетъ; Богъ милостивъ... Ну, вотъ теперь дорога пойдетъ скатертью; потѣшить что ль твою милость?

— Пожалуйста, любезный! Поспѣшь въ Москву къ обѣднямъ, такъ я тебѣ рубль на водку дамъ.

— Спасибо, хозяинъ! Да крѣпка ли у тебя повозка-то? сказалъ ямщикъ, подбирая вожжи. Эй вы, други!... Смотри, Ѳедотъ

---

[1]) *Кружало*—кабакъ.

Digitized by Google

Абрамычъ, держись! продолжалъ онъ, вытаскивая изъ-за пояса свой ременный кнутъ. Ну, что стали?... Ударю! Эй ты, сѣрко, замялся!... али вожки бекаютъ?

Удалой ямщикъ свистнулъ, гаркнулъ, и телѣга шибкомъ помчалась по широкой дорогѣ. Тарасовка, Волынщи Мытищи, Ростокино, село Алексѣевское, съ своимъ царскимъ дворцомъ и зеркальными прудами, замелькали мимо проѣзжихъ, и благовѣстъ еще не начинался въ городѣ, когда ямщикъ, осадивъ съ трудомъ свою лихую тройку, остановился близъ креста у Троицкой заставы. Къ нимъ подошелъ, какъ будто нехотя, старый инвалидъ и, узнавъ что купецъ ѣдетъ изъ „благополучнаго“ города Ярославля, безъ дальнихъ разспросовъ отворилъ рогатку. „Ну, счастливъ ты, хозяинъ!“ сказалъ ямщикъ, тронувъ лошадей: „меня въ прошлый разъ отъ самыхъ полудней продержали за рогаткою почитай вплоть до вечерень; разспросовъ-то сколько было...“

— А вотъ обозъ, что передъ нами идетъ, сказалъ купецъ, его вовсе не останавливали.

— Да, да, подхватилъ ямщикъ. Что за притча такая?

— Видно, любезный, и карауллить-то ужъ некому нашу матушку Москву.

— Что ты, хозяинъ! Мало ли здѣсь всякихъ командъ? Однихъ выборныхъ да десятскихъ тьма тьмущая. Нѣтъ, знать въ Москвѣ-то полегче стало.

— Дай-то Господи! произнесъ съ глубокимъ вздохомъ купецъ.

Обозъ, который ѣхалъ передъ проѣзжими, вдругъ сталъ торопливо сворачивать въ сторону, и впереди раздался отвратительный, сиповатый голосъ: „Сворачивай проворнѣй! господа ѣдутъ“. Въ одну минуту вся середина улицы опустѣла, и купецъ увидѣлъ передъ собою такой странный поѣздъ, что сердце его оледенѣло отъ ужаса. Къ заставѣ тянулся длинный рядъ роспусковъ, нагруженныхъ гробами; нѣкоторые изъ нихъ были такъ плохо сколочены, что, казалось, при каждомъ потрясеніи готовы были развалиться; иные были даже вовсе безъ крышъ, и безобразные, едва прикрытые цыновками трупы выглядывали изъ нихъ на проходящихъ. Живые люди, которые окружали эту похоронную процессію, показались проѣзжему еще ужаснѣе самихъ мертвецовъ, не потому, что они были одѣты какими-то пугалами, въ вощаные балахоны и колпаки, но ихъ пьяныя, развратныя физіономіи, ихъ звѣрскія лица, ихъ безумный хохотъ при видѣ проѣзжихъ, которые торопились сворачивать съ дороги, все придавало имъ видъ настоящихъ демоновъ. Нѣсколько поодаль шли гарнизонные солдаты съ ружьями, и ѣхалъ полицейскій чиновникъ верхомъ.

Digitized by Google

— О, Господи! сказалъ купецъ: что это за люди!... Въ нихъ нѣтъ и образа человѣческаго.

— Развѣ не видишь, хозяинъ, что они въ кандалахъ? прервалъ ямщикъ. Это разбойники.

— Разбойники? повторилъ робкимъ голосомъ купецъ.

— Ну, да. Сначала выносили покойниковъ за городъ каменные погонщики; да больно стали мереть, такъ теперь нарядили изъ острога колодниковъ.

— Эй ты, хозяинъ! закричалъ одинъ каторжный: почини кубышку-то, дай что нибудь! нечѣмъ помянуть покойниковъ.

— Да полно, не скупись! промолвилъ другой. Вѣдь завтра можетъ статься, и тебя туда же потащимъ.

Купецъ бросилъ имъ горсть мелкихъ денегъ; всѣ разбойники, какъ голодныя собаки, кинулись подбирать мѣдные гроши; одинъ только колодникъ, аршинъ трехъ росту, не подражалъ ихъ примѣру. Онъ стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ и пристально смотрѣлъ на купца.

— Ну, что ты, Каланча, глаза-то выпучилъ? закричалъ одинъ изъ его товарищей. Или захотѣлось плети отвѣдать? ступай!

— Проѣзжай скорѣй, любезный, шепталъ купецъ: на этихъ людей и глядѣть-то страшно!

— Поживешь здѣсь денька два, такъ привыкнешь, пробормоталъ ямщикъ, погоняя лошадей.

Они проѣхали отъ заставы до самой Сухаревой Башни, не встрѣтивъ ни одного прохожаго. Мертвая тишина, изрѣдка прерываемая глухими воплями, которые проникали сквозь стѣны домовъ; кой-гдѣ на церковныхъ погостахъ окостенѣлые трупы нищихъ; заколоченныя двери, окна съ выбитыми стеклами, и вездѣ, почти на каждомъ шагу, красные кресты на воротахъ. За Сухаревой Башней проѣзжіе стали обгонять сначала людей, идущихъ поодиночкѣ, потомъ цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ, и когда, выѣхавъ къ Никольскимъ воротамъ, поворотили налѣво, мимо городской стѣны, то должны были безпрестанно останавливаться, чтобъ не придавить народъ.

— Смотри-ка хозяинъ, сказалъ ямщикъ, какъ всѣ православные бѣгутъ молиться Боголюбской Божіей Матери! Глядь-ка, глядь! Вонъ тамъ, у Варварскихъ воротъ!... Ахъ ты, Господи! Эва народу-то! Словно въ котлѣ кипитъ!

— Да что это? сказалъ купецъ, прислушиваясь къ какимъ-то невнятнымъ звукамъ, которые, какъ отдаленные перекаты грома раздавались посреди безчисленной толпы народа: это не походитъ на обыкновенный людской говоръ... Слышишь, какъ кричатъ?

Digitized by Google

— Слышу, Ѳедотъ Абрамычъ. Въ прошлый разъ народу не меньше было, а такъ не шумѣли.... Ужь не фабричные ли?...

— Избави Господи!...

— А вотъ постой, хозяинъ; подъѣдемъ ближе, такъ увидимъ.

Не доѣзжая шаговъ триста до Варваринихъ воротъ, проѣзжіе должны были остановиться. Все пространство между городской стѣной и приходской церковью Всѣхъ Святыхъ было усѣяно народомъ.

— Ну, дѣлать нечего, сказалъ купецъ, вылѣзая изъ тележки. Ступай назадъ; авось Ильинскими воротами проѣдешь на Варварку, а я ужъ какъ-нибудь добреду пѣшкомъ до дому.

Ямщикъ повернулъ лошадей, а купецъ смѣшался съ народомъ, и попеременно, то продираясь медленно впередъ, то быстро увлекаемый бѣгущими толпами, очутился въ нѣсколько минутъ у самыхъ Варварскихъ воротъ. Прежде всего кинулся ему въ глаза стоящій на высокой скамьѣ небольшого росту человѣкъ, съ растрепанными волосами, запачканный, оборванный, однимъ словомъ, похожій на убѣжавшаго изъ тюрьмы колодника; онъ кричалъ отъ времени до времени охрипшимъ и протяжнымъ голосомъ: „порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу!“ Къ образу Боголюбской Божіей Матери, вдѣланному саженяхъ въ двухъ отъ земли въ стѣну башни, приставлена была лѣстница; народъ лѣзъ по ней безпрерывно вверхъ; одни прикладывались, другіе ставили свѣчи; нижніе цѣплялись за верхнихъ, сталкивали ихъ внизъ, падали сами; ихъ топтали въ ногахъ, давили; плачъ, крики, женскій визгъ, стоны умирающихъ—все заглушалось общимъ ропотомъ народа, который волновался и шумѣлъ какъ бурное море. Прислушиваясь къ разговорамъ нѣкоторыхъ лицъ, пріѣзжій купецъ былъ пораженъ именемъ преосвященнаго Амвросія и намеками на опасность, угрожающую добродѣтельному пастырю. Онъ хотѣлъ узнать подробнѣе, въ чемъ дѣло; разспрашивалъ многихъ: отвѣты были темны или заключались въ общихъ угрозахъ, и онъ не сталъ обращать на нихъ вниманія.

Когда толпа начала рѣдѣть, купецъ снова пошелъ впередъ. Миновавъ церковь Георгія Побѣдоносца, онъ выбрался на просторъ; позади его кипѣли толпы народа, но впереди вся улица была пуста, и только кой-гдѣ изъ оконъ домовъ выглядывали украдкою жены богатыхъ купцовъ, которыя жили взаперти и не смѣли выходить на улицу. Вдругъ купецъ, который шелъ скорыми шагами, остановился; онъ увидѣлъ вдали кровлю своего дома; сердце его сжалось, холодный потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ. До этой рѣшительной минуты онъ не вовсе былъ несчастливъ; онъ могъ надѣяться, могъ думать: „у меня есть жена, у меня есть дѣти!“ Но теперь еще... нѣсколько шаговъ, еще полминуты—и, быть можетъ, онъ давно уже одинъ въ цѣломъ мірѣ: горькій сирота, съ сѣдыми волосами, быть

можетъ, онъ станетъ искать и не найдетъ могилы, надъ которою могъ бы понежить. „Милосердый Боже!“ прошепталъ бѣдный старикъ: не мнѣ просить Тебя о милости; но чтобъ искупить ихъ жизнь, пошли на меня болѣзни, страданія, дозволь мнѣ живому лечь въ могилу, и я стану прославлять Твое милосердіе!“

Въ эту самую минуту оборванный и безобразный собою мальчишка, который бѣжалъ, оглядываясь безпрестанно назадъ, наткнулся на купца.

— Терешка! вскричалъ онъ, схватилъ его за руку: ты ли это?

— Вѣстимо я, пробормоталъ мальчишка, стараясь вырваться.

— Да постой! Куда ты бѣжишь?... Ну что, скажи: все ли у насъ здорово? Что моя жена?... что дочери?

— А что имъ дѣлается! сказалъ мальчикъ, поглядывая съ нетерпѣніемъ впередъ.

— Такъ онѣ живы?

— А кто ихъ знаетъ!

— Да развѣ ты живешь не съ ними?

— Вѣстимо нѣтъ! Мнѣ колотушки-то надоѣли.... Да пусти меня!

— Возможно ли? вскричалъ купецъ: ты покинулъ мой домъ? Да какъ ты смѣлъ...

— А вотъ какъ! сказалъ мальчикъ, высвободивъ свою руку и пускаясь бѣгомъ къ Варварскимъ воротамъ.

— Онъ живъ! прошепталъ купецъ, глядя вслѣдъ за своимъ пріемышемъ. А быть можетъ, этотъ ангелъ во плоти, жена моя, мои дѣти... О скорѣй, скорѣй! продолжалъ онъ, торопясь итти впередъ: что будетъ, то будетъ, а лучше одинъ конецъ!

И вотъ ужъ онъ подлѣ своего дома; глядитъ: ставни заперты, двери съ улицы заколочены досками; онъ спѣшитъ къ воротамъ... Праведный Боже! На нихъ красный крестъ!... Но, кажется?... Такъ точно: на дворѣ залаяла собака. Такъ, домъ не совсѣмъ еще покинутъ! Купецъ стучитъ въ калитку—отвѣту нѣтъ; одна лишь собака, почуявъ хозяина, лаетъ пуще прежняго. Проходитъ нѣсколько минутъ—все та же мертвая тишина. Вотъ въ сосѣднемъ домѣ медленно отворилось окно, и человѣкъ съ блѣднымъ, больнымъ лицомъ сказалъ купцу:

— Не стучи, любезный; въ этомъ домѣ никого нѣтъ.

— Никого? повторитъ бѣдный старикъ прерывающимся голосомъ, а хозяйка дома?

— Третій день какъ умерла.

— А ея дочери?

— Вчера послѣднюю отвезли на кладбище.

— Послѣднюю!... прошепталъ купецъ.

Онъ прислонился къ стѣнѣ своего дома. Несчастный не ли-

Digitized by Google

лился плакать: онъ чувствовалъ, онъ понималъ, что у него нѣтъ ни жены, ни дѣтей. Есть горе, которое мы, Богъ знаетъ, почему, называемъ горемъ; оно не имѣетъ и не можетъ имѣть имени на языкѣ человѣческомъ. Это чувство не продолжительно, какъ послѣдній вздохъ умирающаго; не мелкими безпрерывными болѣзнями, цѣлый вѣкъ страданій тѣлесныхъ ничто предъ этой минутной смертію души. Старикъ-сиротa молчалъ; въ глазахъ его не было слезъ, въ груди ни одного вздоха; онъ взглянулъ на небеса: они были ясны, чисты, но такъ же безотвѣтны, такъ же мертвы, какъ душа его. Ему казалось, что кто-то шепталъ надъ его ухомъ: „не спучись и тамъ, старикъ, и тамъ тебѣ никто не отзовется.“ Безсознанные взоры купца остановились на притворѣ церкви, противъ которой онъ находился. Вдругъ они вспыхнули. „Итакъ,“ вскричалъ онъ, заскрежетавъ зубами, „ни раскаяніе, ни теплыя молитвы, ни кровавыя слезы мои, ничто не могло смягчить Тебя!“ Въ эту минуту кто-то вышелъ изъ церкви; въ ней служили молебенъ, и черезъ растворенныя двери послышались тихіе голоса; на клиросѣ пѣли: „Царю Небесный, утѣшителю, душе истины!“ Слова отчаянія замерли на устахъ купца; кротое смиреніе, какъ благотворный дождь, пролилось въ его душу, слезы брызнули изъ глазъ, и онъ упалъ во прахъ предъ карающей десницею своего Господа.

Усердная молитва облегчила сердце несчастнаго. Онъ чувствовалъ всю великость своей потери; онъ могъ сказать: „Прискорбна есть душа моя даже до смерти,“ но не роптalъ уже на Того, кто даетъ и отнимаетъ. „Да будетъ Твоя святая воля!“ сказалъ онъ, устремивъ глаза на икону Спасителя, которая висѣла надъ притворомъ церкви: „Твой праведный судъ свершился надо мною; Ты видишь мои страданія... Господи, Господи! примирился ль я съ Тобою?“

Скоро нагрянула толпа людей, шедшихъ отъ Варварскихъ воротъ, и онъ услышалъ снова имя Амвросія. Купецъ задрожалъ; онъ сталъ страшиться за безопасность почитаемаго архипастыря, котораго зналъ лично.

Съ горестью въ сердцѣ должны мы упомянуть здѣсь о происшествіи, котораго ужасъ не позволяетъ намъ раскрыть всѣ подробности.

Кромѣ бѣдствій, которыя претерпѣла Москва въ это время, ей суждено было еще прибавить черную страницу къ своимъ лѣтописямъ. Ужасное злодѣяніе совершилось въ ея стѣнахъ: архіепископъ Амвросій палъ, какъ извѣстно, подъ ножемъ шайки гнусныхъ злоумышленниковъ. Накинемъ скорѣе завѣсу на это святотатственное событіе, о которомъ московскіе старожилы доселѣ не могутъ вспоминать безъ содроганія, и скажемъ только, какое участіе принималъ

Digitized by Google

въ немъ нашъ пріѣзжій купецъ панскаго ряда Осдотъ Абрамовичъ Сибиряковъ.

Удостовѣрившись въ дѣйствительности замысла злодѣевъ, этотъ несчастный рѣшился спасти Амвросія. На другой день, 16 сентября, рано по-утру онъ поскакалъ въ Донской монастырь, гдѣ тогда жилъ архіерей. Онъ засталъ у воротъ обители одного молодого послушника и келейника Амвросіева, и требовалъ отъ нихъ настоятельно, чтобы они убѣдили достойнаго пастыря тотчасъ уѣхать подальше отъ Москвы. Преосвященный не успѣлъ еще вспомнить его совѣта, какъ уже убійцы были у воротъ монастыря. Онъ искалъ убѣжища въ церкви. Злодѣи вломились въ храмъ, и тотъ самый пріемышъ Сибирякова, змѣя, воплощенная въ человѣческомъ тѣлѣ, открылъ его на хорахъ и указалъ разъяреннымъ извергамъ. Разбойники стащили преосвященнаго съ хоръ. Одинъ изъ нихъ, въ которомъ Сибиряковъ узналъ фабричнаго, собиравшаго у Варварскихъ воротъ деньги „на всемірную свѣчу“, бѣсновался болѣе другихъ. Истощивъ всѣ бранныя слова, онъ занесъ уже широкій ножъ надъ грудью жертвы. Сибиряковъ схватилъ его за руку и остановилъ ударъ. „А этотъ что вступается?“ раздѣлили кругомъ голоса разбойниковъ: „бейте его!“—„Что вы, братцы?“ принужденъ былъ сказать купецъ: „вѣдь я съ вами! Пригожее ли дѣло осквернить храмъ Господень? Выведемъ его изъ монастыря, а тамъ допросимъ, увидимъ...“—„Правда, правда!“ вскричали разбойники: „вѣдь онъ не уйдетъ!“ Сибиряковъ надѣялся, что онъ между тѣмъ успѣетъ уговѣстить изверговъ; но всѣ его усилія были тщетны. Амвросій погибъ. Злоумышленники не избѣгли заслуженнаго наказанія. Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, единственный тогда начальникъ въ Москвѣ, успѣлъ собрать нѣсколько ротъ Великолуцкаго полка, который стоялъ верстахъ въ тридцати отъ города, и при помощи этой горсти солдатъ разсѣялъ скопище и переловилъ зачинщиковъ. Вслѣдъ за этимъ прибылъ въ Москву главнокомандующій графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, гражданскій губернаторъ Юшковъ и оберъ-полицеймейстеръ Бахметевъ. Вскорѣ спокойствіе было совершенно возстановлено, и учреждена особая комиссія для произведенія слѣдствія объ убіеніи архіепископа Амвросія.

Загоскинъ.

V. ИЗЪ ПОВѢСТИ: „КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА“.

1. Вожатый.

Я [1]) Приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и овра-

[1]) Герой повѣсти Гриневъ.

Digitized by Google

ками. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или, точнѣе, по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону и, наконецъ, снявъ шапку, оборотился ко мнѣ и сказалъ:

„Баринъ, не прикажешь ли воротиться?“

— Это зачѣмъ?

„Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается; вишь, какъ онъ сноситъ порошу.“

— Что за бѣда!

„А видишь тамъ что?“

(Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи да яснаго неба.

„А вонъ... вонъ: это облачко“.

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ пояснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ метеляхъ и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичъ [2]), согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ: я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

„Ну, баринъ“, закричалъ ямщикъ: „бѣда: буранъ!...“

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ и скоро стали.

„Что же ты не ѣдешь?“ спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.

— Да что ѣхать? отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка: невѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился: „И охота было не слушаться“, говорилъ онъ сердито: „воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы

---

[2]) *Савельичъ*—дядька Гринева, сопровождающій молодаго своего барина, опредѣлившагося на службу.

Digitized by Google

на свадьбу!“ Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего: снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать убавливая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго кружения метели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное.

„Эй, ямщикъ!“ закричалъ я: „смотри: что тамъ такое чернѣется?“

Ямщикъ сталъ всматриваться.

— А Богъ знаетъ, баринъ, сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто: возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волкъ или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ навстрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поравнялись съ человѣкомъ.

„Гей, добрый человѣкъ!“ закричалъ ему ямщикъ: „скажи, не знаешь ли, гдѣ дорога?“

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ, отвѣчалъ дорожный: да что толку?

— „Послушай, мужичокъ,“ сказалъ я ему: „знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?“

— Сторона мнѣ знакомая, отвѣчалъ дорожный: слава Богу, исхожена и изъѣзжена вдоль и поперекъ. Да вишь какая погода: какъ разъ собьешься съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ, да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ.

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужъ рѣшился, предавъ себя Божіей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучокъ и сказалъ ямщику:

— Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо, да поѣзжай.

„А почему ѣхать мнѣ вправо?“ спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ. „Гдѣ ты видишь дорогу? Не бось, лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй—не стой.“

Ямщикъ казался мнѣ правъ.

„Въ самомъ дѣлѣ“, сказалъ я: „почему думаешь ты, что жило недалече?“

— А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ, отвѣчалъ дорожный, и я слышу, дымомъ пахнуло; знать деревня близко.

Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то взъѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это по-

Digitized by Google

хоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поминутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть, и въ которомъ до сихъ поръ вижу нѣчто пророческое, когда соображаю съ нимъ странныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинитъ меня, ибо, вѣроятно, знаетъ по опыту, какъ сродно человѣку предаваться суевѣрію, не смотря на всевозможное презрѣніе къ предразсуднамъ.

Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія. Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ, и мы еще блуждали по снѣжной пустынѣ.... Вдругъ увидѣлъ я ворота и въѣхалъ на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслію моею было опасеніе, чтобъ батюшка не прогнѣвался на меня за невольное возвращеніе подъ кровлю родительскую, и не почелъ бы его умышленнымъ ослушаніемъ. Съ безпокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго сокрушенія. „Тише," говоритъ она мнѣ: „отецъ боленъ при смерти и желаетъ съ тобою проститься." Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спальню. Вижу, комната слабо освѣщена; у постели стоятъ люди съ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; матушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: „Андрей Петровичъ, Петруша пріѣхалъ; онъ воротился, узнавъ о твоей болѣзни; благослови его". Я сталъ на колѣна и устремилъ глаза мои на больного. Что жъ?... Вмѣсто отца моего, вижу, въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: „Что это значитъ? Это не батюшка. И къ какой мнѣ стати просить благословенія мужика?"—„Все равно, Петруша," отвѣчала мнѣ матушка: „это твой посаженый отецъ; поцѣлуй у него ручку, и пусть онъ тебя благословитъ..." Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и сталъ махать во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать... и не могъ; комната наполнилася мертвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря: „Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе..." Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною... И въ эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря:

„Выходи, сударь: пріѣхали."

— Куда пріѣхали? спросилъ я, протирая глаза.

Digitized by Google

„На постоялый дворъ. Господь помогъ, натянулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣй, да обогрѣйся".

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшею силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ яицкій [1]) казакъ, казался, мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобъ готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый? спросилъ я у Савельича.

„Здѣсь, ваше благородіе", отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху.

Я взглянулъ на полати и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.

— Что, братъ, прозябъ?

„Какъ не прозябнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить—заложилъ вечоръ у цѣловальника: морозъ показался невеликъ".

Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показалась просѣдь; живые большіе глаза такъ и бѣгали. Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волоса были обстрижены въ кружокъ; на немъ былъ оборванный армякъ и татарскіе шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. „Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость... прикажите подносить стаканъ вина; чай не наше казацкое питье". Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ ему въ лицо: „Эхе", сказалъ онъ: „опять ты въ нашемъ краю! Откуда Богъ принесъ?" Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою: „Въ огородѣ летала, конопли клевала; вывернула бабушка камушкомъ, да мимо. Ну, а что ваши?"

— Да что наши! отвѣчалъ хозяинъ, продолжая иносказательный разговоръ: стали было къ вечерни звонить, да попадья не велитъ: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.

„Молчи, дядя", возразилъ мой бродяга: „будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ: а теперь (тутъ

---

[1]) *Яикъ*—прежнее названіе рѣки Урала.

Digitized by Google

онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе! за ваше здоровье!"

При сихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ, потомъ поклонился мнѣ и воротился на полати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровского разговора, но послѣ уже догадался, что дѣло шло о дѣлахъ Яицкаго войска [1]), въ то время только что усмиреннаго послѣ бунта 1772 года. Савельичъ слушалъ съ видомъ большого неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или по тамошнему *умет*, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился ночевать и легъ на лавку. Савельичъ рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ какъ убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что даже Савельичъ съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную помощь и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичъ нахмурился. „Полтину на водку!" сказалъ онъ: „за что это? За то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь: нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать". Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно однакожъ, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня, если не изъ бѣды, то по крайней мѣрѣ изъ очень непріятнаго положенія.

— Хорошо, сказалъ я хладнокровно: если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь изъ моего платья. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

„Помилуй, батюшка, Петръ Андреичъ!" сказалъ Савельичъ: „зачѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ."

— Это, старинушка, ужъ не твоя печаль," сказалъ мой бородачъ: „пропью ли я, или нѣтъ. Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу съ

---

[1]) Яицкое войско—уральскіе казаки.

Digitized by Google

своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться."

„Бога ты не боишься, разбойникъ!" отвѣчалъ ему Савельичъ сердитымъ голосомъ. „Ты видишь, что дитя еще не смыслитъ, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. Зачѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища."

— Прошу не умничать, сказалъ я своему дядькѣ: сейчасъ неси сюда тулупъ.

„Господи, владыко!" простоналъ мой Савельичъ. „Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!"

Однако заячій тулупъ явился. Мужичокъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ, тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырасти, былъ немножко для него узокъ. Однако онъ кое-какъ умудрился и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичъ чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: „Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей." Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячьемъ тулупѣ.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мужчину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостію. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый полинялый мундиръ напоминалъ воина временъ Анны Іоанновны, а въ его рѣчи сильно отзывался нѣмецкій выговоръ. Я подалъ ему письмо отъ батюшки. При имени его онъ взглянулъ на меня быстро. „Поже мой"! сказалъ онъ: „Тафно ли, кажется, Андрей Петровичъ былъ еще твоихъ лѣтъ, а теперь вотъ ужъ какой у него молотецъ! Ахъ, фремя, фремя!"—Онъ распечаталъ письмо и сталъ читать его въ полголоса, дѣлая свои замѣчанія: „Милостивый государь, Иванъ Карловичъ, надѣюсь, что Ваше Превосходительство".. Это что за серемоніи? Фуй, какъ ему не софѣстно! Конечно, дисциплина первое дѣло, но такъ ли пишутъ къ старому камратъ?... „Ваше Превосходительство не забыло"... гм... „и... когда... покойнымъ фельдмаршаломъ Мин... походѣ... также и"... Эхе, брудеръ! такъ онъ еще помнитъ старый нашъ проказъ? „Теперь о дѣлѣ... Къ вамъ моего повѣсу"... гм... „держать въ ежовыхъ рукавицахъ"... Что такое ешовы рукавицъ"... Это должно быть русска поговоркъ... Что такое держать въ ешовыхъ рукавицахъ? повторилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Это значитъ, отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе

Digitized by Google

невиннымъ: обходиться ласково, не слишкомъ строго, давать побольше воли, держать въ ежовыхъ рукавицахъ.

„Гм, понимаю... и не давать ему воли“... нѣтъ, видно ежовы рукавицы значитъ не то... „Присемъ... его паспортъ“... Гдѣ же онъ? А, вотъ... „Отписать въ Семеновскій“... Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано... „Позволишь безъ чиновъ обнять себя и... старымъ товарищемъ и другомъ“... а! наконецъ догадался... и прочая и прочая... „Ну, батюшка“, сказалъ онъ, прочитавъ письмо и отложивъ въ сторону мой паспортъ: „все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведенъ въ *** полкъ, и чтобъ тебѣ времени не терять, то завтра же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана Миронова, добраго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Оренбургѣ дѣдать тебѣ нечего; развѣяніе вредно молодому человѣку. А сегодня милости просимъ отобѣдать у меня.“

Часъ отъ часу не легче! подумалъ я про себя: къ чему послужило мнѣ то, что почти въ утробѣ матери я былъ уже гвардіи сержантомъ! Куда это меня завело? Въ *** полкъ и въ глухую крѣпость на границу Киргизъ-Кайсацкихъ степей!... Я отобѣдалъ у Андрея Карловича, втроемъ съ его старымъ адъютантомъ. Строгая нѣмецкая экономія царствовала за его столомъ, и я думаю, что страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своею холостою трапезою былъ отчасти причиною поспѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой день я простился съ генераломъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

---

9. Приступъ.

Изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками [1]). Между ними, на бѣломъ конѣ, ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблею въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили, и, какъ видно по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали своихъ измѣнниковъ.

Мятежники видимо приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ. „Василиса Егоровна!“ сказалъ комендантъ: „здѣсь не бабье дѣло; уведи Машу; видишь, дѣвка ни жива, ни мертва“.

---

[1]) *Сайдакъ*—лукъ со стрѣлами.

Digitized by Google

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ оборотилась къ мужу и сказала ему: „Иванъ Кузьмичъ, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу".

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу, стала на колѣна и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ и, поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ:

„Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе".

Маша кинулась ему на шею и зарыдала.

— Поцѣлуемся-жъ и мы, сказала, запыхавъ, комендантша. Прощай, мой Иванъ Кузьмичъ. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила!

„Прощай, прощай, матушка!" сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху. „Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ".

Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ вослѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой.

Тутъ Иванъ Кузьмичъ обратился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. „Теперь стойте крѣпко", сказалъ комендантъ: „будетъ приступъ"... Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди... Онъ махалъ саблею, и, казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. „Ну, ребята", сказалъ комендантъ: „теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!"

Комендантъ, Иванъ Игнатьичъ и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но обробѣлый гарнизонъ не тронулся. „Что жъ вы, дѣтушки, стоите?" закричалъ Иванъ Кузьмичъ. „Умирать, такъ умирать, дѣло служивое!" Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ, но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненный въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь: нѣсколько дюжихъ казаковъ

Digitized by Google

схватили меня и связали кушаками, приговаривая: „Вотъ уже вамъ будетъ, государевымъ ослушникамъ!“ Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что государь на площади снимаетъ лифляндскихъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый казацкій кафтанъ, обшитый галунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лицо его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ и, казалось, молча, умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народъ, и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. „Который комендантъ?“ спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузьмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: „Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему государю?“ Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: „Ты мнѣ не государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты!“ Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился черномъ изувѣченный башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку, и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузьмича вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. „Присягай“, сказалъ ему Пугачевъ, „государю Петру Ѳеодоровичу!“—„Ты намъ не государь“, отвѣчалъ Иванъ Игнатьичъ, повторяя слова своего капитана: „ты, дядюшка, воръ и самозванецъ!“ Пугачевъ махнулъ снять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ несказанному моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. „Вѣшать его!“ сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля Его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. „Не бось, не бось,“ повторяли мнѣ губители, можетъ быть, и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услышалъ я крикъ: „По-

Digitized by Google

стойте, окаянные! погодите!...“ Палачи остановились. Гляжу: Савельичъ лежитъ въ ногахъ у Пугачева. „Отецъ родной!“ говоритъ бѣдный дядька, „что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня, старика!“ Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. „Батюшка нашъ тебя милуетъ“, говорили мнѣ. Въ эту минуту не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу однакожъ, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣна. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. „Цѣлуй руку, цѣлуй руку!“ говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. „Батюшка, Петръ Андреичъ!“ шепталъ Савельичъ, стоя за мною и толкая меня: „не упрямься! что тебѣ стоитъ? плюнь да поцѣлуй у злод... (тьфу!), поцѣлуй у него ручку.“ Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ руку, сказавъ съ усмѣшкою: „Его благородіе знать одурѣлъ отъ радости. Подымите его!“ Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатою сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую до-нага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную посуду, бѣлье и всю рухлядь. „Батюшки мои!“ кричала бѣдная старушка: „отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузьмичу“. Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. „Злодѣи!“ закричала она въ изступленіи, „что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузьмичъ, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусскіе, ни пули турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!“ — „Унять старую вѣдьму!“ сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

Digitized by Google

3. Попойка.

Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и стаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя безполезность заступленія. По крѣпости бѣгали разбойники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мятежниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога.

„Слава Богу!“ вскричалъ онъ, увидя меня. „Я было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка, Петръ Андреичъ! вѣришь ли? все у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣлье, вещи, посуду—ничего не оставили. Да что ужъ! Слава Богу, что тебя живаго отпустили! А узналъ ли ты, сударь, атамана?“

— „Нѣтъ, не узналъ; а кто жъ онъ такой?

„Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, который выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій тулупчикъ совсѣмъ новёхонькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напяливая на себя!“

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ сходство Пугачева съ моимъ вожатымъ было разительно. Я удостовѣрился, что Пугачевъ и онъ были одно и то же лицо, и понялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягѣ, избавлялъ меня отъ петли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

„Не изволишь ли покушать? спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ. „Дома ничего нѣтъ; пойду пошарю, да что нибудь тебѣ изготовлю“.

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что мнѣ было дѣлать? Оставаться въ крѣпости, подвластной злодѣю, или слѣдовать за его шайкою, было неприлично офицеру. Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ... Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемѣну въ обстоятельствахъ, но все же не могъ не трепетать, воображая опасность ея положенія.

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, „что де великій государь требуетъ тебя къ себѣ“.

— Гдѣ же онъ? спросилъ я, готовясь повиноваться.

„Въ комендантскомъ“, отвѣчалъ казакъ. „Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперь отдыхаетъ. Ну, ваше благоро-

діе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да насилу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ пріемы такіе важные...“

Я не почелъ нужнымъ оспоривать мнѣнія казака и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ комендантскій домъ, заранѣе воображая себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончится. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ комендантскому дому. Висѣлица со своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной комендантши все еще валялось подъ крыльцомъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить и, тотчасъ же воротившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановною.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человѣкъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожами и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. „А, ваше благородіе“, сказалъ Пугачевъ, увидя меня, „добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ“. Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простого вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоѳеичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ товарищи и не оказывали никакого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шелъ объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія и свободно оспоривалъ Пугачева. И на семъ-то странномъ совѣтѣ рѣшено было итти къ Оренбургу: движеніе дерзкое, и которое чуть было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню. „Ну, братцы“, сказалъ Пугачевъ, „затянемъ-ка на сонъ грядущій мою любимою пѣсенку. Чумаковъ! начинай!“ Сосѣдъ мой затянулъ тонкимъ голоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Digitized by Google

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати,
Что за утра мнѣ доброму молодцу въ допросъ итти
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ Государь-Царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа, православный Царь,
Всѣ правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищъ темная ночь,
А второй мой товарищъ булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ, то тугой лукъ;
Что разсыльщики мои, то калены стрѣлы,
Что возговоритъ надежа православный Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Невозможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ,—все потрясало меня какимъ-то піитическимъ ужасомъ.

Гости выпили еще по стакану, встали изъ-за стола и простились съ Пугачевымъ. Я хотѣлъ за ними послѣдовать, но Пугачевъ сказалъ мнѣ: „Сиди; я хочу съ тобою переговорить“. Мы остались глазъ на глазъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное наше молчаніе. Пугачевъ смотрѣлъ на меня пристально, изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и насмѣшливости. Наконецъ онъ засмѣялся, и съ такою непритворной веселостію, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная чему.

„Что, ваше благородіе“, сказалъ онъ мнѣ: „струсилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебѣ веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось... А покачался бы на перекладинѣ, если бъ не твой слуга. Я тотчасъ узналъ стараго хрыча. Ну, думалъ ли ты, ваше благородіе, что человѣкъ, который вывелъ тебя къ умету, былъ самъ великій государь?“ (тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный). „Ты крѣпко предо мною виноватъ“, продолжалъ онъ: „но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ я былъ скрываться отъ своихъ недруговъ. То ли еще увидишь! такъ ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обѣщаешься ли служить мнѣ съ усердіемъ?“

Digitized by Google

Вопросъ мошенника и его дерзость показались мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.

„Чему ты усмѣхаешься?“ спросилъ онъ меня, нахмурясь. „Или ты не вѣришь, что я великій государь? Отвѣчай прямо“.

Я смутился. Признать бродягу государемъ былъ я не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ было подвергнуть себя погибели, и то, на что былъ я готовъ подъ висѣлицею въ глазахъ всего народа, въ первомъ пылу негодованія, теперь казалось мнѣ безполезной хвастливостію. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (и еще нынѣ съ самодовольствіемъ поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мнѣ надъ слабостію человѣческою. Я отвѣчалъ Пугачеву:

— Слушай, скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу ли я признать въ тебѣ государя? Ты человѣкъ смышленый: ты самъ увидѣлъ бы, что я лукавствую.

„Кто же я таковъ, по твоему разумѣнію?

— Богъ тебя знаетъ; но кто бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку.

Пугачевъ взглянулъ на меня быстро.

„Такъ ты не вѣришь“, сказалъ онъ, „чтобъ я былъ государь Петръ Ѳедоровичъ? Ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удалому? Развѣ въ старину Гришка Отрепьевъ не царствовалъ? Думай про меня, что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до иного прочаго. Кто ни попъ, тотъ батька. Послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую и въ фельдмаршалы, и въ князья. Какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я съ твердостію. Я природный дворянинъ; я присягалъ Государынѣ Императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь мнѣ добра, такъ отпусти меня въ Оренбургъ.

Пугачевъ задумался.

„А коли отпущу“, сказалъ онъ, „такъ обѣщаешься ли, по крайней мѣрѣ, противъ меня не служить?“

— Какъ могу тебѣ въ этомъ обѣщаться? отвѣчалъ я. Самъ знаешь, не моя воля: велятъ итти противъ тебя—пойду, дѣлать нечего. Ты теперь самъ начальникъ; самъ требуешь повиновенія отъ своихъ. На что это будетъ похоже, если я отъ службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя въ твоей власти: отпустишь—спасибо; казнишь—Богъ тебѣ судья; а я сказалъ тебѣ правду.

Моя искренность поразила Пугачева.

„Такъ и быть“, сказалъ онъ, ударя меня по плечу. „Казнить такъ казнить, миловать такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре

Digitized by Google

стороны и дѣлай, что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себѣ спать, и мнѣ ужъ дрема клонитъ".

Я оставилъ Пугачева и вышелъ на улицу. Ночь была тихая и морозная. Мѣсяцъ и звѣзды ярко сіяли, освѣщая площадь и висѣлицу. Въ крѣпости все было спокойно и темно. Только въ кабакѣ свѣтился огонь, и раздавались крики запоздалыхъ гулякъ. Я взглянулъ на домъ священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все въ немъ было тихо.

Я пришелъ къ себѣ на квартиру и нашелъ Савельича, горюющаго по моемъ отсутствіи. Вѣсть о свободѣ моей обрадовала его несказанно.

— „Слава тебѣ, Владыко!" сказалъ онъ, перекрестившись. „Чѣмъ свѣтъ оставимъ крѣпость и пойдемъ, куда глаза глядятъ. Я тебѣ кое-что заготовилъ; покушай-ка, батюшка, да и почивай себѣ до утра, какъ у Христа за пазушкой".

Я послѣдовалъ его совѣту и, поужинавъ съ большимъ аппетитомъ, заснулъ на голомъ полу, утомленный душевно и физически.

---

4. Мятежная слобода.

Я сѣлъ на своего добраго коня, а Савельичъ на тощую и хромую клячу, которую даромъ отдалъ ему одинъ изъ городскихъ жителей, не имѣя болѣе средствъ кормить ее. Мы пріѣхали къ городскимъ воротамъ; караульные насъ пропустили; мы выѣхали изъ Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шелъ мимо Бердской слободы, пристанища Пугачевскаго. Прямая дорога занесена была снѣгомъ; но по всей степи видны были конскіе слѣды, ежедневно обновляемые. Я ѣхалъ крупной рысью. Савельичъ едва могъ слѣдовать за мною издали и кричалъ мнѣ поминутно: „Потише, сударь, ради Бога, потише! Проклятая кляченка моя не успѣваетъ за твоимъ долгоногимъ бѣсомъ. Куда спѣшишь? Добро бы на пиръ, а то подъ обухъ, того и гляди... Петръ Андреичъ... батюшка, Петръ Андреичъ!... Господи, Владыко, пропадетъ барское дитя"!

Вскорѣ засверкали берденіе огни. Мы подъѣхали къ оврагамъ, естественнымъ укрѣпленіямъ слободы. Савельичъ отъ меня не отставалъ, не прерывая жалобныхъ своихъ моленій. Я надѣялся объѣхать слободу благополучно, какъ вдругъ увидѣлъ въ сумракѣ прямо передъ собой человѣкъ пять мужиковъ, вооруженныхъ дубинами: это былъ передовой караулъ Пугачевскаго пристанища. Насъ окликали. Не зная пароля, я хотѣлъ молча проѣхать мимо ихъ, но они меня тотчасъ окружили, и одинъ изъ нихъ схватилъ лошадь мою за узду. Я выхватилъ саблю и ударилъ мужика по головѣ; шап-

Digitized by Google

ка спасла его, однако онъ запасался и выпустилъ изъ рукъ узду. Прочіе смутились и отбѣжали; я воспользовался этой минутою, пришпорилъ лошадь и поскакалъ.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня отъ всякой опасности, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣлъ я, что Савельича со мною не было. Бѣдный старикъ на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ. Что было дѣлать? Подождавъ его нѣсколько минутъ и удостовѣрясь въ томъ, что онъ задержанъ, я поворотилъ лошадь и отправился его выручать.

Подъѣзжая къ оврагу, услышалъ я издали шумъ, крики и голосъ моего Савельича. Я поѣхалъ скорѣе и вскорѣ очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня нѣсколько минутъ тому назадъ. Савельичъ находился между ними. Они съ крикомъ бросились на меня и мигомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, повидимому главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ поведетъ насъ къ государю. „А нашъ батюшка", прибавилъ онъ, „воленъ приказать: сейчасъ ли васъ повѣсить, али дождаться свѣту Божія". Я не противился; Савельичъ послѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крики раздавались вездѣ. На улицѣ я встрѣтилъ множество народу, но никто въ темнотѣ насъ не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ бочекъ и двѣ пушки. „Вотъ и дворецъ", сказалъ одинъ изъ мужиковъ: „сейчасъ объ васъ доложатъ". Онъ вошелъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича: старикъ крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконецъ мужикъ воротился и сказалъ мнѣ: „Ступай, нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера".

Я вошелъ въ избу, или во дворецъ, какъ называли ее мужики. Она освѣщена была двумя сальными свѣчами, а стѣны оклеены были золотою бумагою; впрочемъ, лавки, столъ, рукомойникъ на веревочкѣ, полотенце на гвоздѣ, ухватъ въ углу и широкій шестокъ, уставленный горшками,—все было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ товарищей, съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство, и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляду. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла. „А, ваше благородіе!" сказалъ онъ мнѣ съ живостію, „какъ поживаешь? Зачѣмъ тебя Богъ при-

несъ?“ Я отвѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу, и что люди его меня остановили. „А по какому дѣлу?“ спросилъ онъ меня. Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выйти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста. „Говори смѣло при нихъ“, сказалъ мнѣ Пугачевъ: „отъ нихъ я ничего не таю“. Я взглянулъ нахмурясь на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ, тщедушный и сгорбленный старичокъ съ сѣдою бородою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку. Но вѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго росту, дороденъ и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сѣрые сверкающіе глаза, носъ безъ ноздрей и красноватыя пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ киргизскомъ халатѣ и въ казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ узналъ я послѣ) былъ бѣглый капралъ Бѣлобородовъ; второй Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ сибирскихъ рудниковъ. Не смотря на чувства, исключительно меня волновавшія, общество, въ которомъ я такъ нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображеніе. Но Пугачевъ привелъ меня въ себя своимъ вопросомъ: „Говори, по какому же дѣлу выѣхалъ ты изъ Оренбурга?“

Странная мысль пришла мнѣ въ голову: мнѣ показалось, что Провидѣніе, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подало мнѣ случай привесть въ дѣйство мое намѣреніе. Я рѣшился имъ воспользоваться и, не успѣвъ обдумать то, на что рѣшался, отвѣчалъ на вопросъ Пугачева:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость избавить сироту, которую тамъ обижаютъ.

Глаза у Пугачева засверкали.

„Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту?“ закричалъ онъ. „Вудь онъ семи пядень во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ. Говори, кто виноватый?“

— Швабринъ виноватый, отвѣчалъ я. Онъ держитъ въ неволѣ ту дѣвушку, которую ты видѣлъ больную у попадьи, и насильно хочетъ на ней жениться.

„Я проучу Швабрина!“ сказалъ громко Пугачевъ. „Онъ узнаетъ, каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу.“

„Прикажи слово молвить,“ сказалъ Хлопуша хриплымъ голосомъ: „Ты поторопился назначить Швабрина въ коменданты крѣпости, а теперь торопишься его вѣшать. Ты ужъ оскорбилъ каза-

Digitized by Google

ковъ, посадивъ дворянина имъ въ начальники; не пугай же дворянъ, казня ихъ по первому наговору."

— „Нечего ихъ ни жалѣть, ни жаловать!" сказалъ старичокъ въ голубой лентѣ. „Швабрина сказнить не бѣда; а не худо и господина офицера допросить порядкомъ, зачѣмъ изволилъ пожаловать. Если онъ тебя государемъ не признаетъ, такъ нечего у тебя и управы искать; а коли признаетъ, что же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его въ приказную, да запалить тамъ огоньку: мнѣ сдается, что его милость подосланъ къ намъ отъ оренбургскихъ командировъ.

Логика стараго злодѣя показалась мнѣ довольно убѣдительною. Морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу при мысли, въ чьихъ рукахъ я находился. Пугачевъ замѣтилъ мое смущеніе. „Ась, ваше благородіе?" сказалъ онъ мнѣ, подмигивая: „Фельдмаршалъ мой, кажется, говоритъ дѣло. Какъ ты думаешь?"

Насмѣшка Пугачева возвратила мнѣ бодрость. Я спокойно отвѣчалъ, что я нахожусь въ его власти, и что онъ воленъ поступать со мною, какъ ему будетъ угодно.

„Добро", сказалъ Пугачевъ. „Теперь скажи, въ какомъ состояніи вашъ городъ".

— Слава Богу, отвѣчалъ я: все благополучно.

„Благополучно!" повторилъ Пугачевъ. „А народъ мретъ съ голоду!"

Самозванецъ говорилъ правду; но я, по долгу присяги, сталъ увѣрять, что все это пустые слухи, и что въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ.

— „Ты видишь", подхватилъ старичокъ, „что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь; а его милость увѣряетъ, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣсить, то ужъ на той висѣлицѣ повѣсь и этого молодца, чтобъ никому не было завидно.

Слова проклятаго старика, казалось, поколебали Пугачева. Къ счастію, Хлопуша сталъ противорѣчить своему товарищу. „Полно, Наумычъ", сказалъ онъ ему: „тебѣ бы все душить да рѣзать. Что ты за богатырь? Поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?"

— Да ты что за угодникъ? возразилъ Бѣлобородовъ. У тебя-то откуда жалость взялась?

„Конечно," отвѣчалъ Хлопуша, „и я грѣшенъ, и эта рука (тутъ онъ сжалъ свой костлявый кулакъ и, засуча рукава, открылъ косматую руку), и эта рука повинна въ пролитой христіанской крови,

Digitized by Google

но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьи да въ темномъ лѣсу, не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ".

Старикъ отворотился и проворчалъ слова: „рваныя ноздри"...

— Что ты тамъ шепчешь, старый хрычъ? закричалъ Хлопуша. Я тебѣ дамъ рваныя ноздри; погоди, придетъ и твое время: Богъ дастъ, и ты щипцовъ понюхаешь... А покамѣстъ смотри, чтобъ я тебѣ бородишки не вырвалъ!

„Господа енералы!" провозгласилъ важно Пугачевъ; „полно вамъ ссориться. Не бѣда, если бъ и всѣ оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладиной: бѣда, если наши кобели межъ собою перегрызутся. Ну, помиритесь".

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость перемѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и, обратясь къ Пугачеву, сказалъ ему съ веселымъ видомъ:

— Ахъ! я было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался бы до города и замерзъ бы на дорогѣ.

Уловка моя удалась. Пугачевъ развеселился.

„Долгъ платежемъ красенъ", сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь. „Разскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужъ не зазноба ли сердцу молодецкому, а?"

— Она невѣста моя, отвѣчалъ я Пугачеву, видя благопріятную перемѣну погоды и не находя нужды скрывать истину.

„Твоя невѣста!" закричалъ Пугачевъ. „Что жъ ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ и на свадьбѣ твоей попируемъ!" Потомъ, обращаясь къ Бѣлобородову: „Слушай, фельдмаршалъ! Мы съ его благородіемъ старые пріятели; сядемъ-ка да поужинаемъ; утро вечера мудренѣе. Завтра посмотримъ, что съ нимъ сдѣлаемъ."

Я радъ былъ отказаться отъ предлагаемой чести, но дѣлать было нечего. Двѣ молодыя казачки, дочери хозяина избы, накрыли столъ бѣлой скатертью, принесли хлѣба, ухи и нѣсколько штофовъ съ виномъ и пивомъ, и я вторично очутился за одною трапезою съ Пугачевымъ и съ его страшными товарищами.

Оргія, коей я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ хмель началъ одолѣвать собесѣдниковъ. Пугачевъ задремалъ, сидя на своемъ мѣстѣ; товарищи его встали и дали мнѣ знакъ оставить его. Я вышелъ вмѣстѣ съ ними. По распоряженію Хлопуши, караульный отвелъ меня въ приказную избу, гдѣ я нашелъ и Савельича, и гдѣ меня оставили съ нимъ взаперти. Дядька былъ въ такомъ изумленіи при видѣ всего, что про-

Digitized by Google

исходило, что не сдѣлалъ мнѣ никакого вопроса. Онъ улегся въ темнотѣ и долго вздыхалъ и охалъ; наконецъ захрапѣлъ, а я предался размышленіямъ, которыя во всю ночь ни на одну минуту не дали мнѣ задремать.

Поутру пришли меня звать отъ имени Пугачева. Я пошелъ къ нему. У воротъ его стояла кибитка, запряженная тройкою татарскихъ лошадей. Народъ толпился на улицѣ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Пугачева: онъ былъ одѣтъ по-дорожному, въ шубѣ и въ киргизской шапкѣ. Вчерашніе собесѣдники окружали его, принявъ на себя видъ подобострастія, который сильно противорѣчилъ всему, чему я былъ свидѣтелемъ наканунѣ. Пугачевъ весело со мною поздоровался и велѣлъ мнѣ садиться съ нимъ въ кибитку.

Мы усѣлись. „Въ Бѣлогорскую крѣпость!“ сказалъ Пугачевъ широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчикъ загремѣлъ, кибитка полетѣла...

„Стой! стой!“ раздался голосъ, слишкомъ мнѣ знакомый, и я увидѣлъ Савельича, бѣжавшаго намъ навстрѣчу. Пугачевъ велѣлъ остановиться.

„Батюшка, Петръ Андреичъ!“ кричалъ дядька. „Не покинь меня на старости лѣтъ посреди этихъ мошенъ...“

— А, старый хрычъ! сказалъ ему Пугачевъ. Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучекъ.

„Спасибо, государь, спасибо, отецъ родной!“ говорилъ Савельичъ, усаживаясь. „Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня старика призрѣлъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячьемъ тулупѣ и упоминать ужъ не стану“.

Этотъ заячій тулупъ могъ наконецъ не на шутку разсердить Пугачева. Къ счастію, самозванецъ или не разслышалъ, или пренебрегъ неумѣстнымъ намекомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ останавливался и кланялся въ поясъ. Пугачевъ кивалъ головою на обѣ стороны. Черезъ минуту мы выѣхали изъ слободы и помчались по гладкой дорогѣ.

Легко можно себѣ представить, что чувствовалъ я въ эту минуту. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ я былъ увидѣться съ тою, которую почиталъ уже для меня потерянною. Я думалъ также и о томъ человѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба, и который, по странному стеченію обстоятельствъ, таинственно былъ со мною связанъ. Я вспоминалъ объ опрометчивой жестокости, о кровожадныхъ привычкахъ того, кто вызывался быть избавителемъ моей любезной! Пугачевъ не зналъ, что она была дочь капитана Миронова; Пугачевъ могъ провѣдать истину... Тогда что станется съ

Digitized by Google

Марьей Ивановной? Холодъ пробѣгалъ по моему тѣлу, и волоса становились дыбомъ...

Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышленія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

„О чемъ, ваше благородіе, изволилъ задуматься?“

— Какъ не задуматься, отвѣчалъ я ему. Я офицеръ и дворянинъ; вчера еще дралея противу тебя, а сегодня ѣду съ тобой въ одной кибиткѣ, и счастіе всей моей жизни зависитъ отъ тебя.

„Что жъ“? спросилъ Пугачевъ, „страшно тебѣ?“

Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надѣялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

„И ты правъ, ей Богу правъ!“ сказалъ самозванецъ. „Ты видѣлъ, что мои ребята смотрѣли на тебя косо; а старикъ и сегодня настаивалъ на томъ, что ты шпіонъ, и что надобно тебя пытать и повѣсить; но я не согласился“, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, чтобъ Савельичъ и татаринъ не могли услышать: „помня твой стаканъ вина и заячій тулупъ. Ты видишь, что я не такой еще кровопійца, какъ говорятъ обо мнѣ ваша братья“.

Я вспомнилъ взятіе Бѣлогорской крѣпости, но не почелъ нужнымъ его оспоривать и не отвѣчалъ ни слова.

„Что говорятъ обо мнѣ въ Оренбургѣ?“ спросилъ Пугачевъ, помолчавъ немного.

— Да говорятъ, что съ тобою сладить трудновато; нечего сказать: далъ ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбіе.

„Да!“ сказалъ онъ съ веселымъ видомъ. „Я воюю хоть куда. Знаютъ ли у васъ въ Оренбургѣ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ енераловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ. Какъ ты думаешь: прусскій король могъ ли бы со мною потягаться?“

Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна.

— Самъ какъ ты думаешь, сказалъ я ему, управился ли бы ты съ Фридерикомъ?

„Съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ? А какъ же нѣтъ? Съ вашими енаралами вѣдь я же управляюсь, а они его бивали. Доселѣ оружіе мое было счастливо. Дай срокъ, то ли еще будетъ, какъ пойду на Москву“.

„А ты полагаешь итти на Москву?“

Самозванецъ нѣсколько задумался и сказалъ въ полголоса:

„Богъ вѣсть. Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно держать ухо востро; при первой неудачѣ они свою шею выкупятъ моею головою“.

— То-то! сказалъ я Пугачеву. Не лучше ли тебѣ отстать отъ

Digitized by Google

нихъ самому, заблаговременно, да прибѣгнуть къ милосердію Государыни?

Пугачевъ горько усмѣхнулся.

„Нѣтъ", отвѣчалъ онъ: „поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать, какъ началъ. Какъ? знать Авось и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою".

— А знаешь ты, чѣмъ онъ кончилъ? Его выбросили изъ окна, зарѣзали, сожгли, зарядили его пепломъ пушку и выпалили!

„Слушай", сказалъ Пугачевъ съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ. „Разскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ разсказывала старая калмычка. Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: Скажи, воронъ-птица, отчего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-все только тридцать три года?"—„Оттого, батюшка", отвѣчалъ ему воронъ, „что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной". Орелъ подумалъ: давай, попробуемъ и мы питаться тѣмъ же. Хорошо. Полетѣли орелъ да воронъ. Вотъ завидѣли палую лошадь, спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать, да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: „нѣтъ, братъ воронъ: чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью, а тамъ что Богъ дастъ!"—Какова калмыцкая сказка?"

— Затѣйлива, отвѣчалъ я ему. Но жить убійствомъ и разбоемъ, значитъ, по мнѣ, склевать мертвечину.

Пугачевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и ничего не отвѣчалъ. Оба мы замолчали, погрузясь каждый въ свои размышленія. Татаринъ затянулъ унылую пѣсню; Савельичъ, дремля, качался на облучкѣ. Кибитка летѣла по гладкому зимнему пути... Вдругъ увидѣлъ я деревушку на крутомъ берегу Яика, съ частоколомъ и съ колокольней, и черезъ четверть часа въѣхали мы въ Бѣлогорскую крѣпость.

---

5. Судъ.

Прошло нѣсколько недѣль... Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника князя **. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа, онъ объявилъ ему, что подозрѣнія на счетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ, къ несчастію, оказались слишкомъ основательными, что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что Государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына и, избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Digitized by Google

Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. „Какъ!“ повторялъ онъ, выходя изъ себя: „Сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святынею своей совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопями!... Стыдъ и срамъ нашему роду“!... Испуганная его отчаяніемъ, матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о непостоянствѣ молвы, о шаткости людского мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ бы оправдаться, когда бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницею моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы „Придворнаго Календаря,“ но мысли его были далеко, и чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марія Ивановна, тутъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость заставляетъ ее ѣхать въ Петербургъ, и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась. „Зачѣмъ тебѣ въ Петербургъ?“ сказала она. „Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?“ Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія, что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность.

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. „Поѣзжай, матушка!“ сказалъ онъ ей со вздохомъ. „Мы твоему счастію помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника.“ Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрною Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, на-

Google

сильственно разлученный со мною, утѣшался по крайней мѣрѣ мыслію, что служитъ нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію, и узнавъ, что Дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась; объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ. Словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное; солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцова. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу. Марія Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: „Не бойтесь, она не укуситъ.“ И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; а Марья Ивановна, съ своей стороны, бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей казалось лѣтъ сорокъ. Лицо ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

„Вы вѣрно не здѣшнія?“ сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

„Вы пріѣхали съ вашими родными?“

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала одна.

„Одна! Но вы такъ еще молоды.“

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

„Вы здѣсь, конечно, по какимъ нибудь дѣламъ?“

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

Digitized by Google

„Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?“

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

„Позвольте спросить, кто вы таковы?“

— Я дочь капитана Миронова.

„Капитана Миронова! того самого, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?“

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.

„Извините меня“, сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, „если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла: но я бываю при Дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.“

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ, но вдругъ лицо ея перемѣнилось—и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

„Вы просите за Гринева?“ сказала дама съ холоднымъ видомъ. „Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.“

— Ахъ, неправда! вскрикнула Марья Ивановна.

„Какъ неправда?“ возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что̀ постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.

Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что̀ уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ.

„Гдѣ вы остановились?“ спросила она потомъ и, услыша, что у Анны Власьевны, примолвила съ улыбкою: „А! знаю. Прощайте; не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо.“

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Digitized by Google

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ, и за чашкой чая только было принялась за безконечные разсказы о Дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объясненіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. „Ахти, Господи!“ закричала она, „Государыня требуетъ васъ ко Двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь къ Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?“

Камеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежъ. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ: камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть Императрицу лицомъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: „Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.“

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. „Знаю, что вы не богаты,“ сказала она: „но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.“

Digitized by Google

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню...

Пушкинъ.

ИЗЪ РОМАНА: „ВОЙНА И МИРЪ".

Наполеонъ передъ Москвою.

1.

1-го сентября, въ ночь, отданъ приказъ Кутузова объ отступленіи русскихъ войскъ черезъ Москву на рязанскую дорогу.

Первыя войска двинулись въ ночь. Войска, шедшія ночью, не торопились и двигались медленно и степенно; но на разсвѣтѣ, двигавшіяся войска, подходя къ Дорогомиловскому мосту, увидали впереди себя на другой сторонѣ тѣснящіяся, спѣшащія по мосту и на той сторонѣ поднимающіяся и запружающія улицы и переулки, и позади себя напирающія, безконечныя массы войскъ. И безпричинная поспѣшность и тревога овладѣли войсками. Все бросилось впередъ къ мосту, на мостъ, въ броды и въ лодки. Кутузовъ велѣлъ обвести себя задними улицами на ту сторону Москвы.

Къ 10-ти часамъ утра 2-го сентября, въ Дорогомиловскомъ предмѣстьи оставались на просторѣ одни войска арьергарда. Армія была уже на той сторонѣ Москвы и за Москвою.

Въ это же время, въ 10 часовъ утра 2-го сентября, Наполеонъ стоялъ между своими войсками на Поклонной горѣ и смотрѣлъ на открывавшееся передъ нимъ зрѣлище. Начиная съ 26-го августа и по 2-е сентября, отъ Бородинскаго сраженія и до вступленія непріятеля въ Москву, во всѣ дни этой тревожной, этой памятной недѣли, стояла та необычайная, всегда удивляющая людей осенняя погода, когда низкое солнце грѣетъ жарче, чѣмъ весной, когда все блеститъ въ рѣдкомъ, чистомъ воздухѣ такъ, что глаза рѣжетъ, когда грудь крѣпнетъ и свѣжѣетъ, вдыхая осенній, пахучій воздухъ, когда ночи даже бываютъ теплыя, и когда въ темныхъ, теплыхъ ночахъ этихъ съ неба, безпретанно пугая и радуя, сыплются золотыя звѣзды.

2-го сентября, въ 10 часовъ утра, была такая погода. Блескъ утра былъ волшебный. Москва съ Поклонной горы разстилалась просторно съ своей рѣкой, своими садами и церквами, и, казалось, жила своей жизнью, трепеща какъ звѣзды своими куполами въ лучахъ солнца.

При видѣ страннаго города съ невиданными формами необыкновенной архитектуры, Наполеонъ испытывалъ то нѣсколько завистливое и безпокойное любопытство, которое испытываютъ люди при видѣ формъ не знающей о нихъ, чуждой жизни. Очевидно, городъ этотъ жилъ всѣми силами своей жизни. По тѣмъ неопредѣлимымъ признакамъ, по которымъ на дальнемъ разстояніи безошибочно узнается живое тѣло отъ мертваго, Наполеонъ съ Поклонной горы видѣлъ трепетаніе жизни въ городѣ и чувствовалъ какъ бы дыханіе этого большого и красиваго тѣла.

Всякій русскій человѣкъ, глядя на Москву, чувствуетъ, что она мать; всякій иностранецъ, глядя на нее и не зная ея материнскаго значенія, долженъ чувствовать женственный характеръ этого города, и Наполеонъ чувствовалъ его.

— Cette ville asiatique aux innombrables églises, Moscou la sainte. La voilá donc enfin, cette fameuse ville! Il était! temps (Этотъ азіатскій городъ съ безчисленными церквами, Москва святая. Вотъ онъ наконецъ, этотъ знаменитый городъ! Пора), сказалъ Наполеонъ и, слѣзши съ лошади, велѣлъ разложить передъ собою планъ этой Moscou, и подозвалъ переводчика. Онъ смотрѣлъ на лежавшую передъ нимъ, невиданную еще имъ, восточную красавицу. Ему странно было самому, что наконецъ свершилось его давнишнее, казавшееся ему невозможнымъ, желаніе. Въ ясномъ, утреннемъ свѣтѣ онъ смотрѣлъ то на городъ, то на планъ, провѣряя подробности этого города, и увѣренность обладанія волновала и ужасала его.

«Но развѣ могло быть иначе?“ подумалъ онъ. „Вотъ она эта столица у моихъ ногъ, ожидая судьбы своей. Гдѣ теперь Александръ, и что думаетъ онъ? Странный, красивый, величественный городъ! И странная и величественная эта минута! Въ какомъ свѣтѣ представляюсь я имъ!“ думалъ онъ о своихъ войскахъ. „Вотъ она, награда для всѣхъ этихъ маловѣрныхъ (думалъ онъ, оглядываясь на приближенныхъ и на подходившія и строившіяся войска). Одно мое слово, одно движеніе моей руки, и погибла эта древняя столица des Czars. Mais ma clemence est toujours prompte à descendre sur les vaincus (но мое милосердіе всегда готово низойти къ побѣжденнымъ). Я долженъ быть великодушенъ и истинно великъ. Но нѣтъ, это неправда, что я въ Москвѣ (вдругъ приходило ему въ голову). Однако вотъ она лежитъ у моихъ ногъ, играя и дрожа золотыми куполами и крестами въ лучахъ солнца. Но я пощажу ее. На древнихъ памятникахъ варварства и деспотизма я напишу великія слова справедливости и милосердія... Александръ больнѣе всего пойметъ именно это, я знаю его. (Наполеону казалось, что главное значеніе того, что́ совершалось, заключалось въ личной борьбѣ его съ Александромъ). Съ высотъ Кремля,—да, это Кремль, да—я дамъ имъ

законы справедливости, я покажу имъ значеніе истинной цивилизаціи, я заставлю поколѣнія бояръ съ любовью помнить имя своего завоевателя. Я скажу депутаціи, что я не хотѣлъ и не хочу войны; что я велъ войну только съ ложной политикой ихъ Двора, что я люблю и уважаю Александра, и что приму условія мира въ Москвѣ, достойныя меня и моихъ народовъ. Я не хочу воспользоваться счастьемъ войны для униженія уважаемаго государя. Бояре—скажу я имъ: я не хочу войны, а хочу мира и благоденствія всѣхъ моихъ подданныхъ. Впрочемъ, я знаю, что присутствіе ихъ воодушевитъ меня, и я скажу имъ, какъ я всегда говорю: ясно, торжественно и велико. Но неужели это правда, что я въ Москвѣ? Да, вотъ она!"

Qu'on m'amène les boyards (пусть приведутъ ко мнѣ бояръ), обратился онъ къ свитѣ. Генералъ съ блестящей свитой тотчасъ же поскакалъ за боярами.

Прошло два часа. Наполеонъ позавтракалъ и опять стоялъ на томъ же мѣстѣ, на Поклонной горѣ, ожидая депутаціи. Рѣчь его къ боярамъ уже ясно сложилась въ его воображеніи. Рѣчь эта была исполнена достоинства и того величія, которое понималъ Наполеонъ.

Тотъ тонъ великодушія, въ которомъ намѣренъ былъ дѣйствовать въ Москвѣ Наполеонъ, увлекъ его самого. Онъ въ воображеніи своемъ назначалъ дни réunion dans le palais des Czars (дни собраній во дворцѣ царей), гдѣ должны были сходиться русскіе вельможи съ вельможами французскаго императора. Онъ назначалъ мысленно губернатора, такого, который бы умѣлъ привлечь къ себѣ населеніе. Узнавъ о томъ, что въ Москвѣ много богоугодныхъ заведеній, онъ въ воображеніи своемъ рѣшалъ, что всѣ эти заведенія будутъ осыпаны его милостями. Онъ думалъ, что какъ въ Африкѣ надо было сидѣть въ бурнусѣ въ мечети, такъ въ Москвѣ надо было быть милостивымъ какъ цари. И чтобы окончательно тронуть сердца русскихъ, онъ какъ и каждый французъ, не могущій себѣ вообразить ничего чувствительнаго безъ упоминанія о *ma chère, ma tendre, ma pauvre mère,* онъ рѣшилъ, что на всѣхъ этихъ заведеніяхъ онъ велитъ написать большими буквами: Etablissement dédié à ma chère Mère. Нѣтъ, просто: Maison de ma Mère (Заведеніе, посвященное моей милой матери.—Нѣтъ, просто: Домъ моей матери), рѣшилъ онъ самъ съ собою. „Но неужели я въ Москвѣ? Да, вотъ она передо мной, но что же такъ долго не является депутація города?" думалъ онъ.

Между тѣмъ въ задахъ свиты императора происходило шопотомъ взволнованное совѣщаніе между его генералами и маршалами. Посланные за депутаціей вернулись съ извѣстіемъ, что Москва пуста, что всѣ уѣхали и ушли изъ нея. Лица совѣщавшихся были блѣдны и взволнованы. Не то, что Москва была оставлена жителями (какъ ни важно казалось это событіе) пугало ихъ, но ихъ пу-

Digitized by Google

гало то, какимъ образомъ объявить о томъ императору, какимъ образомъ, не ставя его величество въ то страшное, называемое французами ridicule, положеніе, объявить ему, что онъ напрасно ждалъ бояръ такъ долго, что есть толпы пьяныхъ, но никого больше. Одни говорили, что надо было, во что бы то ни стало, собрать хоть какую нибудь депутацію, другіе оспаривали это мнѣніе и утверждали, что надо, осторожно и умно приготовивъ императора, объявить ему правду.

— Il faudra le lui dire tout de même... говорили господа свиты. Mais messieurs... Положеніе было тѣмъ тяжеле, что императоръ, обдумывая свои планы великодушія, терпѣливо ходилъ взадъ и впередъ передъ планомъ, посматривая изрѣдка изъ-подъ руки по дорогѣ въ Москву и весело и гордо улыбаясь.

— Mais c'est impossible... (Но... неловко!—однако же надо ему сказать.—Господа,... неловко... Невозможно!) пожимая плечами, говорили господа свиты, не рѣшаясь выговорить подразумѣваемое слово: le ridicule...

Между тѣмъ императоръ, уставши отъ тщетнаго ожиданія и своимъ актерскимъ чутьемъ чувствуя, что величественная минута, продолжаясь слишкомъ долго, начинаетъ терять свою величественность, подалъ рукою знакъ. Раздался одинокій выстрѣлъ сигнальной пушки, и войска, съ разныхъ сторонъ обложившія Москву, двинулись въ Москву въ Тверскую, Калужскую и Дорогомиловскую заставы. Быстрѣе и быстрѣе, перегоняя одни другихъ, бѣглымъ шагомъ и рысью, двигались войска, скрываясь въ поднимаемыхъ ими облакахъ пыли и оглашая воздухъ сливающимися гулами криковъ.

Увлеченный движеніемъ войскъ, Наполеонъ доѣхалъ съ войсками до Дорогомиловской заставы, но тамъ опять остановился и, слѣзши съ лошади, долго ходилъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая депутаціи.

2.

Москва между тѣмъ была пуста. Въ ней были еще люди, въ ней оставалась еще пятидесятая часть всѣхъ бывшихъ прежде жителей, но она была пуста. Она была пуста, какъ пустъ бываетъ домирающій, обезматочившій улей.

Въ обезматочившемъ ульѣ уже нѣтъ жизни, но на поверхностный взглядъ онъ кажется такимъ же живымъ, какъ и другіе.

Такъ же весело, въ жаркихъ лучахъ полуденнаго солнца, вьются пчелы вокругъ обезматочившаго улья, какъ и вокругъ другихъ живыхъ ульевъ; такъ же издалека пахнетъ отъ него медомъ, такъ же влетаютъ и вылетаютъ изъ него пчелы. Но стоитъ приглядѣться къ нему, чтобы понять, что въ ульѣ этомъ уже нѣтъ жизни. Не такъ, какъ въ живыхъ ульяхъ летаютъ пчелы, не тотъ запахъ, не тотъ

звукъ поражаютъ пчеловода. На стукъ пчеловода въ стѣнку больного улья, вмѣсто прежняго, мгновеннаго, дружнаго отвѣта, шипѣнья десятковъ тысячъ пчелъ, тронно поджимающихъ задъ и быстрымъ боемъ крыльевъ производящихъ этотъ воздушный жизненный звукъ, ему отвѣчаютъ разрозненныя жужжанія, гулко раздающіяся въ разныхъ мѣстахъ пустого улья. Изъ летка не пахнетъ, какъ прежде, спиртовымъ, душистымъ запахомъ меда и яда, не несетъ оттуда тепломъ полноты, а съ запахомъ меда сливается запахъ пустоты и гнили. У летка нѣтъ больше готовящихся на погибель для защиты, поднявшихъ кверху зады, трубящихъ тревогу стражей. Нѣтъ больше того ровнаго и тихаго звука, трепетанья труда, подобнаго звуку кипѣнья, а слышится нескладный, разрозненный шумъ безпорядка. Въ улей и изъ улья робко и увертливо влетаютъ и вылетаютъ черныя, продолговатыя, смазанныя медомъ пчелы-грабительницы; онѣ не жалятъ, а ускользаютъ отъ опасности. Прежде только съ ношами влетали, а вылетали пустыя пчелы, теперь вылетаютъ съ ношами. Пчеловодъ открываетъ нижнюю колодезню и вглядывается въ нижнюю часть улья. Вмѣсто прежде висѣвшихъ до уза (нижняго дна) черныхъ, усмиренныхъ трудомъ плетей сочныхъ пчелъ, держащихъ за ноги другъ друга и съ непрерывнымъ шопотомъ труда тянущихъ вощину,—сонныя, ссохшіяся пчелы въ разныя стороны бредутъ разсѣянно по дну и стѣнкамъ улья. Вмѣсто чисто-залѣпленнаго клеемъ и сметеннаго вѣерами крыльевъ пола, на днѣ лежатъ крошки вощинъ, полумертвыя, чуть шевелящія ножками, и совершенно мертвыя, неприбранныя пчелы.

Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезню и осматриваетъ голову улья. Вмѣсто облѣпившихъ всѣ промежутки сотовъ, грѣющихъ дѣтву, сплошныхъ рядовъ пчелъ, онъ видитъ искусную, сложную работу сотовъ, но уже не въ томъ видѣ дѣвственности, въ которомъ она бывала прежде. Все запущено и загажено. Грабительницы, черныя пчелы шныряютъ быстро и украдисто по работамъ; свои пчелы, ссохшіяся, короткія, вялыя, какъ будто старыя, медленно бродятъ, никому не мѣшая, ничего не желая и потерявъ сознаніе жизни. Трутни, шершни, шмели, бабочки безтолково стучатся на лету о стѣнки улья. Кое-гдѣ между вощинами съ мертвыми дѣтьми и медомъ, изрѣдка слышится съ разныхъ сторонъ сердитое брюзжаніе; гдѣ нибудь двѣ пчелы, по старой привычкѣ и памяти, очищая гнѣздо улья, старательно сверхъ силъ тащутъ прочь мертвую пчелу или шмеля, сами не зная, для чего онѣ это дѣлаютъ. Въ другомъ углу другія двѣ старыя пчелы лѣниво дерутся, или чистятся, или кормитъ одна другую, сами не зная, враждебно или дружелюбно онѣ это дѣлаютъ. Въ третьемъ мѣстѣ, толпа пчелъ, давя другъ друга, нападаетъ на какую нибудь жертву и бьетъ и душитъ ее. И осла-

Digitized by Google

бѣвшая или убитая пчела медленно, легко какъ пухъ, спадаетъ съ верху въ кучу труповъ. Пчеловодъ разворачиваетъ двѣ середнія вощины, чтобы видѣть гнѣздо. Вмѣсто прежнихъ сплошныхъ, черныхъ кругомъ спинка съ спинкой сидящихъ тысячъ пчелъ и блюдущихъ высшія тайны роднаго дѣла, онъ видитъ сотни унылыхъ, полужившихъ и заснувшихъ остововъ пчелъ. Они почти всѣ умерли, сами не зная этого, сидя на святынѣ, которую они блюли, и которой ужъ нѣтъ больше. Отъ нихъ пахнетъ гнилью и смертью. Только нѣкоторыя изъ нихъ шевелятся, поднимаются, вяло летятъ и садятся на руку врагу, не въ силахъ умереть жаля его,—остальныя мертвыя, какъ рыбья чешуя, легко сыплются внизъ. Пчеловодъ закрываетъ колодезню, отмѣчаетъ мѣломъ колодку и, выбравъ время, выламываетъ и вынимаетъ ее.

Такъ пуста была Москва, когда Наполеонъ, усталый, безповойный и нахмуренный, ходилъ взадъ и впередъ у Камеръ-Коллежскаго вала, ожидая того хотя внѣшняго, но необходимаго, по его понятіямъ, соблюденія приличій, депутаціи.

Въ разныхъ углахъ Москвы только безсмысленно еще шевелились люди, соблюдая старыя привычки и не понимая того, что они дѣлали.

Когда Наполеону съ должной осторожностью было объявлено, что Москва пуста, онъ сердито взглянулъ на доносившаго объ этомъ и отвернувшись продолжалъ ходить молча.

— Подать экипажъ, сказалъ онъ. Онъ сѣлъ въ карету рядомъ съ дежурнымъ адъютантомъ и поѣхалъ въ предмѣстье.

— Moscou deserte! Quel événement invraisemblable (какое невѣроятное событіе), говорилъ онъ самъ съ собой.

Онъ не поѣхалъ въ городъ, а остановился на постояломъ дворѣ Дорогомиловскаго предмѣстья.

Le coup de théâtre avait raté (Не удалась развязка театральнаго представленія).

Гр. Л. Толстой.

VI. ИЗЪ „ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ“.

1. Дорожныя сцены.

I.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извощикъ неутомимо

Google

погонимъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ; желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ, высоко-высоко золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой, безыменной рѣкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: поблизости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица — а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

„Мы съ вами попутчики, кажется?“

Онъ молча опять поклонился.

„Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?“

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— „Скажите, пожалуйста, отъ чего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?“

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.—Вы вѣрно недавно на Кавказѣ?

„Съ годъ“, отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

„А что жъ?“

— „Да такъ-съ! Ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ?

Digitized by Google

Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они прикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?... Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю; меня не проведутъ!...

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча итти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку, но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.—„Вѣдь этакій народъ!“ сказалъ онъ: „и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: „офицеръ, дай на водку!“ Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе“...

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносиніе вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранившемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно: мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники: но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

„Завтра будетъ славная погода!“ сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

„Что жъ это?“ спросилъ я.

— „Гутъ-гора“.

„Ну такъ что жъ?“

— „Посмотрите, какъ курится“.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пах-

Digitized by Google

нулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— „Намъ придется здѣсь ночевать“, сказалъ онъ съ досадою: „въ такую метель черезъ горы не переѣдешь. Что? были ль обвалы на Крестовой“? спросилъ онъ извозчика.

— „Не было, господинъ“, отвѣчалъ осетинъ-извозчикъ: „а виситъ много, много“.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастью, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе на подобіе двери. Тутъ открылась картина, довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посерединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать! Мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

„Жалкіе люди!“ сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— „Преглупый народъ!“ отвѣчалъ онъ. „Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!“

— «А вы долго были въ Чечнѣ?“

— „Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго брода,—знаете?“

— „Слыхалъ“.

— „Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣ-

вался, того и гляди — либо аркинъ на тебѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы"!...

2.

Между тѣмъ чай былъ выпитъ; давно запрещенные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висѣвшія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ, и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гутъ-гору. Мы шли пѣшкомъ, сзади подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и наконецъ пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гутъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать; кровь поминутно приливала въ голову, но, со всѣмъ тѣмъ, какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ — чувство дѣтское, не спорю, но удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и, вѣрно, будетъ когда-нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго-долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитой въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гутъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, т. е. я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство

Digitized by Google

красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во сто кратъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разсказчикахъ на словахъ и на бумагѣ.

— „Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ?“ сказалъ я ему.

— „Да-съ, и къ самому пули можно привыкнуть, т. е. привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца“.

— „Я слышалъ напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?“

— „Разумѣется, если хотите, она пріятно; только все же мнѣ кажется, что сердце бьется сильнѣе“. „Посмотрите“, прибавилъ онъ, указывая на востокъ: „что за край!“

И точно; такую панораму вряд ли гдѣ еще удастся мнѣ увидѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія таинственныя ущелья лучей утра; направо и налѣво тѣснили горы, одинъ выше другого, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарниками; вдали тѣ же горы, но хоть бы дикія скалы, похожія одна на другую;—и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что, кажется, тутъ бы и остаться жить на вѣки; солнце чуть показалось изъ-за темносиней горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была пропасная полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. „Я говорилъ вамъ,“ воскликнулъ онъ, „что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то пожалуй она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!“ закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не расклепывались, взяли лошадей подъ уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой-нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проскакиваетъ, не выглянувъ изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносные,—а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: „И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ: вѣдь намъ не впервые“—и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однакожъ все-таки доѣхали...

Digitized by Google

3.

Мы спускались съ Гуль-горы въ Чертову долину... Вотъ романтическое названіе! Вы уже видите гнѣздо злого духа между неприступными утесами,—не тутъ-то было: названіе Чертовой долины происходитъ отъ слова „черта", а не „чортъ",—ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія милыя мѣста нашего отечества.

„Вотъ и Крестовая!" сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чертову долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо его вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ: наши извозчики объявили, что обвалокъ еще не было, и оберегая лошадей, повезли насъ кругомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, упѣпившись за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу телѣжку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали;—налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы объѣхать Крестовую гору—двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи опустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ, какъ Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ Императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ: но, во-первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и, во-вторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію г. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, не смотря на надпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь, чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ достигнуть станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. „И ты, изгнанница," думалъ я, „плачешь о

Digitized by Google

своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно, какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшетку желѣзной своей клѣтки".

— „Плохо!" говорилъ штабсъ-капитанъ: „посмотрите, кругомъ ничего не видно только туманъ да снѣгъ: того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу, а тамъ пониже, чай, Байдара такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки—никакъ нельзя положиться!

Извозчики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, не смотря на краснорѣчіе кнутовъ. „Ваше благородіе," сказалъ наконецъ одинъ: „вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ: не прикажете ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется—вѣрно сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку," прибавилъ онъ, указывая на осетина.

— „Знаю, братецъ, знаю безъ тебя!" сказалъ штабсъ-капитанъ. „Ужъ эти бестіи! рады придраться, чтобъ сорвать на водку."

— „Признайтесь, однако," сказалъ я, „что безъ нихъ намъ было бы хуже."

— „Все такъ, все такъ," пробормоталъ онъ: „ужъ эти мнѣ проводники! чутьемъ слышатъ, гдѣ можно попользоваться, будто безъ нихъ и нельзя найти дороги."

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоящаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобъ они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею.

---

2. Казбичъ.

Душно стало въ саклѣ и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая: якши тхе, чекъ якши!

Пробираюсь вдоль забора и вдругъ слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. „О чемъ они тутъ толкуютъ?" подумалъ я: „ужъ не о моей ли лошадкѣ?" Вотъ присѣлъ я у забора

Digitized by Google

и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— „Славная у тебя лошадь!“ говорилъ Азаматъ: „если бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!“

„А! Казбичъ!“ подумалъ я.

„Да“, отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія: „въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ—это было за Терекомъ—я ѣздилъ съ абреками [1]) отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось, и мы разсыпались, кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ [2]), и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица, нырнулъ онъ между вѣтвями: острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача [3]) били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться—и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ... Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался—и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не пустился меня искать; они вѣрно думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; пополнъ я по густой травѣ вдоль по оврагу,—смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагёзъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ—и вижу: мой Карагёзъ летитъ, развѣвая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ, а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ

---

[1]) *Абрекъ*—отчаянный горецъ, давшій зарокъ не щадить головы; *также* бѣглецъ, приставшій для грабежа къ первой шайкѣ.—[2]) *Гяуръ*—„невѣрный,“ турецкое бранное имя всѣхъ немагометанъ.—[3]) *Карагачъ*—дерево, видъ ильмы.

моего Карагёза: это былъ онъ, мой товарищъ!.. Съ тѣхъ поръ мы не разлучались". И страшно было, какъ онъ трепалъ рукой по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названья.

— „Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылицъ", сказалъ Азаматъ: „то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагёза."

— „Йокъ, не хочу," отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

На другой день утромъ рано пріѣхалъ Казбичъ и пригналъ десятокъ барановъ на продажу. Привязавъ лошадь у забора, онъ вошелъ ко мнѣ; я попотчивалъ его чаемъ, потому что хотя разбойникъ онъ, а все-таки былъ моимъ кунакомъ [1]).

Стали мы болтать о томъ, о семъ... Вдругъ, смотрю, Казбичъ вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ — и къ окну; но окно, къ несчастію, выходило на задворье. — „Что съ тобой?" спросилъ я.

— „Моя лошадь!.. лошадь!" сказалъ онъ, весь дрожа. Точно, я услышалъ топотъ копытъ: „Это вѣрно какой нибудь казакъ пріѣхалъ".

— „Нѣтъ! Урусъ-яманъ, яманъ!" заревѣлъ онъ и опрометью бросился вонъ, какъ дикій барсъ. Въ два прыжка онъ былъ ужъ на дворѣ; у воротъ крѣпости часовой загородилъ ему путь ружьемъ; онъ перескочилъ черезъ ружье и кинулся бѣжать по дорогѣ... Вдали вилась пыль. Азаматъ скакалъ на лихомъ Карагёзѣ; на бѣгу Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлилъ. Съ минуту онъ остался неподвиженъ, пока не убѣдился, что далъ промахъ; потомъ завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его въ дребезги, повалился на землю и зарыдалъ, какъ ребенокъ... Вотъ кругомъ его собрался народъ изъ крѣпости — онъ никого не замѣчалъ. Постояли, потолковали и пошли назадъ; я велѣлъ возлѣ него положить деньги за барановъ — онъ ихъ не тронулъ, лежалъ себѣ ничкомъ, какъ мертвый. Повѣрите ли, онъ такъ пролежалъ до поздней ночи и цѣлую ночь!.. Только на другое утро пришелъ онъ въ крѣпость и сталъ просить, чтобъ ему назвали похитителя. Часовой, который видѣлъ, какъ Азаматъ отвязалъ коня и ускакалъ на немъ, не почелъ за нужное скрывать. При этомъ имени глаза Казбича засверкали, и онъ отправился въ аулъ, гдѣ жилъ отецъ Азамата.

— „Что жъ отецъ?"

— „Да въ томъ-то и штука, что его Казбичъ не нашелъ: онъ куда-то уѣзжалъ дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?"

А когда отецъ возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрецъ: вѣдь смекнулъ, что не сноситъ ему головы, если бъ

1) См. стр. 184.

Digitized by Google

онъ попался. Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ: вѣрно, присталъ къ какой-нибудь шайкѣ абрековъ, да сложилъ буйную голову за Терекомъ или за Кубанью; туда и дорога!..."

„Спустя нѣсколько дней, узнали мы, что старикъ убитъ. Вотъ какъ это случилось"...

Вниманіе мое пробудилось снова.

— „Надо вамъ сказать, что Казбичъ вообразилъ, будто Азаматъ съ согласія отца укралъ у него лошадь; по крайней мѣрѣ, я такъ полагаю. Вотъ онъ разъ и дожидался у дороги, версты три за ауломъ; старикъ возвращался изъ напрасныхъ поисковъ за дочерью; уздени его отстали—это было въ сумерки—онъ ѣхалъ задумчивымъ, какъ вдругъ Казбичъ, будто кошка, вырнулъ изъ за куста, прыгъ сзади его на лошадь, ударомъ кинжала свалилъ его на земь, схватилъ поводья—и былъ таковъ. Нѣкоторые уздени все это видѣли съ пригорка; они бросились догонять, только не догнали".

— „Онъ вознаградилъ себя за потерю коня и отмстилъ", сказалъ я, чтобъ вызвать мнѣніе моего собесѣдника.

— „Конечно, по ихнему", сказалъ штабсъ-капитанъ, „онъ былъ совершенно правъ".

---

3. Контрабандисты.

Таманъ—самый скверный городишко изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще въ добавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной телѣжкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ усталую тройку у воротъ единственнаго каменнаго дома, что при въѣздѣ. Часовой, черноморскій казакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ съ просонья дикимъ голосомъ: „кто идетъ?" Вышелъ урядникъ и десятникъ. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по казенной надобности, и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по городу. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ—занята. Было холодно. Я три ночи не спалъ, измучился и началъ сердиться. „Веди меня куда-нибудь, разбойникъ! хоть къ чорту, только къ мѣсту!" закричалъ я. „Есть еще одна фатера", отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ: „только вашему благородію не понравится; тамъ нечисто!" Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему итти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одни только ветхіе заборы, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышку и бѣлыя стѣны моего новаго жилища; на дворѣ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла избочась другая лачужка, менѣе и древнѣе первой.

Digitized by Google

Берегъ обрывомъ опускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ безпрерывнымъ ропотомъ плескались темносинія волны. Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію, и я могъ различить при свѣтѣ ея, далеко отъ берега, два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисовались на блѣдной чертѣ небосклона. „Суда на пристани есть", подумалъ я,—„завтра отправляюсь я въ Геленджикъ".

При мнѣ исправлялъ должность денщика линейскій казакъ. Велѣвъ ему выложить чемоданъ и отпустить извозчика, я сталъ звать хозяина—молчать; стучу—молчать... Что это? Наконецъ изъ сѣней выползъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

—„Гдѣ хозяинъ?"—Нема.—„Какъ! совсѣмъ нѣту?"—Совсѣмъ.—„А хозяйка?"—Побигла въ слободку.—„Кто же мнѣ отворитъ дверь?" сказалъ я, ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно слѣпой отъ природы. Онъ стоялъ передо мною неподвижно, и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и пр. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою, какъ будто съ потерею члена душа теряетъ какое-нибудь чувство.

Итакъ я началъ разсматривать лицо слѣпого: но что прикажете прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ?... Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ едва примѣтная улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ онъ кажется; напрасно я старался увѣрить себя, что бѣльмы поддѣлать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать?—я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ.

—„Ты хозяйскій сынъ?" спросилъ я его наконецъ.—Ни.—„Кто же ты?"—Сирота, убогій.—„А у хозяйки есть дѣти?"—Ни; была дочь, да утикла за море съ татариномъ.—„Съ какимъ татариномъ?"—А бисъ его знаетъ! крымскій татаринъ, лодочникъ изъ Керчи.

Я вошелъ въ хату: двѣ лавки и столъ, да огромный сундукъ возлѣ печи составляли всю ея мебель. На стѣнѣ ни одного образа—дурной знакъ! Въ разбитое стекло врывался морской вѣтеръ. Я вытащилъ изъ чемодана восковой огарокъ и, засвѣтивъ его, сталъ раскладывать вещи, поставилъ въ уголъ шашку и ружье, пистолеты положилъ на столъ, разостлалъ бурку на лавкѣ, казакъ свою на дру-

Digitized by Google

гой; черезъ десять минутъ онъ захрапѣлъ, но я не могъ заснуть: передо мной во мракѣ все вертѣлся мальчикъ съ бѣлыми глазами.

Такъ прошло около часа. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно, и лучъ его игралъ по земляному полу хаты. Вдругъ на яркой полосѣ, пересѣкающей полъ, промелькнула тѣнь. Я привсталъ и взглянулъ въ окно: кто-то вторично пробѣжалъ мимо его и скрылся, Богъ знаетъ куда. Я не могъ полагать, чтобъ это существо сбѣжало по отвѣсу берега; однако иначе ему некуда было дѣваться. Я всталъ, накинулъ бешметъ, опоясалъ кинжалъ и тихо-тихо вышелъ изъ хаты, навстрѣчу мнѣ слѣпой мальчикъ. Я притаился у забора, и онъ вѣрной, но осторожной поступью прошелъ мимо меня. Подъ мышкой онъ несъ какой-то узелъ и, повернувъ къ пристани, сталъ спускаться по узкой и крутой тропинкѣ. „Въ тотъ день нѣмые возопіютъ и слѣпые прозрятъ", подумалъ я, слѣдуя за нимъ въ такомъ разстояніи, чтобъ не терять его изъ вида.

Между тѣмъ луна начинала одѣваться тучами, и на морѣ поднялся туманъ; едва сквозь него свѣтился фонарь на кормѣ ближняго корабля; у берега сверкала пѣна валуновъ [1]), ежеминутно грозящихъ его потопить. Я, съ трудомъ спускаясь, пробирался по крутизнѣ, и вотъ вижу: слѣпой пріостановился, потомъ повернулъ вызовъ направо; онъ шелъ такъ близко отъ воды, что, казалось, сейчасъ волна его схватитъ и унесетъ; но, видно, это была не первая его прогулка, судя по увѣренности, съ которой онъ ступалъ съ камня на камень и избѣгалъ рытвинъ. Наконецъ онъ остановился, будто прислушиваясь къ чему-то, присѣлъ на землю и положилъ возлѣ себя узелъ. Я наблюдалъ за его движеніями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя нѣсколько минутъ, съ противоположной стороны показалась бѣлая фигура; она подошла къ слѣпому и сѣла возлѣ него. Вѣтеръ по временамъ приносилъ мнѣ ихъ разговоръ.

— Что, слѣпой? сказалъ женскій голосъ: — буря сильна; Янко не будетъ. — Янко не боится бури, отвѣчалъ тотъ. — Туманъ густѣетъ, возразилъ опять женскій голосъ, съ выраженіемъ печали.

— Въ туманѣ лучше пробраться мимо сторожевыхъ судовъ, былъ отвѣтъ. — А если онъ утонетъ? — Ну, чтожъ? въ воскресенье ты пойдешь въ церковь безъ новой ленты.

Послѣдовало молчаніе; меня однако поразило одно: слѣпой говорилъ со мною малороссійскимъ нарѣчіемъ, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я правъ, сказалъ опять слѣпой, ударивъ въ ладоши: — Янко не боится ни моря, ни вѣтровъ, ни тумана, ни береге-

---

[1]) *Валунъ* — камень крѣпкой породы, оглаженный и округленный.

Digitized by Google

выхъ сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещетъ, меня не обманешь,—это его длинныя весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться въ даль съ видомъ безпокойства.

— Ты бредишь, слѣпой! сказала она: я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалекѣ что-нибудь на подобіе лодки, но безуспѣшно. Такъ прошло минутъ десять; и вотъ показалась между горами волнъ черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волнъ, быстро спускаясь съ нихъ, приближалась къ берегу лодка. „Отваженъ былъ пловецъ, рѣшившійся въ такую ночь пуститься чрезъ проливъ на разстояніе двадцати верстъ, и важныя должны быть причины, его къ тому побудившія". Думая такъ, я съ невольнымъ біеніемъ сердца глядѣлъ на бѣдную лодку; но она, какъ утка, ныряла и потомъ, быстро взмахнувъ веслами, будто крыльями, выскакивала изъ пропасти среди брызговъ пѣны; и вотъ, я думалъ, она ударится съ размаха о берегъ и разлетится въ дребезги: но она ловко повернулась бокомъ и вскочила въ маленькую бухту невредимо. Изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, въ татарской бараньей шапкѣ; онъ махнулъ рукою—и всѣ трое принялись вытаскивать что-то изъ лодки; грузъ былъ такъ великъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ она не потонула. Взявъ на плечи каждый по узлу, они пустились ядомъ по берегу, и скоро я потерялъ ихъ изъ вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, всѣ эти странности меня тревожили, и я наскучу дождался утра.

Казакъ мой былъ очень удивленъ, когда, проснувшись, увидѣлъ меня совсѣмъ одѣтаго: я ему однакожъ не сказалъ причины. Полюбовавшись нѣсколько времени изъ окна на голубое небо, усѣянное разорванными облачками, на дальній берегъ Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесомъ, на вершинѣ коего бѣлѣется маячная башня, я отправился въ крѣпость Фанагорію, чтобы узнать отъ коменданта о часѣ моего отъѣзда въ Галенджикъ.

Но — увы! комендантъ ничего не могъ сказать мнѣ рѣшительнаго. Суда, стоявшія въ пристани, были всѣ или сторожевыя, или купеческія, которыя еще даже не начинали нагружаться.—„Можетъ быть, дня черезъ три, четыре придетъ почтовое судно", сказалъ комендантъ — „и тогда мы увидимъ". Я вернулся домой угрюмъ и сердитъ. Меня въ дверяхъ встрѣтилъ казакъ мой съ испуганнымъ лицомъ.

— Плохо, ваше благородіе, сказалъ онъ мнѣ.

— Да, братъ, Богъ знаетъ, когда мы отсюда уѣдемъ!...

Тутъ онъ еще больше встревожился и, наклонясь ко мнѣ, сказалъ шопотомъ: Здѣсь нечисто! Я встрѣтилъ сегодня черноморскаго уряд-

нѣма; онъ мнѣ знакомъ—былъ прошлаго года въ отрядѣ; какъ я ему сказалъ, гдѣ мы остановились, а онъ мнѣ: здѣсь, братъ, нечисто, люди недобрые!... Да и въ самомъ дѣлѣ, что это за слѣпой!...—ходитъ вездѣ одинъ—и на базаръ, за хлѣбомъ, и за водой.... ужъ видно, здѣсь къ этому привыкли.

— Да что въ? по крайней мѣрѣ, показалась ли хозяйка?..

— Сегодня безъ васъ пришла старуха, и съ ней дочь.

— Какая дочь? у него нѣтъ дочери.—А Богъ ее знаетъ, кто она, коли не дочь; да вонъ старуха сидитъ теперь въ своей хатѣ.

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ, довольно роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью и подкладывалъ въ огонь хворостъ.—Ну-ка, слѣпой чертенокъ, сказалъ я, взявъ его за ухо:—говори, куда ты ночью таскался съ узломъ?—а?

Вдругъ мой слѣпой заплакалъ, закричалъ, завылъ:

— Куды я ходивъ?... никуды не ходивъ.... Съ узломъ?... Якимъ узломъ?—Старуха на этотъ разъ услышала и стала ворчать: „Вотъ выдумываютъ, да еще на убогаго! За что вы его? что онъ вамъ сдѣлалъ?“ Мнѣ это надоѣло, и я вышелъ, твердо рѣшившись достать ключъ этой загадки.

Я завернулся въ бурку и сѣлъ у забора на камень, поглядывая въ даль; передо мной тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шумъ его, подобный ропоту засыпающаго города, напоминалъ мнѣ старые годы, перенесъ мои мысли на сѣверъ, въ нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаніями, я забылся... Такъ прошло около часа; можетъ быть, и болѣе... Вдругъ что-то похожее на пѣсню поразило мой слухъ. Точно, это была пѣсня, и женскій свѣжій голосокъ—но откуда?... Прислушиваюсь—напѣвъ стройный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь—никого нѣтъ кругомъ; прислушиваюсь снова—звуки какъ будто падаютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными косами, настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ лучей солнца, она пристально всматривалась въ даль, то смѣялась и разсуждала сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

„Коль на вольной водюшкѣ—
По зелену морю
Ходятъ все кораблики
Бѣлопарусники.

Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодочка неснащёная,
Двухвесельная.

Digitized by Google

Буря ль разыграется—
Старые кораблики
Приподымутъ крылышки,
По морю размечутся.

Стану морю кланяться
Я низёхонько:
Ужъ, не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:

Везетъ моя лодочка
Вещи драгоцѣнныя,
Правитъ ею въ темну ночь
Буйная головушка".

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, дѣвушки тамъ не было.

....Пробираясь берегомъ къ своей хатѣ, я невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ наканунѣ слѣпой дожидался ночного пловца. Луна уже катилась по небу, и мнѣ показалось, что кто-то въ бѣломъ сидѣлъ на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытствомъ, и прилегъ въ травѣ надъ обрывомъ берега; высунувъ немного голову, я могъ хорошо видѣть съ утеса все, что внизу дѣлалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнавъ мою русалку... Скоро показалась вдали лодка; быстро приблизилась она; изъ нея, какъ наканунѣ, вышелъ человѣкъ въ татарской шапкѣ, но остриженъ онъ былъ по-казацки, и за ременнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ. „Янко", сказала она, „все пропало!" Потомъ разговоръ ихъ продолжался, но такъ тихо, что я ничего не могъ разслушать.—А гдѣ же слѣпой? сказалъ наконецъ Янко, возвысивъ голосъ. „Я его послала", былъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился слѣпой, таща на спинѣ мѣшокъ, который положили въ лодку.

— Послушай, слѣпой! сказалъ Янко:—ты береги то мѣсто... знаешь? тамъ богатые товары... скажи (имени я не разслушалъ), что я ему больше не слуга; дѣла пошли худо, онъ меня больше не увидитъ; теперь опасно; поѣду искать работы въ другомъ мѣстѣ, а ему ужъ такого удальца не найти. Да скажи, кабы онъ получше платилъ за труды, такъ и Янко бы его не покинулъ, а мнѣ вездѣ дорога, гдѣ только вѣтеръ дуетъ, и море шумитъ!—Послѣ нѣкотораго молчанія Янко продолжалъ: Она поѣдетъ со мною; ей нельзя здѣсь оставаться; а старухѣ скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Насъ же больше не увидитъ.

— А я? сказалъ слѣпой жалобнымъ голосомъ.

— На что мнѣ тебя? былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ моя ундина вскочила въ лодку и махнула товарищу рукой; онъ что-то положилъ слѣпому въ руку, примолвивъ: „На, купи себѣ пряниковъ."—Только? сказалъ слѣпой. „Ну, вотъ тебѣ еще" — и упавшая монета зазвенѣла, ударясь о камень. Слѣпой ея не поднялъ. Янко сѣлъ въ лодку; вѣтеръ дулъ отъ берега; они подняли маленькій парусъ и быстро понеслись. Долго при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ; слѣ-

Digitized by Google

пой все сидѣлъ на берегу, и вотъ мнѣ послышалось что-то похожее на рыданіе: слѣпой мальчикъ точно плакалъ, и долго, долго... Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ контрабандистовъ? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе...

Я возвратился домой. Въ сѣняхъ трещала догорѣвшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и казакъ мой, вопреки приказанію, спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками. Я его оставилъ въ покоѣ, взялъ свѣчу и пошелъ въ хату. Увы! моя шкатулка, шашка съ серебряной оправой, дагестанскій кинжалъ, подарокъ пріятеля,— все исчезло. Тутъ-то я догадался, какія вещи тащилъ проклятый слѣпой. Разбудивъ казака довольно нечувствительнымъ толчкомъ, я побранилъ его, посердился, а дѣлать было нечего! И не смѣшно ли было бы жаловаться начальству?... Слава Богу, поутру явилась возможность ѣхать, и я оставилъ Тамань. Что сталось съ старухой и бѣднымъ слѣпымъ—не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдствій человѣческихъ,—мнѣ, странствующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности?

Лермонтовъ.

VIII. ИЗЪ „СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ".

Добрый день Степана Михайловича.

1.

Въ исходѣ іюня стояли уже сильные жары. Послѣ душной ночи потянулъ на разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но за то въ пологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожность необходимая: безъ полога заѣли бы его злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты и всю ночь пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дискантовый писокъ и даже кусанье комаровъ; въ ихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодого сердца и сладкую, безотчетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою горячій потъ съ крутого, высокаго лба своего, выкинулъ голову изъ-подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никаноркa Танайченокъ храпѣли въ растяжку на полу, въ карикатурно-живопис-

Digitized by Google

ныхъ положеніяхъ. „Экъ храпитъ, собачьи дѣти!“ сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго пристуна слѣдовало бы ожидать толчка каблуковымъ подошвомъ (всегда у постели его стоявшимся) въ бокъ спящаго или пинка ногой, даже привѣтствія ступомъ; но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шуму, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя кожаныя туфли на босыя ноги и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной льняной холстины (тканаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказалъ, что тканаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всякій читатель въ правѣ замѣтить, что это несообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть! прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его, и наконецъ пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, сшитое изъ оброчной льняной холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ „билъ ее, да своего добра не рубилъ“..., но и это средство не помогло: опять явилось толстое бѣлье—и старикъ покорился... Виноватъ, опровергая мнимое замѣчаніе читателя, я прервалъ разсказъ про „добрый день моего дѣдушки“. Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подостлалъ его подъ себя на верхней ступени крыльца, и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю. Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно; а дѣдушкѣ, сверхъ того, весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженный. Правда, дворъ былъ необгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо, для выгона въ поле, посѣщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выплескивались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы: разумѣется, отъ ихъ посѣщеній оставались непріятные слѣды, но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего непріятнаго, а напротивъ любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный

Digitized by Google

признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута утянло посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали „Спирькой", выводилъ одного за другимъ двухъ рыжеватыхъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и промывалъ на длинной коновязи, при чемъ дѣдушка любовался ихъ статями, заранѣе любовался и тою породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на потребищѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка), помолилась Богу, обратясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились въ небѣ, щебетали и вѣли ласточки и касаточки; звонко били перепела въ полѣ; задсѣдаясь, хрипло кричали въ кустахъ дергуны; подсвистываньс погонышей, токованье и блеянье дикаго бирюка неслись съ близкаго болота; варакушки въ запуски передразнивали соловьевъ,— выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!... Задымились крестьянскія избы, потянулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужички въ поле... захотѣлось дѣдушкѣ умыться студеной водою и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакали они, какъ полоумные, въ испугѣ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: „Мазанъ, умываться! Танайченокъ, будить Аксютку и барыню,—таю!" Не нужно было повторять приказаній: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою, а проворный Тайначенокъ разбудилъ некрасивую Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую, дородную барыню Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа стоялъ у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатертью домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника, суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала его о здоровьѣ: „какъ почивалъ и что во снѣ видѣлъ?" Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и назвалъ ее Аришей; онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою давалъ цѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна расцвѣла и помолодѣла: куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ нала-

Digitized by Google

сково встрѣчалъ ее.—„Напьемся-ка вытегрѣ чайку, Ариша!“ заговорилъ Степанъ Михайловичъ, „покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спалъ я крѣпко, такъ что и сны всѣ запамятовалъ. Ну, а ты?“ Такой вопросъ былъ необыкновенная вещь, и бабушка послѣдовательно отвѣчала, что которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, ну и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Александрой и Елизаветой Степановнами, и она уже одѣлась, но объ этомъ сказать не осмѣлилась. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ, и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два; дѣдушка остался доволенъ, что Танюша хорошо выспалася. Единственнаго сынка, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшія дочери явились немедленно; Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцѣловать руку, и назвалъ одну Лизанькой, а другую Лексашей. Обѣ были очень неглупы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина самая простая и находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что̀, по неумѣнью, рѣдко проходило ей даромъ, и что̀ старикъ зналъ наизусть: онъ зналъ и то, что дочери готовы обмануть его при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что онѣ надуваютъ его; при первой же вспышкѣ все это высказывалъ имъ безъ пощады, въ самыхъ нецеремонныхъ выраженіяхъ, а иногда и бивалъ; но дочери, какъ настоящія Евины внучки, не унывали: проходилъ часъ гнѣва, прояснялось лицо отца, и онѣ сейчасъ принимались за свои хитрые планы, и нерѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мавану: „лошадь!“ и старый бурый меринъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дроги, или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частою веревочной рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ по серединѣ, накрытымъ войлокомъ, уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ неизмѣнномъ костюмѣ, то̀есть просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предыдущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую же экспедицію даже

безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ: дѣдушка посмѣялся надъ его шлычкой и, надѣвъ полевой кафтанъ изъ небѣленаго домашняго холста да картузъ и подостлавъ подъ себя про запасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя сложенный втрое свой обыкновенный зипунъ изъ крестьянскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилося въ поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ, что багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали „маренниками“; я самъ слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ осмотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, въ человѣка вышиною, стояла какъ стѣна: дулъ легкій вѣтерокъ, и синія, лиловыя волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровые хлѣба; потомъ отправился въ паровое поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по вспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое нетронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно; можетъ быть, и попадались цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой, высокой травой, которую чрезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого уродился хлѣбъ хорошо, и у кого плохо, даже паръ крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проѣзжая чрезъ залежи и увидѣвъ поспѣвавшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощью Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Не смотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полденъ. Только завидѣли спускающіяся съ горы дѣдушкины дроги—кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. „Ну, Ариша“, весело сказалъ дѣдушка, „какіе хлѣба даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка“. Бабушка растаяла отъ радости. „На половину поспѣла“, продолжалъ онъ: „съ завтрашняго дня посылать по ягоды“. Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему навстрѣчу изъ залы. „А, готово!“ еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ: „спасибо“; и не заходя въ свою комнату, прямо

пронесть въ залу и сѣсть на столъ. Надобно сказать, что у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, — рано или поздно, — чтобы кушанье стояло на столѣ, и Боже сохрани, если провѣлаютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда! Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ благодѣтельный день все шло какъ по маслу; все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рунавъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человѣкъ не откажется въ самые палящіе жары, дѣдушка хлебалъ деревянной ложкой, потому что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтой, какъ воскъ, соленой осетриной и съ чищеными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый. Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвчонки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками; дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось впятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда онъ сейчасъ легъ спать. Вымакали мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись объѣдковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; только духота и зной отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ; захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Танайченокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ; требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ, — Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили браги, положили льду, — проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утренняго проснулся баринъ, и первое его

слово было: „студеной бражки". Перепугались лакеи; Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ увидѣла уже въ халатѣ настоящій баринъ. Съ первымъ словомъ обманъ открылся, и дворовые отъ страха Маланъ и Танайченокъ повалились барину въ ноги, и что жъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?... Расхохотался, послалъ за Аришей и дочерьми и, громко смѣясь, разсказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и чуть-чуть не разсердился; брови его уже начали было морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и, грозно взглянувъ, онъ сказалъ: „ну, Богъ проститъ на этотъ разъ, но если въ другой...." Договаривать было не нужно

2.

Онъ проснулся часу въ пятомъ по полудни и послѣ студеной бражки, не смотря на палящій зной, скоро захотѣлъ закушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и, воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидающую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ-самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Закусивши до-сыта любимаго потогоннаго напитка съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостію согласились, и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собой удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однихъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наслѣдника, драгоцѣнную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобъ нарыть въ плотинѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышенъ. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейну, и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, неподалеку отъ пауза, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ уваженія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтній сынокъ то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобъ ребенокъ не свалился какъ-нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ об-

Digitized by Google

дирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жерновов: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на полъ-зарубки, и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запереть воду; мельникъ Болтуненокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню, и сказалъ: „Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась.“—„То-то маленько,“ безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка: „кабы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась.“—„Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ.“—„Ну, Богъ проститъ; давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще, не тоньше другихъ—въ этомъ вся штука.“ Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе приложенную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно, дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а понемногу (тоже по приказанію дѣдушки),—и запѣлъ, замололъ жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на толчею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольщику, знакомому мордвину: „Чего смотришь, сосѣдъ Васюха? Видишь, ни одного неотолченаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше.“ Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то есть кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичный дворъ. Тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости, дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку и приказалъ сверхъ мѣсячины выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полупуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ; всѣмъ онъ былъ доволенъ: и дочь понятна, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана хорошо смотритъ за птицею.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ: рыба

играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ:— „Пора, Ариша, домой; староста, чай, ждетъ меня," сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и что вдобавокъ потомъ они придутъ пѣшкомъ. Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не запахалъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвицѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказано было выгнать изъ деревни, жить по-прежнему у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе квасного стакана домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и велѣлъ подать ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго и, вѣроятно, кушали за нимъ даже поплотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой, заставлялъ Мавана и Танайченка бороться и драться на кулачки, и такъ ихъ поддразнивалъ, что они не шутя кототили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы, но дѣдушка, до-смѣта насмѣявшись, повелительнымъ окомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись . . .

Лѣтняя короткая чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угасъ свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари. Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды, громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ будто они приближались къ человѣку. Ближе шумѣла мельница и толкла толчея въ ночномъ сыромъ туманѣ... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился раза-другой на звѣздное небо и легъ почивать, не смотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ.

С. Аксаковъ.

Digitized by Google

IX. ИЗЪ „ОТРОЧЕСТВА".

Поѣздка на долгихъ.

Снова поданы два экипажа къ крыльцу Петровскаго дома: одинъ — карета, въ которую садятся Мими, Катенька, Любочка, горничная и самъ прикащикъ Яковъ, на козлахъ; другой — бричка, въ которой ѣдемъ мы съ Володей и недавно взятый съ оброка лакей Василій.

Папа, который нѣсколько дней послѣ насъ долженъ тоже пріѣхать въ Москву, безъ шапки стоитъ на крыльцѣ и креститъ окно кареты и бричку.

„Ну, Христосъ съ вами! трогай!" Яковъ и кучера (мы ѣдемъ на своихъ) снимаютъ шапки и крестятся. „Но, но! съ Богомъ!" Кузовъ кареты и бричка начинаютъ подпрыгивать по неровной дорогѣ, и березы большой аллеи, одна за другою, бѣгутъ мимо насъ. Мнѣ нисколько не грустно: умственный взоръ мой обращенъ не на то, что я оставляю, а на то, что ожидаетъ меня. По мѣрѣ удаленія отъ предметовъ, связанныхъ съ тяжелыми воспоминаніями, наполнявшими до сей поры мое воображеніе, воспоминанія эти теряютъ свою силу и быстро замѣняются отраднымъ чувствомъ сознанія жизни, полной силы, свѣжести и надежды.

Рѣдко провелъ я нѣсколько дней, не скажу — весело: мнѣ еще какъ-то совѣстно было предаваться веселью, — но такъ пріятно, хорошо, какъ четыре дня нашего путешествія. У меня передъ глазами не было ни затворенной двери комнаты матушки, мимо которой я не могъ проходить безъ содроганія, ни закрытаго рояля, къ которому не только не подходили, но на который и смотрѣли съ какою-то боязнью, ни траурныхъ одеждъ (на всѣхъ насъ были простыя дорожныя платья), ни всѣхъ тѣхъ вещей, которыя, живо напоминая мнѣ невозвратимую потерю, заставляли меня остерегаться каждаго проявленія жизни, изъ страха оскорбить какъ нибудь ея память. Здѣсь, напротивъ, безпрестанно новыя живописныя мѣста и предметы останавливаютъ и развлекаютъ мое вниманіе, а весенняя природа вселяетъ въ душу отрадныя чувства довольства настоящимъ и свѣтлой надежды на будущее.

Рано, рано утромъ безжалостный и, какъ всегда бываютъ люди въ новой должности, слишкомъ усердный Василій сдергиваетъ одѣяло и увѣряетъ, что пора ѣхать и все уже готово. Какъ ни жмешься, ни хитришь, ни сердишься, чтобы хоть еще на четверть часа продлить сладкій утренній сонъ, по рѣшительному лицу Василья видишь, что онъ неумолимъ и готовъ еще двадцать разъ сдернуть одѣяло, — вскакиваешь и бѣжишь на дворъ умываться.

Въ сѣняхъ уже кипитъ самоваръ, который, раскраснѣвшись какъ ракъ, раздуваетъ Митька форейторъ; на дворѣ сыро и туманно, какъ будто паръ подымается отъ пахучаго навоза; солнышко веселымъ, яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ восточную часть неба, и соломенныя крыши просторныхъ каменныхъ дворъ, окружавшихъ дворъ, глянцовитыя отъ росы, покрываютъ ихъ. Подъ ними видѣются наши лошади, привязанныя около кормять, и слышно ихъ мѣрное жеванье. Какая-нибудь мохнатая Жучка, прикорнувшая передъ зарей на сухой кучѣ навоза, лѣниво потягивается и, помахивая хвостомъ, мелкой рысцой отправляется въ другую сторону двора. Хлопотунья хозяйка отворяетъ скрипящія ворота, выгоняетъ задумчивыхъ коровъ на улицу, по которой уже слышны топотъ, мычанье и блеянье стада, и перекидывается словечкомъ съ сонною сосѣдкой. Филиппъ, съ засученными рукавами рубашки, вытягиваетъ веревкою бадью изъ глубокаго колодца, плеская свѣтлую воду, выливаетъ ее въ дубовую колоду, около которой въ лужѣ уже попощутся проснувшіяся утки; и я съ удовольствіемъ смотрю на значительное, съ окладистой бородой, лицо Филиппа и на толстыя жилы и мускулы, которые рѣзко обозначаются на его голыхъ мощныхъ рукахъ, когда онъ дѣлаетъ какое-нибудь усиліе.

За перегородкой, гдѣ спала Мими съ дѣвочками, и изъ-за которой мы переговаривались вечеромъ, слышно движенье. Маша съ различными предметами, которые она плотно старается скрыть отъ нашего любопытства, чаще и чаще перебѣгаетъ мимо насъ; наконецъ отворяется дверь, и насъ зовутъ пить чай.

Василій, въ припадкѣ излишняго усердія, безпрестанно вбѣгаетъ въ комнату, выноситъ то то, то другое, подмигиваетъ намъ и всячески упрашиваетъ Марью Ивановну вывезти ранѣе. Лошади заложены и выражаютъ свое нетерпѣніе, изрѣдка побрякивая бубенчиками; чемоданы, сундуки, шкатулки и шкатулочки снова укладываются, и мы садимся по мѣстамъ. Но каждый разъ въ бричкѣ мы находимъ гору вмѣсто сидѣнья, такъ что никакъ не можемъ понять, какъ все это было уложено наканунѣ и какъ теперь мы будемъ сидѣть; особенно одинъ огромный чайный ящикъ съ треугольною крышкой, который отдаютъ намъ въ бричку и ставятъ подъ меня, приводитъ меня въ сильнѣйшее негодованіе. Но Василій говоритъ, что это обомнется, и я принужденъ вѣрить ему.

Солнце только что поднялось надъ сплошнымъ бѣлымъ облакомъ, покрывающимъ востокъ, и вся окрестность озарилась спокойно-радостнымъ свѣтомъ. Все такъ прекрасно вокругъ меня, а на душѣ такъ легко и спокойно... Дорога широкою дикою лентой вьется впереди, между полями засѣяннаго жнивья и блестящею росою зелени; кое-гдѣ при дорогѣ попадается угрюмая ракита или холодная

березка съ мелкими клейкими листьями, бросая длинную неподвижную тѣнь на засохшія глинистыя колеи и мелкую зеленую траву дороги. Однообразный шумъ колесъ и бубенчиковъ не заглушаетъ пѣсенъ жаворонковъ, которые вьются около самой дороги. Запахъ съѣденнаго молью сукна, пыли и какой-то кислоты, которымъ отличается наша бричка, покрывается запахомъ утра, и я чувствую въ душѣ отрадное безпокойство, желаніе что-то сдѣлать — признакъ истиннаго наслажденья.

Я не успѣлъ помолиться на постояломъ дворѣ; но такъ какъ уже не разъ замѣчено мною, что въ тотъ день, въ который я, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, забываю исполнить этотъ обрядъ, со мною случается какое-нибудь несчастіе, я стараюсь исправить свою ошибку: снимаю фуражку, поворачиваюсь въ уголъ брички, читаю молитвы и крещусь подъ курточкой такъ, чтобы никто не видалъ этого. Но тысячи различныхъ предметовъ отвлекаютъ мое вниманіе, и я нѣсколько разъ сряду въ разсѣянности повторяю одни и тѣ же слова молитвы.

Вотъ на пѣшеходной тропинкѣ, вьющейся около дороги, виднѣются какія-то медленно движущіяся фигуры: это богомолки. Головы ихъ закутаны грязными платками, за спинами берестовыя котомки, ноги обмотаны грязными, оборванными онучами и обуты въ тяжелые лапти. Равномѣрно размахивая палками и едва оглядываясь на насъ, онѣ медленнымъ, тяжелымъ шагомъ подвигаются впередъ, одна за другою, и меня занимаютъ вопросы: куда, зачѣмъ онѣ идутъ? долго ли продолжится ихъ путешествіе, и скоро ли длинныя тѣни, которыя онѣ бросаютъ на дорогу, соединятся съ тѣнью ракиты, мимо которой онѣ должны пройти? Вотъ коляска, четверкой, на почтовыхъ быстро несется навстрѣчу. Двѣ секунды — и лица, на разстояніи двухъ аршинъ привѣтливо, любопытно смотрѣвшія на насъ, уже промелькнули, и какъ-то странно кажется, что эти лица не имѣютъ со мной ничего общаго, и что ихъ никогда, можетъ быть, не увидишь больше.

Вотъ стороной дороги бѣгутъ двѣ потныя, косматыя лошади въ хомутахъ съ захлеснутыми за шлеи постромками; и сзади, свѣсивъ длинныя ноги въ большихъ сапогахъ по обѣимъ сторонамъ лошади, у которой на холкѣ виситъ дуга и изрѣдка чуть слышно побрякиваетъ колокольчикомъ, ѣдетъ молодой парень ямщикъ и, сбивъ на одно ухо поярковую шляпу, тянетъ какую-то протяжную пѣсню. Лицо и поза его выражаютъ такъ много лѣниваго, безпечнаго довольства, что мнѣ кажется верхомъ счастія быть ямщикомъ, ѣздить обратнымъ и пѣть грустныя пѣсни. Вонъ, далеко за оврагомъ, виднѣется на свѣдо-голубомъ небѣ деревенская церковь съ зеленою крышей; вонъ село, красная крыша барскаго дома и зеленый садъ. Кто живетъ

въ этомъ домѣ? есть ли въ немъ дѣти, отецъ, мать, учитель? отчего бы намъ не поѣхать въ этотъ домъ и не познакомиться съ хозяевами? Вотъ длинный обозъ огромныхъ возовъ, запряженныхъ тройками сытыхъ толстоногихъ лошадей, который мы принуждены объѣзжать стороною. „Что везете?“ спрашиваетъ Василій у перваго извозчика, который, спустивъ огромныя ноги съ грядокъ и помахивая кнутикомъ, долго пристально-безсмысленнымъ взоромъ слѣдитъ за нами и отвѣчаетъ что-то только тогда, когда его невозможно слышать. „Съ какимъ товаромъ?“ обращается Василій къ другому возу, на огороженномъ передкѣ котораго, подъ новою рогожей, лежитъ другой извозчикъ. Русая голова съ краснымъ лицомъ и рыжеватою бородкой на минуту высовывается изъ-подъ рогожи, равнодушно-презрительнымъ взглядомъ окидываетъ нашу бричку и снова скрывается — и мнѣ приходитъ мысли, что, вѣрно, эти извозчики не знаютъ, кто мы такіе и откуда и куда ѣдемъ.

Часа полтора углубленный въ разнообразныя наблюденія, я не обращаю вниманія на кривыя цыфры, выставленныя на веретахъ. Но вотъ солнце начинаетъ жарче печь мнѣ голову и спину, дорога становится пыльнѣе, треугольная крышка чайницы начинаетъ сильно безпокоить меня, я нѣсколько разъ перемѣняю положеніе: мнѣ становится жарко, неловко и скучно. Все мое вниманіе обращается на веретовые столбы и на цыфры, выставленныя на нихъ; я дѣлаю различныя математическія вычисленія на счетъ времени, въ которое мы можемъ пріѣхать на станцію. „Двѣнадцать верстъ составляютъ треть тридцати-шести, а до Липецъ сорокъ-одна, слѣдовательно мы проѣхали одну треть и сколько?“ и т. д.

„Василій“, говорю я, когда замѣчаю, что онъ начинаетъ *удить рыбу* на козлахъ, „пусти меня на козлы, голубчикъ“. Василій соглашается. Мы перемѣняемся мѣстами: онъ тотчасъ же начинаетъ храпѣть и разваливается такъ, что въ бричкѣ уже не остается больше ни для кого мѣста; а передо мной открывается съ высоты, которую я занимаю, самая пріятная картина: наши четыре лошади, Неручинская, Дьячокъ, Лѣвая коренная и Аптекарь, всѣ изученныя мною до малѣйшихъ подробностей и оттѣнковъ свойствъ каждой.

— Отчего это нынче Дьячокъ на правой пристяжкѣ, а не на лѣвой, Филиппъ? нѣсколько робко спрашиваю я.

— Дьячокъ?

— А Неручинская ничего не везетъ, говорю я.

— Дьячка нельзя налѣво впрягать, говоритъ Филиппъ, не обращая вниманія на мое послѣднее замѣчаніе: не такая лошадь, чтобъ его на лѣвую пристяжку запрягать. Налѣво ужъ нужно такую лошадь, чтобъ, одно слово, была лошадь, а это не такая лошадь.

И Филиппъ съ этими словами нагибается на правую сторону

и, подергивая вожжей изъ всѣхъ силъ, принимается стегать бѣднаго Дьячка по хвосту и по ногамъ, какъ-то особеннымъ манеромъ, снизу, и не смотря на то, что Дьячокъ старается изъ всѣхъ силъ и воротить всю бричку, Филиппъ прекращаетъ этотъ маневръ только тогда, когда чувствуетъ необходимость отдохнуть и сдвинуть, неизвѣстно для чего, свою шляпу на одинъ бокъ, хотя она до этого очень хорошо и плотно сидѣла на его головѣ. Я пользуюсь такою счастливою минутой и прошу Филиппа дать мнѣ поправить. Филиппъ даетъ мнѣ сначала одну вожжу, потомъ другую; наконецъ всѣ шесть возжей и кнутъ переходятъ въ мои руки, и я совершенно счастливъ. Я стараюсь всячески подражать Филиппу, спрашиваю у него: хорошо ли? но обыкновенно кончается тѣмъ, что онъ остается мною недоволенъ: говоритъ, что та много везетъ, а та ничего не везетъ, высовываетъ локоть изъ-за моей груди и отнимаетъ у меня вожжи. Жаръ все усиливается, барашки начинаютъ вздуваться, какъ мыльные пузыри, выше и выше, сходятся и принимаютъ темно-сѣрыя тѣни. Въ окно кареты высовывается рука съ бутылкой и узелкомъ; Василій, съ удивительною ловкостью, на ходу соскакиваетъ съ козелъ и приноситъ намъ вотрушекъ и квасу.

На крутомъ спускѣ мы всѣ выходимъ изъ экипажей и иногда въ перегонки бѣжимъ до моста, между тѣмъ какъ Василій и Яковъ, подтормозивъ колеса, съ обѣихъ сторонъ руками поддерживаютъ карету, какъ будто они въ состояніи удержать ее, ежели бы она упала. Потомъ, съ позволенія Мими, я или Володя отправляемся въ карету, а Любочка или Катенька садятся въ бричку. Перемѣщенія эти доставляютъ большое удовольствіе дѣвочкамъ, потому что онѣ справедливо находятъ, что въ бричкѣ гораздо веселѣй. Иногда, во время жара, проѣзжая черезъ рощу, мы отстаемъ отъ кареты, нарываемъ зеленыхъ вѣтокъ и устраиваемъ въ бричкѣ бесѣдку. Движущаяся бесѣдка во весь духъ догоняетъ карету, и Любочка пищитъ при этомъ самымъ пронзительнымъ голосомъ, чего она никогда не забываетъ дѣлать, при каждомъ случаѣ, доставляющемъ ей большое удовольствіе.

Но вотъ и деревня, въ которой мы будемъ обѣдать и отдыхать. Вотъ ужъ запахло деревней—дымомъ, дегтемъ, баранками; послышались звуки говора, шаговъ и колесъ; бубенчики уже звенятъ не такъ, какъ въ чистомъ полѣ, и съ обѣихъ сторонъ мелькаютъ избы, съ соломенными кровлями, рѣзными тесовыми крылечками и маленькими окнами съ красными и зелеными ставнями, въ которыя кое-гдѣ просовывается лицо любопытной бабы. Вотъ крестьянскіе мальчики и дѣвочки въ однѣхъ рубашонкахъ: широко раскрывъ глаза и растопыривъ руки, неподвижно стоятъ они на одномъ мѣстѣ или, быстро сѣменя въ пыли босыми ножонками, не смотря на

Digitized by Google

угрожающіе жесты Филиппа, бѣгутъ за экипажами и стараются взобраться на чемоданы, привязанные сзади. Вотъ и рыжеватые дворники съ обѣихъ сторонъ подбѣгаютъ къ экипажамъ и привлекательными словами и жестами одинъ передъ другимъ стараются заманить прѣзжающихъ. Тирру! ворота скрипятъ, вальки цѣпляются за воротища, а мы въѣзжаемъ на дворъ. Четыре часа отдыха и свободы!

Гр. Л. Толстой.

Digitized by Google

V.

ПРОЗА ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I. ИЗЪ „ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО".

1. Древніе славяне.

1. Не только въ степеняхъ гражданскаго образованія, въ обычаяхъ и нравахъ, въ душевныхъ силахъ и способностяхъ ума, но и въ самыхъ тѣлесныхъ свойствахъ видимъ такое различіе между народами, что остроумнѣйшій писатель XVIII вѣка, Вольтеръ [1]), не хотѣлъ вѣрить ихъ общему происхожденію отъ единаго корня или племени. Другіе, конечно, справедливѣе и сообразнѣе съ нашими священными преданіями, изъясняютъ сіе несходство дѣйствіемъ разныхъ климатовъ и естественныхъ, невольныхъ привычекъ, которыя отъ онаго рождаются въ людяхъ. Если два народа, обитающіе подъ вліяніемъ одного неба, представляютъ намъ великое различіе въ своей наружности и въ физическихъ свойствахъ: то можемъ смѣло заключить, что они не всегда жили сопредѣльно. Климатъ умѣренный, не жаркій, даже холодный, способствуя долголѣтію, какъ замѣчаютъ медики, благопріятствуетъ и крѣпости состава и дѣйствію силъ тѣлесныхъ. Обитатель южнаго пояса, томимый зноемъ, отдыхаетъ болѣе, нежели трудится,— слабѣетъ въ нѣгѣ и въ праздности. Но житель полунощныхъ [2]) земель любитъ движеніе, согрѣвая имъ кровь свою, любитъ дѣятельность, привыкаетъ сносить частыя перемѣны воздуха, и терпѣніемъ укрѣпляется.

2. Таковы были древніе славяне, по описанію современныхъ историковъ, которые согласно изображаютъ ихъ бодрыми, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственныя климату сѣверному, они сносили голодъ и всякую нужду, питались самою грубою сырою пищею, удивляли грековъ своею быстротою, съ чрезвычайною легкостію всходили на крутизны, спускались въ разсѣлины, смѣло бросались въ опасныя болота и въ глубокія рѣки. Думая, безъ сомнѣнія, что главная красота мужа есть крѣпость

---

[1]) См. 60 стр., вып. 3.—[2]) *Полунощныя*—сѣверныя.

Digitized by Google

въ тѣлѣ, сила въ рукахъ и легкость въ движеніяхъ, славяне мало пеклися о своей наружности: въ грязи, въ пыли, безъ всякой опрятности въ одеждѣ, являлись во многочисленномъ собраніи людей. Греки, осуждая сію нечистоту, хвалятъ ихъ стройность, высокій ростъ и мужественную пріятность лица. Загарая отъ жаркихъ лучей солнца, они казались смуглыми, и всѣ безъ исключенія были русые, подобно другимъ кореннымъ европейцамъ.

3. Славяне Дунайскіе въ VI вѣкѣ доказали Греціи, что храбрость была ихъ природнымъ свойствомъ, и что она съ малою опытностію торжествуетъ надъ искусствомъ долголѣтнимъ. Нѣсколько времени славяне убѣгали сраженій въ открытыхъ поляхъ и боялись крѣпостей: но, [illegible] легіоновъ римскихъ могутъ быть разрываемы нападеніемъ быстрымъ и смѣлымъ, уже нигдѣ не отказывались отъ битвы, и скоро научились брать мѣста укрѣпленныя. Греческія лѣтописи не упоминаютъ ни объ одномъ главномъ или общемъ полководцѣ славянъ; они имѣли вождей только частныхъ, сражались не стѣною, не рядами сомкнутыми, но толпами разсѣянными, и всегда пѣшіе, слѣдуя не общему велѣнію, не единой мысли начальника, а внушенію своей особенной, личной смѣлости и мужества; не зная благоразумной осторожности, которая предвидитъ опасность и бережетъ людей, но бросаясь прямо въ средину враговъ. Византійскіе историки пишутъ, что славяне, сверхъ ихъ обыкновенной храбрости, имѣли особенное искусство биться въ ущельяхъ, скрываться въ травѣ, изумлять непріятелей мгновеннымъ нападеніемъ и брать ихъ въ плѣнъ. Такъ знаменитый Велисарій, при осадѣ Авксима, избралъ въ войскѣ своемъ славянина, чтобы схватить и представить ему одного гота живого. Они умѣли еще долгое время таиться въ рѣкахъ и дышать свободно посредствомъ сквозныхъ тростей, выставляя конецъ ихъ на поверхность воды. Древнее оружіе славянское состояло въ мечахъ, дротикахъ, стрѣлахъ, намазанныхъ ядомъ, и въ большихъ, весьма тяжелыхъ щитахъ.

4. Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, можетъ ли въ людяхъ полудикихъ основываться на одномъ славолюбіи, сродномъ только человѣку образованному? Скажемъ смѣло, что она была въ мірѣ злодѣйствомъ прежде, нежели обратилась въ добродѣтель, которая утверждаетъ благоденствіе государствъ: хищность родила ее, корыстолюбіе питало. Славяне, ободренные воинскими успѣхами, чрезъ нѣкоторое время долженствовали открыть въ себѣ гордость народную, благородный источникъ дѣлъ славныхъ: но что могло сначала вооружить ихъ противъ римлянъ? Не желаніе славы, а желаніе добычи, которою пользовались готѳы, гунны и другіе народы: ей жертвовали славяне своею жизнію, и никакимъ дру-

Digitized by Google

ними варварами не уступали въ жестокости. Поселяне римскіе, слыша о переходѣ войска ихъ за Дунай, оставляли домы и спасались бѣгствомъ въ Константинополь со всѣмъ имѣніемъ; туда же спѣшили и священники съ драгоцѣнною утварію церковною. Иногда, гонимые сильнѣйшими врагами, лишенные всякія надежды спасти добычу, славяне бросали ее въ пламя, и врагамъ своимъ оставляли на дути однѣ кучи пепла.

5. Лѣтописи VI вѣка изображаютъ самыми черными красками жестокость славянъ; но сія жестокость, свойственная впрочемъ народу необразованному и воинственному, была также и дѣйствіемъ мести. Греки, озлобленные ихъ частыми нападеніями, безжалостно терзали славянъ, которые попадались имъ въ руки, и которые сносили всякое истязаніе съ удивительною твердостію, безъ воздля и стона; умирали въ мукахъ и не отвѣтствовали ни слова на разспросы врага о числѣ и замыслахъ войска ихъ. Такимъ образомъ славяне свирѣпствовали въ имперіи и не щадили собственной крови для пріобрѣтенія драгоцѣнностей, имъ ненужныхъ: ибо они, вмѣсто того, чтобы пользоваться ими, обыкновенно зарывали ихъ въ землю.

6. Сіи люди, на войнѣ жестокіе, оставляя въ греческихъ владѣніяхъ долговременную память ужасовъ ея, возвращались домой съ однимъ своимъ природнымъ добродушіемъ. Современный историкъ говоритъ, что они не знали ни лукавства, ни злости; хранили древнюю простоту нравовъ, неизвѣстную тогдашнимъ грекамъ; обходились съ плѣнными дружелюбно и назначали всегда срокъ для ихъ рабства, отдавая имъ на волю или выкупить себя и возвратиться въ отечество, или жить съ ними въ свободѣ и братствѣ.

7. Столь же единогласно хвалятъ лѣтописи общее гостепріимство славянъ, рѣдкое въ другихъ земляхъ и донынѣ весьма обыкновенное во всѣхъ славянскихъ: такъ слѣды древнихъ обычаевъ сохраняются въ теченіе многихъ вѣковъ, и самое отдаленное потомство наслѣдуетъ нравы своихъ предковъ. Всякій путешественникъ былъ для нихъ какъ бы священнымъ; встрѣчали его съ ласкою, угощали съ радостію, провожали съ благословеніемъ и сдавали другъ другу на руки. Хозяинъ отвѣтствовалъ народу за безопасность чужеземца, и кто не умѣлъ сберечь гостя отъ бѣды или непріятности, тому мстили сосѣди за сіе оскорбленіе, какъ за собственное. Славянинъ, выходя изъ дому, оставлялъ дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посѣщали славянъ, между которыми не было для нихъ ни воровъ, ни разбойниковъ; но бѣдному человѣку, не имѣвшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все

Digitized by Google

нужное для того у сосѣда богатаго: важный долгъ гостепріимства оправдывалъ и самое преступленіе.

---

2. Взятіе Кіева татарами [1]).

Ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Димитрій бодрствовалъ и распоряжался [2]) хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами монгольскими [3]).

Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри [4]): тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: „стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались“; мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ; но татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной, и ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля, а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города; однакожъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи: великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ монголы отдыхали на развалинахъ стѣны; утромъ возобновили оное и сломили бренную ограду россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ Св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ

---

[1]) Томъ IV, гл. 1.—[2]) въ поды: распоряжалъ.—[3]) Могольскими. И ниже: Могелы. — [4]) *Дебрь* — ложбина, оврагъ, буеракъ; лѣсистая, густо заросшая долина.

Digitized by Google

всевода россійскому: „дарую тебѣ жизнь!“ Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

3. Разореніе Кіева.

Монголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія нѣкогда знаменитая столица, *мать городовъ россійскихъ*, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины: въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая... Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ сокрушенъ до основанія: послѣ изъ развалинъ онаго воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго.—Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его. Монголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища, и снявъ *златокованый* крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими. Если вѣрить лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе Лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые иноки печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу Божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

4. Куликовская битва [1]).

6-го сентября [2]) войско наше приблизилось [3]) къ Дону, и 1. князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать моголовъ [4]) или итти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка, и Александръ Невскій шведовъ. Еще

[1]) Томъ V, гл. 1.—[2]) 1380 г.—[3]) Въ подл.: приближилось.—[4]) Татаръ.

и другое, важнѣйшее обстоятельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ.

Великій князь рѣшился—и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ и сказалъ имъ: „часъ суда Божія наступаетъ!“ 7-го сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты.

Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся; войско перешло за Донъ и стало на берегахъ Непрядвы, гдѣ Димитрій устроилъ всѣ полки къ битвѣ. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія: „Боже! даруй побѣду государю нашему!“ и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству,—Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна и, простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами и милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ, и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

2. Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. „Долгъ князя,“ говорили они, „смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и предай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды.“ Но Димитрій отвѣтствовалъ: „Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: братья! умремъ за отечество? Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.“ Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, первый

ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшалися: индѣ россіяне тѣснили моголовъ, индѣ моголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши, думая, что все погибло, обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ, или княжескимъ знаменамъ и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: „теперь наше время!“ Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго; и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: „Великъ Богъ христіанскій!“ и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили; взяли станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для 3.
Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ*, или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы; со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: „гдѣ братъ мой и первоначальникъ нашей славы?“ — Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ воеводы разсѣялись искать его, живого или мертваго; долго не находили; наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: „Государь! ты побѣдилъ враговъ!“ Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами моголовъ, въ восторгѣ сердца, изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ и

сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъчудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей, и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ. Князья Бѣлозерскіе Ѳеодоръ и сынъ его Іоаннъ, Торусскіе Ѳеодоръ и Мстиславъ, Дорогобужскій Димитрій Монастыревъ, первостепенные бояре... и многіе другіе положили головы за отечество,—а въ числѣ ихъ и Сергіевъ инокъ Александръ Пересвѣтъ, о коемъ пишутъ, что онъ еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ печенѣгомъ, богатыремъ Мамаевымъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ; кости сего и другого Сергіева священноначальника, Ослябя, покоятся донынѣ близъ монастыря Симонова. Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, тамъ убіеннымъ, онъ установилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу Дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія.

---

5. Покореніе Казани [1]).

1. Приступая къ описанію достопамятной осады казанской [2]), замѣтимъ, что она, вмѣстѣ съ Мамаевою битвою, до самыхъ нашихъ временъ живетъ въ памяти народа, какъ славнѣйшій подвигъ древности, извѣстный всѣмъ россіянамъ и въ чертогахъ, и въ хижинахъ. Два обстоятельства дали ей сію чрезвычайную знаменитость: она была первымъ нашимъ правильнымъ опытомъ въ искусствѣ брать укрѣпленныя мѣста, и защитники ея показали мужество удивительное, рѣдкое, отчаянное истинно великодушное, такъ что побѣду купили мы весьма дорогою цѣною.

Казанскіе вельможи и духовенство предвидѣли конечное паденіе ихъ власти и вѣры.... но въ пылу геройства казанцы не чувствовали своей слабости; а какъ въ самой отчаянной рѣшительности надежда еще таится въ сердцѣ, то они исчисляли безуспѣшные

---

[1]) Томъ VIII, гл. 4.—[2]) 1552 г.

Digitized by Google

приступы наши къ ихъ столицѣ и говорили другъ другу: „не въ первый разъ увидимъ москвитянъ подъ стѣнами; не въ первый разъ побѣгутъ назадъ воеводами, и будемъ смѣяться надъ ними!“ Таково было расположеніе царя и народа въ Казани.

19 августа, государь съ 150,000 воиновъ былъ уже на луговой сторонѣ Волги... Іоаннъ строго запретилъ чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ государева слова, и 23 августа, въ часъ разсвѣта, войско двинулось. Солнце восходило, освѣщая Казань въ глазахъ Іоанна: онъ далъ знакъ, и полки стали; ударили въ бубны, заиграли на трубахъ, распустили знамена и святую хоругвь, на коей изображался Іисусъ, а вверху водруженъ былъ животворящій крестъ, бывшій на Дону съ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ. Царь и всѣ воеводы сошли съ коней, отпѣли молебенъ подъ сѣнію знаменъ, и государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ; славилъ героевъ, которые падутъ за вѣру; именемъ Россіи клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны, успокоены отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, если то нужно для побѣды и торжества христіанъ. 2.

Россіяне обступили Казань. 7.000 стрѣльцовъ и пѣшихъ казаковъ по заведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана... Вдругъ раздался шумъ и крикъ; заскрипѣли, отворились ворота, и 15.000 татаръ, конныхъ и пѣшихъ, устремились изъ города на стрѣльцовъ, разстроили, сломили ихъ. Юные князья Шемякинъ и Троекуровъ удержали бѣгущихъ: они сомкнулись. Подоспѣло нѣсколько дѣтей боярскихъ. Началася жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью; побѣдили и гнали непріятеля до самыхъ стѣнъ... 3.

На другой день сдѣлалась необыкновенно сильная буря: сорвала царскій и многіе шатры, потопила суда, нагруженныя запасами, и привела войско въ ужасъ. Думали, что всему конецъ, что осады не будетъ, что мы, не имѣя хлѣба, должны удалиться съ стыдомъ. Не такъ думалъ Іоаннъ: послалъ въ Свіяжскъ, въ Мосину за съѣстными припасами, за теплою одеждою для воиновъ, за серебромъ и готовился зимовать подъ Казанью...

Донесли Іоанну, что весь городъ окруженъ нашими укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, а въ грязныхъ тыномъ; что нѣтъ пути ни въ Казань, ни изъ Казани... Бояринъ Морозовъ, вездѣ разставивъ снарядъ огнестрѣльный, неутомимо громилъ стѣны изо стапятидесяти тяжелыхъ орудій. Но войско наше въ теченіе недѣли утомилось до крайности: всегда стояло въ ружьѣ, не имѣло времени отдыхать и, за недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, питалось только сухимъ хлѣбомъ. Кормовщики наши не смѣли уда- 4.

Digitized by Google

ляться отъ стана; князь Япанча стерегъ и хваталъ ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Казанцы сносились съ нимъ посредствомъ знаковъ: выставляя хоругвь на высокой башнѣ, махали ею и давали разумѣть, что ему должно ударить на осаждающихъ. Сей опасный наѣздникъ держалъ россіянъ въ непрестанномъ страхѣ. Іоаннъ собралъ думу; положилъ раздѣлить войско на двѣ части: одной быть въ укрѣпленіяхъ и хранить особу царя; другой, подъ начальствомъ мужественнаго, опытнаго князя Александра Горбатаго-Шуйскаго, сильно дѣйствовать противъ Япанчи.

5. Имѣя 30,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, князь Александръ расположился за горами, чтобы утаить свои движенія отъ непріятеля, и послалъ отряды къ Арскому лѣсу. Пѣхота наша съ правой и лѣвой стороны заходила въ тылъ непріятелю. Татары искали спасенія въ бѣгствѣ: ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ, до рѣки Килари, гдѣ князь Александръ остановилъ своего утомленнаго коня и трубнымъ звукомъ созвалъ разсѣянныхъ побѣдителей. На возвратномъ пути, въ лѣсу, они убили еще множество непріятелей, которые прятались въ чащѣ и въ густотѣ вѣтвей; взяли и нѣсколько сотъ плѣнниковъ: однимъ словомъ, истребили Япанчу. Государь обнялъ вождей, покрытыхъ бранною пылью, орошенныхъ потомъ и кровію; хвалилъ ихъ умъ, доблесть съ живѣйшимъ восторгомъ; изъявилъ благодарность и рядовымъ воинамъ. Онъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ къ кольямъ передъ нашими укрѣпленіями, чтобы они умолили казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили татарамъ: „Іоаннъ обѣщаетъ имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и милость, если покоритесь ему.“ Казанцы, тихо выслушавъ ихъ слова, пустили множество стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ и кричали: „лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ злой христіанской руки!“ Сіе остервенѣніе удивило россіянъ и государя.

6. Желая употребить всѣ средства, чтобы взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, онъ велѣлъ служащему въ его войскѣ искусному нѣмецкому размыслу, то есть инженеру, дѣлать подкопъ... Мурза Камай извѣстилъ государя, что осажденные берутъ воду изъ ключа близъ рѣки Казанки, и ходятъ туда подземельнымъ путемъ отъ воротъ Муралеевыхъ. Воеводы наши хотѣли открыть сей тайникъ, но не могли, и государь велѣлъ подкопать его.

7. Для сего размыслъ отрядилъ учениковъ своихъ, которые рылись въ землѣ десять дней; услышали надъ собою голоса людей, ходящихъ тайникомъ за водою; вкатили въ подкопъ 11 бочекъ по-

реха и дали знать государю. 5 сентября рано Іоаннъ выѣхалъ къ укрѣпленіямъ. Вдругъ въ его глазахъ съ громомъ, съ трескомъ взорвало землю, тайникъ, часть городской стѣны, множество людей, бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту россіяне, схвативъ знамена, устремились къ обрушенной стѣнѣ; ворвались было и въ самый городъ, но не могли въ немъ удержаться. Казанцы опомнились, вытѣснили нашихъ, и государь не велѣлъ возобновлять усилій для приступа.

6 сентября Іоаннъ поручилъ князю Александру Горбатому- 8.
Шуйскому взять острогъ, сдѣланный казанцами за Арскимъ полемъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города, на крутой высотѣ, между двумя болотами: тамъ соединились остатки разбитаго Япанчина войска. Князь Симеонъ Микулинскій шелъ впереди. Срубленный городнями, насыпанный землею, укрѣпленный засѣками, острогъ казался неприступнымъ. Воины сошли съ коней, и вслѣдъ за смѣлыми вождями, сквозь болото, грязную дебрь, чащу лѣса, подъ градомъ пускаемыхъ въ нихъ стрѣлъ, безъ остановки взлѣзли на высоту съ двухъ сторонъ, отбили ворота, взяли укрѣпленіе и 200 плѣнниковъ.

Тѣла непріятелей лежали кучами. Воеводы нашли тамъ знат- 9.
ную добычу, ночевали и пошли далѣе, къ Арскому городу, мѣстами пріятными, удивительно плодоносными, гдѣ казанскіе вельможи имѣли свои домы сельскіе, красивые и богатые. Россіяне плавали въ изобиліи; брали, что хотѣли: хлѣбъ, медъ, скотъ; жгли селенія, убивали жителей, плѣняли только женъ и дѣтей. Граждане арскіе ушли въ дальнѣйшіе лѣса, но въ домахъ и въ лавкахъ оставалось еще не мало драгоцѣнностей, особенно всякихъ мѣховъ — куницъ, бѣлокъ. Освободивъ многихъ христіанъ-соотечественниковъ, бывшихъ тамъ въ неволѣ, князь Александръ чрезъ десять дней возвратился съ побѣдою, съ избыткомъ и съ дешевизною съѣстныхъ припасовъ, такъ что съ сего времени платили въ станѣ 10 денегъ за корову, а 20 за вола. Царь и войско были въ радости.

Еще опасности и труды не уменьшились. Луговые череписы 10.
отгоняли наши табуны и тревожили станъ. Воеводы правой руки всегдашнею бдительною осторожностію утомляли свой полкъ, который сверхъ того болѣе всѣхъ терпѣлъ отъ мальбы съ крѣпости, отъ ненастья, отъ сильныхъ дождей, весьма обыкновенныхъ въ сіе время года, но суевѣріемъ приписываемыхъ чародѣйству. Очевидецъ, князь Андрей Курбскій, равно мужественный и благоразумный, платя дань вѣку, пишетъ за истину, что казанскіе волшебники ежедневно, при восходѣ солн-

Digitized by Google

ца, являлись на стѣнахъ крѣпости, вопили страшнымъ голосомъ, кривлялись, махали одеждами на станъ россійскій, производили вѣтеръ и облака, изъ коихъ дождь лился рѣками; сухія мѣста сдѣлались болотомъ, шатры всплывали, и люди мокли съ утра до вечера. По совѣту бояръ, государь велѣлъ принести изъ Москвы царскій животворящій крестъ, святить имъ воду, кропить ею вокругъ стана, и сила волшебства, какъ увѣряютъ, исчезла; настали красные дни, и войско ободрилось.

11. Желая сильнѣе дѣйствовать на внутренность города, россіяне построили тайно, деретахъ въ двухъ за станомъ, башню вышиною въ шесть саженъ; ночью придвинули ее къ стѣнамъ, къ самымъ Царскимъ воротамъ; поставили на ней десять большихъ орудій, пятьдесятъ среднихъ и дружину искусныхъ стрѣлковъ; ждали утра и возвѣстили оное залпомъ съ раската [1]). Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ. Казанцы укрывались въ ямахъ; копали себѣ землянки подъ тарасами [2]); подобно змѣямъ, выползали оттуда и сражались неослабно; уже не могли употреблять большихъ орудій, сбитыхъ нашею пальбою, но безъ умолку стрѣляли изъ ружей, изъ пищалей затинныхъ [3]), и мы теряли ежедневно не мало добрыхъ воиновъ. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія, приказывая къ осажденнымъ, что если они не хотятъ сдаться, то пусть идутъ, куда имъ угодно, съ своимъ царемъ безаманнымъ, со всѣмъ имѣніемъ, съ женами и дѣтьми; что мы требуемъ только города, основаннаго на землѣ Болгарской, въ древнемъ достояніи Россіи. Казанцы не слушали ни краемъ уха, по выраженію лѣтописца.

12. Князь Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, что инженеръ кончилъ дѣло, что 48 бочекъ зелія уже въ подкопѣ. Заря освѣтила небо ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ, россіяне предъ ними... Звучали только бубны и трубы—непріятельскіе и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: „Да будетъ едино стадо и единъ Пастырь“, грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася... Государь вышелъ на паперть, увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ; священное служеніе прервалося въ церкви...

13. Раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще силь-

---

[1]) *Раскатъ*—плоская насыпь, или помостъ подъ валомъ крѣпости.—[2]) *Тарасы*—подвижные срубы для нападенія на городъ.—[3])Небольшія пушки.—2-го октября.

нѣе первато, и тогда, воскликнувъ: „съ нами Богъ!“ полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: „Алла, Алла!“ призывали Магомета и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... Но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ... Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшалось: многіе пали мертвые или раненые или отъ страха. Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные забирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Но еще сія побѣда не была рѣшена совершенно. Отчаян- 14.
ные татары, сломленные, низверженные съ верху стѣнъ и башенъ, стояли твердымъ сплотомъ въ улицахъ, сѣклись саблями, сватывались за руки съ россіянами, рѣзались ножами въ ужасной свалкѣ. Дрались на заборахъ, на кровляхъ домовъ; вездѣ попирали ногами головы и тѣла... Наши одолѣвали во всѣхъ мѣстахъ и тѣснили татаръ... Россіяне, овладѣвъ половиною города, славнаго богатствами азіатской торговли, прельстились его сокровищами; оставляя сѣчу, начали разбивать домы, лавки,—и самые чиновники, коимъ приказалъ государь итти съ обнаженными мечами за воинами, чтобы никого изъ нихъ не допустить до грабежа, кинулись на корысть. Тутъ оныли и малодушные трусы, лежавшіе на полѣ какъ бы мертвые или раненные; а изъ обозовъ прибѣжали слуги, капевары, даже купцы: всѣ алкали добычи, хватали серебро, мѣха, ткани, относили въ станъ и снова возвращались въ городъ, не думая помогать своимъ въ битвѣ.

Казанцы воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, вѣр- 15.
ныхъ чести и доблести: ударили сильно и потѣснили ихъ, къ ужасу грабителей, которые всѣ немедленно обратились въ бѣгство, метались черезъ стѣну и вопили: сѣкутъ! сѣкутъ! Государь увидѣлъ сіе общее смятеніе; измѣнился въ лицѣ и думалъ, что казанцы выгнали все наше войско изъ города. „Съ нимъ были“, пишетъ Курбскій, „великіе синклиты, мужи вѣка отцовъ нашихъ, посѣдѣвшіе въ добродѣтеляхъ и въ ратномъ искусствѣ“: они дали совѣтъ государю, и государь явилъ великодушіе: взялъ святую хоругвь и сталъ предъ Царскими воротами, чтобы удержать бѣ-

Digitized by Google

гущихъ. Половина отборной двадцатитысячной дружины его сошла съ коней и ринулась въ городъ, а съ нею и вельможные старцы, рядомъ съ ихъ юными сыновьями. Сіе свѣжее, бодрое войско, въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ блестящихъ шлемахъ, какъ буря, натрянуло на татаръ: они не могли долго противиться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до высокихъ каменныхъ мечетей, гдѣ всѣ ихъ духовные и первосвященникъ Кульшерифъ встрѣтили россіянъ не съ дарами, не съ моленіемъ, но съ оружіемъ: въ остервенѣніи злобы устремились на вѣрную смерть, и всѣ до единаго пали подъ нашими мечами.

16. Едигеръ съ остальными казанцами засѣлъ въ укрѣпленномъ дворѣ царскомъ и сражался около часа. Россіяне отбили ворота. Тутъ юныя жены и дочери казанцевъ, въ богатыхъ цвѣтныхъ одеждахъ, стояли вмѣстѣ на одной сторонѣ, а въ другой сторонѣ отцы, братья и мужья, окруживъ царя, еще бились усильно; наконецъ вышли, числомъ 10.000, въ заднія ворота, въ нижней части города. Гонимые, тѣснимые казанцы по трупамъ своихъ лѣзли къ стѣнѣ, взвели Едигера на башню и кричали, что хотятъ вступить въ переговоры. Ближайшій къ нимъ воевода, князь Дмитрій Палецкій, остановилъ сѣчу. „Слушайте", сказали казанцы: „доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь Казань наша; отдаемъ вамъ и царя, живого, не уязвленнаго: ведите его къ Іоанну; а мы идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу".

17. Вмѣстѣ съ Едигеромъ они выдали Палецкому главнаго престарѣлаго вельможу, или карача, именемъ Заніеша, и двухъ мамичей, или совоспитанниковъ царскихъ; начали снова стрѣлять, прыгали со стѣны внизъ, и хотѣли итти къ стану нашей правой руки, но встрѣченные сильною пальбою изъ укрѣпленій, обратились влѣво, кинули тяжелое оружіе, разулись и перешли мелкую тамъ рѣку Казанку, въ виду нашего войска, бывшаго въ крѣпости, на стѣнахъ и дворѣ царскомъ, за горами и стремнинами. Одни юные князья Курбскіе Андрей и Романъ, съ малочисленною дружиною успѣли сѣсть на коней, обскакали непріятеля, ударили на густую толпу его, врѣзались въ ея средину, топтали, кололи. Но татаръ было еще 5000, и самыхъ храбрѣйшихъ; они стояли, ибо не страшились смерти, стиснули нашихъ героевъ, повергнули ихъ уязвленныхъ, дымящихся кровію, замертво на землю,—шли безпрепятственно далѣе гладкимъ лугомъ до вязкаго болота, гдѣ конница уже не могла гнаться за ними, и спѣшили къ густому, темному лѣсу: остатокъ малый, но своимъ великодушнымъ остервенѣніемъ еще опасный для россіянъ!

Государь послалъ князя Симеона Микулинскаго, Михаила Васильевича Глинскаго и Шереметева съ конною дружиною за Казанку въ объѣздъ, чтобы перерѣзать бѣгущихъ татаръ; отчаянные воеводы настигли и побили ихъ. Никто не сдался живой; спаслися немногіе, и то раненные.

Городъ былъ взятъ и пылалъ въ разныхъ мѣстахъ; сѣча пре- 18.
кратилась, но кровь лилася; раздраженные воины рѣзали всѣхъ, кого находили въ мечетяхъ, въ домахъ, въ улицахъ; брали въ плѣнъ только женъ и дѣтей или чиновниковъ. Дворы, церкви, улицы, стѣны, глубокіе рвы были завалены мертвыми; отъ крѣпости до Казанки, далѣе на лугахъ и въ лѣсу еще лежали тѣла и носились по рѣкѣ. Пальба умолкла; въ дыму города раздавались только удары мечей, стонъ убиваемыхъ, кликъ побѣдителей.

---

6. Митрополитъ Филиппъ [1].

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями игуменъ Филиппъ, сынъ боярина Колычева, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служа примѣромъ строгой жизни для иноковъ-отшельниковъ. Государь [2] слышалъ о Филиппѣ, дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостиницъ, плотинъ: ибо сей игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата; сдѣлалъ воздухъ благорастворенннѣе.

Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго царя, устройствомъ и счастіемъ царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на *край вселенныя*, и не могъ ожидать такой славы.

Никто, безъ сомнѣнія, не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: от-

---

[1]) Томъ IX, гл. 2. — [2]) Іоаннъ IV.

Digitized by Google

вергнувъ Германа, царь вздумалъ — мимо святителей, мимо всѣхъ архимандритовъ — возвести Филиппа на митрополію, тѣмъ изъявить свое особенное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его.

Филиппъ, царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для *совѣта душеснаго*, отслужилъ литургію, причастилъ всю братію и со слезами вышелъ изъ своей любимой обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится.

За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ.

Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Пустынный инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не *вверять бремени великаго ладіи малой*. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ царю: „Повинуюся твоей волѣ, но умири же совѣсть мою: да не будетъ опричнины [1])! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества.“ Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтствовалъ тихо: „Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня, что ближніе готовятъ мнѣ гибель?“ и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро, выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть...

Однажды [2]) въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія. Царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ; Іоаннъ приблизился [3]) къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: „Святый Владыко! се государь: благослови его!“ Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: „Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства... О, государь! Мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ

[1]) См. стр. 36. — [2]) 1568 г. — [3]) *Въ подл.:* приближился.

Digitized by Google

царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ,—а въ Россіи ихъ нѣтъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства, и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!... Государь! вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся Господа единаго!" Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва, ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: „Чернецъ! доселѣ и излишне щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!" и вышелъ съ угрозою.

На другой день были новыя казни...

—

Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святого мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго, а царю: „Государь Великій Князь! ты думаешь, что я боюся тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій, се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христово! Готовьтеся дать отчетъ и страшитеся Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земного". Онъ хотѣлъ удалиться; царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день Архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ, съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: „молитеся!"

На другой день привезли его въ судную палату, гдѣ былъ

Digitized by Google

самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ мятежѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терять подданныхъ, вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель св. Николая Стараго, на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника Ивана Борисовича и велѣлъ сказать: „се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!“ Филиппъ взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ ко свергнутому митрополиту, слыша, что они отъ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости,— царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, Троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла.

Освободивъ себя отъ архипастыря строгаго, непреклоннаго, и давъ сей важный санъ иноку доброму, но слабодушному, безволному, Іоаннъ могъ тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ необузданнѣе свирѣпствовать; долѣе губилъ людей; отдалъ цѣлые города.

---

3. Убіеніе царевича Димитрія.

Насталъ день, ужасный происшествіемъ и слѣдствіями долговременными: 15 мая [1]), въ субботу, въ шестомъ часу дня, царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви и готовилась обѣдать; братьевъ ея не было во дворѣ; слуги несли кушанье. Въ сію минуту боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ. Царица, думая итти съ нимъ же, въ какомъ-то несчастномъ разсѣяніи остановилась. Кормилица удерживала царевича, сама не зная, для чего; но мамка силою вывела его изъ горницы въ сѣни и къ нижнему крыльцу, гдѣ явились Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій, Никита Качаловъ. Первый, взявъ Димитрія за руку, сказалъ: „Государь, у тебя новое ожерелье?“ Младенецъ, съ улыбкою невинности поднявъ голову, отвѣчалъ: „нѣтъ, старое“... Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ; едва коснулся гортани его и выпалъ изъ рукъ Во-

---

[1]) 1591 г. я

Digitized by Google

лохова. Закричавъ отъ ужаса, кормилица обняла своего державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ; но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали и кинулись внизъ съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда царица вышла изъ сѣней на крыльцо... Девятилѣтній Святый Мученикъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защитить его своею грудью; онъ трепеталъ какъ голубь, испуская духъ, и скончался, уже не слыхавъ вопля отчаянной матери... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодѣйствомъ, и на убійцъ, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ: не кому было остановить ихъ: но Всевышній Мститель присутствовалъ!

Чрезъ минуту весь городъ представилъ зрѣлище мятежа неизъяснимаго. Понамарь соборной церкви—самъ ли, какъ пишутъ, видѣвъ убійство, или извѣщенный о томъ слугами царицы, ударилъ въ набатъ, и всѣ улицы наполнились людьми, встревоженными, изумленными; бѣжали на звукъ колокола; смотрѣли дыма, пламени, думая, что горитъ дворецъ; вломились въ его ворота; увидѣли царевича мертваго на землѣ; подлѣ него лежали мать и кормилица безъ памяти; но имена злодѣевъ были уже произнесены ими. Сіи изверги, невидимымъ судіею ознаменованные для праведной казни, не успѣли или боялись скрыться, чтобы не обличить тѣмъ своего дѣла; въ замѣшательствѣ, въ изступленіи, устрашенные набатомъ, шумомъ, стремленіемъ народа, вбѣжали въ избу разрядную; а тайный вождь ихъ, Михайло Битяговскій, бросился на колокольню, чтобы удержать звонаря; не могъ отбить запертой имъ двери, и безстрашно явился на мѣстѣ злодѣянія: приблизился къ трупу убіеннаго; хотѣлъ утишить народное волненіе; дерзнулъ сказать гражданамъ (заблаговременно изготовивъ сію ложь съ Клешнинымъ или съ Борисомъ), что младенецъ умертвилъ самъ себя ножемъ въ падучей болѣзни. „Душегубецъ!“ завопили толпы; камни посыпались на злодѣя. Онъ искалъ убѣжища во дворцѣ съ однимъ изъ клевретовъ своихъ Даниломъ Третьяковымъ: народъ схватилъ, убилъ ихъ; также и сына Михайлова, и Никиту Качалова, выломивъ дверь разрядной избы. Третій убійца, Осипъ Волоховъ, ушелъ въ домъ Михайла Битяговскаго: его взяли, привели въ церковь Спаса, гдѣ уже стоялъ гробъ Димитріевъ, и тамъ умертвили, въ глазахъ царицы; умертвили еще слугъ Михайловыхъ, трехъ мѣщанъ, уличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ согласіи съ убійцами, и женку юродивую, которая жила у Битяговскаго и часто ходила во дворецъ; но мамку оставили живую для важныхъ показаній; ибо злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣсть, какъ пишутъ, искреннимъ признаніемъ; именовали и главнаго виновника Димитріевой смерти—Бориса Году-

Digitized by Google

нова. Вѣроятно, что устрашенная мамка также не запиралась въ адскомъ ковѣ, но судіею преступленія былъ самъ преступникъ!

---

8. Убіеніе самозванца.

17 мая [1]), въ четвертомъ часу дня, прекраснѣйшаго изъ весеннихъ, восходящее солнце освѣтило ужасную тревогу столицы: ударили въ колоколъ сперва у св. Иліи, близъ двора гостинаго, и въ одно время загремѣлъ набатъ въ цѣлой Москвѣ, и жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ копьями, мечами, самопалами,—дворяне, дѣти боярскіе, стрѣльцы, люди приказные и торговые, граждане и чернь. Тамъ, близъ Лобнаго мѣста, сидѣли бояре на коняхъ, окруженные сонмомъ князей и воеводъ, въ шлемахъ и латахъ, въ полныхъ доспѣхахъ, и представляя въ лицѣ своемъ отечество, ждали народа. Стеклося безчисленное множество людей, и ворота Спасскія растворились: Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечъ, въ другой распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской и, воскликнувъ къ тысячамъ: „во имя Божіе идите на злого еретика!“ указалъ имъ дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина! Пробужденный звукомъ набата, Лжедимитрій въ удивленіи встаетъ съ ложа, спѣшитъ одѣться, спрашиваетъ о причинѣ тревоги: ему отвѣтствуютъ, что, вѣроятно, горитъ Москва; но онъ слышитъ свирѣпый вопль народа, видитъ въ окно лѣсъ копій и блистаніе мечей; зоветъ Басманова, ночевавшаго во дворцѣ, и велитъ ему узнать предлогъ мятежа. Сей бояринъ духа твердаго могъ быть предателемъ, но только однажды: измѣнивъ государю законному, уже стыдился измѣнить самозванцу, и тщетно желавъ образумить, спасти легкомысленнаго, желалъ по крайней мѣрѣ не разлучаться съ нимъ въ опасности. Басмановъ встрѣтилъ толпу уже въ сѣняхъ; на вопросъ его, куда она стремится, въ нѣсколько голосовъ кричатъ: „веди насъ къ самозванцу! выдай намъ своего бродягу!“ Басмановъ кинулся назадъ, захлопнулъ двери, велѣлъ тѣлохранителямъ не пускать мятежниковъ и въ отчаяніи прибѣжавъ къ разстригѣ, сказалъ ему: „Все кончилось! Москва бунтуетъ; хотятъ головы твоей: спасайся! Ты мнѣ не вѣрилъ!“ Вслѣдъ за нимъ ворвался въ царскіе покои одинъ дворянинъ безоружный, съ голыми руками, требуя, чтобы мнимый сынъ Іоанновъ шелъ къ народу дать отчетъ въ своихъ беззаконіяхъ: Басмановъ разсѣкъ ему голову мечемъ. Самъ Лже-

---

[1]) 1606 г.

Digitized by Google

димитрій, изъявляя смѣлость, выхватилъ бердышъ у тѣлохранителя Шварцгофа, растворилъ дверь въ сѣни и, грозя народу, кричалъ: „я вамъ не Годуновъ!“ Отвѣтомъ были выстрѣлы, и нѣмцы снова заперли дверь; но ихъ было только 50 человѣкъ, и еще во внутреннихъ комнатахъ дворца 20 или 30 поляковъ, слугъ и музыкантовъ: иныхъ защитниковъ въ сей грозный часъ не имѣлъ тотъ, кому наканунѣ повиновались милліоны! Но Лжедимитрій имѣлъ еще друга: не находя возможности противиться силѣ силою, въ ту минуту, когда народъ отбивалъ двери, Басмановъ вторично вышелъ къ нему— увидѣлъ бояръ въ толпѣ, и между ими самыхъ ближнихъ людей разстригиныхъ: князей Голицыныхъ, Михайла Салтыкова, старыхъ и новыхъ измѣнниковъ; хотѣлъ ихъ усовѣстить; говорилъ объ ужасѣ бунта, вѣроломства, безначалія; убѣждалъ ихъ одуматься; ручался за милость царя. Но ему не дали говорить много: Михайло Татищевъ, имъ спасенный отъ ссылки, завопилъ: „злодѣй, иди въ адъ вмѣстѣ съ твоимъ царемъ“! и ножемъ ударилъ его въ сердце. Басмановъ испустилъ духъ, и мертвый былъ сброшенъ съ крыльца.... судьба, достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не захотѣлъ быть честію Россіи!

Уже народъ вломился во дворецъ, обезоружилъ тѣлохранителей, искалъ разстриги и не находилъ: дотолѣ смѣлый и неустрашимый, самозванецъ, въ смятеніи ужаса кинувъ свой мечъ, бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, рвалъ на себѣ волосы и, не видя иного спасенія, выскочилъ изъ палатъ въ окно на Житный дворъ, вывихнулъ себѣ ногу, разбилъ грудь, голову и лежалъ въ крови. Тутъ узнали его стрѣльцы, которые въ семъ мѣстѣ были на стражѣ и не участвовали въ заговорѣ: они взяли разстригу, посадили на фундаментъ сломаннаго дворца Годуновскаго, отливали водою, изъявляли жалость. Самозванецъ, омывая теплою кровію развалины Борисовыхъ чертоговъ (гдѣ жило нѣкогда счастіе и также измѣнило своему любимцу), пришелъ въ себя: молилъ стрѣльцовъ быть ему вѣрными, обѣщалъ имъ богатство и чины. Уже стеклося вокругъ ихъ множество людей: хотѣли взять разстригу, но стрѣльцы не выдавали его и требовали свидѣтельства царицы-инокини, говоря: „если онъ сынъ ея, то мы умремъ за него; а если царица скажетъ, что онъ Лжедимитрій, то воленъ въ немъ Богъ.“ Сіе условіе было принято. Мнимая мать самозванцева, вызванная боярами изъ келліи, торжественно объявила народу, что истинный Димитрій скончался на рукахъ ея въ Угличѣ; что она, какъ жена слабая, дѣйствіемъ угрозъ и лести была вовлечена въ грѣхъ безсовѣстной лжи: неизвѣстнаго ей человѣка назвала сыномъ, раскаялась и молчала отъ страха, но тайно открывала истину многимъ людямъ. Призвали и родственни-

Google

ковъ ея, Нагихъ; они сказали то же, вмѣстѣ съ нею виняся предъ Богомъ и Россіею. Чтобы еще болѣе удостовѣрить народъ, Марѳа показала ему изображеніе младенческаго лица Димитріева, которое у нея хранилось и ни мало не сходствовало съ чертами лица разстригина.

Тогда стрѣльцы выдали обманщика, и бояре велѣли нести его во дворецъ, гдѣ онъ увидѣлъ своихъ тѣлохранителей подъ стражею: заплакалъ и протянулъ къ нимъ руку, какъ бы благодаря ихъ за вѣрность. Одинъ изъ сихъ нѣмцевъ, ливонскій дворянинъ Фирстенбергъ, тѣснился сквозь толпу къ самозванцу и былъ жертвою озлобленія россіянъ: его умертвили; хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей, но бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ слугъ и, въ комнатѣ, наполненной людьми вооруженными, стали допрашивать Лжедимитрія, покрытаго бѣднымъ рубищемъ: ибо народъ уже сорвалъ съ него одежду царскую. Шумъ и крикъ заглушали рѣчи; слышали только, какъ увѣряютъ, что разстрига, на вопросъ: „кто ты, злодѣй?“ отвѣчалъ: „вы знаете: я Димитрій“—и ссылался на царицу-инокиню; слышали, что князь Иванъ Голицынъ возразилъ ему: „ея свидѣтельство уже намъ извѣстно: она предаетъ тебя казни“. Слышали еще, что самозванецъ говорилъ: „несите меня на лобное мѣсто: тамъ объявлю истину всѣмъ людямъ!“ Нетерпѣливый народъ ломился въ дверь, спрашивая, винится ли злодѣй. Ему сказали, что винится—и два выстрѣла прекратили допросъ вмѣстѣ съ жизнію Отрепьева (его убили дворяне Иванъ Воейковъ и Григорій Волуевъ). Толпа бросилась терзать мертваго; сѣкли мечами, кололи трупъ бездушный и кинули съ крыльца на тѣло Басманова, восклицая: „будьте неразлучны и въ адѣ! вы здѣсь любили другъ друга!“ Яростная чернь схватила, извлекла сіи нагіе трупы изъ Кремля и положила близъ лобнаго мѣста: разстригу на столѣ, съ маскою, дудкою и волынкою, въ знакъ любви его къ скоморошеству и музыкѣ, а Басманова на скамьѣ, у ногъ разстригиныхъ.

Совершивъ главное дѣло, истребивъ Лжедимитрія, бояре спасли Марину. Изумленная тревогою и шумомъ, не имѣвъ времени одѣться, спрашивая, что дѣлается, и гдѣ царь, слыша наконецъ о смерти мужа, она въ безпамятствѣ выбѣжала въ сѣни; народъ встрѣтилъ ее, не узналъ и столкнулъ съ лѣстницы. Марина возвратилась въ свои комнаты, гдѣ была ея польская гофмейстерина съ шляхетками, и гдѣ усердный слуга (именемъ Осмульскій) стоялъ въ дверяхъ съ обнаженною саблею: воины и граждане вломились, умертвили его, и Марина лишилась бы жизни, если бы не приспѣли бояре, которые выгнали неистовыхъ, и взявъ, опечатавъ все достояніе бывшей царицы, дали ей стражу для безопасности; не могли однакожъ или не хотѣли унять кровопролитія: убійства только начинались!

Digitized by Google

Еще при первомъ звукѣ набата воины окружили домы ляховъ, заградили улицы рогатками, завалили ворота; а паны безпечно и крѣпко спали, такъ что слуги едва могли разбудить ихъ—и самого воеводу Сендомирскаго, который лучше многихъ видѣлъ опасность и предостерегалъ зятя. Мнишекъ, сынъ его, князь Вишневецкій, послы Сигизмундовы, угадывая вину и цѣль мятежа, спѣшили вооружить людей своихъ; иные прятались или въ оцѣпенѣніи ждали, что̀ будетъ съ ними, и скоро услышали вопль: „смерть ляхамъ!“ Пылая злобою, умертвивъ въ Кремлѣ музыкантовъ разстригиныхъ, опустошивъ домъ іезуитовъ, истерзавъ духовника Маринина, служившаго обѣдню, народъ устремился въ Китай и Бѣлый городъ, гдѣ жили поляки, и нѣсколько часовъ плавалъ въ крови ихъ, алчно наслаждаясь ужасною местію, противною великодушію, если и заслуженною. Сила карала слабость, безъ жалости и безъ мужества: сто нападало на одного! Ни оборона, ни бѣгство, ни моленія трогательныя не спасали: Поляки не могли соединиться, будучи истребляемы въ запертыхъ домахъ или на улицахъ, прегражденныхъ рогатками и копьями. Сіи несчастные, наканунѣ гордые, лобызали ноги россіянъ, требовали милосердія именемъ Божіимъ, именемъ своихъ невинныхъ женъ и дѣтей, отдавали все, что̀ имѣли—клялися прислать и болѣе изъ отечества: ихъ не слушали и рубили. Изсѣченные, обезображенные, полумертвые еще молили о бѣдныхъ остаткахъ жизни: напрасно! Въ числѣ самыхъ жестокихъ карателей находились священники и монахи переодѣтые; они вопили: „губите ненавистниковъ нашей вѣры“. Лилася и кровь россіянъ: отчаяніе вооружало убиваемыхъ, и губители падали вмѣстѣ съ жертвами. Не тронувъ жилища пословъ Сигизмундовыхъ, народъ приступалъ къ домамъ Мнишковъ и князя Вишневецкаго, коихъ люди защищались и стрѣляли въ толпы изъ оконъ: уже москвитяне везли пушки, чтобы разбить сіи домы въ щепы и не оставить въ нихъ ни одного человѣка живого, но тутъ явились бояре и велѣли прекратить убійства. Мстиславскій, Шуйскіе скакали изъ улицы въ улицу, обуздывая, усмиряя народъ, и всюду разсылая стрѣльцовъ для спасенія Ляховъ, обезоруженныхъ честнымъ словомъ боярскимъ, что жизнь ихъ уже въ безопасности. Самъ князь Василій Шуйскій успокоилъ и спасъ Вишневецкаго, другіе Мнишка. Именемъ Государственной Думы сказали посламъ Сигизмундовымъ, что Лжедимитрій, обманувъ Литву и Россію, но скоро изобличивъ себя дѣлами неистовыми, казненъ Богомъ и народомъ, который въ самомъ безпорядкѣ и смятеніи уважилъ священный санъ мужей, представляющихъ лицо своего монарха, и мстилъ единственно ихъ наглымъ единоземцамъ, пріѣхавшимъ злодѣйствовать въ Россію. Сказали воеводѣ Сендомирскому: „Судьба царствъ зависитъ отъ Всевышняго, и

Digitized by Google

ничто не бываетъ безъ Его опредѣленія: такъ и въ сей день совершилась воля Божія: кончилось царство бродяги, и добыча исторгнута изъ рукъ хищника! Ты, его опекунъ и наставникъ,—ты, который привелъ обманщика къ намъ, чтобы возмутить Россію мирную—не достоинъ ли участи сего злодѣя? не достоинъ ли такой же казни? Но хвалился счастіемъ: ты живъ и будешь цѣлъ; дочь твоя спасена—благодари Небо!" Ему позволили видѣться съ Мариною во дворцѣ, и безъ свидѣтелей: не нужно было знать, что они могли сказать другъ другу въ своемъ злополучіи! Воевода Сендомирскій шелъ къ ней и назадъ сквозь ряды мечей и копій, обагренныхъ кровію его соотечественниковъ; но москвитяне смотрѣли на него уже болѣе съ любопытствомъ, нежели съ яростію: побѣда укротила злобу.

Еще смятеніе продолжалось нѣсколько времени; еще изъ слободъ городскихъ и ближнихъ деревень стремилось множество людей съ дрекольемъ въ Москву на звукъ колоколовъ; еще грабили имѣніе литовское, но уже безъ кровопролитія. Бояре не сходили съ коней и повелѣвали съ твердостію; дружины воинскія разгоняли чернь, вездѣ охраняя ляховъ, какъ плѣнниковъ. Наконецъ, въ 11 часовъ утра, все затихло. Велѣли народу смириться, и народъ, утомленный мятежемъ, спѣшилъ домой отдыхать и говорить въ семействахъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ сего дня, незабвеннаго для тѣхъ, которые были свидѣтелями его ужасовъ. „Въ теченіе семи часовъ," пишутъ они, „мы не слыхали ничего, кромѣ набата, стрѣльбы, стука мечей и крика: сѣки, руби злодѣевъ! не видали ничего, кромѣ волненія, бѣганія, скаканія, смертоубійства и мятежа." Число жертвъ простиралось за тысячу, кромѣ избитыхъ и раненыхъ; но знатнѣйшіе ляхи остались живы, многіе въ рубашкахъ и на соломѣ. Чернь ошибкою умертвила и нѣкоторыхъ россіянъ, носившихъ одежду польскую въ угодность самозванцу. Нѣмцевъ щадили; ограбили только купцовъ аугсбургскихъ, вмѣстѣ съ миланскими и другими, которые жили въ одной улицѣ съ ляхами. Сей для человѣчества горестный день былъ бы еще несравненно ужаснѣе, по сказанію очевидцевъ, если бы ляхи остерегшися, успѣли соединиться для отчаянной битвы и зажгли городъ, къ несчастію Москвы и собственному: ибо никто изъ нихъ уже не избавился бы тогда отъ мести россіянъ; слѣдственно безпечность ляховъ уменьшила бѣдствіе.

До самаго вечера москвитяне ликовали въ домахъ или мирно сходились на улицахъ поздравлять другъ друга съ избавленіемъ Россіи отъ самозванца и поляковъ, хвалились своею доблестію и „не думали (говоритъ лѣтописецъ) „благодарить Всевышняго: храмы были затворены!" Радуясь настоящему, не тревожились о будущемъ—и послѣ такого бурнаго дня настала ночь совершенно ти-

Digitized by Google

хая: казалось, что Москва вдругъ опустѣла; нигдѣ не слышно было голоса человѣческаго: одни любопытные иноземцы выходили изъ домовъ, чтобы удивляться сей мертвой тишинѣ города многолюднаго, гдѣ за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ все кипѣло яростнымъ бунтомъ. Еще улицы дымились кровію, и тѣла лежали грудами; а народъ покоился какъ бы среди глубокаго мира и непрерывнаго благоденствія—не имѣя царя, не зная наслѣдника—опятнавъ себя двукратною измѣною и будущему вѣнценосцу угрожая третьею.

---

9. Осада Троицкой Лавры.

1. Сія осада знаменита въ нашихъ лѣтописяхъ не менѣе Псковской, и еще удивительнѣе: первая утѣшила народъ во время его страданія отъ жестокости Іоанновой; другая утѣшаетъ потомство въ страданіи за предковъ, униженныхъ развратомъ. Въ общемъ паденіи духа увидимъ доблесть нѣкоторыхъ, и въ ней причину государственнаго спасенія: казня Россію, Всевышній не хотѣлъ ея гибели, и для того еще оставилъ ей такихъ гражданъ. Не устранимъ подробностей въ описаніи дѣлъ славныхъ, совершенныхъ хотя и въ предѣлахъ смиренной обители монашеской, людьми простыми, никакими званіемъ, высокими единственно душою!

2. 23 сентября [1]) Сапѣга и многіе другіе знатные паны, предводительствуя тридцатью тысячами ляховъ, казаковъ и россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ. Осадные воеводы Лавры, князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ Лавру. Непріятель въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться. Между тѣмъ Лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень. Легко было предвидѣть дальнѣйшія гибельныя слѣдствія тѣсноты, но добрые иноки говорили: „Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ“—и всѣхъ принимали. Воеводы, архимандритъ Іоасафъ и соборные старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначали, кому биться на стѣнахъ, или въ вылазкахъ, и князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые надъ гробомъ Св. Сергія поцѣловали крестъ

---

[1]) 1608 года.

Digitized by Google

въ томъ, чтобы сидѣть въ осадѣ безъ измѣны. Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились къ трапезѣ кровопролитной, пить чашу смертную за отечество. Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ Лавры ни днемъ, ни ночью.

3. 29 сентября Сапѣга и Лисовскій писали къ воеводамъ: „Покоритесь Димитрію, истинному царю вашему и нашему, который не только сильнѣе, но и милостивѣе лжецаря Шуйскаго, имѣя, чѣмъ жаловать вѣрныхъ, ибо владѣетъ уже едва не всѣмъ государствомъ, стѣснивъ своего злодѣя въ Москвѣ осажденной. Если мирно сдадитесь, то будете намѣстниками Троицкаго града и владѣтелями многихъ селъ богатыхъ; въ случаѣ безполезнаго упорства падутъ ваши головы“. Они писали и къ архимандриту, и къ инокамъ, напоминая имъ милость Іоанна къ Лаврѣ и требуя благодарности, ожидаемой отъ нихъ его сыномъ и невѣсткою. Архимандритъ и воеводы читали сіи грамоты всенародно; а монахи и воины сказали: „Упованіе наше есть Святая Троица, стѣна и щитъ Богоматерь, Святые Сергій и Никонъ сподвижники: не страшимся!“ Въ бранномъ отвѣтѣ ляхамъ не оставили слова на миръ; но не тронули измѣнника, сына боярскаго, Вессона Руготина, который привозилъ къ нимъ Сапѣгины грамоты.

4. 30 сентября непріятель утвердилъ туры [1]) на горѣ Волкушѣ, Терентьевской, Круглой и Красной; выкопалъ ровъ, насыпалъ широкій валъ и съ 3 октября, въ теченіе шести недѣль, палилъ изъ шестидесяти трехъ пушекъ, стараясь разрушить каменную ограду; стѣны, башни тряслися, но не падали, отъ худого ли искусства пушкарей, или отъ малости ихъ орудій: сыпались кирпичи, дѣлались отверстія и немедленно задѣлывались; ядра каленыя летѣли мимо аданій монастырскихъ въ пруды или гасли на пустыряхъ и въ ямахъ, къ удивленію осажденныхъ, которые, видя въ томъ чудесную къ нимъ милость Божію, укрѣплялись духомъ, и въ ожиданіи приступа всѣ исповѣдались, чтобы съ чистою совѣстію не робѣть смерти; многіе постриглись, желая умереть въ санѣ монашескомъ. Иноки, дѣля съ воинами опасности и труды, ежедневно обходили стѣны съ святыми иконами.

5. Сапѣга готовился къ первому рѣшительному дѣлу не молитвою, не покаяніемъ, а пиромъ для всего войска. 12 октября съ утра до вечера ляхи и россійскіе измѣнники шумѣли въ станѣ, пили, стрѣляли, скакали на лошадяхъ съ знаменами вокругъ Лавры, въ сумерки вышли полками къ турамъ, заняли дорогу

Digitized by Google

[1]) *Туръ*—корзина, набитая землею для защиты отъ пуль.

Угличную, Переяславскую, и ночью устремились къ монастырю съ лѣстницами, щитами и тарасами [1]), съ крикомъ и музыкою. Ихъ встрѣтили залпомъ изъ пушекъ и пищалей; не допустили до стѣнъ; многихъ убили, ранили: всѣ другіе бѣжали, кинувъ лѣстницы, щиты и тарасы.

19 октября, видя малое число непріятелей въ огородахъ мо- 6.
настырскихъ, стрѣльцы и казаки, безъ повелѣнія воеводъ, спустились на веревкахъ съ стѣны, напали и перерѣзали тамъ всѣхъ ляховъ. Пользуясь сею ревностію, князь Долгорукій и Голохвастовъ тогда же сдѣлали смѣлую вылазку съ конными и пѣхотными дружинами, къ турамъ Красной горы, чтобы разрушить непріятельскія бойницы, но въ жестокой сѣчѣ лишились многихъ добрыхъ воиновъ.

Гордясь симъ дѣломъ, какъ побѣдою, непріятель хотѣлъ довершить ее: въ темную осеннюю ночь (25 окт.), когда огни едва свѣтились, и все затихло въ Лаврѣ, дремлющіе воины встрепенулись отъ внезапнаго [2]) шума: ляхи и россійскіе измѣнники съ крикомъ и воплемъ стремились къ монастырю, достигли рва, и соломою съ берестой [3]) зажгли острогъ; яркое пламя озарило ихъ толпы какъ бы днемъ, въ цѣль пушкамъ и пищалямъ. Сильною стрѣльбою и гранатами осажденные побили множество смѣлѣйшихъ ляховъ и не дали имъ сжечь острога. Непріятель ушелъ.

Но Сапѣга и Лисовскій въ тишинѣ готовили гибель Лаврѣ: 7.
вели подкопы къ стѣнамъ ея. Воеводы избрали человѣка искуснаго въ ремеслѣ горномъ и велѣли ему дѣлать подъ башнями такъ называемые *слухи*, или ямы въ глубину земли, чтобы слушать тамъ голоса или стука людей, копающихъ въ ея нѣдрахъ; велѣли еще углубить ровъ внѣ Лавры. Сія работа произвела двѣ битвы кровопролитныя; непріятель напалъ на копателей, но былъ отраженъ дѣйствіемъ монастырскихъ пушекъ. Въ другой сѣчѣ за рвомъ, ноября 1, ляхи стѣснили осажденныхъ, не пускали ихъ черпать воды въ прудахъ внѣ крѣпости и приблизили свои окопы къ стѣнамъ. Сердца уныли и въ великодушныхъ: видѣли уменьшеніе силъ ратныхъ; опасались болѣзней отъ тѣсноты и недостатка въ хорошей водѣ; знали вѣрно, что есть подкопъ, но не знали, гдѣ, и могли ежечасно взлетѣть на воздухъ. Тогда же нѣсколько ядеръ упало въ Лавру: одно ударило въ большой колоколъ, въ церковь, и, къ общему ужасу, раздробило святыя иконы, предъ коими народъ молился съ усердіемъ. Въ сихъ обстоятельствахъ не измѣнилась ревность старцевъ: первые на молитвѣ, на стражѣ и въ битвахъ, они словомъ и дѣломъ воспламеняли защитниковъ, представляя имъ

Digitized by Google

[1]) *Тарасы*—подкатные срубы.—[2]) *Въ водѣ*: незапнаго. [3]) берестомъ.

малодушіе грѣхомъ, неробкую смерть долгомъ христіанскимъ и гибель временную вѣчнымъ спасеніемъ.

8. Битвы продолжались. Осажденные сдѣлали въ землѣ ходъ изъ стѣны въ ровъ, съ тремя желѣзными воротами для скорѣйшихъ вылазокъ; въ темныя ночи нападали на окопы непріятельскіе, хватали языковъ [1]), допрашивали и свѣдали наконецъ важную тайну; тяжело раненный плѣнникъ, казакъ Дѣдиловскій, умирая христіаниномъ, указалъ воеводамъ мѣсто подкопа; ляхи вели его отъ мельницы къ круглой угольной башнѣ нижняго монастыря. Укрѣпивъ сіе мѣсто частоколомъ и турами, воеводы рѣшились уничтожить опасный замыселъ Сапѣги. Два случая ободрили ихъ: мѣткою стрѣльбою имъ удалось разбить главную литовскую пушку, которая называлась Трещерою и болѣе иныхъ вредила монастырю; другое счастливое происшествіе уменьшало силу непріятеля; 500 казаковъ донскихъ съ атаманомъ Епифанцемъ устыдились воевать святую обитель и бѣжали отъ Сапѣги въ свою отчизну. 9 ноября, за три часа до свѣта, взявъ благословеніе архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія, воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ людьми ратными и монахами; глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріятеля; но какъ скоро они стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака; мгла исчезла; ударили въ осадный колоколъ, и всѣ кинулись впередъ, восклицая имя Св. Сергія. Нападеніе было съ трехъ сторонъ, но стремились къ одной цѣли: выгнали казаковъ и ляховъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, овладѣли мельницею, нашли и взорвали подкопъ, къ сожалѣнію, съ двумя смѣльчаками, которые наполнили его веществомъ горючимъ, зажгли и не успѣли спастися. Побѣдители были еще не довольны: рѣзались съ непріятелемъ между его бойницами, падали отъ ядеръ и меча. Не слушаясь начальниковъ, всѣ остальные иноки и воины, толпа за толпою, прибѣжали изъ монастыря въ пылъ сѣчи, долго упорной. Нѣсколько разъ ляхи сбивали ихъ съ высотъ въ лощины, гнали и трубили побѣду; но россіяне снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на горы и наконецъ взяли Красную со всѣми ея турами, не мало плѣнниковъ, знамена, 8 пушекъ, множество самопаловъ, ручницъ [2]), копій, палашей, воинскихъ снарядовъ, трубъ и литавръ; сожгли, чего не могли взять, и въ торжествѣ, облитые кровію, возвратились при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей монастырскихъ, неся своихъ мертвыхъ, 174 человѣка, и 66 тяжело раненныхъ, а непріятельскія укрѣпленія оставивъ въ пламени.

---

[1]) *Языкъ*—плѣнникъ, отъ коего вывѣдываютъ о состояніи непріятеля.—
[2]) *Ручница*—огнестрѣльное оружіе.

Digitized by Google

Стыдясь своихъ неудачъ, Сапѣга и Лисовскій хотѣли испы- 9.
тать хитрость: ночью скрыли конницу въ оврагахъ и послали нѣсколько дружинъ къ стѣнамъ, чтобы выманить осажденныхъ, которые дѣйствительно устремились на нихъ и гнали бѣгущихъ къ засадѣ; но стражи, увидѣвъ ее съ высокой башни, звукомъ осаднаго колокола извѣстили своихъ о хитрости непріятельской: они возвратились безвредно, и съ плѣнниками.

Настала зима. Непріятель, большею частію укрываясь въ 10.
станѣ, держался и въ закопахъ: воеводы троицкіе хотѣли выгнать его изъ ближнихъ укрѣпленій, и на разсвѣтѣ туманнаго дня вступили въ дѣло жаркое; занявъ врагъ Мишутинъ, Благовѣщенскій лѣсъ и Красную гору, до Клементьевскаго пруда, не могли одолѣть соединенныхъ силъ Лисовскаго и Сапѣги: были притиснуты къ стѣнамъ; но, подкрѣпленные новыми дружинами, начали вторую битву, еще кровопродитнѣйшую и для себя отчаянную, ибо уже не имѣли ничего въ запасѣ. Монастырскія бойницы и личное геройство многихъ дали имъ побѣду. „Св. Сергій," говорилъ лѣтописецъ, „*охрабрилъ* и невѣждъ; безъ латъ и шлемовъ, безъ навыка и знанія ратнаго, они шли на воиновъ опытныхъ, доспѣшныхъ, и побѣждали." Такъ житель села Молокова, именемъ Суета, ростомъ великанъ, силою и душою богатырь, всѣхъ затмилъ чудесною доблестію; сдѣлался истиннымъ воеводою, увлекалъ другихъ за собою въ жестокую свалку, на обѣ стороны сѣкъ головы бердышемъ и двигался впередъ по трупамъ. Слуга Пименъ Тененевъ пустилъ стрѣлу въ лѣвый високъ Лисовскаго и свалилъ его съ коня. Другого знатнаго ляха, Кн. Юрія Горскаго, убилъ воинъ Павловъ и примчалъ мертваго въ Лавру. Бились въ рукопашь, рѣзались ножами, и толпы непріятельскія рѣдѣли отъ сильнаго дѣйствія стѣнныхъ пушекъ. Сапѣга, не готовый къ приступу, увидѣвъ наконецъ вредъ своей запальчивости, удалился; а Лавра торжествовала вторую знаменитую побѣду.

Но предстояло искушеніе для твердости. Въ холодную зи- 11.
му монастырь не имѣлъ дровъ; надлежало кровію доставать ихъ: ибо непріятель стерегъ дровосѣковъ въ рощахъ, убивалъ и плѣнилъ многихъ людей. Осажденные едва не лишились и воды: два злодѣя, изъ дѣтей боярскихъ, передались къ ляхамъ и сказали Сапѣгѣ, что если онъ велитъ спустить главный внѣшній прудъ, изъ коего были проведены трубы въ ограду, то всѣ монастырскіе пруды изсохнутъ. Непріятель началъ работу, и тайно: къ счастію, воеводы узнали отъ плѣнника и могли уничтожить сей замыселъ: сдѣлавъ ночью вылазку, они умертвили работниковъ и, вдругъ отворивъ всѣ подземельныя трубы, водою внѣшняго пруда наполнили свои, внутри обители, на долгое вре-

Digitized by Google

мя. Нашлись и другіе, гораздо важнѣйшіе измѣнники: казначей монастырскій, Іосифъ Дѣвочкинъ, и самъ воевода Голохвастовъ, если вѣрить сказанію лѣтописца: ибо въ великихъ опасностяхъ или бѣдствіяхъ, располагающихъ умы и сердца къ подозрѣнію, не рѣдко вражда личная язвитъ и невинность клеветою смертоносною. Пишутъ, что сіи два чиновника, сомнѣваясь въ возможности спасти Лавру доблестію, хотѣли спасти себя злодѣйствомъ, и черезъ бѣглеца Селевина тайно условились съ Сапѣгою предать ему монастырь; что Голохвастовъ думалъ въ часъ вылазки впустить непріятеля въ крѣпость; что старецъ Гурій Шишкинъ хитро вывѣдалъ отъ нихъ адскую тайну и донесъ архимандриту. Іосифу дали время на покаяніе: онъ умеръ скоропостижно. Голохвастовъ же остался воеводою: слѣдственно не былъ уличенъ ясно; но сія измѣна, дѣйствительная или мнимая, произвела зло: взаимное недовѣріе между защитниками Лавры.

12. Тогда же открылось зло еще ужаснѣйшее. „Когда“, говоритъ лѣтописецъ Лавры, „бѣдствіе и гибель ежедневно намъ угрожали, мы думали только о душѣ; когда гроза начинала слабѣть, мы обратились къ тѣлесному“. Непріятель, изнуренный тщетными усиліями и холодомъ, кинулъ окопы, удалился отъ стѣнъ и заключился въ земляныхъ укрѣпленіяхъ стана, къ великой радости осажденныхъ, которые могли наконецъ безопасно выходить изъ тѣсной для нихъ ограды, чтобы дышать свободнѣе за стѣнами, рубить лѣсъ, мыть бѣлье въ прудахъ внѣшнихъ; уже не боялись приступовъ и только добровольно сражались, отъ времени до времени тревожа непріятеля вылазками: начинали и прекращали битву, когда хотѣли. Сей отдыхъ, сія свобода пробудили склонность къ удовольствіямъ чувственнымъ; увѣщанія и примѣръ трезвыхъ иноковъ не имѣли дѣйствія. Уже не берегли, какъ дотолѣ, запасовъ монастырскихъ; роскошествовали, пировали, тѣшились музыкою, пляскою... и скоро оцѣпенѣли отъ ужаса.

13. Долговременная тѣснота, зима сырая, употребленіе худой воды, недостатокъ въ уксусѣ, въ пряныхъ зельяхъ и въ хлѣбномъ винѣ произвели цынгу [1]); ею заразились бѣднѣйшіе и заразили другихъ. Больные пухли и гнили; живые смердѣли какъ трупы: задыхались отъ зловонія и въ келліяхъ, и въ церквахъ. Умирало въ день отъ двадцати до пятидесяти человѣкъ; не успѣвали копать могилъ: за одну платили два, три и пять рублей; клали въ нее тридцать и сорокъ тѣлъ. Съ утра до вечера отпѣвали усопшихъ и хоронили; ночью стонъ и вой не умолкали: кто издыхалъ, кто плакалъ надъ издыхающимъ. И здоровые шатались

Digitized by Google

[1]) *Цынга*—болѣзнь.

какъ тѣни отъ изнеможенія, особенно священники, коихъ водили и держали подъ руки для исправленія требъ церковныхъ. Томные и слабые, предвидя смерть отъ страшнаго недуга, искали ее на стѣнахъ, отъ пули непріятельской. Вылазки пресѣклись, къ злой радости измѣнниковъ и ляховъ, которые, слыша всегдашній плачъ въ обители, всходили на высоты, взлѣзали на деревья и видѣли гибель ея защитниковъ, кучи тѣлъ и ряды могилъ свѣжихъ, исполнились дерзости, подъѣзжали къ воротамъ, звали иноковъ и воиновъ на битву, ругались надъ ихъ безсиліемъ, но не думали приступомъ увѣриться въ оном, надѣясь, что они скоро сдадутся или всѣ изгибнутъ.

Въ крайности бѣдствія архимандритъ Іоасафъ писалъ къ 14. знаменитому келарю лавры Аврамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ царя спасти сію священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ. Аврамій убѣждалъ Василія, братьевъ его, синклитъ [1]), патріарха; но столица сама трепетала, ожидая приступа тушинскихъ злодѣевъ. Аврамій доказывалъ, что Лавра можетъ еще держаться только мѣсяцъ, и паденіемъ откроетъ непріятелю весь Сѣверъ Россіи до моря. Наконецъ Василій послалъ нѣсколько воинскихъ снарядовъ и 60 казаковъ съ атаманомъ Останковымъ, а келарь 20 слугъ монастырскихъ. Сія дружина, хотя и слабая числомъ, утѣшила осажденныхъ: они видѣли готовность Москвы помогать имъ, и новою дерзостію—къ сожалѣнію, дѣломъ жестокимъ—явили непріятелю, сколь мало страшатся его злобы. Неосторожно пропустивъ царскаго атамана въ Лавру и захвативъ только 4 казаковъ, варваръ Лисовскій съ досады велѣлъ умертвить ихъ предъ монастырскою стѣною. Такое злодѣйство требовало мести: осажденные вывели цѣлую толпу литовскихъ плѣнниковъ и казнили изъ нихъ 42 человѣка, къ ужасу поляковъ, которые, гнушаясь виновникомъ сего душегубства, хотѣли убить Лисовскаго, едва спасеннаго менѣе безчеловѣчнымъ Сапѣгою.

Бѣдствія Лавры не уменьшились: болѣзнь еще свирѣпство- 15. вала; новые сподвижники, атаманъ Останковъ съ казаками, сдѣлались также ея жертвою, и непріятель удвоилъ заставы, чтобы лишить осажденныхъ всякой надежды на помощь. Но великодушіе не слабѣло: всѣ готовились къ смерти; никто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ. Кто выздоравливалъ, тотъ отвѣдывалъ силъ своихъ въ битвѣ, и вылазки возобновились. Дѣйствуя мечемъ, употребляли и коварство. Часто ляхи, подъѣзжая къ стѣнамъ, дружелюбно разговаривали съ осажденными, вызывали ихъ, давали

---

[1]) *Синклитъ* (σύγκλητος)—Дума государственная.

Digitized by Google

имъ вино за медъ, вмѣстѣ пили и.... хватали другъ друга въ плѣнъ или убивали.

16. Терпѣли и мужались до самой весны. Тогда цѣлебное вліяніе теплаго воздуха прекратило болѣзнь смертоносную, и 9-го мая, въ новоосвященномъ храмѣ Св. Николая, иноки и воины пѣли благодарственный молебенъ, за коимъ слѣдовала счастливая вылазка. Хотѣли доказать непріятелю, что Лавра уже снова цвѣтетъ душевнымъ и тѣлеснымъ здравіемъ. Но силы не соотвѣтствовали духу. Въ теченіе пяти или шести мѣсяцевъ умерло тамъ 297 старыхъ иноковъ, 500 новопостриженныхъ и 2125 дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ, людей даточныхъ [1]) и слугъ монастырскихъ. Сапѣга зналъ, сколь мало осталось живыхъ для защиты, и рѣшился на третій общій приступъ. 27 мая зашумѣлъ станъ непріятельскій: ляхи, слѣдуя своему обыкновенію, съ утра начали веселиться, пить, играть на трубахъ. Въ полдень многіе всадники объѣзжали вокругъ стѣнъ и высматривали мѣста; другіе взадъ и впередъ скакали и мечами грозили осажденнымъ. Ввечеру многочисленная конница съ знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ; вышелъ и Сапѣга съ остальными дружинами, всадниками и пѣхотою, какъ бы желая доказать, что презираетъ выгоду нечаянности въ нападеніи и даетъ время непріятелю изготовиться къ бою. Лавра изготовилась: не только монахи съ оружіемъ, но и женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою. Архимандритъ и старые іеромонахи въ полномъ облаченіи стояли предъ алтаремъ и молились. Ждали часа. Уже наступила ночь и скрыла непріятеля; но въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи осажденные слышали ближе и ближе шорохъ: ляхи, какъ змѣи, ползли ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣстницами—и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный громъ: непріятель завопилъ, ударилъ въ бубны и кинулся къ оградѣ; придвинулъ щиты на колесахъ, лѣзъ на стѣны.|Въ сей роковой часъ остатокъ великодушныхъ увѣнчалъ свой подвигъ. Готовые къ смерти защитники Лавры уже не могли ничего страшиться: безъ ужаса и смятенія каждый дѣлалъ свое дѣло: стрѣляли, кололи изъ отверстій, метали камни, зажженную смолу и сѣру; лили варъ; ослѣпляли глаза известію; отбивали щиты, тарасы и лѣстницы. Непріятель оказывалъ смѣлость и твердость; отражаемый, съ усиліемъ возобновлялъ приступы до самаго утра, которое освѣтило спасеніе Лавры: ляхи и россійскіе злодѣи начали отступать, а побѣдители, неутомимые и ненасытные, сдѣлавъ вылазку, еще били ихъ во рвахъ,

[1]) *Даточный*—военно-служащій изъ сословій, обязанныхъ рекрутчиной.

Digitized by Google

гнали въ полѣ и въ лощинахъ, схватили 30 пановъ и чиновныхъ измѣнниковъ, взяли множество стѣнобитныхъ орудій и возвратились славить Бога въ храмѣ Троицы. Симъ дѣломъ важнымъ, но кровопролитнымъ только для непріятеля, рѣшилась судьба осады.

Карамзинъ.

ИЗЪ „ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА".

I [1]).

1.

По казацкимъ дворамъ шатался неизвѣстный бродяга, нанимаясь въ работники то къ одному хозяину, то къ другому, и принимаясь за всякія ремесла. Онъ былъ свидѣтелемъ усмиренія мятежа и казни зачинщиковъ, уходилъ на время въ Иргизскіе скиты [2]); оттуда, въ концѣ 1772 года, посланъ былъ для закупки рыбы въ Яицкій городокъ [3]), гдѣ и стоялъ у казака Дениса Пьянова. Онъ отличался дерзостію своихъ рѣчей, поносилъ начальство и подговаривалъ казаковъ бѣжать въ области турецкаго султана; онъ увѣрялъ, что и донскіе казаки не замедлятъ за ними послѣдовать, что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячъ рублей и товару на семьдесятъ тысячъ, и что какой-то паша, тотчасъ по приходѣ казаковъ, долженъ имъ выдать по пяти милліоновъ; покамѣстъ обѣщалъ онъ каждому по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ жалованья. Сверхъ того сказывалъ онъ, будто бы противу яицкихъ казаковъ изъ Москвы идутъ два полка, и что около Рождества или Крещенія непремѣнно будетъ бунтъ. Нѣкоторые изъ послушныхъ хотѣли его поймать и представить, какъ возмутителя, въ комендантскую канцелярію, но онъ скрылся вмѣстѣ съ Денисомъ Пьяновымъ и былъ пойманъ уже въ селѣ Малыковкѣ (что нынѣ Волгскъ), по указанію крестьянина, ѣхавшаго съ нимъ одною дорогой. Сей бродяга былъ Емельянъ Пугачевъ, донской казакъ и раскольникъ, пришедшій съ ложнымъ письменнымъ видомъ изъ-за польской границы, съ намѣреніемъ поселиться на рѣкѣ Иргизѣ, посреди тамошнихъ раскольниковъ. Онъ былъ отосланъ подъ стражею въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань; и какъ все, относящееся къ дѣламъ Яицкаго войска, по тогдашнимъ обстоятельствамъ [4]) могло казаться важнымъ, то оренбургскій губернаторъ и почелъ за нужное увѣдомить о томъ Государственную Военную Коллегію донесеніемъ отъ 18 января 1773 г.

---

[1]) Изъ II-й главы.—[2]) *Скитъ*—обитель отшельниковъ въ глуши и—раскольничій монастырь.—[3]) *Яикъ*—прежнее имя рѣки Урала.—[4]) Яицкіе казаки произвели бунтъ уже въ 1771 году.

Digitized by Google

Яицкіе бунтовщики были тогда не рѣдки, и казанское начальство не обратило большого вниманія на присланнаго преступника. Пугачевъ содержался въ тюрьмѣ не строже прочихъ невольниковъ. Между тѣмъ сообщники его не дремали. Однажды, онъ подъ стражею двухъ гарнизонныхъ солдатъ ходилъ по городу для собиранія милостыни. У Замочной рѣшетки (такъ называлась одна изъ главныхъ казанскихъ улицъ) стояла готовая тройка. Пугачевъ подошедъ къ ней, вдругъ оттолкнулъ одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ; другой помогъ колоднику сѣсть въ кибитку и вмѣстѣ съ нимъ ускакалъ изъ города. Это случилось 19-го іюня 1773 года. Три дня послѣ, въ Казани получено было утвержденное въ Петербургѣ рѣшеніе суда, по коему Пугачевъ приговоренъ къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ Пелымъ, на каторжную работу.

3.

Пугачевъ явился на хуторъ отставного казака Данилы Шелудякова, у котораго жилъ онъ прежде въ работникахъ. Тамъ производились тогда совѣщанія злоумышленниковъ.

Сперва дѣло шло о побѣгѣ въ Турцію: мысль издавна общая всѣмъ недовольнымъ казакамъ. Извѣстно, что въ царствованіе Анны Іоанновны Игнатій Некрасовъ успѣлъ привести ее въ дѣйство и увлечь за собой множество донскихъ казаковъ. Потомки ихъ нынѣ живутъ въ турецкихъ областяхъ, сохраняя на чуждой имъ родинѣ вѣру, языкъ и обычаи прежняго своего отечества. Во время послѣдней турецкой войны [1]) они дрались противу насъ отчаянно. Часть ихъ явилась къ императору Николаю, уже переплывшему Дунай на запорожской лодкѣ; такъ же, какъ остатокъ Сѣчи, они принесли повинную за своихъ отцовъ и возвратились подъ владычество законнаго своего государя.

Но яицкіе заговорщики слишкомъ привязаны были къ своимъ богатымъ, родимымъ берегамъ. Они, вмѣсто побѣга, положили быть новому мятежу. Самозванство показалось имъ надежною пружиною. Для сего нуженъ былъ только прошлецъ дерзкій и рѣшительный, еще неизвѣстный народу. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Имъ не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себѣ сообщниковъ.

Военная Коллегія дала знать о побѣгѣ казанскаго колодника во всѣ мѣста, гдѣ, по предположеніямъ, могъ онъ укрываться. Вскорѣ подполковникъ Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторахъ, находящихся около Яицкаго городка. Отряды были посланы

---

[1]) 1828 и 1829 г.

Digitized by Google

для поимки Пугачева, но не имѣли въ томъ успѣха: Пугачевъ и его главные сообщники спасались отъ поиска, переходя съ одного мѣста на другое и часъ отъ часу умножая свою шайку. Между тѣмъ разнеслись страшные слухи... Многіе казаки взяты были подъ стражу. Схватили Михайлу Кожевникова, привели въ комендантскую канцелярію и пыткою вынудили отъ него слѣдующія важныя показанія:

Въ началѣ сентября находился онъ на своемъ хуторѣ, какъ пріѣхалъ къ нему Иванъ Зарубинъ и объявилъ за тайну, что великая особа находится въ ихъ краю [1]). Онъ убѣждалъ Кожевникова скрыть ее на своемъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился. Зарубинъ уѣхалъ и въ ту же ночь передъ свѣтомъ возвратился съ Тимоѳеемъ Мясниковымъ и съ невѣдомымъ человѣкомъ,—всѣ трое верхомъ. Незнаконецъ былъ росту средняго, широкоплечъ и худощавъ. Черная борода его начинала сѣдѣть. Онъ былъ въ верблюжьемъ армякѣ, въ голубой калмыцкой шапкѣ и вооруженъ винтовкою. Зарубинъ и Мясниковъ поѣхали въ городъ *для повьстки народу*, а незнакомецъ, оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, что онъ императоръ Петръ III; что слухи о смерти его были ложны; что онъ при помощи караульнаго офицера ушелъ въ Кіевъ, гдѣ скрывался около года; что потомъ былъ въ Цареградѣ и тайно находился въ русскомъ войскѣ во время послѣдней турецкой войны; что оттуда явился онъ на Дону и былъ потомъ схваченъ въ Царицынѣ, но вскорѣ освобожденъ вѣрными казаками; что въ прошломъ году находился онъ на Иргизѣ и въ Яицкомъ городкѣ, гдѣ былъ снова пойманъ и отвезенъ въ Казань; что часовой, подкупленный за семьсотъ рублей неизвѣстнымъ купцомъ, освободилъ его снова; что послѣ подъѣзжалъ онъ къ Яицкому городку, но, узнавъ черезъ одну женщину о строгости, съ каковою нынѣ требуются и осматриваются паспорты, воротился на Сызранскую дорогу, по коей скитался нѣсколько времени, пока наконецъ съ Таловинскаго умета [2]) взятъ Зарубинымъ и Мясниковымъ и привезенъ къ Кожевникову. Высказавъ нелѣпую повѣсть, самозванецъ сталъ объяснять свои предположенія. Онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на *плавню* [3]), во избѣжаніе сопротивленія со стороны гарнизона и *напраснаго кровопролитія*. Во время же плавни хотѣлъ онъ явиться посреди казаковъ, связать атамана, итти прямо на Яицкій городокъ, овладѣть имъ и учредить заставы по всѣмъ дорогамъ, дабы никуда преждевременно не дошло о немъ извѣстія. Въ случаѣ же неудачи, думалъ онъ *броситься въ Русь*, увлечь ее всю за со-

---

[1]) т. е. будто бы въ ихъ краю находится императоръ Петръ III, умершій въ 1762 г.—[2]) *Уметъ*—хуторъ въ степи.—[3]) *Плавня*—осеннее рыболовство.

бою, повсюду поставить новыхъ судей (ибо въ нынѣшнихъ, по его словамъ, присмотрѣна имъ многая неправда) и возвести на престолъ Государя Великаго Князя [1]). *Само все я*, говорилъ онъ, *уже царствовать не желаю*. Пугачевъ на хуторѣ Кожевникова находился три дня; Зарубинъ и Мясниковъ пріѣхали за нимъ и увезли его на Усихину роспашь [2]), гдѣ и намѣренъ онъ былъ скрываться до самой плавни. Кожевниковъ, Коноваловъ и Кочуровъ проводили его.

8.

Взятіе подъ стражу Кожевникова и казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніи, ускорило ходъ происшествій. 18 сентября Пугачевъ съ Будоринскаго форпоста пришелъ подъ Яицкій городокъ съ толпою, изъ трехсотъ человѣкъ состоявшею, и остановился въ трехъ верстахъ отъ города, за рѣкой Чаганомъ.

Въ городѣ все пришло въ смятеніе. Недавно усмиренные жители начали перебѣгать на сторону новыхъ мятежниковъ. Симоновъ [3]) выслалъ противъ Пугачева пятьсотъ казаковъ, подкрѣпленныхъ пѣхотою, и съ двумя пушками. Двѣсти казаковъ при капитанѣ Крыловѣ [4]) отряжены были впередъ. Къ нимъ выѣхалъ навстрѣчу казакъ, держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца. Казаки потребовали, чтобъ письмо было имъ прочтено. Крыловъ тому противился. Произошелъ мятежъ, и половина отряда тутъ же передалась на сторону самозванца и потащила съ собою пятьдесятъ вѣрныхъ казаковъ, ухватя за узды ихъ лошадей. Видя измѣну въ своемъ отрядѣ, Крыловъ возвратился въ городъ. Захваченные казаки приведены были къ Пугачеву, и одиннадцать изъ нихъ, по приказанію его, повѣшены. Сіи первыя его жертвы были сотники: Витошновъ, Чертороговъ, Раиневъ и Коноваловъ; пятидесятники: Руженниковъ, Толстовъ, Подьячевъ и Колпаковъ; рядовые: Сидоровкинъ, Ларзяневъ и Чукалинъ.

На другой день Пугачевъ приблизился къ городу, но при видѣ выходящаго противъ него войска сталъ отступать, разсыпавъ по степи свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его, ибо казаковъ не хотѣлъ отрядить, опасаясь отъ нихъ измѣны; а пѣхоту не смѣлъ отдалить отъ города, коего жители готовы были взбунтоваться. Онъ донесъ обо всемъ оренбургскому губернатору генералъ-поручику Рейнсдорпу, требуя отъ него легкаго войска для преслѣдованія Пугачева. Но прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже пресѣчено.

---

[1]) Павла Петровича.—[2]) *Розсашь*—притокъ; *также*: раздвоеніе рѣки.—[3]) Яицкій комендантъ, подполковникъ Симоновъ.—[4]) Капитанъ Крыловъ—отецъ знаменитаго баснописца.

Digitized by Google

и донесеніе Симонова дошло до губернатора не прежде, какъ черезъ недѣлю.

4.

Съ шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачевъ пошелъ прямо къ Илецкому городку [1]) и послалъ начальствовавшему въ немъ атаману Портнову повелѣніе—выйти къ нему навстрѣчу и съ нимъ соединиться. Онъ обѣщалъ казакамъ пожаловать ихъ крестомъ и бородою (илецкіе, какъ и яицкіе, казаки были всѣ старовѣрцы), рѣками и лугами, деньгами и провіантомъ, свинцомъ и порохомъ, и вѣчною вольностью, угрожая местью въ случаѣ непослушанія. Вѣрный своему долгу, атаманъ думалъ сопротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Пугачевъ повѣсилъ атамана, три дня праздновалъ побѣду и, взявъ съ собою всѣхъ илецкихъ казаковъ и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разсыпную [2]).

Крѣпости, въ томъ краю выстроенныя, были не что иное, какъ деревни, окруженныя плетнемъ или деревяннымъ заборомъ. Нѣсколько старыхъ солдатъ и тамошнихъ казаковъ, подъ защитой двухъ или трехъ пушекъ, были въ нихъ безопасны отъ стрѣлъ и копій дикихъ племенъ, разсѣянныхъ по степямъ Оренбургской губерніи и около ея границъ. 24 сентября Пугачевъ напалъ на Разсыпную. Казаки и тутъ измѣнили. Крѣпость была взята. Комендантъ, маіоръ Веловскій, нѣсколько офицеровъ и одинъ священникъ были повѣшены, а гарнизонная рота и полтораста казаковъ присоединены къ мятежникамъ.

Слухъ о самозванцѣ быстро распространился. Еще съ Будоринскаго форпоста Пугачевъ писалъ къ киргизъ-кайсакскому хану, именуя себя государемъ Петромъ III и требуя отъ него сына въ заложники и ста человѣкъ вспомогательнаго войска. Нурали-ханъ подъѣзжалъ къ Яицкому городку подъ видомъ переговоровъ съ начальствомъ, коему предлагалъ онъ свои услуги. Его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ мятежниками безъ его помощи. Ханъ послалъ оренбургскому губернатору татарское письмо самозванца съ первымъ извѣстіемъ о его появленіи. „Мы, люди живущіе на степяхъ"—писалъ Нурали къ губернатору—„не знаемъ, кто сей, разъѣзжающій по берегу: обманщикъ ли или настоящій государь? Посланный отъ насъ воротился, объявивъ, что того развѣдать не могъ, а что борода у того человѣка русая." При семъ,

---

[1]) *Илецкій городокъ*—въ 145 верстахъ отъ Яицкаго городка, и въ 124 в. отъ Оренбурга. Въ немъ находилось до 300 казаковъ.—[2]) Крѣп. *Разсыпная* въ 25 верстахъ отъ Илецкаго городка и въ 101 в. отъ Оренбурга.

пользуясь обстоятельствами, ханъ требовалъ отъ губернатора возвращенія аманатовъ [1]), отогнаннаго скота и выдачи бѣжавшихъ изъ орды рабовъ. Рейнсдорпъ спѣшилъ отвѣчать, что кончина императора Петра III извѣстна всему свѣту; что самъ онъ видѣлъ государя во гробѣ и цѣловалъ его мертвую руку. Онъ увѣщевалъ хана, въ случаѣ побѣга самозванца въ Киргизскія степи, выдать его правительству, обѣщая за то милость императрицы [2]). Прошенія хана были исполнены. Между тѣмъ Нурали вошелъ въ дружескія сношенія съ самозванцемъ, не преставая увѣрять Рейнсдорпа въ своемъ усердіи къ императрицѣ, а киргизцы стали готовиться къ набѣгамъ.

3.

Пугачевъ, оставя Оренбургъ вправѣ, пошелъ къ Сакмарскому городку [3]), коего жители ожидали его съ нетерпѣніемъ.—1 октября, изъ татарской деревни Каргале, поѣхалъ онъ туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ. Очевидецъ [4]) описываетъ его прибытіе слѣдующимъ образомъ:

„Въ крѣпости у станичной избы постланы были ковры, и поставленъ столъ съ хлѣбомъ и солью. Попъ ожидалъ Пугачева съ крестомъ и съ святыми иконами. Когда въѣхалъ онъ въ крѣпость, начали звонить въ колокола; народъ снялъ шапки, и когда самозванецъ сталъ сходить съ лошади, при помощи двухъ изъ его казаковъ, подхватившихъ его подъ руки, тогда всѣ пали ницъ. Онъ приложился ко кресту, хлѣбъ-соль поцѣловалъ и, сѣвъ на уготовленный стулъ, сказалъ: *вставайте, дѣтушки.* Потомъ всѣ цѣловали его руку. Пугачевъ освѣдомился о городскихъ казакахъ. Ему отвѣчали, что иные на службѣ, другіе съ ихъ атаманомъ Даниломъ Донскимъ взяты въ Оренбургъ, и что только двадцать человѣкъ оставлены для почтовой гоньбы, но и тѣ скрылись. Онъ обратился къ священнику и грозно приказалъ ему отыскать ихъ, примолвя: *ты, попъ, такъ будь и атаманъ; ты и всѣ жители отвѣчаете мнѣ за нихъ своими головами.* Потомъ поѣхалъ онъ къ атаманову отцу, у котораго былъ ему приготовленъ обѣдъ. *Если бъ твой сынъ былъ здѣсь,* сказалъ онъ старику, *то вашъ обѣдъ былъ бы высокъ и честенъ; но хлѣбъ-соль твоя помрачилась. Какой онъ атаманъ, коли мѣсто свое покинулъ?* Послѣ обѣда, пьяный, онъ велѣлъ было казнить хозяина, но бывшіе при немъ казаки упросили его; старикъ былъ только закованъ и посаженъ на одну ночь въ станичную избу.

---

[1]) *Аманаты — заложники.* — [2]) Императрицы Екатерины II. — [3]) *Сакмарскій городокъ* — въ 29 в. отъ Оренбурга. Въ немъ было до 300 казаковъ. — [4]) Показаніе крестьянина Алексѣя Кирилова отъ 6 окт. 1773 г.

Digitized by Google

подъ караулъ. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Онъ обошелся съ ними ласково и взялъ съ собою. Они спросили его: сколько прикажетъ взять припасовъ? *Возьмите*, отвѣчалъ онъ, *крающку хлѣба; вы проводите меня только до Оренбурга.* Въ сіе время башкирцы, присланные отъ оренбургскаго губернатора, окружили городъ. Пугачевъ къ нимъ выѣхалъ и безъ бою взялъ всѣхъ въ свое войско. На берегу Самары повѣсилъ онъ шесть человѣкъ.

Въ тридцати верстахъ отъ Самарскаго городка находилась крѣпость Пречистенская. Лучшая часть ея гарнизона была взята Биковымъ на походѣ его къ Татищевой. Одинъ изъ отрядовъ Пугачева занялъ ее безъ сопротивленія. Офицеры и гарнизонъ вышли навстрѣчу побѣдителямъ. Самозванецъ, по своему обыкновенію, принялъ солдатъ въ свое войско и въ первый разъ оказалъ позорную милость офицерамъ.

Пугачевъ усиливался: прошло двѣ недѣли со дня, какъ явился онъ подъ Яицкимъ городкомъ съ горстью бунтовщиковъ, и уже онъ имѣлъ до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы и болѣе двадцати пушекъ. Семь крѣпостей были имъ взяты или сдались ему. Войско его съ часу на часъ умножалось неимовѣрно. Онъ рѣшился пользоваться счастіемъ, и 8 октября, ночью, подъ Самарскимъ городкомъ перешелъ рѣку [1]) черезъ мостъ, уцѣлѣвшій вопреки распоряженіямъ Рейнсдорпа, и потянулся къ Оренбургу.

II [2]).

Императрица видѣла необходимость взять сильныя мѣры противъ возрастающаго зла. Она искала надежнаго военачальника и выбрала генералъ-аншефа Бибикова.

Александръ Ильичъ Бибиковъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ лицъ Екатерининскихъ временъ, столь богатыхъ людьми знаменитыми. Въ молодыхъ еще лѣтахъ онъ успѣлъ уже отличиться на поприщѣ войны и гражданственности. Онъ служилъ съ честію въ семилѣтнюю войну и обратилъ на себя вниманіе Фридриха Великаго. Важныя порученія [3]) были на него возлагаемы: въ 1763 году, посланъ онъ былъ въ Казань для усмиренія взбунтовавшихся заводскихъ крестьянъ. Твердостью и благоразумною кротостью вскорѣ возстановилъ онъ порядокъ. Въ 1766 году, когда составлялась Комиссія новаго уложенія, онъ предсѣдательствовалъ въ Костромѣ на выборахъ, самъ былъ избранъ депутатомъ и потомъ назначенъ въ предводители всего собранія. Въ 1771 году онъ

Digitized by Google

[1]) Р. Самару.—[2]) Изъ III главы.—[3]) *Въ подл.*: препорученія.

назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Польшу, гдѣ въ скоромъ времени успѣлъ не только устроить упущенныя дѣла, но и пріобрѣсть любовь и довѣренность побѣжденныхъ.

Въ эпоху, нами описываемую, находился онъ въ Петербургѣ. Сдавъ недавно главное начальство надъ завоеваннаго Польшею, онъ готовился ѣхать въ Турцію служить при графѣ Румянцовѣ. Бибиковъ былъ холодно принятъ императрицею, дотолѣ къ нему благосклонною. Можетъ быть, она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо, усердный на дѣлѣ и душею преданный государынѣ, Бибиковъ былъ брезгливъ и смѣлъ въ своихъ сужденіяхъ. Но Екатерина умѣла властвовать надъ своими предубѣжденіями. Она подошла къ нему на придворномъ балѣ съ прежнею ласковою улыбкой и, милостиво съ нимъ разговаривая, объявила ему новое его назначеніе. Бибиковъ отвѣчалъ, что онъ посвятилъ себя на службу отечеству, и тутъ же привелъ слова простонародной пѣсни, примѣнивъ ихъ къ своему положенію:

Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь.

Онъ безотговорочно принялъ на себя многотрудную должность, и 9 декабря отправился изъ Петербурга. Пріѣхавъ въ Москву, Бибиковъ нашелъ старую столицу въ страхѣ и унынии. Жители, недавніе свидѣтели бунта и чумы, трепетали въ ожиданіи новаго бѣдствія. Множество дворянъ бѣжало въ Москву изъ губерній, уже разоряемыхъ Пугачевымъ или угрожаемыхъ возмущеніемъ. Холопья, ими навезенные, распускали по площадямъ вѣсти о вольности и объ истребленіи господъ. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицамъ, съ явнымъ нетерпѣніемъ ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова съ восторгомъ, доказывавшимъ, въ какой опасности полагали себя. Онъ оставилъ Москву, спѣша оправдать ея надежды.

III [1]).

Хлопуша взялъ Ильинскую [2]), на приступѣ заколовъ коменданта поручика Лопатина, но пощадилъ офицеровъ и не разорилъ даже крѣпости. Онъ пошелъ на Верхне-Озерную.

Маіоръ Заевъ успѣлъ занять Ильинскую (27 ноября). Крѣпость, оставленная Хлопушею, не была имъ выжжена. Жители не были

Digitized by Google

1) Изъ 17-й главы. — 2) Ильинскую крѣпость.

выведены. Между ими находилось нѣсколько плѣнныхъ конфедератовъ. Стѣны и нѣкоторыя избы были повреждены. Войско все было взято, кромѣ одного сержанта и раненнаго офицера. Амбаръ былъ отворенъ. Нѣсколько четвертей муки и сухарей валялись на дворѣ. Одна пушка брошена была въ воротахъ. Заевъ наскоро сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, разставилъ по тремъ бастіонамъ три пушки, бывшія въ его отрядѣ (на четвертый не достало); также учредить караулы и разъѣзды и сталъ ожидать непріятеля.

На другой день, въ сумерки Пугачевъ явился передъ крѣпостью. Мятежники приблизились и, разъѣзжая около нея, кричали часовымъ: „Не стрѣляйте и выходите воинъ: здѣсь государь". По нихъ выстрѣлили изъ пушки. Убило ядромъ одну лошадь. Мятежники скрылись и чрезъ часъ показались изъ-за горы, скача врассыпную, подъ предводительствомъ самого Пугачева. Ихъ отогнали пушками. Солдаты и плѣнные поляки (особливо послѣдніе) съ жаромъ просились на вылазку, но Заевъ не согласился, опасаясь отъ нихъ измѣны. „Оставайтесь здѣсь и защищайтесь," — сказалъ онъ имъ — „а я отъ генерала выходить на вылазку повелѣнія не имѣю."

29-го Пугачевъ подступилъ опять, везя двѣ пушки на саняхъ и передъ ними подвигая нѣсколько возовъ сѣна. Онъ вошелся въ бастіону, на которомъ не было пушки. Заевъ посѣшилъ поставить тамъ двѣ; но прежде, нежели успѣли ихъ перетащить, мятежники разбили ядрами деревянный бастіонъ, спѣшась, бросились и домогали его и съ обычнымъ воплемъ ворвались въ крѣпость. Солдаты разстроились и побѣжали. Заевъ, почти всѣ офицеры и двѣсти рядовыхъ были убиты. Остальныхъ погнали въ ближнюю татарскую деревню. Плѣнные солдаты приведены были противъ зарѣченной пушки. Пугачевъ, въ красномъ казацкомъ платьѣ, пріѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи Хлопуши. При его появленіи солдаты были поставлены на колѣни. Онъ сказалъ имъ: „Прощаетъ васъ Богъ, и я, вашъ государь Петръ III, императоръ. Вставайте!" Потомъ велѣлъ оборотить пушку и выпалить въ степь. Ему представили капитана Кремешкова и прапорщика Воронова. Исторія должна сохранить сіи смиренныя имена. „Зачѣмъ вы шли на меня, на законнаго государя?" спросилъ побѣдитель. — „Ты намъ не государь", отвѣчали плѣнники: „у насъ въ Россіи Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и Государь Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, а ты — воръ и самозванецъ." Они тутъ же были повѣшены. Потомъ привели капитана Ванарина. Пугачевъ, не сказавъ уже ему ни слова, велѣлъ было вѣшать и его, но взятые въ плѣнъ солдаты стали за него просить. „Коли онъ былъ до васъ добръ", сказалъ самозванецъ, „то я его прощаю". И велѣлъ его такъ же, какъ и солдать, остричь по-

Digitized by Google

казацки, а раненыхъ отвезти въ крѣпость. Казаки, бывшіе въ отрядѣ, были приняты мятежниками, какъ товарищи. На вопросъ, зачѣмъ они тотчасъ не присоединились къ осаждающимъ, они отвѣчали, что боялись солдатъ.

2.

Положеніе дѣлъ было ужасно. Общее возмущеніе башкирцевъ, калмыковъ и другихъ народовъ, разсѣянныхъ по тамошнему краю, отовсюду пересѣкало сообщеніе. Войско было многочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои мѣста и бѣжали, завидя башкирца съ сайдакомъ [1]) или заводскаго мужика съ дубиной. Зима усугубила затрудненія. Степи покрыты были глубокимъ снѣгомъ. Невозможно было двинуться впередъ, не запасшись не только хлѣбомъ, но и дровами. Селенія были пусты, главные города въ осадѣ, другіе заняты шайками бунтовщиковъ; заводы разграблены и выжжены; черни вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Войска, посланныя изо всѣхъ концовъ государства, подвигались медленно. Зло, ничѣмъ не прегражденное, разливалось быстро и широко. Отъ Илецкаго городка до Гурьева и яицкіе казаки бунтовали. Губерніи Казанская, Нижегородская и Астраханская были наполнены шайками разбойниковъ, имѣя могло ворваться въ самую Сибирь; въ Перми начинались безпокойства; Екатеринбургъ былъ въ опасности. Киргизы-кайсаки, пользуясь отсутствіемъ войскъ, начали переходить черезъ открытую границу, грабить хутора, отгонять скотъ, захватывать жителей. Закубанскіе народы шевелились, возбуждаемые Турціею; даже нѣкоторыя изъ европейскихъ державъ думали воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ коемъ находилась тогда Россія.

Не смотря на свое презрѣніе къ разбойнику, императрица не упускала ни одного средства образумить ослѣпленную чернь. Разосланы были всюду увѣщевательные манифесты; обѣщано десять тысячъ рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношеній Яика съ Дономъ. Послано въ Черкасскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева, а семейство его, безо всякаго оскорбленія, отправить въ Казань, для уличенія самозванца въ случаѣ поимки его. Донское начальство въ точности исполнило слова Высочайшаго указа: домъ Пугачева, находившійся въ Зимовейской станицѣ, былъ за годъ предъ симъ проданъ его женою, пришедшею въ крайнюю бѣдность, и уже сломанъ и перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее мѣсто и въ присутствіи духовенства и всей станицы

---

[1]) *Сайдакъ*—см. стр. 247.

Digitized by Google

сожгли. Палачи развѣяли пепелъ на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя хавѣки въ запустѣніи, какъ мѣсто проклятое. Начальство, отъ имени всѣхъ зимовейскихъ казаковъ, просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгодное. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердія и только переименовала Зимовейскую станицу на Потемкинскую, покрывъ мрачныя воспоминанія о мятежникѣ славой имени новаго, уже любезнаго ей и отечеству. Жена Пугачева, сынъ и двѣ дочери (всѣ трое малолѣтніе) были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій казакомъ во второй арміи. Между тѣмъ отобраны слѣдующія подробныя свѣдѣнія о злодѣѣ, колебавшемъ государство.

Емельянъ Пугачевъ, Зимовейской станицы служилый казакъ, былъ сынъ Ивана Михайлова, умершаго въ давнихъ годахъ. Онъ былъ сорока лѣтъ отъ роду, росту средняго, смуглъ и худощавъ; волосы имѣлъ темнорусые, бороду черную, небольшую и клиномъ. Верхній зубъ былъ выщибенъ еще въ ребячествѣ, въ кулачномъ бою. Имѣлъ онъ знаки, оставшіеся послѣ болѣзни, называемой черною немочью. Онъ не зналъ грамотѣ и крестился по-раскольничьи. Лѣтъ тому десять, женился онъ на казачкѣ Софьѣ Недюжиной, отъ которой имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Въ 1770 году былъ онъ на службѣ во второй арміи, находился при взятіи Бендеръ и черезъ годъ отпущенъ на Донъ по причинѣ болѣзни. Онъ ѣздилъ для излѣченія въ Черкасскъ. По его возвращеніи на родину, зимовейскій атаманъ спрашивалъ его на станичномъ сборѣ, откуда взялъ онъ карюю лошадь, на которой пріѣхалъ домой. Пугачевъ отвѣчалъ, что купилъ ее въ Таганрогѣ, но казаки, зная его безпутную жизнь, не повѣрили и послали его взять тому письменное свидѣтельство. Пугачевъ уѣхалъ. Между тѣмъ узнали, что онъ подговаривалъ нѣкоторыхъ казаковъ, поселенныхъ подъ Таганрогомъ, бѣжать за Кубань. Положено было отдать Пугачева въ руки правительству. Возвратясь въ декабрѣ мѣсяцѣ, онъ скрывался на своемъ хуторѣ, гдѣ и былъ пойманъ, но успѣлъ убѣжать; скитался мѣсяца три невѣдомо гдѣ; наконецъ къ Великому посту, однажды вечеромъ, пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко. Жена впустила его и дала знать о немъ казакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ и отправленъ подъ карауломъ къ сыщику, старшинѣ Макарову, въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкасскъ. Съ дороги онъ бѣжалъ опять и съ тѣхъ поръ уже на Дону не являлся. Изъ показаній самого Пугачева, въ концѣ 1772 года приведеннаго въ Канцелярію Дворцовыхъ Дѣлъ, извѣстно уже было, что послѣ своего побѣга скрывался онъ за польской границей, въ раскольничьей слободѣ Ветки; потомъ взялъ паспортъ съ Добрянскаго форпоста, сказавшись выходцемъ изъ Польши, и про-

Digitized by Google

брался на Яикъ, питаясь милостынней.—Всѣ сіи вѣсти были обнародованы; между тѣмъ правительство запретило народу толковать о Пугачевѣ, коего имя волновало умы. Сія временная полицейская мѣра имѣла силу закона до самаго восшествія на престолъ нынѣшняго Государя Императора Александра, когда разрѣшено было писать и печатать о Пугачевѣ. Доднесь престарѣлые свидѣтели тогдашняго смятенія неохотно отвѣчаютъ на вопросы любопытныхъ.

IV [1]).

1.

Наконецъ войска, отовсюду посланныя противу Пугачева, стали приближаться къ мѣсту своего назначенія. Бибиковъ устремилъ ихъ къ Оренбургу. Генералъ-маіоръ князь Голицынъ съ своимъ корпусомъ долженъ былъ заградить московскую дорогу, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга. Генералъ-маіору Мансурову вѣрено было правое крыло, для прикрытія Самарской линіи, куда со своими отрядами слѣдовали маіоръ Муфель и подполковникъ Гриневъ. Генералъ-маіоръ Ларіоновъ посланъ былъ къ Уфѣ и къ Екатеринбургу; Декалонгъ охранялъ Сибирь и долженъ былъ отрядить маіора Гагрина съ одною полевою командою для защиты Кунгура. Въ Малыкову посланъ былъ гвардіи поручикъ Державинъ, для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Успѣхъ оправдалъ сіи распоряженія. Бибиковъ сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска. Въ одномъ изъ полковъ (во Владимірскомъ) оказались было приверженцы Пугачева. Начальникамъ городовъ, чрезъ которые полкъ проходилъ, велѣно было разослать по кабакамъ переодѣтыхъ чиновниковъ. Такимъ образомъ возмутители были открыты и захвачены. Впослѣдствіи Бибиковъ былъ доволенъ своими полками. „Дѣла мои, Богу благодареніе (писалъ онъ въ февралѣ), идутъ часъ отъ часу лучше; войска подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. Что мною довольны (въ Петербургѣ), то я изо всѣхъ писемъ вижу; только спросили бы гуся: не зябнутъ ли ноги?“.

Генералъ-маіоръ Ларіоновъ, начальникъ дворянскаго легіона, отряженный для освобожденія Уфы, не оправдалъ общей довѣренности. „За грѣхи мои (писалъ Бибиковъ) навязался мнѣ братецъ мой, А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташментомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу“. Ларіоновъ оставался въ Бакалахъ безъ всякаго дѣйствія. Его неспособность

[1]) Изъ VI-й главы.

Digitized by Google

заставила главнокомандующаго послать на его мѣсто нѣкогда раненнаго при его глазахъ и уже отличившагося на войнѣ противу конфедератовъ офицера, подполковника Михельсона.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ и мало о томъ заботился. Онъ надѣялся на измѣну рядовыхъ и на оплошность начальниковъ. „Попадутся сами намъ въ руки", отвѣчалъ онъ своимъ сообщникамъ, когда настойчиво звали они его навстрѣчу приближающихся отрядовъ. Въ случаѣ жъ пораженія намѣревался онъ бѣжать, оставя свою сволочь на произволъ судьбы. Для того держалъ онъ на лучшемъ корму тридцать лошадей, выбранныхъ имъ на скачкѣ. Башкирцы подозрѣвали его намѣреніе и роптали. „Ты взбунтовалъ насъ", говорили они, „и хочешь насъ оставить, а тамъ насъ будутъ усмирять, какъ усмиряли отцовъ нашихъ". (Казни 1740 года были у нихъ въ свѣжей памяти). Яицкіе же казаки, въ случаѣ неудачи, думали предать Пугачева въ руки правительства и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Они стерегли его, какъ заложника. Бибиковъ понималъ ихъ и Пугачева, когда писалъ Фонъ-Визину слѣдующія замѣчательныя строки: „Пугачевъ не что иное, какъ чучело, которымъ играютъ воры, яицкіе казаки: не Пугачевъ важенъ,—важно общее негодованіе".

V.

Во время частыхъ отлучекъ Пугачева, Шигаевъ, Падуровъ и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствіемъ, вздумалъ овладѣть Илецкою Защитой (гдѣ добывается каменная соль) и, въ концѣ февраля, взявъ съ собой четыреста человѣкъ, напалъ на оную. Защита была взята при помощи тамошнихъ ссыльныхъ работниковъ, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кромѣ одного, пощаженнаго по просьбѣ работниковъ; колодники присоединены къ шайкѣ мятежниковъ. Пугачевъ, возвратясь въ Берду, негодовалъ на своеволіе смѣлаго каторжника и укорялъ его за разореніе Защиты, какъ за ущербъ государственной казнѣ. Пугачевъ выступилъ противъ князя Голицына съ десятью тысячами отборнаго войска, оставя подъ Оренбургомъ Шигаева съ двумя тысячами. Наканунѣ велѣлъ онъ тайно задавить одного изъ вѣрныхъ своихъ сообщниковъ, Дмитрія Лысова. Нѣсколько дней предъ тѣмъ они ѣхали вмѣстѣ изъ Каргале въ Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысовъ наскакалъ сзади на Пугачева и ударилъ его копьемъ. Пугачевъ упалъ съ лошади, но панцырь, который всегда носилъ онъ подъ платьемъ, спасъ его жизнь. Ихъ по-

мирили товарищи, и Пугачевъ пилъ еще съ Лысовымъ за нѣсколько часовъ до его смерти.

Пугачевъ занялъ крѣпости Тоцкую и Сорочинскую и съ обыкновенною дерзостью, ночью, въ сильный буранъ, напалъ на передовые отряды Голицына, но былъ отраженъ маіорами Пушкинымъ и Елагинымъ. Въ самое сіе время Мансуровъ соединился съ княземъ Голицынымъ. Пугачевъ отступилъ къ Новотергіевской, не успѣвъ сжечь крѣпостей, имъ оставленныхъ. Голицынъ, оставя въ Сорочинской свои запасы подъ прикрытіемъ четырехсотъ человѣкъ, при осьми пушкахъ, черезъ два дня пошелъ далѣе. Пугачевъ сдѣлалъ движеніе на Илецкій городокъ и, вдругъ поворотя къ Татищевой, въ ней засѣлъ и сталъ самъ укрѣпляться. Голицынъ послалъ было къ Илецкому городку подполковника Ведрягу съ тремя эскадронами конницы, подкрѣпляемой пѣхотою и пушками, а самъ пошелъ прямо на Переволоцкую (куда возвратился и Ведряга); оттуда, оставя обозъ подъ прикрытіемъ одного баталіона при подполковникѣ Гриневѣ, 22 марта подступилъ подъ Татищеву.

Крѣпость, въ прошедшемъ году взятая и вынженная Пугачевымъ, была уже имъ исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія были замѣнены снѣговыми. Распоряженія Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшаго отъ него такихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ. Голицынъ сначала отрядилъ триста человѣкъ для высмотра непріятеля. Мятежники, притаясь, подпустили ихъ къ самой крѣпости и вдругъ сдѣлали сильную вылазку, но были удержаны двумя эскадронами, подкрѣплявшими первыхъ. Полковникъ Бибиковъ тотъ же часъ послалъ егерей, которые, бѣгая на лыжахъ по глубокому снѣгу, заняли всѣ выгодныя высоты. Голицынъ раздѣлилъ войска на двѣ колонны, сталъ приближаться и открылъ огонь, на который изъ крѣпости отвѣчали столь не сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицынъ увидѣлъ, что одними пушками одолѣть было невозможно, и велѣлъ генералу Фрейману съ лѣвою колонною итти на приступъ; Пугачевъ выставилъ противъ него семь пушекъ. Фрейманъ ихъ отнялъ и бросился на оледенѣлый валъ. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силѣ правильнаго оружія и бѣжали во всѣ стороны. Конница, дотолѣ не дѣйствовавшая, преслѣдовала ихъ по всѣмъ дорогамъ. Кровопролитіе было ужасно. Въ одной крѣпости пало до тысячи трехсотъ мятежниковъ. На пространствѣ двадцати верстъ кругомъ, около Татищевой, лежали ихъ тѣла. Голицынъ потерялъ до четырехсотъ убитыми и ранеными, въ томъ числѣ болѣе двадцати офицеровъ. Побѣда была рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и болѣе тремъ тысячъ плѣнныхъ достались побѣдителю. Пугачевъ съ шестидесятью казаками пробился сквозь непрія-

тельное войско и прискакалъ самъ-пятъ въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики начали выбираться изъ Берды, кто верхомъ, кто на саняхъ. На возы громоздили награбленное имущество. Женщины и дѣти шли пѣшія. Пугачевъ велѣлъ разбить бочки вина, стоявшія у его избы, опасаясь пьянства и смятенія. Вино хлынуло по улицѣ. Между тѣмъ, Шигаевъ, видя, что все пропало, думалъ заслужить себѣ прощеніе и, задержавъ Пугачева и Хлопушу, послалъ отъ себя къ оренбургскому губернатору съ предложеніемъ о выдачѣ ему самозванца и прося дать ему сигналъ двумя пушечными выстрѣлами. Сотникъ Логиновъ, сопровождавшій бѣгство Пугачева, явился къ Рейнсдорпу съ симъ извѣстіемъ. Бѣдный Рейнсдорпъ не смѣлъ повѣрить своему счастію и цѣлыхъ два часа не могъ рѣшиться дать требуемый сигналъ! Пугачевъ и Хлопуша были между тѣмъ освобождены сеунчными, находившимися въ Бердѣ. Пугачевъ бѣжалъ съ десятью пушками, съ награбленною добычею и съ двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакалъ въ Каргале, съ намѣреніемъ спасти жену и сына. Татары связали его и послали увѣдомить о томъ губернатора. Славный каторжникъ былъ привезенъ въ Оренбургъ, гдѣ наконецъ отсѣкли ему голову, въ іюнѣ 1774 г.

8.

Оренбургскіе жители, услыша о своемъ освобожденіи, толпами бросились изъ города вслѣдъ за шестьюстами человѣкъ пѣхоты, высланными Рейнсдорпомъ къ оставленной слободѣ, и овладѣли жизненными запасами. Въ Бердѣ найдено осьмнадцать пушекъ, семнадцать бочекъ мѣдныхъ денегъ и множество хлѣба. Въ Оренбургѣ спѣшили принести Богу благодареніе за нечаянное избавленіе. Благословляли Голицына. Рейнсдорпъ писалъ ему, поздравляя его съ побѣдою и называя спасителемъ Оренбурга. Отвсюду начали въ городъ навозить запасы. Настало изобиліе, и бѣдственная шестимѣсячная осада была забыта въ одно радостное мгновеніе. 26 марта Голицынъ пріѣхалъ въ Оренбургъ; жители приняли его съ восторгомъ неописаннымъ.

Вибиковъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего перелома. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, выѣхалъ онъ изъ Казани и былъ встрѣченъ въ Бугульмѣ извѣстіемъ о совершенномъ пораженіи Пугачева. Онъ обрадовался нескаазанно. „То-то жерновъ съ сердца свалился (писалъ онъ отъ 26 марта женѣ своей). Сегодня войдутъ мои въ Оренбургъ; немедленно и я туда поспѣшу добраться, чтобы еще ловче было поворачивать своими; а сколько сѣдыхъ волосъ при-

Digitized by Google

бавилось въ бородѣ, то Богъ видитъ; а на головѣ шерсть еще болѣе стала: однако я по морозу хожу безъ парика".

4.

Крѣпость [1]) находилась въ осадѣ съ самаго начала года. Отсутствіе Пугачева не охлаждало мятежниковъ. Въ кузницахъ приготовлялись ломы и лопаты; возвышались новыя батареи. Мятежники дѣятельно продолжали свои земляныя работы, то обрывая берегъ Чечоры и тѣмъ уничтожая сообщеніе одной части города съ другою, то копая траншеи, дабы препятствовать вылазкамъ. Они намѣрены были вести подкопы по яру [2]) Старицы, кругомъ всей крѣпости, подъ соборную церковь, подъ батарею и подъ комендантскія палаты. Осажденные находились въ вѣчной опасности и, съ своей стороны, принуждены были отовсюду вести контрмины, съ трудомъ прорубая землю, промерзшую на цѣлый аршинъ; перегораживали крѣпость новою стѣною и кулями, наполненными кирпичемъ взорванной колокольни.

9-го марта, на разсвѣтѣ, двѣсти пятьдесятъ рядовыхъ вышли изъ крѣпости. Цѣлью вылазки было уничтоженіе новой батареи, сильно безпокоившей осажденныхъ. Солдаты дошли до заваловъ, но были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Они смѣшались. Мятежники хватали ихъ въ тѣсныхъ проходахъ между завалами и избами, которыя хотѣли они зажечь; кололи раненыхъ и падающихъ и топорами отсѣкали имъ головы. Солдаты бѣжали. Убито ихъ было до тридцати человѣкъ, ранено до осьмидесяти. Никогда съ такимъ урономъ гарнизонъ съ вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну батарею, не главную, да нѣсколько избъ. Показаніе трехъ захваченныхъ бунтовщиковъ увеличило уныніе осажденныхъ: они объявили о подкопахъ, веденныхъ подъ крѣпость, и о скоромъ прибытіи Пугачева. Устрашенный Симоновъ велѣлъ всюду производить новыя работы; около его дома безпрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ровъ. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла въ ружьѣ; другой позволено было только сидя дремать. Лазаретъ наполнился больными; съѣстныхъ запасовъ оставалось не болѣе, какъ дней на десять. Солдатамъ начали выдавать въ сутки только четверть фунта муки, т. е. десятую часть мѣры обыкновенной. Не было уже ни крупъ, ни соли. Вскипятивъ артельный котелъ воды и забѣливъ его мукою, каждый выпивалъ чашку свою, что и составляло ихъ насуточную пищу. Женщины не могли болѣе вы-

[1]) Яицкая крѣпость.—[2]) *Яръ*—обрывистый берегъ.

Digitized by Google

терпѣливать голода; онѣ стали проситься вонъ изъ крѣпости, что и было имъ позволено. Нѣсколько слабыхъ и больныхъ солдатъ вышли за ними: но бунтовщики ихъ не приняли, а женщинъ, продержавъ ночь подъ карауломъ, прогнали обратно въ крѣпость, требуя выдачи своихъ сообщниковъ и обѣщаясь за то принять и прокормить высланныхъ. Симоновъ на то не согласился, опасаясь умножить число враговъ. Голодъ несъ отъ часу становился ужаснѣе. Лошадинаго мяса, раздававшагося по мѣсяцу, уже не было. Стали ѣсть кошекъ и собакъ. Въ началѣ осады, мѣсяца за три до сего, брошены были на ледъ убитыя лошади; о нихъ вспомнили, и люди съ жадностію грызли кости, обглоданныя собаками. Наконецъ и сей запасъ истощился. Стали изобрѣтать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Попробовали ее сварить, и сдѣлавъ изъ нея какой-то кисель, стали употреблять въ пищу. Солдаты совсѣмъ обезсилѣли. Нѣкоторые не могли ходить. Дѣти больныхъ матерей чахли и умирали. Женщины нѣсколько разъ покушались тронуть мятежниковъ и, валяясь въ ихъ ногахъ, умоляли о позволеніи сдаться въ городѣ. Ихъ отгоняли съ прежними требованіями. Одни казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, съ недѣли на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбургъ, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что онъ скоро придетъ къ Яицкому городку, и что тогда уже пощады не будетъ. Въ случаѣ же покорности, обѣщали они отъ его имени не только помилованіе, но и награды. То же старались они внушать и бѣднымъ женщинамъ, которыя просились изъ крѣпости въ городъ. Начальникамъ невозможно было обнадеживать осажденныхъ скорымъ прибытіемъ помощи, ибо никто не могъ ужъ и слышать о томъ безъ негодованія: такъ ожесточены были сердца долгимъ напраснымъ ожиданіемъ! Старались удержать гарнизонъ въ вѣрности и повиновеніи, повторяя, что позорною измѣною никто не спасется отъ гибели, что бунтовщики, ослабленные долговременнымъ сопротивленіемъ, не помилуютъ и главныхъ преступниковъ. Старались возбудить въ душѣ несчастныхъ надежду на Бога Всемогущаго и Всевидящаго, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя волѣ Его, нежели служить разбойнику, и во все время бѣдственной осады, кромѣ двухъ или трехъ человѣкъ, изъ крѣпости бѣглыхъ не было.

Наступила Страстная недѣля. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотѣлъ умереть голодною смертью. Рѣшились всѣ до одного (кромѣ совершенно изнеможенныхъ) итти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить (бунтовщики

Digitized by Google

такъ укрѣпились, что уже ни съ какой стороны къ нимъ изъ крѣпости приступу не было), хотѣли только умереть честною смертію воиновъ.

Во вторникъ, въ день, назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровлѣ соборной церкви, примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣгали по городу, прощаясь между собою, и соединившись толпами выѣзжали въ степь. Казачки провожали ихъ. Осажденные догадывались о чемъ-то необыкновенномъ и предались опять надеждѣ. „Все это насъ такъ ободрило", говоритъ свидѣтель осады, претерпѣвшій весь ея ужасъ, „какъ будто мы съѣли по куску хлѣба". Мало-по-малу смятеніе утихло; все, казалось, вошло въ обыкновенный порядокъ. Уныніе овладѣло осажденными пуще прежняго. Они молча глядѣли въ степь, откуда ожидали еще недавно избавителей. Вдругъ, въ пятомъ часу пополудни, вдали показалась пыль, и они увидѣли толпы, безъ порядка скачущія изъ-за рощи одна за другою. Бунтовщики въѣзжали въ разныя ворота, каждый въ тѣ, близъ коихъ находился его домъ. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бѣгутъ, но еще не смѣли радоваться; опасались отчаяннаго приступа. Жители бѣгали взадъ и впередъ по улицамъ, какъ на пожарѣ. Къ вечеру ударили въ соборный колоколъ, собрали кругъ, потомъ кучею пошли къ крѣпости. Осажденные готовились ихъ отравить, но увидѣли, что они ведутъ связанныхъ своихъ предводителей, атамановъ Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помилованіи. Симоновъ принялъ ихъ, самъ не вѣря своему избавленію. Гарнизонъ бросился на коврыги хлѣба, нанесенныя жителями. До Свѣтлаго Воскресенія, пишетъ очевидецъ сихъ происшествій, оставалось еще четыре дня, но для насъ уже сей день былъ свѣтлымъ праздникомъ. Самые тѣ, которые отъ слабости и болѣзни не поднимались съ постели, мгновенно были исцѣлены. Все въ крѣпости было въ движеніи; благодарили Бога; поздравляли другъ друга; во всю ночь никто не спалъ. Жители увѣдомили осажденныхъ объ освобожденіи Оренбурга и о скоромъ прибытіи Мансурова. 17 апрѣля прибылъ Мансуровъ. Ворота крѣпости, запертыя и заваленныя съ самаго 30 декабря, отворились. Мансуровъ принялъ начальство надъ городомъ. Начальники бунта, Каргинъ, Толкачевъ и Горшковъ, и незаконная жена самозванца Устинья Кузнецова, были подъ стражею отправлены въ Оренбургъ.

Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго, умнаго военачальника. Но Бибиковъ не успѣлъ довершить начатаго имъ: измученный трудами, безпокойствомъ и досадами, мало заботясь о своемъ уже разстроенномъ здоровьѣ, онъ занемогъ въ Бугульмѣ горячкою и, чувствуя приближающуюся кончину, сдѣлалъ еще

Digitized by Google

нѣсколько распоряженій. Онъ запечаталъ всѣ свои тайныя бумаги, приказавъ доставить ихъ императрицѣ, и сдалъ начальство генералъ-поручику Щербатову, старшему по немъ. Узнавъ по слухамъ объ освобожденіи Уфы, онъ успѣлъ еще донести о томъ императрицѣ, и скончался 9 апрѣля, въ 11 часовъ утра, на сорокъ четвертомъ году отъ рожденія. Тѣло его нѣсколько дней стояло на берегу Камы, чрезъ которую въ то время не было возможности переправиться. Казань желала погребсти его въ своемъ соборѣ и сооорудить [1]) памятникъ своему избавителю; но, по требованію его семейства, тѣло Бибикова отвезено было въ его деревню. Андреевская лента, званіе сенатора и чинъ полковника гвардіи не застали его въ живыхъ. Умирая, говорилъ онъ: „Не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ: государыня призритъ ихъ; жалѣю объ отечествѣ“. Молва приписала смерть его дѣйствію яда, будто бы даннаго ему однимъ изъ конфедератовъ. Державинъ воспѣлъ кончину Бибикова. Екатерина отличала его и осыпала его семейство своими щедротами. Петербургъ и Москва поражены были ужасомъ. Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратную потерю.

IV [2]).

1.

Государственная Коллегія, видя важность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи, но графъ Румянцовъ не пустилъ его, дабы не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ государства. Такова была слава Суворова! По окончаніи же войны, Суворовъ получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Москву къ князю Волконскому, для принятія дальнѣйшихъ порученій [3]). Онъ свидѣлся съ гр. Панинымъ въ его деревнѣ и явился въ отрядѣ Михельсона нѣсколько дней послѣ послѣдней побѣды. Суворовъ имѣлъ отъ графа Панина предписаніе начальникамъ войскъ и губернаторамъ исполнять всѣ его приказанія. Онъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, и въ Царицынѣ переправился черезъ Волгу. Въ одной изъ бунтовавшихъ деревень онъ взялъ, подъ видомъ наказанія, пятьдесятъ паръ воловъ и съ симъ запасомъ углубился въ пространную степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, и гдѣ днемъ ему должно было направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ.

---

[1]) *Въ полд.*: сооружить.—[2]) Изъ VIII-й главы.—[3]) *Въ полд.*: препоручений.

Digitized by Google

Пугачевъ скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллинъ и Муфель, также переѣдшіе черезъ Волгу, отрѣзывали ему дорогу къ сѣверу; легкій полевой отрядъ шелъ ему навстрѣчу изъ Астрахани; князь Голицынъ и Мансуровъ преграждали его отъ Яика; Дундуковъ съ своими калмыками рыскалъ по степи; разъѣзды учреждены были отъ Гурьева до Саратова и отъ Чернаго до Краснаго яра. Пугачевъ не имѣлъ средствъ выбраться изъ сѣтей, его стѣсняющихъ. Его сообщники, съ одной стороны видя неминуемую гибель, а съ другой—надежду на прощеніе, стали сговариваться и рѣшились выдать его правительству...

Пугачевъ хотѣлъ итти къ Каспійскому морю, надѣясь какънибудь пробраться въ Киргизъ-Кайсацкія степи. Казаки на то притворно согласились, но, сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, повезли его на Узени, обыкновенное убѣжище тамошнихъ преступниковъ и бѣглецовъ. 14 сентября они прибыли въ селенія тамошнихъ старовѣровъ. Тутъ произошло послѣднее совѣщаніе. Казаки, не согласившіеся отдаться въ руки правительства, разсѣялись. Прочіе пошли къ ставкѣ Пугачева.

2.

Пугачевъ сидѣлъ одинъ въ задумчивости. Оружіе его висѣло въ сторонѣ. Услыша вошедшихъ казаковъ, онъ поднялъ голову и спросилъ, чего имъ надобно. Они стали говорить о своемъ отчаянномъ положеніи и, между тѣмъ, тихо подвигаясь, старались загородить его отъ висѣвшаго оружія. Пугачевъ началъ опять ихъ уговаривать итти къ Гурьеву городку. Казаки отвѣчали, что они долго ѣздили за нимъ, и что уже ему пора ѣхать за ними. „Что же?“ сказалъ Пугачевъ: „вы хотите измѣнить своему государю?—„Что дѣлать!“ отвѣчали казаки и вдругъ на него кинулись. Пугачевъ успѣлъ отъ нихъ отбиться. Они отступили на нѣсколько шаговъ. „Я давно видѣлъ вашу измѣну“, сказалъ Пугачевъ и, подозвавъ своего любимца, илецкаго казака Творогова, протянулъ ему свои руки и сказалъ: „вяжи!“ Твороговъ хотѣлъ ему скрутить локти назадъ. Пугачевъ не дался. „Развѣ я разбойникъ?“ говорилъ онъ гнѣвно. Казаки посадили его верхомъ и повезли къ Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачевъ имъ угрожалъ местью великаго князя. Однажды нашелъ онъ способъ высвободить руки, выхватилъ сабію и пистолетъ, ранилъ выстрѣломъ одного изъ казаковъ и закричалъ, чтобъ вязали измѣнниковъ. Но никто уже его не слушалъ. Казаки, подъѣхавъ къ Яицкому городку, послали увѣдомить о томъ коменданта. Казакъ Харчевъ и сержантъ Бардовскій высланы были къ нимъ навстрѣчу, приняли Пугачева, посадили его въ колодку и привезли

въ городъ, прямо къ гвардіи капитанъ-поручику Маврину[1]), нынѣ слѣдственной комиссіи.

Мавринъ допросилъ самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся ему. „Богу было угодно", сказалъ онъ, „наказать Россію черезъ мое окаянство". Велѣно было жителямъ собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащіеся въ оковахъ.

Мавринъ вывелъ Пугачева и показалъ его народу. Всѣ узнали его; бунтовщики потупили голову. Пугачевъ громко сталъ ихъ уличать и сказалъ: „Вы погубили меня; вы нѣсколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойнаго великаго государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то все, что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже вопреки моей воли". Бунтовщики не отвѣчали ни слова.

Суворовъ между тѣмъ прибылъ на Узени и узналъ отъ пустынниковъ, что Пугачевъ былъ связанъ его сообщниками, и что они повезли его къ Яицкому городку. Суворовъ поспѣшилъ туда же. Ночью сбился онъ съ дороги и нашелъ на огни, раскладенные въ степи ворующими киргизами. Суворовъ на нихъ напалъ и прогналъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ, и между ими своего адъютанта Максимовича. Черезъ нѣсколько дней прибылъ онъ въ Яицкій городокъ. Симоновъ сдалъ ему Пугачева. Суворовъ съ любопытствомъ разспрашивалъ плѣннаго мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, и повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и графъ Панинъ.

Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двуколесной телѣгѣ. Сильный отрядъ, при двухъ пушкахъ, окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Въ деревнѣ Мостахъ (во стѣ сорока верстахъ отъ Самары) случился пожаръ близъ избы, гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телѣгѣ вмѣстѣ съ его сыномъ, рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь Суворовъ самъ ихъ карауливъ. Въ Коспорьѣ, противъ Самары, ночью, въ волновую погоду, Суворовъ переправился черезъ Волгу и пришелъ въ Симбирскъ въ началѣ октября.

Пугачева привезли прямо на дворъ къ графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ штабомъ. Кто ты таковъ? спросилъ онъ у самозванца.—„Емельянъ Ивановъ Пугачевъ", отвѣчалъ тотъ.—„Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться государемъ? продолжалъ Панинъ.—„Я не воронъ" (возразилъ Пугачевъ, играя

[1]) Мавринъ съ 1773 г. находился при Бибиковѣ; онъ отряженъ былъ въ Яицкій городокъ, гдѣ и произвелъ слѣдствіе.

Digitized by Google

словами и извѣстясь, по своему обыкновенію, иносказательно), „я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ“. Надобно знать, что яицкіе бунтовщики, въ опроверженіе общей молвы, распустили слухъ, что между ними дѣйствительно находился нѣкто Пугачевъ, но что онъ съ государемъ Петромъ III, ими предводительствующимъ, ничего общаго не имѣетъ. Паниинъ, замѣтя, что дерзость Пугачева поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови, и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣни и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясницы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. Академикъ Рычковъ, отецъ убитаго симбирскаго коменданта, видѣлъ его тутъ и описалъ свое свиданіе. Рычковъ спросилъ его, какъ могъ онъ отважиться на такія великія злодѣянія. Пугачевъ отвѣчалъ: Виноватъ предъ Богомъ и государыней, но буду стараться заслужить всѣ мои вины“. Говоря о своемъ сынѣ. Рычковъ не могъ удержаться отъ слезъ; Пугачевъ, глядя на него, самъ заплакалъ.

Наконецъ Пугачева отправили въ Москву, гдѣ участь его должна была рѣшиться. Его везли въ зимней кибиткѣ, на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ: гвардіи капитанъ Галаховъ и капитанъ Повало-Швейковскій, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ бывшій въ плѣну у самозванца, сопровождали его. Онъ былъ въ оковахъ. Солдаты кормили его изъ своихъ рукъ и говорили дѣтямъ, которыя тѣснились около его клѣтки: „Помните, дѣти, что вы видѣли Пугачева“. Старые люди еще разсказываютъ о его смѣлыхъ отвѣтахъ на вопросы проѣзжихъ господъ. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Въ Москвѣ встрѣченъ онъ былъ многочисленнымъ народомъ, недавно ожидавшимъ его съ нетерпѣніемъ и едва усмиреннымъ поимкою грознаго злодѣя. Онъ былъ посаженъ на Монетный дворъ, гдѣ съ утра до ночи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ и еще страшнаго въ самомъ безсиліи. Разсказываютъ, что многія женщины падали въ обморокъ отъ его огненнаго взора и грознаго голоса. Передъ судомъ онъ оказалъ неожиданную слабость духа. Принуждены были постепенно приготовить его къ услышанію смертнаго приговора.

Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ 10-го января 1775 года.

А. Пушкинъ.

IV. И. А. КРЫЛОВЪ.

1.

Открытіе Императорской Публичной библіотеки послѣдовало въ 1812 году. Ея директоромъ назначенъ А. Н. Оленинъ. Должно-

Digitized by Google

сти библіотекарей и помощниковъ ихъ поручены лицамъ, преимущественно извѣстнымъ въ литературѣ, что и послѣ соблюдаемо было нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ здѣсь соединились переводчикъ Иліады Гнѣдичъ, знатокъ славянской филологіи [1]) Востоковъ, первый въ Россіи библіографъ [2]) Сопиковъ, переводчикъ Иенгеніи и Федры Расина Лобановъ. Въ этотъ же кругъ введены были послѣ баронъ Дельвигъ и Загоскинъ. Сюда Олениинъ пригласилъ и Крылова. Сопиковъ, прежде нѣсколько лѣтъ занимавшійся книжною торговлей, какъ человѣкъ опытный и знавшій все, что касалось до русскихъ книгъ, назначенъ былъ библіотекаремъ по русскому отдѣленію, а Крыловъ помощникомъ его.

Для жительства служащихъ отведены квартиры черезъ домъ отъ главнаго зданія библіотеки. Съ этой эпохи начинается для нашего поэта новая жизнь, тихая, беззаботная, однообразная, почти неподвижная. До 1841 года не перемѣнилъ онъ ни службы, ни литературныхъ занятій, ни даже квартиры. Въ 1816 году, когда вышелъ въ отставку Сопиковъ, умершій въ 1818 году, Крыловъ занялъ его должность и квартиру (въ среднемъ этажѣ, на углу, что къ Невскому проспекту). Тутъ прожилъ онъ до послѣдней отставки своей почти тридцать лѣтъ. Украшеніемъ пріемной комнаты былъ портретъ его, во весь ростъ масляными красками, написанный тоже въ 1812 году профессоромъ Академіи художествъ Волковымъ, на 44 году жизни поэта.

День учрежденія библіотеки долгое время праздновался публичнымъ собраніемъ и чтеніемъ разныхъ новыхъ произведеній русскихъ литераторовъ. Въ первый годъ Крыловъ прочиталъ здѣсь для публики свою басню *Водолазъ*. Имя и талантъ его становились уже народными. Сосредоточивъ дѣятельность свою на обработываніи одного рода поэзіи, онъ явственнѣе отдѣлился отъ прочихъ писателей и утвердилъ за собою общее, выгодное для себя мнѣніе. Въ первый годъ службы его въ библіотекѣ, императоръ Александръ Павловичъ приказалъ производить ему, сверхъ жалованья по должности, 1500 руб. асс. пенсіи изъ Кабинета Его Императорскаго Величества. Спустя восемь лѣтъ, эта монаршая милость была удвоена. Неприхотливому, одинокому человѣку теперь не о чемъ было заботиться. Онъ и погрузился въ свою поэтическую лѣнь.

2.

Одна и та же лѣстница, мимо Крылова, вела на верхъ въ квартиру Гнѣдича. Удобство сообщенія, холостая жизнь обоихъ, любовь

---

[1]) *Филологія* — наука о языкѣ и литературѣ.—[2]) *Библіографія* — знаніе книжнаго дѣла.

Digitized by Google

къ литературѣ и равныя отношенія къ гостепріимному дому Оленинымъ тѣсно связали поэтовъ, хотя во многомъ великая была разница въ ихъ личности. Умомъ своимъ, всегда сосредоточеннымъ и дальновиднымъ, сердцемъ опытнымъ и охлажденнымъ, характеромъ безпечнымъ и скрытнымъ, жизнію недѣятельною и неопрятною, пріемами простыми и чуждыми свѣтскости, Крыловъ представлялъ совершенную противоположность Гнѣдичу, который до многаго додумывался медленно и не всегда вѣрно, увлекался добрымъ и довѣрчивымъ чувствомъ, любилъ во всемъ порядокъ и щеголеватость, старался выказать знатока общественныхъ приличій и часто поддавался влеченію самолюбія. Это впрочемъ не мѣшало каждому изъ нихъ сознавать въ другомъ истинное его достоинство. Они вѣрили вкусу одинъ другого и взаимно совѣтовались въ сомнительныхъ случаяхъ. Гнѣдичъ выше всего ставилъ здравый смыслъ и несомнѣнный талантъ Крылова, который цѣнилъ благородное предпріятіе своего товарища, его добросовѣстность въ исполненіи важнаго дѣла и самую начитанность, пріобрѣтенную имъ въ продолженіе долголѣтняго труда. Несходство духовное отражалось и на ихъ чтеніи стиховъ. У Гнѣдича гекзаметры [1]) его текли изъ устъ медленно, глухо, размѣренно и принимали въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ выраженіе заученное. Но вообще эта метода, созданная Гнѣдичемъ, не была ни смѣшна, ни противоестественна. Она обличала въ немъ страстнаго художника, который возвелъ свое искусство на высокую степень обработанности. Крыловъ же басни свои какъ бы не читалъ, а пересказывалъ со всею граціею простодушія и безыскусственности. Въ голосѣ его слышались всѣ переливы самыхъ предметовъ, такъ что чтеніе его можно было принять за продолженіе самаго разговора, которымъ онъ занималъ до тѣхъ поръ свое общество.

Служащіе въ Императорской Публичной библіотекѣ обыкновенно дежурятъ поочереди, оставаясь въ ней цѣлыя сутки. Крыловъ никогда не добивался, чтобы получить льготу въ этой обязанности, хотя легко могъ дойти до того, и конечно былъ въ правѣ не только по своему таланту, но и по лѣтамъ своимъ. Обязанность дежурства тяготила каждаго библіотекаря въ лѣтніе жары, когда ни читателей, ни важныхъ дѣлъ не было. Гнѣдичъ видимо становился тогда нетерпѣливымъ и приходилъ въ дурное расположеніе духа. Чтобы освѣжиться отъ духоты комнатъ, онъ выходилъ на просторный дворъ и прохаживался въ тѣни. Ежели изъ знакомыхъ проходилъ кто къ нему и спрашивалъ, не дежурный ли онъ, Гнѣдичъ не отвѣчалъ словами, а только пальцемъ показывалъ на аннинскій свой крестъ на шеѣ, заставляя тѣмъ понять утвердительный свой отвѣтъ.

Digitized by Google

[1]) См. стр. 179 изъ Иліады, написанной гекзаметромъ, въ переводѣ Гнѣдича.

Но Крыловъ былъ терпѣливѣе. Онъ преспокойно усаживался съ нѣмцами на диванѣ и убивалъ время за чтеніемъ глупѣйшихъ романовъ. Нельзя однакоже сказать, чтобы онъ не озабочивался иногда и хлопотами по обязанностямъ службы. Для удобнѣйшаго размѣщенія и безостановочной выдачи брошюръ, которыхъ въ русскомъ отдѣленіи въ новѣйшее время оказалось гораздо болѣе, нежели книгъ, Крыловъ придумалъ футляры въ формѣ толстыхъ книгъ, и разложилъ въ нихъ по авторамъ летучія изданія книжной промышленности. Особенно начали хихикать онъ по своей должности, когда опредѣлился къ нему въ помощники баронъ Дельвигъ, столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими онъ былъ обязанъ смышлености и трудолюбію Соликова. Это однакоже не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно лѣнивыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По возможности они кое-какъ несли вмѣстѣ общее бремя.

8.

Домашняя жизнь Крылова еще болѣе выказывала въ немъ особенностей. Онъ не заботился ни о чистотѣ, ни о порядкѣ. Прислуга состояла изъ наемной женщины съ дѣвочкой, ея дочерью. Никому въ домѣ и на мысль не приходило сметать пыль съ мебели и съ другихъ вещей. Изъ трехъ чистыхъ комнатъ, которыя всѣ выходили окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая влѣво отъ нея оставалась безъ употребленія, а послѣдняя, угольная къ Невскому проспекту, служила обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ хозяина. Здѣсь за перегородкой стояла кровать его, а въ свѣтлой половинѣ онъ сидѣлъ передъ столикомъ на диванѣ. У него не было ни кабинета, ни письменнаго стола; даже трудно было отыскать бумаги съ чернильницей и перомъ. Приходившихъ къ нему онъ дружески просилъ всегда садиться, на что не безъ затрудненія можно было согласиться сиротливому одѣтому гостю. Крыловъ безпрестанно курилъ сигары съ мундштукомъ, предохраняя глаза отъ жару и дыма. При разговорѣ сигара поминутно гасла. Онъ звонилъ. Дѣвочка, проходя, иногда съ пѣсенкой, изъ кухни черезъ залу, приносила безъ подсвѣчника восковую тоненькую свѣчку, накапывала воску на столъ и ставила огонь передъ неприхотливымъ господиномъ своимъ. Форточка въ залѣ почти всегда была открыта. Крыловъ, набрасывая разныхъ зеренъ по обѣимъ сторонамъ оконницъ, привадилъ къ себѣ голубей съ Гостинаго двора, и они привыкли быть у него какъ на улицѣ. Столы, этажерки, вещи, на нихъ стоявшія, и все, что ни попадалось на глаза въ комнатахъ, носило на себѣ слѣды

Google

пребыванія этихъ ежедневныхъ гостей баснописца. Утромъ онъ вставалъ довольно поздно. Часто пріятели находили его въ постели часу въ десятомъ. Одинъ изъ нихъ, товарищъ его по академіи, привезъ ему съ вечера въ подаркѣ богато переплетенный экземпляръ перевода Фенелонова Телемака. Это было еще въ 1812 году. Будучи поутру къ должности, полюбопытствовалъ онъ спросить у Крылова, понравился ли ему переводъ, которымъ поэтъ нашъ хотѣлъ было, ложась спать, позаняться, но такъ держалъ неосторожно передъ сномъ въ рукахъ книгу, что она куда-то сподела съ кровати подъ столикъ. Переводчикъ, заглянувъ за перегородку, гдѣ Крыловъ еще спалъ, и увидѣвъ, куда попала золотообрѣзная книга его, тихонько убрался назадъ, чтобы Крыловъ и не узналъ о его посѣщеніи. Такъ, за сигарой, съ романомъ, иногда въ разговорахъ съ пріятелями, Крыловъ проводилъ время до того часу, въ которомъ надобно было отправляться обѣдать въ Англійскій клубъ. Подремавъ тамъ довольно времени послѣ обѣда, иногда заѣзжалъ онъ къ Оленину, а иногда возвращался прямо домой.

Къ постороннимъ посѣтителямъ, съ которыми не былъ связанъ искренно, литераторы ли были то, или другого рода люди, Крыловъ вообще оказывалъ большую вѣжливость. Никогда не любилъ онъ входить въ споръ, хотя бы кто говорилъ ему совершенно противное убѣжденіямъ его. Онъ зналъ, что люди перемѣняютъ свои мнѣнія только послѣ собственныхъ опытовъ. Давно сдѣлавшись равнодушнымъ къ литературѣ, Крыловъ машинально соглашался со всякимъ, что́ бы кто ни говорилъ. Это многихъ ободряло продолжать самыя нелѣпыя начинанія. Между тѣмъ проницательность и чувство изящнаго у Крылова всегда ощутительны были въ высшей степени. Когда принесли ему показать въ первый разъ Ламартина *Méditations poétiques*, онъ долго ихъ листовалъ, перечитывалъ, въ иныхъ мѣстахъ останавливался — и наконецъ произнесъ сквозь зубы: „Да, стихи довольно густы“. При появленіи въ свѣтъ Пушкина *Руслана и Людмилы* почти всѣ изъ литераторовъ старой школы вооружились противъ поэмы. Критикамъ въ журналахъ конца не было. Одна изъ нихъ вывела Крылова изъ его равнодушія. Онъ на другой же день послалъ къ какому-то журналисту слѣдующую эпиграмму:

«Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы;
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка».

То, что у насъ называется находчивостью ума, Крыловъ часто показывалъ самымъ неожиданнымъ и оригинальнымъ образомъ. Разъ выпросилъ онъ у Оленина дорогую и рѣдкую книгу на домъ

къ себѣ для прочтенія. Это было роскошное изданіе описанія Египта, которое составлено во время пребыванія Наполеона. Поутру, за своимъ кофе, чтобы разглядѣть все яснѣе, онъ сѣлъ у окна на стулъ, который вмѣстѣ съ столикомъ стоялъ на придѣланномъ тутъ возвышеніи. Положивъ передъ собою огромную книгу и разогнувъ ее такъ, что одна половина была на столикѣ, а другая на окнѣ, онъ, поддерживая лѣвой рукою корешокъ, любовался прелестными гравюрами, приложенными къ тексту. Вдругъ онъ почувствовалъ, что его стулъ покачнулся, какъ будто соскользнувши съ возвышенія. Усиливаясь сохранить равновѣсіе, Крыловъ второпяхъ схватилъ правою рукою за блюдечко чашки съ кофе. Чашка опрокинулась на книгу—и разогнутые листы фоліанта облиты были кофе. Въ одно мгновеніе онъ бросился въ кухню, которая только узенькимъ коридоромъ отдѣлялась отъ залы, гдѣ произошла бѣда. Схвативъ ушатъ съ бывшею въ немъ водою, онъ втащилъ его въ залу—и, кинувъ на полъ разорнутую книгу, сталъ поливать ее изъ ушата. Служанка, все это видѣвшая, но ничего не понявшая, опрометью бросилась на верхъ къ Гнѣдичу, призывая его къ Крылову и давая чувствовать намеками, что баринъ ея не въ своемъ умѣ. Вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ Гнѣдичъ, немножко всегда театральный: „Вхожу. На полу море. Крыловъ съ поднятымъ ведромъ льетъ на книгу воду. Я кричу въ ужасѣ. Онъ продолжаетъ“. Опорожнивъ ушатъ, Крыловъ разсказалъ о случившейся бѣдѣ и пояснилъ, что безъ воды не было никакого способа свести съ листовъ пятна кофе. И въ самомъ дѣлѣ, когда просушилъ онъ книгу, на ней ничего не осталось, кромѣ желтенькой полоски на краяхъ страницъ.

4.

Безпечность и праздполюбіе Крылова происходили болѣе отъ равнодушія къ тому, чѣмъ жизнь увлекаетъ другихъ, нежели отъ истощенія душевныхъ его силъ. Свѣтлый умъ и твердая воля въ немъ сохранились до послѣднихъ дней его. Когда-то пріобрѣлъ онъ для украшенія жилища своего нѣсколько картинъ. Впослѣдствіи онъ охладѣлъ ко всему. За чистотою и порядкомъ смотрѣть было некому. Отъ пыли, густымъ слоемъ вездѣ ложившейся, позолоту на нижней части рамъ выѣло у всѣхъ картинъ. Изъ нихъ одна висѣла въ средней комнатѣ надъ диваномъ, гдѣ случалось сидѣть и хозяину. Сперва картина держалась на двухъ гвоздикахъ. Послѣ одинъ изъ нихъ выпалъ, и она повисла бокомъ. Долго ее всѣ видѣли въ этомъ положеніи. Что же отвѣчалъ Крыловъ, когда начали его предостерегать, чтобы не досталось голонѣ его отъ картины? „Ежели дѣйствительно придется ей упасть, то рама, по кос-

Digitized by Google

венному положенію своему, должна въ паденіи описать кривую линію, и слѣдовательно она кружитъ мою голову". Въ 1818 году разговорились однажды у Оленина, какъ трудно въ извѣстныя лѣта начать изученіе древнихъ языковъ. Крыловъ не былъ согласенъ съ общимъ мнѣніемъ и вызвалъ Гнѣдича на закладъ, что докажетъ ему противное. Дѣло принято было всѣми за шутку, о которой и не вспоминалъ никто. Между тѣмъ Крыловъ, сравнительно съ прежнимъ, рѣже видался съ Гнѣдичемъ, давая знать ему при встрѣчахъ, что пустился снова играть въ карты. Черезъ два года, у Оленина же, онъ приглашаетъ всѣхъ присутствующихъ быть свидѣтелями экзамена, который Гнѣдичъ долженъ произвесть ему въ греческомъ языкѣ. Раскрываютъ въ Иліадѣ одно мѣсто, другое, третье—и такъ далѣе. Крыловъ все объясняетъ свободно. Каково было при этой новости всеобщее удивленіе, особенно Гнѣдича, который узналъ, что пріятель его безъ помощи учителя, самъ собою, только въ теченіе двухъ лѣтъ, достигнулъ того, надъ чѣмъ самъ Гнѣдичъ провелъ половину жизни своей! Но Крыловъ не собрался извлечь изъ этого никакой выгоды ни себѣ, ни обществу; онъ удовольствовался только тѣмъ, что выигралъ закладъ у Гнѣдича и развеселилъ пріятелей своихъ. Правда, онъ купилъ всѣхъ греческихъ классиковъ и прочелъ ихъ отъ доски до доски. На чтеніе ихъ онъ употреблялъ всѣ свои вечера передъ сномъ. Потому-то греческія книги у него уставлены были подъ кроватью, оттуда легко было доставать ему всякую, какъ только въ постели приходила ему охота къ чтенію. По окончаніи экзамена онъ охладѣлъ къ греческимъ классикамъ и не дотрогивался до нихъ нѣсколько лѣтъ. Разъ какъ-то онъ протянулъ было подъ кровать руку за Эзопомъ—но тамъ уже не осталось никого изъ грековъ. Служанка Крылова, замѣтивъ, что эти пыльныя книги никогда не читаются, и подумавъ, что, какъ безполезныя, нарочно и брошены онѣ подъ кровать, вздумала употреблять ихъ каждый разъ на подтопку, когда приходила топить печь въ спальнѣ. Она-то ихъ и перевела. Замѣчательно, что Крыловъ, самъ собою свободно выучившійся по-гречески, чувствовалъ во всю жизнь отвращеніе отъ латинскаго языка — и всегда говорилъ, что ни изъ чего бы не рѣшился когда-нибудь учиться по-латыни.

Тяжело подымаясь съ мѣста на какое-нибудь дѣло и по большей части проводя время въ неподвижности, Крыловъ бывалъ всегда проворенъ и даже съ постели вскакивалъ одѣваться, когда ему сказывали, что гдѣ-нибудь виденъ пожаръ. Это было для него занимательнѣйшее зрѣлище. Онъ не пропустилъ ни одного изъ большихъ пожаровъ въ городѣ, и о каждомъ сохранилъ самое живое воспоминаніе. Въ разсказахъ объ этихъ случаяхъ онъ былъ живъ и даже краснорѣчивъ, особенно когда вспоминалъ о пожарѣ, быв-

Digitized by Google

шемъ здѣсь близъ взморья на Невѣ, гдѣ горѣли камели [1]). Безъ сомнѣнія, отъ этой странной черты любопытства его произошло и то, что въ его басняхъ всѣ описанія пожаровъ такъ поразительно точны и оригинально хороши.

5.

Къ славѣ своей Крыловъ не былъ нечувствителенъ. Онъ при всей осторожности своей и наружномъ хладнокровіи съ большимъ чувствомъ и какъ бы съ умиленіемъ разсказывалъ о слѣдующемъ. Однажды лѣтомъ шелъ онъ по какой-то улицѣ, гдѣ передъ домами были разведены садики. Онъ издали замѣтилъ, что за одною отгородкою играли дѣти, и съ ними была дама, вѣроятно мать ихъ. Прошедши это мѣсто, случайно взглянулъ онъ назадъ—и видитъ, что дама брала дѣтей поочередно на руки, поднимала ихъ надъ заборчикомъ, и глазами своими указывала на Крылова каждому изъ нихъ. Изъ другого происшествія, которое сначала польстило его самолюбію, а послѣ укололо его, онъ всегда выводилъ нравоученіе, какъ смѣшно полагаться на свою извѣстность. Крыловъ зашелъ когда-то въ лавку Королева, что прежде была подъ Англійскимъ магазиномъ. Ему хотѣлось полакомиться устрицами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Тамъ увидѣлъ онъ много подобныхъ себѣ гастрономовъ, и въ томъ числѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Р***. Расплачиваясь за устрицы и не сомнѣваясь, чтобы его тамъ не знали, этотъ господинъ спросилъ у лавочника, можетъ ли онъ повѣрить ему на слово, такъ какъ теперь у него недостаетъ нѣсколько денегъ, чтобы все заплатить по ихъ счету. Купецъ извинялся, что не имѣетъ чести знать его, и, обращаясь къ Крылову, прибавилъ: „Вотъ если угодно поручиться за васъ Ивану Андреевичу, то я съ удовольствіемъ повѣрю“.—А какъ же меня знаешь ты? спросилъ Крыловъ. „Помилуйте, Иванъ Андреевичъ (отвѣчалъ добродушно лавочникъ), да васъ, я думаю, всякій мальчишка на каждой улицѣ знаетъ“. Возвращаясь домой, Крыловъ зашелъ передъ окнами своей квартиры въ лавку Гостинаго двора, чтобы купить нотной бумаги: „За деньгами“, сказалъ онъ, „пришлите ко мнѣ на домъ; я живу здѣсь въ двухъ шагахъ отъ васъ; вѣдь вы меня знаете: я—Крыловъ“.—„Какъ можно знать всѣхъ людей на свѣтѣ?“ проговорилъ купецъ и взялъ съ прилавка бумагу: „много живетъ здѣсь народу“.

Свою извѣстность Крыловъ по скромности изъяснялъ и тѣмъ, что у всякаго изъ насъ въ обществѣ гораздо болѣе (какъ говорилъ

---

[1]) *Камели*—пара плоскодонныхъ судовъ.

Digitized by Google

онъ) такихъ людей, которые знаютъ насъ, нежели такихъ, которыхъ мы знаемъ. Въ собраніяхъ, на прогулкахъ, въ библіотекѣ, даже у себя на дому, часто онъ принужденъ былъ, улыбаясь, раскланиваться или говорить по-пріятельски съ такими людьми, которыхъ конечно когда-нибудь видалъ, но ни имени, ни мѣста службы совсѣмъ онъ теперь не помнилъ. При свиданіяхъ съ иными сочинителями, онъ благодарилъ ихъ за присылку сочиненій, между тѣмъ какъ приношенія послѣдовали совершенно отъ другихъ лицъ. Иногда, казалось, онъ и не вѣрилъ въ свое великое призваніе, приписывая успѣхи свои стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ. Въ посланіи своемъ къ Оленину, написанномъ 1826 года, онъ отъ полноты души говоритъ:

„Хоть, можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь—
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь,
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что на меня
Щедротъ монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ,
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ,
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта".

Крыловъ не бывалъ за границею. Если бы пришлось ему покороче ознакомиться съ новою жизнію, какъ знать? удержалъ ли бы онъ неизмѣнное настроеніе ума своего, который всегда стремился къ пріобрѣтенію только практической мудрости? Поѣздка въ чужіе краи разъ и его едва не соблазнила. Въ 1828 году Крыловъ очень выгодно продалъ одно изданіе басенъ своихъ и вдругъ почувствовалъ себя богачемъ. Онъ сталъ уговаривать Гнѣдича собраться съ нимъ вмѣстѣ въ путешествіе. Но другъ отсовѣтовалъ ему на шестомъ десяткѣ жизни подвергаться хлопотамъ дальней дороги и разлукѣ съ милою родиной. Въ стихахъ Гнѣдича, по этому случаю написанныхъ, много истины, меланхоліи и граціи. Крыловъ согласился остаться дома. Но имъ овладѣла другая прихоть. Онъ рѣшился издержать лишнія деньги на убранство своихъ комнатъ. И вотъ онѣ украшены богатою мебелью и разными дорогими тканями. Изъ магазиновъ и съ фабрикъ наставили ему вездѣ серебра, бронзы, фарфору, хрусталю и алебастровыхъ вещей. Англійскіе ковры разостланы на полу. Въ буфетѣ очутились модные сервизы и прочія принадлежности роскоши. Устроившись, Крыловъ назначилъ день и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ семейство Оленина съ общими ихъ друзьями. Удовольствовавшись первымъ и послѣднимъ опытомъ суетности, Крыловъ почувствовалъ, что это не прибавило ему счастія, что привычкамъ его нужны только спокойствіе и поэтическая

Digitized by Google

лѣнъ. Онъ безъ вниманія и заботливости оставилъ дорогія свои вещи. Голуби попрежнему стали располагаться въ обновленныхъ его комнатахъ, и всему сообщили видъ знакомаго имъ жилища. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого событія, кабинетъ Крылова рукою искуснаго художника сохраненъ для потомства. Великая Княгиня Марія Николаевна приказала перенести его на картину, которая и находится у Ея Высочества.

Плетневъ.

V. РАЗСКАЗЫ О СУВОРОВѢ.

I.

Въ 1762 году, когда взошла на престолъ императрица Екатерина II, подполковникъ Александръ Суворовъ посланъ былъ въ Петербургъ отъ тогдашняго кенигсбергскаго генералъ-губернатора Панина съ донесеніемъ къ императрицѣ о выступленіи русскихъ войскъ изъ Пруссіи. Суворовъ зналъ Екатерину, украшавшую русскій дворъ своимъ необыкновеннымъ умомъ, величественною красотою, плѣнительнымъ обращеніемъ, уже пріобрѣтшую любовь народа и привязанность войска, но въ первый разъ увидѣлъ ее императрицею Россіи. Можетъ быть, когда онъ почтительно предсталъ съ донесеніемъ, мудрая царица угадала въ немъ будущаго героя и полководца, слушая отчеты его о событіяхъ въ Пруссіи. Она тотчасъ пожаловала его чиномъ полковника, назначила командиромъ Астраханскаго пѣхотнаго полка и оставила въ Петербургѣ съ особенными порученіями, когда отправилась въ Москву для коронаціи. Ему тогда было 33 года отъ роду.

Тихо и мирно началось царствованіе Екатерины. Казалось она обдумывала обширныя предпріятія, таившіяся въ душѣ ея. Румянцовы, Орловы, Репнины, Потемкины являлись въ числѣ царедворцевъ блестящаго двора Екатерины; Суворовъ скрывался въ рядахъ простыхъ воиновъ. Шесть лѣтъ протекло послѣ окончанія прусской войны, и тогда только наступилъ новый періодъ въ его жизни.

Въ то время, когда Суворовъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ полковымъ командиромъ, вотъ какое письмо послалъ одинъ изъ подчиненныхъ его офицеровъ къ прежнимъ товарищамъ по службѣ. Въ письмѣ этомъ заключается исторія всей первоначальной службы Суворова:

„Давно не писалъ я къ вамъ, и вы гнѣваетесь на меня, любезные товарищи, что я оставилъ васъ и нашихъ храбрыхъ гренадеровъ, и перешелъ въ пѣхотный полкъ, къ полковнику, котораго вы прозвали „чудакомъ“. Не удивляйтесь. Этотъ полковникъ таковъ, что какъ взглянетъ на человѣка съ солдатскимъ сердцемъ, то и покоритъ навѣкъ. Онъ и говоритъ, и ходитъ, и смотритъ, и ѣстъ, и пьетъ, и спитъ не такъ, какъ другіе люди. Послѣдняя рубаха, послѣдній кусокъ хлѣба пополамъ съ нами! Ему ничего не надобно, говоритъ онъ, былъ бы солдатъ доволенъ. Лѣтомъ чуть свѣтъ ужъ на ногахъ. Вскочилъ съ соломы, которую онъ называетъ солдатскимъ пухомъ, помолился Богу, окатился холодною водой, что дѣлаетъ онъ и въ трескучіе морозы, и тотчасъ сборъ.—„На вахтпарадъ [1]), братцы, на вахтпарадъ!“ кричитъ онъ навстрѣчу солдатамъ.... „Смотрите, ужъ птички Божіи поднялись, и намъ грѣшно не встрѣтить солнышко въ чистомъ полѣ“. Вы думаете, что нашъ вахтпарадъ то самое, что было у васъ? Какъ бы не такъ! Нашъ вахтпарадъ—настоящая баталія! Полкъ и

---

[1]) *Вахтпарадъ*—военный разводъ.

Digitized by Google

полковую артиллерію раздѣлить на двѣ части—и давай сражаться. Сперва стрѣлки, потомъ атака на пушки—карре [1]) противу кавалеріи,—а конецъ, всему дѣлу вѣнецъ — въ штыки! Тутъ нашъ полковникъ самъ не свой. Шпага на-голо, кричитъ: „Штыкъ въ полчеловѣка, ура, бей, коли, впередъ, бѣгомъ, наблюдай интервалы!“—и пустился во весь духъ, а мы за нимъ и цѣлымъ фронтомъ—„ура, ура!“ Наконецъ: „Стой! Спасибо, братцы... Побѣда! Ступай домой!“

„Въ жилахъ нашего полковника течетъ не кровь, а пламя, и онъ такъ умѣетъ воспламенять всѣхъ, что самъ я часто забываюсь, что я на ученьи, и воображаю, что нахожусь въ дѣйствительномъ сраженіи. Громъ барабановъ, стрѣльба, крикъ, бѣготня, пыль столбомъ, дымъ клубомъ—это нашъ вахтпарадъ! И вообразите, что солдаты не только не скучаютъ этимъ ученьемъ, а рады ему. За быстрый натискъ и вѣрность въ движеніяхъ—по чаркѣ водки, а когда не доволенъ ученьемъ, въ наказаніе не командуетъ въ штыки, и церемоніальнымъ маршемъ велитъ итти съ поля. Повѣрите ли, что мы боимся этого наказанія! Послѣ ученія, часовъ въ семь или восемь, а много девять, полковникъ нашъ обѣдаетъ. Кто приглашенъ изъ офицеровъ обѣдать—милость. Вы думаете—вотъ тутъ-то пируха! Передъ обѣдомъ рюмка водки и солдатскій сухарь на закуску, солдатскія щи и каша, жаркое, какое случится, и баста. Питье—квасъ и вода, а для охотниковъ по рюмкѣ мадеры. Пожалуйста не воображайте, что это отъ скупости. Денегъ нашъ полковникъ не любитъ, и всегда отдаетъ на полкъ, но говоритъ: „Если кто посвятилъ себя военному ремеслу, тотъ долженъ привыкать къ солдатской жизни, а роскошь мертвитъ мужество“. Послѣ обѣда онъ отдыхаетъ, а тамъ, исправивъ полковыя дѣла, занимается книгами и планами и такъ работаетъ до вечера. Тогда вскочитъ на донского скакуна и пошелъ скакать во весь опоръ по полямъ и по оврагамъ. Передъ вечерней зарей ужинъ; при зарѣ вечерняя молитва и на боковую, на солому!“

„Вотъ какую жизнь ведетъ нашъ полковникъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, сынъ богатаго отца—генералъ-лейтенанта! Нѣтъ у насъ ни пирушекъ, ни баловъ, ни попоекъ, а о картежной игрѣ—ни гу-гу! Сохрани Богъ! Да онъ кажется проглотилъ бы игрока, и съ картами; не можетъ слышать о нихъ! Дай Богъ дождаться войны: ручаюсь, что нашъ полковникъ покажетъ себя. Я рѣшился служить при немъ, пока пуля или штыкъ непріятельскій не разлучитъ насъ. Онъ самъ выбралъ меня, и я командую его ротой. Когда вспоминаю о книгѣ „Великіе полководцы“, которую я переводилъ въ Сухопутномъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, то мнѣ кажется, что мой полковникъ прибавитъ современемъ новую главу въ этой книгѣ. Была бы война, и умѣли бы только постигнуть его! Но у насъ царствуетъ Екатерина, а взоръ ея проникаетъ въ сердца“.

II.

„Въ послѣднюю кампанію, въ Пруссіи, изъ всѣхъ генераловъ и отрядныхъ начальниковъ одинъ Суворовъ отличался до такой степени, что обратилъ на себя вниманіе не только нашей, но и непріятельской арміи. Всѣ признавали его человѣкомъ необыкновеннымъ и по храбрости, и по распорядительности, и по характеру“.

„Суворовъ прибылъ въ армію вскорѣ послѣ взятія нами Кроссена (въ 1759 году) и былъ опредѣленъ въ главный штабъ дежуръ-маіоромъ. Впервые познакомился онъ со смертію, какъ онъ говоритъ, въ сраженіи подъ

---

[1]) *Карре*—строй войска квадратомъ, лицомъ на всѣ четыре стороны.

Digitized by Google

Куннеодорфомъ. Это было не сраженіе, а рѣзня. Король прусскій [1]) напалъ на насъ съ тѣмъ, чтобы отомстить намъ за опустошеніе своихъ областей, и пруссаки появились или умереть, или побѣдить, не давая намъ пардона. Признаюсь, плохо намъ было нѣсколько разъ! Пруссаки лѣзли, какъ слѣпые, на штыки и на пушки, и чудная ихъ конница нѣсколько разъ врубалась въ нашъ фронтъ и опрокидывала нашу конницу. Суворовъ, не имѣя никакого отряда, поспѣлъ всюдѣ, гдѣ только была крайняя опасность. Не спрашивая, кто командуетъ полкомъ, что приказано дѣлать, онъ становился передъ фронтомъ и велъ полки на атаку. Не могу распространяться о всѣхъ подробностяхъ, хотя каждая отдѣльная сшибка любопытна по своей особенности".

„Принявъ начальство надъ авангардомъ, Суворовъ объявилъ солдатамъ, что онъ не знаетъ, что такое ретирада [2]), усталость, голодъ и холодъ, и что для русскаго солдата нѣтъ средины между побѣдой и смертью. Въ нѣсколько недѣль Суворовъ превратилъ своихъ гусаръ, легкоконницъ и казаковъ въ стаи орловъ и ястребовъ. Авангардъ не ходилъ, а летѣлъ. Тутъ Суворовъ сталъ учить офицеровъ своей тактикѣ въ трехъ словахъ: „Господа, помните, что весь успѣхъ на войнѣ составляютъ глазомѣръ, быстрота и натискъ!" И точно: онъ лишь взглянетъ—и знаетъ мѣсто, какъ будто тутъ родился; никогда не ждетъ нападенія непріятельскаго, и, когда столкнулъ съ поля, то ужъ насѣлъ такъ, что или умирай или сдавайся! Платенъ, былъ нѣсколькими маршами впереди, когда сельдмаршалъ Бутурлинъ спохватился и выслалъ за нимъ корпусъ генерала Берга. „Положитесь на меня: я одинъ все сдѣлаю", сказалъ Суворовъ генералу Бергу и съ сотней казаковъ поскакалъ сторонкою, пробѣжалъ въ одну ночь шесть миль (42 версты) и къ разсвѣту очутился у стѣнъ Ландсберга на Вартѣ, гдѣ Платенъ долженъ былъ перейти въ Польшу. Суворову доносятъ, что въ городѣ прусскіе гусары. „Тѣмъ лучше", сказалъ онъ, „мы ихъ ищемъ".— „Не прикажете ли узнать, сколько ихъ здѣсь?" спросилъ адъютантъ.— „Не нужно", возразилъ Суворовъ: „мы пришли бить ихъ, а не считать",— и тотчасъ во весь опоръ помчался къ воротамъ. Они заперты. „Ребята, ломай ворота!" Ихъ тотчасъ выломали бревномъ, и Суворовъ ворвался съ своими казаками въ городъ, съ крикомъ, пальбою. Прусскіе гусары, не ожидая непріятеля, не приготовились къ защитѣ. Будучи впятеро сильнѣе, они сдались. Суворовъ разломалъ часть моста, другую часть сжегъ и успокоилъ. Весь планъ Платена разстроился..... Теперь уже знали Суворова, и ему дали отрядъ не по чину, а по достоинству. Съ тремя гусарскими и семью казачьими полками отрядили Суворова безпокоить Платена на походѣ. Днемъ и ночью суворовскіе казаки налетали на пруссаковъ со всѣхъ сторонъ, снимали пикеты, забирали разъѣзды и тревожили лагерь. Въ 35-ти верстахъ отъ Штаргарта, гдѣ была главная квартира генерала Берга, поручено было Суворову съ кавалеріею атаковать пруссаковъ, у которыхъ, сверхъ отличной конницы, была пѣхота и артиллерія. Суворовъ, по обыкновенію, явился передъ непріятелемъ прежде, нежели онъ могъ узнать о его движеніи. Нашъ герой обошелъ лѣсомъ, по непроходимымъ тропинкамъ и, когда казаки вломились въ деревню, а драгуны врубились въ прусскую пѣхоту, Суворовъ изъ лѣсу ударилъ на лѣвый флангъ, смялъ его и погналъ въ болото. Тутъ онъ самъ едва не лишился жизни. Гонясь за бѣгущими, Суворовъ упалъ съ лошадью въ топкомъ мѣстѣ, и казаки насилу спасли его. Прусскій резервъ подошелъ на помощь, но Суворовъ съ конницею удерживался на полѣ сраженія, пока не пришелъ Бергъ, который, видя невозможность сбить съ мѣста пруссаковъ, возвратился съ своимъ отрядомъ въ Штаргартъ, оставивъ

[1]) Фридрихъ II.—[2]) *Ретирада*—отступленіе.

Digitized by Google

Суворова въ аріергардѣ. Пруссаки вздумали принудить его отступить безъ бою и выслали нѣсколько отрядовъ на высоты. Лишь только Суворовъ завидѣлъ непріятеля, тотчасъ бросился на него, смялъ, отнялъ двѣ пушки и взялъ до ста человѣкъ въ плѣнъ. Удивляясь такой необыкновенной дерзости, пруссаки, будучи впятеро сильнѣе Суворова, окружили его и требовали, чтобъ онъ сдался. Суворовъ приказалъ сказать прусскому генералу, что онъ этого слова не понимаетъ и, поставивъ плѣнныхъ между рядами, крикнулъ „ура!“ и бросился на удивленнаго непріятеля, очищая путь саблею. По счастію подоспѣлъ къ Суворову на помощь храбрый полковникъ съ отрядомъ, и Суворовъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ и отступить, уговорилъ этого полковника возобновить сраженіе. День этотъ стоилъ пруссакамъ 1,000 человѣкъ убитыми и ранеными и 40 офицеровъ.“

„Графъ Платенъ не успѣлъ даже помочь своему авангарду, потому что Суворовъ разбилъ его прежде, чѣмъ онъ могъ подняться изъ лагеря. Приблизившись къ городу, наши начали стрѣльбу по городу, чтобъ выломать ворота. „Зачѣмъ напрасно терять время?“ сказалъ Суворовъ и повелъ прямо къ отдаленнымъ города семь баталіоновъ гренадеръ и два баталіона мушкатеровъ. Суворовъ ѣхалъ верхомъ передъ фронтомъ и шутилъ съ солдатами подъ градомъ пуль, ядеръ и картечей; подъ нимъ убили лошадь; онъ сталъ передъ фронтомъ и пошелъ рядомъ со мною. Во ста шагахъ отъ воротъ Суворовъ скомандовалъ: „бѣгомъ!“ и солдаты и офицеры побѣжали за нимъ. При всѣхъ нашихъ усиліяхъ мы однакоже не могли выломать воротъ, а со стѣнъ осыпали насъ пулями. Пруссаки бросились на насъ со штыками, но наши уже отперли ворота и подоспѣли къ нимъ на помощь. Тутъ начался рукопашный бой. Храбро защищались пруссаки, но не устояли. Большую часть ихъ мы перекололи; остальные пустились бѣжать въ городъ, въ свой лагерь. Мы за ними. Суворовъ былъ впереди насъ всѣхъ, съ саблей. Мы бѣжали впередъ, не оглядываясь, и не слышали, что съ тылу бьютъ отбой, а адъютанты кричатъ, чтобы воротились. Вдругъ раздались выстрѣлы съ непріятельской батареи; Суворовъ упалъ передо мною! Я къ нему: картечь попала ему въ ногу. Многіе хотѣли нести Суворова на плечахъ; но онъ всталъ и пошелъ опираясь на одного изъ адъютантовъ. Потомъ онъ сѣлъ на камень и сталъ примачивать рану виномъ изъ солдатской манерки. Генералы упрашивали Суворова ѣхать въ главную квартиру и вылѣчиться.—„На конѣ лучше, чѣмъ въ госпиталѣ“, отвѣчалъ Суворовъ и остался при своемъ отрядѣ“.

III

Присланный въ 1762 году изъ Пруссіи въ Петербургъ съ донесеніями къ императрицѣ, Суворовъ тутъ въ первый разъ имѣлъ случай представиться Екатеринѣ Великой. Тогда же онъ произведенъ былъ въ полковники, въ Астраханскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Новой Ладогѣ, и командовалъ имъ въ продолженіе шести лѣтъ. Онъ бывалъ съ полкомъ въ столицѣ для занятія карауловъ, участвовалъ въ учебномъ лагерѣ и маневрахъ подъ Царекимъ Селомъ и такимъ образомъ сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ, какъ отличный и умный полковой командиръ. Но Суворову не довольно было репутаціи исправнаго штабъ-офицера: съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, во что бы то ни стало, хотѣлъ онъ достигнуть славы и знаменитости и давно придумывалъ средства къ тому. Наконецъ одно случайное обстоятельство, какъ говорятъ, навело его на мысль: разъ императрица Екатерина въ разговорѣ выразилась, что всѣ великіе люди имѣли въ себѣ что-нибудь особенное, чѣмъ отличались отъ людей обыкно-

Digitized by Google

венныхъ. Замѣчаніе это запало въ умъ Суворова: онъ заключилъ, что одни достоинства и заслуги не могутъ проложить пути къ извѣстности; что надобно прежде всего дать замѣтить себя чѣмъ-нибудь особеннымъ, отдѣлиться отъ большинства людей: однимъ словомъ, что надобно сдѣлаться оригинальнымъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно всего вѣроподобнѣе объяснить начало тѣхъ странностей, которыми дѣйствительно Суворовъ успѣлъ скоро обратить на себя общее вниманіе. Странности и шутки Суворова имѣли еще и другое значеніе. Получивъ самое простое воспитаніе, проведши юность въ казармахъ, вмѣстѣ съ солдатами, онъ неизбѣжно чувствовалъ бы себя въ неловкомъ положеніи, находясь въ высшемъ кругу столицы или среди пышнаго двора Екатерины: сколько ударовъ пришлось бы вытерпѣть его самолюбію и гордости! Вмѣсто того, онъ поставилъ себя на такую ногу, что подъ кровомъ шутки или поговорки высказывалъ всѣмъ, даже надменнымъ вельможамъ, такія злыя истины, которыхъ не перенесли бы они отъ другого. Въ особенности бичевалъ онъ своими сарказмами низость и угодливость, мелкое тщеславіе, высокомѣріе, чванливость, барскую спесь. Правда, онъ нажилъ тѣмъ много враговъ; но что ему было?... Рѣшившись надѣть на себя маску, Суворовъ не могъ уже потомъ сбросить ее и продолжалъ во всю жизнь разыгрывать странную роль; онъ выдерживалъ ее такъ вѣрно, что впослѣдствіи даже трудно было отличить въ немъ искусственную личину отъ природной своеобразности характера.

Милютинъ.

Въ разговорѣ, на письмѣ, въ движеніяхъ, въ самой походкѣ, отвергъ онъ условныя приличія. Онъ ходилъ припрыгивая, говорилъ отрывисто, вмѣшивалъ въ рѣчи поговорки и пословицы, высказывалъ правду въ глаза, притворялся, что не терпитъ зеркалъ, боясь въ нихъ увидѣть себя; иногда странно кривлялся и посмѣивался, слушая другихъ; молчалъ, когда всѣ ожидали его рѣчей; начиналъ говорить умно, краснорѣчиво, вдругъ останавливался, смѣялся и убѣгалъ, прыгая на одной ногѣ. Онъ повелъ особенный родъ жизни: отказался отъ всякихъ предметовъ роскоши, спалъ на сѣнѣ, ходилъ зимою безъ шубы, ѣлъ простую грубую пищу, отрекся отъ свѣтскихъ обществъ, проводилъ время съ своими солдатами и офицерами. Жители Ладоги показываютъ церковь, гдѣ онъ читалъ Апостолъ за обѣднею и пѣлъ на крылосѣ. Иногда онъ принималъ на себя должность школьнаго учителя, собиралъ солдатскихъ дѣтей, самъ училъ ихъ, сочинялъ для нихъ молитвенникъ, катехизисъ, руководство къ ариѳметикѣ, шумѣлъ, спорилъ, игралъ съ ними. Обращеніе его съ солдатами, самый образъ ученія солдатскаго были у него особенные. Первое требованіе его отъ подчиненнаго было немедленный отвѣтъ на всякій, даже самый странный, нелѣпый вопросъ. Слово „не знаю“ возбуждало гнѣвъ Суворова. Онъ притворялся разсерженнымъ, кричалъ, бранился, топалъ ногами. Сверхъ обыкновеннаго воинскаго ученія изобрѣталъ онъ свои особенныя упражненія, гдѣ можно было показать силу, ловкость, отвагу. Такъ, идя съ полкомъ изъ Ладоги въ Петербургъ, мимо какого-то монастыря, онъ неожиданно скомандовалъ: „на штурмъ!“ и полкъ его бросился на монастырскія стѣны. Солдаты взобрались на стѣну съ крикомъ „ура!“ Суворовъ извинился передъ испуганнымъ настоятелемъ, объяснивъ, что онъ учитъ солдатъ своихъ. Императрицѣ донесли о поступкѣ Суворова. Она улыбнулась и сказала: „Не троньте его: я знаю.“ Иногда Суворовъ проводилъ цѣлые дни съ солдатами на полѣ, въ маршахъ, въ переходахъ. Училъ ихъ ружью среди морозовъ и жаровъ, тревожилъ и внезапно выводилъ ночью, переправляясь съ ними вплавь черезъ рѣки.

По Н. Полевому.

Digitized by Google

Въ Суворовѣ были какъ будто двѣ натуры: въ кабинетѣ, за дѣлами слушалъ онъ внимательно доклады, полагалъ резолюціи, отдавалъ приказанія, не позволяя себѣ никакихъ шутокъ: но лишь только дѣла были кончены, вдругъ превращался въ иного человѣка: вскакивалъ быстро со стула, вскрикивалъ: „кушъ, кушъ!“ и тогда начиналъ по обыкновенію шутить и дѣлать всякія проказы. Всѣмъ извѣстенъ анекдотъ, хоть можетъ быть вымышленный, о томъ, какъ Потемкинъ [1]), видѣвшій всегда Суворова такимъ страннымъ чудакомъ и долго не довѣрявшій ни уму его, ни дарованіямъ, долженъ былъ наконецъ перемѣнить свое убѣжденіе. Разсказываютъ, будто бы императрица Екатерина, умѣвшая лучше оцѣнить истинныя достоинства Суворова, призвала его однажды въ свой кабинетъ и завела съ нимъ разговоръ о важныхъ дѣлахъ государственныхъ, между тѣмъ какъ Потемкинъ спрятанъ былъ за ширмами: услышавъ основательныя, глубокомысленныя сужденія Суворова, Потемкинъ не могъ удержать своего изумленія, вышелъ изъ-за ширмъ и сказалъ съ нѣкоторымъ упрекомъ: „Какъ худо зналъ я васъ до сихъ поръ, Александръ Васильевичъ; отчего же вы не всегда такъ говорите, какъ теперь?“ Но Суворовъ въ то же мгновеніе перемѣнился, началъ шутить и съ обычными своими ужимками отвѣчалъ сильному временщику: „Этотъ языкъ берегу я только для одной матушки-царицы.“

Милютинъ.

IV.

Въ 1772 году Суворовъ отправился на Дунай. Не мелкая война, не стычки съ польскими конфедератами [2]), но битвы съ сильнымъ непріятелемъ, подъ предводительствомъ Румянцова, героя, обратившаго на себя вниманіе Европы, ожидали его.

Молва предшествовала Суворову. Всѣ въ молдавской арміи знали Суворова по слухамъ. Съ именемъ Суворова соединялась слава трехъ-лѣтней войны конфедератской, окончившейся первымъ раздѣломъ Польши въ августѣ 1773 года; извѣстно было особенное вниманіе къ нему императрицы, и вездѣ носились слухи объ его оригинальностяхъ и странностяхъ. Румянцовъ не опасался окружавшихъ его генераловъ, какъ бы знамениты они ни были,— но ему страшенъ показался этотъ прославившійся уже въ Пруссіи и Польшѣ генералъ Суворовъ, напросившійся на службу въ дѣйствующую армію. Вотъ почему Суворовъ встрѣченъ былъ главнокомандующимъ холодно. Румянцовъ не оказалъ ему никакого отличія и назначилъ его въ корпусъ Салтыкова, охранявшій лѣвый берегъ Дуная.

Замѣчательно, что подъ начальствомъ Салтыкова находились тогда Потемкинъ и Суворовъ, столь достопамятные впослѣдствіи. Потемкинъ, уже отличенный императрицею, извѣстенъ былъ личною храбростью, но притомъ былъ безпеченъ, неосторожень, лѣнивъ; Суворова мы уже знаемъ.

Его послали съ небольшимъ отрядомъ наблюдать турокъ, бывшихъ въ Туртукаѣ [3]). Въ бездѣйствіи стоялъ онъ въ монастырѣ Нигоешти, насупротивъ Туртукая. При первомъ взглядѣ увидѣлъ Суворовъ возможность взять эту крѣпость и переправиться черезъ рѣку. Весь отрядъ его составляли два пѣхотные полка, но одинъ изъ нихъ былъ знакомый ему Астраханскій пѣхотный полкъ. Артиллерія состояла изъ четырехъ пушекъ. Сто донцовъ было при отрядѣ. Суворовъ извѣстилъ Салтыкова о намѣреніи сдѣлать поискъ на Туртукай и получилъ его позволеніе. Онъ приступилъ къ дѣлу немедленно. Сначала онъ хотѣлъ переправиться черезъ Дунай

---

[1]) *Кн. Григорій Александровичъ Потемкинъ*—фельдмаршалъ.—[2]) *Польскіе конфедераты*—заговорщики.—[3]) *Туртукай*—большая крѣпость на Дунаѣ, выше Силистріи.

Digitized by Google

скрытно, въ семи верстахъ ниже Туртукая; лодки повезли туда на телѣгахъ, всевозможно утаивая движенія войскъ. Но турки замѣтили приготовленія русскихъ и рѣшились воспрепятствовать имъ... Видя, что движеніе его открыто непріятелемъ, Суворовъ возвратился въ Нигоешти и рѣшился напасть прямо изъ устья рѣки, впадающей въ Дунай противъ Туртукая, увѣренный, что турки не ожидаютъ здѣсь нападенія. Онъ послалъ къ Потемкину просить помощи, и Потемкинъ обѣщалъ ему прислать двѣ тысячи запорожцевъ, но помощь не шла, а Суворовъ боялся неожиданныхъ препятствій. Дѣйствительно, препятствія не замедлили. Салтыковъ объявилъ Суворову приказъ главнокомандующаго оставить поискъ на Туртукай и не подвергать войско напрасной гибели. Но Суворовъ былъ увѣренъ въ легкомъ успѣхѣ. Онъ распорядился нападеніемъ. Ночью, на 10 мая, пѣхота поплыла черезъ Дунай въ лодкахъ; конница пустилась вплавь (всего было ея семьсотъ человѣкъ). Непріятель открылъ пальбу съ прибрежной батареи, но войска успѣли пристать къ берегу благополучно. Часть ихъ бросилась на турецкія лодки; другая напала на самый городъ. Суворовъ самъ повелъ одинъ отрядъ на крѣпостные ретраншаменты [1]). На дорогѣ нашли заряженную пушку, и выстрѣлъ изъ нея едва не погубилъ Суворова, ибо пушку разорвало. Онъ упалъ жестоко контуженный, но тотчасъ поднялся, схватилъ ружье, первый вскочилъ на турецкій редутъ, оттолкнулъ бородатаго янычара [2]), приставилъ къ груди его ружье и закричалъ солдатамъ: «бери его!» Турки бѣжали изъ редута почти безъ боя. Городъ и флотилія были въ рукахъ русскихъ также послѣ слабаго сопротивленія... Солдатамъ досталась столь богатая добыча, что они горстями сыпали въ церковную кружку червонцы и серебряныя деньги. Уже на другой день по возвращеніи Суворова въ Нигоешти явились отъ Потемкина запорожцы. Они были не нужны.

Смѣлый поступокъ Суворова, когда дѣла въ главной арміи шли неудачно, тянулись медленно, возбудилъ всеобщій восторгъ. Но одобряемый всѣми покоритель Туртукая могъ опасаться, что своевольный поступокъ его не заслужитъ похвалы главнокомандующаго. Суворовъ думалъ отдѣлаться шуткою. Донесеніе его фельдмаршалу состояло изъ двухъ стиховъ:

„Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ, и я тамъ“.

И безъ того не любившій шутить Румянцовъ, раздраженный другими событіями въ арміи, вызвалъ Суворова въ главную квартиру. Послѣ строгаго выговора, Суворовъ былъ лишенъ командованія, отданъ подъ военный судъ и осужденъ на смерть за ослушаніе. Больной лихорадкою, страдая отъ полученной при Туртукаѣ контузіи, Суворовъ жилъ въ Бухарестѣ, когда неожиданно узналъ, что рѣшеніе военнаго суда отправлено къ императрицѣ, а ему велѣно опять явиться подъ команду Салтыкова, получившаго приказаніе отвлекать непріятеля отъ подачи помощи Силистріи. Салтыковъ явно враждовалъ съ Румянцовымъ, отговаривался, затруднялся, кончилъ тѣмъ, что не двинулся изъ своего лагеря, отправивъ только Суворова на прежнее мѣсто его въ Нигоешти, и приказавъ, „если найдетъ возможность“, снова выбить турокъ изъ Туртукая. У Суворова не было невозможнаго. Къ прежнимъ отрядамъ придали ему двѣсти пѣхотинцевъ, казачій полкъ, триста рекрутъ и двѣсти арнаутовъ [3]). Отъ душевнаго огорченія и болѣзни Суворовъ былъ такъ слабъ, что едва могъ двигаться и говорить, но отправился по назначенію немедленно, и на другой день

[1]) *Ретраншаменты*—валъ.—[2]) *Янычары*—турецкое войско, основанное въ XIV в. изъ насильно обращенныхъ въ магометанство христіанъ, впослѣдствіи набиравшееся и изъ турокъ, нынѣ уничтоженное. Они отличались свирѣпостью.—[3]) *Арнауты*—албанцы.

по прибытіи приготовился къ экспедиціи. Конныхъ карабинеровъ [1]), по его приказанію, учили драться спѣшившись и штыками.

Турки снова укрѣплялись въ разоренномъ Туртукаѣ, спѣша исправить прежніе шанцы [2]) и соорудить нѣсколько новыхъ. Число турокъ простиралось уже до восьми тысячъ. Суворовъ выбралъ бурную ночь на 17 іюня. Шестипушечная батарея защищала переправу русскихъ. Прикрываемый ея выстрѣлами, первый отрядъ, подъ начальствомъ полковника Батурина, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ, достигъ берега, легко овладѣлъ однимъ шанцемъ и остановился, вопреки повелѣнію Суворова, немедленно занимать оба шанца, пользуясь смятеніемъ, испугомъ турокъ и темнотою ночи. Суворова водили подъ руки два человѣка, и адъютантъ передавалъ его приказы. Онъ хотѣлъ отправиться при третьемъ отрядѣ, но, замѣтивъ остановку Батурина и опасаясь, что непріятель ободрится, забылъ болѣзнь, бросился въ лодку, и самъ вывелъ второй отрядъ на берегъ, поспѣшая занять второй шанецъ. Турки стояли отдѣльнымъ лагеремъ въ лощинѣ за Туртукаемъ. Они бились храбро и были многочисленнѣе русскихъ, но русскіе имѣли начальникомъ Суворова и жестоко разбили турокъ, отняли у нихъ множество трофеевъ [3]) и убили ихъ главнаго начальника. Тогда Суворовъ, побѣдитель, находившійся подъ судомъ, получилъ награду, состоявшую въ рѣшеніи императрицы.

Препровождая къ государынѣ приговоръ суда, Румянцовъ препроводилъ и стихи Суворова, прибавляя, что посылаетъ «безпримѣрный лаконизмъ безпримѣрнаго Суворова». Екатерина узнала въ остроумной шуткѣ своего генерала, написала на приговорѣ: «Побѣдителя не судятъ» и прислала Суворову крестъ Св. Георгія 2-й степени «за храброе и мужественное дѣло».

Кромѣ Туртукая, Гирсово и Козлуджи показали въ новомъ блескѣ дарованія Суворова. Все войско русское видѣло въ немъ героя. Умѣя мирить раздоры, Екатерина не показала никакого неудовольствія Румянцову за непріязненность его къ Суворову; но она и не выдала «своего генерала», какъ называла Суворова, врагамъ его. И когда Каменскій, промедлившій при дѣлѣ подъ Козлуджи, но приписавшій побѣду себѣ, былъ щедро награжденъ, Суворовъ на почтовой телѣжкѣ скакалъ въ Москву, по повелѣнію императрицы. Екатерина указала ему на новый подвигъ. Довѣренность императрицы была ему наградою. Подвигъ этотъ состоялъ въ участіи противъ дѣйствій самозванца Емельки Пугачева.

По Н. Полевому.

V.

По усмиреніи Пугачева и по водвореніи спокойствія между мятежными ногайцами, не предвидя войны и желая устроить свое имѣніе, Суворовъ просилъ Потемкина о временномъ отпускѣ. Потемкинъ поручилъ ему Владимірскую дивизію. Суворовъ избралъ для пребыванія свое помѣстье село Ундалъ близъ Владиміра. Здѣсь пробылъ онъ болѣе года. Лѣтъ тридцать тому назадъ жители показывали аллею, насаженную тогда Суворовымъ. Живы еще были не такъ давно старики, разсказывавшіе множество подробностей о житьѣ-бытьѣ своего помѣщика и его постоянныхъ проказахъ. Одѣтый въ холщевую куртку, онъ бѣгалъ по селу, бесѣдовалъ съ крестьянами, пѣлъ и читалъ въ церкви, самъ звонилъ въ колокола.

Когда все начинало снова готовиться къ битвамъ, деревенская жизнь была не по душѣ Суворову. Боясь, что его забудутъ въ деревнѣ, онъ про-

---

[1]) *Карабинеры* — солдаты, вооруженные карабинами (короткими винтовками — [2]) *Шанцы*—военный окопъ, небольшое укрѣпленіе.— [3]) *Трофеи*—отбитыя у непріятеля знамена и оружіе, почетная добыча.

Digitized by Google

силъ о переводѣ въ дѣйствующую армію, желая хотя умереть на полѣ битвы. „Смерть на постели не солдатская смерть!“ говорилъ онъ. „Ѣду въ свою деревню“, писалъ онъ Потемкину, „но пріятность праздности не долго меня утѣшить можетъ. Исторгните меня изъ оной, подавши случай по службѣ, гдѣ могу я окончить съ честью мой животъ!“ Черезъ полгода просьба Суворова была еще убѣдительнѣе. „Истекающій годъ прожилъ я въ деревнѣ (писалъ онъ изъ Ундала) въ ожиданіи команды, гдѣ бы ни получилъ ее, хотя бы въ Камчаткѣ. Служу больше сорока лѣтъ, и мнѣ почти шестьдесятъ лѣтъ, но одно мое желаніе—кончить службу съ оружіемъ въ рукахъ... Препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ свѣту привыкать. Наука осѣнила меня къ добродѣтели: лгу—какъ Эпаминондъ, бѣгаю—какъ Цезарь, постоянецъ—какъ Тюренъ, праводушенъ—какъ Аристидъ... Исторгните изъ праздности; въ роскоши жить не могу“.

VI.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира началась вторая турецкая война, далеко затмившая первую, румянцовскую. Званіе главнокомандующаго принадлежало тогда Потемкину, но героемъ этой войны былъ Суворовъ. Въ первый разъ вполнѣ показалъ онъ тогда свой военный геній, утвердилъ молву о своей непобѣдимости, развилъ свою тактику [1]) и сталъ въ ряду первыхъ полководцевъ своего времени.

Въ 1787 году Суворову совершилось пятьдесятъ восемь лѣтъ. Онъ былъ уже въ лѣтахъ довольно преклонныхъ, казался хилымъ, съ сѣдою, прикрытою рѣдкими волосами головою и морщиноватымъ лицомъ, сгорбленный при маленькомъ ростѣ. Но онъ былъ крѣпокъ, здоровъ, проворенъ, неутомимъ, ловко ѣздилъ верхомъ, легко переносилъ труды, безсонницу, голодъ, жажду. Голубые глаза его сверкали умомъ. Странности его никого не удивляли, ибо ему уже нечего было прикрывать ими. Непобѣдимость его сдѣлалась повѣрьемъ войска и народа, видѣвшаго Суворова всюду—въ Пруссіи, Польшѣ, Крыму, въ Турціи, на Волгѣ, на Кубани...

Въ августѣ 1787 года поспѣшно прискакалъ Суворовъ въ Херсонъ и принялъ начальство надъ тридцатитысячнымъ корпусомъ войскъ и черноморскимъ флотомъ. Заслонивъ войскомъ устье Буга и устроивъ плавучія батареи передъ Херсономъ, Суворовъ избралъ мѣстомъ своего пребыванія Кинбурнъ, потому что отсюда могъ наблюдать всѣ движенія непріятеля.

Первое извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій и о скоромъ приходѣ турецкаго флота получено было изъ Очакова. Августа 19-го турецкіе корабли напали на стоявшіе у Кинбурна фрегатъ и ботъ; они успѣли отбиться и уйти. Тогда явился флотъ турецкій, состоявшій изъ 18-ти линейныхъ кораблей и фрегатовъ и 38-ми мелкихъ судовъ. Онъ расположился въ Очаковѣ и закрылъ входъ въ лиманъ Днѣпровскій. Русскому флоту велѣно было выступить изъ Севастополя. „Хотя бы всѣмъ погибнуть, но покажите неустрашимость вашу, нападите и истребите непріятеля“, писалъ Потемкинъ. Къ несчастію, жестокая буря разсѣяла русскій флотъ и повредила корабли, такъ что начальникъ флота, графъ Войновичъ, съ трудомъ возвратился въ Севастополь: одинъ русскій корабль былъ занесенъ въ Царьградскій проливъ и достался туркамъ.

Положеніе Суворова было затруднительно. Ободренные успѣхами турки рѣшились употребить всѣ силы противъ Кинбурна.

Корабли турецкіе приблизились къ Кинбурну и стали бомбардировать его. Имъ отвѣчали удачно. Одинъ турецкій корабль взлетѣлъ на воздухъ,

[1]) *Тактика*—военное искусство, умѣніе располагать военными силами.

Digitized by Google

другіе отошли поврежденные. Тогда турки рѣшились взять Кинбурнъ приступомъ.

Турецкіе корабли подошли къ крѣпости и открыли страшную пальбу. Мужественно стояла русская пѣхота, но тщетны были ея усилія. Генералъ, предводившій ею, былъ раненъ и вынесенъ за фронтъ. Турки принялись за сабли и кинжалы и съ дикимъ воплемъ гнали русскихъ, когда самъ Суворовъ бросился впередъ, крича: „Ребята, за мной!“ Ядромъ оторвало морду у его лошади. Онъ упалъ. Турки кинулись къ нему; русскіе солдаты бросились защищать его, съ крикомъ: „Братцы! Спасайте генерала!“ Мушкетеръ Новиковъ повергъ штыкомъ турка, уже занесшаго саблю на Суворова. Турки были сбиты два раза, но они воротились еще разъ, и третье нападеніе ихъ было страшнѣе двухъ прежнихъ. Всѣ окружавшіе Суворова были убиты или ранены. Пуля пробила ему лѣвую руку; онъ принужденъ былъ удалиться за крѣпость, истекая кровью. При немъ находились только ординарецъ и казачій урядникъ. Суворовъ велѣлъ наскоро обмыть рану свою морскою водою и завязать; потомъ перевернулъ онъ рубашку, надѣлъ ее сухимъ рукавомъ на рану и, говоря: „помогло, помилуй Богъ, помогло!“ поспѣшилъ снова въ битву.

Бой былъ рукопашный. Русскіе перемѣшались съ турками такъ, что съ крѣпости невозможно было стрѣлять, и хотя выстрѣлами успѣли взорвать двѣ турецкія лодки, но, казалось, дѣло было проиграно. Многолюдство наконецъ должно было одолѣть храбрость. Турки тѣснили, гнали русскихъ, но—счастіе не забыло своего любимца: приблизились къ Кинбурну десять эскадроновъ конницы и немедленно были введены въ дѣло. Ужасное пораженіе послѣдовало за ихъ ударомъ. Турокъ гнали, били, топили въ морѣ, не смотря на отчаянную оборону. Едва семьсотъ человѣкъ спаслись изъ шести тысячъ, вышедшихъ на Кинбурнскую косу. Лучшая половина очаковскаго гарнизона погибла на этой высадкѣ. Изъ шестисотъ взятыхъ въ плѣнъ турокъ умерло отъ ранъ до пятисотъ. Труповъ дервишей [1]) насчитали до пятидесяти. Паша, предводившій турками, былъ убитъ. Русскихъ убито до двухсотъ и ранено до восьмисотъ.

Въ десять часовъ вечера кончилось сраженіе, и когда только вопли раненыхъ и утопавшихъ турокъ оглашали воздухъ, Суворовъ, чувствуя совершенное изнеможеніе силъ, отправился въ крѣпость. Едва вновь перевязали ему рану, какъ онъ упалъ безъ чувствъ, но, услышавъ тревогу при нападеніи запорожцевъ, послѣдовавшемъ уже ночью на ботахъ, онъ забылъ свою рану и явился на валу. Нападеніе отбили нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Весь слѣдующій день хоронили убитыхъ. Трупы непріятелей бросали въ море. Октября 3-го русское войско выстроилось на Кинбурнской косѣ,—и „Тебе Бога хвалимъ!“ было воспѣто при громѣ пушекъ съ крѣпости.

Сколь несчастны могли быть слѣдствія утраты Кинбурна, потому что тогда подвергался гибели Херсонъ, и туркамъ былъ бы открытъ свободный путь въ Крымъ: столь важны оказались послѣдствія побѣды. Флотъ турецкій немедленно удалился въ Царьградъ.

„Не нахожу словъ благодарить тебя, сердечный другъ!“ писалъ Суворову Потемкинъ: „да возстановитъ Богъ твое здоровье для общихъ трудовъ!“ Октября 17-го праздновали побѣду Суворова въ Петербургѣ. „Старикъ поставилъ насъ на колѣни; жаль только, что его рамили“, говорила Екатерина и собственноручнымъ письмомъ изъявила Суворову благодарность. „Въ первый разъ по началѣ войны“, писала она, „благодарили мы Бога за побѣду и одолѣніе надъ врагомъ и читали въ церкви дѣянія ревности, усердія и храбрости вашей. Объявите всѣмъ наше усердіе и благодарность.

Digitized by Google

[1]) *Дервиши*—мусульманскіе нищенствующіе монахи.

Молимъ Бога, да исцѣлитъ раны ваши и возстановитъ васъ къ новымъ успѣхамъ." Посылая Суворову орденъ Св. Андрея Первозваннаго, Екатерина писала: „Вы заслужили его вѣрою и вѣрностью". „Умноживъ услуги свои, вы подтвердили мнѣніе Россіи о вашихъ достоинствахъ, и ваше бдѣніе и неустрашимость доставили намъ побѣду", прибавилъ къ тому Потемкинъ. Солдатская пѣсня прославила подвигъ Суворова, и вся русская армія пѣла:

„Наша Кинбурска коса
Вскрыла первы чудеса!"

„У насъ была драка посильнѣй той, когда вы другъ друга за уши деретe", писалъ Суворовъ дочери, бывшей тогда въ Смольномъ монастырѣ [1]). „И какъ мы танцовали: въ боку картечка, на рукѣ отъ пули дырочка, да подо мною лошади оторвало мордочку! То-то была комедія! Насилу черезъ восемь часовъ съ театра отпустили. Я только-что возвратился, проѣздилъ пятьсотъ верстъ верхомъ.... А какъ у насъ весело! На морѣ поютъ лебеди, утки и кулики; на поляхъ—жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерляди, да осетры—пропасть! Прости, мой другъ Наташа! Знаешь ли, что матушка государыня пожаловала мнѣ Андреевскую ленту за вѣру и вѣрность?"

По Н. Полевому.

VII.

Въ 1788 году Потемкинъ съ сорока тысячами войска два мѣсяца шелъ къ Очакову, только 20-го іюля обложилъ его, и еще прошелъ мѣсяцъ, пока началась осада. Суворовъ призванъ былъ подъ Очаковъ; ему поручено было Потемкинымъ лѣвое крыло войска, осаждавшаго крѣпость. Лагерь его примыкалъ къ морскому берегу. Въ бездѣйствіи ожидало русское войско приказовъ главнокомандующаго и не могло дождаться ихъ. Въ великолѣпной ставкѣ своей Потемкинъ лежалъ по цѣлымъ днямъ, переводилъ церковную исторію Флери, слушалъ музыку Сарти и, казалось, забывалъ объ Очаковѣ. Суворовъ еще весною представилъ Потемкину планъ свой, состоявшій въ томъ, что послѣ страха, наведеннаго на турокъ истребленіемъ флота, всего легче Очаковъ взять поспѣшною осадою и рѣшительнымъ приступомъ.... Когда началась медленная осада Очакова, Суворовъ заговорилъ громко и смѣло: „Не такъ бивали мы поляковъ, не такъ бивали турковъ; тѣмъ крѣпости не возьмешь, что станешь стоять передъ нею; послушались бы меня, и давно Очаковъ былъ бы нашъ: штурмъ всего лучше и дешевле станетъ!" Нетерпѣніе Суворова умножалось: онъ предвидѣлъ пагубныя слѣдствія медленности, и рѣшился, подвергаясь гнѣву Потемкина, показать ему, что должно было дѣлать.

Турки сдѣлали сильную вылазку на прибрежныя укрѣпленія, гдѣ былъ Суворовъ. Ударъ въ штыки заставилъ ихъ бѣжать. Гренадеры, разгоряченные преслѣдованіемъ непріятеля, достигли крѣпостного ретраншамента [2]). Изъ крѣпости явились турки своимъ на помощь. Суворовъ долженъ былъ подкрѣпить гренадеръ. Битва завязалась упорная. Турки выходили тысячами. Суворовъ усиливалъ подкрѣпленія, наконецъ самъ бросился въ огонь, ведя нѣсколько полковъ. Тревога распространилась въ крѣпости и по всему лагерю. Турки уступали; побѣда одушевляла русскихъ. Легко можно было ворваться въ Очаковъ. Суворовъ послалъ просить Потемкина двинуться на крѣпость со всѣхъ сторонъ. Принцъ де-Линь прибѣжалъ къ Потемкину и умолялъ его о томъ. Минута была рѣшительная. Потемкинъ, внѣ себя отъ гнѣва, плакалъ съ досады. Можетъ быть, и безъ него рѣши-

[1]) *Смольный Монастырь*—женское училище въ Петербургѣ.—[2]) См. вын. къ стр. 371.

Digitized by Google

лось бы дѣло, и Очаковъ палъ бы, ибо ретраншаментъ былъ уже въ рукахъ русскихъ, но къ несчастію, Суворова жестоко ранили: пуля прошла сквозь шею и остановилась въ затылкѣ. Онъ чувствовалъ, что рана была опасна, захватилъ ее рукою и поскакалъ въ свою палатку, сдавъ команду генералъ-поручику Бибикову. Не зная, что дѣлать, и не видя подкрѣпленія, Бибиковъ смѣшался и поспѣшно велѣлъ отступать. Нѣсколько сотъ русскихъ погибло подъ саблями янычаръ.

Когда Суворову вырѣзали пулю, онъ лишился чувствъ; обморокъ слѣдовалъ за обморокомъ; рана воспалилась; онъ едва дышалъ, призвалъ священника, исповѣдался и готовился къ смерти. Лошадь, бывшая подъ нимъ, пала мертвая отъ ранъ, какъ только разсѣдлали ее. Жестокая горячка терзала Суворова. Къ страданію тѣлесному прибавилась скорбь душевная. Потемкинъ не хотѣлъ его видѣть, но написалъ ему письмо, гдѣ жестоко упрекалъ его за безполезную гибель солдатъ и за своевольство. „Солдаты такая драгоцѣнность, что ими нельзя безполезно жертвовать“, писалъ Потемкинъ: „Ни за что, ни про что погублено столько драгоцѣннаго народа, что весь Очаковъ того не стоитъ! Странно, что при мнѣ мои подчиненные распоряжаются движеніями войскъ, даже не увѣдомляя меня“.

Письмо было писано въ такомъ волненіи, что едва можно было разобрать его. Потемкинъ не слушалъ оправданій и увѣреній, что Суворовъ старался воспользоваться счастливымъ случаемъ. Опасно больной Суворовъ отправился въ Кинбурнъ. Тамъ операцію ему сдѣлали снова. Сонъ укрѣпилъ силы старика. Отъ огорченія онъ занемогъ желтухою. Боялись, что шея у него искривится, но наблюдая строгую діэту, Суворовъ начиналъ чувствовать себя лучше, когда одно новое несчастное событіе едва не погубило его. Онъ лежалъ въ своей комнатѣ, въ небольшомъ деревянномъ домѣ, какъ вдругъ услышалъ трескъ: съ ужаснымъ громомъ бомба упала въ его комнату сквозь потолокъ и лопнула, изломавъ кровать, гдѣ лежалъ онъ, и повредивъ стѣну. Едва успѣлъ выскочить Суворовъ въ сѣни, какъ былъ осыпанъ обломками и израненъ ими: кровь хлынула у него изо рта. Ясный день превратился въ ночь. Съ трудомъ могъ добраться Суворовъ до лагеря за крѣпостью: тамъ только узналъ, что взорвало артиллерійскую мастерскую, гдѣ начиняли бомбы и гранаты. Подъ Очаковымъ думали, что весь Кинбурнъ взлетѣлъ на воздухъ. Заживавшая рана раскрылась. «Благодарю васъ за участіе», писалъ Суворовъ въ Петербургъ, «но, слава Богу, большого вреда не было: знаки на лицѣ, да ударъ въ грудь, въ колѣно и въ локоть, писать не могу». И среди этихъ страданій Суворова, разгнѣванный Потемкинъ не переставалъ терзать его различными придирками и не хотѣлъ даже вѣрить, что онъ жестоко раненъ. При объясненіи съ Потемкинымъ, Суворовъ увидѣлъ, что ему приходится молча выслушивать упреки Потемкина; вымаливать же помилованія онъ не хотѣлъ, да и не было основанія къ тому: оставалось просить объ увольненіи.

На рѣшительное письмо Потемкинъ отвѣчалъ увольненіемъ. Кажется, это быстрое рѣшеніе испугало Суворова. Съ грустью помышлялъ онъ, что долженъ оставить поле битвъ и чахнуть въ деревнѣ; онъ привыкъ думать, что судьба поведетъ его къ побѣдамъ, къ славной смерти, которой онъ такъ жаждалъ. Суворовъ смирился и написалъ Потемкину другое письмо. Потемкинъ былъ неумолимъ; онъ хотѣлъ доказать, что если гнѣвъ его постигъ кого-либо, то для того опальнаго нѣтъ службы нигдѣ. Всѣ заслуги Суворова были забыты. Суворовъ оставилъ армію, прожилъ еще нѣсколько времени въ Херсонѣ и уѣхалъ въ Кременчугъ.

По Н. Полевому

Digitized by Google

VIII.

Казалось, поприще Суворова навсегда кончилось. Немилость Потемкина продолжалась. Прежде, когда угрожалъ Суворову гнѣвъ Веймарна или Румянцова, была надежда, что его не выдадутъ. Кто теперь могъ за него заступиться? Возвысить голосъ къ престолу, къ матушкѣ-императрицѣ, онъ не смѣлъ, и какъ возвысить его, когда Потемкинъ сталъ тогда на высочайшую степень почестей, власти и могущества?

Между тѣмъ послѣ четырехъ-мѣсячнаго промедленія, которое выводило изъ терпѣнія все войско, Потемкинъ рѣшился на приступъ, да и надобно было на что-нибудь рѣшиться: наступила жестокая зима, оставшаяся въ народной памяти подъ именемъ Очаковской: русскіе гибли, и декабря 6-го, въ Николинъ день, Очаковъ палъ передъ штыками раздраженныхъ воиновъ, пока Потемкинъ молился на главной батареѣ, со слезами восклицая: «Господи, помилуй!»

Взятіе Очакова не только загладило всѣ ошибки Потемкина, его медленность и нерѣшительность, но никакая славная побѣда не могла быть награждена такъ, какъ наградили Потемкина за взятіе крѣпости, которую столь легко могъ бы покорить Суворовъ, если бы ему не помѣшали. Потемкинъ побѣдителемъ ѣхалъ въ Петербургъ отдыхать послѣ своихъ подвиговъ. Въ темныя зимнія ночи ему освѣщали дорогу кострами. По городамъ встрѣчали его генералъ-губернаторы. Толпы народа кричали ему «ура!» Едва пріѣхалъ онъ въ столицу, какъ Екатерина сама посѣтила его и привѣтствовала съ побѣдою. Похвальная грамота, медаль на память потомству, фельдмаршальскій жезлъ, осыпанный брилліантами, орденъ св. Александра Невскаго, прикрѣпленный къ брилліанту въ 100,000 руб. цѣною, шпага съ брилліантами, сто тысячъ рублей на достройку Таврическаго дворца были его наградами по пріѣздѣ въ Петербургъ. Георгій первой степени былъ присланъ ему еще подъ Очаковъ. Едва онъ потребовалъ смѣны Румянцова, воля его исполнилась. Обѣ арміи на слѣдующій годъ поступили подъ начальство Потемкина. Чей голосъ смѣлъ тогда возвыситься противъ него?

Только любовь родительская могла въ то время утѣшать Суворова. Милая ему дочь его, обожаемая «Суворочка», перешла въ томъ году въ старшій возрастъ Смольнаго монастыря. Среди кровавыхъ битвъ Суворовъ писалъ къ ней шутливыя письма. «Ты меня такъ утѣшила письмомъ, что я плакалъ. Кто тебя такому красному слогу учитъ? Боюсь, меня переще-голяешь! Ай, Суворочка! Сколько у насъ салата, жаворонковъ, стерлядей, воробьевъ, цвѣтовъ! Волны бьютъ въ берега, какъ изъ пушекъ, и слышно, какъ въ Очаковѣ собаки лаютъ и пѣтухи поютъ.... Посмотрѣлъ бы я на тебя въ бѣломъ платьицѣ! При свиданіи, не забудь разсказать мнѣ исторію о великихъ мужахъ древности. Голубушка Суворочка! Цѣлую тебя! радъ говорить съ тобой о герояхъ—научи имъ слѣдовать.... А какой по ночамъ въ Очаковѣ вой: собаки поютъ волками, коровы охаютъ, волки блеютъ, козы ревутъ! Я сплю на косѣ—она далеко въ море ушла. Гуляю по ней и слушаю, какъ турки говорятъ на своихъ лодкахъ, и вижу, какъ они курятъ трубки. А лодки у нихъ такія большія: иная съ вашъ Смольный, паруса съ версту, и на иной лодкѣ ихъ больше, чѣмъ у васъ въ Смольномъ мухъ,— и желтенькіе, и синенькіе, и красненькіе, и сѣренькіе, и зеленненькіе, да и ружья-то у нихъ величиною съ ту комнату, въ которой ты спишь съ сестрами!» «Мы были съ турками», писалъ онъ въ другой разъ, «въ рефеатуарѣ[1]). Ай, да охъ! какъ потчевались-бросались свинцовымъ горохомъ, желѣзными кеглями, съ твою голову величиною. Такія у насъ были длинныя булавки, да ножницы кривыя и

[1]) *Рефектуаръ*—столовая въ монастырѣ (трапеза).

Digitized by Google

прямыя—рука не попадайся, тотчасъ отхватятъ, да и голову отрѣжутъ! Кончилось иллюминаціей и фейерверкомъ; и съ пира турки ушли—ой!—далеко, Богу по-своему молиться! Только. Больше ничего нѣтъ, да и то завралисъ мы съ тобой! Прости, душа моя»!

По Н. Полевому.

IX.

Живя въ деревнѣ, совершенно неожиданно Суворовъ вдругъ увидѣлъ удивительную перемѣну въ письменныхъ отношеніяхъ Потемкина. Требуя только безусловной покорности, Потемкинъ готовъ былъ примириться и забыть прежнее. Императрица звала Суворова въ Петербургъ. Онъ поскакалъ туда зимою на почтовыхъ и упалъ въ ноги матушкѣ-императрицѣ.... Умъ Екатерины примирилъ всѣ затрудненія. Надобно было наградить Суворова за безвинное терпѣніе. Нельзя было дать ему награды за Очаковъ; придумали еще награду за Кинбурнъ: бриллiантовое перо на каску, съ изображеніемъ буквы К. Но лучшею наградою ему были неограниченная довѣренность Потемкина и немедленное отправленіе въ армію, гдѣ возложили на него главную обязанность. Суворовъ былъ вполнѣ въ своей сферѣ!

Въ началѣ іюля услышали о движеніи турецкихъ силъ: сорокатысячный оттоманскій корпусъ передвинулся черезъ Дунай и шелъ на австрійцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ принца Кобургскаго. Онъ спѣшилъ извѣстить Суворова. Немедленно выступилъ Суворовъ. Принцъ Кобургскій безпокоился, не получая отвѣта, когда его извѣстили, что русскіе пришли. Въ полторы сутки Суворовъ прошелъ восемьдесятъ верстъ. Принцъ Кобургскій хотѣлъ видѣться съ другомъ своимъ. Суворовъ отдыхалъ въ солдатской палаткѣ, не велѣлъ сказывать, что онъ пришелъ съ войскомъ, но объявить — напротивъ — что онъ остался назади. Принцъ пріѣзжалъ три раза; ему повторяли одно: «Суворова нѣтъ!» Рано утромъ Суворовъ ударилъ сборъ, и безъ объясненій прислалъ приказъ: выступать немедленно. Онъ сказалъ принцу, что надобно итти на непріятеля, стоявшаго въ восьмидесяти верстахъ подъ Фокшанами, и не слушалъ возраженій его о малочисленности войскъ. Надлежало повиноваться. Поспѣшно отправились съ мѣста. Скрывая соединеніе русскихъ съ принцемъ Кобургскимъ, Суворовъ пустилъ передовыми австрійскіе отряды, хотя самъ былъ при нихъ, и такъ отважно уѣзжалъ впередъ, что едва не попался въ плѣнъ турецкому отряду. Двое сутокъ продолжался походъ. Бой кончился извѣстною Фокшанскою побѣдою.

Суворовъ и принцъ Кобургскій обнялись на полѣ битвы, выигранной летучею быстротою Суворова. Потеря людей была ничтожна. Спрашивали у Суворова: почему не хотѣлъ онъ видѣться съ принцемъ по приходѣ въ Аджудъ? „Нельзя было“, отвѣчалъ Суворовъ: „онъ умный, онъ храбрый, да вѣдь онъ тактикъ, а у меня былъ планъ не тактическій. Мы заспорили бы, и онъ загонялъ бы меня дипломатически, тактически, энигматически, а непріятель рѣшилъ бы споръ тѣмъ, что разбилъ бы насъ! Вмѣсто того—ура! съ нами Богъ! и спорить было некогда!“

Н. Полевой.

X.

Сентября 11-го произошла памятная въ военной исторіи битва, имя которой соединилось въ потомствѣ съ именемъ Суворова,—битва на рѣкѣ *Рымникъ*.

Съ огромными турецкими силами явился тогдашній турецкій визирь, который удивлялся разсказамъ и не вѣрилъ, что русскими предводилъ Суворовъ. „Суворовъ убитъ въ Кинбурнѣ“, говорилъ онъ. Но его увѣрили въ истинѣ, что Суворовъ живъ. Слыша о малочисленномъ корпусѣ Суво-

Digitized by Google

рова, визирь хотѣлъ отметить за Фокшаны уничтоженіемъ русскихъ и австрійцевъ. Суворовъ между тѣмъ сдѣлалъ самыя превосходныя военныя распоряженія. Принцъ Кобургскій извѣстилъ Суворова, что вся армія визиря, числомъ около ста тысячъ человѣкъ, шла на него. „Спасите насъ!“ писалъ принцъ Кобургскій. Суворовъ отвѣчалъ однимъ словомъ на лоскуткѣ бумаги: „Иду.“ Въ полночь выступилъ онъ. Къ досадѣ его, гроза и дождь, отчего развело большую грязь и разрушило мостъ, затруднили переходъ. Не смотря на то, переходъ Суворова былъ изумительно быстръ. Принцъ выбѣжалъ къ нему навстрѣчу и называлъ его своимъ спасителемъ.

Переходъ Суворова былъ совершенъ такъ быстро, и нападеніе такъ внезапно, что когда услышанная вдали канонада распространила тревогу въ турецкомъ лагерѣ, никто не вѣрилъ, что *топал-паша*, т. е. хромой паша (такъ звали турки Суворова, потому что онъ накололъ ногу и хромалъ) былъ тутъ и осмѣлился сразиться. Визирь спокойно пилъ кофе. Чашка выпала у него изъ рукъ при извѣстіи о томъ, что Суворовъ здѣсь, и уже сражается. Немедленно велѣлъ онъ итти на помощь къ авангарду. Шпіонъ, извѣстившій его, что за два дня русскіе стояли спокойно въ Пучени, былъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ, хотя несчастный говорилъ правду, которую превратили въ ложь предусмотрительность и необычайная быстрота Суворова.

Помощь, отправленная визиремъ къ авангарду, состоявшая изъ пяти тысячъ человѣкъ, прискакала поздно. Захваченные въ расплохъ турки выслали отрядъ изъ лагеря. Онъ былъ сбитъ, смятъ, и не боясь пальбы турокъ, Суворовъ устремился на высоты. Визирь въ отчаяніи бѣжалъ за рѣку, во многихъ мѣстахъ запруженную трупами людей, лошадьми, пушками, обозомъ. Картечные выстрѣлы и конница довершили пораженіе.

Вечерѣло, когда союзники вступили въ лагерь, бывшій на лѣвомъ берегу Рымника. Принцъ Кобургскій явился къ Суворову съ своими генералами и офицерами и не зналъ, какъ благодарить его.

Турки бѣжали къ Браилову и, не останавливаясь, переправлялись за Дунай. Визирь не перенесъ позора пораженія: онъ умеръ въ какой-то румелійской деревнѣ, терзаемый горестью. Число погибшихъ турокъ полагали болѣе десяти тысячъ; весь обозъ, сто знаменъ, восемьдесятъ пушекъ и мортиръ достались побѣдителямъ, кромѣ богатой добычи и запасовъ. Въ числѣ пушекъ было много австрійскихъ, отбитыхъ у нихъ прежде турками.

При дѣлежѣ этихъ пушекъ произошелъ споръ. Австрійцы требовали обратно своихъ пушекъ, ими отданныхъ туркамъ, но не ими взятыхъ отъ турокъ. „Отдайте имъ“, сказалъ Суворовъ, „вѣдь они свое берутъ. Мы еще себѣ достанемъ, а имъ гдѣ взять?“

Такъ совершилась знаменитая побѣда, которую австрійцы назвали битвою подъ Мартинешти, а русскіе „Рымникскою“. Она произвела всеобщій восторгъ въ Россіи и Австріи. Императоръ спѣшилъ наградить побѣдителей. Суворовъ возведенъ въ графы Римской имперіи; принцъ Кобургскій пожалованъ фельдмаршаломъ. Екатерина наградила „своего генерала“ по-царски: орденъ св. Георгія 1-й степени, графское достоинство, съ титуломъ Рымникскаго, и проч. свидѣтельствовали о признательности императрицы.

По Н. Полевому.

XI.

25-го ноября Потемкинъ послалъ Суворову приказъ—взять Измаилъ. „Получа повелѣніе Вашей Свѣтлости“, отвѣчалъ Суворовъ, „отправился я къ Измаилу. Боже! дай помощь свою!“ Измаилъ въ то время былъ одною изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей, извѣстныхъ въ Европѣ; онъ былъ

превосходно защищенъ искусствомъ и природою. Къ тому же гарнизонъ этой крѣпости состоялъ изъ цѣлой сорока-тысячной арміи, подъ начальствомъ самыхъ искусныхъ и храбрыхъ начальниковъ. И Суворовъ рѣшился на великій подвигъ—взять Измаилъ, хотя у него было только 28,000 войска, ослабленнаго недостатками, наполовину состоявшаго изъ казаковъ. Время стояло ужасное: грязь и холодъ отнимали средства дѣйствовать.

Ославъ изъ Галаца свой отвѣтъ Потемкину, Суворовъ сѣлъ на казацкую лошадь и на другой день (2-го декабря), съ отрядомъ казаковъ, былъ уже подъ Измаиломъ. „Къ Измаилу я прибылъ", писалъ онъ Потемкину. Между тѣмъ войска отступали отъ крѣпости. Суворовъ приказалъ имъ воротиться. „Безъ особаго повелѣнія Вашего", писалъ онъ 3-го декабря Потемкину, „безвременно отступить было бы постыдно".

Суворовъ не обманывалъ. Одно появленіе его переродило всѣхъ. На военномъ совѣтѣ, тѣ самые, которые приходили въ отчаяніе за два дня, положили единодушно: „штурмовать Измаилъ; блокада безполезна; спрашивать повелѣній не нужно; отступать предосудительно." Казацкій начальникъ Платовъ, еще очень молодой человѣкъ,—прославившійся впослѣдствіи въ войну 1812-го года,—какъ младшій, первый подписалъ рѣшеніе совѣта и первый подалъ голосъ: штурмовать. „Хорошо, помилуй Богъ, хорошо!" воскликнулъ Суворовъ, обнимая его: „сегодня молитьея, завтра учиться, послѣ завтра—побѣда или смерть!" вскричалъ онъ, когда утверждено было общее рѣшеніе.

Къ сераскиру послали 2-го декабря требованіе о сдачѣ. Въ отвѣтъ онъ совѣтовалъ русскимъ „убраться поскорѣе, если не хотятъ погибнуть отъ холода и голода." Послали еще разъ. „Скажи Суворову," былъ отвѣтъ сераскира, „что прежде небо упадетъ на землю, и Дунай потечетъ кверху, нежели я сдамъ Измаилъ." Между тѣмъ русскіе дѣятельно готовили фашины [1]) и лѣстницы. Суворовъ самъ училъ солдатъ, какъ ставить лѣстницы, какъ лѣзть на стѣны и сражаться на валахъ.

Утромъ 10-го декабря, желая занять вниманіе турокъ, открыли пальбу съ флота и съ двухъ батарей. Вечеромъ она смолкла. Сильнымъ морозомъ скрѣпило грязь. Войско было готово. Наступила темная ночь — послѣдняя для многихъ храбрыхъ.

Нельзя не удивляться, читая подробности диспозиціи штурма: каждому предписывалось его назначеніе съ точностію. Ни въ городѣ, ни въ русскомъ лагерѣ никто не спалъ; полки двигались. Осажденные готовились, увѣдомленные перебѣжчиками о наступающей грозной минутѣ. Суворовъ объѣзжалъ войско; говорилъ съ офицерами и солдатами; являлся всюду. Радостно привѣтствовали его солдаты. Въ три часа утра взлетѣла ракета—всѣ взялись за оружіе; въ четыре другая—построились; въ пять третья—и въ одно мгновеніе колонны двинулись къ Измаилу. Стѣны Измаила вспыхнули огнемъ, и скоро крики „ура!" „Алла!" дали знать о началѣ рѣднаго воинскаго подвига...

Не будемъ разсказывать подробностей, довольствуясь немногими чертами. „Въ Измаилѣ не крѣпость была взята, но истреблена была сорокатысячная армія, защищенная укрѣпленіями", говорилъ Потемкинъ въ донесеніи своемъ императрицѣ. „Побѣдители сами изумились, когда днемъ осматривали рвы и валы, по которымъ перешли ночью подъ губительнымъ огнемъ непріятелей. Первый, взошедшій на стѣны Измаила, былъ маіоръ Неклюдовъ, вызвавшійся итти съ охотниками. Прежде другихъ взобралась на валъ колонна Ласси. Бросивъ лѣстницы, солдаты лѣзли безъ нихъ, втыкая въ валъ штыки. Въ одномъ мѣстѣ русскіе дрогнули—среди нихъ явился священникъ и именемъ Бога-побѣдодавца, держа въ рукѣ крестъ,

---

1) *Фашины*—вязанки хворосту.

Digitized by Google

повелъ ихъ впередъ. Колонна Кутузова остановилась. Онъ извѣстилъ Суворова о невозможности итти далѣе. „Скажите Кутузову, что я жалую его комендантомъ Измаила," отвѣчалъ Суворовъ. „Мы другъ друга знаемъ", говорилъ Суворовъ послѣ взятія Измаила: „ни онъ, ни я не пережили бы неудачи". Въ 8 часовъ утра русскіе овладѣли всѣми внѣшними укрѣпленіями; но имъ предстояла битва, не менѣе страшная: каждая улица, каждый домъ были оспариваемы съ оружіемъ въ рукахъ. Сераскиръ былъ убитъ въ свалкѣ. Сражались даже женщины. Одинъ только человѣкъ ушелъ изъ Измаила и принесъ визирю вѣсть о взятіи непобѣдимой крѣпости. До двадцати трехъ тысячъ турокъ было убито, и только пять тысячъ взято въ плѣнъ.

Въ четыре часа пополудни Измаилъ лежалъ безмолвною могилою, опаленный пожаромъ, залитый кровью, заваленный трупами, и Суворовъ писалъ императрицѣ: „Гордый Измаилъ у ногъ Вашего Императорскаго Величества", а къ Потемкину: „Не бывало крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе обороны Измаила, но Измаилъ взятъ. Поздравляю Вашу Свѣтлость". Шесть дней очищали городъ. Черезъ недѣлю войско пошло на зимнія квартиры. Суворовъ отправился въ Галацъ, по-прежнему, верхомъ на казацкой лошадкѣ въ старой шинели.

Взятіе Измаила поставило имя Суворова выше всѣхъ его современниковъ. Онъ не скрывалъ, что гордится своимъ подвигомъ, не скрылъ и своего негодованія, когда, при первомъ личномъ свиданіи, Потемкинъ встрѣтилъ его словами: „Чѣмъ могу наградить тебя, Александръ Васильевичъ"? „Кромѣ Бога и императрицы, никто наградить меня не можетъ; я не купецъ и не торговаться съ вами пріѣхалъ!" отвѣчалъ ему Суворовъ. Они разстались холодно...

Н. Полевой.

XII.

Суворовъ ждалъ, когда онъ понадобится снова, и дождался. Отечество возлагало на него надежды; Екатерина звала его, и новый подвигъ его напомнилъ Измаилъ. Подвигъ этотъ былъ покореніе снова возмутившейся Польши, которая поднялась противъ своего короля, подъ предводительствомъ смѣлаго и знаменитаго польскаго военачальника Тадеуша Косціушки.

Косціушко соединилъ тысячи, изобрѣлъ новое вооруженіе пѣхоты, устроилъ сильную конницу, собралъ многочисленную артиллерію, одушевилъ мужество товарищей.

Быстротою перехода, занятіемъ мѣстъ, искуснымъ разъединеніемъ поляковъ, Суворовъ успѣлъ скоро окончить трудное порученіе: въ двѣ недѣли восемь тысячъ поляковъ, готовыхъ усилить войско Косціушки, были обезоружены безъ всякаго кровопролитія. Послѣ того въ бездѣйствіи Суворовъ оставался въ Немировѣ, училъ солдатъ, негодовалъ, слыша объ удачахъ Косціушки и о неловкихъ распоряженіяхъ военными дѣйствіями въ Польшѣ. Казалось, старались обойтись безъ Суворова, пока могли: отступленіе короля прусскаго отъ Варшавы и призывъ Суворова разрушили всѣ интриги враговъ его. „Слава Богу!" воскликнулъ онъ, „пойдемъ и покажемъ, какъ бьютъ поляковъ!" Онъ посѣтилъ Румянцова, жившаго тогда въ деревнѣ своей близъ Кіева. Румянцову ввѣрено было главное начальство надъ резервными войсками, расположенными на Волыни и въ Подоліи. Екатерина предлагала ему принять начальство надъ дѣйствующею арміею въ Польшѣ. Семидесятилѣтній старецъ, изнуренный болѣзнями, отказался и прямо указалъ императрицѣ на Суворова. Суворовъ не старѣлся. Ему было тогда шестьдесятъ четыре года, но какъ живой и бодрый юноша, онъ изумлялъ своею неутомимостію.

Послѣ пораженія Косціушки, поляки послали узнать о намѣреніяхъ Суворова. Онъ не допустилъ къ себѣ посланныхъ, отвѣчая, что съ бунтов-

щиками, нарушателями договоровъ, людьми, намѣренно погубившими русскихъ въ Варшавѣ, говорить не станетъ; что если они хотятъ пощады, то должны обезоружить войско, отдать оружіе, покориться королю и безусловно ждать приговора русской императрицы, а между тѣмъ, не дожидаясь рѣшенія ихъ, онъ идетъ къ Варшавѣ. Отвѣтъ Суворова воспламенилъ угасавшую ярость конфедератовъ. Итакъ не было пощады. „Смерть легче безчестія!“ кричали въ совѣтѣ правительства. Положено было ввести войско въ Прагу, предмѣстье Варшавы, а въ самой Варшавѣ оставить небольшой гарнизонъ для охраненія города, защищаться, сколько будетъ возможно, умереть, если защита будетъ безполезна. Множество молодыхъ людей, даже старики и женщины вооружались и шли въ Прагу.

Прага, предмѣстье Варшавы, отдѣляемая отъ столицы Вислою, соединялась съ Варшавою мостомъ. Укрѣпленіе Праги состояло изъ вала и было собственно мостовымъ прикрытіемъ. Но, готовясь къ осадѣ, поляки окружили Прагу обширнымъ ретраншаментомъ; между нимъ и прежнимъ внутреннимъ укрѣпленіемъ находилось войско. Тридцать тысячъ засѣли въ Прагѣ на жизнь и на смерть.

Прошло три дня. Русскіе не показывались передъ Прагою. Защитники начинали думать, что Суворовъ колеблется, не рѣшается на битву. Вдругъ неожиданно грохотъ барабановъ и звуки музыки, 22-го октября, возвѣстили приближеніе русскаго войска. Оно шло раздѣленное на три колонны. Всѣ бросились къ оружію; со стѣнъ Праги загремѣли пушки. Со страхомъ и любопытствомъ поляки видѣли, что русскіе располагаются лагеремъ. Къ ночи все смолкло.

Ночью неутомимо работали въ русскомъ лагерѣ, и съ разсвѣтомъ восемьдесятъ пушекъ пробудили защитниковъ Праги, если только кто-нибудь спалъ въ эту страшную ночь. Русскія пушки заставили замолчать пушки въ стѣнахъ ретраншамента. Канонада гремѣла безпрерывно весь день. Суворовъ, и безъ того хорошо знавшій расположеніе Варшавы и Праги, еще разъ осмотрѣлъ мѣстоположеніе. Устройство русскихъ батарей заставляло думать, что Прага будетъ осаждена. Но Суворовъ уже рѣшилъ судьбу ея; войску велѣно было готовиться на приступъ: защитники Праги были обречены на смерть. „Противъ вооруженнаго непріятеля“, сказано было въ приказѣ этого дня, данномъ Суворовымъ, „дѣйствовать съ крайнимъ напряженіемъ и силою, а невооруженныхъ и помилованія просящихъ щадить“. Пораженіе конфедератовъ было ужасно. Когда ужасы приступа стихли, Суворовъ въѣхалъ въ Прагу. Остальное войско расположилось бивуаками внутри ретраншамента и около него. Близъ кавальера [1]) раскинули солдатскую палатку Суворову. Сюда явились къ нему съ поздравленіемъ генералы и полковники. Привели плѣнныхъ. Суворовъ возвратилъ имъ шпаги. На землѣ разостлали скатерть, и Суворовъ угощалъ гостей. На ночь поставили калмыцкую кибитку, и Суворовъ уснулъ въ ней, въ первый разъ послѣ двухъ безсонныхъ ночей.

Рано утромъ на другой день явились депутаты изъ Варшавы. Они привезли Суворову письмо короля Станислава. „Правленіе Варшавы просило моего посредничества“, писалъ онъ: „жители хотятъ защищаться, если не будутъ обнадежены въ безопасности жизни и имѣнія“. Депутаты требовали перемирія на недѣлю для окончанія переговоровъ. Дежурный генералъ передалъ имъ отвѣтъ Суворова: „Договоры не нужны. Войско обезоруживается, и всякое оружіе отдается русскимъ. Король утверждается въ своемъ достоинствѣ. Русскіе вступаютъ немедленно въ Варшаву. Жизнь и имѣніе жителей безопасны. Отвѣтъ черезъ 24 часа“. Депутатовъ

---

[1]) *Кавальеръ*—малый бастіонъ (выступъ въ укрѣпленіи), внутри главнаго бастіона для обстрѣливанія мѣстъ, скрытыхъ отъ главнаго огня.

Digitized by Google

ввели въ палатку Суворова. Онъ сидѣлъ на обрубкѣ бревна; другой обрубокъ замѣнялъ ему столъ.

„Pokoj!“ (миръ) воскликнулъ онъ, бросая саблю свою и съ распростертыми объятіями идя навстрѣчу депутатовъ. Суворовъ ласково говорилъ съ ними, шутилъ и, отпустивъ ихъ, приказалъ очищать Прагу и погребать убитыхъ. Въ тотъ же день восемь тысячъ человѣкъ было распущено. На другой день явились снова депутаты и опять требовали перемирія. Суворовъ отказалъ рѣшительно, объявивъ послѣднія условія: „обезоруженіе или высылка войскъ изъ Варшавы, если они не хотятъ положить оружія; сдача оружія и арсеналовъ русскимъ; освобожденіе русскихъ плѣнныхъ; день срока на отвѣтъ и немедленное начало военныхъ дѣйствій въ случаѣ несогласія“.

Октября 27-го, утромъ, явились графы Потоцкій и Мостовскій. Они извѣстили Суворова, что для очищенія Варшавы отъ войска, потребна недѣля срока. „Ни одного часа!“ вскричалъ гнѣвно Суворовъ. „Мы не воюемъ съ Польшей и королемъ ея! О какихъ войскахъ вы мнѣ говорите? Толпа бунтовщиковъ не войско! Я посланъ истребить ихъ; я не дипломатъ, и переговоры прекращаются!“ Въ тотъ же день были посланы русскіе отряды въ Варшаву, заняли всѣ караулы, приняли арсеналъ и запасы пороха.

Октября 29-го происходило торжественное вступленіе русскихъ въ Варшаву, при звукахъ музыки и громѣ барабановъ. Суворовъ ѣхалъ верхомъ, окруженный своими генералами. Онъ былъ на казацкой лошади, въ бѣломъ мундирѣ, безъ орденовъ, кромѣ Георгіевской звѣзды. У моста встрѣтили его городскіе правители и подвесли ему хлѣбъ-соль и ключи города, серебряные, позолоченные; они и донынѣ хранятся въ петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ. Суворовъ взялъ ихъ, перекрестился, поцѣловалъ, обратился къ Прагѣ и утеръ слезы. Толпы народа наполняли улицы, восклицая: „Да здравствуетъ Суворовъ! Да здравствуетъ Екатерина!“ Суворовъ остановился въ трактирѣ, въ предмѣстіи города, гдѣ на полѣ остановились лагеремъ пришедшія въ Варшаву русскія войска.

„Всемилостивѣйшая Государыня! Ура! Варшава наша!“ донесъ Суворовъ императрицѣ. На донесеніе его Екатерина отвѣтила тремя словами: *„Ура, фельдмаршалъ Суворовъ!“*

По Н. Полевому.

XIII.

Ни одна награда не порадовала Суворова такъ, какъ чинъ фельдмаршала. Тогда въ Россіи были только два сановника въ этомъ высшемъ санѣ: графы К. Г. Разумовскій и Румянцовъ. Девять генералъ-аншефовъ были старше Суворова. „Мое правило—не производить никого не въ очередь“, писала Суворову Екатерина, „но вы завоевали чинъ фельдмаршала въ Польшѣ!“—„А! таки перескочилъ!“ вскричалъ Суворовъ, прыгая черезъ стулья и высчитывая по пальцамъ генералъ-аншефовъ старше себя: „Салтыковъ назади, Долгоруковъ назади, Каменскій назади, а мы впереди!“ Онъ перекрестился и примолвилъ: „Помилуй Богъ матушку императрицу! Милостива она ко мнѣ старику!“

Среди придворнаго величія и почестей Суворовъ не измѣнялъ своего обхожденія, своихъ странностей и образа жизни. Въ Таврическомъ дворцѣ, прежнемъ жилищѣ Потемкина, отведенномъ ему для житья, занималъ онъ маленькую комнату, спалъ на сѣнѣ, рѣдко являлся на великолѣпныхъ обѣдахъ, и только мелькомъ въ высшихъ обществахъ, гдѣ всѣ искали его, почитая счастіемъ, если Суворовъ удостоивалъ чей-нибудь пиръ и праздникъ минутнымъ присутствіемъ. Императрица снисходила къ странностямъ великаго человѣка, которыя казались теперь всѣмъ чѣмъ-то особеннымъ и геніальнымъ, а вовсе не смѣшнымъ. Анекдоты о Суворовѣ ходили въ народѣ и

были предметомъ общаго удивленія. Разсказывали, что на балѣ во дворцѣ, когда императрица спросила: „Чѣмъ потчевать васъ, Александръ Васильевичъ?“—„Матушка“, отвѣчалъ онъ, „будь милостива: вели дать водочки!“—„Но что скажутъ красавицы, если отъ васъ будетъ нахнутъ водкой?“ сказала, смѣясь, императрица.—„Ничего, матушка: онѣ увидятъ, что Суворовъ солдатъ“.

Замѣтивъ, что Суворовъ ѣздитъ зимою безъ шубы, императрица упрекала его, что онъ не бережетъ здоровья, и подарила ему дорогую соболью шубу. Суворовъ благодарилъ и, ѣдя во дворецъ, сажалъ съ собою слугу, который держалъ шубу на рукахъ и надѣвалъ на него при выходѣ изъ кареты. „Не смѣю ослушаться императрицы“, говорилъ Суворовъ: „шуба со мной, а нѣжиться солдату не хорошо!“

Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, при дворѣ, въ политическихъ дѣлахъ, въ войскѣ, въ гражданскомъ управленіи Россіи явились новые сановники. Быстро смѣняли они прежнихъ подвижниковъ. Въ войскѣ измѣнены были одежда, вооруженіе, чиноначаліе, ученіе, команда, раздѣленіе полковъ.

Непоколебимый поборникъ истины, Суворовъ рѣшился говорить истину. Враги Суворова успѣли представить императору въ превратномъ видѣ любовь войска къ Суворову, его противорѣчія новымъ порядкамъ, самыя странности его. „Мнѣ поздно перемѣняться!“ отвѣчалъ огорченный старецъ, когда ему замѣтили, что его проказы неумѣстны, и что тѣмъ нарушается военная дисциплина. „Матушка Екатерина тридцать лѣтъ терпѣла мои причуды“, сказалъ онъ, „и я шалилъ подъ Рымникомъ и подъ Варшавою“. Еще нѣсколько времени недоброжелатели щадили упрямаго старика, но не любимцевъ и друзей Суворова; одни были отставлены, другіе удалены,—Суворовъ не унимался. Въ 1797 году онъ получилъ строгій выговоръ „за самовольный отпускъ подполковника Батурина, ибо власти на то не имѣетъ никто, кромѣ государя“. Суворовъ отправилъ куда-то курьеромъ капитана Мерлина. Посланный имъ былъ отосланъ въ рижскій гарнизонъ, а Суворову сдѣланъ выговоръ „за посылку курьеромъ военнослужащаго, безъ всякаго дѣла“. 27-го января командованіе передано генералъ-лейтенанту Бенкендорфу, а „Суворову повелѣно быть въ Петербургѣ и остаться безъ команды“. Такое распоряженіе показывало явную немилость императора.

Повинуясь волѣ монарха, трогательно разстался съ товарищами своими Суворовъ. Его любимый Фанагорійскій гренадерскій полкъ былъ выстроенъ на Тульчинской площади. Суворовъ явился передъ полкомъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, во всѣхъ орденахъ, обратилъ рѣчь къ солдатамъ, прощался съ ними, увѣщевалъ ихъ быть вѣрными государю, послушными начальникамъ. Потомъ снялъ онъ съ себя ордена, положилъ ихъ на барабанъ и воскликнулъ: „Прощайте, ребяда, товарищи, чудо-богатыри! Оставляю здѣсь все, что я заслужилъ съ вами. Молитесь Богу! Не пропадетъ молитва за Богомъ и служба за царемъ! Мы еще увидимся! Мы еще увидимся—мы еще будемъ драться вмѣстѣ! Суворовъ явится среди васъ!“ Солдаты плакали. Суворовъ подозвалъ одного изъ нихъ къ себѣ, обнялъ, зарыдалъ и побѣжалъ на свою квартиру. Почтовая телѣжка уже стояла готовая. Суворовъ сѣлъ въ нее, и тройка помчалась...

Онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ у него небольшой домикъ. Здѣсь, на родинѣ своей, укрываясь отъ свѣта, хотѣлъ онъ жить и умереть среди семейства дочери своей. Но враги не думали оставить его въ покоѣ. Прощаніе съ солдатами и уединенная жизнь въ Москвѣ возбудили новыя клеветы на него. Страшились встрѣчи съ нимъ императора, пылкаго въ гнѣвѣ, но великодушнаго и по-царски умѣвшаго сознаваться въ ошибкахъ. Нѣсколько словъ его съ Суворовымъ въ одно мгновеніе могли бы разрушить всѣ коварные умыслы враговъ. Надобно было удалить Суворова, ли-

шить всѣхъ средствъ оправдаться передъ императоромъ. Когда Москва ждала царя, и тамъ все готовилось для священнаго коронованія государя, полицейскій чиновникъ явился въ уединеніе Суворова и объявилъ ему Высочайшій приказъ ѣхать изъ Москвы въ деревню. „Сколько времени дается мнѣ на сборы?“ спросилъ Суворовъ.—„Четыре часа“, отвѣчалъ присланный.—„Слишкомъ много! Не только въ деревню, но бить турокъ и поляковъ собирался я въ часъ!“ сказалъ Суворовъ, взялъ подъ мышку небольшой ящичекъ съ бумагами, накинулъ на себя старый плащъ свой, простился съ домашними и сказалъ присланному чиновнику, что онъ готовъ. У крыльца стояла дорожная карета. Суворовъ отказался сѣсть въ нее. „Для чего мнѣ карета?“ говорилъ онъ: „и во дворецъ царскій ѣзжалъ я въ почтовой телѣжкѣ!“ Принуждены были исполнить его требованіе. Въ послѣдній разъ Суворовъ взглянулъ на древнюю Москву, колыбель свою, мѣсто, гдѣ столько разъ являлся онъ въ величіи и славѣ, и гдѣ оставлялъ милыхъ сердцу людей. Телѣга помчалась по петербургской дорогѣ, но не въ Петербургъ: съ Вышняго Волочка повернули вправо—мѣстомъ пребыванія Суворова назначалось родовое сельцо его Коншанское, гдѣ былъ еще цѣлъ старый отцовскій домъ, и гдѣ нерѣдко Суворовъ живалъ въ дѣтствѣ. Полицейскій чиновникъ, сопровождавшій его, остался при немъ съ нѣсколькими полицейскими служителями.

Коншанское находится въ глуши лѣсовъ, далеко отъ большой дороги, на сѣверовостокъ отъ уѣзднаго города Новгородской губерніи Боровичей, среди болотъ и озеръ. Оно населено Корелами. Господскій домъ и садъ расположены въ немъ на высокой горѣ. За садомъ находилась тогда старинная деревянная церковь. Видъ мѣста вообще мрачный, унылый. Здѣсь-то поселился Суворовъ, одинокій и—казалось—забытый всѣми людьми.

Суворовъ жилъ въ Коншанскомъ спокойно. Ни жалобъ, ни сѣтованій отъ него не слыхали. Онъ былъ веселъ и заботливо занялся постройкою двухъ небольшихъ домиковъ. Эти домики еще цѣлы донынѣ. Въ одномъ изъ нихъ три небольшія комнаты, спальня и комната для служителя, находившагося при Суворовѣ. Стѣны были обиты простыми пестрыми обоями. Другой домикъ въ саду. Въ немъ одна комната. Туда уединялся Суворовъ для своихъ вечернихъ занятій. Онъ велъ прежній образъ жизни: вставалъ рано, звонилъ на колокольнѣ, ходилъ къ заутренѣ и обѣднѣ, въ продолженіе которыхъ исправлялъ должность понамаря и дьячка, пѣлъ на крылосѣ, читалъ Апостолъ, подавалъ священнику кадило. По воскресеньямъ послѣ обѣдни заходилъ къ священнику. Обѣдалъ всегда у себя одинъ и послѣ отдыха отправлялся гулять по деревнѣ. Здѣсь игралъ съ крестьянскими дѣтьми, слушалъ сельскія и городскія новости и сплетни, мирилъ ссоры и споры, благотворилъ крестьянамъ, вмѣшивался въ ихъ игры, а по вечерамъ удалялся въ свой садовый пріютъ. Тамъ иногда утренняя заря заставала его за картами, планами и книгами. Суворовъ былъ здѣсь не одинъ: онъ бесѣдовалъ съ великими всѣхъ вѣковъ, вспоминалъ прошедшее и вопрошалъ будущее, прилежно слѣдя за современными событіями, какъ будто предчувствуя, что ему не суждено умереть въ забвеніи, въ уединенной деревнѣ. Онъ мысленно переселялся на поля Италіи, на Рейнъ, гдѣ тогда шумѣли битвы, куда уже готовъ онъ былъ полетѣть, когда судьба вырвала изъ рукъ его побѣдоносный мечъ. Читая извѣстія о побѣдахъ Бонапарте, Суворовъ восклицалъ: „О, пора, пора унять мальчика! далеко шагаетъ!“

По Н. Полевому.

XIV.

Однажды къ воротамъ его дома прискакала фельдъегерская телѣжка. „Гдѣ графъ?“ спрашивалъ соскочившій съ нея курьеръ. Полицейскій чиновникъ указалъ ему на плѣшиваго старика въ парусинной куртке, играв-

шаго на дворѣ въ бабки съ ребятишками. Офицеръ подалъ ему пакетъ изъ Петербурга съ надписью: „Фельдмаршалу Суворову".—Письмо не ко мнѣ", сказалъ онъ курьеру: „со мною запрещено переписываться". Курьеръ утверждалъ, что письмо писано по волѣ государя. „Не вѣрю", говорилъ Суворовъ, „я названъ фельдмаршаломъ, но если я фельдмаршалъ, мнѣ надобно быть при арміи, а не подъ стражею въ деревнѣ". Курьеръ возвратился въ Петербургъ съ нераспечатаннымъ конвертомъ и съ этимъ словеснымъ отвѣтомъ Суворова. Новый курьеръ, поспѣшно прискакавшій въ Коншанское, вручилъ Суворову уже собственноручное письмо императора.

„Графъ Александръ Васильевичъ!

„Теперь намъ не время разсчитываться. Виноватаго Богъ проститъ. Римскій императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшайте пріѣздомъ сюда, и не отнимайте у славы вашей времени, а у меня удовольствія васъ видѣть".

Говорили, что, получивъ письмо императора Франца, императоръ Павелъ усмѣхнулся и сказалъ Растопчину: „Вотъ каковы русскіе — вездѣ пригождаются!"

Прочитавъ письмо, Суворовъ побѣжалъ въ церковь, велѣлъ служить молебенъ; стоя на колѣняхъ, пѣлъ, молился, плакалъ. Между тѣмъ запрягали лошадей въ повозку и открытыя сани, а камердинеръ его распоряжался по слѣдующему письменному приказу его:

„Часъ собираться, другой отправляться. Ѣду съ четырьмя товарищами. Приготовь 18 лошадей. Денегъ взять на дорогу 250 руб. Егоркѣ бѣжать къ старостѣ Ѳомкѣ и сказать, чтобы такую сумму повѣрилъ. Ѣду не на шутку, да вѣдь я же служилъ здѣсь дьячкомъ и пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть Марсомъ".

Въ первыхъ числахъ февраля по Петербургу пронеслась молва: „Суворовъ пріѣхалъ!"

Видя милости государя, кто не льстилъ тогда Суворову? Народъ бѣгалъ за его каретою; толпы собирались на парады, желая посмотрѣть его. Приказы и шутки Суворова пересказывали, какъ черты геніи, удивляясь имъ, и восхищаясь ими. Сановники съ ранняго утра тѣснились въ его передней. Изъявляя уваженіе немногимъ, Суворовъ не щадилъ многихъ. Иныхъ онъ приводилъ въ смущеніе, разспрашивая, за что далъ имъ тотъ или другой орденъ, качалъ съ удивленіемъ головою, восклицая: „Не слыхивалъ! не слыхивалъ!" Шутки его были неистощимы. Онъ выбѣжалъ навстрѣчу къ одному изъ гостей своихъ, кланялся чуть не въ ноги и бѣгалъ по комнатѣ, крича: „Куда мнѣ посадить такого великаго, такого знатнаго человѣка? Прошка! стулъ, другой, третій!" И при помощи Прошки Суворовъ становилъ стулья одинъ на другой, кланяясь и прося садиться выше другихъ; „туда, туда батюшка, а ужъ свалишься, не моя вина", говорилъ Суворовъ, улыбаясь. Сердечно полюбилъ онъ тогда Ѳ. В. Растопчина, русскаго сердцемъ. Въ бесѣдахъ съ Растопчинымъ открывалъ Суворовъ всѣ тайны души своей, но и съ нимъ шутилъ онъ не менѣе, нежели съ другими. Однажды среди важныхъ разговоровъ, когда Растопчинъ, по его собственнымъ словамъ, „обратился весь въ слухъ и вниманіе", Суворовъ вдругъ остановился и запѣлъ пѣтухомъ. „Какъ это можно!" съ негодованіемъ воскликнулъ Растопчинъ.—„Поживи съ мое—запоешь и курицей!" отвѣчалъ Суворовъ, смѣясь. Въ другой разъ увѣрялъ онъ Растопчина, что онъ былъ раненъ тридцать два раза: дважды на войнѣ, десять дома, двадцать разъ при дворѣ. Растопчинъ былъ въ восторгѣ отъ Суворова. Любимецъ императора Обольяниновъ заставалъ Суворова прыгающимъ черезъ чемоданы и разныя дорожныя вещи, которыя въ нихъ укладывали.

„Учусь прыгать", сказалъ ему Суворовъ: „вѣдь въ Италію-то прыгнуть—ой, ой! великъ прыжокъ! поучиться надобно!"

Суворовъ отправился въ Вѣну. Онъ ѣхалъ на почтовыхъ, безъ отдыха, день и ночь. Въ Дерптѣ явился къ нему какой-то старый сослуживецъ его. Суворовъ обрадовался, разговорился съ нимъ и вдругъ спросилъ: „Какія будутъ станціи отъ Дерпта до Риги?" Не зная названій ихъ, но зная, что „немогузнайство" разсердитъ старика, сослуживецъ серьезно отвѣчалъ: „Первая Туртуцай, вторая Кинбурнъ, третья Измаилъ".—„Помилуй Богъ!" отвѣчалъ Суворовъ: „видно прежнія названія перемѣнили. А за Ригой что?" „Тамъ первая Миланъ, вторая Туринъ, третья Парижъ!"—„Охъ, да какъ ты географію знаешь! Хорошо, хорошо!" сказалъ Суворовъ, потрепавъ по плечу стараго знакомаго.

Марта 15-го прибылъ Суворовъ въ Вѣну. Въ Санктъ-Пельтенѣ [1]) встрѣтилъ онъ корпусъ войскъ, выскочилъ изъ экипажа и закричалъ: „Здорово, ребята, чудо-богатыри! Вотъ—видите ли? Я опять съ вами!" Крики „ура" привѣтствовали великаго вождя къ побѣдамъ. Въ Вѣну пріѣхалъ Суворовъ ночью, остановился у русскаго посла, графа А. К. Разумовскаго, и легъ спать, какъ всегда, на соломѣ... Нѣсколько дней спустя, Суворовъ спѣшилъ на мѣсто военныхъ дѣйствій. Онъ ѣхалъ день и ночь, не смотря на дурныя дороги и темныя ночи. Въ Штирійскихъ горахъ, ночью, экипажъ его упалъ въ рѣку. Суворовъ больно ушибся. „Ничего", отвѣчалъ онъ, когда ему выражали сожалѣніе: „жаль только, что церковныя ноты подмокли: боюсь, что не по чемъ будетъ пѣть: „Тебе, Бога, хвалимъ!"

Передъ Туриномъ нѣкоторые генералы представили Суворову затрудненія, препятствующія взять этотъ городъ. Онъ разсердился и крикнулъ: „Пустое! Аннибалъ, перепрыгнувшись черезъ Альпы, взялъ чрезъ три дня Туринъ. Онъ будетъ моимъ учителемъ".

Изъ цитадели трехъ-тысячный французскій гарнизонъ безпрестанно сыпалъ градомъ бомбы, картечь и ядра. Суворовъ велѣлъ объявить коменданту, что если онъ не прекратитъ пальбы, то подъ выстрѣлы будутъ выведены французскіе плѣнные. Тишина водворилась. Духовенство католическое, при входѣ Суворова въ каѳедральный храмъ, въ угодность ему, благословило его по обряду греческой церкви. Городъ Туринъ поднесъ побѣдителю шпагу, усыпанную брилліантами.

За освобожденіе Италіи въ четыре мѣсяца пожалованъ Суворовъ княземъ Россійской имперіи, съ титуломъ *Италійскаго*, который распространенъ и на его потомковъ.

По Н. Полевому.

XV.

Гнѣздо первозданныхъ громадъ, среди цвѣтущихъ долинъ возвышающееся отдѣльными горами и хребтами горъ, вершины коихъ увѣнчаны вѣчными снѣгами, и среди коихъ проложены тропинки, перерѣзываемыя потоками и водопадами,—Швейцарія была театромъ войны особаго рода.

Суворовъ изъ Италіи распорядилъ диспозиціи похода и битвъ въ Швейцаріи. Войска его имѣли при себѣ только легкую артиллерію, которую надлежало везти на мулахъ. Остальная артиллерія долженствовала быть перевезена черезъ Миланъ, Комо, Граубинденъ, и Тироль отдѣльно. Суворовъ, съ двадцатью тысячами, шелъ черезъ гору Сенъ-Готардъ...

Изъ Фельдкирхена подробно донесъ Суворовъ императору Павлу о походѣ своемъ. „Подвиги русскихъ на сушѣ и на морѣ надлежало увѣнчать подвигами на громадахъ недоступныхъ горъ", писалъ онъ. „Оставя за собою въ Италіи славу избавителей и сожалѣніе освобожденныхъ нами

---

[1]) *Санктъ-Пельтенъ*—городъ въ Австріи.

Digitized by Google

народовъ, мы перешли цѣпи Швейцарскихъ горныхъ стремнинъ. Въ семъ царствѣ ужаса на каждомъ шагу зіяли окрестъ васъ пропасти, какъ отверстыя могилы. Мрачныя ночи, безпрерывные громы, дожди, туманы, при шумѣ водопадовъ, свергающихъ съ вершинъ горъ огромныя льдины и камни, С.-Готардъ, колосъ, ниже вершины коего носятся тучи,—все было преодолѣно нами, и въ недоступныхъ мѣстахъ не устоялъ передъ нами непріятель... Русскіе перешли снѣжную вершину Бинтнера, утопая въ грязи, подъ брызгами водопадовъ, уносившихъ людей и лошадей въ бездны... Словъ не достаетъ на изображеніе ужасовъ, видѣнныхъ нами, среди коихъ хранила насъ десница Провидѣнія...“

„Кавказъ ничто передъ Альпами!“ говорилъ Суворовъ, глядя съ С.-Готарда на дикія окрестности. „Зачѣмъ я не живописецъ!“ воскликнулъ онъ, смотря на переходъ войскъ черезъ Бинтнеръ: „дайте мнѣ Вернета [1]), и пусть онъ увѣковѣчитъ это мгновеніе нашей жизни!“ „Провидѣніе забросило насъ за облака: отсюда шагъ—и мы на экваторѣ или подъ полюсомъ—сгоримъ или замерзнемъ!“ писалъ онъ митрополиту Амвросію. „Знаешь ли ты трехъ сестеръ, которыя перевели насъ черезъ горы?“ говорилъ онъ Милорадовичу: „Онѣ называются: *Вѣра*, *Надежда*, *Любовь*. Съ ними Богъ! Выбери себѣ героя, догоняй его, обгони его! Мой герой—Цезарь. Альпы за нами, и Богъ передъ нами! Орлы русскіе облетѣли орловъ римскихъ!“

На возвратномъ пути въ Россію, въ Нейтитчейнѣ [2]), гдѣ умеръ и похороненъ Лаудонъ, Суворовъ хотѣлъ видѣть гробницу этого великаго человѣка. Долго задумчивый стоялъ онъ и смотрѣлъ на длинную латинскую эпитафію [3]) гдѣ исчислены были дѣла и чины Лаудона. „Къ чему такая длинная надпись!“ сказалъ онъ. „Завѣщаю тебѣ мою волю“, прибавилъ Суворовъ, обращаясь къ директору канцеляріи своей, „на моей гробницѣ написать только три слова:

„Здѣсь лежитъ Суворовъ“.

Кто думалъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наступитъ время исполнить горестный завѣтъ великаго!

Въ Прагѣ Суворовъ простился съ русскими войсками. Онъ прослезился и ничего не могъ сказать имъ. Ряды воиновъ безмолвствовали. Они чувствовали, что видятъ Суворова въ послѣдній разъ.

По Н. Полевому.

---

[1]) *Горасъ Верне*—французскій живописецъ извѣстн батальными картинами.—[2]) *Нейтитчейнъ*—городокъ въ Моравіи.—[3]) *Эпитафія*—надгробная надпись.

Digitized by Google

VI.

ПРОЗА ОПИСАТЕЛЬНАЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

1. Іерусалимъ.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы начали подниматься на торжественныя крутизны Іудеи. Въѣхавъ на горы, мы скоро поровнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунъ*, гдѣ, по преданію, родился распятый одесную Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая.

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоніе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути мы выѣхали въ узкій дефилей [1]) самой дикой наружности: онъ задержалъ наше стремленіе. Горы іудейскія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то необыкновенно вдохновительнаго. Вскорѣ нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревъ обозначаютъ границу земель Рамлы и Іерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталыхъ лошадей нашихъ у колодцевъ. Часы быстро летѣли, и я сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться диче и обнаженнѣе, но лиловый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосками мховъ, пріятно оттѣнялъ ихъ. Путь въ иныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Іерусалимъ; но горы продолжали вставать передо мною, перемѣнивъ прежній оттѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святого города при свѣтѣ дня. Я далеко опередилъ своихъ спутниковъ. Въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ—и, конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поровнявшись со мною, закричалъ мнѣ: *скоро! скоро!* Такое предвѣдѣніе поразило меня удивленіемъ; я ему сказалъ все, что зналъ по-арабски нѣжнаго за радостное извѣстіе. Я поднялся на высоту,—вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Кинувъ повода лошади, я бросился на землю съ сладкими слезами. Я узналъ гору Элеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спут-

[1]) *Дефилей*—тѣснина.

Digitized by Google

ники мои нагнали меня и также повергліись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ и не сводя глазъ съ этого священнѣйшаго мѣста земного шара, мы спускались, уже пѣшіе, по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно,—покровъ печали облегалъ Іерусалимъ... Вожатый сказалъ мнѣ, что если не сядемъ на лошадей, то съ захожденіемъ солнца, близкаго уже къ горизонту, ворота Іерусалима затворятся. Это меня испугало; я боялся, чтобы святыня не скрылась отъ меня, и поспѣшилъ въ лоно святого города вкусить полную чашу блаженства, совершивъ свой обѣтъ.

Мы въѣхали въ укрѣпленныя Виѳлеемскія или Яфскія ворота и очень скоро сошли у дверей патріаршей обители. Это было марта 31-го числа. Сынъ далекаго сѣвера, я не менѣе того вступилъ въ Іерусалимъ, какъ въ свою родину, близкую сердцу моему. Послѣ долгаго пребыванія съ невѣрными, радостно было мнѣ посреди братій, подъ кровомъ иконъ нашей церкви. Я едва вѣрилъ, что нахожусь близъ Гроба Христова, и поспѣшилъ въ храмъ, но двери его, стрегомыя мусульманами, были еще заперты. Митрополитъ пригласилъ меня итти вмѣстѣ съ нимъ къ заутренѣ.

Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня. Обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, когда я увидѣлъ въ ложѣ привратника сидящихъ, поджавши ноги, турокъ, съ трубками во рту и играющихъ въ шахматы,—мое сердце сжалось грустію. Толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ [1]); въ нѣсколько шагахъ отъ насъ лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами,—это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облекалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Іисусово. Но христіане не должны смущаться, что такія великія святыни находятся въ униженіи языческомъ: Спаситель міра и Себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ.

Началась заутреня. Не только что помостъ храма былъ весь покрытъ народомъ, но всѣ придѣлы, всѣ хоры, галлереи и даже нѣкоторые карнизы имѣли своихъ богомольцевъ или зрителей. Нынѣшній годъ для всѣхъ христіанъ Пасха приходилась въ одинъ и тотъ же день. Зрѣлище этой необъятной толпы, чьи лица рѣзко изображали представителей всѣхъ частей свѣта, поразительно! Глухой шумъ слитыхъ голосовъ сначала удивляетъ и безпокоитъ европейскаго христіанина, привыкшаго къ благочестію храмовъ Божіихъ; но, при видѣ непоколебимаго и ничѣмъ не развлекаемаго благоче-

[1]) *Янычаръ*—см. вын. 2 на стр. 371.

Digitized by Google

стія многихъ истинно молящихся людей, этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возженіе свѣчей съ принятіемъ ваій вдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единовѣрцевъ. Весь ходъ направился съ хоругвями и съ пальмовыми ваіями въ рукахъ, отъ греческаго алтаря, сквозь царскія двери, прямо ко Гробу Христову, который находится на противной сторонѣ окончности храма. Съ разрѣшенія митрополита, тѣ свѣтскія лица, которыя находятся въ алтарѣ, должны слѣдовать за духовенствомъ черезъ царскія двери, чтобы охранить себя отъ толпы. Впереди священнаго хода шелъ мусульманскій привратникъ храма и съ крикомъ разгонялъ бичемъ напирающую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Іерусалимъ.

Изъ пут. Норова.

2. Іерусалимъ.

Кто выразитъ всѣ чувства, волнующія грудь при внезапномъ появленіи св. града? И можно ли изъяснить рѣчами то тайное борѣніе радости и страха, которыми попеременно движется сердце въ сіе торжественное мгновеніе, когда всѣ дивныя имена Сіона, Голгоѳы и Элеона, съ юныхъ лѣтъ и только во святынѣ храмовъ поражавшія слухъ нашъ, внезапно олицетворяются предъ очарованными глазами; когда пылкія мечты младенца сбываются въ видѣніяхъ юноши, и всѣ звуки псалмовъ и пророчествъ сливаются въ одну живую картину отвергшаго ихъ Іерусалима? Тщетно приготовляешь издали духъ свой къ зрѣлищу града, мысленно представляя себѣ, какъ мало-по-малу онъ станетъ проясняться изъ туманной дали, и какъ мало-по-малу станутъ привыкать къ нему взоры и мысли. Онъ вдругъ, какъ бы изъ-подъ земли, является смятеннымъ глазамъ на скатѣ той самой горы, по площади коей пролегала трудная стезя; весь и внезапно возстаетъ онъ, въ полной красѣ обновленныхъ стѣнъ своихъ и башенъ, во всемъ величіи Ветхаго завѣта, издали—несокрушенный, какъ бы еще въ ожиданіи Новаго, и такъ, какъ онъ всегда рисуется воображенію, со всѣми своими бойницами и вратами. Гора Элеонская въ яркихъ лучахъ вечера и пустыня Мертваго моря въ туманахъ ограничивали за нимъ священный горизонтъ, и я стоялъ въ безмолвномъ восторгѣ, теряясь въ ужасѣ воспоминаній.

Муравьевъ.

3. Ночь на Везувіи.

Я вскочилъ на добраго коня, проводникъ мой взобрался на осла—и мы поѣхали между виноградниками, которыми покрыта подошва Везувія. Далѣе—сѣрая, угрюмая пустыня. Это море лавы, нѣкогда бушевавшее. Конь мой шагалъ по старинным руслам огненныхъ потоковъ. Часа черезъ два ѣзды мы были на небольшой

платформѣ, лежащей маленькимъ оазисомъ посреди безмолвной нагорной пустыни. Я поспѣшилъ насытить мои глаза зрѣлищемъ блистательной панорамы, открывшейся съ этой высоты. Прекрасная поляна, озаренная розовымъ и золотымъ блескомъ вечера, разстилалась подо мной, какъ эдемъ, охраняемый со всѣхъ сторонъ горами, которые принимали различные оттѣнки опаловъ. Улыбающіяся виллы дремали посреди лавровыхъ и миртовыхъ садовъ.

Теперь понимаю, почему широкія скалы Везувія усѣяны виллами и селеніями, почему каждый лоскутъ земли такъ смѣло оспаривается у волкана. Неаполитанцу дорога его *гора*, какъ кормилица; онъ былъ бы глубоко огорченъ, еслибъ Небо лишило Неаполь благодѣтельнаго волкана. Всѣ эти города, построенные на развалинахъ другихъ городовъ, погубленныхъ и лавой, и пепельнымъ дождемъ, и землетрясеніями, всѣ опять спокойно, охраняемые изображеніемъ святого Януарія. Настанетъ грозный часъ: колодцы мгновенно высыхаютъ; земля колеблется какъ море; волкана не видно, но слышенъ ревъ его, и рѣки лавы, огненными цѣпями, медленно, неотразимо спускаются къ садамъ и жилищамъ: пышные виноградники блѣднѣютъ и чахнутъ въ одно мгновеніе: листья деревьевъ желтѣютъ, и огонь отъ корня разливается по вѣтвямъ... Когда же постигнутые несчастіемъ люди, изумленные, видятъ, что палящая рѣка переступила за деревянный крестъ, поставленный ей преградой, тогда ужасъ заступаетъ мѣсто безпечности.

Прошло нѣсколько дней, и на мѣстѣ гибели и разрушенія громоздятся новыя плоско-кровельныя жилища. При видѣ здѣшнихъ очаровательныхъ мѣстъ, эта безпечность понятна. Природа, когда перестаетъ губить, становится здѣсь такъ обольстительна, съ такою изумительною щедростью торопится прикрыть слѣды своей ярости. Везувій губитъ въ продолженіе немногихъ дней, оплодотворяя почву на цѣлые вѣка. Поглядите на Резину, построенную на трупѣ Геркулана. Справа и слѣва—слѣды страшнаго разрушенія: высоко надъ городомъ—вѣчно дымящійся сосѣдъ, ежеминутно грозящій гибелью: но куда ни поглядишь—жизнь здѣсь кипитъ, какъ будто эта земля никогда не знала ни единой могилы. Веселые горожане, въ алыхъ колпакахъ на черныхъ кудряхъ, при звонкихъ пѣсняхъ, сплетаютъ виноградныя лозы съ вѣтвями шелковичныхъ деревьевъ. Женщины, сидящія у своихъ дверей, прядутъ ленъ, и мелодическая итальянская болтовня звучитъ по улицѣ, между тѣмъ какъ черноглазые ребятишки прыгаютъ въ шумныхъ хороводахъ... И ни одной изъ этихъ матерей не приходитъ на память открытый въ Геркуланѣ домикъ, гдѣ въ ваннѣ найдены два младенческіе скелета.

Сумракъ палъ. Я зажегъ мой факелъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у самой крутой горы. Отсюда кажется, что верши-

Digitized by Google

ны можно достигнуть менѣе, чѣмъ въ четверть часа. Дорога крута; ноги тонутъ въ сыпучей золѣ, но я шагаю съ энергіею отъявленнаго туриста и оставляю проводника далеко за собою. Чтобъ подвинуться впередъ на шагъ, надо шагнуть три раза. Между тѣмъ сумракъ густѣетъ, но какой сумракъ! Это голубое небо, опускающееся на землю. Живописцы сознаютъ, что такого колера на палитрѣ не существуетъ.

Мы подвигались впередъ весьма непрытко. Глубокія волны пепла и шлаковъ [1]) были намъ помѣхою. Вѣтеръ потушилъ мой факелъ. Я продолжалъ подыматься посреди глубокаго мрака. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня; желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ: но ни кратера, ни пламени не видно до той минуты, покуда не ступишь на вершину, иди, точнѣе, на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами волкана. Посреди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается коническій холмъ; это кратеръ, это голова волкана съ вѣчно-открытою чудовищною пастью, изъ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе: кругомъ меня опять темно; рѣзкій вѣтеръ, дующій здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что вершина волкана— самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная, нерасплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ, на ребрахъ конуса, блещутъ два широкіе потока, яркіе, какъ растопленное золото: это раскаленная лава.

Часть площадки, отдѣлявшей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора волкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины зіяли кровавымъ огнемъ, и изъ нихъ со свистомъ вырывался густой желтый дымъ; почва раскалилась до-бѣла и, расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ медленно лилась внизъ по склону горы,—вотъ лава! Забывъ опасность, я пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтеръ оледенялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ какъ жаръ, пышущій отъ лавы, палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались... Я старался вонзить оконечность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленнаго желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвесть глазъ отъ этого невиданнаго зрѣлища,—вдругъ облако дыма надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ; вся громада Везувія страшно дрогнула, и широкій снопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла... Багровые шары взлетѣли къ небу, посреди огненнаго дождя пепла: это

[1]) *Шлакъ*— сплавъ, пѣна лавы.

Digitized by Google

раскаленные камни, куда въ два величиною, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Меня уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего бояться. Брошенные вверхъ перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ же самомъ направленіи въ жерло или на его закраины. Нѣсколько секундъ волканъ дрожалъ подъ моими ногами, и снова все погрузилось въ мракъ; но глухое клокотаніе въ жерлѣ не умолкало, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево.

Я чувствовалъ неодолимое влеченіе къ этому грозному дѣятелю природы: мнѣ хотѣлось заглянуть въ лабораторію, гдѣ работаютъ его таинственныя силы; я былъ отъ этой мастерской такъ недалеко... Ни удушливые газы, ни сѣрнистый дымъ, ни зола, взвѣваемая вѣтромъ, не могли остановить меня. Я покушался взобраться на самый конусъ, до края широкой бездны,—но колебавшаяся подъ моими ногами кора кратера и новые взрывы волкана остановили меня на полъ-пути. По скользкимъ сугробамъ золы я скатился назадъ на площадку, ошеломленный, черный и опаленный.

Я провелъ ночь на волканѣ. Луна взошла поздно. Мой вожатый разнѣжился, лежа въ теплой золѣ, и заснулъ какъ убитый. Я, сидя на грудѣ камней, глядѣлъ внизъ. Подъ яркимъ блескомъ итальянской луны море сверкало, и ясно обозначалось бѣлѣющее зданіями полукружіе береговъ Неаполя; ночные огни, и неподвижные, и перебѣгающіе одинъ за другимъ, постепенно погасли. Утро было близко. Звѣзды блѣднѣли; на востокѣ, за темной стѣною Аппенинъ, бѣлесоватая полоса яснѣла и яснѣла. Воздухъ становился неизъяснимо прозраченъ. Небеса были пріятнаго фіалковаго цвѣта. Вдали, утесистые берега Сорренто, скалы Капри [1]) сбрасывали съ себя ночныя покрывала и являлись въ полномъ блескѣ цвѣтистыхъ утреннихъ нарядовъ. Не помню ни одной картины, не знаю ни одной страницы, гдѣ бы эти магическіе эффекты были выражены удовлетворительно.

Свѣжій разсвѣтный вѣтерокъ вызвалъ десятки парусовъ на голубыя зыби залива. До меня долеталъ шопотъ пробудившихся селеній, вмѣстѣ съ утреннимъ ароматомъ лимонныхъ садовъ. Морской вѣтерокъ заколыхалъ фестоны виноградныхъ лозъ, сплетенные съ вѣтвями тополей. Солнце, поднявшееся надъ мертвой Помпеей, разсыпало свои искры по волнамъ. Въ минуту горизонтъ былъ потопленъ золотистымъ паромъ, воздухъ наполнился благоуханіемъ. Все въ природѣ, казалось, готовилось къ какому-то торжеству. Волканъ трепеталъ и бормоталъ. Румяное облачко, ночевавшее на сосѣдней горѣ, подплыло къ вершинѣ Везувія... Я воображалъ, что сейчасъ

---

[1]) *Сорренто*—городокъ, подальше Везувія. *Капри*—скалистый островъ.

Digitized by Google

зароюсь въ розовый пухъ,—и былъ окутанъ густымъ холоднымъ туманомъ... Нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ тучѣ, подарили меня лихорадкой. Потомъ я видѣлъ, какъ облако, улетая, таяло въ воздухѣ на первыхъ лучахъ солнца.

Яковлевъ.

---

4. Очерки Швеціи.

I

СТРАНА И ЖИТЕЛИ.

Швеція, если судить по тому, что намъ удалось видѣть во время нашего путешествія, есть гранитное царство. Вездѣ слой земли, болѣе или менѣе тонкій, покрываетъ гладкую площадь гранитную, и вся поверхность этой площади усыпана обломками того же гранита, которые всѣ вообще имѣютъ круглую форму, подобно камнямъ, скопляющимся на днѣ быстрой рѣки, которая силой воды мчитъ ихъ и мало-по-малу округляетъ. Эти гранитные обломки, составляющіе нѣмое преданіе о какомъ-то давнишнемъ боѣ стихій, представляютъ явленія разительныя. Иногда посреди широкаго зеленаго поля лежитъ огромная скала, совершенно голая, слегка подернутая мохомъ, какъ желѣзо ржавчиною, и видно, что она откуда-то прикатилась, ибо не составляетъ продолженія той поверхности, на коей лежитъ, а только едва къ ней прикасается своею отдѣлившеюся отъ нея базою [1]). Иногда множество гранитныхъ обломковъ лежитъ кучею, подобно зернамъ, вдругъ высыпавшимся изъ какого-то огромнаго сосуда. Иногда эти крупные и мелкіе обломки разсыпаны по плоскому мѣсту и составляютъ лабиринтъ скалъ, подобный Алупкинскому саду въ Крыму, съ тою только разницею, что здѣсь камни голы, зеленый плющъ ихъ не одѣваетъ, и между ними не пробиваются лавры, а вмѣсто живописныхъ деревьевъ юга, обвитыхъ плющемъ и виноградомъ, торчатъ на ихъ голыхъ вершинахъ и бокахъ однообразныя ели и сосны и изрѣдка березы, которыхъ корни сквозь трещины гранита проникаютъ въ землю и, переплетаясь на поверхности камня, составляютъ для него какое-то чудное, кружевное покрывало. Промежутки между этими камнями покрыты пашнями, которыя во время нашего путешествія (отъ долговременной засухи) не представляли большой надежды на богатую жатву.

Хижины поселянъ разсѣяны по полямъ и не составляютъ, какъ у насъ, отдѣльныхъ селеній. Въ нихъ вообще видна опрятность. Но архитектура ихъ не живописна и не имѣетъ никакого особеннаго характера: крутыя кровли (соломенныя или тесовыя); стѣны изъ об-

---

[1]) *База*—основаніе.

Digitized by Google

тесанныхъ бревенъ; довольно большія окна, отъ которыхъ внутри хижинъ должно быть всегда свѣтло и слѣдственно весело,—и вообще всѣ стѣны, снаружи выкрашенныя темнокирпичною краскою (сберегающею ихъ отъ дѣйствія внѣшней температуры), отчего хижины мало отдѣляются отъ окружающаго ихъ ландшафта и тогда только бываютъ очень замѣтны, когда на нихъ ярко свѣтитъ солнце. Жители этихъ хижинъ вообще красивой наружности. Они привѣтливы. Въ ихъ обращеніи чувствительно какое-то непринужденное доброжелательство и простодушіе (сколько можно судить объ этомъ тому, кто, не зная ихъ языка, не могъ съ ними завести разговора). Особенно между женщинами множество прекрасныхъ, бѣлокурыхъ, съ голубыми, часто весьма выразительными глазами. Это особенно было замѣтно въ городахъ. Окна часто составляли рамы живыхъ картинъ,—и въ каждой изъ этихъ рамъ являлась группа изъ пяти или шести лицъ, между коими всегда половина была прекрасныхъ.

II.

ѣзда на почтовыхъ.

Между этими скалами, по этимъ полямъ и лѣсамъ, проложены прекрасныя дороги. Ихъ содержать въ исправности не трудно. Матеріалъ для этого почти вездѣ подъ рукою. Но онѣ вездѣ очень узки, и отъ неровности мѣстъ, отъ множества камней, повсюду разбросанныхъ, вьются какъ змѣи. По этимъ излучистымъ, узкимъ дорогамъ, на коихъ нигдѣ нѣтъ перилъ, маленькія шведскія лошади несутся съ тобою во весь опоръ, и подъ гору быстрѣе, нежели по ровному мѣсту. Почтовая ѣзда учреждена здѣсь особеннымъ образомъ. На станціяхъ нѣтъ лошадей. Эти станціи служатъ для нихъ только сборнымъ мѣстомъ на случай пріѣзда путешественника, который (если онъ ѣдетъ въ своемъ экипажѣ) долженъ имѣть и свою сбрую и своего кучера—и этотъ кучеръ одинъ служитъ ему на все его путешествіе. Впередъ отправляется нарочный, по наряду котораго собираются на станціяхъ въ назначенный часъ нужныя лошади. Эти лошади крестьянскія, не привыкшія къ большимъ экипажамъ и неизвѣстныя тому, кто долженъ ими править. Не смотря на то, онъ бодро садится на козлы и погоняетъ безъ милосердія свою четверню или шестерню (смотря по экипажу), не заботясь о томъ, по ровному ли мѣсту онъ скачетъ, или подъ гору. Иногда, при началѣ спуска, не знаешь, что подъ горою: оврагъ или рѣка, есть ли мостъ, нѣтъ ли встрѣчнаго; лошади скачутъ, кучеръ погоняетъ, и говорятъ, что здѣсь не слыхано, чтобы кто-нибудь былъ опрокинутъ. А за коляской сидитъ хозяинъ лошадей, а иногда два или три

Digitized by Google

(если экипажъ запряженъ четверкою или шестеркою). Они висятъ сзади, какъ мѣшки, уцѣпившись одинъ за другого, и такимъ образомъ болтаются до смѣны, гдѣ имъ возвращаютъ ихъ лошадей и платятъ за проѣздъ.

III.

ОЗЕРО МЕЛАРНЪ.

Особенную красоту шведской природы составляютъ великолѣпныя озера, тамъ повсюду разсыпанныя. Зрѣлище, представляющееся на этихъ озерахъ, весьма сходно съ тѣмъ, которое представляетъ вся окружающая ихъ сторона. Вмѣсто зеленыхъ полей вообразите только равнину водъ, и вы увидите надъ водами тѣ же группы камней и скалъ, которыя являются между полями, составляя на сушѣ каменныя, покрытыя елями и соснами возвышенія, отдѣльные голые или лѣсистые холмы—или просто отвалившіяся, Богъ знаетъ откуда, скалы; а посреди озера большіе и малые острова, то отлогія, то крутыя, то лѣсистыя, то голыя и торчащія изъ водъ скалы, или отдѣльныя, или набросанныя странными грудами. Эти озера прелестны; но ихъ нельзя сравнивать ни съ озерами Швейцаріи и Тироля, ни съ озерами Италіи.

Озеро Меларнъ самое живописное изъ большихъ озеръ Швеціи. Особенную прелесть даютъ ему излучины его гранитныхъ береговъ, покрытыхъ елями, соснами и березами, не крутыхъ и даже не разнообразныхъ, но придающихъ озеру какую-то оригинальную живописность тѣмъ, что они то стѣсняются—и озеро представляетъ тогда широкую рѣку между лѣсистыми берегами, то расходятся—и тогда передъ глазами прекрасная равнина водъ, усыпанная большими и малыми островами, которые своими живописными группами составляютъ отличительный характеръ Меларна передъ другими большими озерами Швеціи. При свѣтѣ солнца, особливо въ тихую погоду, эти острова составляютъ зрѣлище очаровательное. Иногда видишь густую рощу, которой вѣтви наклоняются до поверхности воды, и которая подымается изъ озера огромною зеленою массою, скрывая отъ глазъ свое гранитное основаніе. Иногда разсыпана по водамъ группа гранитныхъ округленныхъ скалъ: иныя голы, иныя покрыты густымъ кустарникомъ, на иной торчитъ всего-на-все одна ель, какъ будто уцѣпившаяся за нее своими корнями, чтобы спастись отъ бури. Иногда совсѣмъ не видно гранита, а видно нѣсколько деревьевъ, выходящихъ изъ воды и какъ будто выросшихъ на влажной ея поверхности. Все это оживлено лодками и судами, коихъ распущенные паруса величаво поднимаются между группами малыхъ острововъ или прелестно бѣлѣютъ на темномъ грунтѣ лѣси-

стаго берега. Повсюду по берегамъ, входящимъ въ озеро длинными мысами, или принимающимъ его въ себя глубокими заливами, мелькаютъ замки, церкви, крестьянскіе домы.

IV.

ЗАМОКЪ.

На берегу Меларна, во глубинѣ одного изъ заливовъ, весьма живописно лежитъ старинный замокъ Грипсгольмъ, замѣчательный и своею архитектурою, и своими историческими воспоминаніями. Мы пріѣхали въ него почти въ семь часовъ вечера. На пути туда преслѣдовала насъ ужасная гроза съ проливнымъ дождемъ. Но она утихла скоро, и небо было ясно, когда мы вступали въ древнія стѣны Грипсгольма. Наконецъ я глазами увидѣлъ одинъ изъ тѣхъ шведскихъ замковъ, о которыхъ такъ много было разсказано моему воображенію *во время оно*. Шведскіе замки, возвышающіеся на берегу озеръ, посреди лѣсистыхъ скалъ, имѣютъ особенную репутацію: въ каждомъ гнѣздится привидѣніе. Грипсгольмъ по своей наружности болѣе другихъ достоинъ былъ такой славы. Стѣны его составляютъ неправильный многоугольникъ. По угламъ возвышаются башни. Внутри стѣнъ два тѣсныхъ двора также неправильной фигуры. Внѣшній дворъ замѣчателенъ для насъ особенно тѣмъ, что посреди его стоятъ двѣ пушки, отнятыя шведами у русскихъ въ 1581 году и вылитыя русскимъ мастеромъ Андреемъ Чоховымъ, одна въ 7085, а другая въ 7087 году отъ сотворенія міра [1]). Подъ сводомъ воротъ, ведущихъ на этотъ дворъ, есть тѣсная дверь, черезъ которую спускаешься въ мрачное подземелье. Тамъ въ стѣнѣ есть узкая, низкая, совершенно темная келья съ тяжелою дверью. Въ этой кельѣ умеръ отъ голода брошенный въ нее епископъ. Какъ его звали, теперь не вспомню.

Мы всѣ собрались въ старинной залѣ, въ которой во время Густава Вазы, построившаго замокъ (т. е. въ половинѣ XVI вѣка), собирались сановники Швеціи, гдѣ король пировалъ съ многочисленными гостями, и гдѣ вокругъ стола его, великолѣпно убраннаго, тѣснилась, по тогдашнему обычаю, толпа зрителей. Эта палата имѣла для моего воображенія особенную прелесть тѣмъ, что въ ней все сохранилось въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было при Великомъ Густавѣ: огромныя окна съ широкими простѣнками; деревянныя панели весьма высокія, окружающія всю залу; стѣны, обвѣшанныя портретами королей шведскихъ во весь ростъ; мѣсто для оркестра

---

[1]) Дабы узнать годъ отъ Р. Х., должно вычесть 5508.

Digitized by Google

и для буфета; штучный, деревянный рѣзной потолокъ. Посреди этихъ древностей мы, молодые и старые, пировали весело, и, можетъ быть, изъ насъ кто-нибудь сидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за три вѣка передъ симъ старикъ Ваза пилъ изъ своего кубка, сидя между своими двумя сыновьями, которыхъ судьба дала такую трагическую знаменитость замку Грипсгольму.

За столомъ сказали мнѣ, что изъ всѣхъ комнатъ замка, та именно, которая была отведена мнѣ для ночлега, была особенно предпочитаема тѣми привидѣніями, кои издавна выбрали его мѣстомъ своего пребыванія. Это заставило меня задуматься—и то, что насъ окружало, получило въ глазахъ моихъ какую-то сверхъестественную таинственность. Вдругъ смотрю на зрителей (которые за нашими стульями составляли какую-то живую, подвижную картину, надъ которою огромные старинные портреты подымались неподвижнымъ фронтомъ и представляли рядъ безмолвныхъ зрителей, какъ будто пришедшихъ съ того свѣта узнать, что̀ дѣлаетъ поколѣніе нашего вѣка)—и что же вижу? Блѣдная фигура съ оловянными глазами, которые тускло свѣтились сквозь очки, надвинутыя на длинный носъ, смотритъ на меня пристально. Я невольно вздрогнулъ. Фигура тронулась, прошла мимо зрителей такъ тихо и медленно, что, казалось, не шла, а вѣяла, и вдругъ пропала. Кто была эта гостья—не знаю. Но мнѣ пришло въ голову, что это былъ образчикъ того явленія, которое ожидало меня ночью.

Вотъ мы отужинали. Но прежде, нежели разошлись, пошли осматривать старинныя комнаты замка—и между ними замѣтили особенно ту, которая служила тюрьмою Іоанну, сыну Густава Вазы, заключенному въ ней братомъ, королемъ Эрикомъ XIV. Въ ней ничто не перемѣнилось; а для насъ былъ особенно замѣчателенъ въ ней тотъ нишъ, въ которомъ стояла постель супруги Іоанна. Здѣсь родился Сигизмундъ, бывшій послѣ королемъ польскимъ и игравшій такую бѣдственную роль въ смутныя времена Россіи. Но эта тюрьма есть великолѣпное жилище въ сравненіи съ тою ужасною темницею, въ которой послѣ былъ запертъ Іоанномъ Эрикъ, лишенный имъ престола, потерявшій отъ горя разсудокъ и потомъ брошенный въ ужасное подземелье, гдѣ наконецъ погибъ отъ яда. Въ этой тюрьмѣ всего-на-все одно узенькое окно, сквозь которое чуть виденъ лоскутокъ неба, сливающагося съ озеромъ въ отдаленіи. Передъ этимъ окномъ съ утра до вечера стоялъ заключенный Эрикъ, опершись на него локтемъ, которымъ вытеръ въ кирпичѣ ямку, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ упиралась нога его, и теперь чувствительна впадина.

Digitized by Google

V.

КОМНАТА ЗАМКА.

Наконецъ мы разстались, и я пришелъ въ свою комнату, довольно приготовленный къ тому, что меня тамъ ожидало. Вотъ ея описаніе. Узенькая, недлинная лѣстница винтомъ идетъ въ переднюю, обвѣшанную старинными портретами, съ темною каморкой, гдѣ приготовлена была постеля для моего человѣка. Изъ этой мрачной передней входъ въ круглую спальню съ двумя огромными окнами, идущими отъ потолка до полу. Но эти огромныя окна едва могутъ освѣщать комнату, ибо стѣны ея аршина въ три толщиною—и окна кажутся какъ будто на концѣ коридоровъ. Стѣны этой спальни также обвѣшаны огромными портретами, изъ которыхъ многіе новые, напримѣръ портреты императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича. За то другіе кажутся выходцами съ того свѣта. Особенно не понравились мнѣ два женскихъ портрета... И всѣ эти портреты смотрятъ на тебя пристально, такъ что никуда нельзя оборотить головы, не встрѣтивъ мертвыхъ, вытаращенныхъ на тебя глазъ. Въ простѣнкѣ зеркало, въ которомъ темно и пусто. На столѣ другое зеркало, въ которомъ такая же темнота и пустота. Противъ зеркала огромная, длинная печь, изъ темныхъ кафель, похожая на неподвижнаго великана съ отрубленной головой въ черной мантіи. Противъ оконъ глубокій темный альковъ съ старинною кроватью—и въ ногахъ этой кровати маленькая потаенная дверь, ведущая Богъ знаетъ куда, ибо, отворивъ ее, увидѣлъ я передъ собою мрачный, длинный, узкій каменный коридоръ со сводомъ, изъ котораго такъ и повѣяло на меня сыростію могилы. Къ довершенію всего, на этой потаенной дверцѣ виситъ портретъ, на который нельзя взглянуть не содрогнувшись: лицо какъ будто какого-то старика—но какія черты его? и видишь ихъ, и нѣтъ; да то поражаютъ тебя глаза, въ которыхъ явственны одни только бѣлки, и эти бѣлки какъ будто кружатся и все за тобою слѣдуютъ.

Такова была храмина, приготовленная мнѣ для ночлега въ замкѣ Гринсгольмѣ. Вотъ я раздѣлся. Человѣкъ мой ушелъ, заперся въ своей каморкѣ, и скоро его храпѣніе возвѣстило мнѣ, что онъ погрузился въ глубокій сонъ. Я остался одинъ—и, по своему обыкновенію, началъ ходить по комнатѣ, куря свою сигару. Чувствительно было, что въ замкѣ все мало-по-малу засыпало. Нѣсколько разъ слышались голоса — они замолчали. Нѣсколько разъ слышались шаги идущихъ черезъ дворъ или по лѣстницамъ, или двери стучали затворяясь,—наконецъ все это умолкло; стало совершенно тихо. Я слышалъ одни только собственные шаги свои; со мной ходила моя тѣнь,

Digitized by Google

то являлась передо мною, то слѣдовала сзади, то вдругъ протягивалась по потолку—и отъ этого въ темномъ зеркалѣ, на которое я иногда косился, замѣтно было какое-то движеніе.

Было уже за полночь. Ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, я подходилъ часто къ окнамъ. Передъ самыми окнами растутъ деревья. Сквозь нихъ видъ на озеро Меларнъ, которое вдали сливается съ горизонтомъ, и отъ этого кажется (особенно въ лѣтнюю, полусвѣтлую ночь), что за этими деревьями все оканчивается, и что замокъ стоитъ на краю пустого пространства. И ночь была удивительно тиха. Ни малѣйшаго слѣда волны не было замѣтно на озерѣ. Можно было пересчитать листья, которые всѣ вырѣзывались на туманной бѣлизнѣ воды и неба и были совершенно неподвижны. Не помню, чтобы когда-нибудь прежде я имѣлъ такое полное, таинственное чувство тишины, которое въ то же время есть и глубокое чувство жизни. Удивительное молчаніе царствовало повсюду. Все вокругъ меня спало, кромѣ одного только паука, который работалъ въ окнѣ, то тихо опускался по длинной своей паутинѣ, то быстро прялъ своими ножками, подымаясь вверхъ—и это движеніе безъ всякаго шороха только-что увеличивало чувство всеобщаго спокойствія. Такимъ образомъ прогуливался я болѣе часу по своей комнатѣ.

Наконецъ надобно было рѣшиться загасить свѣчу и лечь спать...

Жуковскій.

5. Гибралтаръ.

Трудно представить себѣ что-нибудь величавѣе вида Гибралтара: это громадная скала, раздѣлящаяся на-трое. На серединномъ и самомъ высокомъ отдѣлѣ ея гордо вѣетъ англійскій флагъ; южный отдѣлъ образуетъ легкій спускъ, оканчивающійся мысомъ, называющимся *Punto de Europa*—это крайній пунктъ Европы; сѣверный отдѣлъ—высокая, перпендикулярно поднимающаяся изъ моря скала. Всѣ три отдѣла прорыты подземными батареями; рядъ плавающихъ бочекъ обозначаетъ передъ гаванью линію англійскихъ владѣній, за которою стоятъ нѣсколько англійскихъ военныхъ кораблей. Дожидаясь на набережной, пока исполнены будутъ всѣ формальности для полученія вида на жительство, разсматривалъ я густую толпу, толкущуюся у порта. Тутъ были англичане, шотландцы, итальянцы, жиды, испанцы, мавры, негры, мулаты; все это толпится вмѣстѣ въ своихъ національныхъ одеждахъ. Особенно бросаются въ глаза мавры, по ихъ живописной одеждѣ, но еще болѣе по необыкновенно-гордому спокойствію ихъ бѣлыхъ, матовыхъ прекрасныхъ лицъ, съ лоснящимися черными бородами, которыя ярко оттѣнялись на ихъ бѣлыхъ какъ снѣгъ тюрбанахъ и бурнусахъ. Африканскіе жиды носятъ какую-то полувосточную, полуевропейскую одежду, похо-

жую на бурнусы, только съ рукавами; вмѣсто тюрбановъ у нихъ на головахъ кожаныя ермолки и на ногахъ черныя туфли, тогда какъ у магометанъ желтыя. На востокѣ черный цвѣтъ есть цвѣтъ презрительный. Англичане перенесли на эту африканскую землю не только свою цивилизацію, но и всѣ свои лондонскія привычки. Въ этомъ отношеніи Гибралтаръ очень любопытенъ: Англія и Испанія лицомъ къ лицу, Западъ и Востокъ, дѣятельность Сѣвера и южный сибаритизмъ, промышленность и фантазія, цивилизація и природа. Люди среднихъ вѣковъ пренебрегаютъ всѣми усовершенствованіями своихъ сосѣдей, оставаясь вѣрными своей лѣни. Переселенцы Англіи принесли сюда всю свою терпѣливую дѣятельность, всю свою угрюмость, обыкновенную у людей, жадныхъ къ прибыли. Представьте, что модный сезонъ здѣсь тоже бываетъ лѣтомъ, какъ въ Лондонѣ, не смотря на африканскій жаръ здѣшняго лѣта. У англичанъ внѣшнія формы жизни составляютъ родъ какого-то фатума, противъ котораго все безсильно. Подъ этимъ пламенѣющимъ небомъ они настроили себѣ дома на англійскій манеръ, перетащили сюда весь свой лондонскій комфортъ и вмѣстѣ съ нимъ всѣ англійскіе предразсудки. Я никогда не забуду той нѣги, которая разлилась по всему моему существу, когда, столько мѣсяцевъ живя въ грязныхъ испанскихъ фондахъ, я въ Гибралтарѣ увидалъ себя въ превосходной англійской гостиницѣ, чистой, съ прекрасною постелью и исполненной всѣхъ самыхъ мелочныхъ удобствъ, повидимому излишнихъ, но удивительно способствующихъ къ изящному ощущенію жизни. Улицы Гибралтара похожи на улицы всѣхъ маленькихъ англійскихъ городовъ; дома безъ балконовъ, у оконъ англійскія зеленыя рѣшетки, но на каждомъ шагу поражаютъ васъ слѣды самой высокой цивилизаціи и торговой дѣятельности. Между магазинами встрѣчаются лавки мавровъ; молчаливо, съ трубками сидятъ они на подушкахъ, передъ низкими столиками, на которыхъ разложены произведенія Африки: шерстяныя и шелковыя женскія покрывала, розовое масло и другія ароматическія эссенціи. Иногда негры подаютъ имъ кофе въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ. Эта смѣсь сѣверной цивилизаціи съ восточными нравами придаетъ Гибралтару особенный характеръ. Прибавьте къ этому, что воскресенье соблюдается здѣсь съ такою же точностію, какъ въ Лондонѣ. Протестантская нетерпимость принуждаетъ даже и жидовъ на этотъ день запирать свои лавки. Театра здѣсь нѣтъ; но офицеры гарнизона составили изъ себя труппу, даютъ по временамъ представленія и берутъ за входъ по піастру. Женскія роли играются молодыми офицерами. Предразсудки сословій, столь сильные въ лондонскомъ обществѣ, перенесены и на эту дѣвственную почву. Жены офицеровъ, напримѣръ, рѣшили, что здѣсь высшее общество не должно быть смѣ-

Digitized by Google

шаннымъ, и потому принимаютъ въ свой кругъ только офицеровъ и иностранцевъ. Между англійскими купцами есть люди съ отличнымъ умомъ и образованностію, но они видятся только между собою. Мнѣ случилось быть въ высшемъ обществѣ Гибралтара, состоящемъ изъ офицеровъ и ихъ семействъ: оно было невыносимо скучно; разговоръ вертѣлся только около предметовъ, касающихся службы и повышеній; при томъ дисциплина преслѣдуетъ ихъ даже въ самыхъ гостиныхъ; этикетъ страшный. Чтобъ понять, сколько смѣшного въ этомъ напыщенномъ этикетѣ, въ этихъ домашнихъ церемоніяхъ, надобно ихъ видѣть не въ Лондонѣ, гдѣ они сглаживаются кипящею дѣятельностію и тонутъ въ страшной массѣ народонаселенія, а здѣсь, въ такомъ маленькомъ гнѣздышкѣ, какъ Гибралтаръ. Возлѣ испанскихъ нравовъ, проникнутыхъ врожденнымъ изяществомъ, это придуманное, сочиненное изящество англичанъ, ихъ такъ называемая фашіонабельность, кажется смѣшною карикатурой и пошлостью.

Превосходное шоссе вьется до самой вершины серединной скалы. Эта дорога представляетъ рядъ удивительныхъ картинъ: сквозь широкія разсѣлины проглядываютъ то мягкія линіи береговъ Испаніи, то берега Африки, съ ихъ острыми, рѣзкими очертаніями горъ, то голубая влага океана. Безпрестанно попадаются домики, уютные, красивые, чистые,—это окрестность Лондона, перенесенная подъ африканское небо, на дикую скалу. Шоссе усажено по обѣимъ сторонамъ олеандрами и густыми кустами ерани. Вокругъ нескончаемые бастіоны, батареи, часовые; изъ каждаго куста олеандра и ерани торчитъ солдатъ; куда ни взглянешь, вездѣ пушки. Съ вершины скалы открывается видъ поразительнаго величія: берега Африки до Тетуана и дальше—цѣпь горъ, постепенно возвышающихся до Атласа, котораго снѣговыя вершины теряются въ небѣ. Отсюда видны вмѣстѣ Испанія до Малаги, Средиземное море, океанъ, узкій проливъ Гибралтара; внизу суда кажутся раковинами, люди едва замѣтными муравьями. Въ формахъ этого пейзажа нѣтъ той гармоніи, къ какой мы привыкли въ европейскихъ пейзажахъ; эта несоразмѣрность, эта необъятность странно дѣйствуютъ на непривычный глазъ, но въ то же время пробуждаютъ чувство какого-то необъятнаго могущества. И все отсюда равно ярко, прозрачно, безъ границъ; очертанія неуловимы для зрѣнія; глаза свободно уходятъ въ безконечную лазурную даль; земля, небо, море—все тонетъ въ золотисто-лазурномъ свѣтѣ; нѣтъ ни линій, ни тѣней. При закатѣ солнца чудный видъ становится еще великолѣпнѣе: горы Африки покрываются пурпурно-лиловымъ паромъ, и снѣговыя вершины Атласа на темно-голубомъ небѣ свѣтятся розовыми переливами. Эта оторванная скала Гибралтара явно есть слѣдствіе одного изъ величай-

Digitized by Google

шихъ переворотовъ земли, и, безъ сомнѣнія, генералиссимъ Африка прежде составляла одинъ материкъ съ Европой. Но когда это было?

Вся скала покрыта подземными галлереями: это укрѣпленія Гибралтара. Для обозрѣнія ихъ нужно особенное позволеніе губернатора, но въ немъ никогда не отказываютъ; только надобно просить черезъ консула. Не знаю, правда ли, но мнѣ говорили люди, повидимому знающіе военное дѣло, что всѣ эти подземныя батареи не имѣютъ той важности, какую имъ приписываютъ, потому что при продолжительной стрѣльбѣ онѣ до такой степени наполняются дымомъ, что артиллеристамъ нѣтъ возможности вымостить его; даже при ученьяхъ случается съ ними отъ этого обморокъ. Кромѣ того, линіи батарей лежатъ слишкомъ высоко, такъ что трудно разсчитывать на вѣрные выстрѣлы.

На вершинѣ скалы стоитъ сторожевой домикъ; онъ порученъ шотландскому сержанту, который обязанъ наблюдать въ морѣ и извѣщать гавань сигналами объ идущихъ корабляхъ.

На склонѣ скалы, обращенномъ къ Испаніи, живутъ обезьяны: это единственное мѣсто въ Европѣ, гдѣ эти животныя водятся въ дикомъ состояніи. Онѣ укрываются въ маленькихъ пещерахъ и разсѣлинахъ; кормятся молодыми отростками низкихъ пальмъ, которыя по ту сторону горы растутъ во множествѣ. Мнѣ удалось ихъ видѣть только разъ, съ дюжину: онѣ быстро цѣплялись по скаламъ, прыгали; сержантъ говорилъ, что иногда онѣ появляются толпами штукъ въ 40 и 50. Гибралтарскія обезьяны желто-сѣраго цвѣта и безъ хвостовъ, величиною четверти въ три, точно такія же, какія водятся въ сѣверной Африкѣ, и которыхъ я видалъ въ Кадиксѣ на рынкѣ. Въ Гибралтарѣ подъ большимъ штрафомъ запрещено ловить ихъ или убивать.

Вогюэ.

3. Изъ „Путешествія въ Арзерумъ."

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Кадмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

1.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это—снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Digitized by Google

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ пачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпные ванны и домъ. Бульваръ, обсаженный липами, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь, кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль ихъ прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми бывало я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось милліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ подкумка. Здѣсь бывало сиживалъ со мною А. Раевскій, прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бешту чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

2.

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются; это называется *оказіей*. Мы дожидались не долго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрипѣлъ обозъ двуколесныхъ арбъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ

Digitized by Google

первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрипъ ногайскихъ арбъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почетномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба—вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для адѣлитаго края, сорвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы встарину не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ графа Гудовича, съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

3.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаратъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ Большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока; внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю черкесовъ, похоронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, тамга [1]), изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Digitized by Google

[1]) *Тамга*—клеймо, знакъ вообще (и *таможенное клеймо*).

4.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣдыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги... Дружба *мирныхъ* черкесовъ ненадежна; они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя сторона полна молвой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили крымскихъ татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство—простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово въ правѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ таковымъ народомъ? Должно однакожъ надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго моря, отрѣзавъ черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство, болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія. Черкесы очень недавно приняли магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ Корана, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно въ замѣну слова живого выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты.

5.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго пашалыка [1]). Небо покрыто было тучами: я на-

[1]) *Пашалыкъ*—область, управляемая пашою.

дѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается 27 верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстукъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная. Казакъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ, и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другого. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ, какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было: не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я, потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни [1]), и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія...

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. „Вотъ и Арапчай!“ сказалъ мнѣ казакъ. Арапчай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ

---

[1]) Ср. стих. „Монастырь на Казбекѣ“ (стр. 82).

Digitized by Google

завѣтную рѣку, и добрый конь занесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ: я все еще находился въ Россіи!

---

7. Троицкая Лавра ночью.

Лѣтняя ночь осѣнила Лавру, и сквозь прозрачный сумракъ еще во всемъ ея величіи возвышались древніе соборы и башни. Двѣ изъ нихъ, какъ два бѣлые исполина, стояли по краямъ моей ограды, надъ которою устроена длинная галлерея отъ архіерейскихъ покоевъ. Я ходилъ по ней уединенно и наслаждался картиною ночи. Все засыпало въ Лаврѣ послѣ долгаго всенощнаго бдѣнія; еще, быть можетъ, иные старцы стояли на молитвѣ въ келліяхъ, но тайною оставалась ихъ молитва. Мало-по-малу утихала окрестность, такъ что и слабѣйшій слышался шорохъ, и воздухъ наполнялся странными звуками, которые доступны слуху только въ совершенной тишинѣ ночи. Свѣжесть ея росистыхъ испареній растворилась еще ароматнымъ запахомъ сѣна, скошеннаго кругомъ ограды. Съ одной стороны высокій архіерейскій теремъ и готическая трапеза Св. Сергія, гдѣ передъ его иконою теплилась одинокая лампада, закрывали отъ меня прочія зданія Лавры; но въ тѣсномъ ихъ промежуткѣ легко стремилась къ нему величественная колокольня въ златомъ вѣнцѣ своемъ, и двѣ златыя главы Троицкаго собора, надъ мощами святыхъ двухъ игуменовъ, сіяли въ ясномъ небѣ, какъ ихъ невечерняя слава.

Молодой мѣсяцъ, въ колыбели облаковъ, выглядывалъ изъ-за остроконечной крыши древней водяной башни и кротко озарялъ предо мною окрестность. Садъ монастырскій, у самой подошвы высокой стѣны, обсаженный аллеями липъ и окруженный прудомъ Келарскимъ и московскою дорогою; за ними, на крутомъ берегу рѣчки Кончуры и на лѣтописныхъ высотахъ Волкуши, пять церквей Троицкаго посада съ ихъ слободами, а еще далѣе обширныя поля и рощи, разсѣянныя по оврагамъ,—такой пространный обзоръ развивался съ высокой террасы.

Кое-гдѣ между деревъ еще мелькали огни въ домахъ посадскихъ, постепенно угасая; иногда нечаянно отзывался вдали человѣческій голосъ и казался близкимъ посреди всеобщаго безмолвія, или внезапный лай чуткихъ собакъ обличалъ невидимое присутствіе мимо идущихъ запоздалыхъ богомольцевъ. Иногда топотъ копытъ и стукъ колесъ глухо будилъ гулъ на сосѣднемъ мосту, и встревоженный сторожъ сонною рукою начиналъ стучать въ свою доску; или былъ слышенъ пронзительный крикъ ворона въ башнѣ и шумъ его крылъ, біющихъ о желѣзную крышу. Изрѣдка заливался вдали

почтовый колокольчикъ по ярославской дорогѣ и звонко прибивался къ Лаврѣ, которая отъ времени до времени отвѣчала ему гармоническою октавою своего часового колокола,—и потомъ все опять замолкало.

Это только впечатлѣнія внѣшнія; но кто выразитъ всѣ тайныя чувства, волнующія грудь посреди подобной древности, подобной святыни? Они прирастаютъ къ сердцу и не идутъ съ языка! Часто нѣтъ словъ и для выраженія одного великаго подвига; а здѣсь пять славныхъ вѣковъ подавляютъ душу грузомъ своихъ событій.

Муравьевъ.

---

8. Кремль при лунномъ свѣтѣ.

Какъ прекраснѣ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, а ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ своимъ кроткимъ свѣтомъ и небеса, и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ, если хотите испытать этотъ неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій, отыщите въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безумiемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поздно вечеромъ вы никого не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извозчики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный говоръ всего Замоскворѣчья, какъ будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко, вы выше всего этого. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу густая тѣнь легла на все Замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки, и всѣ дома подернулись туманомъ. Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ, облитыя свѣтомъ главы соборовъ блестятъ попрежнему, и позлащенный крестъ Ивана Великаго горитъ яркой звѣздою въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя: какъ стройно и величаво подымаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнныя тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ. О, какъ эта торжественная тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема царей русскихъ и въ двухъ шагахъ ихъ скромныя гробницы,—какъ это все отрываетъ васъ отъ земли,

Google

тушить ваши страсти, умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Внизу все еще движеніе и шумъ, люди или хлопочутъ о дѣлахъ своихъ, или помогаютъ другъ другу убивать время; а здѣсь все тихо, все спокойно и все такъ же живетъ, — но только другою жизнію. Эти высокія стѣны, древнія башни и царскіе терема не безмолвны, — они говорятъ вамъ о былыхъ, они воспрепятствуютъ въ душѣ вашей пасть о вѣкахъ давно прошедшихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ и бѣдствія, и славу вашихъ предковъ... Испытайте это сами, придите въ Кремль попозже вечеромъ, и если вы еще не вовсе отвыкли бесѣдовать съ самимъ собою, если можете нѣсколько минутъ прожить безъ людей, то вѣрно скажете мнѣ спасибо за этотъ совѣтъ.

Загоскинъ.

9. Печерскій монастырь.

Если когда-нибудь придется вамъ быть въ Нижнемъ-Новгородѣ, сходите поклониться Печерскому монастырю. Вы его отъ души полюбите.

Уже подходя къ нему, вы почувствуете, что въ душѣ вашей становится свѣтло и безмятежно.

Сперва все бытіе ваше какъ-будто расширяется, и существованіе ваше станетъ вамъ легче отъ одного взгляда на роскошную картину приволжскаго берега. Налѣво, у ногъ вашихъ, подъ ужасною крутизною, вы увидите широкую рѣку-матушку, любимую народомъ, прославленную русскими повѣріями и пѣснями! Гордо играетъ она и блещетъ серебряной чешуей, и плавно и величественно тянется въ сизую даль. Направо, на скатѣ горы, громоздится дружною кучей между кустовъ и деревьевъ живописныя хаты, а надъ ними, на обрывѣ, вдавшемся въ рѣку, вы видите бѣлую ленту монастырской ограды, изъ среды которой возвышаются куполы церквей и келлій иноковъ.

Обогните гору; спуститесь по широкой дорогѣ къ монастырскимъ воротамъ и отряхните всѣ ваши мелочныя страсти, всѣ ваши мірскія помышленія: вы въ монастырской оградѣ.

Вокругъ васъ печально тянутся длинныя строенія. Посреди двора двѣ старинныя церкви соединяются крытыми наружными переходами. Здѣсь, въ этихъ церквахъ, безмолвныхъ свидѣтеляхъ нашей забытой старины, подъ тяжелыми ихъ сводами и рѣзными иконостасами, много было вылито и слезъ, и молитвъ отъ набѣговъ татаръ, отъ вторженій поляковъ, о славѣ и многолѣтіи князей нижегородскихъ.

Ступени церквей уже заросли травой. Кругомъ, между густымъ кустарникомъ, бѣлѣютъ памятники, и уныло наклоняются на

землю надгробные кресты. Здѣсь все дико и мрачно. Здѣсь порогъ суеты человѣческой. Здѣсь все тихо, все молчитъ, все мертво, и лишь изрѣдка монахъ въ черной рясѣ мелькаетъ тѣнью между могилъ.

Скромный домикъ архимандрита примыкаетъ къ обители всей братіи. Домикъ простъ и не роскошенъ, но изъ оконъ его, съ ветхаго его балкона, открывается самая роскошная картина, пестрѣютъ вдали всѣ богатства Россіи.

Съ одной стороны, на гористомъ берегѣ, возвышается древній кремль и чешуйчатыя колокольни высоко обозначаются на голубомъ небѣ, и весь городъ наклоняется и тянется къ привольскому скату. Съ другой, луговой стороны — взоръ объемлетъ необозримое пространство, усѣянное селами и орошенное могучими теченіями Оки и Волги, которыя смѣшиваютъ свои разноцвѣтныя воды у самаго подножія города и, смѣшиваясь, образуютъ мысъ, на которомъ кипитъ и бушуетъ всему міру извѣстная ярмарка; на этотъ мѣстѣ Азія сталкивается съ Европой, Востокъ съ Западомъ; тутъ рѣшается благоденствіе народовъ; тутъ ключъ нашихъ русскихъ сокровищъ. Тутъ пестрѣютъ всѣ племена, раздаются всѣ нарѣчія, и тысячи лавокъ завалены товарами, и сотни тысячъ покупателей тѣснятся въ рядахъ, балаганахъ и временныхъ гостинницахъ. Тутъ все населеніе толпится около одного кумира, — кумира торговли. Повсюду разбитыя палатки, привязанныя обозныя телѣги, дымящіеся самовары, персидскіе, армянскіе, турецкіе кафтаны, перемѣшанные съ европейскими нарядами, повсюду ящики, бочки, кули, повсюду товаръ — какой бы онъ ни былъ: и брилліанты и сало, и книги и деготь, и все, чѣмъ только ни торгуетъ человѣкъ. Но этого мало: вода не уступаетъ землѣ. Ока и Волга тянутся одна съ другой, какъ два огромныя войска, сверкая другъ передъ другомъ безчисленнымъ множествомъ флаговъ и мачтъ. Тутъ сюда всѣхъ именованій со всѣхъ концовъ Россіи, съ издѣліями далекаго Китая, съ собственнымъ обильнымъ хлѣбомъ, съ полнымъ грузомъ, ожидающія только разсѣна, чтобъ снова итти или въ Каспійское море или въ Петербургъ.

Какая картина, и какая противоположность! Внизу — жизнь во всемъ разгулѣ страстей, наверху — спокойствіе келліи; тамъ — перемѣнчивость, опасенія, страхъ, буйство и страсти; здѣсь — безмятежная совѣсть и слово прощенія на устахъ. И каждое утро, и каждый вечеръ надъ шумнымъ торжищемъ вселенной мирный пастырь тихо творитъ молитву и невольно думаетъ и задумывается о ничтожествѣ земной суеты.

А ночью, когда небо усѣяно звѣздами, когда въ Волгѣ отражается мѣсяцъ, и кое-гдѣ мелькаетъ на берегу забытый огонекъ, я

вдали звонко раздается звучный вёсна бурлака, какъ хорошо на этомъ мѣстѣ, какая душевная прохлада навѣвается тогда свыше, какое тихое, свѣтлое счастіе наполняетъ тогда цѣлое бытіе!

Повѣрьте мнѣ: если вамъ придется быть въ Нижнемъ-Новгородѣ, сходите поклониться Печерскому монастырю.

Гр. Соллогубъ.

16. Наводненіе въ С.-Петербургѣ 7-го ноября 1824 года [1]).

День 6-го ноября, предшествовавшій наводненію, былъ самый непріятный. Дождь и пронзительный холодный вѣтеръ съ самаго утра наполняли воздухъ сыростью. Къ вечеру вѣтеръ усилился, и вода значительно возвысилась въ Невѣ. Въ 7 часовъ я уже видѣлъ на Адмиралтейской башнѣ сигнальные фонари для предостереженія жителей отъ наводненія. Въ ночь настала ужасная буря: сильные порывы юго-восточнаго вѣтра потрясали кровли и окна; стекла звучали отъ плесковъ крупныхъ дождевыхъ капель. Безпечные жители столицы спокойно почивали послѣ дневныхъ трудовъ, не обращая вниманія на буйство стихій. Съ разсвѣтомъ мы увидѣли, что вода чрезвычайно возвысилась въ каналахъ и сильно въ нихъ волновалась. Сначала появились на улицахъ только люди, вышедшіе изъ домовъ своихъ за дѣлами: но около 10 часовъ утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая высоко воздымалась пѣнистыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала ихъ о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидѣли несчастія и съ любопытствомъ смотрѣли на сей грозный феноменъ природы, уже низменныя мѣста, лежащія по берегамъ Финскаго залива и при устьѣ Невы, были затоплены, и жители Галерной гавани, Канонерскаго острова, Гутуевскаго, деревень: Емельяновки, Тентелевой и казеннаго чугуннаго завода близъ Екатерингофа терпѣли бѣдствіе. Невозможно описать того ужаснаго явленія, которому были свидѣтелями люди, бывшіе въ сіе время на берегу Финскаго залива и чудесно спасшіеся отъ погибели. Необозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною, надъ которою распростертъ былъ туманъ отъ брызговъ волнъ, гонимыхъ противу теченія и разбиваемыхъ ревущими вихрями. Бѣлая пѣна клубилась надъ водяными громадами, которыя, безпрестанно увеличиваясь, наконецъ яростно устремились на берегъ. Множество деревянныхъ строеній, подверженныхъ первымъ ударамъ и сильному напору огромной массы воды, не могли противостоять, поколебались въ своемъ основаніи и съ

[1]) Ср. то же описаніе въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ Пушкина (стр. 200).

Digitized by Google

трескомъ обрушились. Люди спасались, кто могли, въ уцѣлѣвшіе домы, на бревнахъ, плавающихъ кровляхъ, воротахъ: нѣкоторые лишились жизни при этомъ случаѣ. Весь домашній скотъ и пожитки погибли. Вода безпрестанно прибывала, вѣтеръ усиливался, и наконецъ возвышеніе воды въ Финскомъ заливѣ простерло бѣдствіе на цѣлый городъ. Нева, встрѣтивъ препятствіе въ своемъ теченіи и не могши излиться въ море, возросла въ берегахъ своихъ, наполнила каналы и черезъ подземныя трубы хлынула, въ видѣ фонтановъ, на улицы. Въ одно мгновеніе вода полилась чрезъ края набережныхъ изъ рѣки и всѣхъ каналовъ и наводнила улицы. Трудно представить себѣ смятеніе и ужасъ жителей при семъ внезапномъ явленіи. Погреба, подвалы и всѣ нижнія жилья тотчасъ наполнились водою. Каждый спасалъ, что могъ, и выносился на верхъ, оставляя въ добычу водѣ свое имущество. Нѣкоторые, слишкомъ заботливые о спасеніи вещей и товаровъ, погибли въ погребахъ. Между тѣмъ толпы народа, бывшаго на улицахъ, бросились въ домы, другіе поспѣшили въ свои жилища; но прибывшая вода принудила ихъ спасаться, гдѣ кто могъ. Кареты и дрожки, которыя сперва разъѣзжали по водѣ, начали всплывать и спасаться на высокихъ мѣстахъ и по чужимъ дворамъ. Въ первомъ часу пополудни весь городъ (кромѣ Литейной, Каретной и Рождественской части) залитъ былъ водою, вездѣ почти въ ростъ человѣка, а въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ (какъ напримѣръ, на перекресткѣ Большой Мѣщанской и Вознесенской улицъ, у Каменнаго моста) болѣе, нежели на полторы сажени. Видъ съ бельведера дома Котомина былъ ужасный и величественный. Разъяренныя волны свирѣпствовали на Дворцовой площади, которая съ Невою составляла одно огромное озеро, излившееся Невскимъ проспектомъ, какъ широкою рѣкою, до самаго Аничковскаго моста. Мойка скрылась отъ взоровъ и соединилась, подобно всѣмъ каналамъ, съ водами, покрывавшими улицы, по которымъ неслись лѣса, бревна, дрова и мебель. Вскорѣ мертвое молчаніе водворилось на улицахъ. Около двухъ часовъ появился на Невскомъ проспектѣ военный генералъ-губернаторъ графъ М. А. Милорадовичъ, на двѣнадцати-весельномъ катерѣ для поданія помощи и ободренія жителей. Нѣсколько малыхъ лодокъ поѣхало по Морской, и большой катеръ съ нѣсколькими людьми различнаго званія, спасшимися отъ погибели на берегу Невы, сперва приставалъ къ нашему дому, а послѣ того остановился возлѣ дома Косиковскаго. На другой день этотъ катеръ стоялъ на Морской улицѣ, на мели.

Но бѣдствія на Адмиралтейской сторонѣ (кромѣ Коломны) не были столь ужасны, какъ въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ на берегу Финскаго залива, въ поперечныхъ линіяхъ Васильевскаго острова, близъ Смоленскаго поля, на Петербургской сторонѣ и вообще

Digitized by Google

въ мѣстахъ низкихъ, заселенныхъ деревянными строеніями. Тамъ большая часть домовъ повреждена, иные смыты до основанія; всѣ заботы ниспровергнуты, и улицы загромождены были лѣсомъ, дровами и даже хижинами. На многихъ улицахъ, во всѣхъ низкихъ частяхъ города, лежали изломанныя барки, и одно паровое судно огромной величины съ завода г. Берода очутилось на Коломнѣ, возлѣ сада митрополита римскихъ церквей. На Невѣ всѣ плавучіе мосты сорваны, исключая Самсоньевскаго и моста, соединяющаго Каменный островъ съ Петербургскою стороною. Всѣ чугунные и каменные мосты уцѣлѣли; но гранитная набережная Невы поколебалась, и многіе камни, особенно на пристаняхъ, сдвинуты съ мѣста или опрокинуты.

Въ третьемъ часу пополудни вода начала обывать; въ 7 часовъ уже стали ѣздить въ экипажахъ по улицамъ, и тротуары во многихъ мѣстахъ сдѣлались проходимыми. Въ ночь улицы совершенно очистились отъ воды, которая снова подчинилась своимъ законамъ теченія, оставивъ плачевные слѣды своего кратковременнаго буйства.

Булгаринъ.

---

11. Мысли при взглядѣ изъ окна въ С.-Петербургѣ [1]).

Взглянувъ на Неву, покрытую судами, взглянувъ на великолѣпную набережную, на которую, благодаря привычкѣ, жители петербургскіе смотрятъ холоднымъ окомъ,—любуясь безчисленнымъ народомъ, который волновался подъ моими окнами, симъ чудеснымъ смѣшеніемъ всѣхъ націй, въ которомъ я отличалъ англичанъ и азіатцевъ, французовъ и калмыковъ, русскихъ и финновъ, я сдѣлалъ себѣ слѣдующій вопросъ: что было на этомъ мѣстѣ до построенія Петербурга?—Можетъ быть, сосновая роща, сырой дремучій боръ или топкое болото, поросшее мхомъ и брусникою; ближе къ берегу—лачуга рыбака, кругомъ которой развѣшаны были мрежи, невода и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можетъ быть, съ трудомъ пробирался охотникъ, какой-нибудь длинноволосый финнъ...

За ланью быстрой и рогатой,
Прицѣлясь къ ней стрѣлой пернатой.

Здѣсь все было безмолвно. Рѣдко человѣческій голосъ пробуждалъ молчаніе пустыни дикой, мрачной,—а нынѣ?... Я взглянулъ невольно на Троицкій мостъ, потомъ на хижину великаго монарха, къ которой по справедливости можно примѣнить извѣстый стихъ:

Souvent un faible gland recèle un chêne immense!

---

[1]) Ср. „Мѣдный всадникъ“. Вступленіе стр. 199.

Digitized by Google

И воображеніе мое представило мнѣ Петра, который въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные! Изъ крѣпости Нюсканцъ еще гремѣли шведскія пушки; устье Невы еще было покрыто непріятелемъ, и частые ружейные выстрѣлы раздавались по болотнымъ берегамъ, когда великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. „Здѣсь будетъ городъ", сказалъ онъ, „чудо свѣта. Сюда призову всѣ художества, всѣ искусства. Здѣсь художества, искусства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую природу". Сказалъ—и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота.

Съ какимъ удовольствіемъ я воображалъ себѣ монарха, обозрѣвающаго начальныя работы: здѣсь валъ крѣпости, тамъ магазины, фабрики, адмиралтейство. Въ ожиданіи обѣдни въ праздничный день, или въ день торжества побѣды, государь часто сиживалъ на новомъ валѣ съ планомъ города въ рукахъ, противъ крѣпостныхъ воротъ, украшенныхъ изваяніемъ апостола Петра изъ грубаго дерева. Именемъ святого долженъ былъ назваться городъ, и на жестяной доскѣ, прибитой подъ его изваяніемъ, изображался славный въ лѣтописяхъ міра 1703 годъ римскими цыфрами. На ближнемъ бастіонѣ развѣвался желтый флагъ съ большимъ чернымъ орломъ, который заключалъ въ когтяхъ своихъ четыре моря, подвластныя Россіи. Здѣсь толпились вокругъ монарха иностранные корабельщики, матросы, художники, ученые, полководцы, воины: межъ ними, простой рожденіемъ, великій умомъ, любимецъ царскій Меншиковъ, великодушный Долгорукій, храбрый и дѣятельный Шереметевъ, и вся фаланга героевъ, которые создали съ Петромъ величіе Русскаго царства.

Батюшковъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Мелкія статьи и стихотворенія.

1. Для синтактическихъ упражненій въ связи съ объяснительнымъ чтеніемъ и для заучиванія наизусть.

	Стр.
1. Весна въ Россіи Карамзина	3
2. Появленіе весны Пушкина	—
3. Утро въ Пятигорскѣ Лермонтова	4
4. Утро Никитина	—
5. Вечеръ Жуковскаго	5
6. Вечеръ въ іюнѣ Д. Давыдова	—
7. Ночь въ Пятигорскѣ Лермонтова	—
8. Вечеръ Полонскаго	6
9. Цюрихское озеро Карамзина	—
10. Чудское озеро утромъ Языкова	—
11. Констанцское озеро Жуковскаго	7
12. Чудское озеро вечеромъ Языкова	—
13. Видъ съ горъ Лермонтова	—
14. Кавказъ Пушкина	8
15. Штауббахъ Карамзина	—
16. Фонтанъ Тютчева	9
17. Триммербахъ Карамзина	—
18. Водопадъ Баратынскаго	—
19. Наводненіе Карамзина	10
20. Землетрясеніе. Изъ стих. Языкова	—
21. Въ Саксонской Швейцаріи Жуковскаго	—
22. Въ Финляндіи Пушкина	11
23. Финляндскіе лѣса Батюшкова	—
24. Финляндія Баратынскаго	12
25. Весна въ Финляндіи Батюшкова	—
26. Весеннія воды Тютчева	—
27. Лѣто въ Финляндіи Батюшкова	13
28. Зарница Тютчева	—
29. Осенній вѣтеръ Григоровича	14
30. Осень Тютчева	—
31. Осенній день Гр. Л. Толстаго	—
32. Осень и зима Пушкина	15
33. Зима Тургенева	—
34. Зимній вечеръ Пушкина	16
35. Лебедь С. Аксакова	—
36. Лебеди. Изъ стих. Жуковскаго	17
37. При выѣздѣ изъ Парижа Карамзина	—
38. Москва Пушкина	18
39. Село Коломенское Загоскина	19
40. Дорога изъ Дувра въ Лондонъ Карамзина	—
41. Лондонъ Карамзина	—
42. Неаполитанскій край Батюшкова	20
43. Страсбургскій соборъ Карамзина	—
44. Казаки Карамзина	21
45. Передъ остатками древностей Карамзина	—
46. Лондонъ и Парижъ XVIII вѣка Карамзина	—
47. Французскій языкъ въ Англіи и Россіи Карамзина	22
48. Картезіанскій монастырь Карамзина	23
49. Общество Карамзина	—
50. Путешествіе Карамзина	—
51. Благодарность Батюшкова	24

Digitized by Google

Стр.
52. Справедливость Плутарха.... 26
53. На Симплонской дорогѣ Жуковскаго.... —
54. Св. Елена Лермонтова.... —
55. Могущество монголовъ Грановскаго.... 26
56. Анчаръ Пушкина.... —
57. Первобытное общество Маколея.... 27
58. Уставъ Викинга Я. Грота (изъ Фритіофа Тегнера).... —
59. Слѣды Монголовъ Грановскаго.... 28
60. Курганъ Гр. А. Толстаго.... 29
61. Англичане Карамзина.... 30
62. Парижане Карамзина.... 31
63. Петръ I и Людовикъ XIV Карамзина.... 32
64. Іоаннъ III и Петръ Великій Карамзина.... —
65. Іоаннъ III Карамзина.... 33
66. Завоеваніе Сибири Карамзинымъ.... —
67. Борисъ Годуновъ при жизни царевича Димитрія Карамзина.... 34
68. Царь Ѳеодоръ и Борисъ Годуновъ Карамзина.... —
69. Въѣздъ Самозванца въ Москву Карамзина.... 35
70. Московская чума Загоскина.... —
71. Уничтоженіе опричнины Карамзина.... 36
72. Сужденіе объ уничтоженіи самостоятельности Новгорода Карамзина.... 37
73. Участіе русскаго духовенства въ правленіи Карамзина.... —
74. Два рода читателей Жуковскаго.... —
75. Слѣдствія правосудія Митр. Платона.... 38
76. Зависимость нравственности отъ общественности Митр. Платона.... —

1. Для письменнаго изложенія и подражаній.

1. Конный дворъ С. Аксакова.... 40
2. Водяная мельница С. Аксакова.... —
3. Поромъ С. Аксакова.... 41
4. Родники С. Аксакова.... —
5. Монастырская келлія Гр. Л. Толстаго.... 42
6. Комната священника Козлова.... —
7. Дѣтскія воспоминанія С. Аксакова.... 43
8. Сѣвъ С. Аксакова.... 44
9. Сѣнокосъ С. Аксакова.... 45
10. Цвѣтъ ржи.... 46
11. Жнитво С. Аксакова.... 47
12. Хлѣбная уборка Гр. Л. Толстаго.... —
13. Возка сноповъ С. Аксакова.... 48
14. Молотьба С. Аксакова.... —
15. Подъ дубомъ Гр. Л. Толстаго.... 49
16. Изба Потѣхина.... —
17. Усадьба Тургенева.... 50
18. Боярскій домъ XVI вѣка Гр. А. Толстаго.... 51
19. Украинскія селенія XVII вѣка Костомарова.... —
20. Средневѣковыя поселенія въ Западной Европѣ Грановскаго.... 52

3. Для объяснительнаго чтенія, устнаго и письменнаго изложенія и извлеченія.

1. Преданія о Карлѣ Великомъ Грановскаго.... 54
а. Введеніе.... —
б. Карлъ Великій и Дезидерій Лангобардскій.... —
в. Карлъ Великій и змѣя.... 55
г. Возвратъ короля Карла изъ Венгріи.... 56
2. Сказаніе о Святомъ Граалѣ Грановскаго.... 58
3. Смерть Олега Карамзина.... 59
4. Лунтрандъ Кудрявцева.... —
5. Базельское преданіе Карамзина.... 60
6. Желѣзная маска Пушкина.... —
7. Солонъ у Креза Плутарха.... 62
8. Драконъ Плутарха.... 63
9. Демосеенъ. По Шлоссеру.... —
10. Смерть Сократа. По Шлоссеру.... 64
11. Аристидъ и Ѳемистоклъ Плутарха.... 65
12. Обличеніе корысти Плутарха.... 66
13. Остракизмъ Плутарха.... 67
14. Англійскіе суды Карамзина.... 68

Digitized by Google

Стр.
15. Пѣніе у спартанцевъ Плутарха.... 69
16. Иванъ и Петро Гоголя.... 70
17. Сраженіе съ змѣемъ Жуковскаго (изъ Шиллера).... 72
18. Османъ. Перед. изъ повѣсти Бенициаго.... 75
19. Свистокъ Карамзина (изъ Франклина).... 78
20. Польза наукъ Карамзина (изъ Монтескье).... 79
21. Просвѣщеніе Карамзина.... —
22. Нива Майкова.... 80
23. Катонъ и Цесарь Карамзина.... 81

4. Для объяснительнаго чтенія и произношенія наизусть.

1. Ангелъ Лермонтова.... 82
2. Монастырь на Казбекѣ Пушкина.... —
3. Птичка Пушкина.... 88
4. Доля бѣдняка Кольцова.... —
5. Сяду я за столъ Кольцова.... —
6. Птичка Плещеева.... —
7. Дубовый листокъ и чинара Лермонтова.... 84
8. Пѣсня Жуковскаго.... 85
9. Внимая ужасамъ войны... Некрасова.... —
10. Дружба. Изъ стих. Лермонтова.... 86
11. Воспоминаніе Жуковскаго.... —
12. Сосна Лермонтова.... —
13. Пѣснь Миньоны (изъ Гете) Мея.... —
14. Замокъ на берегу моря Жуковскаго.... 87
15. Тетива.... —
16. Птичка Волкова.... —
17. Сегодня я съ вами пирую, друзья... Дельвига.... 88
18. Волны и люди Лермонтова.... —
19. Пѣла, пѣла птичечка... Дельвига.... 89
20. Тучи Лермонтова.... —
21. Птичка Полонскаго.... —
22. При выходѣ изъ рудника Лермонтова.... —
23. Парусъ Лермонтова.... 90
24. Туча Пушкина.... —
25. Узникъ Пушкина.... 91
26. Желаніе Лермонтова.... —
27. Орелъ и змѣя Полонскаго.... 92
28. Умирающій гладіаторъ Лермонтова.... 93
29. Велисарій Мерзлякова.... —
30. Три пальмы Лермонтова.... 94
31. Тантал и Сизифъ въ адѣ Гнѣдича.... 95
32. Лаокоонъ и змѣи Жуковскаго (изъ Энеиды).... 96
33. Ночь Жуковскаго.... —
34. Когда волнуется желтѣющая нива Лермонтова.... 97
35. Мечтанія Майкова.... —
36. Бѣсы Пушкина.... 98
37. Дорога Полонскаго.... 99
38. Буря Козлова.... —
39. Море воетъ Д. Давыдова.... 100
40. Пловецъ Языкова.... —
41. Дубъ Козлова.... —
42. Лѣсъ осенью Майкова.... 101
43. Друзьямъ (изъ Шиллера) Струговщикова.... —
44. Передъ гробницею Кутузова Пушкина.... 102
45. Эпитафія Майкова.... 103
46. Смерть дерева Гр. Л. Толстаго.... —
47. Рубка лѣса Некрасова.... 104
48. Смерть дерева С. Аксакова.... 105

II. Басни.

1. Гуси Крылова.... 109
2. Туча Крылова.... —
3. Бумажный змѣй Крылова.... 110
4. Свинья Крылова.... —
5. Вороненокъ Крылова.... 111
Le corbeau voulant imiter l'aigle. La Fontaine.... 112

Digitized by Google

Стр.
6. Ворона Крылова ... 112
Сов и Голуби (басня Эзопа), пер. Мартынова ... 113
Graculus superbus et pavo. Phaedrus ... —
Ворона, чванящаяся чужими перьями Тредьяковскаго ... —
Le geai paré des plumes du Paon La Fontaine ... 114
7 Цвѣты Крылова ... —
8. Двѣ собаки Крылова ... 115
Два кота Измайлова ... 116
9. Собака и Лошадь Крылова ... —
10. Подагра и Паукъ Крылова ... 117
La Goutte et l'Araignée. La Fontaine ... 118
11. Тришкинъ кафтанъ Крылова ... 119
12. Квартетъ Крылова ... 120
13. Оселъ и Соловей Крылова ... 121
14. Пустынникъ и Медвѣдь Крылова ... 122
L'ours et l'Amateur des jardins. La Fontaine ... 123
15. Любопытный Крылова ... 124
16. Два мужика Крылова ... 145
17. Слонъ на воеводствѣ Крылова ... —
18. Демьянова уха Крылова ... 126
19. Ворона и Курица Крылова ... 127
20. Свинья Крылова ... 128
21. Моръ звѣрей Крылова ... —
Les animaux malades de la peste ... 130
22. Крестьянинъ и Разбойникъ Крылова ... 131
23. Мальчикъ и Червякъ Крылова ... 132
24. Муха и Пчела Крылова ... 133
Formica et Musca. Phaedrus ... 134
La Mouche et la Fourmi. La Fontaine ... —
25. Левъ и Волкъ Крылова ... 135
26. Лисица и Сурокъ Крылова ... 136
27. Лягушка и Юпитеръ Крылова ... —
28. Волкъ и Пастухи Крылова ... 137
Le Loup et les Bergers. La Fontaine ... —
29. Крестьянинъ и Топоръ Крылова ... 138
30. Мыши Крылова ... —
31. Фортуна и Нищій Крылова ... 139
32. Откупщикъ и Сапожникъ Крылова ... 141
33. Клеветникъ и Змѣя Крылова ... 142
34. Дубъ и Трость Крылова ... 143
Le Chêne et le Roseau. La Fontaine ... 144
Дубъ и Трость И. Дмитріева ... 145
35. Орелъ и Змѣя И. Дмитріева ... 146
36. Хмель Крылова ... —

III. Баллады и поэмы.

1. Утопленникъ Пушкина ... 149
2. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ Пушкина ... 151
3. Споръ Лермонтова ... 152
4. Лѣсной царь (изъ Гете) Жуковскаго ... 153
Erlkönig Goethe ... 154
5. Ночной смотръ Жуковскаго ... 155
6. Воздушный корабль (изъ Зейдлица) Лермонтова ... 156
7. Перчатка (изъ Шиллера) Жуковскаго ... 157
Der Handschuh. Schiller ... 158
8. Кубокъ (изъ Шиллера). Жуковскаго ... 159
Der Taucher Schiller ... 163
9. Гаральдъ (Уланда) Жуковскаго ... 165
10. Рыцарь Роллонъ (Уланда) Жуковскаго ... 166
11. Графъ Габсбургскій (Шиллера). Жуковскаго ... 168
Der Graf von Habsburg Schiller ... 171
12. Роландъ оруженосецъ (Уланда) Жуковскаго ... 173
13. Поликратовъ перстень (Шиллера) Жуковскаго ... 176
14. Прощаніе Гектора съ Андромахой (изъ „Иліады" Гомера) Гнѣдича ... 179
15. Изъ поэмы: Руслань и Людмила Пушкина ... 181
16. Галубъ Пушкина ... 184
17. Сидъ Жуковскаго ... 187

Digitized by Google

Стр.
18. Братья разбойники Пушкина..... 189
19. Изъ поэмы: „Кавказскій плѣнникъ“. Пушкина..... 192
20. Изъ поэмы: „Полтава“. Пушкина..... 196
21. Изъ поэмы: „Мѣдный Всадникъ“. Пушкина..... 199

IV. Романы и повѣсти.

I. Изъ романа: „Юрій Милославскій“ Загоскина. Гражданинъ Мининъ.. ... 206
II. Изъ повѣсти: „Арапъ Петра Великаго“ Пушкина..... 207
III. Изъ романа: „Ледяной домъ“ Лажечникова:
1. Ледяная статуя..... 220
2. Ледяной домъ..... 224
IV. Изъ романа: „Кузьма Рощинъ“ Загоскина Чума въ Москвѣ..... 229
V. Изъ повѣсти: „Капитанская дочка“ Пушкина:
1. Вожатый..... 238
2. Приступъ..... 245
3. Попойка..... 249
4. Мятежная слобода..... 253
4. Судъ..... 260
VI. Изъ романа „Война и миръ“ Гр. Л. Толстаго.
1. Наполеонъ передъ Москвою..... 265
VII. Изъ „Героя нашего времени“ Лермонтова.
1. Дорожныя сцены..... 270
2. Казбичъ..... 277
3. Контрабандисты..... 280
VIII. Изъ „Семейной хроники“ С. Аксакова
Добрый день Степана Михайловича..... 286
IX. Изъ „Отрочества“ Гр. Л. Толстаго.
Поѣздка на долгихъ..... 295

V. Проза повѣствовательная.

I. Изъ „Исторіи государства россійскаго“ Карамзина:
I. Древніе славяне..... 303
2. Взятіе Кіева татарами..... 306
3. Разореніе Кіева..... 307
4. Куликовская битва..... —
5. Покореніе Казани..... 310
6. Митрополитъ Филиппъ..... 317
7. Убіеніе царевича Димитрія..... 320
8. Убіеніе Самозванца..... 322
9. Осада Троицкой лавры..... 327
Изъ „Исторіи Пугачевскаго бунта“ (I—V) А. Пушкина..... 335
II. И. А. Крыловъ (1—6). Плетнева..... 356
III. Разсказы о Суворовѣ По Полевому и Милютину..... 365

VI. Проза описательная.

1. Іерусалимъ. Изъ пут. Норова..... 391
2. Іерусалимъ Муравьева..... 393
3. Ночь на Везувіи Яковлева..... —
4. Очерки Швеціи (I—V) Жуковскаго..... 397
5. Гибралтаръ Боткина..... 403
6. Изъ путешествія въ Арзрумъ Пушкина..... 406
7. Троицкая Лавра ночью Муравьева..... 411
8. Кремль при лунномъ свѣтѣ Загоскина..... 412
9. Печорскій Монастырь Гр. Сологуба..... 413
10. Наводненіе въ С.-Петербургѣ 7 ноября 1824 года Булгарина..... 415
11. Мысли при взглядѣ изъ окна въ С.-Петербургѣ Батюшкова..... 417

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

YD 19644

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C047685924

Polivanov
175988
V. 2

Digitized by Google

Digitized by Google